

Н. РУТЫЧ

БЕЛЫЙ ФРОНТ

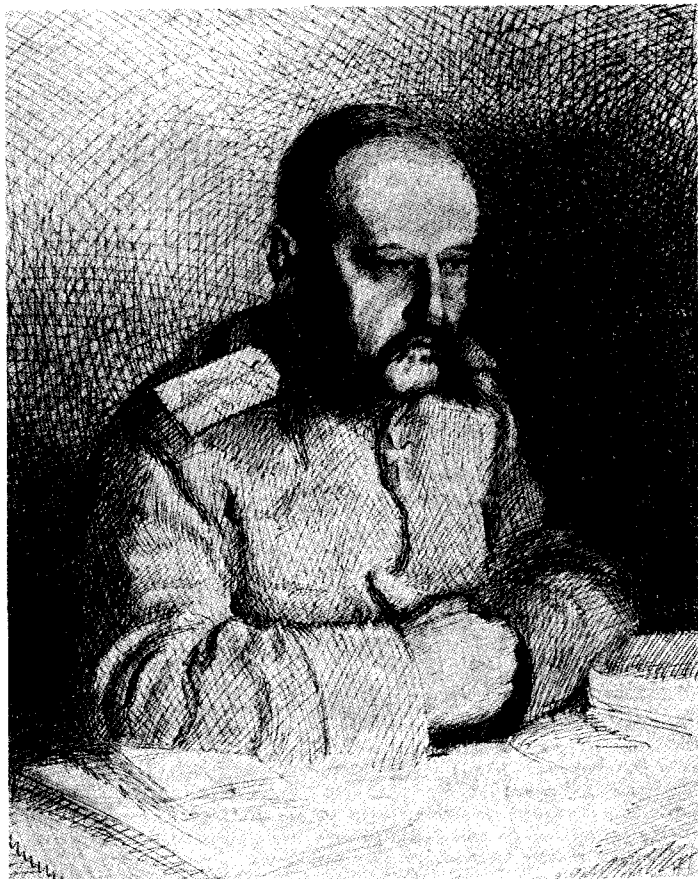
ГЕНЕРАЛА

ЮДЕНИЧА

Биографии чинов
Северо-Западной армии

Н. Юденич

Н. Рутыч
БЕЛЫЙ ФРОНТ
ГЕНЕРАЛА
ЮДЕНИЧА
*Биографии чинов
Северо-Западной армии*

Москва • Русский путь • 2002

ББК 63.3 (2) 612 92
Р 86

Редактор *И.В. Домнин*

На переплете: генерал Н.Н. Юденич (в центре) и генерал А.П.Родзянко (третий слева) с офицерами штаба Северо-Западной армии. Август 1919 года. Из архива М.Ю. Блинова

Рутыч Н.Н.

Р 86 Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. — М.: Русский путь, 2002 — 504 с., ил.

ISBN 5-85887-130-5

Труд посвящен Белому движению на северо-западе России в 1918–1919 гг. Он сочетает в себе биографический справочник и монографическое исследование. В него вошли биографии Н.Н. Юденича, А.П. Родзянко, П.В. фон Глазенапа, В.К. Пилкина, св. кн. А.П. Ливена, других генералов и офицеров (всего более 60 персоналий), составленные на основе источников отечественных и зарубежных архивов, а также личного архива автора. Раскрываются замысел генерала Юденича по овладению Петроградом, обстоятельства и причины неудачи его реализации. Показаны место и роль в операции командного звена Северо-Западной армии, участников подготовки контрреволюционного восстания в Петрограде.

ББК 63.3 (2) 612 92

ISBN 5-85887-130-5

© Н.Н. Рутыч-Рутченко, 2002
© Русский путь, 2002

Стратегический замысел Главкомандующего

Как только речь заходит о Северо-Западной армии генерала Юденича, то возникает вопрос: почему опытный полководец, не знавший поражений в Первой мировой войне, герой Эрзерума, не смог взять Петрограда? Ведь его войска достигли ближайших предместий бывшей столицы! Попытаемся в этом разобраться.

Прежде всего, сосредоточим внимание на двух вещах. Во-первых, на стратегическом замысле Главкомандующего, поскольку им определялась основная логика решений и действий Юденича. Во-вторых (что, к сожалению, часто упускается), на главной величине вооруженной борьбы — на людях, от качеств, характеров которых во многом зависят победа или поражение. Тем более, персоналии Белой борьбы на Северо-Западе пока мало освещены в исторической литературе сравнительно с персоналиями других белых фронтов. Даже крупная личность Николая Николаевича Юденича до сих пор изучена далеко не должным образом.

В нашей книге нет специальной части, посвященной замыслу операции. Детально он отражен в биографиях ключевых чинов армии. Поэтому здесь изложим его суть.

Напомним, что генерал Юденич прибыл нелегально из Петрограда в Финляндию в ноябре 1918 г. В тот момент Северная армия только формировалась в Пскове под немецкой оккупацией. Так и не получив полного вооружения, эта армия, а вернее Псковский корпус, был вынужден, вскоре после германской революции в том же ноябре 1918 г., оставить Псков и уйти в Эстонию. 6 декабря 1918 г. в Ревеле, которому угрожала Красная Армия, временно командовавший корпусом

полковник фон Неф подписал с эстонским правительством соглашение о снабжении продовольствием и снаряжением корпуса численностью 3500 человек, с условием подчинения в оперативном отношении эстонскому главнокомандующему генералу Лайдонеру.

Пока Северный корпус зимой 1918/19 г. освобождал Эстонию совместно с молодой эстонской армией, у Юденича не было и быть не могло никаких надежд на освобождение Петрограда.

Единственным реальным путем для осуществления этой операции он считал путь соглашения с главнокомандующим финской армии, регентом Финляндии генералом Маннергеймом. Учитывая присутствие в Финляндии до 4000 русских, большей частью офицеров, готовых участвовать в походе на Петроград, Юденич с первых дней 1919 г. приступил к подготовке осуществления своего стратегического замысла, сводившегося к стремительному удару по Петрограду финской армии, поддержанной русским отрядом с севера. При минимальной дистанции в 30–40 км от цели и при наличии значительного превосходства финской армии во всех отношениях перед частями Красной Армии на Карельском перешейке, таковой удар, будучи неотразимым, неизбежно приводил к захвату бывшей столицы. Внезапность и стремительный темп операции на короткой дистанции лишали красное командование времени, необходимого для маневров резервами.

Занятие Петрограда открывало перед белым командованием почти неисчерпаемые возможности для мобилизации людских и технических ресурсов при дальнейшем развертывании Северной армии, что позволяло надеяться на ее определяющую роль в ходе Гражданской войны.

Идея этой операции (при согласии на известных условиях генерала Маннергейма) была для генерала Юденича слишком соблазнительной, чтобы отказаться от нее*. Близкому для него адмиралу Пилкину он говорил, что не покинет Финляндии, пока останется хоть один шанс на ее осуществление.

Со свойственной ему решительностью Юденич согласился на признание независимости Финляндии, что было главным условием генерала Маннергейма для участия финской армии в Петроградской операции. И он счел своим долгом

предупредить об этом адмирала Колчака, считавшего, что такой вопрос может решить только будущее свободно избранное Учредительное Собрание. В итоге переговоров Маннергейм подписал в середине июня 1919 г. условия, на которых финская армия готова выступить в поход на Петроград. Главным из них оставалось признание независимости Финляндии. Однако в последний момент, накануне президентских выборов, которые Маннергейм надеялся выиграть, он заколебался и отложил свое окончательное решение. Он рассчитывал, что, став президентом, получит большую свободу действий. Но на выборах 25 июля 1919 г. президентом был избран кандидат левой коалиции профессор Стольберг.

С поражением генерала Маннергейма на выборах ушел в небытие и первый стратегический замысел генерала Юденича, казалось бы, гарантировавший достижение оперативной цели — занятие Петрограда. На следующий день, 26 июля, генерал Юденич отбыл из Гельсингфорса в Эстонию. Будучи назначен адмиралом Колчаком Главнокомандующим на Северо-Западном фронте, он не мог отказаться от возглавления Северо-Западной армии, добровольцы которой — офицеры и солдаты — пошли в нее в надежде на освобождение Петрограда.

Но армия, после успехов майского наступления, вынуждена была отступить. Лишенные снабжения, ее солдаты и офицеры были в лохмотьях, босые и голодные. Третий месяц они не выходили из боев, сражаясь преимущественно трофейным оружием и экономя боеприпасы.

Положение генерала Юденича по прибытии в Нарву, где находился штаб Северо-Западной армии, было исключительно трудным. Армия таяла в боях. Редкие деревни и хутора Гдовского и частично Ямбургского уездов не могли дать пополнения. Псков был вскоре оставлен эстонцами. Главным препятствием для восстановления армии было отсутствие тыла. В отличие от других белых армий, все тыловые учреждения были расположены в чужой и далеко не дружелюбной Эстонии. Как мы увидим, понадобилось много волевых усилий и настойчивости, чтобы присоединить к Северо-Западной армии хотя бы один отряд кн. А.П. Ливена из трех русских соединений, находившихся тогда в Латвии на германском снабжении.

Ради получения английского вооружения, снаряжения и обмундирования генерал Юденич, вопреки советам некоторых своих друзей, пошел на унижительный компромисс, согласив-

* Колчак и Финляндия // Красный Архив. 1929, Т. 2 (33). С. 110.

шись войти в качестве военного министра в Северо-Западное правительство, сформированное без предупреждения, в ультимативной форме в течение нескольких часов в Ревеле 12 августа 1919 г. английским генералом Маршем.

В этих исключительно трудных условиях, имея против себя численно превосходящего противника, генерал Юденич начал готовить операцию по занятию Петрограда на основе нового стратегического замысла. Предполагалось достичь успеха в результате согласованного по времени внезапного стремительного наступления на фронте и вооруженного восстания в самом городе. Восстание на форту Красная Горка в июне 1919 г., казалось, подтверждало реальность его замысла. (Надо сказать, что этот важнейший эпизод не нашел должного отражения в исторической литературе, и потому мы впервые публикуем в Приложении редчайшие свидетельства участников восстания.)

Стратегический замысел генерала Юденича в значительной степени основывался на его вере в патриотизм многочисленного офицерства, служившего в Красной Армии, и на возросшее отрицание коммунистической диктатуры в народе, что и вызвало крупное восстание в Кронштадте, но лишь более года спустя.

К сожалению, в историографии Гражданской войны никто из военных историков, кроме, быть может, Н.Е. Какурина*, не уделил достаточного внимания «заговорщикам», точнее тем офицерским организациям, которые готовили вооруженное восстание в Петрограде осенью 1919 г. при наступлении Северо-Западной армии. До сих пор не опубликованы их следственные дела, в частности дело бывшего полковника Генерального штаба, а осенью 1919 г. — начальника штаба 7-й красной армии В.Я. Люндеквиста. Именно он по своей инициативе передал в штаб генерала Юденича план восстания, которое должно было содействовать Северо-Западной армии по достижении ею окраин города.

Наша попытка составить биографии участников подготовки восстания в Петрограде в октябре 1919 г. охватывает лишь часть персоналий. Мы надеемся, что постепенно эта сторона борьбы за Петроград получит более полное отражение.

* См.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Том 2-й. М.: Госиздат, 1926. С. 300 и далее.

Один из редких документов, на который мы ссылаемся в книге, а именно письмо-доклад И.Р. Кюрца, доставленное Юденичу с курьером, перешедшим через фронт, говорит о том, что Главнокомандующий лично вникал в детали подготовки восстания.

Благодаря присущей ему интуиции, он привлек к участию в этой деятельности немногих, но выдающихся в своей области сотрудников. Среди них — опытный военный юрист, талантливый организатор, полковник, а затем генерал А.В. Владимиров, представитель штаба генерала Юденича в Петрограде, человек исключительного мужества, штабс-капитан, а затем полковник Ю.П. Герман и, конечно, связанный тесной дружбой с генералом Юденичем адмирал В.К. Пилкин. В связи с уничтожением архива разведывательного отделения штаба Северо-Западной армии (см. воспоминания генерала Ярославцева в его биографии) дневники адмирала Пилкина представляли исключительный интерес. Однако нам удалось получить от дочери адмирала, Веры Владимировны, лишь три отрывка, один из которых мы публикуем³ в биографии Пилкина.

Разумеется, разрабатывая план операции согласно своему стратегическому замыслу, генерал Юденич отдавал себе отчет в относительной слабости Северо-Западной армии по сравнению с противником, исходя, как и на Кавказе, из суво-

* В 1950 г. автору этих строк довелось ближе познакомиться с генералом Евгением Васильевичем Масловским, и последний рассказывал, что к нему в библиотеку (а он ведал церковной библиотекой в Ницце) часто заходил адмирал Владимир Константинович Пилкин, говоривший, что продолжает вести дневник, где сохранились записи об его участии в Северо-Западной армии. В середине 80-х годов я обратился к дочери скончавшегося адмирала Веры Владимировны с просьбой ознакомить меня с дневником ее отца.

Она, зная мою жену с детства, очень дружески встретила нас во время приезда в Ниццу. Подарила помимо фотографий ее отца с генералом Юденичем оригинал его статьи «Два адмирала» с автографом. Но дневник показать отказалась, сказав, что отец вел его только для себя и для ее матери Марии Константиновны, урожденной Леман. Позже она согласилась скопировать те места из дневника, где речь идет об отношениях Пилкина и Юденича, о том, что последний, по ее словам, «абсолютно доверял» ее отцу. Вскоре я получил три довольно больших копии, написанных ее рукой. Ее болезненное состояние, видимо, помешало продолжить эту работу. Относительно оригинала дневника своего отца Вера Владимировна в письме от 2 января 1986 г. писала мне, что ее отец «хотел сжечь и эти тетради. ...Я умолила мне их оставить...». Вера Владимировна внезапно скончалась в Ницце 9 апреля 1993 г. Случилось так, что большая часть дневников адмирала В.К. Пилкина перешла по

ровского наставления: «В военных действиях следует быстро соображать... чтобы неприятелю не дать времени опомниться... Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, стремительность»*.

Для успеха операции необходим был такой темп, чтобы за 6 дней пройти 130 километров и выйти к заставам Петрограда раньше, чем придут подкрепления из резервов Главного командования Красной Армии. Иначе говоря, помимо внезапности, требовалась еще и стремительность в приближении к намеченным оперативным целям.

Наступление началось в ночь на 10 октября 1919 г. Но лишь молодой подполковник К.И. Дыдоров (см. его биографию), командовавший 5-й Ливенской дивизией, форсировал Лугу у Муравина, прошел с боями до Красного Села, которое занял вечером 16 октября, не дав опомниться собравшемуся было там совещанию красного командования. Остальные две дивизии 1-го стрелкового корпуса, нацеленного на Петроград, не выдержали этого темпа операции. 2-я дивизия генерала Ярославцева, быстро занявшая Гатчину, застряла у Онтолова, не получив поддержки танками и бронепоездами, и вышла к Пулкову только к 21 октября. 3-я дивизия генерала Ветренко из-за «умничания» своего начальника не только не взяла станцию Тосно, по которой шли эшелоны с резервами красного командования, но с самого начала действовала так, будто умышленно хотела сорвать операцию. Несмотря на прорыв Темницким полком под командованием полковника Данилова позиций красных и занятие им 13 октября станции Мшинская, Ветренко двинулся не на север, в сторону Петрограда, а на юг,

наследству к родственникам ее матери. Наследник любезно предоставил мне возможность ознакомиться с дневниками адмирала и опубликовать фрагменты, которые могут иметь отношение к его деятельности в период пребывания в штабе Северо-Западной армии. Надо сказать, что в тетрадях, относящихся к январю 1919 г., я нашел оригиналы тех текстов, копии которых мне прислала покойная Вера Владимировна (см. биографии генерала Юденича и адмирала Пилкина). К сожалению, тетрадь, начатая в мае 1919 г. и законченная 19 октября того же года, т.е. относящаяся к периоду пребывания адмирала Пилкина в штабе Северо-Западной армии начиная с 26 июля, бесследно пропала. Следующая тетрадь начата 19 октября 1919 г. Мы приводим из нее в Приложении несколько записей.

* Суворов А.В. Документы. Т. 4. С. 27. Цитируем по: Савинкин А.Е. Основы военной системы А.В. Суворова // Российский военный сборник. Вып. 18. Не числом а умением! Военная система А.В. Суворова. М.: Военный университет, Русский путь, 2001. С. 461.

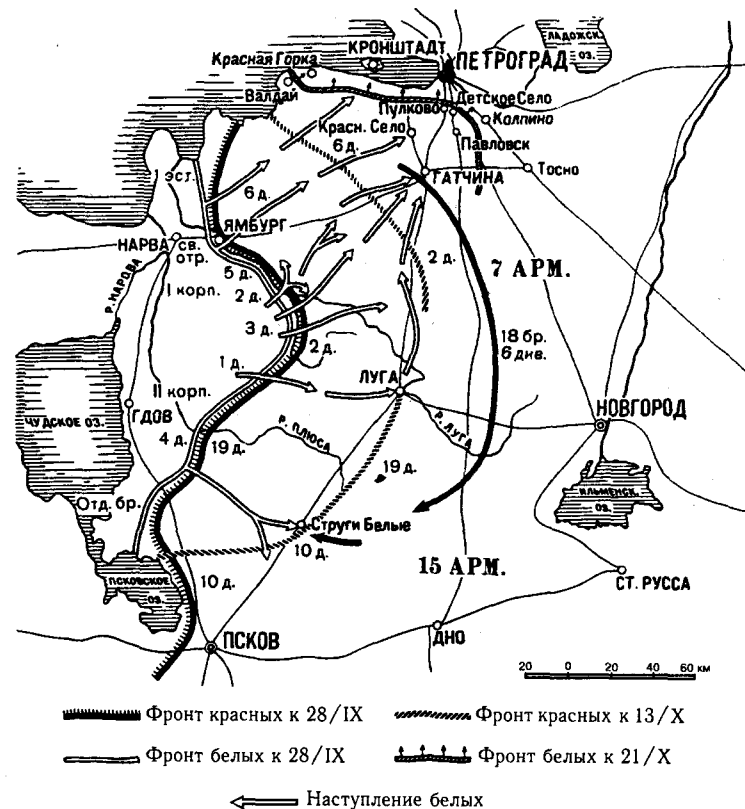

Схема октябрьского наступления генерала Юденича на Петроград в 1919 г.*

где с Красногорским полком занял город Лугу, тогда как согласно плану в него входила 1-я дивизия генерала Дзержинского. А уж потом двинулся на Гатчину, игнорируя приказ генерала Родзянко о занятии Тосно в ночь с 15 на 16 октября, дав своей дивизии отдых 18 и 19 октября. Лишь 21-го он занял Павловск, откуда запоздало попробовал выдвинуться в сторону уже занятого латышами Колпина. Таким образом крас-

* Воспроизводится по: Гражданская война. 1918–1921. В 3-х томах. Т. 1. – М.: издательство «Военный Вестник», 1928. С. 259.

ному командованию в лице С.С. Каменева предоставилась возможность своевременно совершить переброску резервов с других фронтов и из Москвы, согласно Директивам Главного Командования от 17 октября 1919 г.* и создать в Колпине на правом фланге Северо-Западной армии ударную группу С.Д. Харламова.

Очевидно, что первоначальный расчет генерала Юденича на выход дивизий 1-го стрелкового корпуса на окраины Петрограда был вполне реальным и следовательно позволял верить во взаимодействие с восстанием в городе.

Однако потеря темпа операции дивизиями 1-го корпуса (кроме Ливенской) означала потерю драгоценного времени. С выходом к 16 октября на окраины города, когда должно было произойти восстание, не получилось. А без достижения войсками указанных рубежей восстание было обречено.

Виноват ли генерал Юденич в том, что он своевременно не отрешил от должностей «умничающих» начальников? Из писем его ближайшего сотрудника генерала Кондзеровского видно, что, как правило, заменить их было нечем. Офицеров Генерального штаба с солидным боевым опытом в армии было мало. Кроме того, нельзя забывать, что когда генерал Юденич прибыл в армию, она была уже сформирована. И как все белые армии — на началах добровольчества. Как и первоходники в Добровольческой армии генерала Деникина, первые прибывшие в Псков и начавшие формирование частей офицеры пользовались неписаными правами на преимущество в занятии высших должностей. В их числе был и подполковник Ветренко, и офицеры штаба армии, совершенно не подходящие для должностей, которые они получили (о них см. в Приложении материал штабс-капитана К.С. Леймана).

Понимая, что он командует добровольческой армией, Юденич лишь в крайних случаях, когда налицо были преступления, как в деле Булак-Балаховича, прибегал к исключению из списков армии.

Но несмотря на все трудности, с которыми Юденич столкнулся по прибытии в Нарву, в основу своего замысла он положил веру в добровольческое движение, благодаря которому

зародилась и окрепла Северо-Западная армия. Действительно, большинство добровольцев — и офицеров и солдат — исполняли свой долг с исключительным мужеством и воодушевлением. Их порыв хорошо знал, видел находившийся в Ревеле в 1919 г. генерал-лейтенант Алексей Константинович Баиов, бывший профессор Николаевской академии Генерального штаба, известный военный историк, начальник штаба 3-й армии во время Первой мировой войны. Он посвятил им преисполненные оправданным пафосом следующие строки:

Воодушевляемые идеей борьбы за поруганную Родину, полные горячего желания отдать свои силы для воссоздания Великой России, проникнутые ненавистью к захватившим Отечество большевикам, в июле 1919 г. доблестные Ливенцы прибыли на фронт Северо-западной армии в окрестности Нарвы, войдя в составе 1-го корпуса в виде трехполковой дивизии.

Отныне судьба Ливенцев была тесно связана с судьбой Северо-Западной армии. Их соединяла не только общая идея борьбы с красными, борьбы за Россию, белая идея и белое дело, но и общность стратегических заданий и выполнение в этих целях частных тактических задач на одних и тех же полях сражений.

Вместе с Северо-западной армией Ливенцы в начале октября 1919 г. начали наступление на Петроград, составляя левую самостоятельную колонну всего фронта наступления.

Кто не помнит этого удивительного похода, кто не знает его в его эпическом величии!

Не считаясь с трудностями, пренебрегая опасностями, преодолевая сопротивление жестокого врага, устилая путь своей жертвенными могилами, горя великим духом любви к Родине, доблестные войска Северо-Западной армии вместе с Ливенцами одерживали одну победу за другой, гоня перед собой врага и приближаясь к заветному Петрограду.

Красное Село и Лигово уже перешли в руки Ливенцев, Царское Село и Павловск были заняты другими частями армии, а передовые части выдвинулись далеко вперед под самый град Петра, куда манили победителей пылающие на солнце золотые купола Св. Исаакия.

Казалось, еще одно усилие, и цель будет достигнута, подвиги доблестной армии будут увенчаны полным успехом, а ее жертвенные усилия будут вознаграждены освобождением от красной нечисти столицы, где зачались большевики и откуда должно было пойти их уничтожение.

Но, увы, этого не случилось! По целому ряду причин... среди которых важнейшей является сосредоточение против утомленной, плохо снабженной малочисленной Северо-Западной армии численно превосходящего врага, полки Северо-Западной армии от подступов к Петрограду должны были начать отход к своему исходному положению.

* Директивы Главного Командования Красной Армии (1917–1920) М.: Воениздат, 1969. С. 393.

Отход этот, закончившийся полной ликвидацией Северо-Западной армии, почти с первых же дней обратился в крестный путь армии, в ея Голгофу! Героически отстаивая каждую пядь земли, недавно отобранной от большевиков, полки Северо-Западной армии с непревзойденным мужеством сопротивлялись во много раз численно сильнейшему противнику; страдая от холода и голода и воодушевляемые светлой «белой» идеей молча умирали за Россию и за «други своя».

И если в победном наступлении на Петроград части, входившие в состав Северо-Западной армии, показали много подвигов и выказали необычные даже для русского солдата мужество и доблесть, то еще больше подвигов было ими совершено при отступлении.

И подвиги эти тем более ценны и тем более величественны, что совершавшие их не могли быть воодушевлены радостным чувством победы, не могли быть поддержаны общим подъемом духа, удесятерившего их физические возможности, а могли быть руководимы только сознанием сурового долга*.

* * *

Основой источниковой базы книги послужили документы, рукописи, другие материалы следующих архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), Центрального государственного архива историко-политических документов (ЦГАИПД), Центрального архива Федеральной службы безопасности (ЦАФСБ), Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), Библиотеки-фонда Русское Зарубежье, Бахметьевского архива русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета (США), архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США), архива Общества Ревнителеев Русской Истории (Париж), личных архивов автора.

За своевременную бескорыстную поддержку нашей работы мы искренне признательны Геннадию Николаевичу Волошину и Александру Владимировичу Фоменко.

Благодарим за помощь в подготовке книги: Блинова Михаила Юрьевича (Москва), Емелина Алексея Юрьевича (Санкт-

Петербург), Жуменко Виталия Вадимовича (Париж), Кавтардзе Александра Георгиевича (Москва), Кручинина Андрея Сергеевича (Москва), Образцова Игоря Владимировича (Москва), Постоева Ивана Ивановича (Санкт-Петербург), Нассименто Пауля (Нью-Йорк, Колумбийский университет).

Особую признательность выражаем: Егорову Николаю Дмитриевичу (Москва) за сведения из фондов РГВА, касающиеся производства и назначения старших чинов Северо-Западной армии, а также за ряд ценных дополнений и уточнений; Пожарскому Александру Михайловичу (Санкт-Петербург) за сведения из архива РГА ВМФ и из архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области; Сокольскому Никите Сергеевичу (Фонтенбло, Франция) за ценные материалы; Шмелеву Анатолию Всеволодовичу (Стэнфорд) за справки, редкие материалы и сведения из фондов архива Гуверовского института; генеральному директору издательства «Русский путь» Москвину Виктору Александровичу, любезно согласившемуся выпустить в свет эту книгу.

Наша сердечная благодарность за постоянную, безотказную дружескую помощь в работе над книгой Болховитинову Александру Борисовичу (Москва), Домнину Игорю Владимировичу и Домниной Инне Юрьевне (Москва), Мазанкину Святославу Яковлевичу (Нант, Франция), Спасскому Борису Васильевичу (Медон под Парижем).

И, наконец, этот труд не мог бы состояться без многолетнего проникновенного участия Анны Анатольевны Рутченко, моей супруги и главной опоры в повседневной жизни и творчестве.

Н. Рутыч-Рутченко

Аньер, Франция
Апрель 2002 г.

* Служба Связи Ливенцев и Северозападников. № 2, май 1930. Рига. С. 4, 5.

ЮДЕНИЧ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Юденич Николай Николаевич

Генерал от инфантерии

Родился 18 июля 1862 г. в семье коллежского советника, директора московского Землемерного училища. Мать — урожденная Даль, приходилась двоюродной сестрой знаменитому составителю Толкового Словаря и сборников русских пословиц и поговорок Владимиру Ивановичу Далю. Юденич рос в атмосфере глубоко русской интеллигентной московской семьи, в которой до него не было ни одного военного.

В 1879 г., получив среднее образование, он вопреки семейным традициям решил держать экзамен в 3-е Александровское военное училище в Москве. «Николай Николаевич был тогда тонким худеньким юношей со светлыми вьющимися волосами, жизнерадостный и веселый. Мы... вместе слушали в аудитории лекции Ключевского и других прекрасных преподавателей», — вспоминал его однокашник генерал-лейтенант А.М. Саранчев¹.

8 августа 1880 г. Юденич был произведен за отличия в портупей-юнкера, а через год, 8 августа 1881 г., был выпущен подпоручиком с прикомандированием к Лейб-гвардии Литовскому полку, стоявшему в Варшаве². 10 сентября он был переведен в этот полк как гвардейский прапорщик. 30 августа 1884 г. произведен в подпоручики гвардии и тогда же блестяще выдержал вступительные экзамены в Академию Генерального штаба.

В Академии, 30 августа 1885 г., был произведен в поручики «За отличные успехи в науках» и 7 апреля 1887 г., за успешное окончание Академии Генерального штаба по 1-му разряду, — в штабс-капитаны гвардии. Начал службу по Генеральному штабу и. д. старшего адъютанта штаба 14-го армейского корпуса, с переименованием в капитаны. Так моло-

дой Н.Н. Юденич, без какой-либо поддержки семьи или протекции, в 25 лет стал капитаном Генерального штаба (для сравнения, например, напомним: начальник Штаба Верховного Главнокомандующего в Первой мировой войне, а затем и Верховный Главнокомандующий М.В. Алексеев, прослужив больше 10 лет в строю, стал капитаном Генерального штаба только в 33 года).

С 23 октября 1889 г. по 23 ноября 1890-го Юденич отбывал цензовое командование ротой в своем Лейб-гвардии Литовском полку. 9 апреля 1891 г. вернулся в штаб 14-го армейского корпуса, но уже на должность обер-офицера для особых поручений.

В январе 1892 назначен старшим адъютантом штаба Туркестанского военного округа и 2 апреля 1892 г. произведен в подполковники.

В 1894 г. принял участие в Памирской экспедиции в должности начальника штаба Памирского отряда. Вскоре после похода Памир был формально присоединен к России. Юденич был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени (ранее он получил ордена Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени).

24 марта 1896 г. был произведен в полковники и с 6 марта того же года принял должность штаб-офицера при управлении Туркестанской стрелковой бригады, переименованной в 1900 г. в 1-ю Туркестанскую бригаду. Служивший в те же годы в Туркестане генерал-лейтенант Д.В. Филатьев позже подчеркивал: «...Тогда уже нельзя было не замечать и не оценивать основные черты характера Николая Николаевича: прямота и даже резкость суждений, определенность решений, умение и твердость в отстаивании своего мнения...»³

16 июля 1902 г. полковник Юденич был назначен командиром 18-го стрелкового полка, а незадолго до того награжден орденом Св. Анны 2-й степени. С началом Русско-японской войны ему было предложено занять высокий пост дежурного генерала в Туркестанском военном округе, что означало верное производство в генерал-майоры. Но он отказался от этого назначения, стремясь принять участие в военных действиях в Маньчжурии, куда отправлялась 5-я стрелковая бригада, в состав которой входил 18-й полк. Командир бригады генерал М. Чурин, упав с лошади, повредил себе руку. Полковник Юденич, как старший, вступил в командование бригадой и повел ее в первый бой с японцами.

Этот бой вошел в историю как сражение под Сандепу. В нем 13–17 января 1905 г. русские войска успешно проявили инициативу. После того как 14-я дивизия из 2-й русской армии генерала Гриппенберга неудачно атаковала Сандепу 13 января, ее заменила 5-я стрелковая бригада под командой полковника Юденича. Его начальником штаба был тогда подполковник Генерального штаба Александр Владимирович Геруа, впоследствии известный военачальник и военный писатель, уже в эмиграции описавший начало боевой деятельности полковника Юденича⁴.

Японцы, ободренные отступлением 14-й русской дивизии, перешли в яростную атаку, нанося главный удар на правый фланг, где сражался 17-й стрелковый полк. Полковник Юденич решил перейти в контратаку и приказал своему начальнику штаба привести на угрожаемый участок 20-й полк. Уже ночью он сам прибыл на правый фланг и вызвал охотников из 20-го полка для движения вперед. В темноте таковых не оказалось. Тогда воскликнув: «Я сам буду командовать охотниками», — полковник Юденич вынул револьвер и двинулся вперед, широко шагая в своей черной папаше. Пример подбивал. За ним двинулись офицеры штаба бригады, а затем и солдаты-охотники. 20-й и 18-й стрелковые полки, развернувшись, дружно перешли в наступление. Японцы не выдержали и начали отступать. Когда до Сандепу осталось не больше 600 шагов, пришел категорический приказ от командира корпуса отойти на исходные позиции, а полковник Юденич, вызванный в штаб корпуса, получил «разнос» за недозволенный «порыв».

Личный пример в сочетании с суворовскими быстротой и натиском сыграл решающую роль через несколько дней, 20 января 1905 г., при атаке на важный опорный пункт японцев на излучине реки Хунь-Хе. 1-я стрелковая бригада (начальник штаба, тогда подполковник Л.Г. Корнилов, будущий Главнокомандующий и вождь Добровольческой армии) искусно наступала по укрытому подступу-оврагу, а 5-я бригада полковника Юденича должна была наступать по открытому полю. Выждав выхода 1-й бригады во фланг японцам, полковник Юденич скомандовал: «Вперед». Сам он шел во главе атакующих. Деревня была взята с маху невзирая на оружейный, пулеметный и ружейный огонь⁵. 4 февраля 1905 г. полковник Юденич был ранен в левую руку, но остался в строю.

Во время Мукденского сражения 18 февраля 1905 г. сильно поредевший 18-й стрелковый полк, который снова принял Юденич (по возвращении в строй генерала Чурина), должен был оборонять редут на подступе к вокзалу. 5-я японская дивизия рвалась к железной дороге, стремясь отрезать отходившие русские войска. В ночь с 21 на 22 февраля многочисленная японская пехота стала обтекать редут. Частый ружейный огонь стрелков не мог остановить японцев. Тогда, ночью, командир полка повел своих стрелков в штыки на японцев. В схватке Юденич, наряду с подчиненными, работал также винтовкой со штыком. Японцы были отброшены. После второй штыковой атаки они бежали. Редут был удержан. Юденич получил ранение в шею (пуля прошла, к счастью, не задев сонной артерии). Но, как написал генерал Геруа, он «поразил победил».

19 июня 1905 г. полковник Юденич был произведен в генерал-майоры и по излечении от ран назначен командиром 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Боевой путь полковника Юденича в Русско-японской войне был отмечен высокими наградами. Уже 5 мая 1905 г. он получил золотое оружие с надписью «За храбрость» и с тех пор носил георгиевский темляк на сабле. 25 сентября 1905 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами, а 11 февраля 1906 г. орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами. С 21 ноября 1905 г. по 23 марта 1906-го временно командовал 2-й стрелковой дивизией и снова с 23 марта по 3 апреля — 2-й стрелковой бригадой (бывшей дивизией).

По возвращении из Маньчжурии генерал-майор Юденич был назначен 10 февраля 1907 г. генерал-квартирмейстером штаба Кавказского военного округа и с тех пор «стал во главе органа, ведающего подготовкой к войне на отдельном Кавказском театре»⁶.

В Тифлисе на Бярятинской улице, где поселились Юденич и его супруга Александра Николаевна (урожденная Жемчужникова), они часто принимали у себя сослуживцев. Юденич был радушен и широко гостеприимен. Как вспоминает бывший дежурный генерал штаба Кавказского военного округа генерал-майор Б.П. Веселозоров: «Пойти к Юденичам — это не являлось отбыванием номера, а стало искренним удовольствием для всех, сердечно их принимавших»⁷.

Это тоже позволило генерал-квартирмейстеру, а затем и

начальнику штаба округа ближе узнать своих помощников и подготовить из молодых офицеров Генерального штаба надежных, энергичных сотрудников, привыкших к методам принятия его решений и в то же время обладающих полной инициативой при исполнении приказов на месте.

Произведенный 6 декабря 1912 г. в генерал-лейтенанты, Н.Н. Юденич после недолгого пребывания на должности начальника штаба Казанского военного округа возвращается 23 февраля 1913 г. в Тифлис уже начальником штаба «своего» Кавказского округа. 24 апреля 1913 г. награждается орденом Св. Владимира 2-й степени (в 1909 г. его деятельность была отмечена орденом Св. Анны 1-й степени).

Став начальником штаба округа, генерал Юденич, в частности, добился весной 1914 г. в Петрограде разрешения на создание у себя в штабе самостоятельного оперативного отделения при управлении генерал-квартирмейстера⁸.

Руководство этим отделением он поручил молодому 38-летнему полковнику Евгению Васильевичу Масловскому, которого он успел оценить еще будучи генерал-квартирмейстером. В отделение были назначены среди других молодые капитан Генерального штаба Караулов и штабс-капитан Кочержевский. В июле 1914 г. все они участвовали в полевой поездке в Сарыкамыш, во время которой, по указанию генерала Юденича, разрабатывалась операция, согласно которой турецкая армия через Бардусский перевал выходила в тыл русской армейской группе на Эрзерумском направлении и отрезала ее от сообщения с Карсом и Тифлисом.

Забегая вперед, скажем, что когда в декабре 1914 г. командующий Кавказской армией генерал Мышлаевский, «потеряв нервы», бросил Сарыкамыш и отдал приказ об общем отступлении, капитан Караулов и штабс-капитан Кочержевский по собственной инициативе остались в Сарыкамыше. Став начальниками штабов импровизированных отрядов из местных тыловых частей, организовали оборону в первые, самые критические дни, когда турецкий главнокомандующий Энвер-паша уже готов был торжествовать победу.

Помимо оперативного отделения штаба округа, генерал Юденич тщательно подбирал молодых офицеров Генерального штаба для разведывательного отделения. Незадолго до начала войны его начальником он назначил молодого подполковника Д.П. Драценко. Это его в дни Сарыкамышского

сражения Юденич послал в штаб 1-го Кавказского корпуса с требованием остановить отступление, вопреки приказам и командующего армией и самого командира 1-го Кавказского корпуса генерала от инфантерии Г.Э. Берхмана.

Через разведывательное отделение в качестве помощников начальника прошли несколько выдающихся офицеров. Среди них — тогда молодые 33-летние капитаны П.Н. Шатилов и Б.А. Штейфон. Все они — помощники и ученики генерала Юденича — стали известными военачальниками в белых армиях во время Гражданской войны.

Окончивший мировую войну генерал-майором, Е.В. Масловский после нее занимал должность начальника штаба Главноначальствующего и командовавшего войсками Терско-Дагестанского края генерала Эрдели, а затем в Крыму, при генерале Врангеле, — начальника штаба 2-й Русской армии.

Ставший в 1917 г. генерал-майором, Д.П. Драценко был начальником штаба десантного отряда генерала Улагая при высадке из Крыма на Кубань в 1920 г., а затем некоторое время командующим 2-й Русской армией в Северной Таврии при генерале Врангеле.

Полковник Б.А. Штейфон командовал в Добровольческой армии Белозерским полком, затем был начальником штаба группы войск генерала Бредова, отступавшей от Одессы к Днестру и соединившейся с польской армией. В Галлиполи был комендантом знаменитого лагеря, произведен генералом Врангелем в генерал-майоры.

П.Н. Шатилов генерал-майором командовал в Добровольческой армии 4-м конным корпусом и был произведен в генерал-лейтенанты генералом Деникиным за успешные бои под Великокняжеской; затем — бессменный начальник штаба генерала Врангеля и в Кавказской добровольческой армии, и в Русской армии в Крыму.

Нет сомнения, что генерал Юденич потратил немало времени и сил, чтобы привлечь на службу в свой штаб этих, тогда еще никому неизвестных молодых полковников и капитанов Генерального штаба. Он подготовил штаб Кавказского военного округа к войне в условиях, в которых сама обстановка вынуждала воевать не числом, а умением.

А это было весьма существенно, ибо с началом Первой мировой войны в июле (старый стиль) 1914 г. Верховное Командование, пользуясь тем, что Турция еще не выступила

против России, приказало перебросить на Западный фронт два из трех Кавказских корпусов, оставив на будущем турецком фронте один первоочередный 1-й Кавказский корпус, поддержанный двумя пластунскими бригадами и казачьими частями. Правда, после мобилизации на Кавказ прибыл из Туркестана 2-й Туркестанский корпус в составе двух неполных бригад с двухбатальонными полками.

В то же время, готовясь вступить в войну на стороне центральных держав, турецкое командование сосредоточило против Кавказской армии три армейских корпуса (9-й, 10-й и 11-й), каждый в составе трех дивизий, две отдельные дивизии, а также дивизии, сформированной из жандармов и других частей. Все эти соединения, поддержанные курдской конницей, были сведены в 3-ю турецкую армию.

С началом войны на Кавказе (после обстрела 20 октября — по старому стилю — кораблями немецкого и турецкого флотов русских портов на Черном море) турецкий главнокомандующий, энергичный, смелый и самоуверенный Энвер-паша довел численность 3-й армии до 15 0000 и в начале декабря 1914 г. принял командование ею вместе со своим начальником штаба, полковником германского генерального штаба Бронсаром фон Шеллендорфом. При участии прежнего начальника штаба 3-й турецкой армии майора Гюзе они разработали план операции, согласно которому 11-й корпус должен был атаковать русскую армейскую группу на Эрзерумском направлении с фронта, связывая ее боями, а 9-й и 10-й турецкие корпуса имели задачу обойти правый фланг русских через Бардусский перевал и выйти на Сарыкамыш, закрыв русским путь к отступлению вдоль железной и шоссейной дорог из Сарыкамыша на Карс. После окружения и уничтожения главных русских сил Энвер-паша надеялся двинуться на Кавказ, занять Баку и поднять восстание на Кавказе под исламским зеленым знаменем.

12 декабря 1914 г. авангард 9-го турецкого корпуса, сбив ополченцев с Бардусского перевала, начал наступление на Сарыкамыш. Главные силы Отдельной Кавказской армии — 1-й Кавказский и 2-й Туркестанский корпуса, перейдя границу, выдвинулись на два перехода на Эрзерумском направлении.

В Сарыкамыше была лишь ополченская дружина. Конечная станция железной дороги из Тифлиса являлась главной базой русских войск, перешедших границу и вышедших к Кеприкей-

ским позициям на Араксе. Со складов у сарыкамышского вокзала войска получали боеприпасы и продовольствие.

Оказавшийся проездом из отпуска начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Николай Адрианович Букретов (будущий кубанский атаман), бывший до своего назначения в штаб 2-й Кубанской пластунской бригады старшим адъютантом в штабе генерала Юденича, организовал оборону Сарыкамыша, использовав кадровые взводы туркестанских полков, посланные с фронта для формирования 4-го Туркестанского полка 5-й Туркестанской бригады. Прибытие из Тифлиса с последним поездом едущих на фронт 100 выпускников Тифлисского военного училища позволило ему укрепить ополченские и тыловые части. И когда 13 декабря командующий 9-м турецким корпусом Ислам-паша увидел, что его передовая 29-я дивизия натолкнулась на организованную оборону и попала под меткий огонь туркестанской полубатареи (отправленной тоже на формирование), то он решил отложить наступление на Сарыкамыш до сосредоточения всех войск корпуса.

Тем временем в Тифлисе, в русском командовании, шли споры. Начальник штаба генерал Юденич горячо настаивал на выезде всего штаба армии на фронт, в Сарыкамыш, а фактический командующий армией, помощник Главнокомандующего на Кавказе генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский (бывший ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба и начальник Генерального штаба в 1909 г.) всячески противился и тормозил отъезд штаба армии, считая возможным осуществлять управление из Тифлиса. Только 10 декабря штаб выехал экстренным поездом в приграничное село Меджингерт, в двадцати километрах от Сарыкамыша, где располагался штаб 1-го Кавказского корпуса генерала от инфантерии Берхмана. Здесь, узнав, что во 2-м Туркестанском корпусе нет ни командира (ген. Слюсаренко заболел), ни уехавшего начальника штаба, генерал Мышлаевский после настойчивых просьб генералов Юденича и генерал-квартирмейстера Л.М. Болховитинова принял командование всеми русскими войсками на Сарыкамышско-Эрзерумском направлении. Одним из первых приказов генерала Мышлаевского было назначение генерала Юденича временным командующим 2-м Туркестанским корпусом, с сохранением обязанностей по должности начальника штаба Отдельной Кавказской Армии⁹.

«11 декабря 1914 г., — вспоминает генерал Б.А. Штейфон, занимавший тогда должность штаб-офицера 2-го Туркестанского корпуса, — стало совсем темно, когда прибыл Юденич в сопровождении своих доблестных помощников — полковника Масловского и подполковника Драценко. Засыпанные снегом, сильно промерзшие, они спустились в саклю-штаб. Непослушными от мороза руками, Юденич сейчас же придвинул к огню карту, сел и не развязывая даже башлыка, коротко приказал: «Доложите обстановку». Его фигура, голос, лицо — все свидетельствовало об огромной внутренней силе. Бодрые, светящиеся боевым азартом лица Масловского и Драценко дополнили картину. Одобрив наше решение не отходить, Юденич немедленно отдал директивы продолжать сопротивление на фронте и организовать в тылу оборону Сарыкамыша»¹⁰. Один из полков Туркестанского корпуса форсированным маршем тут же был отправлен в Сарыкамыш. Его передовой батальон следовал на подводах и как раз поспел к первой большой турецкой атаке.

Утром 15 декабря 1914 г. генерал Мышлаевский, узнав о выходе турок к Ново-Селиму, что окончательно отрезало Сарыкамыш, и считая положение в самом Сарыкамыше безнадежным, отдал приказ через командира 1-го Кавказского корпуса генерала Берхмана об общем отступлении по последней оставшейся свободной патрульной дороге вдоль границы. После чего по ней же убыл в Тифлис с тем, чтобы собирать оставшиеся силы для обороны столицы Закавказья.

Решение об отступлении стало известно генералу Юденичу от командира 1-го Кавказского корпуса, приступившего уже к отводу своих войск с позиции. Юденич немедленно потребовал отмены приказа об отступлении¹¹. Он указывал, что отход по единственной патрульной дороге означает необходимость бросить артиллерию и обозы, ибо она вьючная, а также на то, что если пехота 1-го Кавказского корпуса и сумеет оторваться от турок, то 2-й Туркестанский корпус неизбежно попадет в окружение со всеми приданными ему частями. Отступление в этих условиях означало гибель главных сил Отдельной Кавказской Армии с неизбежными катастрофическими последствиями, так как значительных резервов в тылу не было.

Считая себя старшим в чине, генерал от инфантерии Берхман продолжал выполнять приказ генерала Мышлаевского, отводя к границе свои войска. Тогда 17 декабря 1914 г. гене-

рал Юденич послал в штаб генерала Берхмана подполковника Драценко, с тем чтобы убедить его в необходимости остановить отступление на фронте и собрать все силы, чтобы отбросить турок от Сарыкамыша в обледеневшие и заметенные снегом горы.

Он приказал Драценко, в случае отказа генерала Берхмана, сообщить ему, что согласно «Положению о полевом управлении войск»¹² он как начальник штаба армии вступает в командование войсками группы и отдает приказ о прекращении отхода. Это подействовало. Части 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов заняли сильные позиции на самой границе и уже не сдвинулись с них, несмотря на яростные атаки 11-го турецкого корпуса Абдул-Керим-паши.

А в то же время на поддержку посланным генералом Юденичем подкреплениям вечером 15 декабря в Сарыкамыш прибыла 1-я пластунская бригада доблестного генерал-майора М.А. Пржевальского, а также 154-й Дербентский и 155-й Кубинский полки непобедимой 39-й пехотной дивизии. Яростные и настойчивые атаки 9-го и подошедшего 10-го турецких корпусов были, хотя и с трудом, отбиты. До самой ночи шел тяжелый штыковой бой. Генерал Пржевальский, принявший общее командование, умело маневрируя резервами, сумел удержать сарыкамышский вокзал.

К вечеру 20 декабря к сарыкамышской группе русских подошли 1-я Кавказская казачья дивизия и 2-я Кубанская пластунская бригада. В тыл туркам на Бардусский перевал лично генералом Юденичем был послан 17-й Туркестанский полк полковника Довгирда. В то же время, по просьбе Юденича, комендант Карса отправил части 3-й Кавказской стрелковой бригады в Ново-Селим, обеспечив таким образом сообщение по железной дороге с Сарыкамышем. 21 декабря, по приказу генерала Юденича, все войска Сарыкамышского района перешли в наступление, вынудив турок к отходу по обледеневшим горам через дальние перевалы. Энвер-паша поспешил отдать приказ об отступлении. Но если части 10-го турецкого корпуса, преследуемые генералом Пржевальским, неся огромные потери пленными и обмороженными, все же успели уйти, то 9-й турецкий корпус был полностью уничтожен. 14-я рота Дербентского полка, атакуя, захватила 4 орудия и вышла к лагерю, где взяла в плен командира 9-го корпуса Ислама-пашу со всем его штабом, а также начальников и штабы 17-й, 28-й и 29-й турецких дивизи-

зий, взяв в плен 1070 офицеров и более 2000 солдат — все, что оставалось от 9-го турецкого корпуса.

Из 90 000 турок, участвовавших в Сарыкамышской операции, вернулось 12 100 человек. Потери были вся артиллерия и обозы двух корпусов. Потери русских были тоже тяжелы. Из 40 000—45 000 участников боев 20 000 выбыли убитыми и ранеными. Но если турецкие раненые погибали в ледяных горах, то многие русские были спасены в госпиталях, героически работавших под огнем в Сарыкамыше.

Главнокомандующий и наместник генерал от кавалерии граф Воронцов-Дашков уже 25 декабря, телеграммой, возложил окончательно командование Сарыкамышской группой войск на Юденича. Он признал, что в исключительно трудной обстановке генерал Юденич спас положение и вопреки приказу генерала Мышлаевского своим волевым стремлением к победе достиг ее, несмотря на более чем двойное превосходство турок. Генерал Юденич проявил исключительное гражданское мужество, принимая на себя весь риск чрезвычайно трудной операции, которую он упорно проводил согласно своему замыслу, вопреки открытому сопротивлению командира лучшего 1-го Кавказского корпуса генерала Берхмана... Выход из окружения, несмотря на превосходящие силы противника, был осуществлен мастерски и перерос в контрудар во фланг и частично в тыл турецких войск, потерпевших сокрушительное поражение.

Генералы Мышлаевский и Берхман были отрешены от командования. 24 января 1915 г. генерал-лейтенант Юденич был произведен в генералы от инфантерии и назначен командующим Кавказской Отдельной Армией.

Еще раньше Высочайшим приказом от 13 января 1915 г. генерал Н.Н. Юденич был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что «вступая 12 минувшего декабря в командование 2-м Туркестанским корпусом и получив весьма трудную и сложную задачу — удержать во что бы то ни стало напор превосходных турецких сил, действовавших в направлении Сонамер—Зивин—Караурган, и выделить достаточные силы для наступления от Сырбасана на Бардус, с целью сдержать возраставший натиск турок, наступавших от Бардуса на Сарыкамыш, выполнил эту задачу блестяще, проявив твердую решимость, личное мужество, спокойствие, хладнокровие и искусство вождения войск, причем результатом всех рас-

поряжений и мероприятий названного генерала была обеспечена полная победа под г. Сарыкамышем».

Став командующим Кавказской армии, генерал Юденич получил не только большие права, но и полную самостоятельность, ибо обладавший большим государственным опытом наместник на Кавказе и Главнокомандующий Кавказской Отдельной Армией генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков не только ходатайствовал перед Государем Императором о назначении командующим армией победителя в Сарыкамышском сражении, но предоставил ему полную независимость и отказался от какого-либо вмешательства в его оперативные решения.

Генерал Юденич не только получил возможность оказывать решающее влияние на все назначения и следовательно выбирать подчиненных на всех главных командных должностях. Не желая создавать для управления армией еще один штаб помимо того, который находился при Главнокомандующем, он решил перенести из Тифлиса ближе к фронту свой небольшой полевой штаб, где все ответственные должности заняли его молодые соратники, сыгравшие видную роль в Сарыкамышском сражении.

Так, должность генерал-квартирмейстера выполнял фактически начальник оперативного отделения полковник Е.В. Масловский. Подполковник, вскоре полковник, Драценко со своим помощником капитаном Штейфоном ведали разведкой. Другие должности в полевом штабе занимали несколько офицеров, участвовавших в этом сражении.

С близким ему по службе подготовленным полевым штабом, надежными войсками начался путь Юденича от победы к победе в борьбе с многочисленным, руководимым опытными офицерами германского генерального штаба противником (далее мы увидим, сколь остро не хватало ему в Петроградской операции именно дельного, энергичного штаба).

Первой такой блестящей победой была Евфратская операция... Надо сказать, что в то время как турки делали все для быстрого восстановления своей 3-й армии, создавая сводные дивизии за счет выделенных целых частей из столичного военного округа, Верховный Главнокомандующий потребовал от генерала Юденича переброски на западный фронт значительной части Кавказской армии, в том числе сформированный новый 5-й Кавказский корпус и 20-ю дивизию. В результате чего в резерве оставалась едва закончившая свое формирование новая 4-я Кавказская стрелковая дивизия.

Поэтому естественно, что основные силы Кавказской армии были сосредоточены на главном Сарыкамышско-Эрзерумском направлении. На ее левом фланге пространство между озером Ван и верхним течением Евфрата занимал 4-й Кавказский корпус, большая часть которого состояла из кавалерии. Именно по нему, с целью выйти в тыл русской сарыкамышской группе войск и угрожать находящемуся еще дальше Александрополю, решил нанести свой удар новый командующий 3-й турецкой армии Махмуд-Кемиль-паша со своим начальником штаба полковником Гюзе.

9 июля 1915 г. турки силой около 80 батальонов начали наступление на Евфрате от Мелезгерта и вышли к тогдашней русской границе, оттеснив войска 4-го стрелкового корпуса. Его командующий генерал Огановский настойчиво требовал от генерала Юденича подкреплений, указывая на то, что турки стремятся преодолеть пограничный Агри-дагский хребет и выйти к Ахтинскому перевалу.

Но генерал Юденич отказал ему в подкреплениях, зная, что они могут лишь задержать турок, и вместо этого скрыто сосредоточил на левом фланге наступающей турецкой группировки в Даяре ударную группу генерала Баратова из 4-й Кавказской дивизии, которой он придал 17-й Туркестанский полк и славный своими подвигами 153-й Бакинский полк из «непобедимой» 39-й дивизии.

Однако нацелив ударную группу во фланг и тыл войскам Махмуд-Кемиль-паши, генерал Юденич, несмотря на тревогу, докатившуюся до Тифлиса, выжидал, пока турки не подымутся на высоту Агри-дагского хребта. Только тогда, точно рассчитав темп операции, 23 июля 1915 г. отдал приказ генералу Баратову немедленно «наступать в направлении, по которому проходил лучший путь отступления турок»¹³.

Турки поспешно бросились назад с высот Агри-дага. Тем временем перешла в наступление с Ахтинского перевала 2-я казачья дивизия генерала Абациева из состава 4-го Кавказского корпуса. Пытаясь прорваться, минуя группу генерала Баратова, турки бежали в горы. Было захвачено свыше 10 000 пленных, в том числе прибывших из Константинополя, одетых с иголки, 300 молодых турецких подпоручиков. 3-я армия Махмуд-Кемиль-паши снова надолго потеряла боеспособность. Генерал Юденич «поразил — победил» по-суворовски. За это он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, а также орденом Белого Орла с мечами.

В конце 1915 г. два новых фактора создали угрожающее положение для Кавказской армии. В сентябре 1915 г. болгары выступили на стороне Германии и Турции, что сразу отразилось на снабжении турецкой армии артиллерией и снарядами из Германии. В то же время, в начале октября 1915 г., союзниками было принято решение отказаться от борьбы за Дарданелльский пролив и очистить Галлиполи. Благодаря этому освобождались отборные войска 5-й турецкой армии, большая часть которых должна была пойти на усиление 3-й турецкой армии и без этого численно превосходившую русскую Кавказскую армию.

Как всегда, стремясь упредить противника, генерал Юденич решил внезапно перейти в наступление на Эрзерумском направлении, нанести решительное поражение 3-й турецкой армии и занять ее главные позиции по обе стороны от селения Кеприкей с его единственным мостом через реку Аракс.

Правда, теперь в Тифлисе уже не было графа Воронцова-Дашкова. На его место прибыл из Ставки (после решения Государя принять на себя Верховное командование) Великий Князь Николай Николаевич. Он предоставил Юденичу полную самостоятельность, и все же перед началом каждой операции требовалось испрашивать его разрешения.

В совершенной тайне подготовив наступление, генерал Юденич отдал приказ о его начале 29 декабря 1915 г. Первым атаковал 2-й Туркестанский корпус генерала М.А. Пржевальского. Его части с трудом овладели оборонительным узлом турок на горе Гей-даг. А в ночь на 30 декабря главные силы 1-го Кавказского корпуса начали наступление на Кеприкейские позиции противника. Здесь разыгрались ожесточенные бои.

Стремясь удержать Азанкейское плато, по которому шел кратчайший путь к Эрзеруму, турки, неся огромные потери, израсходовали все резервы. Этого и ждал генерал Юденич. Он бросил ударную группу генерала Воробьева с 4-й Кавказской стрелковой дивизией, усиленной 263-м Гунибским полком, в прорыв по труднодоступной горной местности в районе местечка Меслагат, где противник не ожидал наступления. Выйдя во фланг и тыл 11-го турецкого армейского корпуса, ударная группа обратила в бегство турецкую армию по всему фронту. Кеприкейские позиции были заняты. Таким образом была достигнута задуманная оперативная цель — разбить 3-ю турецкую армию до подхода победоносно настроен-

ных турецких дивизий с Галлиполийского полуострова. Юденич удостоился довольно редкой награды — ордена Александра Невского с мечами.

Уничтожив значительную часть живой силы противника и, как пишет генерал Масловский, «наблюдая высокий моральный подъем войск»¹⁴, Юденич принял дерзновенное решение: использовать сложившуюся благоприятную обстановку для штурма Эрзерума. Он следовал завету Суворова — преследовать противника до конца, доводить победу до совершенства.

Но армия истратила в Азанкейском сражении почти весь свой боезапас, и генерал Юденич обратился с просьбой к Великому Князю Николаю Николаевичу взять необходимые патроны и снаряды из неприкосновенного запаса Карской крепости. И получил отказ. Великий князь не только отклонил это ходатайство, но категорически приказал немедленно прекратить дальнейшие действия и отвести войска на Кеприкейские позиции, где зимовать и устраиваться¹⁵.

Как и во время Сарыкамьшской операции, генерал Юденич настаивал на своем решении. 8 января 1916 г. он послал на разведку своих ближайших сотрудников — начальника оперативного отделения полковника Масловкого и помощника начальника разведывательного отделения подполковника Штейфона. Те, при опросе пленных, сразу заметили, насколько в силу поражения перемешаны на фронте турецкие части и, выехав вперед к знаменитой Деве-Бойнской позиции, прикрывающей Эрзерум, обратили внимание на то, что подступы к ключевому форту Чобан-деде не были еще заняты турками.

Решив не выполнять поручения о выборе позиций на Кеприкей, оба офицера по своей инициативе вернулись немедленно в штаб и доложили свои данные об обстановке, указав также на высокое боевое настроение войск. Генерал Юденич, как пишет генерал Масловский, «инстинктом, присущим только крупному полководцу... сразу схватил всю сущность неповторимой дважды столь благоприятной для нас обстановки и понял, что наступила самая решительная в течении войны минута, которая больше никогда не повторится»¹⁶.

Он немедленно связался по телефону с начальником штаба армии генералом Болховитиновым и приказал ему доложить Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу свою настоятельную просьбу отменить приказ об отводе армии на Кеприкейские позиции и разрешить ему штурмовать

Эрзерум. Как свидетельствует генерал Масловский, присутствовавший при этих телефонных переговорах, генерал Юденич предупредил, что он будет ждать ответа у аппарата. Великий Князь снова отказал и потребовал исполнить его первоначальный приказ. Только после новой настойчивой просьбы, переданной через генерала Болховитинова, Великий Князь, вероятно понимая, что Юденич скорее подаст в отставку, чем уступит, дал разрешение с грозящим условием: в случае неудачи вся ответственность падет на генерала Юденича. Так в вопросе о штурме Эрзерума генерал Юденич настоял на своем решении.

Правда, через несколько дней в штаб Юденича прибыл из Тифлиса состоявший при Великом Князе бывший начальник Генерального штаба генерал Ф.Ф. Палицын и со свойственными ему обстоятельностью и эрудицией стал доказывать письменно и устно невозможность взятия штурмом, без длительной подготовки, такую мощную укрепленную твердыню, какой является Эрзерум. Позже, в эмиграции, в письме адмиралу В.К. Пилкину от 4 июня 1921 г., Юденич писал по генерала Палицына: «Он и на Кавказе, когда я шел на Эрзерум, докладывал Великому Князю о невозможности зимней кампании на Кавказе, а мне присылал записки с подробным анализом обстановки карандашом и мелко написанные, я их не читал, передавал своему нач[альнику] штаба, который их тоже не читал и в свою очередь передавал кому-то»¹⁷.

Путь к Эрзеруму преграждал Девебойнский горный массив высотой свыше 2000 метров. На нем располагалось 11 мощных фортов с тяжелой артиллерией, построенных еще английскими инженерами во время и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На юге обход Девебойнской позиции прикрывала группа фортов, построенных немцами. Генерал Юденич решил сосредоточить свою лучшую 39-ю пехотную дивизию на северном фланге Девебойнской позиции, предвзительно заняв Кара-Базар, откуда открывались подступы к форту Чобан-деде. Он сам в середине января в сопровождении своего полевого штаба осматривал позиции у Деве-Бойны.

После длительной подготовки и прибытия тяжелой артиллерии из крепости Карс генерал Юденич назначил штурм на 29 января 1916 г. То, что на Эрзерумском направлении перед началом наступления было сосредоточено больше 80% войск из состава Кавказской армии и что другие участки фронта были оголены, было без сомнения рискованным. Но как ис-

тинный полководец, «рискобоязною» он не страдал. Юденич рассчитывал на доблесть войск, ту доблесть, которая должна была обеспечить ему максимальный темп операции и внезапность, не позволявшую турецкому командованию подготовить и организовать контрудар на других, до предела ослабленных участках русского фронта.

И генерал Юденич не ошибся. Несмотря на снежные вьюги на горных плато и обледеневшие скалы, по которым приходилось пробиваться к турецким фортам при 20-градусном морозе, войска выполнили поставленные перед ними задачи в течение 5 суток. Конечно, дело не обошлось без жестоких кризисных ситуаций, как например, героическая оборона несколькими ротами Бакинского полка под командой полковника Пирумова захваченного ими форта Делангез от яростных контратак турок. Когда последняя атака турок была отбита, в строю из 1400 солдат и офицеров оставалось 300, вместе с ранеными.

К вечеру 1 февраля 4-я Кавказская стрелковая дивизия прорвала фронт южнее форта Тафта и вступила с боем в долину Эрзерума. 2 февраля доблестный летчик поручик Мейзер лично доложил в штабе Юденича, что наблюдал, как большое количество повозок уходит из Эрзерума на запад, что означает, видимо, эвакуацию тылов. Получив эти сведения, а также донесения от 4-й стрелковой дивизии, Юденич отдал приказ о немедленном общем штурме. Он удался. На рассвете 3 февраля 1916 г., на пятый день операции, войска Кавказской армии подошли к Карским воротам города. Первым вошел в город с казачьей сотней есаул Медведев — старший адъютант штаба 1-го Кавказского корпуса. При штурме было захвачено в плен 235 турецких офицеров и около 13 000 солдат. Было взято 323 орудия.

Утром того же дня генерал Юденич выехал на автомобиле в Эрзерум и, пересев из-за глубокого снега на перевале Деве-Бойна на лошадь из проходившей казачьей части, прибыл в Эрзерум, где отдал приказания о преследовании. В результате энергичных действий Сибирской казачьей бригады были захвачены в плен остатки 34-й турецкой дивизии, не считая нескольких тысяч пленных и многочисленных орудий.

Через неделю в Эрзерум прибыл Великий Князь Николай Николаевич. «Он, — пишет генерал Штейфон, — подошел к выстроенным войскам, снял обеими руками папаху и поклонился до земли. Затем обнял и расцеловал Юденича».

В связи с вопросом о награждении генерала Юденича начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев сразу после штурма Эрзерума запросил Великого Князя Николая Николаевича: «На случай, если Государь Император изволит обратиться ко мне, всепреданнейше испрашиваю указания Вашего Императорского Высочества для доклада по сему и как могли бы быть отредактированы заслуги этого генерала в Высочайшем приказе»¹⁸.

На этот вопрос Великий Князь телеграфом сообщил Императору Николаю II свое мнение о генерале Юдениче:

Заслуга его велика перед Вами и Россией. Господь Бог с поразительной ясностью являл нам особую помощь. Но, с другой стороны — все, что от человека зависимо, было сделано. Деве-Бойна и Эрзерум пали благодаря искусному маневру в сочетании со штурмом по местности признанной непроходимой. По трудности во всех отношениях и по результатам, взятие Эрзерума, по своему значению, не менее [важно] чем операция, за которые генерал-адъютант Иванов и генерал-адъютант Рузский были удостоены пожалованием им ордена Святого Георгия 2-й степени.

Моя священная обязанность доложить об этом Вашему Императорскому Величеству. Просить не имею права.

Ген.-Адъютант Николай. Эрзерум, 8 февраля 1916 г.

Ответная телеграмма гласила:

Очень благодарю за письмо. Ожидал твоего почина. Награждаю Командующего Кавказской Армией генерала Юденича орденом Святого Георгия 2-й степени. Николай¹⁹.

Официальное сообщение, отредактированное генералом Алексеевым, пришло 16 февраля 1916 г.:

Государь-Император, в 15-й день сего февраля, Всемилостивейше изволил пожаловать командующему Кавказской Армией Генералу от Инфантерии Николаю Юденичу, орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, 2-й степени, в воздаяние отличного выполнения при исключительной обстановке боевой операции, завершившейся взятием штурмом Деве-Бойнской позиции и крепости Эрзерум.

Подписал — Генерал от Инфантерии Алексеев. Скрепил — Генерал-Лейтенант Кондзеровский²⁰.

Союзники России придали исключительное значение штурму Эрзерума. За эту победу генерал Юденич получил от английского правительства орден Св. Георгия и Михаила, а от французского самую высокую военную награду — орденскую Звезду Большого Креста Почетного Легиона.

Штурм Эрзерума, как когда-то и штурм Измаила, не был только блистательной победой. Он вызвал весьма существенные по своему значению стратегические и политические последствия. В стратегическом плане падение главного оплота азиатской Турции и окончательный разгром ее 3-й армии обеспечили успешное проведение ряда операций: занятие ключевого района Муша в Евфратской долине, высадку десанта и захват Трапезунда на черноморском побережье, Эрзинджано-Хараутскую операцию в июне–июле 1916 г., открывшую ворота в Центральную Анатолию, и, наконец, оборонительную — на Огнестомом участке фронта, где была обескровлена и остановлена в ожесточенных боях прибывшая из Дарданелл 2-я турецкая армия, в состав которой входил 16-й турецкий корпус Мустафы Кемаль-паши — будущего основателя современного турецкого государства.

В политическом плане перенос генералом Юденичем военных действий на территорию противника и занятие ее более чем на 300 км в глубину позволили министру иностранных дел С.Д. Сазонову формально закрепить и получить окончательное согласие Англии и Франции на формулировку им в Памятной записке от 19 февраля 1916 г. требования России о том, что «город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия будут впредь включены в состав Российской империи»²¹.

В феврале 1916 г., сразу после штурма Эрзерума, между Россией, Англией и Францией начались секретные переговоры о западных границах новых русских владений в Закавказье. В итоге этих переговоров было достигнуто соглашение, сформулированное в Памятной записке С.Д. Сазонова французскому послу в Петрограде Палеологу от 13 апреля 1916 г., где в разделе первом говорилось: «Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определения пункта на побережии Черного моря к западу от Трапезунда»²². Таким образом, в частности, из-под турецкого владычества освобождалась вся западная Армения.

Манифест об отречении от престола Императора Николая II был получен 2 марта 1917 г. и сразу вслед за ним приказ о назначении Верховным Главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича, немедленно выехавшего из Тифлиса в Могилев, в Ставку.

5 марта 1917 г. Главнокомандующим войсками Кавказского фронта был назначен генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. Он считал, что все главные оперативные цели на Кавказском фронте достигнуты. В тяжелую снежную зиму 1917 г. проблема снабжения войск, далеко ушедших от своих тыловых баз, решалась с большим трудом. Строившиеся узкоколейные дороги далеко не были закончены. Конечно, занятие Трапезунда облегчало положение, благодаря снабжению по морю, где господствовал русский Черноморский флот под командованием адмирала Колчака. Но все же, до приведения в порядок тылов, генерал Юденич считал необходимым переход к обороне, с тем чтобы отвести свои лучшие войска, в том числе 1-й Кавказский корпус со своей ставшей знаменитой 39-й дивизией в тыл, где были лучшие условия для их снабжения.

Но весной 1917 г. Временное правительство потребовало не только подготовки к общему наступлению, но и немедленного продвижения вперед корпуса генерала Баратова в Персии на Керманшахском направлении, в сторону Мосула, на помощь английской армии.

В докладе (составленном генералом Е.В. Масловским, хорошо знавшим по довоенной службе условия, в которых войска находились в Персии) генерал Юденич настаивал на стратегической обороне. Поэтому сразу после ухода с поста военного министра А.И. Гучкова 2 (15) мая 1917 г. генерал Юденич был уволен с поста Главнокомандующего Кавказским фронтом новым военным министром А.Ф. Керенским.

Покинув Тифлис, генерал Юденич поселился в Петрограде, в квартире адмирала Хоменко (командовавшего морскими силами во время десанта войск в Трапезунде) на Кронверкском проспекте Петроградской стороны. Во время июньского наступления на Юго-Западном и Западном фронтах он приезжал в Ставку, в Могилев, но был только свидетелем крушения на фронте и отступления из Галиции. В Петрограде, по воспоминаниям его жены Александры Николаевны²³, Юденич как-то зашел в банк, чтобы взять какую-то сумму из своих сбережений. Служащие банка, узнав, горячо приветствовали генерала и посоветовали взять все деньги на руки и продать собственный дом в Тифлисе, что генерал и сделал, обеспечив себя средствами на некоторое время вперед (захватывая и начало эмиграции).

Во время Октябрьского переворота генерал Юденич находился в Москве. Вскоре он вернулся в Петроград и, по некоторым данным, проверял возможность создания подполь-

ной офицерской организации, исходя из наличия старых офицерских кадров в некоторых полках петроградского гарнизона, ведущих свое происхождение от бывших запасных полков (батальонов) 1-й и 2-й гвардейских дивизий. Однако весной 1918 г. все бывшие гвардейские полки были демобилизованы и сохранился лишь один Лейб-гвардии Семеновский полк под названием «Полка по охране города Петрограда». Связь с офицерской организацией этого полка поддерживалась через курьеров и после отъезда генерала Юденича в Финляндию (см. биографию полковника В.А. Зайцова).

Характерно, что будучи уже в Финляндии и ведя переговоры с генералом Маннергеймом, генерал Юденич послал директиву в полк, вменяя в обязанность офицерам полка «оставаться по возможности в Петрограде, чтобы при приходе белых армий сохранить важные государственные учреждения и в последнюю минуту захватить власть в свои руки»²⁴. В этой деятельности генералу Юденичу помогали полковник Г.А. Данилевский и его верный адъютант поручик (в 1919 г. капитан) Н.А. Покотило, родственник его жены.

Косвенно о подобных связях с офицерскими организациями в частях Красной Армии говорит анонимный автор, скрывающий свое имя под псевдонимом «Митрич», в статье «Слава павшим» в издававшемся св. князем А.П. Ливеном журнале и поэтому без сомнения ему известным. По его словам, Петрозаводская дивизия охраны Петрограда «готова была повернуть свои штыки против большевиков»²⁵. «Митрич» очевидно имел в виду формировавшуюся с весны 1918 г. в составе войск Завесы Петрозаводскую пехотную дивизию, которая затем с лета того же г. именовалась Олонецкой и на базе которой осенью 1918 г. была сформирована 19-я стрелковая дивизия под командованием бывшего подполковника В.И. Солодухина, занимавшая одно время оборону северных подступов к Петрограду.

Правоту слов «Митрича» подтверждают опубликованные более 40 лет назад воспоминания Е. Драбкиной, которая была сама активной коммунисткой и к тому же дочерью видного советского и партийного работника С.И. Гусева (Драбкина), занимавшего одно время пост члена Реввоенсовета Республики. Она приводит слова члена коллегии ВЧК М.Я. Лациса, сказанные осенью 1919 г. «перед массовой облавой в центральных кварталах Москвы», в которой Драбкина как член партии принимала участие: «...Он говорил о том, что за после-

днее время отмечено немало случаев предательства, измены, шпионажа, перехода на сторону врага. За всем этим, несомненно угадывается широкий контрреволюционный заговор. Недавний случай предательства на Красной Горке, измены на Карельском участке Северного фронта, заговор в Петрограде, о раскрытии которого сообщалось в газетах, — все это звенья одной цепи...»²⁶ Эти слова, на наш взгляд, однозначно подтверждают, что тайная офицерская организация существовала и в составе войск Карельского участка, скорее всего, в составе 19-й стрелковой дивизии.

Но усиление террора со стороны органов ЧК после убийства Урицкого и угроза насильственной мобилизации в Красную Армию склонили генерала Юденича к отъезду за границу в расчете на то, что после поражения Германии бывшие союзники России окажут активную помощь в деле организации борьбы с большевиками.

ЮДЕНИЧ И МАННЕРГЕЙМ Первый стратегический замысел

В 20-х числах ноября 1918 г., пользуясь документами на другое имя, генерал Юденич вместе со своей супругой Александрой Николаевной и адъютантом Н.А. Покотило, прибыл в Гельсингфорс из Петрограда. Переезду генерала Юденича и его устройству в Финляндии в первое время помогал инженер Михаил Федорович Гарденин. Он был одним из инициаторов создания тайной офицерской организации, занимавшейся переброской офицеров через границу и посылкой курьеров в Петроград. Организацию поддерживал проживавший постоянно в Стокгольме английский финансист и банкир Ф.Ф. Лич, сочувствовавший Белому движению и, как мы увидим позже, встретившийся с генералом Юденичем в Стокгольме. По получении Юденичем валюты от адмирала Колчака именно Лич помог положить ее на личные счета генерала в надежные банки, в том числе созданный с этой целью Русско-английский банк.

Генерал Юденич, вывезенный из России вместе со своей женой при помощи тайной организации, проживал в загородном доме тестя и тещи М.Ф. Гарденина²⁷, женатого на финке. Тесть был в прошлом главным директором Екатеринославского металлургического завода. Считая Россию своей роди-

ной, он оказывал совершенно бескорыстную поддержку Белому движению и в том числе генералу Юденичу. «Все самые секретные собрания, — пишет М.Ф. Гарденин, — происходили на его даче»²⁸. На эту же дачу, позже, после ликвидации Северо-Западной армии 22 января 1920 г. адъютантом Юденича капитаном Н.А. Покотило тайно была привезена уцелевшая часть архива армии Юденича.

Первую подробную информацию о положении в Финляндии генерал Юденич получил от семьи М.Ф. Гарденина. Позже Юденич, для удобства ведения дел, переехал в скромную гостиницу в Гельсингфорсе «Сосиетэ» (Societe), где познакомился с представителями уже существовавшего «Особого комитета по делам русских беженцев», в том числе с бывшим товарищем председателя Государственной Думы III и IV созывов князем В.М. Волконским, графом А.А. Бугсгевденем и с самим его председателем, бывшим премьер-министром А.Ф. Треповым.

Тогда же Юденич мог убедиться, что руководство комитета пыталось вести переговоры с германскими военными властями, а это не соответствовало его линии поведения. Впрочем, германофильство части русской эмиграции в Финляндии было вызвано откровенно прогерманской ориентацией финляндского правительства, вынудившей, в частности, уехать за границу, в Париж и Лондон, даже победителя красных финнов генерала Маннергейма.

Это решение генерала Маннергейма было мотивировано тем, что правительство Свинхувда считало необходимым передать дело реорганизации финской армии германским специалистам и сохранить на территории Финляндии часть участвовавших в гражданской войне германских войск. Эта политическая линия привела к избранию 9 октября 1918 г. финским парламентом гессенского принца Фридриха-Карла, ближайшего родственника императора Вильгельма II, королем Финляндии.

Крушение Германии на западном фронте 11 ноября 1918 г. вынудило финское правительство поспешно переменить свою позицию, что и привело к избранию 12 декабря 1918 г. финским парламентом главой государства, регентом и главнокомандующим армией генерала Маннергейма. Это было, без сомнения, важнейшим событием и с точки зрения использования финляндского плацдарма для похода на Петроград. Конечно, Юденичу было известно, что генерал Маннергейм не

мог не считаться с сохранившимся германским влиянием в финской армии, значительная часть кадров которой состояла из ветеранов сформированного в Германии во время войны 27-го егерского батальона. Эти финские «егеря», обученные немцами, были настроены антирусски. Дело доходило до того, что во время гражданской войны в Финляндии, при взятии Выборга, они без разбора расстреливали вместе с финскими красногвардейцами и проживавших в Выборге русских офицеров из бывших финляндских стрелковых полков. Если этих «егерей» воодушевляла идея захвата Карелии, то они были более чем равнодушны к участию в освобождении Петрограда от большевиков.

Но в то же время барон Карл-Густав-Эмилий Карлович фон Маннергейм никогда не забывал подчеркнуть, встречаясь со своими русскими сослуживцами, что он был генерал-лейтенантом русской армии, принявшим от раненого генерала Каледина доблестную 12-ю кавалерийскую дивизию. Во время гражданской войны в Финляндии при нем состоял его друг генерал-лейтенант князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский. Целый ряд русских офицеров финско-шведского происхождения, близких генералу Маннергейму по службе в Императорской гвардии, занимали командные должности как во время финской гражданской войны, так и после нее.

Укажем, например, на генерал-майора Эрнеста Лаврентьевича Левстрема*, командовавшего во время финской войны Восточной группой войск и взявшего Выборг, за что он был произведен в генерал-лейтенанты²⁹, генерал-майора Генерального штаба Оскара Карловича Энкеля**, занимавшего видные

* Вышел подпоручиком в Лейб-гвардии Семеновский полк в 1885 г. и прослужил в нем 26 лет. В 1911 г. принял командование 91-м пехотным Двинским полком, с которым выступил на фронт Первой мировой войны. За бои на реке Ходоле в августе 1914 г. был награжден Георгиевским оружием и произведен в генерал-майоры. Назначен командиром Лейб-гвардии 1-го Стрелкового полка. За бои под Опатовом в октябре 1914 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1917 г. назначен начальником Гвардейской Стрелковой дивизии.

** Вышел подпоручиком в Лейб-гвардии Семеновский полк в 1897 г. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1903 г. Участник Русско-японской войны, награжден рядом боевых орденов, будучи помощником старшего адъютанта Управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии. Затем служил в Главном управлении Генерального штаба. В 1912 г. — полковник. С 28 января 1914 г. — военный агент (атташе) в Италии.

штабные должности, ставшего в 1924 г. начальником штаба финляндской армии, но не утратившего связи с русским воинством³⁰. Вместе с возвращением генерала Маннергейма как регента на должность Главнокомандующего финской армией начальником штаба был назначен³¹ полковник русского Генерального штаба Александр Александрович Тунцельман фон Адлерфлуг*.

Естественно, что эти, как и многие другие бывшие русские офицеры, служившие в финляндской армии, относились сочувственно к планам ее освободительного похода на Петроград, где многие из них провели лучшие годы своей жизни. Это хорошо знал и чувствовал генерал Маннергейм и в этом же мог скоро убедиться после своего прибытия в Гельсингфорс и сам генерал Юденич.

В первые недели своего пребывания за границей генерал Юденич, как и многие другие русские военные деятели, полагал наиболее благоприятным для подготовки борьбы с большевизмом занятие войсками бывших союзников России, а теперь стран-победительниц, т.е. Антанты, важнейших портов на Балтийском побережье — Гельсингфорса, Ревеля, Риги (хотя Рига на тот момент уже была занята красными). Под их прикрытием можно было бы сформировать и вооружить русскую армию.

Кадром для нее могли послужить местные русские добровольцы из Прибалтики и наиболее крепкие элементы из двух-миллионной массы русских военнопленных в Германии. Однако выяснить в Финляндии, насколько такой замысел был реален, было невозможно за отсутствием в Гельсингфорсе дипломатических и военных представителей стран-победительниц. Отсюда решение генерала Юденича выехать в Швецию, в Стокгольм, где находились посольства этих государств.

В начале декабря 1918 г. Юденич был принят советником английского посольства Р. Клайвом и военным атташе в Швеции Я. Бооуллером. Имея в виду английский десант в Мурманске и Архангельске, генерал Юденич развивал идею о переброске в Финляндию Русской Северной Армии из Архангельска и Псковского (Северного) корпуса из Эстонии. Каждое из упомянутых соединений насчитывало от 3-х до 4-х

* Вышел корнетом в 39-й драгунский полк в 1902 г. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1908 г. Начал служить по Генеральному штабу помощником старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. В 1917 г. начальник штаба 135-й пехотной дивизии.

тысяч человек. К ним можно было бы добавить 2–3 тысячи офицеров, находившихся в Финляндии. Однако эти предложения натолкнулись, как пишет генерал П.А. Томилов, на полное непонимание англичан и их указания на невозможность нарушения финляндского нейтралитета³².

Гораздо больше понимания генерал Юденич встретил у французского посланника Делава, «большого русофила»³³. Повидимому, от него, как и от русского посланника в Швеции К.Н. Гулькевича, генерал Юденич получил сведения о том, что французский министр иностранных дел Пишон в своих декабрьских выступлениях в парламенте заявлял: «...Все наши вмешательства в России за последний год были направлены против Германии»³⁴. Еще более четко высказался по вопросу помощи борьбе против большевиков военный министр Англии У. Черчилль, указывая на то, что после конца мировой войны «исчезли все аргументы, которые могли вести к интервенции»³⁵.

Многим белым генералам, в том числе генералам Щербачеву и Деникину, хотелось верить, что после капитуляции Германии у союзников освободятся неограниченные силы для борьбы с большевизмом, что наступит время для активной помощи Белому движению. В действительности, начиная с ноября 1918 г., никаких сил, под прикрытием которых могли бы развернуться белые армии для решающего удара, нигде так и не было высажено. Английская оккупация Мурманска и Архангельска в 1918 г. преследовала узкую цель — не допустить захвата при участии Германии огромного военного имущества, доставленного туда еще во время Великой войны.

Высадка французских войск в Одессе и в Севастополе после ухода немцев и их поспешная эвакуация оставили у генерала Деникина «тяжкое чувство горечи, обиды и возмущения»³⁶.

Быстро разобравшись в сложившейся после поражения Германии международной обстановке, Юденич, не возвращаясь больше к вопросу помощи союзных армий, в своем добавлении к записке А.Ф. Трепова, переданной союзникам 10 декабря 1918 г., настаивал: «...Для успеха нашего дела необходимо воздействие союзников на Финское правительство, на предмет предоставления возможности к беспрепятственному формированию добровольческих отрядов на территории этой страны»³⁷. К этому он добавил, что «для первоначального вооружения формируемых отрядов, оружие и запас боевых припасов может быть

предоставлено финским правительством из числа русского имущества, оставленного в свое время в Финляндии»³⁸.

В связи с оценкой обстановки и выводами, сформулированными в послании союзникам, естественно, что Юденич искал встречи с прибывшим в Швецию только что избранным (12 декабря 1918 г.) финляндским регентом, генералом К.Г. Маннергеймом. Однако генерал Маннергейм, опасаясь пристрастного истолкования в прессе встречи с генералом Юденичем во время своей первой поездки за границу в качестве регента, предпочел вести переговоры через генерала для поручений Теслофа³⁹, а самую встречу отложить до своего возвращения в Финляндию. Уже во время этих переговоров вопрос о формировании русских добровольческих частей в Финляндии был поставлен в зависимость от решения финского правительства, с учетом того, что такие формирования могут вызвать враждебную реакцию советского руководства.

3 января 1919 г. генерал Юденич вернулся из Стокгольма в Гельсингфорс и уже 5 января встретился с генералом Маннергеймом. На этой первой встрече генерал Маннергейм, не отказываясь в принципе от идеи участия финской армии в освобождении Петрограда, категорически потребовал немедленного признания независимости Финляндии и территориальных уступок как в восточной Карелии, так и на берегу Кольского полуострова. Естественно, что генерал Юденич не мог согласиться со вторым требованием и в единоличном порядке взять на себя сразу всю ответственность за решения в таких вопросах. Возникла необходимость как создания на месте соответствующей организации, представляющей интересы России, так и вхождения в связь с Русским Политическим Сопровождающим в Париже, где вопросами внешней политики занимался бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, в это время уже признавший адмирала А.В. Колчака как Верховного Правителя России.

Об оценке создавшегося положения лучше всего, как нам кажется, можно судить по записи в дневнике контр-адмирала Владимира Константиновича Пилкина (см. его биографию), оставленной 6 января 1919 г., вскоре по возвращении из Стокгольма и на следующий день после встречи с генералом Маннергеймом. Приведем эту запись полностью, без каких-либо сокращений, имея в виду, что она ярко передает то впечатление, которое оставил генерал Юденич у адмирала Пилкина после этой их первой встречи:

Целый день ждал указаний в котором часу меня примет Юденич, которому я послал карточку с просьбой назначить мне время для разговора. Наконец мне передали, что он будет ждать меня в 6 с половиной.

В 6 часов мы только кончили наше совещание. Накурили так все, что плавали в сизо-сером дыму. Я очень торопился чтоб поспеть в «Societe», где остановился Юденич, но ровно в половину седьмого я входил к нему в номер.

Юденич — это второй Михаил Коронатович (речь идет о вице-адмирале Михаиле Коронатовиче Бахиреве — друге контр-адмирала В.К. Пилкина. — *Н.Р.*), по типу конечно, так он вовсе не похож. Небольшого роста, коренастый, со взглядом исподлобья. По-видимому, очень осторожный, не без лукавosti, несколько застенчивый, как и Михаил Коронатович. Вероятно, упрямый, наверное, умный. Помнится, Михаил Коронатович, глядя на его портрет (кстати, мало похожий), промолвил с одобрением: «Не дурак выпить». Может быть и не дурак! На это намекает отчасти нос, хотя и не сливой и не красный, но в очертаниях его есть что-то... обещающее, что ли? Усы, седые, длинные. Когда я вошел к нему, у него был какой-то плотный, неопределенных лет курчавый господин, со ртом акулы и с ласковым взглядом... Буксегвен оказывается. Мы пожали друг другу руку и он вышел. Я одно мгновение боялся, что он останется.

Мы сели с Юденичем друг против друга и я начал, взвешивая каждое слово, свой доклад, что ли? Я ему сказал, что беспокою его своим посещением, потому что являюсь старшим из морских чинов в Финляндии, что на мне, как на старшем, лежат, согласно Морскому уставу, юридические обязанности по отношению к находящимся морским офицерам, не говоря о нравственных. Ко мне обращаются за советами, обращаются с просьбами, обращаются за руководством, но не зная обстановку, я не могу руководить моими сослуживцами. Они не знают, что им делать, и я не знаю, что делать. Офицерство терпит нужду и офицерство желает принять участие в общем деле освобождения России от большевиков. Обе эти причины заставляют офицеров стремиться на какой-нибудь из действующих фронтов. Но пробраться на Мурман сперва было сравнительно легко, но теперь и туда путь закрыли. Остался путь на южный берег, в Ревель. Но наша цель свергнуть большевистскую власть; достигается ли эта цель записью в Эстонские войска? Не будет ли это трата наших сил, которые могут еще пригодиться, когда потребуются напрочь разом все силы России. Недаром Деникин предупреждал, что стараясь с негодными средствами свергнуть большевиков, офицерство потеряло 30 тысяч человек и таких генералов как Алексеев, Корнилов, Марков.

Если союзники не намереваются в ближайшем будущем начать на северном театре операции против большевиков, то офицерам здесь придется помириться с мыслью, что они только косвенным путем (не-разборчивое слово) Эстонскому фронту принять участие в общем деле.

Затем, я ему рассказал, что намерение наше идти на миноносцы, переданные Эстонии, и на сомнения наши — не будет ли служба под

Эстонским флагом компрометировать русских офицеров. Вместе с тем я ему высказал и свой взгляд на этот вопрос, заключающийся в том, что нам необходимо в возможно большем числе идти на миноносцы.

Юденич слушал меня, изредка движением головы соглашаясь с моими словами. Когда я кончил изложение дел, как оно мне представлялось, я поставил Юденичу вопрос, может ли офицерство надеяться, что на севере начнутся широкие операции против Петербурга?

В ответ Юденич рассказал следующее: он виделся в Стокгольме с представителями американского, английского, французского п[равительства]. Всем им он изложил свой взгляд на необходимость активного вмешательства в русские дела и вмешательства в первую голову раньше, чем в германские. Кроме французского посланника, согласившегося со взглядом Юденича, остальные посланники высказались против вмешательства во внутренние дела России. Они ссылались также на усталость войск после 4-х лет войны. На заслуженный войсками отдых и т.п. Тем не менее, они взялись передать своим Правительствам записку Юденича и сообщить ему ответ Правительств. Юденич пробыл после этого 3 недели в Стокгольме и ответа ни от кого не пришло. Затем он имел разговоры с представителями финансов и промышленности, главным образом английскими, которые высказались тоже против активного вмешательства, но за материальную помощь русским добровольческим армиям. Однако чего-нибудь конкретного никто не предложил. Там же, в Стокгольме, к Юденичу обратились направленные к нему английским посланником представители Лифляндского правительства. Они предложили Юденичу принять на себя командование войсками Лифляндии и Эстляндии, с которыми заключено соглашение и, может быть, Финляндии, с которой ведут переговоры.

Юденич в принципе согласился на предложение, но поставил следующее условие: не ограничиваться защитой границ, а идти на Петербург. Допустить без ограничения образование русских дружин. Допустить формирование иностранных отрядов. Представители Лифляндского правительства сказали ему, что не уполномочены дать ему ответ и что снесутся со своим правительством. А между тем, заметил Юденич, база все уменьшается и уменьшается.

Юденич не скрывает от себя, что войска, которыми ему, может быть, придется командовать, очень плохи. Он сказал мне, что может быть в ближайшем будущем будет разрешено Финляндией формировать русские дружины в самой Финляндии, что значительно облегчит дело. На мой вопрос, находится ли он в контакте с генералом Деникиным, Юденич ответил отрицательно. Он только встретил в Стокгольме Нобеля, который в ноябре видел Деникина. По словам Нобеля, у Деникина нет недостатка людей, но нет снабжения, нет патронов, нет сапог...

Что же значит сообщение газет о высадке на юге 100-тысячной армии союзников и полной поддержке Деникина, bluff? «Значит», заметил Юденич. Он еще сказал: «Я не соперник Деникину».

Мы поговорили с ним о «танках». «Мы, морские офицеры, могли бы взяться обслуживать танки, если бы их удалось достать. У нас есть механики, есть шоферы, не говоря уже об артиллеристах».

«Не может ли Генерал просить о танках союзников?» Генерал не может. «Не может ли Генерал просить помощи у богатых русских людей?» «Они ничего не дадут», — был меланхоличный ответ. Весь наш разговор с Юденичем носил по форме глубоко старорежимный отпечаток. Ваше Высокопревосходительство не намеревается... Ваше Превосходительство не полагает... и т.п. и т.п.

Я просидел у него все-таки час!..

Все ли он мне сказал? Думаю, что все. Я его предупредил, что понимаю, что с совершенно ему незнакомым человеком говорить ему трудно, но он любезно заметил, что «мое Превосходительство» ему известно уже. «Известно, что я будто бы объединил в Финляндии морских офицеров». Это разумеется слова, и никого я не объединял здесь.

Ну какое же общее впечатление произвел на меня Юденич? Хорошее и немного странное. Он не совсем обиденный человек, не то чудаковат, не то просто сильно себе на уме, не ладно скроен, да крепко шит, вероятно очень сильный характер...

Сегодня Никола!⁴⁰

(Адмирал вспомнил число, но ошибся на месяц! — Н.Р.)

Встреча положила своего рода фундамент доверия между генералом Юденичем и контр-адмиралом Пилкиным. На этой основе постепенно сложилось не только тесное сотрудничество, но и прочная дружба, выдержавшая и бури Гражданской войны и тягостные годы эмиграции. Уже 11 (24) мая 1919 г., в письме к своему другу контр-адмиралу Смирнову, управляющему морским министерством у адмирала Колчака, контр-адмирал Пилкин, говоря о генерале Юдениче, писал: «...Наши отношения очень хорошие»⁴¹. Настолько, что адмиралу Пилкину удалось убедить генерала Юденича «послать Колчаку извещение о своем, здесь в Финляндии, пребывании»⁴². Дело не ограничивалось этим советом. Из письма Пилкина Юденичу от 16 января 1921 г., уже в эмиграции, ясно, что адмирал был и в сношениях с Колчаком, составляя по поручению Юденича телеграммы Верховному Правителю⁴³. Нет сомнения, что на решение Колчака о назначении Юденича главнокомандующим Северо-западным фронтом и о переводе (на личный счет генерала Юденича из предосторожности) значительных денежных сумм в иностранной валюте для Северо-Западной армии, повлиял хорошо ему известный еще по Порт-Артуру и близкий ему контр-адмирал Пилкин.

В том же письме контр-адмиралу Смирнову Пилкин (видимо, предполагая, что оно неизбежно дойдет и до адмирала Колчака) еще раз характеризует теперь уже своего непосредственного начальника: «Юденич несомненно очень умен. Никто его не обманет. Стоит посмотреть как он слушает, поглядывая исподлобья на разный люд, являющийся к нему, кто с проектом, кто с докладом. Заметно, что он всех насквозь видит и мало кому верит. Если скажет что-нибудь, то слово его всегда метко и умно, но говорит мало, очень молчалив... При этом он совсем не угрюм и в нем много юмора»⁴⁴.

Надо было обладать большой волей и выдержкой, преследуя цель освобождения Петрограда, чтобы на фоне отказа Запада от активной помощи Белому движению после поражения Германии и ясного понимания сужения базы в Прибалтике, о чем он дал понять адмиралу Пилкину, настойчиво продолжать искать стратегическое решение для выполнения поставленной задачи.

Не следует забывать, что 3 января 1919 г. после ухода немцев армия Советской Латвии заняла Ригу и оставалась в ней до 24 мая, когда, при участии русского отряда князя А.П. Ливена, Рига была освобождена. В Эстонии советские войска заняли 16 декабря 1918 г. Раквере, а 24 декабря железнодорожный узел Тапу, подойдя на 30–35 километров к самому Ревелю.

После подписания в декабре командующим Псковским корпусом полковником фон Нефом договора с эстонским правительством о снабжении отступившего из Пскова корпуса, переименованного в Северный, его формирования приняли участие в обороне подступов к Ревелю и в контрнаступлении на псковском и нарвском направлениях под общим командованием эстонского главнокомандующего Лайдонера. 19 января 1919 г. они вышли к Нарве.

Освобождение коренных русских территорий и тем более Петрограда оставалось лишь в области надежд как у русских добровольцев князя Ливена, так и у участников-добровольцев Северного корпуса полковника фон Нефа.

В свете этой ситуации, сложившейся в Прибалтике к началу января 1919 г., генерал Юденич уже во время первой встречи с генералом Маннергеймом поднял вопрос об участии финской армии в освобождении Петрограда. Он ни за что не хотел покидать Финляндии. «Слишком соблазнитель-

на идея петроградской операции, чтобы отказаться от нее, — говорил он адмиралу Пилкину весной 1919 г., — Пока есть хоть один шанс, я не уеду»⁴⁵.

Всегда стремившемуся к сосредоточению всех сил на узком пространстве и в то же время к максимальному темпу операции генералу Юденичу было очевидно, что наиболее простым и надежным решением для овладения Петроградом был бы короткий и сильный удар с севера. Многократное превосходство в силах финской армии на Карельском перешейке, при участии небольшого, но наполовину офицерского отряда русских добровольцев из проживавших тогда в Финляндии беженцев, казалось, гарантировали успех операции в предельно краткие сроки. Прорыв к северным предместьям города мог быть достигнут в течение 48 часов или немногим более. Очевидно, что при таком темпе операции совершенно исключалась возможность прибытия в Петроград резервов от главного командования Красной Армии, равно как и переброска частей 7-й армии с нарвского и псковского участков фронта.

На самом Карельском перешейке, из состава 7-й армии на конец февраля 1919 г. находилась 1-я бригада 19-й стрелковой дивизии под командованием бывшего подполковника В.И. Солодухина. (2-я и 3-я бригады этой дивизии, находились в стадии переброски на нарвский фронт, где они были разбиты во время майского наступления Северного корпуса.) Здесь же занимали позиции отдельные части (два полка) находящейся в стадии формирования 1-й сводной пехотной дивизии, начальником которой был И.Н. Жданков⁴⁶. Он же и. д. командующего Петроградской группы 7-й армии, в состав которой входили войска на Карельском перешейке, в Кронштадте и на южной части побережья Финского залива. Его начальником штаба был бывший полковник генерального штаба В.Я. Люндквист (см. его биографию), ставший позже, 5 июля 1919 г., начальником штаба 7-й армии.

Он был связан, согласно сведениям редакции «Красной Книги ВЧК», вышедшей в 1922 г., с Национальным Центром. Поэтому можно доверять сведениям о составе войск Карельского участка на 25 февраля 1919 г., сообщенных лидером Национального Центра в Петрограде инженером Штейнингером в письме генералу Родзянко, найденном на убитом при переходе фронта курьере Никитенко⁴⁷.

Согласно этим сведениям, в трех полках 1-й бригады 19-й

стрелковой дивизии числилось около 4000 штыков, а в отдельных частях 1-й сводной пехотной дивизии около 3500. Итого 7500⁴⁸. Многие батареи не могли менять своих позиций из-за отсутствия лошадей.

Что же касается финской армии, то командующий Западным фронтом, а затем 7-й красной армией бывший генерал-лейтенант Генерального штаба Д.Н. Надежный сообщает: «...По разведывательным данным штаба 7-й армии, на 15 мая на фронте Карельского участка со стороны Финляндии насчитывалось в первой линии 6000 штыков, 28 легких, 15 тяжелых орудий и 61 пулемет, на Выборгском направлении (подчеркнуто нами. — Н.Р.) около 29 000 штыков, 4500 сабель, 132 легких, 37 тяжелых орудий, 162 пулемета и в глубоком тылу 26 500 штыков... Если эти цифры, быть может, и были несколько преувеличены, то во всяком случае они настолько превосходили общую численность всего состава 7-й армии... что с ними нельзя было не считаться»⁴⁹.

Каково бы ни было преувеличение этих данных, превосходство на Выборгском направлении финской армии над частями 19-й и 1-й стрелковых дивизий было если не четырехкратным, то во всяком случае трехкратным, притом не принимая в расчет русский добровольческий отряд.

А уже тогда генерал Юденич планировал одновременно с наступлением на Петроград восстания в самом городе подпольных групп и целых частей гарнизона. Об этом говорят его директивы, посланные через курьеров офицерской организации бывшего Лейб-гвардии Семеновского полка, находившегося под фактическим командованием капитана В.А. Зайцова (см. биографию полковника В.А. Зайцова).

Разумеется, для осуществления «идеи петроградской операции» необходимо было получить согласие на нее от финского регента и главнокомандующего генерала Маннергейма. И благодаря общению с русскими генералами, лично близкими к генералу Маннергейму по совместной службе в гвардии (Е.К. Арсеньев, князь С.К. Белосельский-Белозерский и другие) и во время встреч с ним Юденич мог убедиться, что в 1919 г. Маннергейм отнюдь не опасался возрождения России, а наоборот считал, что только помогая русским в деле освобождения Петрограда можно рассчитывать на благоприятное отношение к Финляндии будущего русского государства.

Еще осенью 1918 г. во время поездки в Англию, т.е. еще

до избрания главой государства в декабре, Маннергейм писал в частном письме княгине Марии Любомирской, что «Россия не может быть разрушена и стерта с карты, а раз это так, то не лучше ли совершить рыцарский поступок — освободить Петроград силами финской армии и создать этим исходную основу для будущих хороших отношений»⁵⁰.

Эти же свои мысли и, следовательно, давно сложившееся убеждение⁵¹ генерал Маннергейм изложил в телеграмме, отправленной им из Парижа 28 октября 1919 г. президенту Стольбергу, в которой он заявил, что Финляндии необходимо принять участие в воссоздании России.

Приведем ее почти полностью.

...Развитие событий, по всей видимости, последний раз дает нашему народу возможность принять участие в решающем сражении против самой жестокой деспотии, какую только знал мир. Относительно малыми силами мы сможем обезопасить нашей молодой республике спокойное и счастливое будущее и доказать всему миру суверенитет государства Финляндии, что отвечает общим европейским интересам...

Все европейское общество уверено, что судьба Петрограда находится в руках Финляндии. Освобождение Петрограда — это не чисто финско-русский, это всемирный вопрос окончательного мира.

...Если Петроград будет взят без нашего участия, наша страна столкнется с непредсказуемыми трудностями, когда наступит время урегулирования нашего положения с новой Россией... Если же белые войска, которые сражаются сейчас под Петроградом, потерпят поражение, то не только Россия, но также и Европа сочтут нас ответственными за него⁵².

Конечно, нельзя забывать, что эта телеграмма Маннергейма президенту Финляндии Стольбергу была послана, когда войска Юденича вошли в октябре 1919 г. в предместье Петрограда и большинство в Европе было уверено, что город будет взят. Но и тогда выступление финской армии на севере гарантировало победу белых, а в какой-то степени эта же ситуация имела место в мае-июне 1919 г., когда Северо-Западная армия стояла у ворот Гатчины, а на форту Красная Горка вспыхнуло восстание.

Как в октябре 1919 г., так еще больше в мае-июне того же года генерал Маннергейм отлично знал соотношение сил на северных подступах к Петрограду и прекрасно понимал стратегический замысел генерала Юденича.

Но в мае-июне и даже еще в июле 1919 г., будучи и регентом Финляндии и главнокомандующим ее армии, генерал Маннергейм располагал всеми данными, чтобы принять решение,

которое по замыслу генерала Юденича могло стать судьбоносным, как в стратегическом, так и в политическом плане.

В связи с этим первым стратегическим замыслом освобождения Петрограда сразу после возвращения генерала Юденича из Стокгольма, уже в первые дни января 1919 г. возникла необходимость выбрать ту политическую линию поведения, которая наилучшим образом могла бы послужить для его осуществления.

Как раз в это время, на рубеже 1918 и 1919 гг., в Финляндию прибыли лидеры петроградской организации Национального Центра: 9 декабря 1918 г. П.Б. Струве, а в ночь на Новый, 1919 г. — А.В. Карташев. К нему присоединился его помощник и секретарь В.И. Новицкий, в середине января за ним последовал активный член Национального Центра генерал-майор Генерального штаба М.Н. Суворов. В начале января генерал Юденич встретился с П.Б. Струве и А.В. Карташевым и пришел к тому же решению (независимо от них) как и генерал Деникин и адмирал Колчак, а именно: о пользе тесного сотрудничества с представителями Национального Центра, готовыми всесторонне поддерживать военную диктатуру впредь до созыва свободно избранного Учредительного Собрания и в то же время вести активную политическую деятельность в лагере победивших союзников в пользу добровольческих армий, опираясь на свою последовательную антигерманскую позицию и признание своего либерально-демократического профиля.

Для того чтобы уточнить политическую линию поведения генерала Юденича, необходимо кратко коснуться роли Национального Центра во время Гражданской войны, тем более что, к сожалению, его история до сих пор не написана. Эта организация, выделившаяся из Правого Центра летом 1918 г., состояла в своем большинстве из правого крыла кадетов (Партия Народной Свободы 1917 г.). Она активно поддерживала белое военное командование везде, где возникала вооруженная борьба с большевиками.

Бывшие кадеты, вошедшие в Национальный Центр, отказались после опыта 1917 г. от союза с так называемой «революционной демократией», т.е. с эсерами и меньшевиками. «Мы, — говорил А.В. Карташев, бывший министр вероисповеданий во Временном правительстве, — уже не те кадеты, которые выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими»⁵³.

А ставший во главе Московской подпольной организации Национального Центра Н.Н. Щепкин шел еще дальше, заявляя, что если генерал Деникин займет Москву, то лица, «прикосновенные к Временному правительству», должны были бы «пожизненно лишиться права участия в какой бы то ни было власти»⁵⁴.

Как в Москве, так и в Петрограде лидеры Национального Центра вели подготовку восстания в расчете на приближение белых армий, привлекая в свои боевые организации офицеров и генералов, состоявших на службе в Красной Армии в качестве «военных специалистов». Так в Москве подпольную «Добровольческую армию Московского района» возглавил генерал-лейтенант Генерального штаба Н.Н. Стогов (бежавший к Деникину во время арестов осенью 1919 г.) и полковник Генерального штаба В.В. Ступин. В Петрограде, помимо генерал-майора Генерального штаба М.Н. Суворова, ушедшего в Финляндию, близко к организации Национального Центра, возглавляемого инженером В.И. Штейнингером (он же ВПК), а затем, после его ареста, профессором В.Н. Таганцевым (возглавившим в 1920 г. «Петроградскую боевую организацию») стояли подполковник Г.И. Лебедев и полковник Генерального штаба В.Я. Лундеквист.

Летом 1918 г. лидеры Национального Центра А.И. Астров, М.М. Федоров, В.А. Степанов выехали тайно из Москвы в Екатеринодар к генералу Деникину, где вошли в созданное генералом М.В. Алексеевым «Особое Собрание». В Сибири, в Омском правительстве адмирала Колчака большую роль играли члены Национального Центра, министр внутренних дел, а затем Председатель Совета Министров В.Н. Пепеляев, пробравшийся позже в Омск из Екатеринодара А.А. Червен-Водали, А.А. Волков и другие.

Прибывшие из Петрограда в Гельсингфорс члены Национального Центра проявили после встречи с генералом Юденичем большую энергию и умело подготовили почву для возглавления им военно-политического центра в Финляндии. 14 января 1919 г. Струве и Карташев создали в Выборге съезд представителей русских промышленных кругов, находившихся в Финляндии. На этом съезде был образован Национальный (или «Особый») комитет, на котором 16 февраля А.В. Карташев был избран его председателем. Военное управление было передано генералу Юденичу. При нем был

сформирован небольшой штаб, в состав которого по морским делам вошел контр-адмирал В.К. Пилкин, а начальником штаба первоначально был престарелый герой Порт-Артура, а затем командир 19-го армейского корпуса и 6-й армии генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский. Его вскоре заменил бывший Дежурный генерал Ставки Верховного Главнокомандующего во время Великой войны генерал-лейтенант Генерального штаба П.К. Кондзеровский, вступивший в должность под именем генерала Кондырева.

При Карташеве состоял член Национального Центра В.И. Новицкий, занимавшийся посылкой курьеров к оставшемуся лидеру этой организации в Петрограде инженеру В.И. Штейнингеру и поддерживавшему с ним переписку, благодаря которой генерал Юденич получал ценную и нужную ему для переговоров с генералом Маннергеймом информацию о составе и дислокации 7-й красной армии.

В Военно-политический Центр вошел и П.Б. Струве, вскоре уехавший в Париж для связи с Русским Политическим Совещанием и для пропаганды в пользу генерала Юденича в английских и французских правительственных кругах, а также генерал-майор М.Н. Суворов, занимавшийся проблемой регистрации военнообязанных и подготовкой воинских формирований. Кроме них в Особый комитет вошли представители промышленности С.Г. Лианозов, П.П. Форостовский, В.П. Шуберский, В.Н. Троцкий-Сенюкович, ставший позже в Париже представителем генерала Юденича как Главнокомандующего на Северо-западе по делам поставок снаряжения и снабжения Северо-Западной армии.

24 мая 1919 г., в связи с переговорами с генералом Маннергеймом и в то же время с успешным наступлением Северного Корпуса генерала Родзянко на нарвском фронте, генерал Юденич на базе Военно-политического Центра утвердил составленный Карташевым проект «Политического Совещания» при старшем русском военном начальнике Северо-Западного фронта. В его состав вошли А.В. Карташев — как заместитель генерала Юденича, ведающий иностранными делами, генерал П.К. Кондзеровский (Кондырев) — начальник штаба, генерал М.Н. Суворов, занятый административными вопросами, самоуправлением и транспортом, генерал-лейтенант В.Д. Кузьмин-Караваев, профессор-юрист и бывший член Государственной Думы, занимавшийся печатью, юстицией и агитацией и

«преданный», по словам А.В. Карташева, нефтепромышленник С.Г. Лианозов, ведающий делами промышленности и торговли. Управляющим делами этого узкого «кабинета» при генерале Юдениче был назначен полковник Г.А. Данилевский.

«Первой задачей “Политического Совещания”, — писал А.В. Карташев в Омск главе правительства адмирала Колчака А.Н. Пепеляеву 25 мая 1919 г., — это быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией... Без таких ответственных переговоров невозможна никакая наша кооперация с ними против большевиков. ...Второй задачей Совещания является роль зачаточного и временного правительства для Северо-западной области»⁵⁵.

И хотя члены «Политического Совещания» и были привлечены к переговорам с представителями финляндского правительства об условиях, на которых финская армия должна была участвовать (в походе на Петроград), генерал Юденич в телеграмме адмиралу Колчаку от 15 июня 1919 г. предельно ясно определил роль этого органа во время его пребывания в Финляндии: «При мне образовано лишь Политическое Совещание, как Совещательный орган при Главнокомандующем. Всю полноту власти и ответственности в районе моего фронта я принимаю на себя»⁵⁶.

Но между тем, наряду с подготовкой политической базы для своего стратегического замысла об ударе по Красной Армии с севера и занятии Петрограда с помощью финляндской армии, генерал Юденич уже 3 апреля 1919 г., подвел итог переговорам с генералом Маннергеймом, который он и изложил в телеграмме члену Русского Политического Совещания в Париже С.Д. Сазонову: «Основываясь на мнении хорошо осведомленных кругов Финляндии, прихожу к убеждению, что финны согласны оказать вооруженную помощь России в борьбе с большевиками на следующих условиях: 1) Восточная Карелия присоединяется к Финляндии, но железная дорога на Мурманск остается в русских руках... 2) Финляндия получает выход к Ледовитому океану у Печенги. Финны считают, что имеют право на эту территорию, как обещанную им еще при Александре II, в 1864 г. в обмен на Сестрорецк. Первое условие признается особенно важным. Оно даст возможность Правительству поднять национальное чувство финнов и, играя на нем, двинуть их против большевиков...

За эти условия финны обязуются мобилизовать свою армию, занять Петроград, выдвинуться на линию, о которой пришлось бы сговориться с финским командованием, примерно не ближе Бологое и будут держаться на ней, предоставив нам плацдарм для наших формирований... Управление Петроградом и всей территорией, отвоеванной у большевиков, будет русское и передаваться нам по мере ее занятия. В походе на Петроград примут участие и небольшие русские отряды, которые могут быть сформированы в Финляндии. Ожидаю спешного ответа, насколько эти условия приемлемы и возможно ли вступить с финским правительством в переговоры на изложенных условиях»⁵⁷.

Ответ С.Д. Сазонова был краток. Он лишил Юденича самих прав на переговоры с Маннергеймом.

«Политические переговоры с Финляндией, — сообщал он, — должны вестись в Париже. Желательно, чтобы в Ваших беседах с Маннергеймом Вы бы высказались в подходящем смысле»⁵⁸.

Отношения с адмиралом Колчаком, не без влияния, как мы видели, адмирала Пилкина, сложились иначе. Еще 2 февраля 1919 г. адмирал Колчак через поверенного в делах в Стокгольме (а в силу того, что связь генерала Юденича с Гулькевичем в Стокгольме осуществлялась через курьеров, что значительно задерживало сношения с Омском) просил передать генералу Юденичу: «Горячо приветствую Ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины. Крайне желательно установить тесную связь и общность действий. С радостью усматриваю, что все национальные усилия в разных частях России идут к быстрому объединению. Шлю Вам пожелания успеха»⁵⁹.

Ознакомившись с докладами, переданными через капитана 1-го ранга Ладыженского, с планами генерала Юденича и его стратегическим замыслом, адмирал Колчак послал ему сразу две телеграммы. В первой, от 24 мая 1919 г., он передавал: «Создание Северо-западного фронта на началах Вами проектируемых признаю вполне целесообразным и подлежащим осуществлению, для чего надлежит напрячь все усилия... Занятие столицы нанесло бы большевикам тяжелый моральный урон. Считаю необходимым, чтобы выполнение намеченной задачи происходило в полной уверенности, что оно осуществляется по поручению и согласно указаниям Российского Правительства. Уполномочиваю Вас принять Главнокомандование всеми русскими силами Северо-западного фронта...»⁶⁰

Во второй телеграмме от 26 мая адмирал Колчак высказывает одобрение роли и участию генерала Маннергейма в походе на Петроград, сообщает о своих просьбах от имени российского правительства и, что особенно важно, выражает готовность предоставить Финляндии необходимые кредиты в иностранной валюте, имея в виду условие генерала Маннергейма о финансовой поддержке операции союзниками. Но в то же время адмирал Колчак отказывается дать формальное согласие на признание государственной независимости Финляндии, ставя этим генерала Юденича в весьма трудное положение.

Приведем текст этой телеграммы:

Копия секретной телеграммы в Стокгольм Российскому Посланнику.

Прошу передать Генералу Юденичу:
(Шифр.)

Ссылаюсь на свой № 739.

Нами ведутся переговоры с Союзниками на следующих основаниях: 1) Поход Маннергейма на Петроград чрезвычайно желателен, но при неперемennom условии участия в нем русского отряда под Вашим командованием. Так как на финляндцев ляжет главная тяжесть борьбы, то мы считаем возможным согласиться, чтобы общее руководство военными действиями принадлежало Маннергейму. При этом однако мы ставим условием, чтобы по занятии Петрограда там была установлена русская, Вам подчиненная, а не Финляндская администрация. 2) Мы просим о поддержке операции союзным флотом. 3) Обращаемся к союзникам с просьбой принять на себя продовольствование Петрограда, указав, что план Нансена может быть применен к Петрограду, но лишь после освобождения последнего. 4) Просим также союзников о немедленном доставлении снабжения и снаряжения, необходима для выполнения операций. На финансовую помощь их рассчитывать трудно. Российское Правительство готово само предоставить Финляндии и Эстляндии необходимые кредиты в иностранной валюте, о чем должны быть немедленно начаты переговоры. 5) По вопросу о наших политических отношениях с Финляндией считаем, что признание государственной независимости Финляндии может исходить только от Учредительного Собрания⁶¹.

Вскоре после этого сообщения к посланнику в Стокгольме пришла еще одна секретная телеграмма на имя генерала Юденича: «Указом Верховного Правителя, 10-го июня Вы назначены Главнокомандующим всеми Российскими сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северо-западном фронте»⁶². Датирован-

ная 14 июня, она была отправлена 17 июня 1919 г. (эта телеграмма подтверждала назначение генерала Юденича на эту должность еще 5 июня 1919 г.).

Получив ее с большим запозданием, генерал Юденич медленно отбыл на французском миноносце в Ревель, чтобы лично посетить войска Северного корпуса и его командующего генерала Родзянко. Момент прибытия в Нарву был выбран очень удачно, так как 19 июня эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер сложил с себя оперативное командование Северным корпусом.

В Ревеле генерала Юденича встретил выстроенный для него почетный караул. После приветствия Главнокомандующий поехал в помещение штаба корпуса, где генерал Родзянко подробно доложил о положении на фронте и в тылу. «Желание генерала Юденича поехать на фронт, — признает генерал Родзянко, — произвело на всех приятное впечатление»⁶³. На фронте, на гатчинском направлении, Юденич посетил позиции Талабского полка полковника Пермикина как раз тогда, когда на соседнем участке красным удалось прорвать фронт. За отсутствием резервов генерал Родзянко выехал в формирующийся новый Красногорский полк, с помощью которого положение на фронте было восстановлено. Во время поездки на фронт генерал Юденич здоровался с войсками и благодарил за службу от имени Верховного Правителя адмирала Колчака.

Армия, которую, наконец, увидел генерал Юденич, была раздета, воевала в основном трофейным оружием и экономила скупо отпускаемые эстонским командованием из запасов бывшей крепости Императора Петра Великого патроны и снаряды.

Он вынужден был отмалчиваться, когда генерал Родзянко и другие офицеры в штабе только что сформированного 1-го корпуса графа Палена спрашивали его «о посылке офицеров и снаряжения» или о том, «существует ли в Финляндии русская армия»⁶⁴. Сам генерал Родзянко отлично знал, что обещанные англичанами пароходы с оружием и снаряжением все еще не приходили, равно как и то, что финляндские власти не только не разрешили формировать части из русских добровольцев, но и всячески мешали офицерам, желавшим попасть в Северный корпус, отплыть легально из Финляндии в Эстонию. Но он настойчиво ставил эти вопросы, стремясь подчеркнуть, что Главнокомандующий не в состоя-

нии на них ответить и, следовательно, как бы не соответствовал своей должности. Генерал Родзянко довольно ясно дал понять, что ни он, ни его друзья не в восторге от прибытия генерала Юденича в качестве Главнокомандующего.

26 июня 1919 г. генерал Юденич вернулся в Гельсингфорс. Опытным глазом он без труда разглядел, что Северо-Западная армия (переименованная из «Северной» 1 июля 1919 г.) не в состоянии наступать на Петроград после того, как были упущены шансы на победу во время восстания на форту Красная Горка. Да и в разговорах с Родзянко слышались опасения, что армия «растает» в случае занятия Петрограда. Как пишет сам Родзянко, в то время «...всякая надежда на движение на Петроград отпала»⁶⁵.

Поэтому в июне 1919 г. генерал Юденич с еще большей настойчивостью продолжал стремиться к осуществлению своего стратегического замысла об ударе на Петроград с севера. Ибо упоминание о выходе к станции Бологое, т.е. на полпути к Москве, говорит о том, что в этом замысле лежала идея не только о занятии бывшей столицы, но и о наступлении на Москву с севера, одновременно с наступлением генерала Деникина с юга. А многочисленные и разносторонние (и по линии Национального Центра, и по линиям офицерских групп адмирала Пилкина, М.Ф. Гарденина и др.) данные о подпольных организациях в Петрограде позволяли рассчитывать на быстрое развертывание русской добровольческой армии на основе все еще огромных мобилизационных резервов, как среди учащейся молодежи и офицеров, служащих в Красной Армии и флоте, так и благодаря наличию технической базы.

6 июня состоялась общая встреча генералов Юденича, Маннергейма и начальника военной миссии союзников в Прибалтике английского генерала Гофа. Маннергейм торопил своих собеседников с принятием решения о наступлении на Петроград, утверждая, что после президентских выборов обстановка изменится⁶⁶. 12 июня состоялась новая встреча генерала Юденича с генералом Маннергеймом, вскоре после которой генерал Маннергейм подписал военно-политическое соглашение, на условиях которого он соглашался выступить в поход на Петроград.

Условия эти, выработанные при участии членов Политического Сопровождения А.В. Карташева и генерала М.Н. Суворова с русской стороны и военного министра Р. Вальдена и и. д. ми-

нистра иностранных дел Л. Эрнрута с финской, повторяли в целом требования генерала Маннергейма, изложенные в приведенной выше телеграмме генерала Юденича С.Д. Сазонову от 3 апреля 1919 г., дополненные лишь статьями о преимущественных тарифных режимах в торговле с Финляндией в будущей России, об уплате финским подданным вознаграждения за утраченную в России частную собственность и некоторыми другими, касающимися паломников, судоходства по Ладожскому озеру и тому подобным⁶⁷.

Существенным являлось военно-административное соглашение, которое было изложено вместе с заключением самим генералом Юденичем в телеграмме адмиралу Колчаку:

Маннергейм руководит всей операцией; русскими войсками, участвующими на финском фронте через меня. Управление местностью и Петроградом переходит немедленно ко мне, равно как и полная свобода распоряжений войсками и формированиями. Финские войска выдвигаются и ждут смены. При всех частях русский офицерский контроль, который принимает пленных и задержанных и распоряжается ими. Все сношения с населением через русских офицеров. Военная добыча не допускается...⁶⁸

Сообщая об этом Колчаку, Юденич добавлял:

Без принятия полностью этих условий, наступление финнов невозможно. Более того, необходимо помочь Маннергейму получить от Англии прямое предложение наступать с обещанием поддержки деньгами и вооружением. Финляндия в мобилизационном отношении готова, но упущение времени создает для Маннергейма внутреннюю политическую обстановку, исключающую выступление. Через две недели может быть избран новый президент финляндской республики.

Ввиду всего сказанного, учитывая возможную продолжительность срока до получения от Вас ответа, докладываю, что чрезвычайные обстоятельства могут вынудить меня принять решение утвердить условия и предпринять совместное выступление.

8 июля (1919), № 64, Юденич.⁶⁹

9 июня 1919 г., как сообщил адмиралу Колчаку в секретной телеграмме Д.С. Сазонов из Парижа, союзники (Совет четырех) обратились к генералу Маннергейму, извещая его о «неимении со стороны союзных правительств возражений против операций финляндских войск против большевиков, если бы подобные операции были предприняты»⁷⁰.

А как мы видели, финансовое обеспечение операции, которого требовал генерал Маннергейм, брал на себя валютой адмирал Колчак. Таким образом, как будто бы все требования

генерала Маннергейма в плане внешнеполитической поддержки для похода на Петроград были удовлетворены. В секретной телеграмме, посланной в Омск Колчаку через посланника в Швеции Гулькевича, сам генерал Маннергейм от имени правительства Финляндии (ибо телеграмма подписана не только им, но и министром иностранных дел Хольсти) 16 июля 1919 г. сообщал:

Большинство финляндского народа вместе со мной с сочувствием следит за борьбой, которую Вы во главе храбрых русских войск ведете с целью истребить большевизм... Советская власть представляет для нас постоянную угрозу и мы далеко не безучастны к страданиям, переживаемым русским народом под игом большевизма. Помимо гуманной стороны вопроса, взятие Петрограда имело бы большое значение как опорного пункта военных действий Советской власти в Северной России, ввиду сосредоточения в нем всех нитей северо-европейской революционной пропаганды.

Поэтому финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных финляндских войск в освобождении Петрограда. Не стану скрывать от Вас, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующую тяжелых жертв, если мы не получим гарантий, что новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласится на некоторые условия, исполнения которых мы не только считаем необходимыми для нашего участия, но также необходимой гарантией нашего национального государственного бытия. Г. Маннергейм. 14 июля 1919 г. Г. Хольсти, министр иностранных дел⁷¹.

Итак, после того как Юденич выразил готовность «утвердить условия», выдвинутые Маннергеймом, казалось бы, не оставалось никаких препятствий для участия финляндских войск в освобождении Петрограда. Тем более, что генерал Юденич в силу обстановки был готов принять решение о признании независимости Финляндии вопреки точке зрения адмирала Колчака, относившего этот вопрос исключительно к ведению будущего Учредительного Собрания.

Регент Финляндии стоял перед выбором: либо распустить парламент и начать немедленно военные действия с тем, чтобы, будучи уже окруженным ореолом победителя, утвердить новую конституцию и тогда предстать перед народом на выборах, либо искать опоры в политических партиях и, подчиняясь большинству в парламенте, утвердить конституцию, согласно которой выборы президента становятся прерогативой парламента.

Вопреки своему убеждению в том, что «относительно малыми силами мы сможем обеспечить нашей молодой республике спокойствие и счастливое будущее... когда наступит время урегулирования нашего положения с новой Россией», генерал Маннергейм в эти судьбоносные июльские дни 1919 г. проявил осторожность, граничащую с нерешительностью.

Он предпочел утвердить 17 июля новую конституцию, согласно которой президент избирался выборщиками в парламенте, рассчитывая, что после выборов он в случае победы, может начать войну с развязанными руками.

Согласно финскому историку М. Ахти, 17 июля генерал Маннергейм заявил: «Ну вот, тогда в 4 часа конституция будет мною утверждена. Военный не может действовать в политике без поддержки какой-либо партии»⁷². Генерал Маннергейм не захотел рисковать ради блага своей родины и поступил вопреки своим убеждениям.

Но поддержки влиятельных аграрной и прогрессивной партий генералу Маннергейму получить не удалось. Его поддержала лишь шведская народная коалиционная партия. 25 июля 1919 г. президентом Финляндии стал профессор Стольберг. Не решившийся на риск генерал Маннергейм тут же покинул Финляндию, уехав надолго за границу.

Так исчез шанс на проведение беспроектной операции по занятию Петрограда, на который рассчитывал генерал Юденич. Его первый стратегический замысел рухнул. 26 июля 1919 г. генерал Юденич, сопровождаемый адмиралом Пилкиным, отбыл на пароходе в Ревель, навсегда покинув Финляндию.

В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ Второй стратегический замысел

Еще до прибытия генерала Юденича в Нарву, в Ревеле, 26 июля 1919 г., генерал Родзянко представил ему письменный доклад, где настаивал на сосредоточении армии не в районе Ямбурга на Гатчинском направлении, ведущем в Петроград, а в Пскове. В основе этой идеи лежал замысел далеко идущей операции. Предполагалось, наступая через Порхов, Шимск и Новгород, нанести «...удар на Чудово, который с правой стороны будет прикрыт болотами, озером Ильмень и рекой Волхов и даст возможность почти верные успехи»⁷³. (Так в тексте. — Н.Р.)

Целью было отрезать Петроград от Москвы (заяв Чудово), окружить бывшую столицу, «вынудить противника прорываться, ища выход из окружения». «С занятием Новгорода, — писал он, — и имея возможность отрядками действовать в тыл неприятелю, заставить Петроград эвакуировать большевистские элементы, что значительно облегчит ...и самое занятие Петрограда»⁷⁴. Здесь и далее, как и во время восстания на форту Красная Горка, у генерала Родзянко проходит красной нитью мысль о том, что Петроград, наполненный большевистскими элементами, «невозможно удержать слабыми силами Северо-Западной армии, даже в случае его занятия». Предлагая свою стратегию «измора», генерал Родзянко заканчивает свой доклад генералу Юденичу словами: «...Нужно подумать о возможности его (Петроград. — Н.Р.) удержать, на что я могу смело ответить, что при наличии наших сил это почти невозможно. Эту мысль нужно принять как основу»⁷⁵.

Развивая эти же идеи на совещании командного состава в деревне Гостицы вскоре после сдачи Ямбурга 5 августа 1919 г., генерал Родзянко, продолжая настаивать на наступлении на Новгородском направлении, с тем чтобы выйти «на Чудово — Ладожское озеро», подчеркивал в то же время, что действие на Петроград по кратчайшему расстоянию от Ямбурга не является правильным⁷⁶.

Родзянко был уверен в том, что фабричное население Петрограда не будет лояльным к белым. По своему опыту и впечатлениям, оставшимся у него в памяти от октября 1917 г. (см. его биографию), он полагал, что если даже войти в Петроград, — удержать его не удастся⁷⁷.

Стремясь найти поддержку своим стратегическим соображениям, генерал Родзянко упоминает, что генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западной армии генерал-майор Генерального штаба Б.С. Малявин «вполне разделял мою точку зрения»⁷⁸. Действительно, в «Записке», адресованной Начальнику штаба Северо-Западной армии и датированной 18 августа 1919 г., генерал Малявин настойчиво повторял, что со стратегической точки зрения, необходимо прочное занятие Псковского района⁷⁹. Он шел еще дальше генерала Родзянко в вопросе направления главного удара, полагая, что главное операционное направление устремлено на восток, для занятия станции Дно, «...а впоследствии — следующей узловой станции Бологое, которое, как известно, находится на полпути между Петроградом и Москвой»⁸⁰.

Генерал Юденич не был согласен с командующим армией и с его штабом. Не упуская из вида главной цели — освобождение Петрограда, — он считал, что растягивать Северо-Западную армию на 250-километровую операционную линию от Пскова до Чудова было более чем рискованно, имея в виду открытые, необеспеченные фланги и со стороны Старой Руссы и Малой Вишеры, откуда противник мог легко наносить удары.

Дважды подходя к карте, Юденич демонстрировал Родзянко, что расстояние от Ямбурга до Петрограда значительно короче⁸¹. Он указывал на то, что это единственная операционная линия, доступная для армии, которая может рассчитывать лишь на внезапность, порыв и быстрый темп наступления, предупреждающий возможность противника маневрировать резервами.

Генерал П.А. Томилов цитирует заготовленное и подписанное генералом Юденичем предписание на имя командующего армией генерала Родзянко: «Прошу Вас проникнуться сознанием важности в политическом и оперативном отношении сохранить за нами плацдарм у Ямбурга и внушить это сознание Вашим подчиненным. Основная идея Северо-Западной армии — освобождение Петрограда, во имя этого нам обещана помощь союзников и таковая начала прибывать. Уход к югу будет истолкован как отказ от основной задачи, как сознание невозможности ее исполнения»⁸².

Но как раз в разгар этой дискуссии генерал Родзянко, вопреки категорическому приказу Главнокомандующего, лично распорядился оставить Ямбург с его предместным укреплением и взорвать 5 августа железнодорожный мост через Лугу.

Накануне сдачи Ямбурга, 4 августа 1919 г., генерал Родзянко выехал в Псков к командиру 2-го стрелкового корпуса генералу Арсеньеву, где они выработали план сосредоточения всей армии в районе Пскова⁸³. «Я окончательно уговорился с генералом гр. Паленом (командиром 1-го стрелкового корпуса. — *Н.Р.*), — пишет Юденич, — что в случае нажима противника, он, несмотря на неперемное желание Главнокомандующего оборонять Ямбург во что бы то ни стало — отойдет на юг и перейдет через р. Лугу, где и задержится прикрываясь этой рекой»⁸⁴.

Таким образом, увлеченный своим «псковским направлением» генерал Родзянко не только не дал себе труда понять стратегический замысел генерала Юденича, но и, нарушив военную дисциплину, сознательно не выполнил его приказа.

А ведь недаром Юденич настаивал на сохранении за ними Ямбурга, что оставляло выгоды активной обороны р. Луги, так как кто владеет переправой, тот владеет и рекой. Кроме того (а это было главным в замысле генерала Юденича), при удержании за собой Ямбурга сохранялась возможность в будущем, не форсируя реку Лугу, быстро развивать наступление на Петроград по кратчайшему направлению вдоль линии Балтийской железной дороги⁸⁵.

Дабы убедиться в правоте Юденича, позволим себе небольшое перемещение во времени. В свете дискуссии о «псковском направлении» в штабе Северо-Западной армии не лишены интереса директивы командования Северной группы немецких войск в июле 1941 г. на Ленинградском фронте.

После занятия 10 июля Пскова и выхода 41-го танкового корпуса на Лужское направление (с занятием впоследствии предместных плацдармов у Сабска и Поречья на реке Луге) штаб 4-й танковой группы генерала Гопнера получил приказ свыше о направлении 56-го танкового корпуса не на север, а на восток. Как пишет в своих воспоминаниях бывший командир этого корпуса, ставший впоследствии фельдмаршалом, генерал фон Манштейн: «56-й танковый корпус должен был выдвинуться на восток, наступая через Порхов и Новгород, с тем, чтобы как можно скорее прервать сообщения между Ленинградом и Москвой у Чудова»⁸⁶.

Случилось так, что командир 56-го немецкого танкового корпуса должен был выполнить в июле 1941 г. приказ, почти точно соответствующий оперативному замыслу генерала Родзянко, задуманному им в июле 1919 г.

А к тому же, как не без иронии пишет фельдмаршал Манштейн, «нацеленный с большим размахом на Чудово, 56-й танковый корпус был послан в это путешествие (так у автора. — *Н.Р.*) лишь с одной танковой и одной мотострелковой дивизиями»⁸⁷. Сработала та оперативная схема, которую предвидел генерал Юденич в своих дискуссиях с генералом Родзянко. К утру 14 июля 1941 г. 3-я немецкая мотострелковая дивизия вышла по дороге из Порхова к поселку Уторгош неподалеку от одноименной станции на Витебской железной дороге, а 8-я танковая дивизия, заняв Сольцы, подошла к рубежу на реке Мшаге. В этот момент передовые части 11-й советской армии генерала В.И. Морозова стали угрожать, как вспоминает фельдмаршал фон Манштейн, штабу его корпуса⁸⁸.

Контрудар во фланг и тыл 56-му корпусу со стороны Старой Руссы поставил его в критическое положение. 3-я моторизованная дивизия бросилась назад, к Порхову, а окруженная на Мшаге 8-я танковая, оставив Сольцы, с трудом прорвалась назад. «Положение этой дивизии было бы еще более незавидным, если бы противник был более активен», — признает начальник штаба 4-й танковой группы генерал Вальтер Шальде Болье⁸⁹.

Наступление на Новгород—Чудово было сорвано. Немецкое командование вынуждено было его отложить до подхода 1-го армейского корпуса и других соединений 16-й армии.

Опытный глаз генерала Юденича, как это подчеркивает близкий ему генерал П.А. Томилов, сразу подметил, что сторонники «Псковского направления» не учитывают опасности открытого фланга на растянута до Чудова операционной линии, опасности, которая грозила почти неминуемой катастрофой для численно слабой Северо-Западной армии.

Что же касается самого спора о «Псковском направлении», то он умолк после того, как 15-я красная армия, воспользовавшись отходом 2-й эстонской дивизии на Изборские позиции 20 августа 1919 г. (очевидно в предвидении мирных переговоров с Советской Россией), заняла город Псков. Оставшийся с открытым фронтом на своем правом фланге, 2-й стрелковый корпус генерала Арсеньева был вынужден оставить город и отойти на рубеж реки Желчи.

Ко времени прибытия генерала Юденича со штабом в Нарву, в конце июля 1919 г., Северо-Западная армия находилась в непрерывном отступлении. Оно стало неизбежным после отказа в середине июня от попытки рокировки хотя бы части сил тогда еще Северного корпуса с Гатчинского направления в район форта Красная Горка. В десяти километрах от нее находились уже заставы Островского полка (см. биографию генерала Ярославцева), и при этом Родзянко знал «...о желании Красной Горки ...перейти на нашу сторону»⁹⁰.

В итоге Северо-Западная армия осталась без 5-тысячного (по данным коменданта форта полковника Неклюдова — 6-тысячного) пополнения из гарнизона форта, т.е. увеличения почти вдвое своих сил и главное — лишилась порыва красногорцев, нацеленных наступать на Петроград вдоль финского побережья, что в свою очередь не могло не вызвать серьезных колебаний в Кронштадте и на его фортах.

Причиной этого было отсутствие оперативной цели в штабе Северо-Западной армии. «У нас не было и мысли о занятии Петрограда»⁹¹, — не раз повторял генерал Родзянко (подробнее см. его биографию) и, следовательно, вся идея столь успешного майского наступления сводилась к желанию освободиться от эстонской оперативной и административной опеки и к переходу на коренную русскую территорию.

Однако занятие Гдовского и Ямбургского уездов, а главное — неожиданная сдача красным эстонским командованием Пскова и, конечно, выход на подступы к Гатчине не могли не вызвать со стороны красного командования переброски на фронт 7-й армии значительных подкреплений, которые перешли в наступление, пользуясь утратой инициативы и переходом к обороне (еще по приказу эстонского главнокомандующего генерала Лайдонера) Северного корпуса. К середине июля, как сообщает бывший царский генерал-лейтенант, а в то время командующий Западным фронтом Д.Н. Надежный, «...на Нарвском участке (7-й армии. — Н.Р.) против 9800 штыков и сабель белых было 13000 штыков...», не считая прибывающих частей 7-й дивизии⁹². А согласно сводке «Боевой состав и расположение частей Северо-западной армии к 8-му августа 1919 г.», в 1-м стрелковом корпусе, находившемся на Нарвском направлении (в составе 2-й и 3-й дивизий) числилось 617 офицеров, 5611 штыков и 457 сабель. В примыкавшей к его правому флангу 1-й стрелковой дивизии числилось 127 офицеров и 1768 штыков. Таким образом, согласно данным самой Северо-Западной армии на Нарвском участке находилось 744 офицера, 7427 штыков и 457 сабель.

Со времени июньского приезда на фронт генерала Юденича положение со снабжением, вооружением и боеприпасами еще ухудшилось. Армия по-прежнему была раздета, без сапог, а перед каждым контрударом отдавался приказ об экономии снарядов и патронов.

В начале августа 1919 г., после падения Ямбурга, генерал Юденич послал телеграммы о крайне тяжелом положении в армии Верховному Правителю адмиралу Колчаку, Военному Представителю русских армий при союзных правительствах в Париже генералу Щербачеву и Председателю Особой Военной миссии по оказанию помощи белым армиям в Лондоне генералу Геруа, где он сообщал, что «...снабжение армии ведется совсем плохо, солдаты и офицеры голы, босы и голодны,

страдают цингой и тифом и в таких условиях не выходят из боя третий месяц. Вооружения не хватает»⁹³. Нет сомнения, что эта телеграмма предназначалась не только для тех, кому она была послана. Это было напоминание союзникам.

В течение всего августа генерал Юденич успешно занимался вопросами снабжения армии. Благодаря настойчивости генерала Б.В. Геруа в Лондоне и умению специально посланного ему в помощь полковника А.В. Владимирова (см. его биографию), в самом конце июля и в начале августа в Ревель начали прибывать транспорты с вооружением (всего более 60 орудий с большим количеством снарядов, около 120 пулеметов, свыше 12 000 английских и 30 000 русских винтовок с достаточным количеством патронов, ручные гранаты и проч.) и обмундированием, прибывшем, правда, не в комплектах, а разрозненно, но в количестве достаточном, чтобы одеть и, главное, обути армию. И хотя часто орудия приходили без замков, а у 6 танков не оказалось пулеметных лент, это вооружение и, главное, патроны и снаряды, которые были на исходе, позволило перейти в наступление в холодное осеннее время.

Однако получение этого обмундирования и вооружения оказалось связанным для генерала Юденича с ультимативным требованием представителей английской военной миссии признания созданного ими без ведома Главнокомандующего Северо-Западного правительства и, что было еще труднее для генерала Юденича, — вхождения в него в качестве военного министра наравне с другими, большей частью никому неизвестными представителями левых партий, в том числе эсеров и меньшевиков. Юденичу надо было обладать одновременно большим хладнокровием, колоссальной ответственностью и сознанием патриотического долга, чтобы выдерживать это испытание.

В ночь с 10 на 11 августа 1919 г. генерал Юденич получил из Ревеля от полковника К.А. Крузенштерна, начальника отдела внешних сношений штаба, телеграмму с известием о совещании, проведенном 10 августа заместителем начальника английской миссии генерала Гофа, генералом Маршем и просьбой срочно прибыть в Ревель. Дело шло о требовании англичан немедленно создать русское демократическое правительство с целью безоговорочного признания независимости Эстонии.

Вызов в Ревель был неожиданным для генерала Юденича, ибо незадолго до этого, 7 августа, он имел продолжительную

беседу с главой союзной миссии генералом Гофом, в итоге которой он по просьбе английского генерала написал письмо эстонскому главнокомандующему генералу Лайдонеру о своем признании государственной независимости Эстонии, но при условии участия ее войск в походе на Петроград. Как видим, каждую вынужденную уступку союзникам Юденич стремился-таки использовать в интересах России.

Требование создания русского демократического правительства означало для генерала Юденича одновременно ликвидацию состоявшегося при нем Политического Совещания и, больше того, оно находилось в прямом противоречии с телеграммой Верховного Правителя адмирала Колчака от 12 июня 1919 г. А.С. Сазонову и кн. Г.Е. Львову, а также самому генералу Юденичу, где совершенно точно были указаны его права в плане организации гражданской власти в Петрограде:

Указом Верховного Правителя генерал Юденич назначен Главнокомандующим русскими силами Северо-западного района; на него возложено создание временного гражданского управления на сообщенных ему основах, принятых Правительством для освобожденных частей России. Администрация Петрограда, при которой, конечно, будут использованы органы самоуправления и общественности, должна отвечать исключительно деловым задачам управления, порядка, безопасности, продовольствия и т.д. и отнюдь не приобретать какого-либо политического значения. В этом смысле нами даны инструкции Юденичу, которому предоставляется выбор сотрудников по его усмотрению с тем, чтобы окончательное их утверждение было сделано Правительством...⁹⁴

В дополнение к этой телеграмме адмирала Колчака, генералу Юденичу за подписью министра внутренних дел В. Пепеляева и управляющего МИД И. Сукина была послана телеграмма от 12 июня 1919 г., где говорилось:

По занятии Петрограда допустите надежное авторитетное лицо к должности управляющего губернией. Также составьте Городскую управу во главе с Городским Головой из наиболее известных общественных деятелей, не запятнавших себя работой с большевиками. Разумеется, Вы не лишены возможности и найдете способы выявить кандидатуры совместно с общественными кругами⁹⁵.

Членам Политического Совещания при Главнокомандующем были хорошо известны эти директивы адмирала Колчака и его правительства. Поэтому они были весьма обеспокоены тревожными сообщениями Лианозова, требовавшего их немедленного приезда в Ревель.

10 августа на пристани в Ревеле А.В.Карташева, генерала М.Н. Суворова и В.Д. Кузьмина-Караваева встретил английский офицер, пригласивший их в британское консульство, где уже находились С.Г. Лианозов, полковник К.А. Крузенштерн, присяжный поверенный, видный масон М.С. Маргулиес, М.М. Филиппео — радикал, меньшевик В.Л. Горн и некоторые другие лица. Генерал Марш обратился к собравшимся с речью. Указав на катастрофическое положение Северо-Западной армии, он потребовал «не выходя из комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить договор с эстонским правительством»⁹⁶.

«Если, — прибавил генерал Марш в заключение, — правительство не будет образовано к 7-ми часам (а было уже 6 ч. 20 минут), то всякая помощь со стороны союзников будет прекращена. Мы вас будем бросать», — сказал буквально он. Это был, видимо, его собственный перевод английских слов — we shall drop you.

Для членов Политического Совещания были очевидны гибельные для надежды освободить Петроград угрозы генерала Марша как раз в тот момент, когда из Англии прибыли первые два парохода с обмундированием и вооружением для армии. Поэтому генералу М.Н. Суворову было поручено ответить положительно на требование генерала Марша, при условии, что до прибытия генерала Юденича не будут приняты никакие решения о создании правительственной власти.

На следующий день, 11 августа, генерал Марш вызвал к себе С.Г. Лианозова и предложил ему первому подписать, не читая, «Заявление эстонскому правительству» и представителям союзных держав, где повторялось требование признания независимости Эстонии, но в то же время выпало обязательство Эстонии участвовать в походе на Петроград. Далее следовал перечень шестнадцати министров и письменное согласие Главнокомандующего Северо-Западной армии.

С.Г. Лианозов отказался подписать это заявление, указав в частности, что генерал Юденич, отсутствующий в Ревеле, может отказаться дать свою подпись. На что генерал Марш тут же сказал, что если генерал Юденич не подпишет этого заявления, «то у нас готов другой главнокомандующий»⁹⁷. (Не следует забывать, что генералы Гоф и Марш пригласили вскоре генерала Булак-Балаховича на завтрак на флагманском крейсере английской эскадры).

Заявление было все же подписано с некоторыми поправками. Но несколько членов Политического Совещания его не подписали. А.В. Карташев, выразив свое возмущение, вообще отказался отвечать на английские приглашения и не являлся больше на заседания. В.Д. Кузьмин-Караваев также отказался дать свою подпись и занимать в этих условиях какие-либо министерские посты. Генерал М.Н. Суворов — кандидат, согласно списку генерала Марша, на пост военного министра, заявил, что «принимать звание военного министра без разрешения Главнокомандующего и тем более даже без его ведома (он) не имеет права»⁹⁸.

В своем «Объяснении», опубликованном в Гельсингфорсе, члены Политического Совещания пишут, что заявления и требования генерала Марша от 10 и 11 августа нанесли незаслуженный удар по национальному самолюбию и по национальному достоинству... Еще больнее ударило по чувству национального достоинства такое заявление генерала Марша: если ген. Юденич не даст своей подписи, то «готов другой главнокомандующий»⁹⁹.

12 августа ночью в Ревель прибыл генерал Юденич с командующим армией генералом Родзянко и начальником штаба генералом Вандамом. Северо-Западное правительство было уже сформировано. Во главе его согласился стать С.Г. Лианозов, признававший в отличие от других министров авторитет генерала Юденича. Пока утром генерал Юденич совещался с членами Политического Совещания, генерал Родзянко нанес визит генералу Маршу. Он дал понять, что армия всецело поддерживает генерала Юденича и что ни он, «ни командуемая мною армия не потерпят дальнейшего пребывания на ответственной должности генерала Балаховича»¹⁰⁰. Подобное заявление генерал Родзянко сделал в тот же день генералу Лайдонеру.

Дабы подчеркнуть лояльность армии и свою личную генералу Юденичу, генерал Родзянко на следующий день 13 августа составил вместе с генералом Вандамом текст заявления теперь уже сформированному Северо-Западному правительству, в котором подчеркнул, что «армия всецело поддерживает генерала Юденича и всячески будет противодействовать вмешательству правительства в чисто военные дела»¹⁰¹.

После визита генерала Родзянко в сопровождении С.Г. Лианозова генерал Юденич прибыл в английское консульство.

Теперь генерал Марш сменил тон: он предложил генералу Юденичу войти в правительство, приняв портфель военного министра, оставаясь как и прежде Главнокомандующим Северо-Западным фронтом.

Еще в пути, в беседе с генералом Родзянко¹⁰² и Гардениным¹⁰³, генерал Юденич отклонил их предложение об отказе вхождения в Северо-Западное правительство, имея в виду абсолютную необходимость получения английского вооружения, обмундирования и снабжения для армии. В силу этого он принял предложение генерала Марша. В телеграмме адмиралу Колчаку от 18 августа 1919 г. он сообщал: «Я, не видя исхода продолжения русского дела и получив уверения, что помощь армии будет усилена... согласился»¹⁰⁴.

Однако, дав свое согласие, генерал Юденич вовсе не принимал всерьез Северо-Западное правительство, возникшее по указке генерала Марша. Считая членов правительства, особенно меньшевика, государственного контролера В.Л. Горна или эсеров, министров земледелия В.А. Богданова и общественного призрения А.С. Пешкова «мелкими социалистами» и будучи противником созыва в Петрограде местного Учредительного собрания, на чем настаивало правительство, генерал Юденич еще в сентябре 1919 г. поручил своему доверенному делегату в Петрограде полковнику Ю.П. Герману наметить и подготовить в Петрограде правительство при Главнокомандующем из видных общественных и государственных (в прошлом) деятелей во главе с видным членом Национального Центра профессором А.Н. Быковым.

Пока же, не желая ни вступать в излишние дискуссии с членами Северо-Западного правительства, ни терять своего времени присутствием на его заседаниях, генерал Юденич поручил адмиралу В.К. Пилкину (см. его биографию), ставшему по его просьбе морским министром, представлять его и выступать, в случае необходимости, от его имени.

Позже эту роль выполнял генерал Кондзеровский, уже не будучи даже членом правительства. Сам же генерал Юденич присутствовал лишь на нескольких заседаниях правительства, главным образом уже накануне своего выхода из него.

Другим делом, занимавшим генерала Юденича во время подготовки наступления на Петроград, было пополнение армии, увеличение ее численного состава. 24 августа 1919 г. генерал Юденич отдал приказ о мобилизации в Гдовском и, частично,

в Ямбургском уездах. Но мобилизационные ресурсы на территории, занятой белой армией, не могли быть сколько-нибудь значительными. Тем более, что во время майского наступления Северного корпуса вся сочувствующая белым молодежь, особенно из числа демобилизованных унтер-офицеров старой армии, уже тогда добровольно присоединилась к Северному корпусу. Всего мобилизация позволила призвать в армию все же около 9 тысяч человек. Тогда же (30 августа) генерал Юденич приказал образовать комиссии (в Нарве во главе с генералом Ярославцевым, во Гдове во главе с генералом фон Нефом) для проверки всех тыловых учреждений, с задачей перевода в строй всех пригодных для боевой службы офицеров.

Но в расчетах генерала Юденича главным источником пополнения Северо-Западной армии были расположенные в Курляндии (западная часть Латвии) русские добровольческие отряды из военнопленных в Германии, находившихся тогда под общим командованием кн. А.П. Ливена¹⁰⁵ (см. его биографию). Помимо его собственного отряда, принимавшего участие в освобождении Латвии от большевиков и расположенного в Митаве, туда же из Германии прибыл отряд полковника Бермондта, а в Шавли отряд полковника Вырголича. Оба эти отряда были сформированы преимущественно из кадровых солдат и офицеров старой армии, оказавшихся в плену в Германии.

Еще из Финляндии, 9 июля 1919 г., генерал Юденич отдал приказ всем этим трем отрядам выехать в Нарву и присоединиться к Северо-Западной армии. Приказ этот был выполнен только полковником кн. А.П. Ливеном, отряд которого общей численностью тогда около 2000 штыков с большим процентом офицеров прибыл вскоре на английских судах из Ливавы и Риги в Нарву. Однако полковник Бермондт и полковник Вырголич, будучи под влиянием германского командования (впрочем, генерал граф фон дер Гольц выразил понимание решению кн. Ливена выполнить приказ ген. Юденича) отказались выполнить приказ генерала Юденича. В результате находившиеся уже тогда под их командованием 1500 солдат и офицеров отряда Вырголича и свыше 5000 отряда Бермондта остались в Шавли и в Митаве. Их командиры не раз перехватывали эшелоны добровольцев из Польши и Германии, отправленные в Северо-Западную армию, и зачисляли их обманным путем в свои отряды. В результате к началу октяб-

ря у Бермондта насчитывалось свыше 10 тысяч добровольцев. Свой отряд Бермондт переименовал в Западный добровольческий корпус имени генерала графа Келлера¹⁰⁶.

До самого октября 1919 г. генерал Юденич настойчиво продолжал требовать присоединения войск Бермондта и Вырголича к Северо-Западной армии. 19 августа 1919 г. он приказал им прибыть в Псков в распоряжение 2-го стрелкового корпуса генерала Арсеньева. Этот приказ не был выполнен. Как и приказ от 3 сентября о немедленной переброске войск Бермондта в Нарву. Наконец, убедившись, что Бермондт не реагирует на повторный приказ от 20 сентября о переброске войск в Нарву, генерал Юденич лично прибыл 26 сентября в Ригу для встречи с Бермондтом, объявившим себя князем Аваловым и переименовавшим свои войска, пополненные немецкими солдатами и офицерами, в «Западную армию». Но Бермондт-Авалов отказался приехать на встречу с генералом.

Под влиянием немецкого командования уже в это время Бермондт готовился к захвату Риги и к свержению в Латвии правительства Ульманиса. 8 октября 1919 г. его «Западная армия» начала (буквально накануне октябрьского наступления на Петроград) наступление на Ригу и захватила ее предместья. Английская эскадра спешно покинула Финский залив и вместо обещанной поддержки левого фланга Северо-Западной армии занялась обстрелом позиций Бермондта под Ригой.

9 октября 1919 г., в самый канун октябрьского наступления на Петроград, генерал Юденич отдал приказ по Северо-Западному фронту, объявив полковника Бермондта изменником и исключив его из списков армии. Русские добровольцы, обманутые Бермондтом, понесли немалые потери под Ригой, после чего были брошены на произвол судьбы и, вместо участия в походе на Петроград, оказались после отступления от Риги в немецком лагере Альтенграбов, где голодали и вернулись к худшим временам немецкого плена.

Итак, несмотря на все усилия, генералу Юденичу не удалось увеличить сколько-нибудь значительно боевой состав Северо-Западной армии. По некоторым данным, ее состав достиг 20 000 штыков, согласно генералу А.П. Родзянко в армии накануне наступления было 17 800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 6 танков и 2 броневика¹⁰⁷. Согласно справке, приведенной генералом А.П. Томиловым, «...боевой состав к этому времени равнялся 1000 офицерам и 14 1/2 тысячам солдат»¹⁰⁸.

Помимо невозможности, в силу отсутствия тыла, существенно увеличить численный состав Северо-Западной армии, помимо трудностей со снабжением и вооружением, генерал Юденич оказался, можно сказать, в безвыходном положении, когда перед наступлением стал вопрос об оперативном управлении войсками. В отличие от штабов Кавказской армии, сформированных и подготовленных еще в мирное время самим Юденичем, когда он занимал должности генерал-квартирмейстера, а затем начальника штаба, в штабе Северо-Западной армии, не говоря уже о штабе 1-го стрелкового корпуса, не было достаточно подготовленных молодых офицеров Генерального штаба, способных обеспечить оперативное взаимодействие частей, добиться выполнения начальниками дивизий боевых задач и, главное, по мере необходимости принимать по собственной инициативе соответствующие замыслу главнокомандующего решения. Иначе говоря, на Северо-Западе в распоряжении не было таких офицеров Генерального штаба, какими были на Кавказском фронте полковник Масловский, полковник Букретов, подполковник Драценко, капитаны Штейфон, Шатилов и другие.

Видя еще в ходе дискуссии о «Псковском направлении» неверие генерала Родзянко и его генерал-квартирмейстера Малавина в успех наступления на Петроград по кратчайшему направлению через Ямбург и Гатчину, генерал Юденич был вынужден отдать приказ № 77 от 2 октября 1919 г. о своем непосредственном вступлении в командование Северо-Западной армией. Этот приказ вызвал возмущение у генерала Родзянко и привел к разрыву личных отношений между ним и генералом Юденичем. Генерал Родзянко после бурного объяснения с генералом Юденичем принял должность помощника Главнокомандующего. Однако он не остался при штабе армии, а предпочел с начала наступления сопровождать 3-ю стрелковую дивизию генерала Ветренко, известного своим своеволием и недисциплинированностью. 12 октября 1919 г. генералом Юденичем были утверждены штаты штаба армии. Они остались прежними, какими были при генерале Родзянко. Но у генерала Юденича не было иного выбора. При нем не было никого (на Вандама, часто нетрезвого, положиться было нельзя), кто бы мог сменить генерала Ветренко, или беспомощного, хотя и энергичного начальника штаба 1-го стрелкового корпуса, недавно еще поручика, а теперь полковника Видякина, на

ПРИКАЗЪ

Войскамъ Сѣв.-Зап. фронта

№ 77.

2-го Октября 1919 г.

г. Нарва

Съ сегодняшняго дня я вступаю ~~в~~ непосредственное командование Арміей.

НАЗНАЧАЮ:

Командующаго Арміей, Генераль-Лейтенанта **РОДЗЯНКО**, моимъ помощникомъ по званію Главнокомандующаго.

Начальника Штаба Фронта, Генераль-Лейтенанта, **КОНДЫРЕВА**, моимъ помощникомъ по должности Военнаго Министра.

Штабъ Сѣверо-Западной Арміи переименовать въ Штабъ Главнокомандующаго Сѣверо-Западной Арміей.

Главнокомандующій войсками С.З. фронта

Генераль отъ Инфантеріи **ЮДЕНИЧЪ**.

место которого генерал Кондзеровский запоздало, 30 октября, поспешил рекомендовать прибывшего из Архангельска генерал-майора Генерального штаба С.И. Самарина.

Из всех тех немногих близких сотрудников генерала Юденича, кто прибыл с ним из Финляндии, никто не обладал оперативным опытом. Дружески преданный ему контр-адмирал Пилкин всегда подчеркивал свою некомпетентность, как он выражался, в «сухопутных делах». В то же время он был незаменимым помощником, когда дела касались Северо-Западного правительства или тайных морских организаций в Петрограде. Ставший помощником Главнокомандующего по должности военного министра, его начальник штаба в Фин-

Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич

ляндии генерал-лейтенант Кондзеровский, как он сам о себе пишет¹⁰⁹, не выходил из канцелярии Дежурного генерала со времени своего капитанского чина и не занимал никакой другой штабной или строевой должности вплоть до своей отставки в 1917 г. Верный, надежный и на редкость работоспособный помощник, он позволял себе лишь настаивать перед генералом Юденичем на необходимости принятия им непосредственного командования Северо-Западной армии. Наконец, быстро ставший ближайшим сотрудником генерала Юденича в делах, связанных с подпольными организациями в Петрограде, полковник, а вскоре и генерал-лейтенант Владимиров был в прошлом военным прокурором, окончившим помимо Военно-юридической академии еще и юридический факультет Киевского университета, занимал высокие должности по судебной части в штабах Кавказской армии, но никогда не служил в строю.

Отдавая себе ясный отчет во всех этих недостатках Северо-Западной армии и, благодаря своему опыту, чувствуя ее слабости по отношению к противнику — и по численности, и по силе огня, и по наличию оперативно подготовленных кадров в штабах, — генерал Юденич пришел к выводу, что успех операции по занятию Петрограда может быть обеспечен лишь в случае взаимодействия внезапного, короткого удара на Гатчинском направлении с восстанием в самом Петрограде, в расчете на присоединение к нему (подобно тому, как это случилось на форту Красная Горка) некоторых частей Красной Армии.

Разумеется, идея Троянского коня не нова. Во все времена она сводилась к подготовке и организации вооруженного выступления в укрепленном районе или крепости противника с целью преодоления его обороны. Еще будучи в Финляндии, генерал Юденич, благодаря привлечению в свое окружение, а затем и в Политическое Совещание прибывших из Петрограда видных членов Национального Центра, был хорошо осведомлен о подпольных организациях в городе. Помощник А.В. Карташева, В.И. Новицкий поддерживал регулярную связь с оставшимся в Петрограде лидером Национального Центра В.И. Штейнингером (он же Вик), вплоть до самого его ареста в июле 1919 г.¹¹⁰ Тогда же он принимал доклады членов организации «Великая единая Россия» корнета А.Н. Елизарова и старшего лейтенанта В.В. Дитерихса (см. его биографию).

Будучи лично связан с офицерской организацией бывшего Семеновского полка, генерал Юденич послал в полк директиву — оставаться в Петрограде для участия в захвате важнейших объектов города во время приближения белой армии. Только в силу приказа о выступлении на фронт в мае 1919 г., полк вынужден был покинуть бывшую столицу и в районе станции Сиверская сразу же перешел на сторону белых, войдя в состав 2-й дивизии генерала Ярославцева (см. биографию полковника В.А. Зайцова). Заметим сразу, что отсутствие этого полка в Петрограде осенью 1919 г., равно как и преждевременное восстание на форту Красная Горка, были одной из причин, помешавших осуществлению замысла генерала Юденича.

К сожалению, восстановить объем и подготовку готовых к вооруженному наступлению на стороне белых организаций и частей Красной Армии в Петрограде и его окрестностях, в настоящее время полностью еще невозможно.

С одной стороны, следственные дела арестованных «заговорщиков» никогда не были опубликованы. Отрывки из их показаний, сопровождаемые как правило тенденциозными комментариями, содержатся лишь в статье Г. Зиновьева в «Петроградской правде» от 23 ноября 1919 г. и в некоторых весьма редких ссылках на них в трудах Н.А. Корнатовского¹¹¹, видимо, имевшего доступ к этим делам. Авторы книги «Чекисты Петрограда на страже революции»¹¹², пользуясь теми же данными, взятыми у Зиновьева и Корнатовского, дополнили их лишь материалами партийного архива Ленинградского обкома КПСС. Некоторые сведения о «заговорщиках» можно обнаружить в монографии молодого украинского историка Я. Тинченко «Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг.» (М.: Московский общественный научный фонд, 2000)¹¹³.

С другой стороны, о деятельности посланного генералом Юденичем в Петроград полковника Ю.П. Германа сказано в статье «Слава павшим» одного из офицеров разведывательного отдела штаба Северо-Западной армии, подписавшегося кодовым именем «Митрич» (см. биографию Ю.П. Германа). Статья опубликована в кн. А.П. Ливеном в 4-м номере журнала «Служба Связи Ливенцев и Северо-западников». Однако никаких документов разведывательного отдела штаба Северо-Западной армии в коллекции Юденича, находящейся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в архиве Гуверовского университета войны, революции и мира

Стэнфордского университета, до сих пор не обнаружено. Они не упоминаются и в «Описи дел Северо-Западной армии, отправленных в Америку», составленной покойной Натальей Аркадиевной Томиловой, супругой генерала П.А. Томилова, которому генерал Юденич поручил написать историю Северо-Западной армии¹¹⁴.

По словам ее мужа (переданным ею автору этих строк в 50-х гг.), все дела разведывательного отдела были уничтожены по приказу генерала Юденича в январе 1920 г., перед тем как остальная часть архива (находящаяся ныне в Колумбийском университете и в Гуверовском институте в Стэнфорде) была передана адъютанту Главнокомандующего, капитану Н.А. Покотило, для доставки и сохранения на даче М.Ф. Гарденина¹¹⁵ под Гельсингфорсом, откуда уже позже она была перенезена к генералу Юденичу в его усадьбу в Сэн Лоран дю Вар около Нишцы.

Однако среди личной переписки генерала Юденича сохранился уникальный документ — доклад И.Р. Кюрца¹¹⁶ генералу Юденичу от 29 октября 1919 г., доставленный ему курьером, перешедшим через фронт. В этом письме-докладе содержится как частичный перечень лиц — участников совещания в этот день на его квартире на Мало-Московской улице, так и информация о подготовке восстания наряду с личными просьбами И.Р. Кюрца к генералу Юденичу. Среди участников совещания он называет прежде всего полковника Генерального штаба В.Я. Люндеквиста, ставя его на первое место

Естественно, он не говорит о других офицерах из штаба 7-й армии, находившихся в своих служебных помещениях. Он указывает лишь, что командира 4-го подрывного дивизиона поручика Карпова заменил в качестве его помощника и доверенного по всем делам штабс-капитан Александр Иванович Лодыженский. Очевидно, он тоже был привлечен, как и другие офицеры, полковником В.Я. Люндеквистом (см. его биографию) в период, когда он занимал должность начальника штаба 7-й красной армии. Далее он перечисляет присутствующих морских офицеров из группы адмирала М.К. Бахирева: лейтенант Сахаров, лейтенант Смирнов и кавторанг Злобин. Кроме того, упоминается представитель французской разведки, «называющий себя Бажашеню»¹¹⁷.

Говоря о планах подготовки восстания, И.Р. Кюрц пишет, «что было принято предложение адм[ирала] Бахирева захва-

тить все морские силы, находящиеся на Неве; для чего у него хватает сил». Очевидно, речь идет о намерении захватить линейный корабль «Севастополь».

Сообщая о силах, которыми располагает его группа, И.Р. Кюрц пишет: «Они достигают до 600 человек, но я глубоко убежден, что при малом даже успехе число это в течение нескольких часов увеличится в 6–7 раз. Могут сказать определенно, что 85% из командного состава Красной армии присоединятся к нам и увлекут с собой свои части». Он просит также предупредить войска, которые могут наступать на Карельском перешейке, что офицеры 1-й и 2-й батареи 2-й артиллерийской бригады сообщают ему, что они готовы не взрывать свои пушки, «а подождать прихода белых».

Сообщая, что на фронте под Петроградом у красной стороны 29 000 штыков, в Петрограде 6000, а на Карельском участке 4000, И.Р. Кюрц говорит об усилении ударных групп Одицова и Харламова, прося в то же время «усилить прокламациями стык 6-й дивизии».

Помимо деловой части, касающейся подготовки восстания, И.Р. Кюрц позволяет себе обратиться к Главнокомандующему в этом письме с личными просьбами: об освобождении командира подрывного дивизиона Карпова, перешедшего к белым в Павловске и посаженного в тюрьму генералом Ветренко «на 10 дней за то, что последний, согласно моей просьбе отправился к Вам для доклада, без его генер. В[етренко] на то разрешения».

Кроме того, он обращается к генералу Юденичу и с другой просьбой: «...Перевести моего сына, кадета 6 класса из Риги, куда он попал по причинам мне совершенно неизвестным, к Вам или в Вашу армию, или же в английское консульство в Ревеле»¹¹⁸.

Упоминание в докладе Кюрца генерала Владимирова, которому Кюрц просит передать прилагаемые бумаги Б. (инициал нам раскрыть не удалось), говорит о том, что ему была известна роль генерала Владимирова как помощника генерала Юденича по глубокой разведке и по делам групп, готовящих восстание в Петрограде.

Необходимо отметить, что весь характер доклада И.Р. Кюрца показывает, что он был не первым и главное то, что генерал Юденич лично вплотную занимался вопросами, связанными с подготовкой восстания.

Объединенная организация Люндеквиста, Бахирева и Кюрца отнюдь не была единственной в подготовке восстания в Петрограде. Уже цитированный нами автор статьи «Слава павшим» указывает, что представитель штаба Северо-Западной армии, посланный в Петроград полковник Ю.П. Герман, вошел в связь со своим давним знакомым подполковником Георгием Ивановичем Лебедевым, занимавшим высокий пост инспектора артиллерии Петроградского военного округа (см. его биографию). Лебедев, будучи очевидно связан с лидером Национального Центра профессором В.Н. Таганцевым, был участником военного отдела этой организации, которая «сумела сколотить хорошо вооруженные и дисциплинированные отряды из кулацких элементов... численностью от 30-ти до 150-ти человек»¹¹⁹. Лебедев был связан также с начальником воздушной обороны Петрограда С.А. Лишиным и ведавшим автомобильным транспортом 7-й красной армии, членом революционного совета Лихтерманом. Таким образом, Герман подготовил к выступлению еще одну самостоятельную группу, располагавшую значительными силами, в частности среди артиллеристов 7-й армии с рядом активных участников-офицеров.

Один из них, командир взвода в 4-м зенитном дивизионе противовоздушной обороны Петрограда Сергей Марков «...вовлек в организацию... бывшего мичмана Н.Э. Рейтера». Рейтер предложил использовать морскую радиостанцию, где он служил, для связи со штабом Юденича в Нарве. «Для этого он вместе с Лебедевым разработал два шифра... им удалось провести три сеанса связи»¹²⁰.

Наконец, вне поля зрения организации Кюрца оставалась одна из уцелевших групп «Великая единая Россия» — организации, созданной старшим лейтенантом В.В. Дитерихсом и лейтенантом С.А. Бутиловским. Это был воздушный дивизион особого назначения в Ораниенбауме под командованием лейтенанта Б.П. Берга (см. его биографию). Видимо, с ней был связан и пользовался ею для посылки курьеров начальник сухопутного отдела штаба Балтийского флота бывший подполковник Генерального штаба В.Е. Медиокритский, в свою очередь связанный с группой участников подготовки восстания в штабе Балтийского флота.

Все эти связи и организации могли быть известными Ю.П. Герману через С.А. Лишина, ведавшего воздушной обо-

роной Петрограда, и инспектора артиллерии 7-й красной армии подполковника Г.И. Лебедева. Однако, видимо, Герман не настаивал на их соучастии в совещаниях на квартире Кюрца, возможно, в силу их косвенной принадлежности к Национальному Центру, возглавляемому в этот период профессором В.Н. Таганцевым¹²¹.

В ночь с 9 на 10 октября полковник Ю.П. Герман перешел линию фронта в сопровождении курьеров Паулина и Пиотровского¹²². Очевидно, что он спешил явиться с докладом к генералу Юденичу о подготовке восстания в Петрограде.

Вопрос о том, кто будет командовать восставшими, в это время по-видимому не стоял, так как он был решен раньше, еще тогда, когда полковник В.Я. Лундеквист, будучи начальником штаба 7-й красной армии, приблизительно 20 сентября послал с курьером свой план взаимодействия наступления Северо-Западной армии с восстанием в Петрограде¹²³. Согласно этому плану армия должна была достичь окраин города на пятый день своего наступления. В то же время 4-й минно-подрывной дивизион В.И. Карпова должен был захватить штаб 7-й красной армии в Царском Селе, нарушив ее управление, а сотрудники штаба — участники подготовки восстания — дать сигнал для выступления тем командирам частей, которые, как лейтенант Б.П. Берг, могли выступить со своими частями. В основе плана полковника Лундеквиста лежала идея содействовать наступлению Северо-Западной армии, как писал еще Н.Е. Какурин — взрывом восстания в Петрограде¹²⁴.

Этот план в общих чертах соответствовал замыслу генерала Юденича. Поэтому у него и не было сомнений в вопросе назначения командующим восстанием полковника Лундеквиста, тем более, что он занимал один из ключевых постов в высшем штабе противника. По-видимому, полковник Герман доложил генералу Юденичу также и то, что кандидатура полковника Лундеквиста была признана наиболее подходящей всеми главными соучастниками подготовки восстания¹²⁵.

Прибывший из штаба генерала Юденича в начале октября курьер Покровский подтвердил, что штаб Северо-Западной армии рассчитывает вывести армию к окраинам Петрограда к 15 октября и сообщил, что сигнал о дне и часе будет сообщен по радио через Рейтера¹²⁶.

Кроме того, полковник Герман доложил генералу Юденичу о временном правительстве, составленном по его секретному поручению в случае занятия Северо-Западной армией Пет-

рограда, в связи с принятым решением не допускать в город Северо-Западное правительство, сформированное английским генералом Маршем. Во главе этого нового петроградского правительства должен был стать профессор Технологического института, бывший кадет А.Н. Быков. Судя по его показаниям на следствии, опубликованным в той же статье Г. Зиновьева в «Петроградской Правде» от 23 ноября 1919 г., он «познакомился с покойным» (уже расстрелянным в ЧК) инженером В.И. Штейнингером летом 1919 г., и можно считать почти наверно, что А.Н. Быков принадлежал к Национальному Центру. В качестве советника по данному вопросу у Ю.П. Германа был по всей вероятности профессор В.Н. Таганцев, с которым Герман состоял вместе позже в руководстве Петроградской Боевой Организации. Со своей стороны, генерал Юденич пожелал видеть в этом правительстве только адмирала А.В. Развозова в качестве морского министра, а в случае его болезни — адмирала М.К. Бахирева; в качестве министра вероисповеданий — главу своего Политического Совещания в Финляндии — А.В. Карташева. Остальные министры были намечены, видимо, А.Н. Быковым исходя из их деловых качеств и опыта. Так, министром финансов был предложен С.Ф. Вебер, бывший товарищ министра финансов; министром путей сообщений — инженер М.Д. Альбрехт, министром просвещения — бывший попечитель Петроградского учебного округа — Воронцов, министром внутренних дел — М.С. Завойко.

Подводя итоги усилиям генерала Юденича за два с половиной месяца, можно сказать, что он сделал максимум возможного для подготовки Северо-Западной армии к наступлению на Петроград, равно как и для организации сил в самом городе в целях вооруженного выступления.

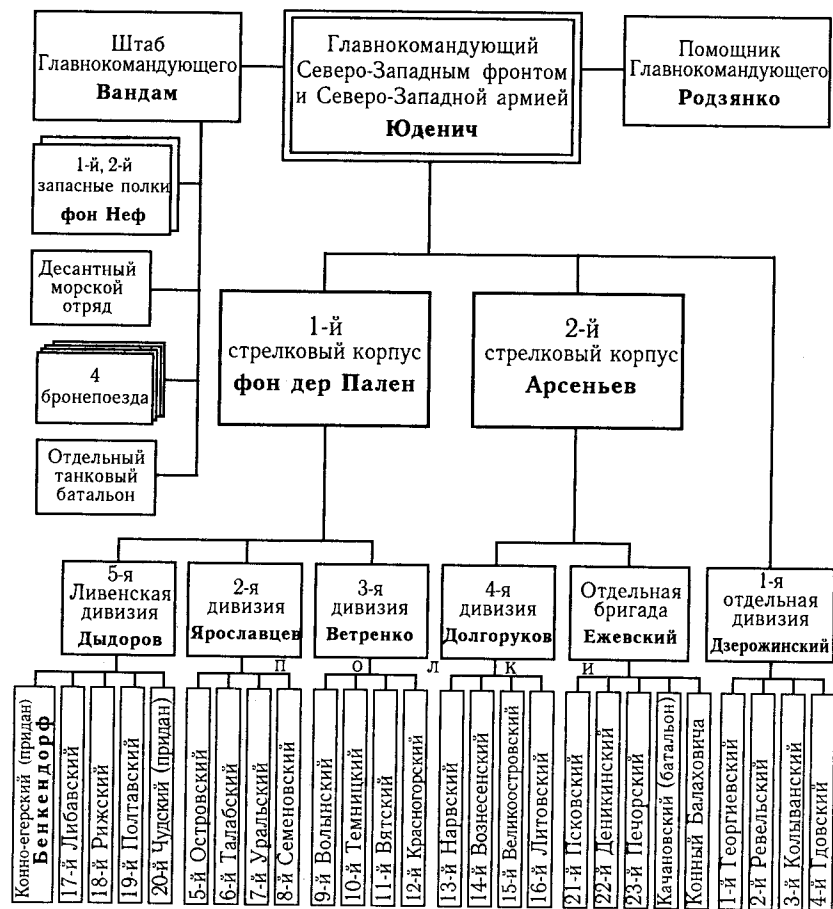
Как мы уже указывали, в боевом составе Северо-Западной армии, согласно данным генерала Родзянко, числилось 17 800 штыков и 700 шашек¹²⁷, а согласно сведениям генерала П.А. Томилова¹²⁸, в армии состояло 978 офицеров и 14 048 солдат. (См. схему организации Северо-Западной армии на следующей странице.)

В Петрограде все подпольные организации могли выставить для вооруженного выступления от 600 до 800 человек, не считая 4-го подрывного дивизиона Карпова и отчасти 3-го такого же дивизиона, а также некоторых, главным образом, артиллерийских частей.

В противостоящих частях 7-й армии находились: 2-я, 6-я, 10-я и 19-я дивизии. Общая численность всех четырех дивизий 24 850 штыков, 800 сабель, 148 орудий, 2 бронепоезда и 8 бронемашин¹²⁹.

Несмотря на превосходство сил противника (располагавшего сильными резервами в Кронштадте и Петрограде), генерал Юденич не мог откладывать наступление, зная, что мирные пе-

Схема
организации Северо-Западной армии к началу наступления
10 октября 1919 г.

реговоры Эстонии с Советской Россией приближаются к своему завершению. В то же время, ему стало известно, что из-за успешного наступления генерала Деникина на Орловском направлении, советское командование начало переброску сил и командного состава на юг (отбыл, например, П.А. Солодухин, командовавший группой войск, взявшей форт Красная Горка во время восстания). Это морально обязывало генерала Юденича к выступлению на помощь Деникину. Пожелания в этом духе были ясно сформулированы в телеграмме адмирала Колчака от 25 сентября на имя генерала Юденича: «Наступление на Петроград в сложившейся стратегической обстановке, хотя бы с целью отвлечь красных от фронта Деникина и Сибири, получило первостепенное значение»¹³⁰.

Окончательному решению о наступлении на Петроград в ночь с 9 на 10 октября 1919 г. содействовал блестящий успех демонстративной операции 2-го корпуса и 1-й стрелковой дивизии в направлении Струги Белые и Луги. 28 сентября 4-я дивизия генерал-лейтенанта кн. А.Н. Долгорукова (см. его биографию) при поддержке 3 танков, нанесла тяжелое поражение 19-й стрелковой дивизии красных и 4 октября, захватив станцию Струги Белые, перерезала железную дорогу Псков — Петроград. Таким образом, 19-я и 10-я дивизии 7-й красной армии были отрезаны от ее главных сил на Нарвском направлении, и тем самым было обеспечено выполнение задач главного удара Северо-Западной армии. Этот удар 1-м стрелковым корпусом на Петроградском направлении должен был, как мы уже указывали, по замыслу генерала Юденича быть внезапным, стремительным, с тем чтобы войска, выдерживая максимальный темп операции, могли выйти к окрестностям Петрограда на 5-й или 6-й день наступления. Согласно замыслу, благодаря такому темпу операции, части белых должны были подойти к Петрограду раньше, чем резервы красного командования, которые могли быть посланы из Москвы.

В этом плане имелось в виду опередить также красное командование в прочном занятии станции Тосно, а в дальнейшем и Колпино на Николаевской (Октябрьской) железной дороге, что лишало 7-ю красную армию своевременного прибытия подкреплений.

На левом фланге Северо-Западной армии, в ночь с 9 на 10 октября, 5-я Ливенская дивизия переправилась у Муравейно через Лугу и, отбросив 3-ю бригаду 2-й дивизии красных,

заняла 11 октября с боем станцию Веймарн. Разорвав фронт 2-й и 6-й дивизии красных, она вышла в тыл их ябургской группе. Командир Ливенской дивизии, причисленный к Генеральному штабу подполковник К.И. Дыдоров, проникся идеей генерала Юденича. Не ожидая связи ни с соседней 2-й дивизией генерала Ярославцева, ни с 1-й эстонской дивизией на побережье Финского залива, он направил свою дивизию через Ропшу и Кипень на Красное Село. 16 октября, «в 17 часов 30 мин., — как пишет ротмистр Д.Д. Кузьмин-Караваев, — Рижский полк с веселыми песнями, под радостные крики местных жителей вошел в Красное»¹³¹.

Не выяснив еще, занята ли белыми находящаяся позади укрепленная Гатчина, подполковник Дыдоров, выполнив в течение 6 суток первую задачу, двинулся 17 октября на Стрельну и Лигово, откуда оставалось несколько километров до Нарвской заставы бывшей столицы.

Но далеко не все начальники дивизий сумели выдержать темп операции подобно Ливенской дивизии. Доблестный начальник 2-й дивизии генерал-майор М.В. Ярославцев (см. его биографию) вначале действовал так же энергично, как и его сосед слева. Талабский полк полковника Пермикина первым переправился в ту же ночь с 9 на 10 октября через реку Лугу у деревни Халка, а Семеновский — у Сабска, после чего вышел совместно с Конно-Егерским полком полковника Бенигсена 11 октября к станции Волосово. Отбросив части 2-й дивизии красных к Елизаветину и заняв эту станцию после короткого боя 15 октября, 2-я дивизия генерала Ярославцева подошла вечером 16 октября к Гатчине. В ночь на 17 октября генерал Ярославцев, подняв свою дивизию «в ружье», лично возглавил штурм Талабским и Семеновским полками вокзала на Варшавской железной дороге в Гатчине. Были захвачены многочисленные вагоны с военным имуществом и много пленных.

Утром 17 октября в Гатчинском соборе был отслужен торжественный молебен. Генерал Родзянко произвел смотр войскам 2-й и 3-й дивизий, вошедшим в Гатчину. На следующий день в город прибыл штаб 1-го стрелкового корпуса с его командиром генералом фон Паленом.

Начиная с 18 октября темп наступления 2-й дивизии начал снижаться. Только после тяжелого боя с курсантами была занята деревня Новый Бугор. На следующий день еще более

ожесточенные бои завязались за поселок Онтолово. Огонь красных бронепоездов сдерживал наступление 2-й дивизии.

В этих затяжных боях сказалось отсутствие танков. Все 6 тяжелых английских машин Северо-Западной армии не могли переправиться вместе с войсками через Лугу из-за того что вопреки прямому приказу генерала Юденича 5 августа был взорван железнодорожный мост у Ямбурга.

С большим трудом танки были переправлены через реку по найденному броду и притом лишь тогда, когда на обоих берегах реки были оборудованы специальные спуски. Только 19 октября в район Онтолова прибыли наконец 3 тяжелых танка: «Бурый Медведь», «Скорая Помощь» и «Капитан Кроми». С их помощью полки 2-й дивизии генерала Ярославцева двинулись вперед в направлении Пулкова, однако время было упущено. Стойкая оборона финских курсантов в Онтолова позволила красному командованию 17 октября начать формирование в районе Пулкова усиленной группы под командованием бывшего генерал-майора Генерального штаба С.И. Одинцова.

Только 21 октября генерал Ярославцев смог отдать приказ о наступлении на Пулково. 1-я бригада должна была атаковать деревню Верхнее Кузьмино, а 2-я бригада, под командованием командира Талабского полка полковника Пермикина — занять станцию Александровка. Но полковник Пермикин со 2-й бригадой увлекся занятием вокзала Царского Села, что привело к разрыву фронта и позволило красному бронепоезду, поддержанному пехотой, вклиниться в расположение 2-й дивизии в районе Александровки. Не без труда генералу Ярославцеву удалось восстановить положение, занять Александровку и в то же время Царское Село, но штурм Пулкова был сорван.

Вот когда сказалось отсутствие 10 тысяч солдат и офицеров Бермондта. Бой под Пулковом 22 октября, при участии одного танка переданного англичанами полковнику Пермикину (но с русской командой), остались безрезультатными, а прорыв на фронте соседней 3-й дивизии вечером 23 октября вынудил генерала Ярославцева отступить из Царского Села и от подступов к Пулкову.

Правофланговая дивизия генерала Ветренко прорвала 10 октября позиции красных, благодаря доблести Темницкого полка полковника Данилова и вышла 12 октября к деревне Красные Горы. Но из-за непрерывных дождей дороги, ведущие к станции Преображенское (Толмачево), были размыты

и эта станция на Варшавской железной дороге была занята лишь 13 октября. Казалось бы, что выйдя теперь на Варшавскую железную дорогу и на параллельное ей шоссе, дивизия могла устремиться на Сиверскую и далее на Тосно и Колпино. Но в этом направлении был послан один Темницкий полк, занявший станцию Мшинская. Пока другие полки отдыхали, 12-й Красногорский был двинут не на север, в Петроградском направлении, а на юг. Во главе с командиром дивизии генералом Ветренко он вошел в город Лугу одновременно с частями 1-й дивизии генерала Дзержинского, которая, согласно плану командования, и должна была занять Лугу, обеспечив тем самым тыл 3-й дивизии.

Отслужив молебен в Луге, генерал Ветренко вернулся на станцию Преображенское, откуда, наконец, 15 октября двинулся в направлении Гатчины, заняв без боя станцию Сиверская.

Здесь, вечером 15 октября, генерал Родзянко отдал свой первый приказ генералу Ветренко (см. его биографию) о выделении отряда для занятия станции Тосно. Этот приказ не был выполнен генералом Ветренко, как и повторный, отданный в ночь на 16 октября — о посылке в Тосно уже целой бригады.

«Поездка» в Лугу и невыполнение приказа самонадеянным генералом Ветренко, несмотря на присутствие в штабе дивизии помощника Главнокомандующего, отнюдь не означает, что генерал Ветренко не знал или не понимал огромного значения станции Тосно на Николаевской (Октябрьской) железной дороге, через которую шли эшелоны из Москвы и с других фронтов с подкреплениями для 7-й армии. Записи в полевой книжке начальника штаба 3-й дивизии красногорца подполковника Кусакова от 19 октября совершенно определенно говорят, «...что невыполнение приказа генерала Родзянко о занятии Тосно было со стороны начальника дивизии не случайно, а вполне сознательно. Генерал Ветренко находит это лишним»¹³². Родзянко мог, разумеется, проверить выполнение приказа и принять соответствующие меры, тем более, что он получал правдивые доклады полковника Кусакова, но он возглавил лично вступление войск 3-й дивизии в Гатчину, а поведение Ветренко объяснял его уверенностью в том, что сопротивление противника уже сломлено.

Ночью 16 октября, когда передовые части 3-й дивизии вошли в Гатчину, Темницкий полк по недоразумению вступил в перестрелку с Семеновским полком 2-й дивизии, уже находившимся в городе. Генерал Ярославцев вспоминает свое возму-

щение по поводу этого непредвиденного «вторжения» 3-й дивизии в Гатчину¹³³. Ветренко заявил на следующий день, что его части утомились, что им необходим отдых. До 19 октября 3-я стрелковая дивизия оставалась в Гатчине. Ни Родзянко, ни штаб 1-го стрелкового корпуса, прибывший в Гатчину, не приняли никаких мер, чтобы заставить Ветренко не нарушать темпа операции. Выступив, наконец, из Гатчины 19 октября, 3-я дивизия подошла к Павловску и 21 октября окончательно овладела его парком и Царской Славянкой. Усиленный батальон Вольнского полка был послан генералом Ветренко в Колпино, но достиг только Усть-Ижоры в 15 километрах от Николаевской железной дороги. Здесь он натолкнулся на только что прибывший из Москвы 5-й Латышский полк, снятый с охраны Кремля. А в то же время начальник штаба Колпинской группы 7-й армии Л.Н. Ростов, находившийся в Колпино 19 октября 1919 г. записал: «В самом посаде Колпино пусто, как говорится “ни ваших ни наших”, население попряталось, бродили отдельные деморализованные красноармейцы, было много пьяного деклассированного элемента»¹³⁴.

Подводя итоги действиям 3-й дивизии генерала Ветренко, можно сказать, что выйдя на Варшавскую железную дорогу уже 13 октября и не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления на станциях Мшинская и Сиверская, а затем и в Вырице на Витебской железной дороге, она бы могла, выполняя замысел генерала Юденича, уже к вечеру 16 октября или, самое позднее, 17 октября, выйти к Тосно. А это означало, что дорога на Колпино становилась, как мы видели, открытой. От Колпино до Невской заставы и Обводного канала несколько километров. Следовательно, здесь можно было ожидать сигнала к восстанию в самом городе.

В то время как 3-я дивизия отдыхала в Гатчине, 17 октября, т.е. только на седьмой день наступления Северо-Западной армии, в Петроград прибыл председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий. В тот же день, 17 октября 1919 г., в командование 7-й красной армией вступил бывший генерал-лейтенант Генерального штаба Д.Н. Надежный. Новый командующий получил 5 драгоценных дней для подготовки контрудара. В силу нарушения темпа операции войска Северо-Западной армии, за исключением 5-й Ливенской дивизии подполковника Дыдорова, вышли к предместьям Петрограда не к 16–17 октября, а лишь к 22 октября. Если генерал Ярославцев со своей 2-й дивизией вышел на подступы к Пулкову 21 октября, встретив

стойкую оборону в Онтолове, то генерал Ветренко с 3-й дивизией не только не выполнил приказа, но и открыл фланг Северо-Западной армии со стороны Колпина, двинув дивизию напрямик через Павловск, где и застрял уже 22 октября.

В дни, когда под Лиговом, под Пулковом, в Царском Селе и Павловске решалась судьба сражения за Петроград, генерал Юденич, чувствуя нарастание сил противника, снова вернулся к своей идее о привлечении финской армии. 22 октября он послал телеграмму французскому генералу Этьевану, новому начальнику союзной миссии в Прибалтике, о привлечении финской армии к походу на Петроград¹³⁵.

23 октября он поручил своему представителю в Финляндии генералу А.А. Гулевичу обратиться к финскому правительству с требованиями о военной поддержке, зная уже о появлении на пулковских высотах свежих войск противника, прибывших с Карельского перешейка. В тот же день генерал Гулевич встретился с представителем финского генерального штаба генералом О.К. Энкелем, бывшим русским военным атташе в Италии, выразившим надежду на участие финской армии в сражении за Петроград. Министр иностранных дел Финляндии Р. Холсти, принявший генералов Гулевича, Этьевана и советника русского посольства в Стокгольме Н.А. Бера, передал на следующий день условия для сотрудничества, повторяющие требования генерала Маннергейма в июле 1919 г. и в первую очередь признания независимости Финляндии. На этот раз С.Д. Сазонов в Париже согласился на признание «независимости», но только в день взятия Петрограда.

Однако адмирал Колчак по-прежнему считал, что этот вопрос правомочно решать только Учредительное Собрание.

Пока в Гельсингфорсе и Париже шли переговоры, генерал Маннергейм послал, как мы уже знаем, 28 октября президенту Финляндии Стольбергу телеграмму, настойчиво призывая к тому, на что он сам не мог решиться в июле, т.е. к немедленному вооруженному выступлению, с тем чтобы «...принять участие в возрождении России». Он убеждал президента в том, что теперь «...очень малыми силами мы сможем обеспечить нашей молодой республике спокойствие и счастливое будущее»¹³⁶.

Но ни благоприятное отношение генерала Энкеля, ни призывы генерала Маннергейма, несмотря на абсолютное превосходство финской армии на Карельском перешейке, не смогли

сдвинуть финское правительство с позиции выжидания. И как только началось отступление Северо-Западной армии, оно послало 5 ноября 1919 г. официальное сообщение о своем отказе от военного выступления.

В то же время, за пять дней с 17 по 22 октября, новый командарм 7-й армии получил поток эшелонов с подкреплениями, следовавшими через Тосно согласно Директиве Главного командования от 17 октября, подписанной С.С. Каменевым и его талантливым начальником штаба, бывшим генерал-майором Генерального штаба П.П. Лебедевым¹³⁷. В этой Директиве он отмечал, что удар на Петроград явно не поддерживается ни Эстонией, ни Латвией, и требовал: «...Считаю необходимым использовать эту обстановку для решительного и окончательного поражения армии Юденича. Для этого сосредотачиваю к Петрограду ударную группу в составе 3-й бригады 21-й стрелковой дивизии из Тулы и бригады курсантов из Москвы». Далее в Директиве сообщается о посылке двух батальонов ЧК из Москвы и других частей, в результате чего Каменев и Лебедев считали, «что ударная группа достигнет 7000 штыков и 470 сабель».

Согласно решению Д.Н. Надежного, все эти части, а также 8-й, 162-й и 479-й стрелковые полки с Северного и Восточного фронтов должны были составить ударную группу в районе Колпина под командованием бывшего полковника Генерального штаба С.Д. Харламова. Эта группа, насчитывавшая свыше 8000 штыков, нацеленная во фланг Северо-Западной армии, превосходила и количеством штыков и своей артиллерией общую численность подошедших к предместьям Петрограда трех слабых дивизий 1-го стрелкового корпуса генерала графа Палена.

В то же время на другом фланге, у берегов Финского залива, где должна была действовать 1-я эстонская дивизия при поддержке английского флота (эта дивизия не подошла даже к форту Красная Горка, а английская эскадра ушла в Ригу обстреливать войска Бермондта), Д.Н. Надежный сосредоточил все силы 6-й стрелковой дивизии под командованием бывшего подполковника Генерального штаба В.В. Любимова, поддержанной сильными отрядами моряков в районе Петергофа, нацелив их на Кипень и Ропшу, т.е. во фланг и тыл Ливенской дивизии.

Между этими ударными группами, сосредоточенными на флангах Северо-Западной армии, в центре, в районе Пулковско-Царское Село, была собрана группа войск бывшего генерал-майора Генерального штаба С.И. Одинцова, в которую входила 2-я стрелковая дивизия, Финские и Петроградские курсанты, а также другие части, переброшенные с Карельского фронта. Эта группа должна была удерживать во что бы то ни стало фронт в районе Пулковских высот.

Но это было далеко не все, что сосредотачивало Главное командование Красной Армии против Юденича. 20 октября главнокомандующим Красной Армии против Юденича С.С. Каменев провел продолжительный разговор по прямому проводу с командующим Западным фронтом В.М. Гиттисом о взаимодействии 15-й армии с 7-й армией, настаивая на сосредоточении войск в районе Струги Белые, с тем чтобы наступать в двух направлениях: на Гдов и, главное, на Лугу, откуда ударить во фланг и тыл Северо-Западной армии.

Согласно этому плану, 10-я стрелковая дивизия должна была наступать на Гдов, а 11-я и 19-я на Лугу и далее на Мшинскую, угрожая с тылу гатчинской группе белых. С этой целью сосредотачивалось до 16 000 штыков и сабель при 200 орудиях, т.е. силы, в несколько раз превосходящие 2-й стрелковый корпус генерала Арсеньева. Однако перегруппировка сил не позволяла 15-й армии начать наступление ранее 27 октября¹³⁸.

21 октября 1919 г. началось контрнаступление 7-й красной армии. Ее войска к этому времени достигли численности свыше 40 000 штыков и сабель, при 453 орудиях, 708 пулеметах, 6 бронепоездах и 9 броневиках¹³⁹, т.е. было достигнуто почти пятикратное превосходство над Северо-Западной армией.

Ударная группа Харламова выбила белых из Ям-Ижор, но все атаки на Павловск были отбиты доблестными Темницким и Красногорским полками. К вечеру 23 октября один из свежих новоприбывших полков — 188-й¹⁴⁰, поддержанный курсантами и латышскими стрелками, внезапной атакой обратил в бегство самый слабый полк 3-й дивизии — 11-й Вятский, насчитывавший не больше 200 штыков. Генерал Ветренко не сумел быстро организовать контратаку. Вслед за отходом 3-й дивизии из Павловска вынуждена была оставить часть Царского Села 2-я дивизия генерала Ярославцева.

В то же время другая часть 2-й дивизии вела упорные бои за Пулковско-Редкое и Верхнее-Кузьмино. Как полагает ротмистр Д.Д. Кузьмин-Караваев, к вечеру 22 октября успех начал определенно склоняться в сторону белых¹⁴¹.

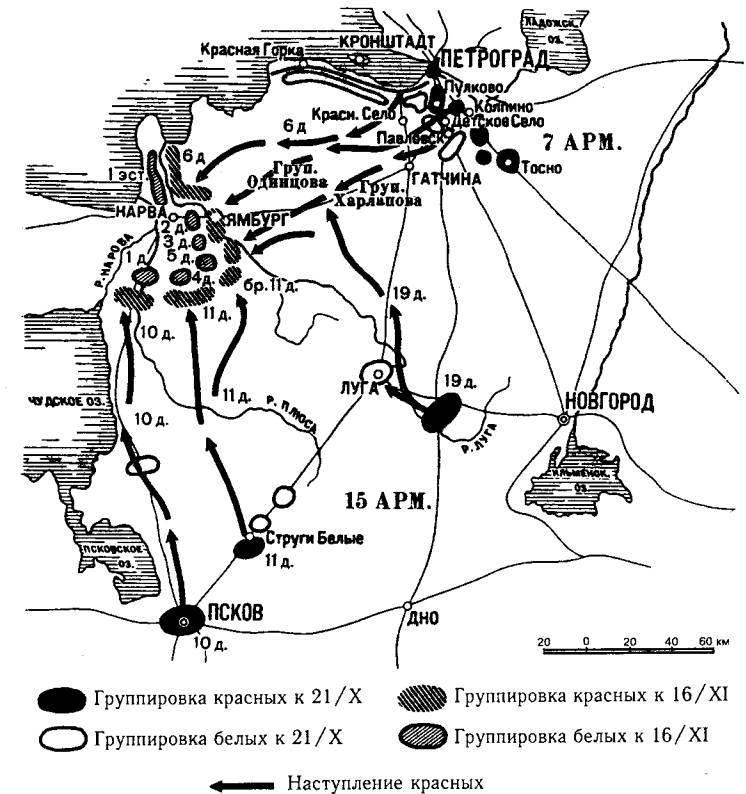

Схема контрнаступления 7-й и 15-й армий красных против генерала Юденича с 21 октября по 14 ноября 1919 г.*

Прорыв на фронте 3-й дивизии позволил группе Одинцова при содействии двух бронепоездов захватить станцию Александровскую. Отойдя от Пулкова, 2-я дивизия заняла позицию на фронте Перелесино-Канино¹⁴², откуда 24 и 25 октября пыталась в упорных боях снова подойти к Царскому Селу.

Дольше всех держалась на занятом ею фронте 5-я Ливенская дивизия. Но в ее тылу и на фланге, слабо прикрытом

* Воспроизводится по: Гражданская война. 1918–1921. В 3-х томах. Т. 1. — М.: Издательство «Военный Вестник», 1928. С. 269.

Конно-Егерским полком, перешла в наступление в ночь на 22 октября 6-я красная стрелковая дивизия бывшего Генерального штаба подполковника Любимова. Его дивизия, подержанная моряками, заняла 23 октября Русское Копорье и Ропшу, угрожая 5-й Ливенской дивизии и ее штабу в Красном Селе. Штаб 1-го стрелкового корпуса растерялся, вызвав возмущение командира 5-й дивизии подполковника Дыдорова¹⁴³. (Начальник штаба корпуса, недавний ротмистр полковник Видякин, прибыв в Гатчину, увлекся, согласно свидетельству А.И. Куприна, комендантскими обязанностями и был занят такими вопросами, как своевременный выход из печати газеты «Приневский Край»¹⁴⁴.) С болью в сердце он вынужден был снят с фронта у Стрельненской подставы 17-й Либавский полк генерала Радена и бросить его с ходу в атаку на Русское Копорье. Рано утром 25 октября Раден стремительно атаковал Русское Копорье, захватил больше 400 пленных и решил наступать дальше в направлении Петергофа, где заранее подготовленные позиции заняла 6-я красная дивизия. Во время атаки генерал Раден был убит, а остатки его полка отошли от Русского Копорья к Красному Селу (см. биографию генерала Радена). Полковник Дыдоров вынужден был не только отойти от Лигова, но и, будучи под угрозой окружения, оставить 26 октября Красное Село.

Прибыв в Гатчину, генерал Юденич в силу сложившейся тяжелой обстановки принял рискованное решение перебросить войска 1-й дивизии генерала Дзерожинского из района станции Батетская, прикрывавшей Лугу и половину 4-й дивизии генерала кн. Долгорукова, из района Струги Белые в Гатчину, с тем чтобы снова попытаться выйти к предместьям Петрограда. Разумеется, генерал Юденич отлично видел и понимал, что оголяя свой тыл на фронте против 15-й армии (в Луге оставалась лишь одна бригада 4-й дивизии под командованием полковника Григорьева), он получает последнюю возможность для маневра, позволяющего повторить штурм столицы в расчете на восстание в самом городе.

Как пишет много знавший Н.Е. Какурин, «можно с большой долей вероятности предположить, что этот жест отчаяния со стороны противника опять-таки находился в причинной связи со внутренней разрушительной работой заговорщиков. Один из них, бывший полковник Медиокритский, занимавший пост начальника оперативного отдела штаба Балтийского флота, пе-

реслал генералу Юденичу новое донесение о расположении советских войск...»¹⁴⁵ В этом повторном донесении Медиокритский (см. его биографию) указывал на слабый фланг зарвавшейся 6-й красной дивизии и на некоторые части, готовые открыть фронт.

Воспользовавшись стабилизацией фронта севернее Гатчины и благодаря прибытию 1-й стрелковой дивизии (группа Харламова «топталась на месте», как признает В. Драгилев¹⁴⁶), штаб Северо-Западной армии поспешил 27 октября составить ударную группу. В нее вошли снятые с фронта Талабский и Семеновский полки 2-й дивизии, поддержанные Конно-Егерским полком под общим командованием незадолго до того произведенного в генерал-майоры доблестного командира Талабского полка Б.С. Пермикина.

На помощь Пермикину поспешил прибыть помощник Главнокомандующего генерал Родзянко. Он привел с собой танковый батальон, пополненный людьми из запасного полка, воздухоплавательный отряд и свою уже сильно потрепанную сотню. С этим сборным отрядом он участвовал в бою за Ропшу. Генерал Пермикин, как пишет Драгилев, «...удачными маневрами наносит ряд частичных поражений нашей 6-й дивизии, захватывает Ропшу-Кипень-Высоцкая и стремится в направлении Красное Село»¹⁴⁷. Завершив эту операцию и взяв больше 2000 пленных, Пермикин 2 ноября совместно с 5-й Ливенской дивизией готовился к штурму Красного Села, с тем чтобы снова двинуться в сторону Лигова, но неожиданно получил приказ об отступлении. Контрудар Пермикина оказался лебединой песней Северо-Западной армии.

Произошло то, о чем докладывал главкому С.С. Каменеву командующий западным фронтом В.М. Гиттис, а именно: общая «совместность»¹⁴⁸ операции всего фронта с 7-й армией. Его 15-я армия 30 октября начала наступление в глубоком тылу Северо-Западной армии. 10-я дивизия этой армии двинулась в направлении на Гдов, а 11-я и 19-я дивизии, выйдя к Луге, заняли город 31 октября после ожесточенного сопротивления оставленной здесь бригады полковника Григорьева. Только в ночь на 1 ноября полковник Григорьев вынужден был отойти к станции Мшинская. Утром 3 ноября 19-я дивизия заняла эту станцию и, пользуясь веткой железной дороги Мшинская-Волосово, стала угрожать окружением гатчинской группе белых.

Это наступление 15-й армии в оголенном тылу войск Юденича вынудило его отдать 3 ноября 1919 г. приказ об отступлении. Ни стойкая оборона 1-й стрелковой дивизии и других частей севернее Гатчины, ни успешное контрнаступление группы генерала Пермикина не позволяли больше надеяться на восстание в Петрограде.

Замыслу генерала Юденича, рассчитывавшего на взаимодействие рвущихся к городу белых войск с восставшими в самом Петрограде, не суждено было осуществиться. Как мы видели, несмотря на подвиги и героизм многих частей 1-го стрелкового корпуса, не удалось выдержать темпа операции, необходимого для реализации этого замысла — выйти в течение 5–6 дней к ближайшим предместьям бывшей столицы. Одна Ливенская дивизия, заняв 16 октября Красное Село и достигнув окраин Лигова, приблизилась к Нарвской заставе и таким образом почти дошла до рубежа, по достижении которого должно было начаться восстание.

Другие дивизии 1-го корпуса — 2-я и 3-я, заняли Царское Село и Павловск лишь 22 октября, т.е. на 12 день наступления, не преодолев при этом Пулковской высоты на пути к Московской заставе, не заняв Колпино на пути к Невской.

Ни одна из дивизий не достигла рубежа Обводного канала, что должно было служить сигналом для начала восстания. Нельзя отрицать, что если среди руководства подготовки восстания было бы правильно оценено критическое положение 2-й стрелковой дивизии 7-й армии на Пулковских высотах, которым не смог воспользоваться генерал Ярославцев (позволивший генералу Пермикину атаковать не Пулково, а Царское Село), восстание в городе могло стать решающим для перевеса в пользу белых. Но для этого необходима была связь между штабом 1-го стрелкового корпуса и руководством восстания, а ее как раз и не было. К тому же в этот период единственный человек, который мог правильно оценить сложившуюся обстановку — начальник штаба 7-й красной армии полковник В.Я. Люндеквист, — сдал свою должность 30 сентября бывшему капитану Генерального штаба А.А. Лютову. Тот, в свою очередь, уступил ее (при командарме Д.Н. Надежном) генерал-майору Генерального штаба Л.К. Александрову, состоявшему в ней в критический момент с 17 октября по 14 ноября 1919 г. Перемещение полковника Люндеквиста из штаба 7-й армии в штаб 11-й, естественно, отрицательно ска-

залось не только на его личных связях со своими единомышленниками в самом штабе 7-й армии, но и с другими участниками подготовки восстания. Достаточно указать на то, что 4-й минно-подрывной дивизион Карпова, эта ударная часть, был направлен на захват штаба 7-й армии в Царском Селе тогда, когда его уже там не было.

Несмотря на постоянное участие полковника В.Я. Люндеквиста в совещаниях на квартире И.Р. Кюрца, нелегальное укрытие в госпитале на Суворовском проспекте после сдачи им должности начальника штаба не могло не действовать угнетающе на этого и без того медлительного «тяжелодума» (отзыв о Люндеквисте его бывшего начальника по штабу Гвардейского отряда генерала Б.В. Геруа).

Но, в то же время, ни в глазах представителя генерала Юденича в Петрограде полковника Ю.П. Германа, ни в глазах самого Главнокомандующего не было лучшего кандидата на роль командующего восстанием, чем авторитетный начальник штаба 7-й армии, мужественно и в течение долгого времени поддерживавший конспиративные связи с белым командованием.

Правда, был и другой кандидат — вице-адмирал М.К. Бахирев. Ведь ему, по словам адмирала Пилкина, было передано, что генерал Юденич «заранее утверждает его распоряжения», равно как и все обещания, которые ему придется дать в зависимости от обстановки¹⁴⁹ (см. биографии вице-адмирала М.К. Бахирева и контр-адмирала В.К. Пилкина).

Адмирал Бахирев бесспорно пользовался большой популярностью не только у офицеров флота, но и у рядовых матросов. Смолоду, где бы он ни был — при штурме китайского форта, при защите Порт-Артура или во время обороны Рижского залива в октябре 1917 г., он всегда отличался исключительной доблестью, спокойствием и решительностью.

В.К. Пилкин в своей статье, посвященной адмиралам Бахиреву и Колчаку, а он их хорошо знал лично, подчеркивает, что адмирал М.К. Бахирев мужественно держался и во время допросов в ЧК, и во время расстрела. Вместе с тем имелись и другие сведения¹⁵⁰.

Особняком стояла группа подполковника Г.И. Лебедева, зависящая от лидера Национального Центра и будущего главы Петроградской Боевой Организации профессора В.Н. Таганцева. Она располагала хорошо вооруженными отрядами из «ку-

лацких элементов»¹⁵¹ и через того же Ю.П. Германа была связана с начальником воздушной обороны города С.А. Лишиным, готовившим вместе с Ю.П. Германом восстание батарей противовоздушной обороны. Однако Ю.П. Герман, видимо, предпочел не связывать подполковника Г.И. Лебедева с Кюрцем и, возможно, поэтому кандидатура подполковника Г.И. Лебедева в качестве вождя восстания не рассматривалась.

Без сомнения, главной причиной колебаний, а затем и отказа от выступлений руководителей к подготовке восстания был замедленный темп операции, на что указывает сам генерал Юденич в своей телеграмме адмиралу Колчаку, говоря о неудаче наступления на Петроград (см. ниже). Особенно отставание на правом фланге 3-й дивизии, упустившей все шансы занятия Тосно и выхода через Колпино к Невской заставе до прибытия подкреплений из Москвы. Также и невыход на рубеж Обводного канала других дивизий (лишь достижение рубежа — сигнал для восстания) привел, повторяем, к этим колебаниям.

Так или иначе, восстания в Петрограде в октябре 1919 г. не произошло. Следовательно, расчет на взаимодействие наступавшей с явно недостаточными силами Северо-Западной армии с восставшими не оправдался.

Однако преждевременное с точки зрения готовности Северо-Западной армии восстание на форту Красная Горка в июне 1919 г. и запоздалое восстание в Кронштадте в марте 1921 г. говорят о том, что стратегический замысел генерала Юденича был основан не на фантазии, а на понимании реального процесса тогдашнего внутреннего сопротивления большевизму.

Армия отступала в порядке, не оставляя ни пленных, ни трофеев. 7 ноября она заняла свои летние позиции по реке Луге, удерживая Ямбург. Но отход из-под Петрограда не мог не отразиться на моральном состоянии офицеров и солдат. Пользуясь своим более чем пятикратным превосходством, 15-я красная армия взяла 8 ноября Гдов, а 7-я армия, совершив глубокий обход, заняла 14 ноября Ямбург. Еще раньше, 11 ноября, белые отступили из Гостицы, в результате чего Северо-Западная армия в середине ноября оказалась прижатой к эстонской границе. Но за этой пограничной проволокой стояли уже не те союзные слабые эстонские войска, которым русские добровольческие отряды помогли спасти Ревель и отбросить красных зимой 1918/19 г. за Нарву и к Пскову, а враждебно настроенная эстонская армия, с нетерпением ожидавшая подписания мира с Советской Россией.

На все просьбы генерала Юденича разрешить тыловым частям, обозам, а также пленным, нуждающимся в отдыхе, перейти границу, эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер неизменно отвечал, что этот вопрос может решить только эстонское правительство. А новое правительство Теннисона отдало приказ о немедленном разоружении всех частей Северо-Западной армии при переходе эстонской границы, причем сам глава правительства заявил, что «Эстония ни в коем случае не должна служить базой русской реакции»¹⁵². Это заявление было не чем иным, как провозглашением готовности к мирным переговорам с Советской Россией. Согласие на начало их и последовало 19 ноября 1919 г.

Для генерала Юденича еще раньше стало ясно, что уступая требованию правительства РСФСР, Эстония готовится к разоружению Северо-Западной армии. 29 ноября в телеграмме на имя Верховного Правителя генерал Юденич дал краткий анализ Петроградской операции:

Сложившаяся к сентябрю политическая обстановка, ненадежность тыла, состояние которого, вследствие враждебного отношения Эстонцев, с каждым днем ухудшалось... необходимость пополнения армии, таявшей в непрерывных боях, отсутствие зимней одежды — заставили меня начать в октябре наступление на Петроград. Я принял это решение, несмотря на малочисленность армии, несовершенство ее организации, плохое снабжение и недостаточное обмундирование, а главное, несмотря на отсутствие помощи от Финляндии и Эстонии, неприход английских линейных кораблей, содействие которых мне было обещано. Операция была начата разгромом противника на нашем правом фланге и стремительным затем наступлением вдоль железных дорог Парва-Гатчина и Варшавской. Были взяты Гатчина, Красное Село, Царское, Павловск, но затем встречено на подступах к Петрограду упорное сопротивление матросов и курсантов... Встреченное сопротивление и прорыв в стыке с эстонцами нашего левого фланга заставили меня перекинуть силы с правого фланга сосредоточив в конце операции в направлении на Петроград, 80% войск. Прорыв был ликвидирован и сопротивление на Пулковской позиции наконец сломлено, но задержка в операции (подчеркнуто нами — Н.Р.) дала противнику возможность подвести подкрепление, по-видимому со всех фронтов. Инициатива перешла к большевикам... наступление противника от Пскова, Струги Белые и Луги большими силами заставило нас оставить Гатчину, Ямбург и впоследствии, после упорных боев, — отступить за р. Лугу. Рано наступившие морозы, сделавшие болота проходимыми, облегчили маневры противника и затруднили оборону¹⁵³.

Единственным путем для спасения Северо-Западной армии генерал Юденич считал уже тогда перевоз ее к генералу Деникину. Однако вопрос о переброске армии на юг отпал почти сразу. Союзники ссылались на недостаток тоннажа и даже задерживали в своем распоряжении русские суда Добровольческого флота. Отпал также, после отказа финляндского правительства в военной помощи от 5 ноября, вопрос о переезде в Финляндию.

Первоначально генерал Лайдонер соглашался в конце ноября 1919 г. принять командование Северо-Западной армией, включив некоторые ее части в состав эстонской армии, а остальные передать в распоряжение министерства внутренних дел на принудительные работы. Но правительство Теннисона воспретило продолжать и эти переговоры, объявив, что все бывшие солдаты и офицеры Северо-Западной армии, при переходе эстонской границы, должны быть разоружены, лишены знаков отличия и рассматриваться только как беженцы. Генерал Юденич энергично протестовал против этого решения, указывая в своих обращениях к союзникам, что оно исключает всякую возможность дальнейшей борьбы с большевизмом.

Бесплодной оказалась и поездка генерала Юденича в Ригу в сопровождении генерала Владимирова. Латвийское правительство отказалось принять на свою территорию Северо-Западную армию, несмотря на благоприятное отношение к русским вообще и к этому вопросу в частности французского генерала А. Нисселя, участвовавшего в совещаниях в Риге в конце декабря.

Но в то же время, армия продолжала существовать и действовать по другую сторону реки Наровы. В связи с необходимостью переезда в Ревель для ведения переговоров о дальнейшей судьбе армии, генерал Юденич назначил 26 октября командующим армией генерал-лейтенанта П.В. Глазенапа. Сам он номинально оставался командующим фронтом. Колчак рекомендовал Юденичу в телеграмме от 20 декабря 1919 г., выехать в Париж для более тесной связи с союзниками, но Юденич решил до конца не расставаться с армией. Генерал Глазенап переформировал войска, ликвидировал штабы обоих стрелковых корпусов и сформировал из оставшихся частей 1-ю и 2-ю дивизии, в состав которых не вошла прежняя 1-я дивизия генерала Дзержинского, перешедшая раньше реку Нарову и разоруженная по приказу генерала Лайдонера. На-

чальником штаба армии генерал Глазенап назначил генерал-майора Генерального штаба С.Н. Самарина (см. его биографию). Части 1-й и 2-й дивизий Северо-Западной армии занимали на восточном берегу реки Наровы станцию Низы и деревню Криуша на самом берегу реки. В конце ноября — начале декабря эти опорные пункты настойчиво атаковали части 11-й стрелковой дивизии красных. Ее 94-й и 97-й полки, начиная с 27 ноября, неся большие потери, предпринимали против Криуши одну атаку за другой¹⁵⁴. В одной из контратак 6-й Талабский полк 2-й стрелковой дивизии белых захватил пленных и батарею противника¹⁵⁵. Только 9 декабря 1919 г. белые оставили восточный берег реки Наровы.

В связи с тем, что армия была вынуждена оставить русскую территорию, генерал Юденич и адмирал Пилкин еще 20 января 1919 г. совместно объявили о своем выходе из Северо-Западного правительства. Официальное заявление об отставке было подано ими 3 декабря, когда на заседании правительства генерал Юденич напомнил, что он подчиняется только Верховному Правителю адмиралу Колчаку, а на требования выделить валюту из денежных сумм, полученных от адмирала Колчака, он предоставил лишь небольшие средства на уплату жалования служащим, указав, что остальное может быть истрачено только на нужды армии.

Решение о роспуске Северо-Западного правительства было принято уже без участия генерала Юденича на следующем заседании 5 декабря, после чего его председатель С.Г. Лианозов уехал в Финляндию.

При переходе на другой берег реки Наровы, после 9 декабря 1919 г., эстонцы отбирали у частей Северо-Западной армии не только вооружение (винтовки, пулеметы, орудия), но и остатки продовольствия и обмундирование, сохранившиеся в обозах. Происходил открытый грабеж ценностей и личного имущества у офицеров при сдаче оружия.

Напрасно в эти декабрьские дни генерал Юденич посылал телеграммы и курьеров Сазонову в Париж и в русское посольство в Лондоне. Не только все телеграммы, но и курьеры задерживались эстонскими властями. «С конца ноября 1919 г. по февраль 1920 г., — пишет генерал Томилов, — главнокомандующий не получил ответа ни на одну из своих телеграмм нашим представителям за границей»¹⁵⁶. Не получил он также ответа и на свою телеграмму в Лондон, в кото-

рой требовал: «Прошу сообщить Черчиллю — Эстонцы насильственно отбирают в свои склады имущество отпущенное Северо-западной армии. Протесты безрезультатны, местные миссии (союзников. — *Н.Р.*) бессильны»¹⁵⁷.

С переходом эстонской границы началась агония Северо-Западной армии. Перешедшие еще в ноябре Нарову, части 1-й дивизии были расквартированы в лесах, вдоль шоссе, ведущего в Юрьев. Солдаты грелись у костров, так как в редких хуторах помещений не хватало и надо было ждать очереди чтобы погреться. Антисанитарные условия, отсутствие бань и невозможность сменить белье привели к быстрому распространению сыпного тифа. Больницы Нарвы были уже переполнены, когда с фронта прибыли войска 1-й и 2-й дивизий. Врачей не хватало. Они тоже заболели тифом. Эстонские власти запрещали эвакуировать больных из Нарвы, опасаясь распространения эпидемии.

Агонии Северо-Западной армии посвятил свою обширную статью Нео-Сильвестр (Генрих Иванович Гроссен), швейцарец по происхождению и русский патриот до глубины души. Будучи редактором «Вестника Северо-Западной армии», а затем одним из организаторов «Боевого санитарного отряда», боровшегося в Нарве с сыпным тифом, Г.И. Гроссен видел главную беду Северо-Западной армии в том, что у нее не было своего тыла. А «при отступлении (же) тыл буквально убил армию»¹⁵⁸.

Говоря об участии тех частей, которые оказались первыми на левом берегу Наровы, Г.И. Гроссен пишет: «Измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные, при морозе в 10 градусов, должны были провести несколько ночей под открытым небом... множество людей замерзло, многие умерли от истощения. В этом мрачном лесу впервые зашевелила своими отвратительными лапками тифозная вша»¹⁵⁹.

«Русским, сражавшимся бок о бок с эстонцами, — продолжает Гроссен, имея в виду солдат и офицеров 2-й и 3-й дивизий, державших оборону до 9 декабря на восточном берегу Наровы, — был уготовлен нарвский мешок со вшами, куда после нечеловеческих глумлений эстонцы впустили несчастные, измученные боями белые части»¹⁶⁰.

По сведениям санитарного отряда Г.И. Гроссена, в декабре в Нарве было около 10 000 человек больных, из которых 5117 были солдаты и офицеры 1-й и 2-й дивизий¹⁶¹. Генерал Глазе-

нап издал приказ 21 января 1920 г. о наведении порядка во всех госпиталях и назначил генерала Ежевского (см. его биографию) начальником всех лечебных заведений. Но генерал Ежевский вскоре сам умер от тифа, как и многие лечащие врачи.

Утратив окончательно все надежды на перевоз армии к генералу Деникину и исчерпав все возможности сохранить и спасти армию, — генерал Юденич отдал следующий приказ:

«Вероятность заключения эстонцами в самом непродолжительном времени мира с большевиками, с чем связано интернирование чинов Северо-Западной армии... и неполучение необходимого тоннажа для переброски армии на другой фронт, вынудили меня 22 января (1920 г. — *Н.Р.*) отдать приказ о демобилизации армии. Для ликвидации всех дел образована комиссия, на обязанности которой лежит разрешение вопроса о людях»¹⁶².

22 января 1920 г. была сформирована Ликвидационная Комиссия под председательством генерала графа А.П. Палена. Членами ее были: генералы А.В. Владимиров, П.Н. Краснов, адмирал В.К. Пилкин и полковник К.А. Крузенштерн. Еще раньше, 20 января, генерал Юденич отдал приказ по армии о выдаче жалования офицерам и солдатам в эстонской валюте, полученной в обмен на английские фунты из сумм, присланных адмиралом Колчаком. А кроме того, уже Ликвидационная Комиссия выдала всем военнослужащим денежное пособие в валюте на месяц вперед, а тем, кто выразил желание ехать на юг, к Деникину, также и проездные расходы, включая довольствие в пути на жену и детей.

В связи с этим следует напомнить, что как ни скромны были суммы, выданные в качестве пособия и путевых расходов, из всех белых армий одна Северо-Западная армия генерала Юденича смогла позаботиться, по мере своих возможностей, о денежном довольствии в валюте своим военнослужащим уже после ликвидации армии. Это стало возможным после того, как 30 января 1920 г. в помещениях английской миссии генералом Юденичем было передано в Ликвидационную Комиссию, в присутствии генералов Палена, Владимирова, Глазенапа и адмирала Пилкина, 227 000 фунтов стерлингов.

На требование эстонских властей о передаче им валюты, находившейся в распоряжении генерала Юденича, он ответил категорическим отказом, указав на захват эстонцами огромных складов армии, тысячи груженых военным имуществом вагонов и 26 паровозов.

ПРИКАЗЪ

Съверо-Западной Арміи

№ 57 (операт.)

22 Января 1920 г.

г. Нарва.

Въ виду сложной политической обстановки, вслѣдствіе которой Русская Съверо-Западная Армія осталась одинокой, безъ поддержки на чужой землѣ, дальнѣйшее пребываніе ея, какъ вооруженной Русской силы, въ предѣлахъ Эстоніи стало невозможнымъ, почему предписываю:

1) Всѣхъ офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ С.-З. Арміи съ сего числа считать уволенными отъ службы. Судьба всѣхъ этихъ чиновъ, а также раненыхъ и больныхъ, находящихся въ лечебныхъ заведеніяхъ, и пенсионеровъ С.-З. Арміи опредѣлится Ликвидационной и Санитарной Комиссіями. Всѣ эти чины будутъ удовлетворяться, какъ денежнымъ, такъ и провіантскимъ довольствіемъ по прежнимъ окладамъ. Сроки довольствія будутъ указаны Ликвидационной Комиссіей. Для перевозки всѣхъ желающихъ на Сѣверъ Россіи мною затребованы пароходы.

2) Для устройства раненыхъ и больныхъ назначаю Комиссію изъ: Начальника Санитарной части Арміи, Военно-Санитарнаго Инспектора Арміи, Главноуполномоченнаго Россійскаго Общества Краснаго Креста, Генераль-Лейтенанта Давронинскаго, Генераль-Маіора Ежескаго и врачей по назначенію Санитарнаго Инспектора, подъ предсѣдательствомъ Генерала-отъ-Инфантеріи Горбатовскаго. Комиссіи этой привести всѣ лечебныя заведенія въ порядокъ въ кратчайшій срокъ и подготовить ихъ къ передачѣ Красному Кресту.

3) Приступить къ ликвидаціи войсковыхъ частей, Штабовъ и учреждений Арміи, для чего назначаю Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Начальника 1-ой дивизіи, Генераль-Лейтенанта Гр. Палена и членовъ Генерала-отъ-Кавалеріи Краснова, Контръ-Адмирала Пилкина, Генераль-Маіора Владимірова, Генеральнаго Штаба Полковника Крузенштерна, Дежурнаго Генерала Штаба Арміи, отъ Военнаго Суда - Генераль-Маіора Тавастшерна, Контролера Арміи и представителей по одному отъ каждой дивизіи. Въ Комиссію эту мною будутъ приглашены представители иностранныхъ державъ. Комиссіи закончить всѣ работы въ кратчайшій срокъ, и

4) Генераль-Лейтенанту Глазенапу поручаю общее руководство и наблюдение, какъ надъ работою Комиссій, такъ и надъ всѣми дѣлами по ликвидаціи. Необходимыя для чего права и полномочія мною переданы Генераль-Лейтенанту Глазенапу.

Подлинный подписалъ:

Главнокомандующій,

Генераль-отъ-Инфантеріи ЮДЕНИЧЪ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. Русскаго Военнаго Представителя въ Эстоніи,
Генераль-отъ-Кавалеріи КРАСНОВЪ.

Съ копій вѣрно:

Вр. И. д. Штабъ-Офицера для порученій при Нач-къ Штаба
С.-З. Арміи, Подпоручикъ (Подпись)

Копія съ копій вѣрно:

И. д. Начальника Общаго Отдѣленія,
Подполковникъ Мусинъ.(По Отдѣлу Дежурнаго Генерала)
Общее Отдѣленіе.

Этотъ отказ, какъ мы увидимъ ниже, доставилъ генералу Юденичу много неприятностей. Получивъ эстонскую визу, генералъ Юденич, согласно рекомендаціи адмирала Колчака, намеревался выехать въ Парижъ. Передъ отъездомъ, 24 января 1920 г. онъ отдалъ прощальный приказъ по арміи, где, въ частности, говорилъ:

Я не считалъ себя вправе покинуть Армію, пока она существовала, сознавая свой высокій долгъ передъ родиной. Теперь, когда обстановка принуждаетъ насъ расформировать части Арміи и ликвидировать ее учрежденія, съ тяжелой болью въ сердцѣ я расстаюсь съ доблестными частями Северо-Западной Арміи... Отъезжая отъ Арміи, я считаю своимъ долгомъ, отъ имени нашей общей матери Россіи, принести мою благодарность всемъ доблестнымъ офицерамъ и солдатамъ за ихъ великій подвигъ передъ родиной. Беспримерны были Ваши подвиги и тяжелые труды и лишения. Я глубоко верю, что великое дело русскихъ патриотовъ не погибло.

Генералъ отъ инфантеріи Юденич

Юденичъ съ супругой и со своимъ адъютантомъ капитаномъ Покотило были готовы къ выезду за границу, когда наканунѣ назначеннаго дня 27 января 1920 г. в 11 часовъ вечера къ нему въ гостиницу «Комерцъ» неожиданно явился С.М. Булак-Балаховичъ въ сопровожденіи шести своихъ людей и потребовалъ немедленнаго отъезда съ нимъ генерала Юденича, для того чтобы неизвѣстно где выяснить положеніе финансовыхъ дѣлъ (см. биографію Булак-Балаховича). Находившіеся въ гостиницѣ генералы Глазенап и Владиміровъ и капитанъ Покотило не допустили Балаховича къ генералу Юденичу, отказавшемуся вести съ нимъ какіе-либо переговоры. Несмотря на это, Булак-Балаховичъ снова появился ночью въ гостиницѣ, на этотъ разъ съ тремя эстонскими полицейскими, которымъ капитанъ Покотило вынужденъ былъ сдать свое оружіе, а генералу Юденичу пришлось последовать за ними въ полицейскій участокъ. Здесь онъ узналъ, что его выездная виза аннулирована. Затемъ генералъ Юденичъ былъ доставленъ на вокзалъ, где его уже ждалъ вагонъ, прицепленный къ товарному поезду, который былъ немедленно отправленъ въ сторону советской границы.

Арестъ генерала Юденича съ участіемъ эстонской полиціи, благодаря тревоге, поднятой его ближайшими сотрудниками (генералами Владиміровымъ, Глазенапомъ и адмираломъ Пилкинымъ), вызвалъ энергичное вмѣшательство главъ французской и англійской военныхъ миссій. Ихъ демарши на следующий день вынудили эстонское правительство послать вдогонку за

похитителями генерала Юденича поезд с вооруженной командой. Нагнав вагон с генералом на станции Тапа, эстонцы доставил Юденича в Ревель.

Бывший министр Северо-Западного правительства В.Л. Горн считает, что министр внутренних дел Геллат не мог не знать о «содействии» подчиненной ему эстонской полиции в похищении генерала Юденича¹⁶³.

Генерал П.А. Томилов в своем труде сообщает, что и после освобождения генерала Юденича Геллат «вел свою линию»¹⁶⁴. 30 января эстонские власти потребовали от генерала Юденича подписать составленное ими обязательство, что все средства, как личные, так и «...предоставленные для содержания Северо-Западной армии... в чем бы эти средства ни состояли, он должен передать правительству Эстонии»¹⁶⁵.

Как мы уже знаем, генерал Юденич до этого передал на личные суммы в валюте Ликвидационной Комиссии. Однако, как пишет П.А. Томилов, «В бурном ночном заседании на 31 января эстонского правительства было решено не выпускать Юденича из Эстонии, пока правительству не будут даны дополнительные средства...»¹⁶⁶

Арест и похищение генерала Юденича вызвали возмущение не только Д.С. Сазонова в Париже, немедленно сообщившего об этом союзным правительствам, и бывших членов Политического Сопровождения во главе с А.В. Карташевым в Гельсингфорсе, но и у представителей союзных миссий.

Глава союзных миссий в Прибалтике генерал Этьеван в телеграмме на имя Юденича сообщал: «После того как я узнал о возмутительном аресте, которому Вы подверглись, и моего энергичного протеста Эстонскому Правительству, я счастлив узнать о Вашем освобождении...»¹⁶⁷

Начальник английской союзной миссии в Эстонии полковник Вильсон не только отправился утром 28 января к главе эстонского правительства Теннисону с протестом, но и угрожал немедленно покинуть Эстонию, если генерал Юденич не будет освобожден. По возвращении Юденича в Ревель он любезно предложил ему переехать вместе со своей супругой в помещение английской миссии, т.е. на неприкосновенную для эстонцев территорию, чем генерал и воспользовался.

Эстонскую выездную визу генерал Юденич получил только 24 февраля 1920 г., т.е. почти через месяц. Весьма вероятно,

что известную роль сыграл прибывший из Парижа в Ревель бывший член Государственной Думы Г.А. Алексинский, пользовавшийся, как социал-демократ, большим влиянием в Париже и Лондоне. Вместе с ним и генералами Глазенапом и Владимиром Юденич выехал в тот же день из Эстонии в вагоне английской военной миссии в Латвии и прибыл в Ригу.

В ЭМИГРАЦИИ

Как у большинства белых участников Гражданской войны, у генерала Юденича начало жизни в Зарубежье еще не имело того эмигрантского характерного уклада, который формировался по мере «оседания» на постоянном месте жительства.

Прибыв 25 февраля 1920 г. из Эстонии в Ригу, генерал Юденич почти сразу воспользовался полученной еще в Ревеле шведской визой и в начале марта находился уже в Стокгольме. Здесь он устроил свои денежные дела (как показывает его переписка со своим поверенным в делах в Париже, весь оставшийся у него валютный фонд лежал в шведских кронах) из той части переведенной адмиралом Колчаком валюты, которую он с помощью английского финансиста Лича оставил на счетах в Швеции. Здесь же в Стокгольме генерал Юденич выждал выезда из Гельсингфорса своей супруги Александры Николаевны, находившейся у Гардениных на даче и ожидавшей, когда ее муж сможет покинуть помещение английской миссии в Ревеле. Она прибыла, сопровождаемая верным адъютантом генерала капитаном Покотило, доставившим из Ревеля на дачу Гардениных уцелевшую часть архива Северо-Западной армии.

Из Стокгольма генерал Юденич выехал в Лондон через Копенгаген, где он по желанию вдовствующей императрицы Марии Федоровны, прибывшей в родную ей Данию из Крыма, нанес ей визит.

Слышавший о приезде генерала Юденича в Лондон М.С. Маргулиес, записал в своем дневнике от 23 апреля 1920 г., что «на прошлой неделе»¹⁶⁸ генерал был приглашен профессором Гарднером прочесть доклад, но отказавшись от каких-либо публичных выступлений, уехал в Париж. Согласно поздним воспоминаниям жены, Юденич нанес визит в Лондоне только Уинстону Черчиллю, считая его единственным политическим лидером в Англии, кто стремился помочь Белому движению¹⁶⁹.

В Париже генерал Юденич оставался не долго. Он передал адмиралу В.К. Пилкину доверенность на все банковские счета и поручил ему (см. биографию адмирала Пилкина) вести не только дела по оставшейся задолженности Северо-Западной армии (см. например, в биографии адмирала Пилкина дело о погашении счета французского правительства за перевоз двух французских танков из Гельсингфорса в Ревель), но и оказывать финансовую помощь лицам по его указаниям. Так, в частности, он распорядился о выплате банковской ренты вдове адмирала Колчака Софии Федоровне.

У генерала Юденича и его супруги сохранялись теплые отношения с семьей адмирала В.К. Пилкина, о чем говорит оживленная переписка и после отъезда генерала Юденича в Ниццу. Сохранилось также письмо Г.А. Алексинского, отправленное генералу 11 мая 1920 г., где он пишет, что по болезни не может навестить Юденичей и просит назначить свидание «в ближайшие дни с моей женой, которая хочет иметь удовольствие познакомиться с Вашей супругой»¹⁷⁰. Сам же А.Г. Алексинский, очевидно, уже бывал у Юденича и заканчивает свое письмо «почтительными приветствиями Александре Николаевне»¹⁷¹.

Вскоре, в самом конце мая 1920 г., генерал Юденич переехал в Ниццу. Он приобрел небольшую ферму в предместье Ниццы, Сэн Лоран дю Вар (Saint Laurent du Var). Пока велись работы по перестройке дома, чтобы «сделать его более удобным для жилья», как вспоминает Е.В. Масловский, Юденич с супругой проживали в гостинице «Люксембург» на Английской набережной в Ницце (9, Promenade des Anglais).

В этом доме, сохранившем от прежних хозяев название «Питчунетто» (Pitchounetto), Юденичи устраивали по воскресеньям скромные приемы для бывших сослуживцев генерала и его знакомых, проживавших в Ницце.

Среди них были: бывший начальник штаба Кавказской армии генерал Петр Андреевич Томилов со своей энергичной супругой Натальей Аркадьевной, позже, с 1930 г., генерал Е.В. Масловский, живший у Юденичей и считавшийся членом семьи, генерал Дмитрий Владимирович Филатьев, сослуживец генерала Юденича по Туркестану, с супругой Софьей Александровной, подругой в молодости Александры Николаевны Юденич. Часто бывали бывший начальник Академии

Генерального штаба, а в конце Первой мировой войны фактический Главнокомандующий Румынским фронтом (заместитель румынского короля) генерал Дмитрий Григорьевич Щербачев с супругой Надеждой Александровной. В свою очередь, Щербачевы часто приглашали генерала Е.В. Масловского и других знакомых, будучи обеспечены весьма хорошей пенсией от румынского правительства.

В отличие от него, бывавший у Юденичей генерал Петр Николаевич Ломновский, бывший начальник штаба генерала Брусилова, а затем командующий 12-й армией на Румынском фронте, вместе со своей супругой Прасковьей Николаевной занимались производством йогурта и несмотря на все трудности преуспели в этом деле.

Сравнительно редко, имея больную жену и дочь, по воскресеньям заходил адмирал В.К. Пилкин. Так же редко бывал генерал Петр Иванович Постовский, бывший начальник штаба 2-й русской армии генерала Самсонова, чудом вышедший из окружения, за что его многие упрекали. Он жил у своей дочери Ольги Петровны, вышедшей замуж за английского полковника в отставке Стокса, служившего офицером связи во время Гражданской войны в Тифлисе. Генерала Постовского постоянно преследовали вопросами о причинах катастрофы 2-й русской армии и гибели ее командующего. Не удержался от этого и генерал Масловский. Чтобы оправдать себя, Пестовский несколько раз встречался с Масловским отдельно, в результате чего Масловский составил очерк об этой трагической операции. Он находится теперь в Бахметьевском архиве Колумбийского университета вместе с другими бумагами генерала Масловского.

Сам Юденич довольно редко выезжал из своей фермы. Чаще всего он бывал у Томиловых, где супруга генерала Петра Андреевича, Наталья Аркадьевна, довольно регулярно собирала в своем доме друзей и знакомых. Иногда генерал бывал на собраниях «Кружка ревнителей русской истории», где он дважды выступал с докладами о Кавказском фронте 1914–1917 гг.

Изредка, по просьбе директора русской гимназии «Александринино» Аркадия Николаевича Яхонтова, он посещал гимназию. Как вспоминает одна из учениц того времени, в ожидании прибытия генерала Юденича, учеников школы тщательно выстраивали под командой инспектора школы, бывшего пол-

ковника Генерального штаба Михаила Ильича Изергина. По прибытии генерала вся школа четко и громко, по-военному приветствовала: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!» Близко видевшая его ученица вспоминает, как однажды генерал, тронутый таким приветствием детей, прослезился. Чтобы отвлечь внимание и скрыть свои чувства, он нарочно уронил шляпу, а поднимая ее, быстро платком, который тут же спрятал, смахнул слезу*.

В Бахметьевском архиве Колумбийского университета сохранились письма Яхонтова Юденичу, где он ежегодно благодарит генерала за помощь гимназии, выражавшуюся в оплате обучения и содержания ученика гимназии Георгия Соколова.

Кроме того, генерал Юденич не оставлял гимназию «Александрино» в трудные периоды, когда из-за безработицы многие родители и особенно вдовы не могли платить за учение и за содержание своих детей. Так, в письме от 21 июля 1932 г. А.Н. Яхонтов писал генералу Юденичу: «В беседе нашей Вы изволили упомянуть, что могли бы в крайнем случае выделить на потребности “Александрино” 2000 фр. Разрешите мне усердно просить Вас сделать это. Сейчас положение настолько остро, что каждую минуту можно ждать осложнений и возникает необходимость, хотя бы частично, убажить наиболее насущных кредиторов... К числу таковых относятся булочник и молочник... Очень совестно и тяжело беспокоить Вас. Не привычно мне выступать в качестве назойливого просителя. Вынужден на это ради дела, которое не бесполезно для общих наших русских стремлений...» На письме — резолюция рукой генерала Юденича: «...Послал чек на 2000 фр. при ласковых словах. Н.Ю.»¹⁷².

Из биографических очерков генерала П.К. Кондзеровского, полковника кн. А.П. Ливена, адмирала В.К. Пилкина и ряда других видно, как внимательно и заботливо относился генерал Юденич к своим бывшим соратникам по Северо-Западной армии. Не менее трогательно он приходил на помощь своим ближайшим помощникам по штабу Кавказской армии, в том числе генералам П.А. Томилову и Е.В. Масловскому.

* Этой ученицей была и ныне здравствующая супруга автора — Анна Анатольевна Рутченко, урожденная Талызина. — *Ред.*

Особую заботу и готовность помочь генерал Юденич проявил по отношению тех своих соратников, которые в тяжелых условиях эмиграции стремились внести свой посильный вклад в историю Первой мировой и Гражданской войн. Он помог кн. А.П. Ливену в деле его изданий, посвященных 5-й Ливенской дивизии (см. его биографию). По некоторым сведениям, генерал Юденич лично просил бывшего командира 2-й дивизии генерал-майора М.В. Ярославцева, проживавшего одно время в Ницце, участвовать в издаваемом кн. А.П. Ливеном журнале «Служба Связи Ливенцев и Северозападников», выходящем до сентября 1932 г., когда появились первые признаки тяжелой болезни генерала Юденича, сведшей его в могилу.

Из переписки с генералом П.К. Кондзеровским видно, что не лишен был помощи и проживавший в Эстонии генерал А.К. Баиов. В 1923 г., вскоре после получения архива Северо-Западной армии от Гарденина из Финляндии, генерал Юденич решил поручить своему бывшему начальнику штаба по Кавказской армии генералу П.А. Томилову написать очерк истории Северо-Западной армии. Незадолго до этого он, согласно сведениям генерала Е.В. Масловского, помог генералу Томилову купить и отремонтировать дом с садом.

В предисловии к труду генерала П.А. Томилова, написанном в сентябре 1954 г. генералом П.Н. Шатиловым по просьбе супруги генерала Натальи Аркадьевны Томиловой, пытавшейся найти издателя для труда своего мужа, сказано, что генерал Юденич, предоставив ему (генералу П.А. Томилову) имеющиеся у него архивы, поручил описать борьбу Северо-Западной армии в период Гражданской войны¹⁷³.

Труд этот под названием «Северо-западный фронт гражданской войны в России 1919 года», состоявший из 13 глав общим объемом в 567 страниц, не считая многочисленных приложений, был закончен в конце 20-х гг. и находится ныне в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Генерал Юденич критически воспринял работу генерала Томилова и не предпринял никаких шагов для ее издания. Возможно, потому, что боевые действия Северо-Западной армии в октябре 1919 г. изложены Томиловым по брошюре «Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода», изданной в Гельсингфорсе в 1920 г. ротмистром Д.Д. Кузьминым-Караваем.

В своем труде П.А. Томилов избегает, как правило, называть по именам должностных лиц из командования армии и как-либо оценивать их действия. Он умалчивает также о работе штаба армии, не говоря уже о штабах корпусов и дивизий. В то же время, в 13 главах манускрипта приводятся многочисленные документы по внешним сношениям Главнокомандующего армией, а в богатейших и обширных примечаниях к главам собраны ценнейшие документы, в том числе о боевом составе армии в разные периоды. Как следует из предисловия генерала Шатилова, генерал Томилов намеревался переработать свой труд, но так и не преуспел в этом.

Иначе сложилась судьба другого монументального труда, задуманного генералом Юденичем. Вскоре после своего приезда в Париж из Болгарии бывший генерал-квартирмейстер Кавказской армии генерал-майор Е.В. Масловский приступил к составлению стратегического очерка Мировой войны на Кавказском фронте (занимаясь по вечерам после работы на заводе чертежником). Узнав об этом по переписке, генерал Юденич поспешил помочь ему приобрести пишущую машинку. Летом 1929 г. Юденич пригласил Масловского на месяц к себе в Сэн Лоран дю Вар отдохнуть, где они снова встретились после увольнения генерала Юденича с поста командующего Кавказским фронтом.

По возвращении в Париж генерал Масловский заболел (у него произошло кровоизлияние в глазу и начались осложнения с сердцем). От чертежничества пришлось отказаться и поступить на другую плохо оплачиваемую работу. Юденич, узнав о болезни и трудном положении Масловского, предложил ему переехать к нему в Сэн Лоран дю Вар. Масловский вспоминал: «Ему понятно, как трудно мне... выполнение такого крупного и ответственного исторического труда... у него на вилле я могу в полном спокойствии, вне материальных забот, с большим успехом отдаться своей большой работе»¹⁷⁴.

В августе 1930 г. Евгений Васильевич, закончив лечение, переехал в Сэн Лоран дю Вар, где его радушно встретила чета Юденичей.

Поселившись в доме «Пичунетто», Масловский смог спокойно продолжить свой труд. В то же время, став (как его представляли) «членом семьи» Юденичей, близко познакомился со многими видными военными и государственными

деятелями (о которых мы говорили выше), посещавшими дом по воскресеньям, либо состоявших в обществе «Ревнителей русской истории», председателем которого был одно время сам генерал Юденич.

Уже к декабрю 1930 г. генерал Масловский довел свой труд до Евфратской операции, т.е. до осени 1915 г. В начале 1931 г. он приступил уже к разработке сложной двойной Эрзерумской операции, но как раз тогда размеренная домашняя жизнь генерала Юденича была нарушена подготовкой к торжественному празднованию его 50-летнего пребывания в офицерских чинах. Такие даты традиционно отмечались в русской армии.

По инициативе Председателя Русского Обще-Воинского Союза генерала Е.К. Миллера был создан Парижский Юбилейный комитет под председательством генерала П.Н. Шатилова. В него вошли многие видные генералы, в том числе соратники генерала Юденича генералы П.А. Томилов, Е.В. Масловский, М.Е. Леонтьев (Северо-Западная армия), Б.П. Веселовзоров. Секретарем комитета стал редактор журнала «Часовой» капитан В.В. Орехов.

Производство в первый офицерский чин совершалось в России обычно в августе. По просьбе Председателя Юбилейного комитета генерала П.Н. Шатилова генерал Масловский должен был подготовить не только свое (главное) выступление на торжественном собрании в честь генерала Юденича и согласовать его с другими готовящими свои выступления, но и написать несколько статей, а также составить короткий обзор операций Кавказской армии для рассылки по отделам РОВСа, которые могли бы быть основой для речей выступающих по поводу устраиваемых торжественных собраний.

Наконец, после длительной подготовки, 22 августа 1931 г., в парижском зале Жан Гужон состоялось торжественное собрание, посвященное знаменательной дате.

Собрание открыл Председатель РОВСа Е.К. Миллер и после вступительного слова передал председательство генералу П.Н. Шатилову. С докладами поочередно выступили: генерал П.А. Томилов — «Служба ген. Юденича», генерал Е.В. Масловский — «Операции Кавказского фронта», генерал М.В. Леонтьев — «Северо-Западная армия» и генерал Д.В. Филатьев — «Исторические параллели».

Затем последовали многочисленные приветствия юбиляру, в том числе от Военно-Морского Союза, от Общества

Офицеров Генерального штаба (генерал Драгомиров), от Лейб-гв. Литовского полка, в котором генерал Юденич начал свою службу (полковник Сияльский), от Союза Ливенцев (полковник Бушен), от Союза Кавказских войск (полковник князь Трубецкой) и от многих других русских воинских организаций за рубежом.

Большой зал был полон. Кроме военных, присутствовали многие общественные деятели. Николай Николаевич Юденич сидел в первом ряду между генералами Е.К. Миллером и А.И. Деникиным¹⁷⁵. (Здесь Юденич и Деникин встретились впервые.)

Юбилейные торжества в честь генерала Юденича состоялись не только в Париже. По всему русскому зарубежью в августе—сентябре 1931 г. прокатилась волна собраний и докладов, посвященных заслугам генерала Юденича. Его соратники, теперь уже генералы Драценко и Термен, выступили в Загребе и Софии, генерал Полтавцев в Белграде, в далеком Шанхае генерал Дитерихс, в Детройте (США) генерал Шульце.

Доклады на парижском собрании в зале Жан Гужон были повторены на чествовании генерала Юденича в Ницце, состоявшемся 4 октября 1931 г. в зале Табарэн (Tabarin) на rue Mасагани. Собрание, на которое из Парижа прибыл генерал Шатиллов, открыл бывший военно-морской министр адмирал С.А.Воеводский.

К парижским докладчикам присоединились и выступили бывший министр земледелия, член Государственного Совета А.Н. Наумов и профессор П.П. Мигулин, представитель русской академической группы во Франции. С трогательной речью от имени учеников русской гимназии «Александрин» выступил ее директор А.Н. Яхонтов, бывший помощник Управляющего Делами Совета Министров и автор известной публикации заседаний Совета Министров «Тяжелые дни» (Архив Русской Революции, том XVIII, Берлин, 1926).

Доклады, прочитанные на собраниях в Париже и Ницце, а также речь генерала Драценко в Загребе были изданы в 1933 г. отдельной брошюрой Парижским Юбилейным комитетом при ближайшем участии редактора журнала «Часовой» В.В. Орехова.

Доклады, особенно генералов Томилова, Масловского и Филатьева, до сих пор не только сохраняют ценные сведения

о жизни и полководческой деятельности генерала Юденича, но и являются оригинальными творческими исследованиями его стратегического мышления. К этому же вкладу в историю русской стратегии относится и перепечатанная из журнала «Вестник Военных Знаний» (№ 5, ноябрь 1931 г.) статья генерала А.В. Геруа «Поразил — победил». Добавим, что не только «Вестник Военных Знаний», но и журнал «Часовой», газеты «Русский Инвалид», «Возрождение» (Париж), «Царский вестник» и «Русский Голос» (Белград), «Россия и Славянство», поместили ряд весьма ценных и содержательных статей, в том числе генералов Ю.Н. Данилова, Б.А. Штейфона и генерала профессора П.Ф. Рябикова.

Разумеется, эти торжества надолго оторвали генерала Масловского от его книги о войне на Кавказском фронте. Как он писал в своих воспоминаниях, вернувшись к работе над книгой в своей комнате на ферме в St. Laurent du Var в конце 1931 г., ему удалось закончить ее самую сложную часть, посвященную Эрзерумской операции. Но оставалось еще предисловие, общее заключение и составление многочисленных схем и особенно сложных приложений о боевом составе русской Кавказской армии и турецких армий в различные периоды войны.

16 октября 1932 г. этот исключительный труд, на 500 страницах большого формата, был завершен. Сам Главнокомандующий внес лично несколько небольших поправок и таким образом можно считать, что труд этот, написанный в его доме при непрерывном общении с автором (особенно по вечерам), вышел в какой-то степени под его редакцией. Хотя, надо сказать, что сам Юденич, по словам генерала Масловского, категорически отверг предложение последнего поместить его имя в качестве редактора, указав, что должность генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, которую занимал генерал Масловский, дает ему все основания выступить как автору — независимо.

С самого начала 1932 г. генерал Юденич чувствовал себя нездоровым. Он уже не мог заниматься хозяйством на ферме. Но не желая огорчать жену, по своему обыкновению, молчал. По словам генерала Масловского, ему очень не хотелось ехать на воды, в Виши, на чем настаивала Александра Николаевна, но он все же выехал с ней туда, жалуясь, что его тащит жена. Неожиданно, 30 сентября, когда генерал Масловский

ждал возвращения генерала Юденича с женой, он получил от нее письмо о том, что вследствие внезапного заболевания Николая Николаевича их возвращение задерживается. 3 октября 1932 г. генерал Юденич вернулся в свой дом в Сэн Лоран дю Вар уже совершенно больным. Консилиум врачей не мог определить точного диагноза. Генерал Юденич слег с болями в кишечнике и уже больше не вставал. После одной из перемен в лечении ему стало несколько лучше. К весне 1933 г. он снова мог проводить часть времени в саду в кресле. В конце апреля его навестил прибывший из Парижа председатель РОВСа генерал Е.К. Миллер¹⁷⁶. 8 июня 1933 г. Юденич, подзвав к себе Масловского, решительно предложил ему не откладывая ехать в Париж, с тем чтобы немедленно приступить к изданию своего труда. Он просил сообщить ему из Парижа стоимость издания и сказал, что немедленно переведет требуемую сумму. «А когда книга будет закончена, — добавил он, — возвращайтесь к нам навсегда». Его супруга Александра Николаевна тут же подтвердила это приглашение.

Генерал Юденич торопил генерала Масловского с поездкой в Париж, и уже 25 июня 1933 г. тот смог начать переговоры с издательствами и типографиями об издании. В конце концов он остановился на издательстве «Возрождение», принадлежавшем известному нефтепромышленнику из Баку Гукасову, у которого бывший полковник Благовещенский, служивший когда-то в Главном Штабе, арендовал типографию «Navagge».

Предложенные условия оказались по тем временам очень выгодны для автора. Он должен был внести 1500 франков при тираже в 1000 экземпляров. Редактор газеты «Возрождение» и один из ведущих его сотрудников П.П. Муратов (автор книги «Образы Италии») сделал все возможное для распространения книги, поместив о ней шесть обширных отзывов, в том числе генерала Ю.Н. Данилова.

В связи с болезнью Юденича Масловский торопил издательство и типографию с выходом книги в свет, и действительно, уже 23 сентября 1933 г. генералу Масловскому были переданы первые экземпляры тиража его замечательного труда «Мировая война на Кавказском фронте».

На следующий день утром, вернувшись в Ниццу, генерал Масловский посетил клинику Глудзевской, где лежал боль-

ной генерал Юденич. Тот пожал ему руку и при виде книги поблагодарил слабым голосом генерала Масловского за нее. Через несколько дней, во время очередного визита генерала Масловского, генерал Юденич просил его прочесть что-либо из его книги.

Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич тихо скончался 5 октября 1933 г.

Вопреки советам друзей и в том числе генерала Масловского, супруга генерала Александра Николаевна не захотела совершить отпевание генерала Юденича в ниццком соборе и похоронить его на ниццком русском кладбище Кокад («Ниццкое православное Николаевское кладбище» согласно повелению Александра II), а решила похоронить мужа в крипте церкви Архангела Михаила в городе Канны. В крипте этой церкви уже находился гроб Великого Князя Николая Николаевича. Но если городской совет согласился не взимать установленный налог за нахождение гроба в церкви с бывшего Главнокомандующего русской армии и члена императорской фамилии, то это исключение не распространилось на генерала Юденича. Ежемесячный взнос, который город требовал от настоятеля каннской церкви был не так мал, что поставило впоследствии супругу генерала Александру Николаевну в весьма затруднительное положение.

6 октября 1933 г. в каннской русской церкви состоялось отпевание генерала Юденича. Помимо многочисленных представителей русской колонии на Лазурном берегу, на похоронах присутствовали представительства от РОВСа и бывших чинов Кавказской и Северо-Западной армий, а также от префектуры Ниццы и от Союза ордена Почетного Легиона. Кавалером Большого Офицерского Креста (Grand Croix d'Officier) был генерал Юденич. Некрологи генералу появились во всех русских больших газетах. В «Возрождении» его написал старый друг генерала Юденича по Северо-Западной армии адмирал В.К. Пилкин. Все авторы некрологов подчеркивали мысль, наиболее ярко сформулированную генералом Б.А. Штейфеном, — о том, что Юденич, всегда имея дело с превосходящим в силах противником, в условиях, всегда для себя крайне неблагоприятных, а зачастую катастрофических, «возрождает во всем духовном величии русскую военную доктрину. В безнадежных, казалось, положениях он доказывает, что победу создает дух, а не материя»¹⁷⁷.

Останки генерала Юденича, покоившиеся более 24 лет в каннской церкви Михаила Архангела, были перенесены на русское кладбище Кокад в Ницце. Вскоре после кончины генерала его вдова не смогла больше вносить в кассу города Канны требуемую сумму и в силу накопившегося долга управление города грозило перенести гроб генерала в общую могилу на городском кладбище. С трудом настоятелю церкви в Каннах удалось добиться аннулирования долга.

Благодаря участию РОВСа и особенно его представителя в Ницце генерала Михаила Андреевича Свечина, были собраны необходимые средства для перевозки гроба, а староста ниццкого собора Павел Иванович Быков избрал место для склепа на кладбище Кокад, на самом верху крутого холма. Погребение праха генерала Юденича состоялось в день празднования ордена Св. Георгия, 9 декабря 1957 г., после панихиды, во время которой оставшиеся в живых офицеры во главе с генералом М.А. Свечиным¹⁷⁸ несли почетное дежурство. С места могилы генерала Юденича открывается чудный вид на лазурь далекого Средиземного моря.

БИОГРАФИИ ЧИНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Арсеньев Евгений Константинович Генерал-лейтенант

Родился 3 ноября 1873 г. Окончил 8-ю Санкт-Петербургскую мужскую гимназию и два курса Санкт-Петербургского университета. На службу вступил вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк 11 октября 1894 г. Выдержал экзамен при Николаевском Кавалерийском училище и 12 августа 1895 г. был произведен в корнеты. С 12 августа 1899 г. — поручик. Окончил курс Офицерской кавалерийской школы с отметкой «успешно».

В 1900–1901 гг. во время военных действий против китайцев («боксерское» восстание) перевелся в отряд генерала П.К. фон Ренненкампа и участвовал в Маньчжурском походе. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с бантом и Св. Владимира 4-й степени с мечами.

По возвращении в Лейб-гвардии Уланский полк произведен в штабс-ротмистры 12 августа 1903 г. С началом Русско-японской войны снова по собственному желанию направлен в действующую армию и больше года в чине есаула занимал должность командира сотни Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска.

В конце войны перевелся в конный отряд генерала Мищенко в Терско-Кубанский конный полк Кавказской конной бригады и с черкесской полусотней провел ряд конных разведок в глубоко японском тылу. Был награжден орденами Св. Анны 4-й степени «За храбрость», Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами, бантом и короной, Св. Анны 2-й степени с мечами, золотым оружием «За храбрость».

По возвращении в Лейб-гвардии Уланский полк был назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству.

Генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев

12 августа 1907 г. произведен в ротмистры. Почти 4 года командовал эскадрой и 12 августа 1911 г. был произведен в полковники¹.

Вышел с полком на фронт Первой мировой войны. В Восточной Пруссии командовал головным отрядом (состоявшим из подразделений Лейб-гвардии Уланского полка) конного корпуса генерала Хана Нахичеванского. С этим отрядом во время Гумбиненского сражения вступил в бой под деревней Каушен, за который был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Согласно Высочайшему приказу за то, что «в бою... начальствуя головным отрядом, беззаветно смелым и искусным действием, личным примером, под сильным артиллерийским огнем противника, утвердился в занятой деревне, сильно содействовал достижению успеха в этот день»².

12 ноября 1914 г. назначен командиром Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. 23 ноября того же года произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Императорского Величества «за боевые отличия».

За время командования полком генерал Арсеньев был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени с мечами, Св. Станислава 1-й степени с мечами и Св. Анны 1-й степени с мечами.

15 декабря 1915 г. участвовал с полком в Императорском смотре Гвардии у Черного озера в районе Волочийска. После смотра был приглашен на обед в Императорский поезд и тогда же был назначен командиром 2-й бригады 2-й гвардейской дивизии. Через год — 27 января 1917 г. принял командование 1-й гвардейской кавалерийской дивизией.

29 апреля 1917 г. был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром гвардейского кавалерийского корпуса.

После большевистского переворота и развала армии генерал-лейтенант Арсеньев вернулся в Петроград, где приступил к организации подпольного объединения офицеров гвардейской кавалерии.

В начале мая 1918 г., уже после Брест-Литовского мира, был арестован петроградской ЧК. Его жена с большим трудом добилась его освобождения. Летом 1918 г. Арсеньев вместе с ней перешел границу Финляндии.

Благодаря своей близости по службе в гвардии с генералом кн. С.К. Белосельским-Белозерским, находившимся во

время Гражданской войны в Финляндии при штабе генерала Маннергейма, он получил прямой доступ к последнему.

Зная это, генерал Юденич, рассчитывавший еще зимой 1919 г. на нанесение главного удара по Петрограду со стороны Финляндии и имея в виду координацию военных действий из Финляндии и из Эстонии, решил назначить генерала Арсеньева командующим Северным корпусом. Назначение состоялось 15 января 1919 г.³ Однако замысел натолкнулся на сопротивление эстонского главнокомандующего генерала Лайдонера, которому в это время подчинялся Северный корпус. Он незадолго до этого назначил командующим корпусом скромного, но хорошо известного в Ревеле полковника А.Ф. Дзержинского, уволив подозреваемого в германофильских настроениях полковника Г.Г. фон Нефа. По-видимому, он подозревал в том же и гвардейского генерала Арсеньева. Последний по возвращении из Ревеля в Гельсингфорс, минуя генерала Юденича, обратился к финляндскому правительству с планами о помощи Северному корпусу. В глазах Юденича такое нарушение субординации было военным преступлением, и 12 февраля 1919 г. он отменил собственный приказ о назначении генерала Арсеньева⁴.

В начале июля 1919 г. командующий Северо-Западной армией генерал Родзянко приступил к сведению отдельных ее отрядов и полков в дивизию и корпуса. Сформировав 1-й стрелковый корпус графа Палена, он, дабы покончить с партизанщиной генерала Булак-Балаховича в Пскове, решил создать из тамошних частей 2-й стрелковый корпус.

Через начальника тыла генерала Крузенштерна он послал приглашение в Финляндию генералу Арсеньеву, которого хорошо знал по совместной службе в гвардии, прося его принять должность командира 2-го корпуса. Арсеньев немедленно прибыл в Нарву, где 10 июля был отдан приказ по Северо-Западной армии о его назначении⁵.

При первом же посещении штаба корпуса в Пскове Родзянко убедился, что «положение генерала Арсеньева было тяжелое и видно было, что в своем корпусе он совсем не был уверен...»⁶

Повторно посетив Псков в начале августа, генерал Родзянко признал, что без присылки в распоряжение генерала Арсеньева надежных войск навести порядок в партизанских отрядах Булак-Балаховича невозможно.

Пытаясь воздействовать на партизанского вожда, Юденич решил временно отозвать Арсеньева в свое распоряжение. Но как раз в то время стало известно, что Булак-Балахович начал печатать в Пскове фальшивые керенки. Поэтому было решено послать в Псков отряд полковника Пермикина (Талабский и Семеновский полки), с тем чтобы навести порядок и арестовать виновных.

В итоге 24 августа 1919 г. Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Юденич отдал приказ № 20, где в частности говорилось: «Утром 23 августа, командиром 3-го стрелкового Талабского полка полковником Пермикиным были арестованы в Пскове те чины штаба и личной сотни генерала Балаховича, против которых имелись доказательства тяжелых преступлений, разбой, вымогательство и производство фальшивых бумажных денежных знаков... над арестованными назначено следствие... генерал Булак-Балахович не принял моего приказа, угрожая открыть огонь против мною присланных, во время боя покинул нашу армию... Поэтому генерала Булак-Балаховича исключить из списка армии и считать бежавшим»⁷.

Вскоре после бегства Балаховича к эстонцам последние без всякого нажима со стороны Красной Армии, без предупреждения оставили Псков и дали возможность красным выйти на железную дорогу Псков-Изборск, изолировав, таким образом, войска 2-го корпуса.

Генерал Арсеньев, снова принявший командование корпусом, отвел его к северу от Пскова, на рубеж реки Желчи, расположив свой штаб в Гдове. В это время в состав 2-го корпуса входили: 4-я дивизия, вскоре принятая генералом князем Долгоруковым, отдельная бригада генерал-майора Ежевского в составе 21-го Псковского, 22-го Деникинского, 23-го Печорского полков и Качановского батальона. При корпусе состоял также конный полк Булак-Балаховича, брата генерала.

Согласно плану командования Северо-Западной армии, основному наступлению на Петроград должен был предшествовать демонстративный удар 2-го корпуса в направлении станции Струги Белые и Пскова с целью заставить командование Красной Армии перебросить свои резервы из-под Петрограда в Псков. 28 сентября 1919 г. войска 2-го корпуса совместно с 1-й отдельной дивизией генерала Дзержинского перешли в наступление и в результате успешных

боев 4-й дивизии (см. биографию генерал-лейтенанта кн. Долгорукова), заняли станцию Струги Белые между Псковом и Лугой. В это же время полки отдельной бригады генерала Ежевского перешли реку Желчу и выдвинулись в направлении Пскова.

В связи с наступлением на Петроград ударной группы 1-го стрелкового корпуса и привлечением для его поддержки 1-й отдельной дивизии генерала Дзержинского, покинувшей Лугу, генерал-лейтенант Арсеньев вынужден был оттянуть часть 4-й дивизии к Луге, а отдельную бригаду генерала Ежевского, без Печерского полка, посланного на подкрепление 5-й дивизии, растянуть на широком фронте от Чудского озера до Луги.

30 октября, исчерпав все резервы для отражения контрудара 7-й красной армии от Колпина, генерал Юденич приказал перебросить из Луги в Гатчину бригаду 4-й дивизии во главе с генералом Долгоруковым. Оставшиеся на Лужском участке два полка этой дивизии под командованием полковника Григорьева не смогли удержать Лугу под напором усиленной 19-й советской дивизии и отступили в направлении Гатчины, открыв тыл Северо-Западной армии.

Генерал Арсеньев, будучи отрезанным от войск 4-й дивизии, попытался спасти положение, приказав 3 ноября оставшимся частям 3-й бригады перейти в наступление на реке Желче. Но эта попытка окончилась неудачей: два слабых полка бригады натолкнулись на пополненную 10-ю дивизию красных.

В это время части 11-й красной дивизии, не встречая сопротивления, двинулись прямо на Гдов, где находился штаб 2-го корпуса. Собрав комендантскую команду, саперную роту, генерал Арсеньев со штабом лично возглавил оборону Гдова.

Но уступая превосходящими силам противника, остатки 2-го корпуса были вынуждены оставить Гдов 8 ноября. К концу месяца, прижатые к реке Нарове, они перешли на ее западный берег, где были разоружены эстонцами. Корпус перестал существовать. Приказом по Северо-Западной армии № 355 от 24 ноября 1919 г. командир 2-го армейского корпуса генерал-лейтенант Арсеньев отчисляется от должности «с зачислением в резерв чинов армии»⁸.

Будучи членом монархической организации «Союз верных», генерал-лейтенант Арсеньев переехал с некоторыми другими членами этой организации в мае 1920 г. из Ревеля в Берлин, где стал одним из основателей «Союза Офицеров

Российской Армии и Флота». В качестве делегата от Русского Союза он присутствовал на съезде в Бад-Рейхенгалле, собравшемся 29 мая 1921 г., и был избран членом Совета Монархического Объединения. В то же время оставался Председателем «Союза Офицеров» в Берлине.

Позже генерал Арсеньев перебрался во Францию, где в 1925 г. был избран Председателем «Союза Офицеров Участников Великой Войны». В 1930 г. он обратился к председателю РОВС генералу Е.К. Миллеру с просьбой об освобождении от этих обязанностей «в связи с домашними обстоятельствами». Просьба была удовлетворена⁹. На его место был назначен генерал от кавалерии И.Г. Эрдели.

Постоянный член Союза Георгиевских Кавалеров со времени его основания, генерал-лейтенант Арсеньев был единогласно избран членом правления Союза на годичном собрании в Париже 12 декабря 1934 г.

Скончался 29 мая 1938 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Князь Белосельский-Белозерский
Сергей Константинович
Генерал-лейтенант

Родился в 1867 г. По окончании Пажеского Его Императорского Величества корпуса в 1887 г. произведен в корнеты и выпущен в Лейб-гвардии Конный полк. Продолжая числиться в нем, был прикомандирован к российскому посольству в Берлине, а затем в Париже¹.

В 1894 г. вышел в отставку. Через два года вернулся на действительную службу и стал адъютантом Великого Князя Владимира Александровича. В 1906 г., уже в чине полковника, — вновь в Лейб-гвардии Конном полку. В августе 1908 г. был назначен командиром 3-го драгунского Новороссийского полка и зачислен в Свиту Его Величества. Вскоре был произведен в генерал-майоры и принял Лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк, а в конце 1913 г. — 1-ю бригаду 2-й кавалерийской дивизии, в составе которой выступил на фронт Первой мировой войны.

В ноябре 1914 г. временно командовал 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией, затем был начальником 3-й Донской казачьей дивизии. 29 декабря 1915 г. назначен начальником Кавказской кавалерийской дивизии, с которой совершил поход по Гарсии через Керманшах в составе отряда генерала Баратова. 10 апреля 1916 г. произведен в генерал-лейтенанты. В конце 1917 г. оказался «в распоряжении» военного министра и выехал из Петербурга в Финляндию. Участвовал в войне белой финской армии против красной, находясь в штабе своего друга — генерала барона Маннергейма.

В мае 1919 г., по окончании гражданской войны в Финляндии, организовал несколько конфиденциальных встреч генерала Юденича с генералом Маннергеймом и присутствовал на них. В то же время, в начале 1919 г., был назначен

Генерал-лейтенант князь С.К. Белосельский-Белозерский

представителем в Финляндии лондонской Особой военной миссии по оказанию материальной помощи армиям генералов Миллера, Юденича, Деникина и адмирала Колчака.

После неудачи Маннергейма на президентских выборах в Финляндии кн. Белосельский-Белозерский оставался в Гельсингфорсе до конца 1919 г. уже только в качестве представителя армии генерала Юденича. После выехал в Англию и до роспуска Особой миссии состоял ее членом. В Англии прожил более сорока лет. Скончался в Торнбридже 20 апреля 1961 г. и похоронен на местном кладбище.

Бибиков Георгий Евгеньевич Полковник

Родился 6 апреля 1881 г. Из потомственных дворян, уроженец Владимирской губернии. Православного вероисповедания.

Зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора 24 ноября 1890 г. Определен в Пажеский корпус из 1-го Кадетского корпуса 18 ноября 1893 г. Произведен в камер-пажи Высочайшего Двора 30 ноября 1899 г.

9 августа 1900 г. произведен по экзамену в корнеты Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. Командирован в Офицерскую Кавалерийскую школу 14 октября 1904 г. и возвратился после успешного окончания курса в полк 2 октября 1906 г. Произведен в поручики 6 декабря 1904 г. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени 15 мая 1906 г. Произведен в штабс-ротмистры 6 декабря 1908 г. и тогда же временно принял 3-й эскадрон.

Летом 1909 г. держал экзамен в Александровскую военно-юридическую академию, но не поступил и вернулся в часть. Высочайшим приказом от 26 августа 1912 г. произведен в ротмистры, став командиром 4-го эскадрона. 6 декабря 1911 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹.

На фронт Первой мировой войны вышел с полком под командованием тогда полковника Е.К. Арсеньева (см. его биографию) и участвовал в бою под деревней Каушен во время Гумбиненского сражения, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Произведен в полковники 19 октября 1915 г., оставаясь в Лейб-гвардии Уланском полку. Был награжден всеми боевыми орденами вплоть до Георгиевского оружия.

После демобилизации в конце 1917 г. и короткого пребывания в Петрограде полковник Бибиков оказался в зоне немецкой оккупации в Прибалтике. Одним из первых он принял участие в формировании Северной армии, возглавив лично в октябре 1918 г. конный партизанский отряд в Острове численностью около 150 всадников.

В составе Псковского добровольческого корпуса отряд полковника Бибикова пытался 21–22 ноября 1918 г. оборонять Остров, когда германские войска начали отход от демаркационной линии, отделявшей их от войск «завесы» Красной Армии. Вскоре после занятия Красной армией Пскова, отряд полковника Бибикова отошел вместе с Островским полком в Эстонию и сосредоточился вместе с другими частями Псковского добровольческого корпуса в районе Верро (Выру).

Во время переговоров командующего Северным (Псковским) добровольческим корпусом полковника Г.Г. Нефа с эстонским правительством полковник Бибиков временно исполнял должность командующего. По возвращении полковника Нефа выехал на короткое время в Финляндию, где, благодаря своему бывшему командиру полка генералу Арсеньеву, был принят знавшим его по службе в гвардии генералом Маннергеймом.

Убедившись в беспочвенности своих надежд на Финляндию, полковник Бибиков не мог уже вернуться в Ригу, занятую красными латышскими войсками, и оказался в Либаве, откуда на корабле «Ваза» вернулся вместе с генералом Родзянко и полковником фон Паленом 20 января в Ревель. Во время пребывания в Либаве генерал Родзянко был принят английским адмиралом Синклером и оставил ему письменный доклад, где среди войск Северного корпуса был упомянут «отряд полк[овника] Бибикова — 150 шашек»².

Накануне майского наступления Северного корпуса генерал Родзянко распорядился придать конный отряд полковника Бибикова командиру Островского полка полковнику Палену. Тот должен был согласно плану наступления прорвать фронт у села Попкова Гора и, форсировав переправы через реки Плюсса и Луга, занять станцию Веймарн и выйти в тыл Ямбургской группе красных. В ходе этого наступления генерал Родзянко приказал полковнику Бибикову сдать командование конным отрядом штабс-ротмистру Грюнвальду, а сам, лично командуя конвойной ротой, 17 мая 1919 г. занял брошенный красными Ямбург, где назначил комендантом полковника Бибикова.

В Ямбурге были захвачены склады с боеприпасами и огромный подвижной состав: около 500 вагонов, нагруженных амуницией, с запасами муки и другого продовольствия³. Полковник Бибииков должен был навести порядок на железнодорожной станции, восстановить поврежденный взрывом мост через Лугу, а также сформировать из добровольцев «дружину» для комендантской службы в городе и его окрестностях.

Положение полковника Бибиикова осложнилось тем, что вместо эстонской части, обещанной генералом Лайдонером для высадки десанта на берегу Финского залива с целью прикрытия левого фланга Северного корпуса, там оказался ингерманландский отряд под командованием финских офицеров. Последние, во главе с капитаном Тополайненом, не только отказывались исполнять приказания полковника Бибиикова, но и назначали своих комендантов на побережье и в Сойкинской области. Отношения с ингерманландским отрядом закончились разрывом после того, как не сообщивший о восстании на форту Красная Горка начальник отряда заявил, что «он не знает, что генерал Родзянко командует Северным корпусом, а признает только капитана Питка как начальника»⁴.

В первых числах июня 1919 г., согласно приказу генерала Родзянко, полковник Бибииков сформировал отряд из частей Ябургской стрелковой дружины и подразделений Семеновского полка, который по прибытии в деревню Пейпия разоружил ингерманландских солдат и арестовал нескольких финских офицеров. Охрана имущества и сохранение порядка поручались русскому коменданту. Не желавшим оставаться под русским командованием предлагалось через Ябург выехать в Эстонию. Преступное отношение командования ингерманландским полком к гарнизону форта Красная Горка вынудило генерала Родзянко отдать приказ о разоружении всего полка, высланного затем в Эстонию, где он вошел в состав 2-й эстонской дивизии.

Все это осложнило работу комендатуры Ямбурга, особенно в силу того, что в распоряжении начальника Военно-гражданского управления полковника Хомутова не было достаточно опытного и знающего свое дело персонала: все пребывающие в армии офицеры направлялись в действующие на фронте части. «Комендант Ябургского уезда полковник Бибииков и комендант Гдовского уезда полковник Саламанов, — пишет генерал Родзянко, — оба безукоризненно честные и

работоспособные офицеры, делали все возможное, чтобы навести порядок, но на должности волостных комендантов назначать было некого»⁵.

В период отступления Северо-Западной армии перед превосходящими силами 7-й красной армии в конце июля возник вопрос об обороне Ямбурга как предместного плацдарма на правом берегу реки Луги, на чем настаивал генерал Юденич в предвидении наступления на Петроград. Генерал Родзянко (см. его биографию) предпочитал сдачу города Ямбурга, с тем чтобы перейти к обороне на реке Луге. Вопреки приказу Главнокомандующего он отдал соответствующий приказ командиру 1-го стрелкового корпуса генералу Палену и лично «.приказал полк[овнику] Бибиикову отходить, не принимая боя»⁶. Связанный с генералом Родзянко дружественными отношениями еще со времен службы в гвардии, полковник Бибииков выполнил этот приказ.

В итоге на левый берег Луги успели переправиться комендантская команда и часть прибывшего для обороны Ямбурга ливенского отряда. Морская рота не успела пройти через город и почти целиком погибла под огнем при переправе через Лугу. Железнодорожный мост, на сохранении которого так настаивал генерал Юденич, был подорван эстонской саперной командой, и его не успели восстановить до октябрьского наступления, что требовалось для переброски на фронт английских танков.

После сдачи Ямбурга 5 августа 1919 г. полковник Бибииков остался в распоряжении Военно-гражданского управления и следовал во время октябрьского наступления за армией на Гатчинском направлении. После ликвидации Северо-Западной армии выехал в Берлин. Состоял членом монархической организации «Союз Верных», был одним из учредителей Союза офицеров бывшей Российской армии и флота под председательством генерала Е.К. Арсеньева в Берлине⁷.

В 20-х годах выехал во Францию, позже переехал в США. Скончался в ночь на 27 сентября 1971 г. в Нью-Йорке и был похоронен на кладбище в Ново-Дивеево в Спринг-Валли.

Бобошко Лев Александрович Генерал-майор

Родился 1 января 1883 г. Из дворян Херсонской губернии. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду. По окончании курса наук Высочайшим приказом от 10 августа 1902 г. произведен в корнеты и вышел в Лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк¹.

В январе 1903 г. назначен помощником заведующего фехтовальной команды, а затем команды разведчиков 3-го эскадрона.

30 ноября 1905 г. приказом по Генеральному штабу был зачислен, как выдержавший приёмный экзамен, в младший класс Николаевской академии Генерального штаба. Произведен в поручики 6 декабря 1906 г., со старшинством с 10 августа 1906 г. Окончил два класса академии, но по 2-му разряду и был отчислен приказом по Генеральному штабу от 18 августа 1907 г. за № 6.

По возвращении в полк временно командовал 3-м эскадронам с 27 ноября 1907 г. по 4 апреля 1908 г. 26 июля 1908 г. взял Императорский приз на скачках в Красном Селе. 19 сентября 1908 г. назначен начальником полковой учебной команды. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени 6 декабря 1909 г. 9 января 1911 г. произведен в штабс-ротмистры, причем «Высочайше даровано старшинство в чине с 10 августа 1910 г. как особая Высочайшая милость, не в пример прочим».

На фронт Первой мировой войны вышел командиром эскадрона. Участвовал во всех боях 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в которую входил его полк, начиная с боя под Каушеном в Восточной Пруссии в августе 1914 г. В

декабре 1915 г. произведен в полковники со старшинством с 10 декабря 1914 г. Награжден всеми боевыми орденами вплоть до ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1918 году, находясь на Украине, вступил добровольцем в офицерский Селищенский отряд полковника М.Я. Соболевского (см. его биографию), оборонявший подступы Полтавы от петлюровских войск Украинской директории. Участвовал рядовым в боях этого отряда (переименованного 1 декабря 1918 г. в Полтавский добровольческий батальон) с петлюровцами, в районе Лубны. Попытка прорваться на соединение с Добровольческой армией оказалась неудачной. Отряд сдался войскам Украинской директории, был разоружен, но спасен машинистом, угнавшим эшелон в расположение германских войск. После пятимесячного пребывания в германских лагерях Бобошко прибыл вместе с батальоном в Митаву и вошел в состав Ливенского отряда.

В июле 1919 г., при развертывании батальона в 3-й (19-й) Полтавский стрелковый полк 5-й Ливенской дивизии, был назначен командиром батальона и зачислен в Северо-Западную армию. В начале октября 1919 г., перед наступлением на Петроград, принял командование 3-м (19-м) Полтавским полком 5-й Ливенской дивизии, во главе которого участвовал во взятии Красного Села и в выходе к Лигову под Петроградом². С 30 ноября 1919 г. временно исполнял должность начальника 5-й дивизии. При реформировании армии в районе Нарвы в январе 1920 г. назначен командиром 2-й бригады 3-й дивизии. В аттестации, составленной генералом Глазенапом, охарактеризован как «весьма храбрый и отличный офицер»³. Приказом по Северо-Западной армии № 55 от 22 января 1920 г. произведен в генерал-майоры «за выдающиеся заслуги».

После роспуска Северо-Западной армии оставался в Эстонии. В июле 1920 г. выехал в Польшу и в Калише возглавил формирование «Русских Вооруженных Сил на территории Польши»⁴, был назначен начальником 1-й стрелковой дивизии. Из 2-й стрелковой дивизии генерал-лейтенанта графа Палена и сводно-казачьей дивизии генерала Трусова была образована группа войск под командованием генерала Пермикина. Приказом Главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля за № 6939 от 15/28 сентября 1920 г. этой группировке предписывалось именоваться 3-й Русской армией.

После заключения 12 октября 1920 г. польско-советского мирного договора в Риге недовооруженные части 3-й Русской армии были переброшены польским командованием на Украину в район Проскурова. Здесь была создана ударная группа генерала Бобошко, с задачей наступать совместно с Украинской армией в направлении Винницы. При столкновении 14 ноября 1920 г. с превосходящими силами 14-й красной армии Юго-Западного фронта ударная группа отступила к Волочийску и перешла польскую границу.

После эвакуации Русской армии из Крыма польские власти решили разоружить и интернировать части 3-й Русской армии в крепости Торн, а в административном и хозяйственном плане передать ее Русскому Эвакуационному Комитету, возглавляемому Б. Савинковым. В связи с этим командный состав 1-й стрелковой дивизии 3-й Русской армии генерала Врангеля подал заявление польскому командованию с просьбой освободить дивизию от опеки и контроля Русским Эвакуационным Комитетом. В частности сообщалось:

Посоветовавшись со своими подчиненными, командиры 1-й стрелковой дивизии под председательством начальника дивизии генерал-майора Бобошко, обсудив 7 февраля 1921 г. положение дивизии в связи с занятой по отношению к ней позицией членов Русского Эвакуационного Комитета, единодушно решили:

1) Дивизия входила в состав 3-ей Русской армии генерала Врангеля. Она была согласна с руководящими политическими принципами Русского Эвакуационного Комитета (свержение большевизма и созыв Учредительного Собрания)... Однако последние распоряжения и статьи газеты «Свобода» (орган Б. Савинкова. — *Н.Р.*) привели к дезорганизации армии и внесли в нее ключевые процедуры времен Керенского.

Вследствие этого дивизия считает себя вынужденной обратиться к польскому командованию с просьбой непосредственно заняться снабжением и питанием армии, устранив от этого Русский Эвакуационный Комитет...

5) Личный состав дивизии не участвует в политике в течение времени нахождения на польской территории.

6) Зная экономические трудности Польши, дивизия не считает себя вправе быть на содержании польского правительства и просит принять ее в качестве пограничной охраны, либо предоставить ей какую-либо работу, которая не нанесет ущерба ее военной организации².

К этому заявлению присоединились командиры частей и 1-й стрелковой дивизии генерал-лейтенанта графа Палена. Благодаря вмешательству и содействию главы французской воен-

ной миссии в Польше генерала Нисселя, интернированные войска 3-й Русской армии были освобождены. С мая 1921 г., используя транзитные лагеря в тогда еще оккупированном «вольном городе» Данциге, люди смогли выехать в различные страны западной Европы.

Генерал-майор Л.А. Бобошко оказался в конце 1921 г. в Греции, проживал некоторое время в Афинах. Затем переехал в Нью-Йорк, где долгие годы состоял в Объединении Офицеров Кавалерии и Конной Артиллерии. Скончался 25 октября 1968 г. в Нью-Йорке, похоронен на кладбище Успенского монастыря в Ново-Дивеево в Спринг-Валли.

Булак-Балахович
Станислав-Мария Михайлович¹
Генерал-майор

Родился 10 февраля 1883 г. в Ковенской губернии. Из крестьян. Учился на агронома. По одним данным он был управляющим имением, а по другим — арендатором фольварка близ города Братислава².

С началом Первой мировой войны поступил добровольцем во 2-й Уланский Курляндский полк. В конце 1915 г. за боевые отличия был произведен в прапорщики³. В начале 1916 был направлен в партизанский отряд подполковника Пунина. После гибели подполковника служил под командованием войскового старшины Семенова (будущего атамана Забайкальского казачьего войска). В 1917 г. произведен в корнеты. В конце года был избран командиром полка, произведен в штабс-ротмистры и награжден солдатским Георгиевским крестом.

В 1918 г. по поручению красного командования сформировал 1-й Лужский конный партизанский полк. В начале ноября того же года с частью полка перешел на сторону белого псковского корпуса, находившегося в стадии формирования. Командир первой батареи Псковского корпуса подполковник К.К. Смирнов вспоминает об этом так: «2 ноября Псков вдруг наполнился шумом и гамом. На улицах появились какие-то субъекты, одетые в красноармейскую форму, с развевающимися лохматыми шевелюрами и наглыми манерами»⁴.

За успешные действия во время отступления корпуса из Пскова в конце ноября 1918 г. Булак-Балахович был произведен в подполковники новым командующим корпуса полковником Нефом. Отряд отошел в район станции Верро (Выру) в Эстонии.

В конце февраля 1919 г. генерал-майор А.П. Родзянко принял командование над всеми отрядами, расположенными на Псковском направлении, с задачей сформировать из них 2-ю бригаду Северного корпуса. Состоялась его встреча с Булак-Балаховичем в Юрьеве. Ранее судьба сводила их на рижском фронте осенью 1917 г.: Булак-Балахович отбил от отряда Пунина и рассказывал тогда командиру 1-й бригады 17-й кавалерийской дивизии полковнику Родзянко «самые необыкновенные истории о великих геройских подвигах им совершенных»⁵. «Он опять неприятно поразил меня рассказами о своих собственных необыкновенных подвигах...» — вспоминает Родзянко в своей книге⁶.

Булак-Балахович совершал удачные набеги на некоторые советские тыловые базы, в частности на базу озерной флотилии Раскопель, захватывая там богатые трофеи, но в то же время не всегда выполнял приказания командующего бригадой. Так, например, произошло при контрнаступлении на деревню Мехикорм. Генерал Родзянко пишет: «Приехав в Мехикорм, я нашел там части полк[овника] Ветренко, которые отступали с того берега (Чудского озера. — Н.Р.) из-за того, что подп[олковник] Балахович их не поддержал и даже не выслал заслонов для обеспечения их левого фланга»⁷.

Несмотря на недисциплинированность отряда Балаховича, любившего именовать себя «батькой», эстонские власти относились к нему благожелательно, как бы противопоставляя «выходца из народа» русским «реакционным» генералам.

Во время майского наступления Северо-Западного корпуса на Нарвском фронте Балахович получил задачу на второстепенном направлении — взять город Гдов. Эту задачу он выполнил, выйдя на фронт по реке Желче. За взятие Гдова был произведен в полковники. Однако он не продвигался дальше в направлении Пскова, видимо, находясь в сговоре с эстонским командованием, которое знало о предстоящем переходе командира красной эстонской дивизии Рима и его подчиненных на сторону правительственных войск и намеревалось опередить Северный корпус в занятии Пскова.

Эстонцы без боя заняли Псков вечером 25 мая 1919 г. Через четыре дня в город вошли части «атамана» Булак-Балаховича, которому по приказу эстонского главнокомандующего генерала И.Я. Лайденера 30 мая была передана власть в Пскове. Все это произошло без ведома генерала Родзянко,

представителей которого эстонцы не допускали в Псков. В силу этого генерал Родзянко поспешил передать власть в Гдове и в Гдовском уезде генералу А.Ф. Дзержинскому, избавив Гдов от произвола «бабки» в Пскове.

А в Пскове начались не только вымогательства и открытые грабежи балаховцев, но и массовые казни, когда подозреваемых в сочувствии к красным без суда и следствия вешали на городских фонарных столбах. «Много псковских жителей, — вспоминает генерал Родзянко, — неизвестно почему сидело в тюрьмах»⁸. Избавить псковичей от Булак-Балаховича генерал Родзянко сразу не мог, не располагая резервами и зная, что в случае отзыва Балаховича эстонцы снимут свою 2-ю дивизию с псковского фронта. Тем не менее он понимал, что «меры надо принимать срочные и энергичные»⁹. Главной из них было приглашение Е.К. Арсеньева из Финляндии, с тем чтобы тот, получив назначение командиром 2-го стрелкового корпуса, смог бы переформировать, находившееся в Пскове партизанские отряды в регулярные части (см. биографию ген. Арсеньева). И, как писал генерал Родзянко, «...одной из главнейших задач, стоявших перед генералом Арсеньевым, было — привести в порядок гражданскую жизнь в Пскове, которая становилась совершенно невозможной»¹⁰.

Дабы успокоить Булак-Балаховича, его по просьбе генерала Арсеньева в июне 1919 г. произвели в генерал-майоры. Несмотря на это, он продолжал называть свои войска «крестьянской армией» и не собирался на деле подчиняться генералу Арсеньеву. Помимо всего, Булак-Балахович пользовался постоянной поддержкой эстонских властей. Дело доходило до того, что начальник 2-й эстонской дивизии, стоявшей на псковском фронте, полковник Пускар, не стесняясь заявил посетившим его в августе министрам Северо-Западного правительства — Государственного контроля В.Л. Горну и министру продовольствия Эйшинскому, что генерал Юденич никуда не годится и что «Командующим русской армией нужно сделать Балаховича, а в главный штаб к нему посадить полковника Стоякина и Озоля»¹¹.

Предводитель «крестьянской армии» пользовался не только эстонской поддержкой, но, видимо, импонировал своей «демократичностью» главе английской военной миссии в Прибалтике генералу Гофу. Во всяком случае, Булак-Балахович удостоился чести, которой не удостоились ни генерал Родзянко, ни

генерал Юденичу: 19 августа 1919 г. генерал Гоф и его заместитель генерал Марч устроили для генерала Булак-Балаховича завтрак на флагманском крейсере английского адмирала.

19 августа 1919 г. генерал Гоф потребовал от генерала Юденича отзыва из Пскова генерала Арсеньева, якобы гермафила, и передачи командования 2-м корпусом Булак-Балаховичу. В момент, когда ожидалось первые английские корабли со снаряжением и вооружением, генерал Юденич уступил, но, конечно, не сдался. Он поспешил послать генерала Родзянко к эстонскому главнокомандующему генералу Лайдонеру с доказательствами о печатании Балаховичем фальшивых денег в Пскове и в то же время созвал в Нарве (сначала под руководством Родзянко) совещание начальников частей, где были предъявлены обвинения Балаховичу в убийствах, вымогательствах, грабежах и печатанье фальшивых денег.

Прибыв на это совещание, генерал Юденич отменил свой приказ об отзыве генерала Арсеньева и 22 августа 1919 г. приказал полковнику Б.С. Пермикину «взяв в свое распоряжение полки Конно-Егерский, Семеновский и Талабский... арестовать в городе Пскове чинов штаба Г[енерал]-м[айора] Булак-Балаховича, замешанных в незаконных действиях, весь состав личной сотни Г.М. Булак-Балаховича и предоставить их в мое распоряжение для расследования и предания суду виновных»¹².

Два дня спустя, 24 августа, генерал Юденич отдал еще один приказ (№ 20), в котором подвел итог деятельности и дал оценку морального облика Булак-Балаховича: «Утром 23 августа, командиром 3 стрелкового Талабского полка полковником Пермикиным были арестованы в городе Пскове те чины штаба и личной сотни генерала Булак-Балаховича, против которых имелись доказательства тяжких преступлений: разбой, грабеж, вымогательство и производство бумажных денежных знаков...» Далее в приказе говорится, как арестованный генерал Булак-Балахович, получив приказание явиться в вагон к генералу Юденичу, бежал, дав честное слово адъютанту Талабского полка (поручику Шувалову), что он вернется после прощания с полками. Оказавшись за городом, он с частью своей сотни угрожал открыть огонь по разъезду, посланному на его розыски. «Таким образом, — заканчивает свой приказ Юденич, — генерал Булак-Балахович не сдержал данного слова,

ВЪСТНИКЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ.

Редакция и конторы:
Нарва, Горная ул.,
домъ № 2.

Ежедневная газета.

Письма объявлений
отъ 10—12 и
4—6 ч. дн.

Цѣна отдѣлы, номера повсюду 30 коп.

№ 63.

Суббота 6-го сентября (24-го августа) 1919 года.

№ 63.

ПРИКАЗЫ

Главнокомандующаго Сев.-Зап. фронтомъ.

№ 19.

22 Августа 1919 г. г. Нарва.

§ 1.

Предписаніе мое Г. М. Булак-Балаховичу вступить во временное командование 2-мъ Стрѣльцовымъ Корпусомъ — считать действительнымъ.

§ 2.

Несмотря на неоднократныя напоминанія и увѣщанія относительно злоупотребленій, допускаемыхъ чинами Штаба Г. М. Булак-Балаховича, но мнѣ приходится поступать жалобой и прошения въ большому количеству. Изъ этого усматриваю, что Г. М. Булак-Балахович или не желаетъ прекратить беззаконное дѣйствіе «чужды» поступковъ по отношению къ мирному населенію, или же въ силѣ это сдѣлать, поэтому приказываю:

Полковнику Перминову, Командиру 3 Стрѣльцоваго Талбаского полка, взять въ свое распоряженіе полки: Конон-Берский, Семенинскій и Талбаскій, 2 конныхъ батальона, 3 броневоза и 2 бронемашинныя — арестовать въ городѣ Псковѣ чинновъ Штаба Г. М. Булак-Балаховича, завышенныхъ въ беззаконныя дѣйствія, весь составъ личной сотни Г. М. Булак-Балаховича и представить ихъ въ мое распоряженіе для раскѣпаченія и преданія суду виновныхъ Полковнику Перминову подчинить себѣ всѣ полки и части входящія въ составъ 2-го Стрѣльцоваго Корпуса. Непосредственно частей безразсечно исполнять приказанія Полковника Перминова, какъ исполняющій лично отъ меня. Въ случаѣ неисполненія какого-либо приказанія, виновный въ нарушении этого будетъ преданъ Военно-Полевою Суду.

§ 3.

Дальнейшій распорядокъ будутъ отаны лично мною по прибытіи въ гор. Псковъ.

Главнокомандующій
Генер.-от-Инфант. Юденичъ.

№ 20.

24 Августа 1919 г. г. Нарва.

Утромъ 23 августа Командиромъ 3-го Стрѣльцоваго Талбаского полка Полковникомъ Перминовымъ были арестованы въ гор. Псковѣ чинны Штаба и личной сотни Генерала Булак-Балаховича,

противъ которыхъ имѣлись доказательства виновности: преступл. рабств., грабежъ, вымогательство и производство фальшивыхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Аресты произведены безъ принятій мной оружія и документовъ. Надъ арестованными назначено слѣдствіе.

Генералу Булак-Балаховичу Полковникъ Перминовъ перешелъ мое приказаніе оставаться у себя на квартирѣ и ожидать моего прибытія въ Псковъ. Генералъ Булак-Балаховичъ далъ честное слово, что останется на квартирѣ. При Генералъ Булак-Балаховичъ оставилъ Аджюганта Талбаского полка. Когда затѣмъ было послано приказаніе явиться въ мой лагерь, Генерала Булак-Балаховича на квартирѣ не оказалось. Было установлено, что Генералъ Булак-Балаховичъ вѣсть въ заблужденіе оставленного приказанія Аджюганта Талбаского полка, сказавши ему, что Полковникъ Перминовъ будто-бы, разрѣшилъ ему выхлѣать въ городъ съ тѣмъ, чтобы попроситься въ лагерь. Не допуская мысли, чтобы Генералъ могъ рѣшиться на обманъ и не сдержалъ слова. Аджюганта Талбаского полка не воспользоваться оставленною Генераломъ квартирой и сопроводилъ Генерала въ его лагерь. Когда Генералъ Булак-Балаховичъ оказался въ лагерь, онъ приказалъ Аджюганту Талбаского полка взять оружія, самъ же отъѣхалъ въ городъ, а направился въ Штабъ Эстонской Дивизіи. Посланный за мной на автобусахъ Подполковникъ Булак-Балаховичъ, ровной братъ Генерала не нашелъ его. Последние два разсказа разсказами нашли Генерала Булак-Балаховича, но приказанія явиться ко мнѣ, ослушалъ не меня. При приближеніи разсказа Генералъ Булак-Балаховичъ развернулъ шаль и громко сказалъ, что мнѣ приказанія исполнить не будетъ, ничого не приказать и, если кто-нибудь будетъ приближаться отдалъ приказаніе стрѣлять. Разсказы, которыми было приказано лишь найти Телеграммы Булак-Балаховича и передать приказаніе, но не сдерживать его или принятія оружія, вернулись а Генералъ Булак-Балаховичъ скрылся.

Тѣмъ образомъ Генералъ Булак-Балаховичъ не сдержалъ данного слова, вѣсть въ заблужденіе Аджюганта Талбаского полка, не дожидая моего прибытія не принявъ моего приказанія, завѣсть нежеланіи исполнять чуждому приказанію угрожать открыть огонь противъ лица, имѣющаго заслуженныя въ время боя починишь нашу Армію и сдѣлать это въ виду противника.

Поэтому Генерала Булак-Балаховича исключилъ изъ списковъ Арміи и считать бѣжавшимъ.

Приказъ этотъ прочтѣть во всѣхъ роткахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батальонахъ и командахъ.

Главнокомандующій
Генер.-от-Инфант. Юденичъ.

Сообщенія Штаба Северо-Западнаго Фронта.

4 сент. въ 22 час.

Направленіе Гдовъ — Псковъ и Гдовъ — Струги-Бѣлыя. Безъ перерыва.

Направленіе Гдовъ — Луга. На железнодорожныхъ работѣхъ заняты деревни Сальс, Жегъ, Заводино, Горки, Ясеня, Полосин-Николюкскія, Славянка, Липова, Муратово, Погостъ Рень, Ставиново, Соколово, Закусинскія, Ревель, Лѣбиново, Лѣвине, Гнезна, Дубъ. За эту операцію нами захвачено 13 пулеметовъ и автоматовъ. Противникъ имѣетъ рядъ урбанистическихъ позицій переходя на востокъ — оказывалъ упорное сопротивление. Противникъ обманъ на дер. Юра-Михалко, преслѣдуемый имъ. Движеніе на востокъ и въ направленіи на Лугу продолжается. Намъ вѣста дер. Мозно и наступленіе на д. Малый Сабель. На фронтѣ Ливача — Кибина ружейная и артиллерійскія перестрѣлки. Дер. Муратово сожжена артиллерійскими огнемъ противника.

5 сентября въ 10 часовъ.

Поясное направленіе. Безъ перерыва.

Струги-Бѣлыяе направленіе. Противникъ обтуривать въ дер. Команды. На участіи дер. Долгая, озера Юристовое положене безъ перерыва. Въ районѣ озера Самро по р. Сабѣ заняты деревни: Кроулки, Юра-Михалка, Гузны, Перевословъ, Лурицы, Пойдин и Осиню. На участіи дер. Липва — Липова на участіи ручья Холодная вода. На участіи Муратово — Лично.

Въ сообщеніи къ 10 час. 4 сентября на направленіи Гдовъ — Ямбургъ сказано: «Гдовъ группа развѣдчиковъ отпривалась, выплы и д.» сообщать отчетъ. Для поршня Н-ской дивизіи Псковъ переправился впасть черезъ рѣчку съущестъ лоты противника по теченію и благополучно вернулся обратно.

Телеграммы.

и. Лодвѣнъ 1-го сент. Директоромъ Говаръ, какъ американскаго диктатора по проводимости, должна была закончиться сегодня, но въ виду того, что Верховный Советъ считаетъ раскѣпаченія Говаръ весьма важными, онъ трѣхъ послѣднихъ остался на своемъ посту, на что Говаръ согласился. Решенію выхлѣать изъ Парижа въ Лос-Анжелесъ, проводили Клемансо, Пильола и американскій посланникъ. Народъ восторженно встрѣчалъ генерала.

ввел въ заблужденіе адъютанта Талабского полка, не дождался моего приезда, не принял моего приказанія, заявил о нежеланіи исполнять чьи-либо приказанія, угрожал открыть огонь противъ лиц мною посланных, во время боя покинул нашу Армію и сдѣлал это на виду противника.

Поэтому генерала Булак-Балаховича исключить изъ списковъ Арміи и считать бѣжавшим»¹³.

Булак-Балаховичъ съ большей частью своей конвойной сотни нашелъ убежище у начальника 2-й эстонской дивизіи полковника Пускара. Вскорѣ, по свидетельству министра Северо-Западнаго правительства В.Л. Горна, Балаховичъ в полной генеральской формѣ разгуливал у всех на глазах въ Ревелѣ, «жил въ самой видной гостиницѣ, почти со всеми своими ушкунниками въ совершенной неприкосновенности»¹⁴.

На этомъ собственно и кончается служба Булак-Балаховича въ Северо-Западной арміи. Но для полноты его биографіи следуетъ привести эпизодъ с попыткой ареста генерала Юденича. Уже черезъ несколько дней после ликвидаціи Северо-Западной арміи в гостиницу «Коммерческая», где жил генерал Юденич въ Ревелѣ, ожидая выездной визы, внезапно, в 11.30 вечера 27 января, явился сам Булак-Балаховичъ в сопровожденіи шести человекъ изъ своего конвоя. Он потребовал отъезда генерала Юденича вместе с ним, с тем чтобы выяснить все финансовые отчеты. Находившіяся у генерала Юденича генералы Глазенап и Владимировъ вместе с вернымъ адъютантомъ Юденича капитаномъ П.А. Покотило не допустили Балаховича и его людей къ Главнокомандующему, а прибывшій въ это же время начальникъ французской военной миссіи полковникъ Гюрстель сообщил о случившемся главнокомандующему эстонской арміи И.Я. Лайдонеру, обещавшему все выяснить.

Около часа ночи прибылъ офицеръ эстонской комендатуры и распорядился никому не открывать дверь безъ условнаго звонка. В три часа ночи в гостиницѣ появился снова со своими людьми Балаховичъ, на этотъ раз, согласно В.Л. Горну¹⁵, в сопровожденіи трѣхъ эстонскихъ полицейскихъ. Они арестовали и обезоружили адъютанта генерала Юденича капитана Покотило, присутствовавшихъ полковника Плюссинга и капитана Шишко. Генерала Юденича повезли в полицейскій участокъ и далее — на вокзал, где посадили в вагонъ, прицепленный къ отходящему товарному поезду. Поездъ тут же двинулся въ Юрьевъ (Дерпт), в сторону советской границы.

В вагоне от Юденича требовали подписать чек на 100 тысяч фунтов стерлингов. Но уже в это время оставшиеся в гостинице офицеры успели предупредить о случившемся английскую и французскую военные миссии и послать телеграммы в Париж Сазонову, в адрес Русской делегации во Франции.

Благодаря поднятой тревоге, эстонское правительство распорядилось о возвращении вагона с генералом Юденичем на станцию Тапс (Тапа) в Ревеле, а английские власти предложили генералу Юденичу и его супруге убежище в здании английской военной миссии, где они и оставались до отъезда из Эстонии 24 февраля 1920 г.

Характерно, что хорошо знавший эстонских министров В.Л. Горн пишет: «Вся махинация была явно шита белыми нитками, но наводило на странные размышления присутствие при аресте и содействие эстонской полиции, подчиненной как всюду министру внутренних дел, каковым тогда состоял Геллат... Я немедленно телефонировал Геллату и тот ответил мне, что это дело Балаховича, он хотел его арестовать, но тот скрылся»¹⁶. В действительности Балахович открыто проживал в Эстонии до марта 1920 г., когда он погрузил свой отряд в эшелон, отправленный в Брест-Литовск в Польшу.

Согласно польским архивным данным, он уже с начала года числился в польской разведке¹⁷.

Формально подчиненный Российскому Политическому Комитету Савинкова, он на базе своей сотни сформировал отряд, действовавший совместно с польской армией под названием «Народной добровольческой армии». После подписания в Риге договора между РСФСР и Польшей 12 октября 1920 г., Балахович пытался действовать самостоятельно в районе Мозыря, но в ноябре того же года был окружен и окончательно разбит. Польское правительство предоставило ему лесную концессию в Беловежской Пуще. С началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. он пытался организовать партизанский отряд в немецком тылу, что, однако, не помешало ему после занятия Варшавы германскими войсками продолжать устраивать кутежи в оккупированной польской столице. Возвращаясь навеселе с очередного кутежа к себе домой 10 мая 1940 г., он был остановлен немецким патрулем. Возмутившись, Балахович ударил палкой, по-видимому, офицера — начальника патруля, который тут же его застрелил¹⁸.

Бушен Георгий (Юрий) Владимирович Полковник

Родился 26 ноября 1888 г. Уроженец Санкт-Петербургской губернии. Окончил Суворовский кадетский корпус и Киевское военное училище по 1-му разряду.

6 августа 1909 г. произведен в подпоручики и назначен во 2-ю батарею 17-й артиллерийской бригады. 7 сентября 1909 г. командирован в 38-ю артиллерийскую бригаду, где с 26 мая 1910 г. находился в качестве постоянного наблюдателя на Брест-Литовском полигоне. 19 сентября 1910 г. переведен в 9-ю артиллерийскую бригаду и назначен в 3-ю батарею. Произведен в поручики 3 июля 1912 г. С 1 по 9 марта 1914 г. находился в Киеве, где выдержал предварительный экзамен на предмет поступления в Императорскую Николаевскую военную академию.

Прибыл на театр военных действий 1 августа 1914 г. старшим офицером 3-й батареи, сформированной 60-й артиллерийской бригады. Временно командовал 5-й (сентябрь—октябрь 1915 г.) и 3-й (февраль—март 1916 г.) батареями.

За боевые отличия награжден орденами: Св. Станислава 2-й степени с мечами (9 января 1915 г.); Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (18 февраля 1915 г.); Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (8 марта 1915 г.); Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (2 августа 1915 г.); Св. Анны с мечами (6 декабря 1915 г.); Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (30 января 1916 г.).

Произведен в штабс-капитаны 18 апреля 1916 г. со старшинством с 10 декабря 1914 г., в капитаны — 24 мая 1916 г. со старшинством с 19 ноября 1915 г. за боевые отличия. 14 июля 1916 г. назначен командующим 2-й батареи. Приказом по 5-й армии от 18 января 1917 г. награжден Георгиевс-

ким оружием за то, что «находясь на передовом наблюдательном пункте, в положении исключительной опасности, под действительным оружейным и артиллерийским огнем противника, корректировал огонь своей батареи, чем содействовал успешному выполнению задачи разведчиков в бою 23 декабря 1916 г. на участке Нагуль»¹.

С 18 февраля 1917 г. по 8 марта временно командовал 1-м дивизионом. 16 октября 1917 г. произведен в подполковники с назначением командиром 2-й батареи. Временно командовал 10-м дивизионом с 13 ноября по 22 декабря 1917 г. Избран на должность командира 1-го дивизиона и утвержден в той должности 13 декабря 1917 г.²

После демобилизации армии и заключения Брест-Литовского мира подполковник Бушен оставался в расположении штаба бывшей русской 5-й армии в районе Режица—Остров и одним из первых записался добровольцем в Северный корпус. Командовал батареей.

При формировании 1-го стрелкового корпуса генерал-майора графа Палена «назначен командиром 1-го гаубичного артиллерийского дивизиона и произведен в полковники». Пользовался большим влиянием и авторитетом у инспектора артиллерии корпуса полковника Сулковского³.

Участвовал во всех боях во время октябрьского наступления на Петроград. В аттестационном листе, при назначении генерала Глазенапа командующим Северо-Западной армией сказано, что полковник Бушен «смело и умело руководил артиллерией 3-й дивизии во время октябрьского наступления» и что «во время боев под Гатчиной проявил распорядительность. Годен для выдвижения на высшую должность»⁴.

После отступления Северо-Западной армии и ее ликвидации в Эстонии добровольно отправился в Польшу, где в начале 1920 г. формировалась 3-я Русская армия ген. Врангеля. Занимал должность командира 2-го артиллерийского полка в составе 2-й дивизии генерал-лейтенанта графа Палена. В связи с расформированием 3-й Русской армии и подписанием рижского мирного договора между РСФСР и Польшей в марте 1921 г. выехал в Данциг, откуда вскоре переехал во Францию.

Проживал в предместье Парижа Vanves (16, rue de Manufacture). Был председателем: «Союза Ливенцев», «Объединения офицеров 1-го гаубичного артиллерийского дивизиона

Северо-Западной армии», «2-го легкого артдивизиона 3-й Русской Армии», а также вице-председателем «Союза чинов Северо-Западной армии». В то же время состоял секретарем «Общества Русских Артиллеристов» во Франции.

От имени «Союза чинов Северо-Западной армии» полковник Бушен выступил с приветствием генералу Н.Н. Юденичу на торжественном заседании по случаю 50-летия его службы в офицерских чинах, проходившем в помещении Союза Галлиполийцев (81, rue Mademoiselle, Paris XV) 20 августа 1931 г. под председательством генерала Е.К. Миллера.

Нередко выступал с докладами в Обществе Русских Артиллеристов. Например, 21 ноября 1926 г. в помещении Союза Галлиполийцев осветил тему: «Связь артиллерии с пехотой и значение в ней артиллерийского начальника», 3 марта 1927 г. — «Действия артиллерийского дивизиона при атаке укрепленной позиции», 9 июля 1933 г. — «Подготовка данных для стрельбы. Математическая пристрелка», 6 августа 1933 г. — «Инструментальная артиллерийская разведка по советским данным».

Скончался после тяжелой болезни в одном из парижских госпиталей 3 января 1934 г. и 6 января похоронен на кладбище парижского предместья Курбевуа.

Фон Валь Василий (Вильгельм) Викторович Полковник

Родился 1 ноября 1880 г. в Риге. Лютеранского вероисповедания. 31 декабря 1889 г. зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора. 18 ноября 1893 г. определен в Пажеский Его Величества корпус, 1 сентября 1899 г. переведен в старший специальный класс, а 30 ноября того же года произведен в камер-пажи Высочайшего Двора.

9 августа 1900 г. по экзамену произведен в корнеты и вышел в Лейб-гвардии Конный полк.

20 августа 1903 г. командирован держать вступительный экзамен в Николаевскую академию Генерального штаба. Отчислен в полк как не выдержавший экзамена.

12 марта 1904 г., на основании своего прошения по случаю начала Русско-японской войны, переведен Высочайшим приказом во 2-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска с переименованием в сотники. 6 апреля 1904 г. прибыл в полк и назначен младшим офицером 3-й сотни полка.

20 апреля 1904 г. во время разведки дороги от Ляояна к Фунхуанчену, будучи раненым, был взят в плен японцами.

По окончании войны 30 октября 1905 г. переведен обратно в Лейб-гвардии Конный полк с переименованием в корнеты. 6 декабря 1905 г. произведен в поручики и награжден орденом Св. Станислава с мечами и бантом, что было утверждено Высочайшим приказом 31 июля 1907 г.

Вновь командирован в Николаевскую академию Генерального штаба. Экзамен выдержал успешно и 9 октября 1906 г. зачислен слушателем.

19 августа 1908 г., успешно окончив два курса академии, переведен на дополнительный курс и 6 декабря 1908 г. произведен в штабс-ротмистры. 30 апреля 1909 г. успешно окончил

дополнительный курс академии и 11 мая 1909 г. причислен к Генеральному штабу с откомандированием в С.-Петербургский военный округ для отбытия лагерного сбора при штабе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. 4 ноября 1909 г. по собственному желанию откомандирован обратно в Лейб-гвардии Конный полк. С 14 декабря 1910 г. по 20 апреля 1913 г. командовал 2-м эскадронам, будучи уже ротмистром.

8 июня 1913 г. принял должность помощника командира полка по хозяйственной части и 6 декабря того же года был произведен в полковники.

В июле 1914 г. прибыл вместе с полком на фронт в Восточной Пруссии и участвовал во всех боевых действиях полка, начиная с Гумбиненского сражения. 24 января 1915 г. был назначен помощником командира полка по строевой части¹.

За участие в боях 4–9 ноября 1914 г. награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й степени с мечами.

За отличие в боях с немецкой кавалерией, во время Свенянского прорыва осенью 1915 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами, а также мечами к ранее полученному ордену Св. Анны 3-й степени.

Оставался в полку в течение 1916–1917 гг. Как говорится в приказе по армии и флоту от 17 декабря 1917 г., «старший офицер Лейб-гвардии Конного полка Фон Валь был уволен со службы с мундиром»².

В 1918 г. полковник фон Валь как уроженец Прибалтики смог вернуться в Ригу и, узнав о начале формирования Северной армии, явился одним из первых в штаб Северной армии в Пскове, где принял активное участие в организации вербовочных бюро для записи добровольцев.

После отступления армии из Пскова в ноябре 1918 г. командир корпуса полковник Неф приказом от 10 декабря 1918 г. назначил начальником штаба корпуса вместо убитого в Ригу ротмистра фон Розенберга полковника В.В. фон Валя.

Новый начальник штаба корпуса проявил много энергии, чтобы наладить снабжение Северного корпуса, согласно договору с Эстонией, получая продовольствие, боеприпасы и небольшую часть обмундирования. Он сумел справиться с трудной задачей восстановления частей корпуса после отступления из Пскова. Однако его положение было особенно трудным: он принадлежал к балтийскому дворянству немецкого проис-

хождения, чем вызывал подозрения у эстонских властей и потому испытывал их скрытое недоброжелательство.

Но когда эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер (бывший подполковник русского Генерального штаба) добился увольнения полковника Нефа, подозреваемого в германофильстве, заменив его полковником А.Ф. Дзерожинским, он не тронул полковника фон Валя, очевидно ценя его энергию и организаторские способности.

Фон Валь был заменен по приказу генерала Лайдонера на должности начальника штаба корпуса полковником О.А. Крузенштерном лишь тогда, когда в начале 1919 г. фактически принявший должность командующего корпусом генерал Родзянко настоял на назначении последнего как своего товарища по выпуску из Пажеского корпуса.

Оказавшись «в распоряжении» командира корпуса, а затем Северо-Западной армии, полковник фон Валь выполнил ряд дипломатических поручений, связанных с доставкой добровольцев из лагерей военнопленных в Германии.

Уже после ликвидации Северо-Западной армии он был в командировке по поручению генерала П.В. Глазенапа в Берлине, где выступил с докладом в Союзе Германских Офицеров о ситуации после расформирования Северо-Западной армии. Согласно письму Союза Германских Офицеров генералу Глазенапу от 14 мая 1920 г., полковник фон Валь должен был лично доложить ему «о положении дел и тех мероприятиях, которые предприняты Союзом в целях скорейшего и прочного укрепления русско-германской дружбы»³.

Первые годы эмиграции полковник фон Валь проживал в Берлине, откуда в середине 20-х годов переехал в Бельгию. Он служил в одном из учреждений, связанных с Бельгийским Конго в Брюсселе. В начале Второй мировой войны переехал во Францию и проживал в Тулоне. Трагически погиб в Тулоне во время южно-французской десантной операции в конце августа 1944 г.

Вандам (Едрихин) Алексей Ефимович Генерал-майор Генерального штаба

Родился 17 марта 1867 г. в Минской губернии; из солдатских детей. 24 декабря 1894 г. поступил вольноопределяющимся в 120-й пехотный Серпуховский полк. Направлен в Виленское юнкерское училище и окончил его по 2-му разряду 7 августа 1888 г. Тогда же, в чине подпрапорщика, был выпущен в 117-й пехотный Ярославский полк. Произведен в подпоручики 30 апреля 1892 г.

В 1897 г., в чине поручика, выдержал экзамены и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. В 1899 г. окончил 2 класса академии с производством в капитаны.

11 ноября 1899 г. зачислен в запас по армейской пехоте в связи с отъездом в Трансвааль, где участвовал добровольцем в Англо-бурской войне на стороне буров.

По возвращении в Россию 13 июня 1900 г. вновь принят на службу и прикомандирован к Главному интендантскому управлению. Сотрудничал с издательством А.С. Суворина и в его газете «Новое Время», в связи с чем зачислен с 13 апреля 1901 г. в запас армейской пехоты по Санкт-Петербургскому уезду.

18 ноября 1903 г. определен из запаса на службу по армейской пехоте с назначением помощником военного агента в Китае. 7 ноября 1906 г. причислен к Генеральному штабу.

Подал личное прошение на Высочайшее имя о смене фамилии Едрихин на Вандам. Прошение было утверждено приказом по Генеральному штабу № 46 от 29 мая 1907 г.: «Всемилоостивейше именовать впредь Вандам». 11 января 1908 г. причислен к Лейб-гвардии Гренадерскому полку для цензового командования ротой. 22 февраля 1909 г. переведен в Генеральный штаб.

С 7 марта 1909 г. исполнял должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса. 29 марта 1909 г. произведен в подполковники.

26 июля 1910 г. снова уволен со службы с зачислением в пешее ополчение Санкт-Петербургской губернии¹.

9 декабря 1913 г. вновь определен на службу с назначением штаб-офицером для поручений при штабе 10-го армейского корпуса, с которым вышел на фронт Первой мировой войны. 15 июня 1915 г. произведен в полковники (со старшинством 13 ноября 1914 г.) и 16 августа 1915 г. назначен командиром 92-го пехотного Печорского полка. За отличия в боях был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й и 4-й степени с мечами и бантом, а также орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами; за бои во время наступления летом 1916 г. — Георгиевским оружием.

14 ноября 1916 г. назначен начальником штаба 23-й пехотной дивизии. 22 июня 1917 г. произведен в генерал-майоры. Исполнял должность командующего дивизией. С 27 сентября 1917 г. — в распоряжении начальника Генерального штаба.

Во время развала армии выехал к своему единомышленнику по германофильским настроениям генералу графу П.М. Стенбоку и проживал в 1917 г. в его имении под Ревелем (тогда в Эстляндской губернии), где и оставался после занятия Эстонии немцами, согласно перемирию накануне Брест-Литовского мира.

В начале октября 1918 г. германское командование после долгих колебаний разрешило, наконец, сформировать из русских добровольцев самостоятельный Псковский корпус, который должен был быть со временем развернут в белую Северную армию.

9 октября 1918 г. в Псков прибыли представители германского командования, Генерального штаба майоры Э. фон Клейст (генерал-фельдмаршал во время Второй мировой войны) и фон Тресков (начальник штаба группы армии фон Бока в 1941–1942 гг., содействовавший первым добровольческим формированиям на русском фронте, ставшими впоследствии кадром для РОА генерала Власова. Казнен после 20 июля 1944 г.). На следующий день состоялось первое совещание русско-германской комиссии, где с русской стороны ведущую роль играли ротмистр фон Розенберг и Б.Б. Линде.

Было решено пригласить генерала А.Е. Вандама на должность командующего корпусом. Его кандидатура возражений не вызвала. К тому же он был хорошо известен как автор военно-литературных трудов, в которых выступал непримиримым противником Англии еще со времени Англо-бурской войны и постоянно высказывался за тесный союз России с Германией².

Генерал Вандам прибыл из Ревеля в Псков 12 октября 1918 г. и тогда же отдал первый приказ по Псковскому корпусу, в котором объявил, что он временно принимает командование корпусом по просьбе представителей Псковской и Витебской губерний с целью борьбы с советской властью. Эту борьбу он предполагал вести во взаимодействии с другими белыми армиями на основе добровольчества.

21 октября 1918 г. состоялось совещание командного состава корпуса, в котором участвовали начальник штаба генерал-майор Малявин, командиры Псковского и Островского полков, назначенный командиром дивизии генерал Никифоров и еще несколько офицеров. В их числе был командир артиллерийского дивизиона подполковник К.К. Смирнов, запечатлевший детали этого совещания: «Председательствовал генерал-майор Вандам, человек довольно крупного роста, спокойный, сдержанный, производил впечатление всегда чем-то недовольного... Генерал явился на совещание без погон, в весьма потертом кителе. Общий вид у него был весьма демократический»³.

Генерал Вандам выступил с краткой речью в связи с формированием добровольческой армии на севере и при этом категорически заявил о том, что он принял командование временно, до прибытия из Киева генерала графа Келлера⁴.

Сразу после принятия командования генерал Вандам отправился в Остров и Режицу, где выступил с речами, призывая молодежь к вступлению в армию. К концу октября помимо 1-го добровольческого полка в Пскове, были сформированы 2-й добровольческий Островский полк полковника А.Ф. Дзержинского, 3-й добровольческий Режицкий полк полковника Г.Г. Нефа и артиллерийский дивизион в Пскове подполковника К.К. Смирнова.

Появление белой Северной добровольческой армии в Пскове почти сразу вызвало переход на сторону белых частей Красной Армии. 26 октября к белым перешел эскадрон 3-го

Петроградского кавалерийского полка под командованием поручика Б.С. Пермикина, а 5 ноября конный полк штабс-ротмистра С.Н. Булак-Балаховича. Еще раньше, 28 октября к белым подошли три вооруженных парохода Чудской военной флотилии под командой капитана 2-го ранга Д.Д. Нелидова.

В начале ноября 1918 г. Северная армия выпустила собственные деньги 50-рублевого достоинства, прозванные населением Пскова и окрестностей «вандамками».

Капитуляция Германии 11 ноября 1918 г. и возникновение солдатских советов в частях 5-й германской дивизии, занимавшей Псков, сразу отразились на положении генерала Вандама. Многие начальники частей потребовали немедленного объявления мобилизации в Северную армию, а полковник Неф в Режице даже начал проводить ее. Генерал Вандам категорически отказывался от проведения мобилизации. Германская миссия, состоявшая при штабе Северной армии, тоже была недовольна деятельностью генерала Вандама, возможно, получив сведения о посылке им делегации во главе с полковником А.Н. Яроном в Гельсингфорс для встречи и переговоров с представителями Антанты.

Среди офицеров отряда Булак-Балаховича открыто раздавались голоса о смещении генерала Вандама. Его обвиняли в бездействии и нерешительности. Используя как повод инцидент в дворянском собрании 15 ноября, часть офицеров потребовала от начальника дивизии генерала Симанского, заменившего генерала Никифорова, устроить собрание офицеров для обсуждения поведения генерала Вандама. Узнав об этом, Вандам 16 ноября отдал приказ о своем уходе по болезни, назначив полковника Г.Г. Нефа временно командующим Псковским корпусом.

Вместе с генералом Вандамом ушли со своих постов, уехав из Пскова, начальник штаба генерал Б.С. Малявин и командир 1-й дивизии генерал П.Н. Симанский.

После пребывания в Риге и в Германии (в период занятия Риги Красной Армией в январе—мае 1919 г.) генерал Вандам прибыл в июне 1919 г. в Нарву, где как «состоявший в распоряжении» тогда же был назначен генералом Родзянко и. д. начальника штаба Северо-Западной армии. Приказ об этом назначении от 21 июня 1919 г. был подтвержден 29 августа того же года. Генерал Вандам выполнял обязанности начальника штаба во время октябрьского наступления на Петроград.

Он же содействовал назначению генерал-квартирмейстером армии генерала Малявина, видимо, разделяя его взгляды о преимуществах «Псковского направления», но в отличие от последнего не оставив никаких документов относительно этих дискуссий в штабе Северо-Западной армии.

Надо сказать, что Вандам проявил не лучшие свои качества, занимая столь ответственный пост (см. письма К.И. Дыдорова светл. кн. Ливену в Приложении).

25 ноября 1919 г. согласно приказу по Северо-Западной армии генерал Вандам «убыл в командировку». Фактически это было увольнение, произведенное назначенным генералом Юденичем 24 ноября новым командующим Северо-Западной армии генералом П.В. Глазенапом. Вместе с генералом Вандамом были в тот же день уволены генералы Малявин, Арсеньев и другие.

После ликвидации Северо-Западной армии генерал Вандам проживал в Ревеле (Таллинне), где состоял членом Георгиевского объединения и Союза Взаимопомощи бывших военных, председателем которого был генерал-лейтенант А.К. Байов. 11 декабря 1932 г. генерал Вандам присутствовал на торжественном собрании этих объединений в Русском клубе⁵.

Генерал А.Е. Вандам скончался в Таллинне 16 сентября 1933 г. и похоронен на русском кладбище при церкви Св. Александра Невского.

Барон Велио Владимир Иванович Генерал-майор

Родился 18 февраля 1877 г. в Санкт-Петербурге. Из потомственных дворян, православного вероисповедания.

15 мая 1877 г. был зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора. 1 сентября 1894 г. начал действительную службу, когда был переведен в младший, специальный класс Пажеского корпуса. Во время придворной службы в корпусе был награжден коронационной медалью и гессенским орденом Филиппа Великодушного во время коронации 1896 г. Выпущен подпоручиком в 1-ю конно-артиллерийскую батарею в 1896 г. (со старшинством от 12 августа 1895 г.)

Приказом Его Высочества Генерал-Фельдцейхмейстера от 21 мая 1897 г. переведен в гвардию (с потерей старшинства, которое стало считаться с 12 августа 1896 г.) и зачислен во 2-ю батарею Гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

20 августа 1899 г. прибыл в Николаевскую академию Генерального штаба и выдержал приемный экзамен, но по «старшинству среднего балла» не попал в штат и был отчислен от академии 3 октября 1899 г.

15 октября 1900 г. был командирован в Офицерскую Кавалерийскую школу и успешно закончил ее в 1902 году. Произведен в поручики 6 декабря 1902 г. и в тот же день награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. По возвращении в бригаду переведен в 3-ю батарею, где прослужил до начала Русско-японской войны.

20 марта 1904 г. переведен по собственному желанию в 3-ю Забайкальскую казачью батарею с переименованием в подъесаулы. 1 июня 1904 г. назначен старшим офицером батареи. Приказом по Маньчжурской Армии от 24 августа 1904 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с надпи-

сью «За храбрость», за бои 1 и 2 июня у станции Вафангоу. За отличия в боях с 13 по 25 августа (Лаочи) награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, а за бои с 28 сентября по 5 октября 1904 г. — орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (приказ Командующего 1-й Маньчжурской армии от 23 августа 1905 г.).

Высочайшим приказом переведен обратно в Гвардейскую Конно-артиллерийскую бригаду с переименованием в штабс-капитаны и 19 февраля 1905 г. откомандирован к штатному месту служения. 9 марта зачислен в списки 3-й батареи, а 25 июня переведен во 2-ю.

Был старшим офицером батареи с 1 февраля 1908 г. и временно командовал ею в июне и в сентябре того же года. 9 апреля 1909 г. был произведен в капитаны.

31 января 1910 г. был командирован в Офицерскую Артиллерийскую школу. Успешно окончил ее и 6 сентября возвратился в свою часть. 6 декабря награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

С 22 марта по 15 сентября 1911 г. временно командовал 6-й Донской батареей. 15 сентября 1911 г. вступил во временное командование 5-й батареей Гвардейской Конно-артиллерийской бригады. 6 декабря 1911 г. произведен в полковники и утвержден в должности командира 5-й батареи¹.

У нас нет сведений о наградах полковника барона В.И. Велио во время Первой мировой войны. Его 5-я батарея вместе со всем конным корпусом генерала хана Нахичеванского участвовала в Гумбиненском сражении в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г.

Вскоре после боев войск Гвардии на Стоходе, во время Брусиловского наступления, полковник В.И. Велио был произведен в генерал-майоры и в 1917 г. одно время занимал должность командующего Гвардейской Конно-артиллерийской бригады².

В связи с введением выборного начала в армии вернулся в конце 1917 г. в Петроград, откуда в 1918 г. после ареста своего бывшего начальника по Гвардейскому корпусу генерала Е.К. Арсеньева бежал в Финляндию, будучи, видимо, членом Объединения Гвардейской Кавалерии.

Когда командующий Северо-Западной армии генерал А.П. Родзянко вызвал через начальника тыла генерала Крузен-

штерна генерала Арсеньева в Нарву для занятия должности командира 2-го стрелкового корпуса, то вместе с ним из Финляндии в Нарву прибыл генерал-майор барон В.И. Велио.

Приказом от 10 июля 1919 г. (в один день с назначением генерал-лейтенанта Е.К. Арсеньева командиром 2-го стрелкового корпуса) генерал-майор В.И. Велио был зачислен в Северо-Западную армию и как находящийся «в распоряжении» командующего назначен начальником штаба 2-го стрелкового корпуса³.

Штаб 2-го стрелкового корпуса подготовил и провел успешную демонстративную операцию на Псковском направлении, что позволило занять в первых числах октября 1919 г. Струги Белые (см. биографию командира 4-й дивизии кн. А.Н. Долгорукова), отвлекая тем самым силы красных от Петроградского направления накануне октябрьского наступления Северо-Западной армии.

В связи с переформированием Северо-Западной армии после отступления от Петрограда к Луге, приказом от 25 октября начальник штаба 2-го стрелкового корпуса генерал-майор В.И. Велио был зачислен «в резерв чинов» при Главнокомандующем.

7 ноября 1919 г. В.И. Велио был переведен в распоряжение штаба Генерал-губернатора и Командующего войсками на театре военных действий генерала П.В. Глазенапа.

После ликвидации Северо-Западной армии 22 января 1920 г. генерал-майор В.И. Велио переехал из Прибалтики в Бельгию. «Долгие годы проживавший в Брюсселе, — пишет редактор «Часового» В.В. Орехов, — заслуживший глубокое уважение своей прямоотой и непоколебимой честностью... генерал-майор барон Владимир Иванович Велио оставался в Бельгии до конца Второй мировой войны»⁴.

В 50-х годах переехал в США и скончался в Нью-Йорке 4 января 1961 г. Похоронен на кладбище Успенского монастыря в Ново-Дивеево в Спринг-Валли под Нью-Йорком.

Верховский Сергей Захарович Генерал-майор

Родился в 1863 году. Из дворян Смоленской губернии. Окончил 1-й Кадетский корпус и 2-е Константиновское военное училище. В 1884 г. был произведен в подпоручики и вышел в 99-й пехотный Ивангородский полк. В начале Русско-японской войны был переведен в 16-й Восточно-Сибирский стрелковый полк в составе Квантунского укрепленного района. 21 июля 1904 г. в бою за передовые позиции, прикрывавшие подступы к Порт-Артуру, был тяжело ранен штыком в щеку. Награжден за оборону Порт-Артура орденом Св. Георгия 4-й степени. По окончании войны вернулся в свой полк.

В 1908 г. произведен в полковники и в январе 1909 г. назначен командиром 99-го пехотного Ивангородского полка, с которым выступил в августе 1914 г. на фронт в Восточной Пруссии. Полк под командованием Верховского отличился в составе 25-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса в бою под Гумбиненом и Инстербургом, а затем зимой 1915 г. под Болимовым.

15 октября 1914 г. полковник Верховский был произведен в генерал-майоры. 21 января 1915 г., в бою у господского двора Воля Шидловская, был тяжело контужен снарядом с отравляющим газом. По выздоровлении назначен 1 апреля 1915 г. начальником 102-й бригады государственного ополчения и одновременно принял должность начальника обороны побережья Рижского залива.

После конца войны оставался в Риге, где чудом уцелел во время ее оккупации зимой 1919 г. красными латышскими частями в период правительства П.И. Стучки, ставшего с марта 1919 г. председателем ЦК КП Латвии.

22 мая 1919 г. в день занятия Ливенским отрядом северной части Риги поступил добровольцем в отряд кн. Ливена и был назначен командиром 2-го батальона. С прибытием Ливенского отряда в Нарву, в состав Северо-Западной армии, и развертыванием отряда в 5-ю Ливенскую дивизию был назначен главным начальником запасных частей армии.

При расформировании Северо-Западной армии 22 января 1920 г. генерал-майор Верховский вернулся в Ригу. Состоял и принимал деятельное участие в правлении Общества взаимопомощи бывших русских военнослужащих, а также в Объединении Ливенцев¹.

Скончался от разрыва сердца 21 января 1936 г. и похоронен на Покровском кладбище Риги.

Ветренко Даниил Родионович Генерал-майор Генерального штаба

Родился 26 декабря 1882 г. Происходил из личных дворян станции Боргустанской Пятигорского отдела Терской области.

Окончил 2-ю житомирскую гимназию и два курса юридического факультета Киевского университета. 30 августа 1904 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище на правах вольноопределяющегося. После окончания трех классов по 1-му разряду, 28 апреля 1907 г. произведен в подпоручики, выйдя в 15-ю конно-артиллерийскую бригаду¹.

В 1910 г. — поручик 8-го конно-артиллерийского дивизиона. В 1913 г. выдержал экзамен в Николаевскую военную академию и произведен в штабс-капитаны со старшинством с 22 апреля 1913 г.

По окончании первого курса, в связи с мобилизацией в августе 1914 г., направлен в действующую армию исполняющим должность штаб-офицера для поручений при штабе 35-го армейского корпуса.

С февраля по май 1917 г. проходил учебу в старшем классе первой очереди академических курсов военного времени. Приказом по Генеральному штабу № 24 от 28 июня 1917 г. капитан Ветренко в числе 81 офицера был причислен к Генеральному штабу, а приказом Временного правительства армии и флоту о чинах военных от 14 сентября 1917 г. они были переведены в Генеральный штаб.

22 апреля 1917 г. произведен в капитаны и 26 июня 1917 г. назначен и. д. старшего адъютанта штаба 35-го армейского корпуса. С 30 июня 1917 г. и. д. начальника штаба того же корпуса.

Во время войны был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны

3-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 3-й степени с мечами. В аттестации 1917 г. Д.Р. Ветренко характеризуется как «отличный офицер, вполне достойный для выдвижения на должности по Генеральному штабу»².

В период германской оккупации на юге России подполковник Ветренко был прикомандирован к формированию кадра военных частей при гетмане П.П. Скоропадском. Не успев закончить формирование Волынского полка ко времени германской революции и не желая сдаваться армии Украинской Директории (петлюровской), он отошел вместе с германскими войсками в Польшу, откуда в начале ноября 1918 г. прибыл с кадром полка в Псков, в распоряжение штаба Северной армии.

В прибывшем Волынском полку было немногим более 100 офицеров и солдат.

Тем не менее, принявший временно командование Псковским отдельным корпусом Северной армии полковник Г.Г. фон Неф, считая подполковника Ветренко наиболее опытным офицером, назначил его начальником Сводного отряда в составе Псковского и Волынского полков и отряда Булак-Балаховича для отражения ожидаемого в конце ноября наступления войск 7-й красной армии на Псков.

24 ноября 1918 г. Сводный отряд подполковника Ветренко выдвинулся к станции Кресты, в нескольких километрах к востоку от Пскова, и стойко оборонялся, отбив несколько атак красных, поддержанных бронепоездами. Но к вечеру обнаружилось, что немцы покинули позиции вокруг Пскова, прикрытые колючей проволокой, и без боя пропустили в город целый полк красных, наступавших от Елизаровского монастыря. Связь со штабом корпуса была потеряна. Подполковник Ветренко попробовал пробиться через Псков, но выяснив, что мосты через реку Великую уже захвачены противником, повел ночью свой отряд на юг и переправился вброд через реку. При этом пушки единственной батареи пришлось тащить на руках. Не без потерь отряд вышел к Изборску, преодолевая заслоны красных³.

Приведенные в Эстонии в порядок части Северного корпуса (как он стал именоваться) перешли в контрнаступление из района Ревеля и вместе со 2-й эстонской дивизией в феврале 1919 г. находились в районе города Юрьева. Одной из лучших его боевых единиц был пополненный пленными красноармейцами Волынский полк подполковника Ветренко.

Прибывший в Юрьев в самом начале марта генерал А.П. Родзянко энергично принялся за переформирование находившихся там отдельных русских отрядов во 2-ю бригаду Северного корпуса. Вскоре, во время действий на берегах Псковского озера, он нашел, что подполковник Ветренко «показал себя с очень хорошей стороны: прекрасно ориентировался в войне против большевиков и своей личной энергией, храбростью и знаниями офицера Генерального штаба много способствовал успеху бригады»⁴.

7 апреля 1919 г. подполковник Ветренко приказом по Северному корпусу был произведен в полковники. В конце того же месяца 2-я бригада была перебросена на нарвский фронт и, таким образом, на петроградском направлении были сосредоточены все части Северного корпуса. Волынский полк полковника Ветренко расположился на территории Кренгольмской мануфактуры в самой Нарве. В полку было много пулеметов благодаря трофеям, но, по словам генерала Родзянко, «... в смысле обмундирования он представлял собой совершенно кошмарную картину»⁵.

По замыслу в майском наступлении Волынский полк должен был захватить участок железной дороги в районе Гостилицы и выйти затем на переправы через реку Плюссу. К вечеру 13 мая полковник Ветренко не только переправился через Плюссу, но и содействовал захвату трех бронепоездов и красной батареи, окружив по дороге станцию Гавриловскую.

17 мая Волынский полк вошел в состав отряда полковника графа Палена, действовавшего на гатчинском направлении. Через два дня, в ночь на 20 мая, полковник Ветренко со своим полком, к которому присоединился значительный контингент местных добровольцев, лихим налетом захватил станцию Кикерино и вышел на подступы к Гатчине.

На этом рубеже командующий Северным корпусом решил приостановить наступление и приступить к реорганизации корпуса. Согласно приказу (уже по Северо-Западной армии) от 24 июля 1919 г., полковник Ветренко был произведен в генерал-майоры и в тот же день вступил в командование сформированной тогда же 3-й дивизией. В состав дивизии, как вспоминает генерал Родзянко, вошли: «Волынский полк под командованием полковника Хомякова, Ревельский полк под командованием полковника Ижевского (Ежевского. — Н.Р.) и временно Балтийский полк под командой полковника Вейс; в нее же должен был войти и имевший быть сформирован-

ным из Красногорского гарнизона Красногорский полк под командой полковника Делль»⁶. Позже, за выбытием Балтийского и Ревельского полков, в дивизию были включены Вятский и Темницкий полки.

За свое стремительное наступление по Балтийской железной дороге генерал Д.Р. Ветренко был награжден 30 мая орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. В дивизии генерал Ветренко стал сразу авторитетным и популярным начальником, несмотря на свойственную ему грубоватость, сопровождаемую иногда площадной бранью. По свидетельству командира батареи, приданной 3-й дивизии, тогда еще капитана А.С. Гершельмана, во время боев в районе Сабска Вятский полк, отступая, начал разбегаться... «В этот момент, — пишет Гершельман, — приехал Ветренко. Энергичными мерами он приказал собирать разбежавшихся Вятцев...» — и совершилось чудо, тот перелом в настроении, который решает исход сражения. «Ну, — говорили Вятцы после того как Ветренко открыл их отборной руганью... можно опять в бой идти»⁷.

Еще раньше, когда капитан Гершельман, будучи вынужденным отказаться от выполнения предписания своего начальника по артиллерии, решил доложить об этом командиру дивизии, услышал лаконичный ответ генерала: «Да пошлите его к...»⁸ «Ветренко мог бы быть идеальным начальником, — заключает капитан Гершельман, — если бы не его скверный характер и невоздержанность на язык, которые вызывали к нему неприязнь».

Его жена, жившая при штабе дивизии с сыном Леонидом (1917 г. рождения), «удивляла всех своей развязностью, что отнюдь не содействовало сохранению дисциплины» (А.С. Гершельман)⁹.

На недостаток дисциплины у генерала Ветренко указывает и аттестация в его деле, составленная в декабре 1919 г., когда генерал Глазенап принимал командование армией: «Знающий и храбрый начальник. Хорошо разбирается в обстановке. Любит действовать самостоятельно, не принимая во внимание данные ему указания»¹⁰.

Эта черта в характере генерала Ветренко была, по мнению генерала Родзянко и как мы увидим ниже, одной из причин неудачи октябрьского наступления Северо-Западной армии на Петроград. Свое наступление 10 октября 1919 г. генерал Ветренко начал удачным прорывом 10-го Темницкого полка полковника Данилова у деревни Люботажье. Этот прорыв

позволил уже к вечеру 13 октября всей дивизии выйти на Варшавскую железную дорогу у станций Преображенская (Толмачево) и Мшинская. Тем самым Лужская группа 15-й красной армии была отрезана от Петрограда, а сам город Луга одновременно занят войсками 1-й дивизии Дзержинского и 3-й дивизии, при личном участии генерала Ветренко.

Главные силы дивизии продолжали двигаться вдоль железной дороги на север, и 15 октября была занята станция Сиверская и деревня Выра. Отсюда открывалась не занятая красными дорога на станцию Вырица (Царскосельская железная дорога) и далее через Лисино на Тосно, на Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге. По ней должны были двигаться в Петроград эшелоны с тверскими и московскими курсантами, латышскими стрелками и другими воинскими частями, снятыми с Восточного и даже Южного фронтов.

Как вспоминает сопровождавший 3-ю дивизию в качестве помощника Главнокомандующего генерал Родзянко: «Еще раньше, во время подготовки операции и в начале ее, на походе, в разговорах с генералом Ветренко, я неоднократно говорил ему о необходимости занять Тосно и приказывал ему все для этого подготовить...»¹¹

Вечером 15 октября, в 22 часа, генерал Родзянко отдал свой приказ № 2 командиру 3-й дивизии, где, в частности, говорилось: «Выделить по выяснению обстановки, отряд под командованием решительного офицера силой не меньше двух батальонов при взводе артиллерии. Отряду этому двинуться из дер. Выра, дер. Вырица, Лисино на станцию Тосно. Цель отряда, быстро занять и взорвать мосты, как на жел. дорогах, так и на шоссепутях, идущих на юг из Петрограда, дабы красные не могли воспользоваться поездами и подвозить подкрепления»¹².

Через час и 45 минут после отдачи этого приказа, когда обстановка прояснилась и генерал Родзянко получил известия от командира 1-го стрелкового корпуса графа Палена, что 5-я Ливенская дивизия заняла Красное Село, а 2-я дивизия подходит к Гатчине, он поспешил отдать еще один приказ (№ 3), требуя «форсированным маршем занять Тосно» и настаивая теперь, чтобы на эту операцию была выделена целая бригада с батареями¹³.

Генерал Ветренко не выполнил ни одно из этих приказаний. Он послал в Вырицу всего одну роту, которая вместе с присоединившимися местными добровольцами, вместо того чтобы двинуться на Лисино, выдвинулась в сторону Петрограда не дойдя до станции Владимирская.

Видимо, будучи уверенным в неизбежности падения Петрограда, генерал Ветренко после занятия всей своей дивизией Гатчины, решил дать своим войскам двухдневный отдых.

Здесь необходимо напомнить: сам генерал Родзянко считал, что после занятия Гатчины он выполнил свою задачу как начальник отдельной группы войск и передал 3-ю дивизию снова в подчинение командира 1-го стрелкового корпуса генерала графа Палена. Став помощником Главнокомандующего и не имея при себе не только штаба, но и офицеров для поручений, он, не проверив исполнения своего приказа о занятии Тосно, бросился в ночь на 16 октября лично во главе Темницкого полка на штурм Гатчины.

Что же касается оценки действий генерала Ветренко, то его сосед слева, командир 2-й стрелковой дивизии генерал Ярославцев оценивал их весьма скептически: «...Он сунулся для чего-то в Лугу, которую брали, выполняя приказ по Армии, части 1-й стрелковой дивизии, затем вторгся в Гатчину, в район 2-й стрелковой дивизии. Измотав свои части бесцельными движениями, уклоняясь от указанного ему направления, он вынужден был дать им двухдневный отдых (17 и 18 октября), чем передал в руки противника инициативу, а мне затруднил захват почти без боя быстрым выдвиганием вперед Царского Села»¹⁴.

К этому анализу соседа необходимо добавить две записи из обнаруженной в ЦГАСА полевой книжки штаба 3-й стрелковой дивизии. Их сделал сам начальник штаба дивизии подполковник Кусаков. Первая является его секретным докладом начальнику штаба 1-го стрелкового корпуса ротмистру Видякину и лично генералу Родзянко:

Наштакор 1 Секретно. Срочно. Генералу Родзянко. 19/X. Вчера убедился в том, что невыполнение Вашего приказа от 16/X (приказ № 3 генерала Родзянко, отданный в 23 ч. 45 минут 15 октября. — Н.Р.) о занятии Тосно произошло [со] стороны начальника дивизии не случайно, а вполне сознательно. Генерал Ветренко находит это лишним. Это крупное упущение и может стоить нам дорого. Обещаю употребить все свое влияние. Наштадив п[од]п[олковник] Кусаков»¹⁵.

Второй является короткая карандашная запись его же доклада самому генералу Ветренко.

20/X 9 ч. 40 мин. Генералу Ветренко.

Хорошо знаю, что Ваше решение окончательно, но знаю, что исправить его вряд ли возможно. Еще раз прошу Вас занять Тосно. Если Вам это почему-нибудь неудобно (два слова не разобраны)... то поручите мне.

Ваше Превосходительство, преступно и непростительно из личного самолюбия продолжать упорствовать.

Генерал Родзянко разнес меня, я знаю, что не в адрес, но молчал, т.к. все же надеялся, приняв вину на себя, все исправить. Точно можно было занять еще позавчера (одно слово не разобрано) нам не простиат этой оплошности.

Я докладывал Вам все время и о Гатчинском промедлении, т.е. об обязательном наступлении [согласно] (Н.Р.) приказанию ген. Родзянко. Я не хочу быть виновным в готовящемся (далее 3 слова не разобраны)¹⁶.

По всей вероятности, в связи с этим докладом подполковника Кусакова генерал Ветренко распорядился соорудить импровизированный броневой поезд, с тем чтобы двинуть его от станции Владимирской через Лисино на Тосно. Но пока этот поезд готовился, к Лисино подошел со стороны Тосно настоящий броневой поезд красных, и эта последняя попытка занять Тосно рухнула.

Во всяком случае, в полевой книжке 3-й стрелковой дивизии сохранилось следующее донесение подполковника Кусакова начальнику штаба 1-го стрелкового корпуса:

«21/X 18 г. Павловск. Наштаткору 1. Броневой поезд-летучка уже действует на линии Гатчина-Владимирская (устройство самое примитивное). Желательно сооружения другого. Наштадив п/п-к Кусаков»¹⁷.

Только 19 октября Ветренко двинулся из Гатчины на север, в направлении Павловска. К этому времени паника, охватившая войска 7-й красной армии после занятия белыми Гатчины, уже улеглась, на фронт прибыли финские курсанты и другие отборные части. Бои за Царскую Славянку, где дворцовые здания переходили из рук в руки, отличались большим упорством. Генерал Ветренко лично водил в атаку цепи Волынского полка. Он потребовал выкатить орудия батареи вперед, чтобы они сопровождали пехоту.

21 октября Царская Славянка и Павловск были взяты. Заняв оборону на северной опушке павловского парка, генерал Ветренко послал усиленный батальон Волынского полка в Колпино, чтобы там, наконец, перерезать Николаевскую железную дорогу. Но было поздно. В ночь с 20 на 21 октября в Колпино прибыли из Москвы стрелки 5-го Латышского полка. Направление Ям-Ижоры было уже закрыто. Вернуть упущенное за 5 дней было уже невозможно: в Колпине началось сосредоточение ударной группы бывшего полковника Гене-

рального штаба С.Д. Харламова для удара во фланг Северо-Западной армии, согласно плану нового командующего 7-й красной армии бывшего генерала Д.Н. Надежного.

В течение 23 октября войска 3-й дивизии успешно отражали атаки красных. Но к вечеру на опушке павловского парка красным курсантам удалось прорвать позиции Вятского полка, бросившегося в бегство в сторону Царского Села, что вынудило к отступлению не только 3-ю стрелковую дивизию, но и занимавшую Царское Село 2-ю.

Контратаки 25 октября окончились лишь местными успехами, и под давлением превосходящих сил противника 3-я дивизия отошла в сторону Гатчины, заняв позиции у деревни Новый Бугор. 3 ноября после упорных боев 3-я дивизия оставила, согласно приказу генерала Юденича, Гатчину, в связи с выходом войск 15-й красной армии через Лугу к Мшинской. Избежав окружения, Северо-Западная армия без потерь отошла на позиции перед Нарвой, где и началось ее расформирование.

После ликвидации Северо-Западной армии генерал Ветренко организовал так называемую «трудовую артель» на торфоразработках, созданных по закону о принудительном труде, принятом для бывших русских военнослужащих эстонским правительством. Г.И. Гроссен (Нео-Сильвестр) описал ужасные условия на этих работах¹⁸.

После 1920 г. Ветренко с женой и сыном переехал в Польшу. Однако он не был зачислен в 3-ю Русскую армию. Проживал в Польше до 1928 г., затем, в связи с обвинениями в шпионаже, вместе в семье был выслан польскими властями в СССР.

Находился некоторое время в заключении в Москве. Был выпущен и в течение долгих лет (в 30–40-е годы) скитался по глухим местам Сибири и Дальнего Востока, работал счетоводом или учетчиком в совхозах и леспромхозах. Преследованиям, насколько известно, не подвергался.

После Второй мировой войны был устроен сыном Леонидом на жительство у родственников в Краснодарском крае. В 1948 г. его, тяжело заболевшего, сын взял к себе, в Ленинград. Скончался 16 марта 1949 г. и похоронен на одном из ленинградских кладбищ.

Барон Вилькен Павел Викторович Капитан 1-го ранга

Родился 12 июля 1879 г. Происходил из потомственной морской семьи. Окончил Морской корпус в 1899 г. и произведен в мичманы. Плавал на разных кораблях Тихоокеанской эскадры и по возвращении в Балтийский флот окончил курс офицерского артиллерийского класса¹.

С началом Русско-японской войны лейтенант Вилькен был отправлен по его желанию в Порт-Артур и назначен артиллерийским офицером на эскадренный броненосец «Победа». Участвовал в бою с японским флотом в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г. За отличия в боях на море и на фортах крепости был награжден многими орденами, в том числе Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени в мечами и бантом и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и др.

В декабре 1904 г. добровольно участвовал в постановке мин заграждения на миноносце «Сердитый» под командованием лейтенанта А.В. Колчака. На поставленных минах в ночь на 13 декабря 1904 г. подорвался японский крейсер «Такасаго». За эту операцию лейтенант П.В. Вилькен был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Накануне сдачи Порт-Артура, не желая сдаваться в плен, прорвался на паровом катере броненосца «Победа» в китайский порт Чифу.

После Русско-японской войны назначен артиллерийским офицером на строившийся в Тулоне крейсер «Адмирал Макаров». В 1909 г. произведен в старшие лейтенанты и поступил на военно-морское отделение Николаевской морской академии. По окончании вернулся старшим офицером на крейсер «Адмирал Макаров» и 6 декабря 1912 г. был произведен в капитаны 2-го ранга.

В декабре 1914 г. был назначен командиром эскадренного миноносца «Сибирский стрелок» и одновременно состоял флаг-капитаном у начальника дивизиона, тогда еще капитана 1-го ранга А.В. Колчака. В составе дивизиона и самостоятельно неоднократно принимал участие в постановке мин заграждения у немецких берегов. В 1916 г. был назначен начальником 4-го дивизиона. В июле 1916 г. произведен за отличие в капитаны 1-го ранга и в декабре того же года назначен начальником 1-го дивизиона, состоявшего из четырех лучших эскадренных миноносцев типа «Новик».

В марте 1917 г. сумел сохранить дисциплину и боеспособность дивизиона, базировавшегося в Ревеле. В апреле 1917 г. был назначен командиром линейного корабля (дредноута) «Севастополь», который он и отвел во время ледяного похода в марте 1918 г. в Кронштадт, после чего вернулся в Финляндию.

В Гельсингфорсе был одним из ближайших сотрудников адмирала В.К. Пилкина (см. его биографию). Совершал рискованные переходы границы с целью подпольного посещения Петрограда, где помимо помощи своим братьям занимался налаживанием связи с морскими офицерами — будущими участниками подготовки восстания в Петрограде и в частности захвата линейного корабля «Севастополь».

В июне 1919 г. зачислен в штат «Морского походного штаба» при генерале Юдениче, возглавляемого адмиралом В.К. Пилкиным. Еще раньше, в конце 1918 г., вошел в сношения с Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком в Омске и выполнял его поручения преимущественно разведывательного характера.

Об особом доверии адмирала А.В. Колчака капитану 1-го ранга П.В. Вилькену говорит резолюция адмирала как Верховного Правителя по вопросу поддержки генерала Юденича. Сам вопрос этот, поднятый К.Д. Набоковым (поверенным в делах в Англии), касавшийся возможности создания в Петрограде крайне правого правительства с опорой на монархистские круги в армии, едва ли имел основания. Тем более, что в этих кругах никто открыто не выступал против генерала Юденича.

Но что касается доверия адмирала Колчака адмиралу Пилкину и капитану 1-го ранга П.В. Вилькену, оно не вызывает сомнений! Вот одно из документальных свидетельств:

«Войти с просьбой к Английской миссии о поддержании отряда из морских офицеров и команд для поддержания власти генерала Юденича. Телеграфно запросить о потребных расходах и теперь же начать формировать отряд. Вилькену желательно вступить начальником штаба у Пилкина. Адмирал Колчак. 26-VIII-1919»².

Необходимость формирования такого отряда отпадала в силу того, что состав будущего правительства в Петрограде был намечен полковником Германом во время его пребывания в городе с ведома самого генерала Юденича и при ближайшем участии А.В. Карташева. Капитан 1-го ранга П.В. Вилькен продолжал свою деятельность в «Морском походном штабе», часто заменяя адмирала В.К. Пилкина, отвлекаемого на заседания Северо-Западного правительства, где он занимал должность военно-морского министра.

После ликвидации Северо-Западной армии вернулся в Гельсингфорс, где одно время возглавлял «Морской фонд» — организацию помощи морским офицерам — участникам похода Северо-Западной армии на Петроград. 8 марта 1921 г. одним из первых прибыл по льду в Кронштадт, где сразу был приглашен на совместное заседание Ревкома и Штаба обороны. Как представитель русской морской организации в Финляндии и американского Красного Креста предлагал помощь продуктами питания и медикаментами через Финляндию³. 11 марта 1921 г. выступил с речью перед моряками на линейном корабле «Севастополь», которым командовал с апреля 1918 г. до ледового похода в 1918 г. Призывал моряков идти дальше в своих требованиях вплоть до выборов в Учредительное Собрание⁴.

Ушел по льду одним из последних. С 1931 г. — Председатель группы морских офицеров в Финляндии.

Скончался 31 января 1939 г. в Хельсинки и похоронен на городском кладбище.

Владимиров Александр Васильевич
Генерал-лейтенант

Полковник А.В. Владимиров, прибывший 9 сентября 1919 г. в Ревель из командировки в Англию, был вскоре произведен в генерал-майоры и 11 сентября назначен генералом для поручений в штабе Северо-Западной армии (приказами за № 74 и 76 от 2 октября 1919 г., отданными с явным запозданием). Это назначение согласно традиции, сложившейся в Русской армии, означало, что генерал-майор Владимиров стал во главе разведывательных служб Северо-Западной армии (см., например, назначение известного специалиста разведки генерал-майора Н.С. Батюшина «генералом для поручений при Главнокомандующем армиями Северного фронта» в 1915 году). Тогда же, 2 октября 1919 г., он был назначен (приказ № 76) одновременно начальником канцелярии военного министра, т.е. канцелярии самого генерала Н.Н. Юденича.

В связи с кризисом в деле снабжения генерал-майор Владимиров получил еще одну должность — начальника снабжения Северо-Западной армии, на которую он был назначен 7 декабря 1919 г. вместо генерала Г.Д. Янова.

И, наконец, в день ликвидации Северо-Западной армии — 22 января 1920 г. — генерал Юденич счел возможным отблагодарить генерала Владимирова за службу в Северо-Западной армии, произведя его в генерал-лейтенанты. Все это говорит о том, что генерал Владимиров был в последние месяцы существования Северо-Западной армии одним из самых близких сотрудников генерала Юденича, пользовавшегося, почти наравне с контр-адмиралом В.К. Пилкиным, полным доверием Главнокомандующего.

Однако в то же время, не только по поводу самой личности генерала Владимирова, но и его службы в старой армии,

Генерал-лейтенант А.В. Владимиров

существуют самые противоречивые мнения, на которых мы вынуждены остановиться ниже. Но сначала обратимся к документам, которыми мы располагаем, и приведем выдержку из письма генерала Б.В. Геруа Уинстону Черчиллю от 2 августа 1919 г.

Chesham House

Chesham Place S.W.1.

2 August 1919

S i r ,

I have the honour of sending to you hereby a memorandum signed by General Hermonius and myself. We are exposing to you our views on the present situation and steps to be taken in our opinion to safeguard the Allied and Russian interest in this critical moment.

Our information is based on a report just obtained from Colonel A.V. Vladimiroff who has escaped from Petrograd on July 11th and knows well the exact position up to July 20th; he has given us a detailed information about the state of the Red Army its munition supplies and plans up to date. These materials are given by me to the War Office .

I am, S i r , your obedient servant.

(signed) B. Heroya, Major-General G.S.

Certified correct: *M. J. G. G.*

The Right Honorable

W. Churchill

Secretary of State for War

War Office, Whitehall S.W.1.

Я имею честь послать Вам прилагаемый меморандум, подписанный генералом Гермониусом и мной. Мы излагаем наш взгляд на настоящую ситуацию и на те меры, которые, по нашему мнению, должны быть приняты, чтобы сохранить Союзные и Русские интересы в настоящий критический момент.

Наша информация основана на докладе, только что полученном от полковника А.В. Владимиров, бежавшего из Петрограда 11 июля и хорошо знающего точное положение вплоть до 20 июля; он передал нам детальную информацию относительно состояния Красной Армии, ее запасов боеприпасами и планов на сегодняшний день. Эти материалы были переданы мною в Военное министерство. Я остаюсь, Сэр, Вашим покорным слугой.

(Подписал) Б. Геруа, генерал-майор (Г[енерального] Ш[таба])¹.

Напомним, что генерал-майор Борис Владимирович Геруа был не только выдающимся офицером Генерального штаба, но и одним из самых опытных генералов, занимавшихся разведывательной деятельностью. Еще будучи подполковником, он с 1909 по 1912 год прослужил в части 2-го Обер-квартирмейстера Главного Управления Генерального штаба, под начальством такого опытного разведчика как генерал П.И. Аверьянов. А в 1916 г. он был назначен генерал-квартирмейстером группы «Войск Гвардии», ставшей вскоре Особой Армией на Юго-Западном фронте, которому был подчинен начальник разведывательного отделения.

Поэтому, приняв в конце 1918 г. должность Председателя Особой военной миссии в Лондоне по оказанию материальной помощи армиям генералов Юденича, Деникина, Миллера и адмирала Колчака, генерал Б.В. Геруа отлично понимал всю огромную ответственность, которая легла на его плечи в отношениях с военным министром (государственным секретарем) Великобритании Уинстоном Черчиллем. Не может быть сомнения, что он, прежде чем передавать сведения, привезенные полковником А.В. Владимировым в Военное министерство, и ссылаться на него в официальном письме самому У. Черчиллю проверил, как эти сведения, так и личность полковника А.В. Владимиров. К тому же он не мог не знать, что английская разведка в Петрограде без особого труда могла собрать все необходимые сведения о прибывшем в Англию полковнике.

Добавим, что со своей стороны проверку личности полковника А.В. Владимиров провел пользовавшийся немалым влиянием в союзных кругах, находившийся тогда в Лондоне бывший депутат 2-й Государственной Думы социал-демократ

Григорий Алексеевич Алексинский, один из первых, выступивший в июле 1917 г. с разоблачением Ленина в получении немецких денежных субсидий.

В своем весьма доверительном письме генералу Н.Н. Юденичу от 21 августа 1919 г. Г.А. Алексинский сообщает, что передал через помощника Черчилля Collum Scott'a «список требующихся предметов снабжения... полученный мною от полковника Владимиров, который взялся вручить Вам это письмо».

Предлагая дальше в этом весьма конфиденциальном письме изменения в составе Северо-Западного правительства, Г.А. Алексинский добавляет: «...Подробные дополнения к этому письму может сделать полковник Владимиров, с которым мы много беседовали»².

К сожалению, послужного списка полковника А.В. Владимиров в РГВИА (среди многих однофамильцев) обнаружить не удалось. Однако полковник Александр Васильевич Владимиров упоминается в машинописных списках полковников Кавказской армии в 1914, 1917 и 1918 гг.

Согласно данным этих списков³, полковник Александр Васильевич Владимиров, уроженец Киевской губернии, родился 15 августа 1871 г. Он окончил курс юридического факультета с дипломом 1-й степени Императорского Киевского университета Св. Владимира.

1 августа 1895 г. поступил на военно-училищные курсы Киевского пехотного училища, которые окончил по 1-му разряду и был выпущен прапорщиком в 132-й Бендерский полк.

12 августа 1896 г. произведен в подпоручики, 6 августа 1900 г. в поручики, 22 мая 1902 г. в штабс-капитаны того же полка.

По окончании Александровской военно-юридической академии по 1-му разряду назначен 28 марта 1904 г. кандидатом на военно-судебную должность при Кавказском военно-окружном суде и производится в капитаны.

7 июля 1906 г. назначен помощником военного прокурора. 22 апреля 1907 г. произведен в подполковники, 6 декабря 1911 г. произведен в полковники. 27 октября 1914 г. назначен военным прокурором корпусного суда 4-го Кавказского армейского корпуса.

Нам неизвестно дальнейшее прохождение службы в штабах Кавказской армии полковника А.В. Владимиров, но согласно одному из списков он был награжден 29 сентября

1915 г. орденом Св. Владимира 4-й степени, будучи уже кавалером орденов Св. Станислава и Св. Анны 3-й и 2-й степеней.

В свете этих данных не может быть сомнения, что генерал Юденич, ставший в феврале 1907 г. генерал-квартирмейстером штаба Кавказского военного округа, хорошо знал по службе молодого и незаурядного военного прокурора, успешно получившего и гражданское и военное высшее юридическое образование.

Поэтому вполне естественно, что он командировал бежавшего 11 июля 1919 г. из Петрограда полковника А.В. Владимирову к генералу Геруа, рассчитывая, что он будет содействовать ускорению военного снабжения Северо-Западной армии англичанами. «Кроме того, — пишет генерал Томилов, — 22 июля (т.е. через 11 дней после прибытия полковника в Северо-Западную армию. — *Н.Р.*), в посланном с полк. Владимировым письме поверенному в делах в Лондоне (Набокову. — *Н.Р.*) ген. Юденич, излагая создавшуюся тяжелую обстановку, высказывает [мнение] (*Н.Р.*), что в силу постоянного укрепления противника, путем переброски частей с Восточного Фронта, нельзя рассчитывать на возможность в ближайшем будущем перехода к активным действиям на Псковско-Ямбургском фронте, а наоборот приходится опасаться за дальнейшую судьбу действующих здесь наших войск»⁴.

Полковник Владимиров, как далее сообщает Томилов, рапортом доносил, что выступление генерала Драгомирова, представителя генерала Деникина в Лондоне, настаивавшего на том, чтобы все снабжение шло из Англии на юг, имея в виду успехи ВСЮР, помешало ему провести перед англичанами мысль о выгодности решенной Британским правительством эвакуации своих войск с Архангельско-мурманского фронта не морем, а через Петроград, «для чего необходимо помочь ген. Юденичу овладеть им»⁵.

По утверждению полковника Владимирову, выступления генерала Драгомирова как в английских правительственных кругах, так и среди «русских белых» привели к тому, что вся предыдущая работа была сведена к начальной стадии и вчера мы были вынуждены начать все сначала⁶.

Несмотря на все трудности и несогласованность действий представителей белых армий в Лондоне, генералу Геруа, с помощью полковника Владимирову, удалось отправить первый большой транспорт, нагруженный обмундированием, воо-

ружением и боеприпасами для Северо-Западной армии. Как мы уже говорили, 9 сентября на этом пароходе вернулся в Ревель и полковник А.В. Владимиров.

О его прибытии стало известно и членам Северо-Западного правительства. В частности, Государственный контролер В.А. Горн записал: «Приехавший с этим пароходом полк[овник] Владимиров рассказывал некоторым министрам, что отправку груза затормозил ген. Драгомиров, который на двух собраниях русских в Лондоне — в клубе и в русском посольстве — сделал заявление, что надо поддержать тех, кто уже имеет успех, т.е. Деникина и что груз следует направить на юг»⁷.

А влиятельный министр торговли, часто замещавший председателя Совета министров Лианозова, М.С. Маргулис, записал в своем дневнике 9 сентября: «В 9 часов радость: пришел из Лондона пароход с одеждой, сапогами, 20-ю пушками, патронами и ружьями. С ним же приехал полковник Владимиров (недавно бежавший из Питера, служивший там в контрразведке)»⁸.

Оба министра дают понять, что прибытие этого транспорта в Ревель для Северо-Западной армии, а не отправка его на юг, является в какой-то степени заслугой полковника Владимирову, сумевшего через Алексинского оказать давление в нужном направлении на английское правительство.

Следует обратить внимание, что вопреки приведенным данным, в ряде работ, посвященных Северо-Западной армии, утверждается, что полковник Владимиров является бывшим жандармским полковником Новогребельским.

Первым, кто привел в печати эту версию, был журналист-газетчик, редактор выходившей в Ревеле с августа 1919 г. газеты «Свободная Россия» Г.Л. Кирденцов. В мае 1921 г. в Берлине он выпустил книгу «У ворот Петрограда».

Упрекая генерала Юденича в том, что «Ревель кишмя кишит толпами блестящих, щегольски одетых гвардейских офицеров, ...а вокруг него собрался многочисленный генералитет»⁹, Кирденцов, ставший уже в 1922 г. сменовеховцем¹⁰, перечисляя генералов (в том числе Краснова и Глазенапа) прибывших «от Деникина», при этом пишет, что среди них выделялся «...и некий генерал-майор Владимиров, настоящая фамилия которого — Новогребельский. О нем говорили, что в царскую эпоху он состоял жандармским полковником»¹¹.

«Скромный на вид, — сообщает Кирденцов, — вечно застегнутый на все пуговицы своего английского френча, молчаливый, он скоро забрал Главнокомандующего в свои руки и определял всю его тактику в отношении Правительства и “гражданского” управления тылом. Кандидатуры будущих военных и гражданских администраторов Петрограда намечались не иначе как с благословения его, Владимирова. Контрразведкой распоряжался он»¹².

Кирденцов утверждал, что «по его инициативе... были подготовлены летучие автомобильные колонны, которые... должны были ворваться в Петроград и там, по списку, ведомому лишь контрразведке, учинить кровавую расправу»¹³.

Произведенный в генерал-майоры Владимиров был назначен генералом для поручений в штабе Северо-Западной армии, т.е. стал во главе ее разведывательных служб. Генерал Кондзеровский (см. его биографию) в письме от 3 октября 1919 г. генералу Юденичу докладывает, что вызвал генерала Владимирова в Ревель для приема русских жандармов из французского иностранного легиона, прибывших из Архангельска. Но это вовсе не означает, что под именем Владимирова скрывался жандармский полковник Новогребельский. Да и просмотр списков жандармских полковников (1912 и следующих годов) показывает, что Новогребельского среди них не числилось.

Видимо, поэтому авторы книги «Чекисты Петрограда на страже революции», повторяя версию Кирденцова о генерале Владимирове-Новогребельском (в том числе и как организаторе «специальной колонны карателей на автомобилях»), добавляют к фамилии Новогребельский, инициалы «К.С.»¹⁴.

А генерал Константин Станиславович Новогребельский действительно существовал. Согласно списку генералам по старшинству издания 1916 г., он уже был генерал-лейтенантом с 10 апреля 1916 г. Родился он 13 июня 1860 г.¹⁵ и, следовательно, был на два года старше самого генерала Юденича. Окончив 3-е военное Александровское училище 8 августа 1880 г., все время служил в Лейб-гвардии Литовском полку. Будучи капитаном, был уволен со службы Высочайшим приказом от 6 марта 1899 г.

Прослужив около года по Удельному ведомству, он вновь был принят на службу с зачислением по армейской пехоте, с переименованием в подполковники 15 июня 1900 г. Далее

его служба проходила в штабе Киевского военного округа, где 31 августа 1908 г. он был произведен в генерал-майоры с назначением окружным дежурным генералом Киевского военного округа. Не занимая никакой строевой должности, генерал-майор К.С. Новогребельский был допущен, как состоявший в резерве, к временному исполнению должности начальника штаба военного генерал-губернатора Галиции¹⁶. В связи с отступлением русских армий из Галиции, приказом по Киевскому военному округу от 15 июня 1915 г. генерал Новогребельский был назначен и.д. начальника штаба Киевского военного округа. 19 апреля 1917 г. он убыл в распоряжение Главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта¹⁷.

Все это убедительно говорит, что потуги отождествить полковника Владимирова с генералом К.С. Новогребельским не выдерживают никакой критики. Однако, например, составители книги «Русская военная эмиграция 20–40 гг.»¹⁸ продолжают с легкой руки Кирденцова отождествлять полковника (ставшего генералом в Северо-Западной армии) Владимирова с К.С. Новогребельским.

Этой же версии придерживается и А.В. Смолин, автор обширного труда, посвященного Северо-Западной армии¹⁹.

Чтобы исчерпать, наконец, версию о том, что генерал Владимиров являлся в действительности Новогребельским, упомянем об анонимном доносе, находящемся в коллекции генерала П.Н. Врангеля Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (коробка 50–29, развед. сводки).

Автор, упоминающий Рижский мирный договор между Польшей и РСФСР, т.е. писавший после 18 марта 1921 г. в штаб Русской армии генерала Врангеля в Сремски Карловицы, утверждает, что «начальник штаба генерала Миллера — генерал-лейтенант по [Северо]-з[ападной] армии Владимиров — до революции полковник Новогребельский (без имени и отчества. — Н.Р.), курсовой офицер Михайловского Артиллерийского училища... в начале 1918 г. организовал и был председателем общества “Белый Крест”, которое под флагом белого дела производило налеты на частных лиц, ювелирную лавку на Невском проспекте» и даже разграбило ризницу Александровской лавры. Далее аноним сообщает, что Новогребельский вместе с кассой исчез, а остальные члены организации были расстреляны или «приняты на советскую службу».

«В начале 1919 г. Новогребельский, — сообщает далее аноним, — оказался в Англии, откуда в сентябре этого года появился в Северо-Западной армии. Сначала устроился в Еврейском министерстве (81 с. — *Н.Р.*) Северо-Западного правительства начальником канцелярии Военного Министра...»

Не было бы смысла упоминать об этом доносе анонимного автора (на котором рукой одного из сотрудников штаба ген. Врангеля наложена резолюция: «много вздора»), утверждавшего, что Владимиров занимал несуществовавший пост начальника штаба генерала Миллера, являвшегося до своего назначения начальником штаба генерала Врангеля 7 марта 1922 г., всего лишь Главноуполномоченным по военным и морским делам в Париже, не располагавшим никаким штабом, если бы в списке полковников за 1916 год не был упомянут полковник Владимир Станиславович Новогребельский, командир 1-го легкого мортирного артиллерийского дивизиона. Однако его послужной список²⁰ совершенно исключает, что он мог быть главой шайки грабителей и иметь что-либо общее с явившимся 11 июля 1919 г. в Северо-Западную армию полковником А.В. Владимировым.

Архив Особого отдела Северо-Западной армии был уничтожен в дни ликвидации армии в январе 1920 г. В «Описи дел Архива Северо-Западной армии гражданской войны», составленной П.А. Томиловым и его супругой Н.А. Томиловой в 1927 г. и находящейся ныне в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, сохранились лишь разведывательные сводки о Красной Армии. Только отдельные документы (как, например, доклад И.Р. Кюрца генералу Юденичу о совещании участников подготовки восстания в Петрограде от 29 октября 1919 г.) остались в личных делах генерала Н.Н. Юденича. Поэтому сведения о деятельности генерала Владимирова в Петрограде во время подготовки октябрьского наступления чрезвычайно скудны. Приходится пользоваться лишь немногими доступными источниками, появившимися в еще советское время.

Так, авторы «Чекисты Петрограда на страже революции» сообщают о захвате участника заговора, белого курьера, сына генерала А. Сапожникова, Алексея Алексеевича Сапожникова, внося в свой текст обязательную для того времени догматическую фразеологию: «2 ноября (1919 г. — *Н.Р.*) красноармейский патруль задержал у станции Преображенская (ныне

Толмачево) курьера белогвардейско-французской шпионской организации Алексея Сапожникова. Курьер прибыл с линии фронта с фальшивыми документами на имя А.А. Лямина. Он должен был перейти к белым и передать начальнику разведки Юденича генералу Владимирову секретную сводку о дислокации, вооружении и боеспособности красноармейских частей в районе Гостлицы—Гатчина, именно на том участке, где белогвардейцы уже многие сутки в упорных боях удерживали оборону и накапливали силы для контрнаступления»²¹.

А.С. Корнатовский добавляет: «На допросе выяснилось, что Сапожников по поручению Германа (см. его биографию. — *Н.Р.*) уже был на той стороне фронта у начальника контрразведки штаба Юденича генерала Владимирова»²².

Наконец, те же авторы работы «Чекисты Петрограда на страже революции» приписывают генералу Владимирову подготовку «мятежа» — восстания, «в рядах защитников Балтийского побережья и морских подступов к Петрограду» после неудачного наступления эстонской дивизии в районе форта Красная Горка в конце октября 1919 г. Они утверждают, что «Идею использовать для этого последыш “Великой единой России” — организацию Берга (см. его биографию. — *Н.Р.*) начальнику разведки генералу Владимирову подсказал, видимо, Дитерихс (см. его биографию. — *Н.Р.*), который в те дни... был на фронте, т.е. при штабе отступающей белогвардейской армии...»²³

В тяжелые дни агонии Северо-Западной армии генерал Владимиров, будучи назначенным 7 декабря 1919 г. еще и начальником снабжения армии и произведенный 22 января 1920 г. в генерал-лейтенанты, оставался, без сомнения, одним из самых близких сотрудников генерала Юденича.

С прибытием в Ревель в феврале 1920 г. Г.А. Алексинского (пославшего, как мы помним, еще в августе 1919 г., с тогда еще полковником Владимировым, свое конфиденциальное письмо генералу Юденичу) генерал Владимиров участвует в переговорах с английской миссией (в помещении которой в Ревеле жил генерал Юденич, после попытки похищения его Булак-Балаховичем) о выезде генерала из Эстонии.

После получения эстонской визы 24 февраля 1920 г. генерал Юденич при непосредственном участии англичан выехал в Ригу, сопровождаемый генералом А.В. Владимировым и Г.А. Алексинским²⁴.

Перед отъездом из Ревеля генерал Владимиров оставил инструкции некоторым из своих подчиненных относительно связи с уцелевшими членами боевой организации в Петрограде.

В перехваченных органами ВЧК письмах оставшихся в Ревеле сотрудников Особого отдела генералу Глазенапу дважды упоминается имя генерала Владимирова. Так, поручик А.Н. Берн в своем письме от 2 сентября 1921 г. сообщает, что «перед отъездом генерала Владимирова, с его ведома, приняли предложение Эстонского Генерального штаба работать по освещению Совдепии. Благодаря этому, нами все время поддерживается связь с Петроградом, но осведомительная работа не ставилась на широкую ногу из-за отсутствия возможности принести пользу в национальном отношении»²⁵.

В тот же день, видимо с той же оказией, подполковник Валь, упоминая поручика Берна и ротмистра Ленца, пишет: «С благословения генер[ала] Владимирова, мы вступили в связь с эстонцами по работе в Петрограде... С эстами мы работаем безвозмездно и поддерживаем свое существование мелкими торговыми операциями». Далее он жалуется, что не получил ничего, в то время как «...Владимиров прислал ротм[истру] Ленцу и поручику Бекману (Берн) по 1000 крон!»²⁶

Согласно записи в дневнике М.С. Маргулиеса от 23 апреля 1920 г. в Лондоне, «...сюда приехал генерал Юденич с генералами Глазенапом и Владимировым»²⁷.

Не задерживаясь долго в Лондоне, генерал Юденич вместе с генералом Владимировым уже в мае 1920 г. переехал в Париж, где поддерживал тесные дружеские отношения с Г.А. Алексинским.

Весьма вероятно, что во второй половине 1920 г. или в самом начале 1921, генерал Владимиров, благодаря связям Г.А. Алексинского, вошел в сношения с Б.В. Савинковым, возглавлявшим в этот период «Русский политический комитет» в Варшаве, пользовавшийся французской и польской поддержкой во время советско-польской войны 1920–1921 гг., о чем косвенно свидетельствует приводимая ниже «Сводка иностранного отдела ВЧК» от 21 августа 1921 г.

Однако в январе 1921 г. генерал Владимиров находился еще в Париже и притом «несколько нуждался», что видно из переписки генерала Юденича с его поверенным в делах в Париже адмиралом В.К. Пилкиным.

Так, в начале 1921 г., среди очередных дел, по которым адмирал Пилкин высказывал свое мнение генералу Юденичу, стоял вопрос об организации помощи чинам Северо-Западной армии в Париже. Отвечая на предложение генерала Юденича возглавить этот комитет, адмирал Пилкин писал ему 21 января 1921 г.: «Вам угодно для этого избрать меня, причем Вы предлагаете включить в комиссию П.К. Кондзеровского или Владимирова. Я считаю для себя совершенно невозможным отказать Вам, Николай Николаевич, в содействии». Пилкин говорил, что будучи моряком и незнакомым «...с прохождением службы, плохо знакомым с личным составом нашего С[еверо]-З[ападного] фронта... я бы думал, что лучше Вам во главе этого дела поставить сухопутного офицера, бывшего в С[еверо]-З[ападной] армии. Кондзеровский знает многих, но он занят и потом, кажется, не может, по доброте своей, быть неумолимым. Может быть, — заключает адмирал Пилкин, — Владимиров, который по-видимому несколько нуждается, принял бы это место (я ничего ему еще не говорил)».

Продолжая обсуждать кандидатуру на возглавление комитета, адмирал Пилкин писал: «Владимиров не без интриги, но дело то уж очень ясное. Одному ему будет неудобно, назначьте в комиссию, если угодно меня, а всего бы лучше А.Н. Лушкова»²⁸.

На это письмо адмирала Пилкина генерал Юденич кратко ответил в письме от 31 января 1921 г.: «Как организовать дело помощи подумаем, Кондз[еровский] очень уж снисходителен, не может отказать и поддается влиянию, всем будет править Владимиров, а верить все Владимирову мне бы не хотелось, очень он уж погряз в делах разведки и политики. Надеюсь, приедете и потолкуем»²⁹.

Вопрос об организации комитета помощи чинам Северо-Западной армии так и не был окончательно решен. Вместе с ним отпала и проблема кандидатуры генерала Владимирова. Видимо, генералу Юденичу стали известны связи генерала Владимирова, совместно с генералом Глазенапом, с парижской и пражской группой эсеров, а через них и с Б.С. Савинковым³⁰.

Это косвенно подтверждает «Сводка Иностранного Отдела ВЧК о русских белогвардейских организациях в Берлине...» от 24 августа 1921 г., автором которой является, согласно составителям сборника документов, начальник Инос-

транного отдела ВЧК, а адресатом — сам заместитель председателя ВЧК-ГПУ И.С. Уншлихт:

...Ген[ерал] Глазенап, после совещания в Праге с Махиным вошел в сношения с [социалистами]-р[еволюционерами] и получил от них средства на работу... В то же время, он подтверждает свою связь с генералом Владимировым (Новогребельским), который сейчас находится в Риге. Эта личность, по аттестации одного из видных правых деятелей, является одной из крупнейших фигур в белом движении. Человек очень способный, хитрый и не ищущий блеска, предпочитаемая в тени делать большие дела. Раньше был фактически руководителем всех предприятий ген[ерала] Глазенапа (в некоторых сводках отмечались также его сношения с парижскими социалистами)-р[еволюционер]ами). Загадочное поведение генерала Глазенапа, несомненная связь его с [социалистами]-р[еволюционерами] и нахождение в Риге ген[ерала] Владимирова, заставляет думать, что там что-то затевается. В ближайшее время нами командирован в Ригу агент с соответствующим заданием»³¹.

В действительности генерал А.В. Владимиров был одним из представителей Петроградской боевой организации за границей. В письме к Ю.П. Герману от 26 апреля 1921 г. генерал А.В. Владимиров сообщает о себе: «Я пролежал после неудачи (Кронштадтского восстания. — *Н.Р.*) один месяц... Сейчас еще не вполне оправился, но бегаю, т.к. запустил немного дела за свое лежание. Ведь было 40,9 и бредил...» О материальном положении он добавил: «До осени финасово, может быть протяну, а там придется работать, дабы быть сытым...»³²

Это все наши сведения о генерале А.В. Владимирове и о его деятельности. Нам остались неизвестными дата и место его кончины. Попытки найти его могилу на Покровском кладбище в Риге не увенчались успехом.

Георг Федор Александрович Генерал-майор

Родился 16 сентября 1871 г. в Эстляндской губернии, в семье титулярного советника. Православного вероисповедания.

Окончил 5 классов Юрьевской гимназии и 19 октября 1889 г. вступил на правах вольноопределяющегося 2-го разряда в 89-й пехотный Беломорский полк рядовым. 15 августа 1891 г., будучи младшим унтер-офицером, командирован в Санкт-Петербургское юнкерское училище. 30 августа выдержал приемные экзамены и был переведен в Виленское пехотное юнкерское училище.

2 августа 1893 г., по окончании курса по 2-му разряду, был переименован в подпрапорщики и прибыл из училища в полк.

1 января 1895 г. произведен в подпоручики. 11 марта 1897 г. назначен батальонным адъютантом 2-го батальона. 1 апреля 1899 г. произведен в поручики и 5 мая 1902 г. назначен полковым адъютантом.

1 апреля 1903 г. произведен в штабс-капитаны. 6 декабря 1909 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени в связи с представлением Его Императорскому Величеству в составе делегации по случаю зачисления в списки полка Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. 5 февраля 1906 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени, 20 сентября того же года — орденом Св. Станислава 2-й степени.

20 декабря 1906 г. назначен командующим 1-й ротой и 6 декабря 1907 г. произведен в капитаны. 6 декабря 1909 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени, 1 ноября 1910 г. принял полковую учебную команду. 31 января 1912 г. командирован для прохождения курса в Офицерскую стрелковую школу. Окончил курс с оценкой «успешно» и 30 сентября 1912 г. вновь принял учебную команду.

С 1 по 12 ноября 1912 г. в качестве временного члена был прикомандирован к Ревельскому военному суду.

30 августа 1914 г. с родным полком, действовавшим в составе 23-й пехотной дивизии, перешел границы Российской империи и участвовал в Галицийской битве, в которой беломорцы отличились на реке Сане. 6 декабря 1914 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

11 декабря 1914 г. назначен командующим 4-й роты. Во время упорных боев в Карпатах временно командовал 4-м батальоном. 21 января 1915 г. принял 1-й батальон. В январе 1915 г. награжден мечами к ордену Св. Анны 2-й степени и ордену Св. Станислава 2-й степени. 27 февраля за боевые отличия произведен в подполковники и утвержден в должности командира 1-го батальона. 10 апреля 1915 г. награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

С 7 апреля по конец июня 1915 г. временно командовал 92-м пехотным Печорским полком, после чего сдал 1-й батальон Беломорского полка и был назначен наблюдающим за учебными командами 23-й пехотной дивизии. 29 октября 1915 г. приказом по 8-й армии № 821 награжден Георгиевским оружием. Это награждение было утверждено Высочайшим приказом от 4 августа 1916 г.

«Командиру 470-го пехотного Данковского полка Федору Георгу за то, что, состоя в рядах 89-го пехотного Беломорского полка, в бою 19 марта 1915 г. в Карпатах, у высоты 1228, у дер. Береги-Горные, командуя не только своим батальоном, но и приняв начальство, как старший, над всем боевым порядком, повел в атаку на высоту 1228, являющуюся тактическим ключом и после упорного боя, взял ее, а затем, будучи окружен почти со всех сторон, опять сбил неприятеля и окончательно принудил его оставить важную позицию. При этом являл собой пример мужества и храбрости, первым бросаясь на противника при штурме и этим увлекая всех чинов батальона и взяв в плен 10 офицеров, 1242 нижних чинов и 2 пулемета»¹.

16 ноября 1915 г. произведен в полковники за отличие в боях. 8 июня 1916 г. командирован в Ревель для формирования 118-й пехотной дивизии. 25 июня 1916 г. назначен командиром 470-го пехотного Данковского полка. 27 января 1917 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

30 декабря 1917 г. уволен от службы «за болезнью» из резерва чинов при штабе Петроградского военного округа².

В начале 1918 г., полковник Ф.А. Георг вернулся в Ревель,

где его жена, Амалия Августовна, уроженка Эстляндской губернии, дочь купца 1-й гильдии Августа Бринкмана, постоянно жила с сыном Николаем и дочерью Валентиной.

Первым приказом от 18 декабря 1918 г. вступивший в командование («как старший в чине») отрядом русской самозащиты эстонского края генерал-майор Геннингс назначил полковника Георга штаб-офицером для поручений³.

7 февраля 1919 г. генерал-майор Геннингс подписал приказ № 39, где в § 5 сообщается: «Полковник Георг, рапортом от 7 февраля за № 1 донес, что он убыл во временную командировку на фронт для временного командования отрядом»⁴.

Эти сухие сведения о кратком мирном периоде жизни полковника Георга говорят о верности избранному им пути военного служения России. Он один из первых вступает добровольно в русский отряд самозащиты, он один из первых уходит на фронт, с тем чтобы принять командование отрядом.

Из этого отряда на Нарвском фронте, в который входили Островский полк тогда еще полковника Ананьева, Ревельский полк полковника Ежевского, партизанский отряд поручика Данилова и конный отряд полковника Бибикова, была в марте 1919 г. сформирована 1-я бригада Северного корпуса. «Бригадой командовал, — как пишет генерал Родзянко, — полковник Георг»⁵.

Планируя майское наступление Северного корпуса, генерал Родзянко разделил на главном направлении силы корпуса на три отряда: отряд полковника Ветренко, отряд полковника Палена и отряд полковника Георга в составе офицерской роты и Ревельского полка, который «...должен был занять ст. Низы»⁶.

К вечеру первого дня наступления, 13 мая, продолжает генерал Родзянко, «...главные силы полк. Палена, полк. Георга и полк. Ветренко подошли к реке Плюссе и дружным ударом заняли переправы»⁷.

17 мая полковник Пален взял станцию Веймарн на Балтийской железной дороге и вышел в тыл ямбургской группе 7-й армии красных. В связи с этим генерал Родзянко подчинил полковнику Палену все войска на Гатчинском направлении, в том числе и отряд полковника Георга. Ревельский полк с занятием Ямбурга остался в городе, а офицерская рота была расформирована.

Сам же полковник Георг был назначен «...начальником участка между реками Лугой и Плюссой для организации местных добровольческих дружин, назначения волостных ко-

мендантов и принятия мер к обороне реки Плюссы»⁸. Ему подчинялись небольшие части, в том числе рота Ревельского полка под командой полковника Бадендыка, которому тоже было указано усилиться добровольцами из местных жителей и удерживать участок между озером Самро и рекой Лугой⁹.

С назначением произведенного в генерал-майоры А.Ф. Дзержинского командиром 1-й стрелковой дивизии полковник Георг был назначен его помощником. Они вместе закончили формирование полков дивизии — сначала Ревельского и Колыванского, а затем Георгиевского и Гдовского. В ходе этого доформирования велись часто затяжные бои на фронте от станции Плюсса до станции Новоселье Варшавской железной дороги. Приказом по Северо-Западной армии № 137 от 1 июля 1919 г.: «награждаются за боевые отличия... помощник командира 1-й стрелковой дивизии полковник Георг — мечи к ордену Св. Владимира 3-й степени»¹⁰.

За успешные бои в районе озера Самро в конце августа 1919 г., когда 1-я стрелковая дивизия совместно с бригадой полковника Пермикина отразила наступление 2-й и 19-й дивизий красных, полковник Георг был 10 сентября 1919 г. произведен «за боевые отличия» в генерал-майоры.

Генерал-майор Георг, уже как командир 2-й бригады 1-й стрелковой дивизии, участвовал в октябрьском наступлении на восток, выйдя на Витебскую железную дорогу в районе станции Батецкая, а затем после переброски дивизии на Петроградское направлении — в обороне Гатчины.

23 ноября 1919 г., приказом по Северо-Западной армии, генерал-майор Георг был утвержден командиром 2-й бригады 1-й стрелковой дивизии.

В связи с ликвидацией Северо-Западной армии в январе 1920 г. генерал-майор Георг вернулся к семье в Ревель, где и поселился.

В сохранившихся в Государственном архиве Эстонской республики протоколах допросов в следственной спецчасти УНКВД Ленинградской области от 18 июня 1940 г. упоминается имя проживающего в Таллинне «Георга Федора Александровича, генерал-майора армии Юденича, работающего на железной дороге контролером».

Не вызывает сомнения, по тону протоколов допросов, что генерал-майор Ф.А. Георг был арестован органами НКВД. Окончил ли он свои дни в одном из лагерей ГУЛага или был сразу приговорен к «высшей мере» и расстрелян, нам осталось неизвестным.

Герман Юрий Павлович Штабс-капитан*

Родился 19 декабря 1896 г. в Санкт-Петербурге в семье полковника. Окончил 2-й кадетский Императора Петра Великого корпус в 1913 г. и 31 августа того же года был зачислен в Михайловское артиллерийское училище. Окончил ускоренный курс училища и 1 декабря 1914 г. был произведен в подпоручики. Это был последний выпуск подпоручиками. С января 1915 г. выпускали прапорщиками.

22 декабря 1914 г. был зачислен во 2-ю батарею запасного артиллерийского дивизиона в Двинске, 28 февраля командирован в штаб 10-й армии¹.

В 1917 г. штабс-капитан 2-й артиллерийской гвардейской бригады².

Нам осталось неизвестным, когда во время демобилизации армии в 1917 г. штабс-капитан Ю.П. Герман прибыл из Особой армии, в состав которой входила 2-я артиллерийская гвардейская бригада, в Петроград и каким образом он оказался в разведывательном отделе штаба Северо-Западной армии.

Дела этого отдела отсутствуют в коллекции генерала Юденича как в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, так и в Гуверовском институте Стэнфордского университета³.

Дела арестованных ЧК соучастников Ю.П. Германа не опубликованы и неизвестно сохранились ли они. Частично доступ к ним имел Н.А. Корнатовский⁴, на работы которого ссылаются авторы книги «Чекисты Петрограда на страже революции» и,

* «Полковник» в период тайных командировок от штаба Северо-Западной армии в Петроград.

наконец, Г.Е. Зиновьев, опубликовавший 23 ноября 1919 г. в «Петроградской Правде» выдержки из некоторых следственных дел (см. подробнее биографию Б.П. Берга).

Когда речь идет о Германе, авторы книги «Чекисты Петрограда...», в отличие от характеристики других участников подготовки восстания, отступают от принятого еще со времен упомянутой статьи Г.Е. Зиновьева штампа, сводившего всю деятельность тайных белых организаций в тылу Красной Армии к выполнению шпионских заданий иностранных разведок и, в частности, вездесущего английского резидента Поля Дюкса. Они признают, что последний «...старался держаться по-дальше» от подготовки «вооруженного мятежа в городе, на случай нового наступления Юденича»⁵. Но именно это было главной задачей Ю.П. Германа, ради которой он многократно переходил линию фронта, а начиная с сентября 1919 г., надолго остался в Петрограде.

Второй задачей, порученной Герману генералом Юденичем⁶, было формирование «Временного Петроградского правительства», которое генерал Юденич намеревался противопоставить Северо-Западному правительству, сформированному под давлением английского генерала Ф. Марша 12 августа 1919 г., что естественно сохранялось в тайне от англичан. Не вызывает сомнения, что, выполняя эту задачу, Ю.П. Герман действовал независимо и, конечно, вне ведения представителя Поля Дюкса в Петрограде М.И. Петровской.

Как мы уже указывали (см. биографию генерала Н.Н. Юденича), выполняя поручение по формированию правительства, Герман, видимо, при посредничестве бывшего подполковника Г.И. Лебедева, обратился к членам Национального Центра профессорам В.Н. Таганцеву и А.Н. Быкову. Характерно, что единственным членом этого правительства из находящихся за границей был лидер Национального Центра на Севере России профессор А.В. Карташев — член Политического Совещания при генерале Юдениче в период его пребывания в Финляндии. Профессор А.Н. Быков провел переговоры с кандидатами в члены кабинета (все за исключением А.В. Карташева находились тогда в Петрограде) и согласился возглавить это независимое правительство после занятия Северо-Западной армией Петрограда (см. биографию Н.Н. Юденича).

Последний раз Ю.П. Герман перешел линию фронта и прибыл в Петроград в середине сентября 1919 г.⁷, в сопровождении молодых помощников: морских офицеров лейтенанта Г.А. Пражмовского и мичмана С.И. Романова (см. их биографии).

Приступая к выполнению своей задачи по подготовке восстания, он сразу начал действовать и в этом плане с помощью бывшего подполковника, а осенью 1919 г. — инспектора артиллерии Петроградского Военного округа Георгия Ивановича Лебедева (см. его биографию), которого, по-видимому, хорошо знал еще раньше. Близость к организации Таганцева—Лебедева облегчила Герману выполнение его первой задачи, так как в распоряжении Лебедева уже были многочисленные участники его организации. Среди них упоминаются братья Сергей (Алексеевич) и Алексей (Алексеевич) Сапожниковы, сыновья генерала А[лексея] В[асильевича] Сапожникова⁸, добывавшие оружие и создававшие склады оружия, а помимо того переходившие через линию фронта в качестве курьеров в штаб Северо-Западной армии.

Через начальника радиостанции Балтийского флота в Новой Голландии (Петроград) мичмана Н.Э. Рейтера Лебедев добыл для Германа шифрованные телеграммы от штаба армии⁹. В организации Лебедева находился исключительно ценный сообщник — «уполномоченный Реввоенсовета по перевозкам инженерных войск при штабе 7-й армии Александр Яковлевич Лихтерман. Он... обещал в ответственный момент, т.е. в день мятежа, предоставить в распоряжение своих новых сообщников 22 грузовика и броневедомоцикл»¹⁰.

Герман смог если не объединить, то связать организацию Г.И. Лебедева и профессора В.Н. Таганцева с организацией И.Р. Кюрца, куда входили армейская группа офицеров во главе с полковником В.Я. Люндеквистом и морская во главе с адмиралом М.К. Бахиревым. Во всяком случае, письмо-рапорт И.Р. Кюрца лично генералу Юденичу от 29 октября 1919 г., на которое мы уже ссылались, подтверждает, что к 10 октября 1919 г., когда Ю.П. Герман, в сопровождении двух курьеров из организации И.Р. Кюрца — Паулина и Пиотровского перешел фронт и прибыл в штаб Северо-Западной армии, генералу Юденичу были известны в общих чертах все силы подготовки восстания в Петрограде.

Однако Герман при объединении этих подпольных групп

пировок предусмотрительно не ознакомил всех руководителей со всеми главными участниками, благодаря чему фактический лидер Национального Центра в Петрограде профессор В.Н. Таганцев не был арестован во время раскрытия подпольных групп в ноябре 1919 г. петроградской ЧК и уцелел во время расстрелов в январе 1920 г.

Для оценки деятельности Ю.П. Германа в Петрограде весьма важно сравнить вышеприведенные сведения о ней из советских источников с точкой зрения другой стороны. Она отражена в статье «Слава Павшим», опубликованной в 4-м номере журнала «Служба Связи Ливенцев и Северозападников» за 1931 г. и подписанной псевдонимом «Митрич». Судя по информации, которой располагал автор, он, будучи сам на службе в разведывательном отделе штаба Северо-Западной армии, лично знал Ю.П. Германа и его помощников — лейтенанта Г.А. Пращмковского и мичмана С.И. Романова. Зная осторожность, порядочность и искреннюю преданность Белому делу св. кн. А.П. Ливена, — а он был не только фактическим издателем но и редактором журнала, — можно отнестись с доверием к автору статьи, тем более, что его не мог не знать лично князь А.П. Ливен.

«Митрич», перечисляя известные ему факты из деятельности Ю.П. Германа в Петрограде, упоминает некоторые части Красной Армии из охраны Петрограда, готовые «...вернуть свои штывы против большевиков»¹¹. И далее: «Если... в революционном совете седьмой советской армии нашелся человек, в котором то ли совесть заговорила, то только с Германом поддерживал связь и выдавал все белым — товарищ Лихтерман»¹². «И на Гороховой — в Чека — если завелся хотя бы внешне помогавший белым человек, то только безумным риском Романова (помощником Германа. — *Н.Р.*) можно было осмелиться заговорить, с хотя и носившим когда-то погоны, но все-таки помощником начальника особого отдела...»¹³ Речь, очевидно, идет о капитане 2-го ранга А.Н. Гаврищенко (см. его биографию). «Минно-подрывной дивизион (Карпова. — *Н.Р.*)... для чего существовал этот дивизион, как не для того, чтобы с легкостью пропускать и Германа и Романова и Пращмковского через фронт...»¹⁴

И наконец: «Воздушная оборона Петрограда (С.А. Лишин. — *Н.Р.*) — все одиннадцать батарей ждали сигнала открыть огонь по Смольному, Гороховой, Дворцовой площади... кто как

не Герман помог гениальному плану (о нем когда-нибудь позже) полковника Георгия Ивановича Лебедева свернуть все команды на белый путь...»¹⁵

Автор статьи «Слава Павшим» оговаривается, что все сделанное Германом «...вовсе не значит, что другие были менее доблестны, что все кто сооружали свои ветки движения были менее толковыми или храбрыми, или не так самоотверженны. Вовсе нет: сам Герман... только умел поразительно настраивать людей и внушал им безграничное доверие — то доверие, при котором только и может существовать заговор, конспирация, секретная организация»¹⁶. «Северо-Западной армии, — заключает он, — должна быть дорога память Германа и его друзей: они были частью армии в стане врага»¹⁷.

Группа Германа не распалась после отступления и ликвидации Северо-Западной армии. «Узнав от перебежчиков о наступлении страшного террора в январе 1920 г., — пишет «Митрич», — Пращмковский и Романов стремятся в Петроград, помочь выяснить обстановку, вывести кого еще можно... (многозначие автора). Но в первом же пути красная засада их захватывает»¹⁸.

Они просидели в тюрьме полтора года. Совершили неудачную попытку бежать. Были расстреляны 25 августа 1921 г. вместе с другими по делу Петроградской боевой организации профессора В.Н. Таганцева.

После их ареста Герман продолжал свою активную деятельность, осуществляя связь между Финляндией и Петроградом и поддерживая ее с сохранившимися участниками подготовки восстания в Петрограде. В частности, он выполняет поручения генерала Юденича о денежной помощи ряду лиц в Петрограде, получая значительные суммы от представителя генерала Юденича в Гельсингфорсе генерала П.К. Кондзеровского. (См. его письма от 30 апреля и начала мая 1920 г. в его биографии.)

В конце 1920 г. Герман, благодаря своим старым связям с Национальным Центром, становится членом комитета, возглавлявшего Петроградскую боевую организацию, созданную профессором Владимиром Николаевичем Таганцевым. Видимо, деятель Национального Центра еще до ареста его главы — инженера В.И. Штейнингера, профессор Таганцев вместе с другим членом комитета полковником В.Г. Шведовым уделяли много времени и сил пропаганде, особенно после

восстания в Кронштадте в марте 1921 г., а Ю.П. Герман осуществлял связь с зарубежными представителями Петроградской боевой организации, многократно лично (свыше пятидесяти раз согласно сведениям «Митрича») переходя границу с Финляндией. По некоторым сведениям, во главе этого зарубежного центра Петроградской боевой организации стояли в Париже бывшие руководители Национального Центра А.В. Карташев, П.Б. Струве и генерал А.В. Владимиров¹⁹.

В марте 1921 г. представители ПБО Ю.П. Герман и А.Н. Толь прибыли в Кронштадт и связались с председателем Кронштадтского ВРП Петриченко.

Уже зная о гибели Германа, профессор В.Н. Таганцев показывал о нем на следствии: «Меня поражала всегда его удивительная выносливость. Раненный во время Европейской войны несколько раз, с очень сильной кантузией, сопровождавшейся болезнью сердца и целым рядом нервных явлений, он с открывавшимися часто ранами проходил через болота с довольно тяжелым грузом корреспонденции, газет и иногда денег. А его хладнокровие! Он прекрасно знал, что его фотография имеется у агентов Особого отдела в Шувалове, знал, что за ним была специальная охота»²⁰.

В мае 1921 г. большинство причастных к делу Петроградской боевой организации было арестовано. 24 августа 1921 г. профессор В.Н. Таганцев, полковник В.Г. Шведов, лейтенант флота П.В. Лебедев и другие руководители Петроградской боевой организации были расстреляны по постановлению петроградской ЧК.

Ю.П. Герман погиб несколько раньше²¹ при переходе границы, нарвавшись на пограничную заставу. Как пишет «Митрич», «пока спутник скрывался, Герман рассчитал свой наган: пять пуль пяти чекистам, шестая себе в сердце»²².

Фон Глазенап
Петр-Владимир-Василий Владимирович
Генерал-лейтенант

Родился 2 марта 1882 г. в Гжатске, где служил его отец. Происходил из дворян Лифляндской губернии. Евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил 1-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В 1903 г. по окончании училища произведен в корнеты и вышел в 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала Миниха полк, в котором служили его дед и отец. В 1906 г. произведен в поручики. В 1910 г. — в штабс-ротмистры. В декабре того же года переведен в Гвардейский запасный кавалерийский полк поручиком. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В 1911 г. командирован в Офицерскую Кавалерийскую школу и по окончании двухгодичного курса оставлен в постоянном составе школы с производством в штабс-ротмистры¹.

В 1914 г. вышел на фронт Первой мировой войны в рядах полка Офицерской Кавалерийской школы. В 1915 г. командовал в чине ротмистра партизанским отрядом своего имени в тылу немцев; в 1917 г., уже в чине полковника, на фронте — отрядом из трех родов оружия, носившего имя «Ударного отряда полковника Глазенапа»².

В декабре 1917 г. полковник П.В. Глазенап прибыл с частью людей из своего отряда в Новочеркасск и поступил в распоряжение генералов Алексеева и Корнилова. В Добровольческой армии начал с командования 17-ью офицерами и солдатами-кавалеристами. В Первом Кубанском походе командовал сначала эскадроном, развернутым в ходе боев в 1-й конный полк Добровольческой армии, отмеченный за доблесть и мужество приказом генерала Корнилова. Командуя бригадой смешанного состава, занял с боя станицы Егорлыкскую,

Мечетинскую и Качалинскую. В конце 1918 г. был назначен Военным Губернатором Ставропольской губернии, одновременно возглавлял участок фронта. Приказом Главнокомандующего Добровольческой армией № 130 от 12 октября 1918 г. «за боевые отличия» произведен в генерал-майоры, одновременно с полковниками Улагаем, Кутеповым, Тимановским, Писаревым и произведенными на основании Георгиевского Статута Дроздовским и Корвин-Круковским. Это был первый приказ по Добровольческой армии о производстве в генеральские чины³.

Летом 1919 г. был откомандирован в Северо-Западную армию и в начале октября того же года прибыл в Нарву, где 18 октября 1919 г. был назначен командующим войсками театра военных действий и генерал-губернатором.

Вскоре после занятия Гатчины, в ночь с 17 на 18 октября 1919 г., вслед за штабом 1-го стрелкового корпуса, в город прибыл многочисленный штаб генерала Глазенапа. Уже 19 октября по его инициативе в Гатчине начала выходить ежедневная газета «Приневский Край», первым редактором которой стал, при ближайшем участии генерала П.Н. Краснова, проживавший в Гатчине писатель А.И. Куприн.

На вопрос Глазенапа: «Когда же мы увидим первый номер?» — Куприн ответил: «Завтра утром». «Это по-суворовски», — заключил генерал Глазенап.

В одной из книг Куприн дал портрет Глазенапа: «Он был очень красив: невысокий стройный брюнет с распущенными черными усами, с горячими черными глазами, со смуглым румянцем лица, с легкостью хорошего кавалериста и со свободными движениями светского человека»⁴.

После отступления Северо-Западной армии генерал Юденич решил сдать командование армией генералу Глазенапу. 24 ноября 1919 г. он произвел его в генерал-лейтенанты, а 26 ноября назначил командующим Северо-Западной армией.

1 декабря 1919 г. новый командующий отдал приказ, обещающий наладить работы тыла, обещая «беспощадно расправиться с теми, по чьей вине офицеры и солдаты фронта ходили оборванными и босыми»⁵. По его же приказу была создана в Ревеле ревизионная комиссия, возглавлявшаяся генералом А.К. Байовым.

Но, разумеется, Глазенап понимал, что в условиях, когда Эстония вела переговоры о мире с Советской Россией и не было возможно перевести сохранившиеся части на юг, в ар-

ПРИКАЗЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМІИ

№ 268.

18 Октября 1919 г.

г. НАРВА.

§ 1.

Согласно ст. ст. 10 и 13 Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, всѣ освобождаемыя отъ большевиковъ мѣстности считать театромъ военныхъ дѣйствій.

§ 2.

Согласно ст. 14 Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, Командующимъ войсками театра военныхъ дѣйствій и Генераль-Губернаторомъ назначаю состоящаго въ моемъ распоряженіи, Генераль-Маіора ГЛАЗЕНАПЪ.

Главнокомандующій
Генераль отъ Инфантеріи ЮДЕНИЧЪ.

мию генерала Врангеля, его роль сводилась к контролю и наблюдению за работой ликвидационной комиссии, созданной после 22 января 1920 г. Он был вместе с адмиралом В.К. Пилкиным, генералами А.В. Владимировым и графом А.П. Паленом, когда 30 января 1920 г. из сумм, полученных от адмирала Колчака, по распоряжению генерала Юденича в ликвидационную комиссию под председательством генерала графа А.П. Палена было внесено валютой 227 тысяч фунтов стерлингов и 260 тысяч финских марок.

24 февраля 1920 г. генерал Глазенап вместе с генералом Владимировым выехал, сопровождая генерала Юденича в вагоне, предоставленном английской миссией, в Валк (Валгу), с тем чтобы уехать в Латвию.

Из Риги Глазенап вместе с Юденичем и Владимировым прибыли в конце апреля 1920 г. в Лондон⁶, откуда вскоре переехали в Париж. Там генерал Глазенап окончательно расстался с генералом Юденичем.

Как и генерал Владимиров, он пытался найти средства для новых противобольшевистских формирований, равно как и для продолжения разведывательной деятельности, используя растущее недовольство внутри Советской России. Это ему в какой-то степени удалось благодаря связям генерала Владимирова с эсерами и Керенским в Париже.

В атмосфере только что кончившейся войны Советской России с Польшей, французский военный министр Барту обратился 21 апреля 1921 г. к Председателю Совета Министров Франции с письмом о помощи русским антибольшевистским организациям.

В этом письме он сообщал, что к нему «поступили просьбы от господ Керенского, Савинкова, Шульгина и генерала Глазенапа». Говоря о плане, предложенном генералом Глазенапом, министр Барту сообщает: «Этим планом предусматривается создание в Венгрии так называемой полицейской армии из бывших врангелевских частей, готовой вторгнуться в Галицию в направлении на Киев—Москву, используя внутренние восстания. Генерал Глазенап просит моральной помощи Франции»⁷.

Видимо, «план» генерала Глазенапа вызвал известный интерес во французском правительстве. Покровительство Керенского играло в те годы во Франции немаловажную роль.

В сводке Иностранного отдела ВЧК относительно планов интервенции в Советскую Россию от 21 сентября 1921 г. говорится, что из письма полковника Махина «выясняется, что ген[ерал] Глазенап находится на службе у Керенского, снабдившего его крупными суммами, полученными из французских источников»⁸.

Однако генерал Глазенап, в отличие от генералов графа А.П. Палена и Б.С. Пермикина, предпочел не присоединяться к формированиям 3-й Русской армии в Польше, подчиненной генералу Врангелю, а действовать независимо в Венгрии, где он начал формирование русского отряда с разрешения адмирала Хорти.

Чехословацкий военный атташе в Будапеште в рапорте своему правительству еще 8 февраля 1921 г. сообщал: «Рус-

ский контрреволюционный легион в Венгрии... организован генералом Глазенапом, который одновременно состоит комендантом этого легиона»⁹.

Далее в том же документе говорится, что «легион» насчитывает около 1500 хорошо вооруженных солдат и офицеров и расквартирован в лагере Фегервари в Будапеште, где «получает пособие от венгерского правительства и [субсидируется] организациями из заграницы».

Летом и осенью 1921 г. генерал Глазенап неоднократно посещал Варшаву, Мюнхен (где 26 августа 1921 г. он участвовал в секретном заседании Военного Совета при Высшем Монархическом Совете)¹⁰, Берлин, Прагу. В сводке Иностранного отдела ВЧК от 24 августа 1921 г. повторяется, что будучи в Праге, генерал Глазенап «вошел в сношения с [социалистами]-р[еволюционерами] и получил от них средства на работу»¹¹.

Эта активность генерала Глазенапа вызвала известное беспокойство в штабе Русской армии генерала Врангеля в Сремски Карловцах. Начальник штаба генерал П.Н. Шатилов направил запрос о деятельности генерала Глазенапа представителю генерала Врангеля и начальнику русской делегации в Германии генерал-лейтенанту И.А. Хольмсену.

Генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен пользовался полным доверием генерала Врангеля. Накопивший большой служебный опыт, талантливый офицер русской разведки (он, будучи военным агентом-атташе в Турции до начала Великой войны, передал в Генеральный штаб мобилизационный план турецкой армии и схему ее развертывания) сообщает в своем рапорте по поводу деятельности генерала П.В. Глазенапа, что последний «...ныне всецело занят мыслью создать какую-либо антибольшевистскую экспедицию. Несомненно, что при этом играет очень значительную роль и сильно развитое у него чувство честолюбия и желание сыграть самостоятельную роль в борьбе с советской властью. К сожалению, генералом Глазенапом не было проявлено особого желания координировать свои планы с работой, которая ведется штабом Русской армии... В последнее время генерал Глазенап носится с мыслью устроить вооруженное восстание на границе с Эстонией... Генерал Глазенап не отрицает, что для устройства подобных восстаний он не откажется от денег, откуда бы они ни были, даже от социалистов-революционеров».

Заключая свой рапорт, генерал И.А. Хольмсен писал: «Ни сам Глазенап, ни большинство окружающих его людей не пользуются особым уважением в широких местных офицерских кругах... Ввиду того, что генерал Глазенап не обладает достаточным престижем и о его поведении идет дурная слава... казалось бы, что трудно ожидать какого-либо успеха от его деятельности в области сокрушения советского могущества»¹².

Впрочем, не трудно было предвидеть, что в связи с изменением международной обстановки после Генуэзской конференции (апрель—май 1922 г.) поступление французских и прочих субсидий было остановлено и намерения генерала Глазенапа повисли в воздухе.

Русский отряд в Венгрии расплылся, его участники ушли в беженскую жизнь. Сам генерал Глазенап обосновался в Варшаве, где ему удалось создать небольшое деревообрабатывающее предприятие¹³.

Глазенап отверг предложение германского фельдмаршала Кейтеля в начале советско-германской войны об использовании русских эмигрантов в борьбе против большевизма, указав на отсутствие российского правительства и нежелание германских властей создать русскую армию¹⁴.

В ходе Второй мировой войны генерал Глазенап переехал в Германию и обосновался в Мюнхене. Уже после окончания Второй мировой войны, уступая просьбам бывших соратников генерала Власова, там же он возглавил Союз Андреевского Флага, председателем которого остался до дня своей кончины¹⁵.

Несмотря на то, что девизом Союза было «За Веру и Верность России», генерал Глазенап подвергался критике и нападкам со стороны некоторых органов эмигрантской печати, в частности газеты И. Солоневича «Наша страна». В письме, опубликованном «Часовым» от 1 декабря 1950 г., генерал Глазенап дал ответ своим критикам, коснувшись в частности и своей биографии¹⁶.

Генерал-лейтенант Петр Владимирович Глазенап скончался в Мюнхене 27 мая 1951 г. и похоронен на одном из мюнхенских городских кладбищ.

Гоштовт Георгий Адамович Полковник

Родился 15 сентября 1891 г.¹ Уроженец Радомской Губернии (Польша). Принадлежал к старинной русско-литовской дворянской семье. Православный. Автор многочисленных военно-исторических и литературных произведений.

Зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора 3 апреля 1900 г. Определен в Пажеский Его Величества Корпус 7 ноября 1903 г. Окончил курс по первому разряду и 6 августа 1910 г. был произведен в корнеты. Вышел в Лейб-гвардии Кирасирский Её Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк².

5 ноября 1910 г. командирован в состав опытной конно-пулеметной команды при Лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку. С 18 ноября 1910 г. заведующий полковой конно-пулеметной команды своего полка, с 6 мая 1914 г. — начальник команды связи, с которой вышел на фронт Первой мировой войны.

Участвовал во всех боях 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, начиная с Каушенского боя 6 (20) августа, во время Гумбиненского сражения в Восточной Пруссии.

Мы не располагаем сведениями (послужной список датирован 1911 годом) о многочисленных наградах полковника Г.А. Гоштовта за участие в боевых действиях Лейб-гвардии Кирасирского Её Величества полка в 1914—1917 гг., а сам он никогда о них не говорил.

После развала армии оказался в 1918 г. в Пскове, находившемся под германской оккупацией. Вместе с подполковником бароном Вольфом принадлежал к группе офицеров, поставивших перед германским командованием вопрос о необходимости русских военных формирований в Пскове,

имея в виду предстоящий перенос зоны германской оккупации на запад от Пскова.

9 октября 1918 г. в Псков прибыли представители германского командования (см. биографию ген. Вандама) с решением на формирование русских добровольческих частей, и на следующий день — 10 октября — состоялось открытие Бюро по приему добровольцев.

Как пишет заведовавший записью офицеров подполковник К.К. Смирнов: «Начальником бюро был назначен Лейб-гвардии Кирасирского Её Величества полка ротмистр Гоштовт, немало хлопотавший о получении разрешения на формирование армии»³.

Ротмистр Гоштовт руководил записью добровольцев не только в Пскове, но и в Острове и в Режице. Он оставил Псков вместе со штабом, уже возглавляемым полковником Нефом, 25 ноября 1918 г.

8 декабря 1918 г. командующий Северным корпусом полковник Неф подписал договор с эстонским правительством о совместной борьбе с большевиками, при условии снабжения корпуса продовольствием и снаряжением за счет эстонской армии, и уже 8 декабря в Ригу прибыл ротмистр Гоштовт с очевидной целью остановить переговоры начальника штаба корпуса ротмистра фон Розенберга с немецким командованием.

16 декабря он вошел вместе с генералом Родзянко, князем Ливеном и ротмистром Розенбергом в состав делегации, которую принял командующий английской эскадрой в Балтийском море адмирал Синклер. Покинув это безрезультатное совещание «неудовлетворенными» (см. биографию генерала Родзянко), делегация разделилась. Св. князь Ливен остался в Либаве для формирования русских частей с помощью германского командования, а генерал Родзянко, ротмистры Бибиков и Гоштовт отплыли вскоре в Ревель, поступив в распоряжение командующего Северным корпусом.

Вскоре после принятия генералом Родзянко командования Северным («Псковским») корпусом, развернутым уже в Северо-Западную армию, ротмистр Гоштовт был откомандирован в Польшу, где в Варшаве возглавил специальную миссию для вербовки добровольцев в Северо-Западную армию⁴. Как сообщает генерал П.А. Томилов, располагавший личным архивом генерала Юденича, ротмистр Гоштовт наткнулся в Польше на

почти непреодолимые трудности при отправке добровольцев в армию, хотя запись их проходила весьма успешно.

С одной стороны, отправка добровольцев через Данциг была невозможна из-за отказа союзников предоставить тоннаж для отправки их морем в Ревель. С другой, отправленные по железной дороге эшелоны задерживались в Митаве Бермонтом-Аваловым, заставлявшим добровольцев почти насильно вступать в его корпус⁵. Только немногим удалось добраться до Нарвы, в частности небольшой части Тульской дивизии, перешедшей на сторону поляков и после долгих мытарств по лагерям Польши отправленной в Северо-Западную армию.

В конце 1919 г. ротмистр Гоштовт был произведен в полковники. Приказ о производстве не сразу достиг его, и он числился некоторое время еще ротмистром.

После ликвидации Северо-Западной армии выехал через Данциг во Францию, где жил порой в нелегких материальных условиях, занимаясь военно-литературной и общественной деятельностью.

Он является составителем трехтомного труда, посвященного Кирасирскому Его Величества полку: том 1 — «Кирасиры в Великую войну», изд. «Возрождение», 1938 г. — 222 стр. (у А. Геринга); том 2 — «Участие в Белом Движении», изд. полковника С.Л. Сафонова, 1942. — 216 стр.; том 3 — «Жизнь за рубежом», изд. Объединения Кирасир Его Величества, год не указан — 368 стр. со списочным составом полка при выходе на войну и со списком Объединения Кирасир Его Величества на март 1944 г. (3-й том составлен совместно с ротмистром В. Розеншильдом-Паулином)⁶.

Издание этого труда было задумано группой офицеров гвардейской конницы в Париже, собравшейся по инициативе генерала Эристового 6 декабря 1931 г. В нее входили В.Л. Бибиков, К.Н. Бобриков, Б.Д. Геништа, Г.А. Гоштовт и другие. Тогда же было принято решение: «Принимая во внимание, что архивы полков и батарей уничтожены и что воспоминания о действиях частей в Великую войну постепенно стираются в памяти ее участников... собравшаяся группа берет на себя инициативу организаций военно-исторических собраний именуясь впредь «Организационной Группой Военно-Исторических Собраний Гвардейской Конницы»⁷. Далее предлагалось устроить доклады о действиях частей за известный период времени, начиная с периода мобилизации⁸. В заключение на

собрании было решено просить генерала Эрística принять на себя председательство группы и руководство собраниями, Г.А. Гоштовта избрать секретарем группы⁹.

В 1934 г. скончался председатель Гвардейского Объединения генерал Кауфман-Туркестанский. Его сменил генерал Лехович. На первом же созванном им собрании представителей Гвардии, было выражено настоятельное пожелание расширить военно-историческую работу гвардейской конницы на всю Гвардию. Здесь же была сформирована историческая комиссия Гвардейского Объединения. Председателем ее был избран генерал А.А. Гулевич, секретарем Г.А. Гоштовт¹⁰.

В то же время, благодаря докладам, прочитанным по инициативе генерала Эрística, и собранию многочисленных документов и материалов о боевых действиях Кирасирского Его Величества полка в Великую и Гражданскую войну, полковая историческая комиссия в составе полковников С.Л. Сафонова, А.Л. Каменского и ротмистра В.А. Розеншильда-Паулина решила «приложить все усилия, дабы увековечить оперативный период боевого служения родного полка в Мировой войне и в Белом Движении... Кирасир Ея Величества Г.А. Гоштовт взялся составить и написать историю участия полка в Великой войне»¹¹.

Помимо этого трехтомного труда Г.А. Гоштовт подготовил «Обзор действий Кирасир Ея Величества в войне 1914–1917 гг.», изданный посмертно в Мюнхене в 1956 г. (204 стр.).

Еще раньше были изданы его воспоминания: «Дневник кавалерийского офицера» (Париж, 1931, 194 стр. Указано в конце — «конец первого периода». Второй так никогда и не был опубликован. Манускрипты коллекции Г.А. Гоштовта находятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета); «Каушен». Повесть (Медон (Париж), 1931, 80 стр. Личные воспоминания автора о Каушенском бое 6 августа 1914 г., во время которого ротмистр барон П.Н. Врангель атаковал немецкую батарею в конном строю. Привлечены источники из немецкой военной литературы).

В течение многих лет Г.А. Гоштовт был постоянным сотрудником «Часового» и товарищем председателя Общества друзей журнала¹². Среди его статей и очерков укажем на очерк «Ленкова» из боевой жизни полка в 1915 г. («Часовой» № 100 от 15.03.1933, № 102 от 15.04.1933 и № 106 от 17.11.1933), а также «Сумерки Славы» («Часовой» № 127, с. 129–130 и 131–132).

Кроме того, Г.А. Гоштовт не раз выступал с докладами в различных объединениях военной эмиграции (например, «Гвардия на подступах к Петрокову» — доклад на собрании Гвардейского Объединения, прочитанный 26 ноября 1934 г. в помещении Союза Галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie, Paris); «Пажи в XVIII веке», прочитанный на собрании Союза Пажей в помещении Морского Собрания 18 ноября 1937 г. и многие другие).

В 40-х годах Г.А. Гоштовт одно время исполнял обязанности секретаря Историко-Генеалогического Общества под председательством Великого Князя Андрея Владимировича. На свой доклад «Военно-политические замыслы Лжедмитрия 1-го» в этом Обществе в конце 1948 г. он пригласил автора этих строк. В докладе использовал многочисленные польские источники.

Полковник Г.А. Гоштовт скончался от приступа астмы 8 декабря 1953 г. в Париже и похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Делль (Дель*) Роберт Францевич Полковник

Родился 21 июня 1879 г. в Санкт-Петербурге. Вероисповедания евангелическо-лютеранского. Из мещан Санкт-Петербургской губернии. Окончил училище Св. Анны в С.-Петербурге и юнкером рядового звания 9 сентября 1899 г. поступил в Московское военное училище. 13 августа 1901 г. окончил училище, произведен в подпоручики и назначен в 88-й пехотный Петровский полк.

27 августа 1904 г. отправился с полком на место военных действий в Маньчжурию. С 4 октября 1904 г. по 5 января 1905 г., а также в мае 1905 г. временно командовал 11-й ротой. 8 октября 1904 г. произведен в поручики. За время командования ротой награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. С 7 июня 1905 г. по 2 октября ординарец начальника 22-й пехотной дивизии. С 3 октября 1905 г. командирован в европейскую Россию для обучения новобранцев призыва 1905 г. С 10 августа 1906 г. по 4 января 1907 г. командирован в Череповец для несения охранной службы. С 22 января 1907 г. по 10 августа 1910 г. заведующий мобилизационной частью полка и школой подпрапорщиков.

10 сентября 1908 г. — штабс-капитан и 13 августа 1910 г. начальник пулеметной команды. 12 декабря 1913 г. назначен командующим 4-й ротой.

1 августа 1914 г. прибыл на театр военных действий и участвовал в тяжелых боях под Сольдау в составе 22-й ди-

* Так в послужном списке. Во всех других источниках пишется через два «л»: Делль.

визии 1-го армейского корпуса, отступавшего к русской границе во время поражения 2-й армии генерала Самсонова. Награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Ранен ружейной пулей в руку 13 октября 1914 г. 15 ноября 1914 г., после боев под Лодзью, назначен командующим 1-й сводной роты. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. Капитан.

С 1 декабря 1914 г. по 11 января 1915 г. и после излечения от ранения осколком в грудь, с 28 февраля по 29 апреля 1915 г. командовал 1-м батальоном. 29 апреля 1915 г. назначен командиром 2-й роты и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

С 28 марта по 24 сентября 1916 г. и с 25 октября 1916 г. по 5 февраля 1917 г. — командир 2-го батальона. 9 июня 1916 г. — подполковник. За бои на Стоходе во время Брусиловского наступления награжден Георгиевским оружием. 3 декабря 1916 г. произведен в полковники.

В феврале 1917 г. в составе 4-го батальона Петровского полка выделен на формирование 642-го пехотного полка и с 10 февраля 1917 г. помощник командира 642-го полка, а с 14 апреля 1917 г. — 643-го Соликамского пехотного полка. 8 апреля избран в депутаты полкового комитета. С 9 мая временно командовал полком и был членом полкового комитета.

21 июня 1917 г. назначен командиром 96-го пехотного Омского полка. После введения выборности командных должностей в армии 10 декабря 1917 г. не избран на должность командира 96-го пехотного полка. Подал прошение об отставке. 21 февраля 1918 г. уволен от службы¹.

После мобилизации в Красную Армию оставался по службе в Петрограде. Занимаемые им должности в 1918 г. нам неизвестны. В начале 1919 г. он был назначен начальником сухопутной обороны Кронштадтского сухопутного района. На этой должности он сблизился с командиром форта Красная Горка бывшим поручиком Н.Н. Неклюдовым и с его ближайшим помощником — командиром артиллерийского дивизиона, бывшим капитаном Н.М. Лощининым. Получив известие о начале восстания в ночь на 13 июня, полковник Делль отдал приказ 1-му и 2-му Кронштадтским полкам выдвинуться и занять станции Большую Ижору, Таменгонт и деревню Большие Борки, рассчитывая на соединение с белыми войсками Северного корпуса².

Посланный для связи с Северным корпусом подполковник Кусаков не нашел русских белых частей, а натолкнулся на ингерманландский отряд под командой финского офицера капитана Тополайнена. Последний, видимо, сознательно не счел нужным сообщить о прибытии представителей восставших ни своему соседу командиру Островского полка полковнику Ярославцеву, как было условлено, ни командованию Северного корпуса. Он информировал только английского адмирала В. Коуэна, находившегося со своей эскадрой в Биорке³.

Полковнику Деллю удалось в течение двух дней удерживать с восставшими 1-м и 2-м Кронштадтскими крепостными полками занятые на петроградском направлении станции и деревни, включая Лебяжье. Несмотря на обстрел с эсминцев с моря, все атаки сборной бригады Стороженко и экспедиционного отряда моряков были отбиты. Однако убедившись, что ни со стороны Северного корпуса, ни английской эскадры помощи ожидать больше не приходится, восставшие вынуждены были начать отступление к форту, находящемуся под обстрелом артиллерии линейных кораблей Кронштадта. К тому же подошедший батальон ингерманландцев покинул Лебяжье, отступив, не предупреждая, прямо к деревне Коваши.

Поздно вечером 15 июня форт был оставлен, а отступившие из него восставшие — разоружены и ограблены ингерманландцами. Вот как вспоминает об этом генерал А.П. Родзянко, находившийся в своем штабе в Нарве: «Уже ночью нам доложили, что на автомобиле приехал начальник гарнизона Красной Горки полковник Делль вместе с несколькими офицерами (здесь Родзянко ошибается: начальником гарнизона был поручик Н.Н. Неклюдов. — Н.Р.) От него я узнал, что ингерманландцы разоружили гарнизон и ограбили его дочиста, часть заложников расстреляли. Штабу, о переходе Красной Горки и о перестрелке ее с Кронштадтом, ингерманландцы умышленно ничего не доносили. Полковник Делль утверждал, что если бы английский флот своевременно оказал нам поддержку, то и Кронштадт перешел бы на нашу сторону»⁴.

Вместе с полковником Деллем генерал Родзянко отправился на следующий день в Ямбург, где он встретился с командиром ингерманландцев капитаном Тополайненом и «не стесняясь, высказал ему свое негодование по поводу всех этих действий»⁵. Родзянко напомнил ему приказ эстонского главнокомандующего, подчинившего ему ингерманландский от-

ряд в оперативном отношении. «Капитан Тополайнен отвечал мне вызывающе дерзко, причем позволил себе сказать, что он не знает, что генерал Родзянко командует Северным корпусом, а признает только капитана Питка как начальника»⁶. Родзянко «не выдержал его тона, вспылил и выгнал его вон из квартиры»⁷.

Из Ямбурга генерал Родзянко вместе с полковником Деллем отправился в штаб полковника графа Палена, откуда они вдвоем прибыли в Копорье, где находился разоруженный гарнизон. Приказав вернуть оружие и отобранные вещи, он поручил полковнику Деллю сформировать из восставших новый Красногорский полк. Однако через несколько дней, в первых числах июня, когда полковник Ярославцев был назначен начальником 2-й стрелковой дивизии, его помощником стал полковник Делль, видимо, в силу того, что штаб дивизии был составлен из красногорцев (см. биографию генерала Ярославцева).

Полковник Делль со 2-й стрелковой дивизией и отступил к Луге, и совершил октябрьский поход на Петроград. После отступления Северо-Западной армии в ноябре 1919 г. уже на последнем рубеже обороны перед эстонской границей, как сообщает генерал Ярославцев, «в командном составе дивизии произошли перемены: мой помощник полковник Делль был назначен командиром 2-й бригады дивизии»⁸. К сожалению, нам остались неизвестными ни дальнейшая судьба полковника Делля, ни время и место его кончины.

Дзержинский Антон Федорович Генерал-лейтенант

Родился 30 января 1867 г. Из мещан, уроженец Могилевской губернии. Римско-католического вероисповедания. Окончил 6 классов Александровской гимназии Смоленского земства.

15 октября 1886 г. вступил на службу как вольноопределяющийся по образованию в 164-й пехотный Закатальский полк и 20 октября 1887 г. уволен в запас армии¹.

30 июня 1888 г. вновь поступил на службу в 117-й пехотный Ярославский полк. 1 августа того же года командирован в Виленское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук. По окончании училища 2 августа 1890 г. произведен в подпрапорщики.

17 мая 1891 г. произведен в подпоручики и переведен в Ветлужский батальон. С 11 июля 1894 г. назначен и. д. заведующего охотничьей командой. 15 мая 1898 г. произведен в поручики. 1 августа 1900 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 20 сентября 1900 г. прикомандирован к Читинскому резервному батальону, с которым участвовал в походе в Китай в 1900—1901 гг. Как участник этого похода награжден светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте. 24 ноября 1900 г. произведен в штабс-капитаны.

7 октября 1904 г. командирован в распоряжение штаба Московского военного округа для занятия должности ротного командира в формируемых батальонах. 31 декабря 1904 г. прибыл в резерв дорожного управления штаба Главнокомандующего в Маньчжурии. 12 января 1905 г. переведен на службу в 286-й пехотный Кирсановский полк. 31 июля, по расформированию штаба Главнокомандующего, прикомандирован к дорожному управлению тыла Маньчжурской армии. 29 августа 1905 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «За

отлично-усердную службу и за труды, понесенные во время военных действий». 16 ноября 1905 г. назначен начальником гарнизона и командиром рабочей команды на Черемховских каменноугольных коях. 19 февраля 1906 г. переведен в Ветлужский резервный батальон и 26 февраля того же года в 218-й Борисоглебский резервный полк.

2 июня 1906 г. откомандирован из Маньчжурской армии к месту прежнего служения и по прибытии в батальон назначен с 2 октября 1906 г. заведующим школой сверхсрочных унтер-офицеров для подготовки их на звание подпрапорщиков.

С 15 августа 1907 г. капитан и с 16 октября того же года командир 4-й роты. 11 ноября 1907 г. переведен в 89-й Беломорский полк, где принял 8-ю роту. Награжден орденом Св. Станислава 2-й степени 6 декабря 1909 г., орденом Св. Анны 2-й степени 6 декабря 1913 г. Вышел с ротой на фронт в составе 23-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса под командованием генерала Лечицкого.

8 декабря 1914 г. в бою у деревни Скворона Келецкой губернии был ранен. Награжден орденом Св. Владимира с мечами и бантом «За отличия в делах против неприятеля».

По возвращении в полк, зимой 1915 г. в Карпатах, был произведен в подполковники «за боевые отличия» и награжден 9 января 1915 г. мечами к ордену Св. Анны 2-й степени и орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (10 апреля 1915 г.). 23 сентября 1915 г. был вторично ранен и эвакуирован. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 24 сентября 1915 г. (приказ по XI армии от 7 декабря 1915 г., № 665).

В ноябре 1915 — январе 1916 года, а также в сентябре 1916 г. временно командовал Двинским полком. 16 апреля 1916 г. произведен в полковники. 14 декабря 1916 г. награжден орденом Св. Владимира «За отличия в делах против неприятеля».

23 мая 1917 г. назначен командиром 89-го пехотного Беломорского полка.

С 4 июля по 8 сентября 1917 г. временно командовал бригадой 23-й пехотной дивизии с исполнением обязанностей командира полка. 7 сентября назначен командующим бригадой 23-й пехотной дивизии.

Его бригада в конце 1917 г. вошла в состав гарнизона Морской крепости Императора Петра Великого и Ревельско-

го укрепленного района. Согласно делу, находящемуся в послужном списке, 6–19 февраля 1918 г. полковник Дзерожинский представил медицинское свидетельство о болезни и был уволен от службы 23 февраля 1918 г.²

А в акте сдачи Морской крепости Императора Петра Великого и Ревельского укрепленного района немцам от 23 февраля 1918 г., наряду с подписью коменданта крепости Генерального штаба (генерал-майора) П.И. Измestьева, начальника штаба (подполковника)³ Б.В. Левенца, стоит подпись и командира бригады 23-й пехотной дивизии Дзерожинского⁴.

Все это говорит в пользу того, что полковник Дзерожинский остался в 1918 г. в Ревеле. Он без сомнения был известным среди местных русских общественным деятелем. Так, член Русского Совета в Ревеле, а позже министр почты и телеграфа в Северо-Западном правительстве И.М. Филиппе рассказывал М.С. Маргулиесу о возникновении в Ревеле отрядов «самозащиты» и что во главе их «стоял полковник Дзерожинский, скромный честный офицер»⁵.

В самом начале октября 1918 г. полковник А.Ф. Дзерожинский стал командиром формировавшегося 2-го добровольческого Островского полка 1-й стрелковой дивизии генерала П.Н. Симанского.

После занятия 25 ноября 1918 г. 7-й армией красных Пскова и 27 ноября Острова, Островский полк отошел в Эстонию, в сторону Ревеля, откуда перешел в наступление вместе с 1-й эстонской дивизией на Нарву, занятую 19 января 1919 г.

8 декабря 1918 г. командующий Северным корпусом полковник Г.Г. фон Неф подписал договор с эстонским правительством, согласно которому, получая продовольствие, снабжение и боеприпасы от эстонской армии, Северный корпус в оперативном плане подчинялся эстонскому главнокомандующему генералу И.Я. Лайдонеру. Последний поспешил воспользоваться создавшимся положением и назначил командующим Северным корпусом полковника А.Ф. Дзерожинского, армейского офицера, известного многим по своей службе в Ревельском укрепленном районе и к тому же польского происхождения. От него можно было ожидать скорее полного признания независимости Эстонии, чем от гвардейского стрелка — фон Нефа, подозреваемого в германфильстве уже только в силу своей принадлежности к прибалтийскому дворянству. Однако расчет на мягкого и уклоняющегося от политических решений армейского офицера не оправдался.

Как пишет генерал Родзянко, «ни командующий корпусом, ни начальник штаба полковник фон Валь не хотели брать на себя ответственности за признание независимости Эстонии»⁶.

«В отличие от них, — продолжает Родзянко, — на одном из заседаний старших чинов в Ревеле я заявил, что признание это является совершенно необходимым... и предлагал объявить об этом, т.е. о признании Северным Корпусом независимости Эстонии, Эстонскому правительству и Командованию».

Полковник Дзерожинский заявил, что в принципе он со мной совершенно согласен, но что он не знает, как посмотрят на это русские люди и что поэтому он сделает Эстонскому Правительству такое заявление, какое найдет для себя, как для русского офицера, более приемлемым...»⁷

Этим вопрос о командовании Северным корпусом был предрешен. Генерал Лайдонер в частном разговоре с генералом Родзянко лично подтвердил, что желал бы видеть его во главе Северного корпуса⁸.

В то же время на совещании командиров частей и старших чинов корпуса в середине апреля 1919 г. было решено подготовить наступление на нарвском участке фронта, с тем, чтобы выйдя на территорию коренной России, освободиться от полной зависимости от эстонского командования.

Дзерожинский, не видя оперативной цели, достигнутой имеющимися (около 4500 штыков) силами корпуса, уклонился от составления плана для наступления, предоставив это штабу генерала Родзянко в Везенберге, а сам остался в Ревеле вместе с заведующим снабжением, новым начальником штаба корпуса полковником О.А. Крузенштерном.

Видя, что большинство командиров частей настаивают на наступлении, полковник Дзерожинский был готов передать командование корпусом (генерал Лайдонер дипломатически выжидал) генералу Родзянко, но в конце апреля было получено письмо от генерала Юденича из Финляндии с просьбой остановить все новые назначения.

Уже после того, как 13 мая началось успешное наступление Северного корпуса под фактическим командованием генерала Родзянко, последний сам, не получив согласия полковника Дзерожинского, 25 мая отдал приказ о своем временном вступлении в командование корпусом. Приказ этот был подтвержден генералом Лайдонером 1 июня 1919 г.

Полковнику Дзерожинскому ничего не осталось, как подать рапорт об освобождении от должности, что он и сделал (проявив при этом отсутствие честолюбивых замыслов и преданность Белому делу) и тут же согласился принять командование бригадой.

Для формирования бригады, которая должна была развернуться в 1-ю стрелковую дивизию, Дзерожинский, произведенный 7 июня 1919 г. в генерал-майоры, получил лишь батальоны будущих Ревельского, Георгиевского и Гдовского полков и отряды из местных добровольцев и занял с ними участок фронта на лужском направлении от реки Плюссы до Сабска. На этом участке фронта в непрерывных боях он развернул свою бригаду в дивизию, окончательно сформировал полки: 1-й Георгиевский, 2-й Ревельский, 3-й Кольванский и 4-й Гдовский. Причем последний, как и 1-й Георгиевский, благодаря усилиям коменданта Гдова полковника Н.Н. Саламатина достиг численности свыше 1000 штыков. Сам генерал-майор Дзерожинский, как пишет генерал А.П. Родзянко, «...целый день бывал в разъездах и показывал молодым офицерам пример энергичной работы и неутомимости»⁹.

Фронт дивизии был очень широк. Она с одной стороны обеспечивала правый фланг 1-го стрелкового корпуса генерала графа Палена, находившегося на Гатчинском направлении, а с другой стороны — фланг 2-го корпуса генерала Арсеньева, находившегося в районе Пскова.

К началу июля 1919 г. дивизия на фронте Хилок-Осмоино угрожала городу Луге, где оборонялся 49-й стрелковый полк из состава 7-й армии красных. К середине июля Гдовский и Георгиевский полки заняли несколько деревень в районе Озеро Черное к западу от станции Плюсса на Варшавской железной дороге и отбросили, порядком истревав, 3-ю бригаду 2-й стрелковой дивизии красных, прибывшей с Восточного фронта под командованием бывшего подполковника Генерального штаба А.Г. Кеппена. В конце июля Георгиевский полк занял станцию Новоселье на Варшавской железной дороге.

После того как 26 августа (8 сентября) 1919 г. войска 15-й красной армии вошли в оставленный без боя город Псков, части 1-й стрелковой дивизии Дзерожинского отошли, заняв фронт по обе стороны озера Самро, где в сентябре совместно со сводной бригадой полковника Пермикина отразили в упорных боях наступление 2-й и 19-й стрелковых дивизий красных.

Перед октябрьским наступлением на Петроград генерал Родзянко вызвал на совещание в Гдов командира 2-го корпуса генерала Арсеньева, командира 4-й дивизии генерала князя Долгорукова и командира отдельной 1-й стрелковой дивизии генерала Дзерожинского. На совещании был разработан план нанесения предварительного, отвлекающего красного командование, удара в направлении Струги Красные и Луга.

Наступление на Струги Красные должна была осуществить 4-я дивизия князя Долгорукова (см. его биографию), а занять Лугу и продвигаться дальше на восток в сторону станций Оредеж и Уторгош на Царскосельской (Витебской) железной дороге должен был со своей дивизией генерал Дзерожинский. 12 октября 1919 г. приказом по армии он был произведен в генерал-лейтенанты. Выполняя свою задачу, полки 1-й дивизии 13 октября с боя заняли Лугу почти одновременно с 12-м Красногорским полком 3-й дивизии, посланным генералом Ветренко со станции Преображенской (Толмачево), захваченной им ранее.

Продолжая наступление на восток, генерал Дзерожинский дошел до Витебской (Царскосельской) железной дороги и занял на ней станции Оредеж и Батецкая¹⁰.

После неудачных попыток 2-й и 3-й дивизий вернуть Царское Село и Павловск, Главнокомандующий генерал Юденич, стремясь во что бы то ни стало удержать предместья Петрограда в расчете на восстание в городе, приказал 26 октября перебросить 1-ю дивизию генерала Дзерожинского из района Луги в Гатчину для усиления 2-й и 3-й дивизий. Но когда дивизия прибыла, ей пришлось оборонять Гатчину от красных войск, наступавших с востока.

На ослабленном лужском участке фронта оставшаяся одна бригада 4-й дивизии под командованием полковника Григорьева не смогла удержать Лугу. 2 ноября она сдала город, не выдержав яростных атак превосходящих сил красных.

Наступление войск 15-й армии красных (11-я и 19-я стрелковые дивизии) на Гдов и от Луги на Мшинскую создало угрозу окружения всей Северо-Западной армии и 3 ноября она вынуждена была начать общее отступление к Нарве.

Вместе с другими войсками 1-я дивизия генерала Дзерожинского была разоружена эстонцами при переходе границы, оказавшись без крова в декабрьский мороз на дороге, ведущей от Нарвы к Юрьеву.

После 22 января 1920 г., когда генерал Юденич подписал приказ о ликвидации Северо-Западной армии, генерал Дзержинский был назначен членом санитарной комиссии под председательством генерала Горбатовского. Комиссия не располагала никакими средствами, чтобы остановить страшную эпидемию сыпного тифа, охватившую солдат и офицеров раздетой и голодной Северо-Западной армии. Согласно некоторым сведениям (проверить их мы не могли), генерал Дзержинский уехал с семьей в Польшу и скончался или погиб в Варшаве во время Второй мировой войны.

Князь Долгоруков Александр Николаевич Генерал-лейтенант

Родился 27 декабря 1872 г. Окончил Пажеский корпус, офицерский курс восточных языков по 1-му разряду и Николаевскую академию Генерального штаба (1905).

Из Пажеского корпуса вышел 7 августа 1893 г. корнетом в Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк. Произведен в поручики 7 августа 1897 г.

По собственному желанию был переведен из Академии Генерального штаба командиром сотни в один из казачьих полков во время Русско-японской войны. Был ранен и награжден в 1904 г. орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Станислава 2-й степени с мечами; в 1905 г. — орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и Св. Владимира с мечами и бантом. По возвращении с фронта закончил курс Академии Генерального штаба и 7 августа 1905 г. был произведен в ротмистры.

По Генеральному штабу не служил, если не считать короткого пребывания в распоряжении одного иностранного посольства. С 13 апреля 1908 г. — полковник и помощник командира полка по строевой части. С 17 декабря 1912 г. — генерал-майор, командир Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, с которым вышел на фронт с началом Первой мировой войны.

Генерал-майор князь Долгоруков отличился уже в первом большом сражении под Гумбиненом в августе 1914 г. Как пишет бывший тогда командиром Лейб-гвардии Конного полка генерал-майор Б.Г. Гартман: «...Наш авангрд — кавалергарды у Краупишкен, под командой своего пылкого командира князя

Долгорукова, что называется мертвой хваткой вцепились во врага и, несмотря на свою малочисленность, его оттеснили»¹.

За Краупишкенский бой, в котором, кстати, и ротмистр Врангель под Каушеном взял в конном строю немецкую батарею, генерал-майор князь Долгоруков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и зачислен в свиту Его Императорского Величества.

13 ноября 1914 г. генерал-майор князь Долгоруков был назначен командующим 3-й Донской казачьей дивизией. За бои на реке Пилице был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, а за отражение прорыва немцев под Вильно — орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами.

В марте 1917 г. в связи с приходом к власти Временного правительства сдал командование 3-й Донской казачьей дивизией генерал-майору Ф.Ф. Абрамову и выбыл в резерв чинов Петроградского военного округа.

В начале 1918 г., спасаясь от ареста, генерал князь Долгоруков бежал на Украину. С приходом к власти гетмана П.П. Скоропадского — его однополчанина и тоже бывшего генерала свиты Его Величества — был принят на службу в гетманскую армию. Однако германские власти на оккупированной Украине не допускали формирования этой армии, и её части находились в зачаточном состоянии, будучи представлены лишь штабами и небольшим офицерским кадром.

18 ноября 1918 г., уже во время ухода немецких войск, гетман отдал приказ о назначении командующим всех вооруженных сил генерала от кавалерии графа Келлера. Князь Долгоруков был назначен тогда же его заместителем.

В Киеве и других городах Украины начали формироваться отряды («дружины») из офицеров, большинство которых стремилось уйти в Добровольческую армию генерала Деникина. Представитель Добровольческой армии в Киеве, генерал П.Н. Ломновский, выполняя указания Деникина, настаивал на невмешательстве этих офицерских отрядов во внутренние дела на Украине.

Заменивший 26 ноября на посту главнокомандующего графа Келлера генерал-лейтенант князь Долгоруков требовал полного подчинения себе добровольческих отрядов, совершенно игнорируя официального представителя Добровольческой армии генерала Ломновского. В ответ на заявления, сделанные последним в духе директивы главнокомандующего, генерал

князь Долгоруков позволил себе в ночь с 5 на 6 декабря арестовать генерала Ломновского².

Правда, по настоянию русских общественных и военных организаций, он «в ту же ночь освободил генерала Ломновского, принеся свои извинения»³. 14 декабря 1918 г. Киев был занят петлюровцами. Некоторым офицерским отрядам удалось прорваться на юг (например, кадру 8-го гетманского корпуса в Екатеринославле, под командой генерала Васильченко) и соединиться с Крымско-Азовской Добровольческой армией генерала Боровского. Генерал князь Долгоруков со своим штабом под прикрытием последних немецких эшелонов уехал в Германию.

В Берлине генерал князь Долгоруков, видимо, разошелся со Скоропадским и в самом начале сентября 1919 г. явился к своему другому однополчанину, командующему Северо-Западной армией генералу Родзянко. «В это время, — пишет генерал Родзянко, — в армию приехал генерал-лейтенант Долгорукий (так в тексте. — Н.Р.), которого я направил в распоряжение генерала Арсеньева»⁴.

В приказе по Северо-Западной армии № 226 от 23 сентября 1919 г. говорится: «Зачисляется в списки С[еверо]-З[ападной] армии... генерал-лейтенант князь Долгоруков — в распоряжение командира 2-го корпуса с 6 сего сентября...» и далее — «состоящего в распоряжении командира 2-го корпуса генерал-лейтенанта князя Долгорукова допускаю к временному командованию 4-й дивизией с 16 сентября»⁵.

Генерал Долгоруков еще принимал 4-ю дивизию в составе 13-го Нарвского, 14-го Вознесенского, 15-го Велико-Островского и 16-го Литовского полков, при 4-х тяжелых и 6-ти легких орудиях, общим числом около 3000 штыков, когда части 10-й и 19-й стрелковых дивизий 7-й армии красных прорвали фронт, наступая от реки Желчи, а также вдоль реки Плюссы. «Благодаря энергичным действиям генерала князя Долгорукого, — пишет генерал Родзянко, — его дивизия, только что им сформированная, перешла при поддержке танков (3 английских танка полковника Карсона. — Н.Р.) в наступление и ликвидировала прорыв с большими потерями для противника»⁶.

Вскоре последовал приказ по армии № 260 от 13 октября 1919 г. «Утверждается Временный командующий 4-й пехотной дивизией генерал-лейтенант князь Долгорукий (так в тексте. — Н.Р.) в должности начальника 4-й пехотной дивизии»⁷.

Накануне октябрьского наступления на Петроград генерал Родзянко собрал совещание начальников частей 2-го корпуса, который должен был отвлечь внимание противника демонстративным ударом в направлении Струги Белые. «На этом совещании, — пишет генерал Родзянко, — генерал князь Долгорукий (так в тексте. — *Н.Р.*) все время усиленно настаивал на необходимости взять Псков до начала общей операции на Петроград»⁸. Генерал Родзянко поддерживал эту идею, но как известно, Главнокомандующий генерал Юденич предпочел нанести прямой удар на кратчайшем направлении Ямбург—Гатчина—Петроград. Тем не менее, демонстративная операция в направлении Струги Белые—Псков успешно развивалась. Полки 4-й дивизии 30 сентября после штыкового боя захватили переправу через Плюссу, 4 октября были заняты Струги Белые, чему много способствовал выход Велико-Островского полка в тыл противнику на линии железной дороги (в Псков. — *Н.Р.*) севернее Струги Белые⁹.

19-я стрелковая дивизия 7-й армии красных, подтянув все свои части к Струги Белые, попыталась перейти 6 октября в контрнаступление, но понесла при этом тяжелые потери. 4-я дивизия генерала Долгорукова захватила 20 пулеметов, 2 орудия и много пленных.

Таким образом, демонстративная операция на Псковском направлении удалась и, как пишет генерал Родзянко, «то была предварительная операция, в которой особенно отличились своими искусными маневрами 4-я дивизия и её начальник энергичный генерал князь Долгоруков»¹⁰.

В конце октября 1919 г., когда обнаружилось превосходство сил 7-й армии противника и удачное контрнаступление её ударной группы от Колпина, генерал Юденич, рискуя оголить свой фронт на Луге, приказал перебросить в Гатчину два полка 4-й дивизии. Прибыв в Гатчину, генерал Долгоруков предлагал взять Тосно; но этот сам по себе совершенно правильный план являлся уже запоздалым.

Во время ликвидации Северо-Западной армии был отдан приказ № 451 от 26 декабря 1919 г.: «Зачисляется в резерв чинов армии: начальник 4-й пехотной дивизии генерал-лейтенант князь Долгоруков — с 1 сего декабря»¹¹.

Между тем князь Долгоруков с середины декабря 1919 г. находился уже в Ревеле, где активно участвовал в деятельности «Международной Антибольшевистской Лиги». 15 де-

кабря 1919 г. ему было выдано удостоверение № 16 за подписью товарища председателя Лиги А. Гирса, уполномочивающее его «открывать в странах Западной Европы отделения Лиги, собирать пожертвования в пользу Лиги»¹².

Вскоре генерал князь Долгоруков переехал во Францию. 29 мая 1921 г. он прибыл в качестве делегата из Франции на «Русский съезд промышленного восстановления России» в Бад-Рейхенгалле в Германию, где собрались представители монархического движения. На съезде был избран «Высший Монархический Совет», однако в силу тяжелых условий жизни в эмиграции генерал князь Долгоруков постепенно отошел от активной политической деятельности.

В феврале 1924 г. он вынужден был покинуть Францию и поступить служащим в «Societe Internationale Forestiere et Miniere du Congo». В 1929 г. он из Бельгийского Конго переехал с супругой и дочерью в Марокко, где вначале служил в Office Cherifien des Phosphates в Рабате, а затем — бухгалтером в «Omnium d'Entreprises». С 1932 г. состоял начальником марокканского подотдела РОВСа. В 1938 г. председательствовал на собрании, посвященном десятилетию кончины генерала П.Н. Врангеля¹³.

Скончался в Рабате (Марокко) 17 января 1948 г. и похоронен на русском участке христианского кладбища вместе с супругой.

Драке Владимир Людвигович

Генерал-майор

Родился 8 сентября 1874 г. в Эстляндской губернии. Окончил Пажеский Его Величества Корпус и, произведенный в подпоручики, в 1894 г. вышел во 2-ю артиллерийскую бригаду.

В 1898 г. был назначен адъютантом к Великому Князю Михаилу Николаевичу и оставался на этой должности 11 лет. В 1909 г. капитан Драке был командирован в офицерскую артиллерийскую школу. По окончании школы с отличием был назначен адъютантом к Великому Князю Михаилу Михайловичу.

В декабре 1910 г. был произведен в полковники и назначен на службу в Лейб-гвардии мортирный артиллерийский дивизион, с которым вышел на фронт Первой мировой войны.

Как пишет хорошо знавший В.Л. Драке генерал-лейтенант А.К. Баиов, «с первых же дней войны полк[овник] Драке выказал себя выдающимся боевым артиллеристом. Последовательно занимал должности командира батареи Лейб-гв[ардии] мортирного артиллерийского дивизиона, командира 13-го полевого тяжелого артиллерийского дивизиона, который он и сформировал, командира 16-й артиллерийской бригады, командира Гв. Стрелковой артиллерийской бригады и, наконец, инспектора артиллерии 49-го армейского корпуса. В.Л. Драке участвовал во многих боях с немцами и австрийцами, был ранен и получил все боевые награды, доступные штаб-офицеру, включая Георгиевское оружие»¹.

26 февраля 1917 г. полковник В.Л. Драке был произведен в генерал-майоры за боевые отличия (в это время он был командиром 205-й артиллерийской бригады). После развала армии проживал в Ревеле, где и остался во время оккупации Эстонии немцами по Брест-Литовскому миру.

Осенью 1919 г. был добровольно зачислен в Северо-Западную армию и назначен комендантом города Павловска. В короткие дни сумел сформировать и вооружить трофейным оружием дружину охраны города и передать, благодаря содействию и. д. начальника штаба 3-й стрелковой дивизии подполковника С.А. Кусакова, большое количество трофейных винтовок в формируемый Гатчинский полк².

Вместе с частями 3-й стрелковой дивизии отошел из Павловска в Гатчину, а затем в Нарву.

После ликвидации Северо-Западной армии 22 января 1920 г. остался в Ревеле и как уроженец Эстонии был приглашен эстонским военным министерством для чтения лекций по артиллерии. С 1921 г. читал их во всех военных заведениях, включая Курсы Генерального штаба.

Скончался 15 октября 1933 г. в Таллинне и похоронен на Александро-Невском кладбище³.

Дыдоров Климент Иванович Полковник*

Родился 23 января 1885 г. в Санкт-Петербурге, в Гавани, в семье крестьянина Костромской губернии. Окончил Императорское Техническое училище и после недолгой работы в лаборатории мануфактурной фабрики, в 1905 г. выдержал экзамены и поступил в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (позже Владимирское военное училище.)

По окончании училища в 1908 г. вышел подпоручиком в 177-й пехотный Изборский полк, стоявший в Риге. В 1910 г. окончил гимнастическо-фехтовальные курсы в Казани и по возвращении в полк принял команду связи.

В составе 45-й пехотной дивизии прибыл на фронт Первой мировой войны. Участвовал в Люблинском сражении, затем в боях под Ивангородом, Кольцами, а летом 1915 г., во время прорыва германской армии генерала Макензена, в упорной обороне Холма. Штабс-капитан.

Был награжден всеми боевыми орденами вплоть до ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В августе 1915 г. был прикомандирован к штабу 45-й пехотной дивизии, и. д. начальника связи. Через год был назначен и. д. адъютанта оперативной части штаба 27-го армейского корпуса. Как выдающийся боевой офицер был послан на открытые в конце 1916 г. Курсы Николаевской военной академии, по окончании которых был причислен к Генеральному штабу и назначен старшим адъютантом 187-й пехотной дивизии. Капитан. При Временном правительстве в 1917 г. назначен и. д. начальника штаба 18-й пехотной дивизии и находился на этой

* Причисленный к Генеральному штабу.

должности вплоть до расформирования этой дивизии после Брест-Литовского мирного договора на станции Старая Торога, а затем окончательно в Ярославле.

Избегая службы в Красной Армии, выбрался из Москвы в качестве санитаря врачебно-питательного пункта. На станции Себеж перешел демаркационную линию и как имевший постоянное жительство и семью в Риге был пропущен туда германской комендатурой. В конце октября 1918 г. капитан Дыдоров активно участвовал в образовании добровольческих отрядов в Латвии и 15 ноября 1918 г. принял командование русской сводной ротой в составе Рижского Отряда Охраны Балтийского Края¹.

После занятия Риги 3 января 1919 г. красной Латышской стрелковой дивизией русская рота капитана Дыдорова, начавшая с 22 января 1919 г., участвовала в боях с большевиками на участке латвийского полковника Колпака. Захватив местечко Штрунден (Скрунду) и заняв фронт по реке Венты (Виндовы) 8 марта 1919 г., рота капитана Дыдорова влилась в стрелковый отряд св. князя Ливена, взяв совместно с ним местечко Гольдинген.

18 марта, перейдя в наступление, отряд св. князя Ливена вместе с частями балтийского ландсвера участвовал в освобождении Митава.

В середине апреля, в связи со скорострительной кончиной от сыпного тифа полковника А.Ф. Рара, заместителя по строевой части св. князя Ливена, капитан К.И. Дыдоров был назначен его помощником. На этой должности он участвовал в подготовке наступления на Ригу, занимая Кальнецемские предместные укрепления на реке Курляндская Аа, где 18–20 мая отбил несколько атак красных латышских частей.

«Эта защита Кальнецемского предместного укрепления, — говорил в своем докладе 22 мая 1930 г. К.И. Дыдоров, — где кровь и могилы русских добровольцев свидетельствуют о том, что одна из ответственных задач будущего успеха лежала на Русском отряде»².

22 мая 1919 г. Русский отряд св. князя Ливена, совместно с латышским полковника Баллойда и балтийским ландсвером графа Мантейфеля взяли Ригу. Капитан Дыдоров был счастлив, найдя жену и сына невредимыми. Утром 23 мая Рига была обстрелена из Магнусгольмского форта и туда был срочно послан отряд под командой капитана Дыдорова. Гар-

низон форта — 600 человек, — сдался без боя ливенцам. Здесь же был захвачен броневик, названный «Россия», дошедший вместе с ливенцами до предместий Петрограда.

Продолжая наступление из Риги по псковскому шоссе, авангард ливенского отряда во главе с самим св. князем Ливеном 24 мая у станции Роденпойс нарвался на засаду красных. В лесном бою св. князь Ливен был тяжело ранен, и командование отрядом принял капитан К.И. Дыдоров.

С прибытием союзников в Ригу две роты ливенцев были отправлены в Либаву, где приняли от уходящих немецких частей охрану города, а одна осталась для караульной службы в Риге.

В июне отряд вырос до 3500 человек за счет прибывших из Германии военнопленных, а также приехавшего из Польши полтавского отряда полковника Соболевского. Роты развернулись в батальоны.

До начала июля, когда св. князь Ливен выписался из госпиталя и прибыл в Митаву, развертыванием частей отряда занимался капитан Дыдоров. Он же продолжал фактически командовать отрядом, так как св. князь Ливен приступил в Митаве к формированию штаба Западного корпуса, в который должны были войти кроме его отряда прибывшие из Германии отряды полковников Бермондта и Вырголича.

9 июля пришел приказ генерала Юденича об отправке всех отрядов Западного корпуса на Нарвский фронт. Но только один св. князь Ливен выполнил приказ, отправив капитана Дыдорова во главе своего отряда. Когда первые два батальона ливенцев прибыли в Нарву, то они были почти с хода 13 июля брошены в бой в районе Сабска. Командир 1-го стрелкового корпуса генерал граф Пален в приказе по корпусу № 96 от 14 сентября объявил благодарность ливенцам за успешное отражение уже прорвавшейся и обходящей с фланга колонны противника³.

Приказом Главнокомандующего генерала Н.Н. Юденича № 15 от 10 августа 1919 г. капитан К.И. Дыдоров был произведен в подполковники⁴. Ему и приехавшему, несмотря на ранение, св. князю Ливену стоило немалых усилий, чтобы добиться прекращения распыления отряда по разным частям Северо-Западной армии и, сохранив его, переформировать в 5-ю (Ливенскую) дивизию, вошедшую в 1-й стрелковый корпус генерала графа Палена.

Батальоны были развернуты в полки и получили наименования по местам своего возникновения: 17-й Либавский (1-й Либавский) полк, 18-й Рижский (2-й Ливенский) полк, 19-й Полтавский (3-й Ливенский) полк. В дивизию также вошел стрелковый дивизион спешенных кавалеристов, две батареи и два броневика. И. д. начальника дивизии был назначен подполковник К.И. Дыдоров.

Перед октябрьским наступлением на Петроград Ливенская дивизия заняла фронт по реке Луге на крайнем левом фланге 1-го стрелкового корпуса. Согласно приказу о наступлении, она должна была, после переправы через реку, занять станцию Веймарн на Балтийской железной дороге. Далее, используя внезапность, совершить бросок на Ропшу и Кипень, с тем чтобы захватить Красное Село, где только и войти в связь со 2-й дивизией, нацеленной на Гатчину. Из Красного Села дивизия должна была выйти на берег Финского залива, занять предместья Петрограда Стрельну и Лигово и отрезать от бывшей столицы группировку красных в районе Красная Горка—Петергоф. Таким образом, оперативной целью дивизии было занятие предместий и возможно части города у Нарвской заставы, в ожидании выступления в пользу белых в самом городе, а также в Кронштадте.

Подполковник Дыдоров, выполняя приказы с максимальной быстротой, достиг Красного Села: в ночь с 10 на 11 октября дивизия переправилась через Лугу у Муравейно и уже утром 11-го успела с боя занять станцию Веймарн. Вечером 15 октября после упорного боя было занято сильно укрепленное село Высоцкое, причем подполковник Дыдоров лично выехал вперед на броневике, поддерживая огнем атаку 19-го Полтавского полка. Почти без отдыха в 2 часа ночи 16 октября 17-й Либавский полк под командой генерал-майора Радена двинулся из Русской Копорской в обход Красного Села. 19-й Полтавский полк двинулся туда же через Ропшу, отбросив на север, в сторону Петергофа значительные силы красных. Не дожидаясь результатов обходов, 18-й Рижский полк начал фронтальное наступление на Красное Село и своей внезапной атакой упредил происходившее в это время в Красном Селе совещание красного командования, посвященное обороне. В 19 часов 30 минут 16 октября 18-й Рижский полк вошел в Красное Село «под радостные крики местных жителей», как писал 10 лет спустя св. князь А.П. Ливен.

Подполковник Дыдоров пошел на большой риск, так как в тот момент не знал, взяла ли 2-я дивизия Гатчину. Он наступал с открытыми флангами, ясно и отчетливо понимал главную оперативную идею наступления и следовал ей последовательно в ходе своего пятидневного броска от нижнего течения реки Луги до Красного Села.

Но этого понимания, очевидно, не было в штабе 1-го стрелкового корпуса, допустившего двухдневную задержку 3-й дивизии в Гатчине и не обеспечившего открытым левым флангом 5-й дивизии. Перейдя снова в наступление, согласно приказу 18 октября, 5-я дивизия достигла окраины Лигово и Стрельнинской Подставы. Однако на следующий день обнаружилось наступление значительных сил красных из Петергофа и Ораниенбаума, занявших скоро Ропшу и Русское Копорье.

Командующий 7-й армией красных Надежный отдал 21 октября приказ о контр наступлении, учитывая открытые фланги Северо-Западной армии. Согласно замыслу Надежного, Колпинская группа С.Д. Харламова (полковник Генерального штаба в 1917 году) должна была начать свое наступление на Павловск, а усиленная моряками и курсантами 6-я стрелковая дивизия В.В. Любимова (подполковника Генерального штаба в 1917 году) на Ропшу, с тем чтобы ударом во фланг 5-й Ливенской дивизии выбить ее из Красного Села.

Расчеты генерала Родзянко на то, что этот открытый левый фланг прикроют эстонцы при поддержке английской эскадры, не оправдались. На левом фланге подполковник Дыдоров мог располагать только малочисленным Конно-Егерским полком.

Тесня его жидкие цепи, 6-я стрелковая дивизия быстро продвинулась вперед и 23 октября заняла Ропшу и Русское Копорье. Подполковник Дыдоров, как он вспоминает, «...ругался со штабом корпуса, как никогда»⁵. Но спасти положение пришлось ему самому. Он снял с фронта 17-й Либавский (1-й Ливенский) полк генерал-майора Радена, занимавший позиции в одной версте от железной дороги Петроград—Ораниенбаум, и в ночь с 23 на 24 октября бросил его из Красного Села на Русское Копорское. Это решение означало отказ от дальнейшего наступления Ливенской дивизии на петроградские предместья.

Усталые и измученные офицеры и солдаты Либавского полка заняли на рассвете 24-го Русское Копорское, захватив в плен больше 500 красноармейцев. Генерал Раден решил

продолжать наступление (купола Ораниенбаума были уже видны). Но части 6-й стрелковой дивизии заняли построенные еще во время Великой войны для защиты Петрограда окопы и укрепления, обнесенные колючей проволокой, и открыли оттуда сильный артиллерийский и пулеметный огонь.

«Около 12-ти часов дня (25 октября 1919 г. — Н.Р.), — вспоминает командир пулеметной роты капитан Цельминь, — генерал Раден отдал приказ идти в наступление. Нас было всего 400 человек. Мы двинулись по болотистому лугу, не дающему никакого прикрытия... Одним из первых пал генерал Раден, смертельно раненный в горло, половина наших пулеметчиков тоже пала, многие были ранены»⁶.

25 октября остатки Либавского полка ожесточенно оборонялись в Русском Копорском, но вынуждены были к концу дня отойти. После этого Дыдорову ничего не оставалось, как отступить сначала к Красному Селу, а затем оставить и его.

26 октября Главнокомандующий генерал Юденич приказал принять чрезвычайные меры для восстановления положения на левом фланге Северо-Западной армии. По его приказу была создана ударная группа генерала Б.С. Пермикина с задачей выбить красных из Ропши и Кипени и снова занять Красное Село.

В группу генерала Пермикина (см. его биографию) вошли снятые с фронта 2-й дивизии Талабский и Семеновский полки. Их поддерживали Конно-Егерский и имени Булак-Балаховича конные полки. В то же время 28 октября перешла, наконец, на приморском участке в наступление 1-я эстонская дивизия. Ливенская дивизия, занявшая оборону на реке Пудость, должна была снова наступать на Красное Село.

Генерал Пермикин энергичным ударом 31 октября захватил Ропшу и Кипень и совместно с Ливенской дивизией должен был на следующий день занять Красное Село, где вел уже разведку Конно-Егерский полк, когда пришел приказ об общем отступлении в связи с выходом в тыл Северо-Западной армии дивизий 15-й армии красных в районе Гдова и Луга—Мшинская.

В ходе отступления подполковник Дыдоров снова вынужден был защищать в штабе 1-го корпуса свои тактические решения и бороться за сохранение личного состава полков дивизии. (Обстановка, в которой оказались ливенцы отражена в письмах Дыдорова св. кн. Ливену. См. Приложение.)

Как пишет в своем обзоре действий 5-й Ливенской дивизии сам св. князь Ливен, «...полковник Дыдоров, вследствие разногласий со штабом корпуса из-за своего прямого и крутого характера и вследствие разногласия с и. д. начальника штаба корпуса полковником Видякиным с его практикой отступления, сдал 20 ноября дивизию генералу Пермикину, который прокомандовал несколько дней, передал ее генералу Бобошко и тот провел дело ликвидации дивизии»⁷.

Хотя произведенный в полковники К.И. Дыдоров и был назначен командиром бригады новой 1-й дивизии, в которую вошел сохранившийся личный состав полков Ливенской дивизии, фактически он остался не у дел и посвятил себя целиком устройству и по мере сил переезду в Латвию своих соратников, после того как Северо-Западная армия перестала существовать.

До 15 февраля 1920 г. Дыдоров продолжал помогать своим сослуживцам в Нарве, а затем переехал в Юрьев, где нашел личную поддержку в штабе 2-й эстонской дивизии.

В марте 1920 г. полковник Дыдоров участвовал в работах Русского Съезда в Ревеле и в качестве товарища председателя занимался вопросами улучшения положения русских людей, прибывших в Эстонию с Северо-Западной армией⁸.

В конце того же года переехал с женой в Латвию и поселился в Режице (Rezekne, Ratgales posp. 80), где оставался до самой смерти. Состоял в Объединении Ливенцев и был постоянным корреспондентом журнала «Служба Связи Ливенцев и Северозападников», выходившем с 1930 по 1936 год.

Оценивая деятельность своего помощника, Светлейший князь Ливен писал: «Полковник Дыдоров сумел сохранить, укрепить и довести до наивысшего жертвенного героизма тот дух, который удалось вдохнуть в маленький добровольческий отряд на территории Курляндии, когда силы последнего измерялись только десятком штыков. Сохранение этого духа в целой дивизии — заслуга полковника Дыдорова и его ближайших помощников».

10 марта 1938 г., будучи всего 53-х лет от роду, полковник К.И. Дыдоров скончался в Режице. На его погребении, на Покровском кладбище в Риге, караул несли ливенцы, прибывшие из многих городов Латвии и Эстонии.

Ежевский Казимир-Станислав Антонович Генерал-майор

Родился 2 марта 1864 г. Уроженец Гродненской губернии. Римско-католического вероисповедания. Окончил Санкт-Петербургскую военную прогимназию. 4 августа 1881 г. вступил рядовым на правах вольноопределяющегося в 146-й пехотный Царицынский полк, а 30 августа того же года командирован в Санкт-Петербургское юнкерское училище.

Приказом по училищу от 18 августа 1884 г., отданным начальником штаба войск Гвардии и Санкт-Петербургского Военного Округа, переименован в подпрапорщики, как окончивший курс по 1-му разряду.

Высочайшим приказом 5 февраля 1886 г. произведен в подпоручики, исключен из списков 146-го пехотного Царицынского полка и переведен в 91-й Двинский полк со стоянкой в городе Ревеле. 14 марта 1887 г. утвержден в должности батальонного адъютанта 2-го батальона. 26 февраля 1890 г. произведен в поручики.

В 1890 и 1893 гг. с августа по октябрь был командирован в управление Везенбергского уездного военного начальника для обучения ратников государственного ополчения, призванных на учебный сбор.

Неоднократно награждался призами (в т.ч. Императорским призом) за стрельбу из винтовки и револьвера.

30 апреля 1897 г. назначен заведующим учебной полковой командой.

6 декабря 1899 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и 1 апреля 1900 г. произведен в штабс-капитаны. Тогда же утвержден в должности командира 6-й роты. 1 апреля 1901 г. произведен в капитаны и 3 февраля 1902 г. награжден

ден орденом Св. Анны 3-й степени. 18 июля 1906 г. временно принял 2-й батальон. 13 марта 1907 г. назначен и. д. заведующего хозяйством полка.

28 января 1908 г. командирован в Офицерскую стрелковую школу, курс которой успешно закончил 23 июля 1908 г.

Впоследствии временно исполнял обязанности командира 2-го и 3-го батальонов, коменданта города Ревеля.

Высочайшим приказом 5 октября 1913 г. произведен в подполковники, а 9 октября того же года принял командование 3-м батальоном на законном основании¹.

Двинский полк, выступив на фронт Первой мировой войны в Галиции в составе 18-го армейского корпуса генерала Лечицкого, блестяще показал себя под командованием полковника Левстрема в бою на Ходеле.

Нам неизвестны награды, полученные К.А. Ежевским, произведенным в полковники. Очевидно, что после перемирия с Германией он смог вернуться к семье в Ревель², где неоднократно исполнял должность коменданта города в мирное время и остался во время оккупации города германцами. Во всяком случае осенью 1918 г. он участвовал в Ревеле в формировании первых русских добровольческих отрядов в связи с образованием Северного корпуса в Пскове.

Ревельский отряд полковника Ежевского был переформирован в Ревельский полк, действовавший совместно с эстонскими войсками на Нарвском направлении. После занятия города Нарвы Ревельский полк вошел в состав 1-й бригады Северного корпуса, которой командовал полковник Георг. В конце апреля 1919 г., как пишет генерал В.П. Родзянко, «...части 1-й Стрелковой бригады состояли к этому времени из Островского полка, Ревельского полка (полк. Ижевский), партизанского отряда пор. Данилова, конного отряда полк. Бибикова»³.

В начале наступления Северного корпуса, 13 мая 1919 г., Ревельскому полку было приказано после занятия станции Низы в составе отряда полковника Георга перейти в подчинение полковника Палена⁴. После занятия Ямбурга, получив несколько дней отдыха, 25 мая 1919 г., Ревельский полк вместе с Георгиевским полком был передан в бригаду, вскоре переименованную в 1-ю стрелковую дивизию генерал-майора А.Ф. Дзержинского.

В начале июня полку пришлось выдержать упорные бои в районе озера Самро. К этому времени полковник К.А. Ежев-

ский, занимавший уже должность помощника командира дивизии, был отозван генералом Родзянко в Копорье, где был сосредоточен перешедший на сторону белых гарнизон форта Красная Горка. В связи с формированием нового Красногорского полка, ему было поручено «...общее наблюдение за гарнизоном и этими формированиями».

По возвращении в первую стрелковую дивизию полковник К.А. Ежевский приложил много сил для развертывания 1-го Георгиевского и 2-го Ревельского полков и формирования новых — 3-го Колыванского и 4-го Гдовского. Его усилия и опыт многолетней службы в мирное время были вполне оценены: в октябре 1919 г. (видимо, 12 октября, когда командир дивизии генерал-майор А.Ф. Дзержинский был произведен в генерал-лейтенанты) Ежевский был произведен в генерал-майоры. Еще раньше, 8 октября 1919 г., он был назначен командиром Отдельной бригады в составе 21-го Псковского, 22-го Деникинского и 23-го Печорского полков, входившую в состав 2-го стрелкового корпуса на псковском направлении. 4 ноября 1919 г. генерал-майор К.А. Ежевский был назначен начальником 6-й дивизии, которая должна была развернуться на основе Отдельной бригады. В связи с общим отступлением и разоружением полков дивизии при переходе эстонской границы генерал-майор К.А. Ежевский был назначен в «резерв чинов» при Главнокомандующем.

После приказа о ликвидации Северо-Западной армии была создана наравне с Ликвидационной комиссией, по приказу генерала Глазенапа, Санитарная комиссия, в которую, вместе со своим бывшим начальником генерал-лейтенантом А.Ф. Дзержинским, вошел и генерал-майор К.А. Ежевский.

Эпидемия сыпного тифа, охватившая всю армию, не щадила никого. Выполняя свой долг (как всегда), обходя госпитали, генерал Ежевский заразился тифом.

Как писал свидетель и участник трагедии Северо-Западной армии журналист Г.И. Гроссен: «Врачи умирают один за другим, выбыло из строя уже 60 процентов. Не меньше умерло сестер милосердия... умер генерал Ежевский, один из редких генералов, не оставивший армии в дни агонии»⁵.

Генерал Ежевский был похоронен на православном кладбище Нарвы в январе 1920 г.

Зайцов Всеволод Александрович

Полковник

Родился в Санкт-Петербурге 25 сентября 1890 г. Сын статского советника, из потомственных дворян.

Окончил Николаевский кадетский корпус и Павловское военное училище, по окончании которого в 1910 г. был произведен в подпоручики и вышел в Лейб-гвардии Семеновский полк¹. С полком участвовал во всех боях на фронте Первой мировой войны с 1914 по 1916 год.

Произведен в поручики в декабре 1914 г. В кампанию 1914 г. был награжден орденами: Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 20 февраля 1915 г. получил ранение.

С 27 июля 1915 г. — полковой адъютант. В 1915 г. награжден орденами: Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Станислава 2-й степени с мечами. В июле 1916 г. произведен в штабс-капитаны².

В 1917 г. как офицер с боевым опытом откомандирован в запасный батальон Лейб-гвардии Семеновского полка в Петрограде. Командир роты, а затем, в связи с развертыванием запасного батальона в резервный полк, помощник командира полка.

После прихода большевиков к власти резервный Семеновский полк не был демобилизован. В него привлекалась учащая молодежь и гвардейские солдаты других полков из занятых немцами областей, считавшиеся «беженцами». Приказом комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны № 60 от 8 мая 1918 г. Семеновский полк беженцев был передан в ведение НКВД РСФСР³. Часть также именовалась «Полком по охране города Петрограда».

С отъездом в Польшу последнего командира полка полковника Бржовского во главе полка стал капитан Зайцов, по семейным обстоятельствам не уехавший на юг, к Деникину. Формально он стал помощником избранного командира полка, бывшего унтер-офицера Радивиновича, антибольшевистски настроенного и полностью преданного офицерской организации полка.

По инициативе капитана Зайцова в Финляндию были нелегально посланы два делегата — штабс-капитан Рылько, оставшийся в Гельсингфорсе как представитель полка, и поручик Гельпер. Первоначально они связались с английской контрразведкой, но вскоре, благодаря контр-адмиралу В.К. Пилкину, вошли в постоянную связь и подчинение гельсингфорсской штабной группе генерала Юденича⁴.

Командир полка Радивинович, попав под подозрение ЧК, вынужден был бежать в Финляндию (откуда он прибыл в Северо-Западную армию, где за доблесть в боях был произведен в офицеры). На его место был назначен бывший вахмистр Лейб-гвардии Драгунского полка Таврин, латыш по происхождению, участвовавший в карательных экспедициях ЧК, однако капитан Зайцов сохранил своё положение как «военспец» и фактически командовал полком.

Он продолжал поддерживать через курьеров-офицеров полка связь со штабом генерала Юденича, доставлял в Гельсингфорс важные сведения и получил директиву лично от генерала Юденича, который «...возлагал на полк обязанность по возможности оставаться в Петрограде, чтобы при подходе белых армий не дать большевикам возможности эвакуировать государственный банк, казначейство, сберегательную кассу, экспедицию заготовления государственных бумаг и другие важные для государства учреждения (где полк нес караульную службу. — *Н.Р.*), не дать взорвать мосты через Неву и в последнюю минуту захватить власть в свои руки»⁵.

В мае 1919 г. в связи с наступлением Северного корпуса в Петрограде был объявлен лозунг «все на фронт», и в полк, получивший к этому времени наименование «3-й Петроградский стрелковый полк», пришел приказ о немедленном выступлении в Гатчину, где он должен был войти в состав «Нарвской группы» 7-й армии красных.

К вечеру 28 мая штаб полка и 1-й батальон занял в районе станции Сиверская деревню Выра, а по сговору с капитаном

Зайцовым командир 2-го батальона подпоручик Терентьев, выйдя к деревне Большое Заречье, лично выехал на разведку и, разыскав разъезд белых, сообщил, что полк готов перейти на их сторону.

Спешно прибывший из Кикерина Талабский полк присоединил к себе 2-й батальон бывшего Семеновского полка, и утром 29 мая конные разведчики Талабского полка вошли в Выру, где совместно с офицерами и солдатами 1-го батальона после короткой перестрелки расправились с командиром полка и комиссаром бригады. Вскоре в Выру прибыл и командир Талабского полка ротмистр Пермикин. С его согласия после кратких переговоров капитан Зайцов вступил в командование полком, которому вновь вернули старое имя — Семеновский.

При формировании 2-й дивизии генерала Ярославцева в начале июня 1919 г. 8-й Семеновский полк вместе с Талабским составил 2-ю бригаду этой дивизии. Полком продолжал командовать произведенный в подполковники В.А. Зайцов⁶. В июле его заменил полковник Ликуди. Заболевший подполковник Зайцов оставался в распоряжении командира 1-го стрелкового корпуса генерала Палена, а затем штаба армии. В октябре 1919 г. он был прикомандирован к штабу генерала Глазенапа (назначенного генерал-губернатором Петроградского района).

После ликвидации Северо-Западной армии полковник В.А. Зайцов переехал в Финляндию, где находилась бежавшая из Петрограда его семья, поселился в Гельсингфорсе и там прожил более полувека. В 70-х годах возглавлял Объединение Лейб-гвардии Семеновского полка за рубежом. Был также в течение многих лет старостой православного храма в финляндской столице⁷.

Скончался 16 декабря 1978 г. в Хельсинки и похоронен на местном православном кладбище.

Иванов Петр Иванович Генерал-майор

Родился 21 января 1866 г. в городе Дербенте. Армяно-грего-рианского вероисповедания.

Обучался (не окончил) в Бакинском реальном училище. В 1884 г. поступил вольноопределяющимся в 1-й Кавказский резервный батальон. В 1888 г. окончил Тифлисское юнкерское пехотное училище по 2-му разряду и произведен в прапорщики. 25 февраля 1890 г. произведен в подпоручики.

По состоянию на 1 ноября 1911 г. числился в списке 201-го пехотного Понтийского полка.

В 1913 г. капитан уволен со службы в запас с производством в следующий чин подполковника¹. По мобилизации 8 августа 1914 г. снова в армии. 8 мая 1916 г. назначен и. д. командира бригады 117-й пехотной дивизии. 16 декабря 1916 г. произведен в генерал-майоры². В октябре 1919 г. прибыл в Гатчину и был назначен наблюдающим за формированием Егерского полка при 3-й стрелковой дивизии. 20 октября 1919 г. приказом начальника штаба дивизии подполковника Кусакова «...в распоряжение генерала Иванова, до прибытия командира полка, был направлен полковник Ходнев»³.

В Северо-Западную армию был зачислен с опозданием 15 ноября 1919 г. С 25 ноября 1919 г. — командир 1-й бригады 3-й стрелковой дивизии. Согласно аттестации при принятии командования Северо-Западной армией генералом Глазенапом «...в боях не участвовал. По части административной и хозяйственной показал себя отлично. Соответствует занимаемой должности, но больше пригоден, вследствие преклонного возраста, для должности не строевой»⁴.

Нам неизвестна дальнейшая судьба генерал-майора П.И. Иванова. По некоторым непроверенным данным, он погиб во время эпидемии тифа в окрестностях Нарвы зимой 1920 г.

Кондзеровский (Кондырев)
Петр Константинович
Генерал-лейтенант Генерального штаба

Родился 22 июня 1869 г. в Санкт-Петербурге. Православного вероисповедания. Окончил 1-й кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1895).

Из училища выпущен подпоручиком в Лейб-гвардии Егерский полк. Поручик гвардии 10 августа 1893 г. В том же году откомандирован для экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба. Успешно выдержав их, был зачислен в штат академии.

20 мая 1895 г. произведен в штабс-капитаны гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба. По Генеральному штабу вначале состоял при штабе Финляндского военного округа, а затем до 1897 г. обер-офицером для поручений при штабе 18-го армейского корпуса. С 13 октября 1898 г. по 13 октября 1899 г. отбывал стаж командира роты в Лейб-гвардии Егерском полку.

С 21 октября 1899 г. и до самого начала Первой мировой войны в августе 1914 г. П.К. Кондзеровский прослужил без перерыва в Главном штабе на Дворцовой площади, «куда, — как он пишет о себе сам, — я поступил капитаном, а откуда уезжал генералом»¹.

За эти 15 лет он, начав младшим делопроизводителем канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба в октябре 1899 г., стал уже в декабре 1904 г. полковником и начальником отделения по назначению на должности. С 14 октября 1907 г. полковник Кондзеровский занимает ключевой пост и.д. помощника Дежурного генерала Главного штаба при быстро выдвигавшемся генерал-лейтенанте А.З. Мышлаевском, ставшем в мае 1908 г. Начальником Главного штаба, а в 1909 г. — Начальником Генерального штаба.

2 декабря 1908 г. Кондзеровский назначается на ответственную должность Дежурного генерала Главного штаба с производством (6 декабря) в генерал-майоры.

Помимо всех назначений личного состава армии, Дежурный генерал был докладчиком на Высшей Аттестационной Комиссии, которая под председательством Военного Министра решала все назначения на должности начальников дивизий и выше, равно как и увольнения высших чинов².

19 июля 1914 г. генерал-майор П.К. Кондзеровский был назначен Дежурным генералом при Верховном Главнокомандующем и прибыл с его штабом в Барановичи, будучи непосредственно подчинен начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Янушкевичу.

6 декабря 1916 г. он был произведен в генерал-лейтенанты и имел уже все ордена (кроме Георгиевского оружия и ордена Св. Георгия) всех степеней, доступных для его чина, однако без мечей, как это было решено в начале войны по отношению ко всем служившим в Ставке или в высших штабах офицерам и генералам.

После Февральской революции П.К. Кондзеровский продолжал оставаться на своей должности и при Верховном Главнокомандующем генерале М.В. Алексееве.

Однако вскоре военный министр Временного правительства А.И. Гучков, предполагавший назначить, по совету генерала М.В. Алексеева, генерала П.К. Кондзеровского Начальником Главного штаба, не только отказался от этого назначения, но и заявил лично Кондзеровскому, что не может оставить его на должности Дежурного генерала³.

Генерал П.К. Кондзеровский был назначен членом Военного Совета в Петрограде, т.е. был, по его собственному выражению, «сдан в архив»⁴, а его место в Ставке должен был занять генерал-лейтенант В.Н. Минут. В связи с задержкой прибытия последнего П.К. Кондзеровский временно оставался на своей должности до 24 мая 1917 г. Он выбыл в отпуск в Кисловодск, когда в Ставку приехал уже новый военный министр — А.Ф. Керенский, не возражавший против отпуска⁵.

Вернувшись в Петроград, генерал Кондзеровский остался не у дел, потеряв и личные связи с новым руководством Главного штаба (это видно, например, из того, как он рекомендовал генералу Юденичу в качестве начальника штаба 1-го стрелкового корпуса Северо-Западной армии генерал-майора С.Н. Са-

марина (см. его биографию), которого он летом 1917 г. ошибочно считал сторонником генерала Корнилова.) В 1918 г. генерал П.К. Кондзеровский перебрался с семьей в Финляндию.

По возвращении генерала Юденича из Стокгольма в январе 1919 г. в Выборге был избран Особый комитет (или, как он иногда именовался, Национальный Русский комитет). При нем был создан военно-политический центр во главе с генералом Юденичем.

В состав центра вошел генерал П.К. Кондзеровский под псевдонимом генерал Кондырев, вскоре ставший и. д. начальника штаба Главнокомандующего. Когда 24 мая 1919 г. генерал Юденич утвердил согласно проекту А.В. Карташева состав Политического Совещания при Главнокомандующем, генерал П.К. Кондырев (Кондзеровский) вошел в него по должности, как начальник штаба.

Однако приказ по Северо-Западной армии о назначении генерала Кондырева на должность начальника штаба при Главнокомандующем был отдан позже — 26 июля 1919 г., тогда же, когда генерал Кондырев был зачислен в Северо-Западную армию.

Возможно, эта задержка объясняется тем, что сам генерал Юденич официально, Указом Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака был назначен лишь 5 июня «Главнокомандующим всеми Российскими сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков [в] Прибалтийском районе»⁶.

О деятельности генерала Кондырева в Политическом Совещании можно отчасти судить по характеристике, данной ему ближайшим сотрудником А.В. Карташева, видным членом Национального Центра инженером Г.И. Новицким, бывшем в курсе всех дел Политического Совещания. Он поддерживал конспиративные связи с руководством Национального Центра в Петрограде и эта сторона его деятельности, видимо, была причиной того, что в ЧК его считали начальником разведки при генерале Юдениче⁷. В то же время Г.И. Новицкий регулярно информировал о ходе дел в Гельсингфорсе П.Б. Струве, уехавшего в Париж и Лондон для поддержки там Белого движения на северо-западе.

В письме к Струве от 3 сентября 1919 г. Г.И. Новицкий писал, что «Кондзеровский всю жизнь прослужил в Главном штабе в отделе чинов, наград и производств. Тихий, узкий, бумажный, канцелярский человек, без горизонтов и размаха;

в политике обыватель, притом из числа неосведомленных, не чувствующих и, так сказать, заплесневелых»⁸.

Генерал Юденич, что видно из его обширной переписки с генералом Кондзеровским, находящейся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, ценил генерала Кондзеровского не только как знатока канцелярской механики, освоившего его от излишнего чтения приходивших бумаг, но и как безупречного исполнителя его воли и в Политическом Советствии и позже, на заседаниях Северо-Западного правительства, которых он стремился избегать.

В связи с образованием Северо-Западного правительства 13 августа 1919 г. и роспуском Политического Совещания генерал Кондырев был назначен приказом от 2 октября 1919 г. помощником Главнокомандующего по должности военного министра.

Вынужденный принять должность военного министра ради получения вооружения и снабжения Северо-Западной армии, генерал Юденич, насколько это было возможным, избегал принимать участие в заседаниях Северо-Западного правительства, сформированного английским генералом Марчем, предоставив эту роль генералу Кондыреву.

Генерал Кондырев в качестве помощника военного министра стал регулярно присутствовать на заседаниях правительства. Его член — М.С. Маргулиес, сообщает в своем дневнике от 7 октября 1919 г., что «...Кондырев назначен Юденичем товарищем военного министра, причем Юденич просил допускать его во все заседания вместо себя»⁹.

Деятельность генерала П.К. Кондырева-Кондзеровского далеко не ограничивалась в этот период посещением заседаний Северо-Западного правительства. Находясь в Ревеле, он следил за выгрузкой приходящего из Англии вооружения и имущества. Видя, что генерал Г.Д. Янов явно не соответствует должности начальника снабжения Северо-Западной армии, он настоял на назначении на эту должность генерала А.В. Владимирова, что было утверждено приказом по армии от 30 ноября 1919 г.

В своих почти ежедневных рапортах-отчетах в Нарву, где находился генерал Юденич, генерал Кондырев сообщал ему из Ревеля не только о текущих делах, но и о новоприбывающих в Северо-Западную армию офицерах и генералах. В частности, о прибытии Донского атамана генерала П.Н. Краснова с супругой, готового служить на любой должности. Гене-

рал Кондырев упоминает в этом же письме о своих хлопотах о получении через генерала Вандама комнаты для генерала Краснова, где он мог бы жить и заниматься литературным трудом, пока не получит назначения¹⁰.

В вечернем добавлении («сейчас 9 ч. вечера») к письму от 3 октября, сообщая о прибытии корабля из Архангельска с эшелоном русских жандармов из французского иностранного легиона во главе с генералом Самариним, выразивших желание — в связи с уходом союзников из Архангельска — служить в Северо-Западной армии или у генерала Деникина, генерал П.К. Кондырев пишет, что он вызвал генерала Владимира, с тем чтобы этих добровольцев не «раздергивали по всем полкам», а сохранили как надежный отряд при контрразведке. В то же время он докладывает генералу Юденичу, что желающих ехать к генералу Деникину он не задерживает¹¹.

И, наконец, эти письма-рапорты из Ревеля говорят о том, что генерал П.К. Кондырев-Кондзеровский чувствовал себя настолько близким и доверенным человеком к генералу Юденичу, что мог себе позволить настаивать на подписании генералом Юденичем приказа о вступлении в непосредственное командование Северо-Западной армией, что вызывало протесты генерала Родзянко, поддерживаемого рядом строевых начальников.

В письме от 27 сентября, помеченном Ревелем, генерал П.К. Кондырев писал: «...вновь прошу Вас подписать предположенный приказ, право он необходим... ибо иначе Вам придется превращаться только в Военного Министра, а это совершенно нежелательно»¹². В письме от 3 октября он спрашивает: «Второй день не могу добиться из Нарвы ответа — подписан ли Вами приказ о вступлении в командование... Если Вы не хотите, чтобы в Вас все изверились и разочаровались, Вам необходимо, наконец, проявить себя. Единственный исход — стать во главе армии и немедленно начать наступление, поверьте, что успех неизбежен»¹³. Это письмо генерала П.К. Кондырева запоздало. Приказ о своем вступлении в командование Северо-Западной армии генерал Юденич отдал 2 октября 1919 г.

Вскоре после передачи командования армией генералом Юденичем генералу Глазенапу 28 ноября 1919 г., но еще до роспуска армии генерал П.К. Кондырев был назначен представителем армии в Финляндии.

Получив на расходы значительные суммы непосредственно от генерала Юденича, он организовал представительство на Elisabetsgat, 29 в Гельсингфорсе. Продолжал подчиняться непосредственно генералу Юденичу, посылая ему рапорты в Париж. В основном они касаются выдачи денежной помощи семьям военнослужащих Северо-Западной армии, оказавшимся в силу разных обстоятельств в Финляндии.

В то же время по поручению генерала Юденича генерал П.К. Кондзеровский занимался материальной поддержкой тех участников белого подполья в Петрограде, которые уцелели после волны террора в конце 1919 г. В письме от 30 апреля 1920 г., посланном с «верной оказией» генералу Юденичу, генерал Кондзеровский докладывает о выполнении желания генерала Юденича помочь в Петрограде Мар[ии] Ник[олаевне], фамилию которой нам не удалось установить, но видимо, речь идет о конспиративной кличке представительницы уцелевшей группы участников подготовки восстания. Оказывается, что «можно передать деньги и вообще помочь Мар[ии] Ник [не] только через Герм[ана]». Говоря, что по другой линии переслать в данный период ничего нельзя, генерал Кондзеровский ссылается на того же полковника Германа (см. его биографию) прибавляя: «Недавно с Герм[аном] им послано (подчеркнуто нами. — Н.Р.) 50 тыс., есть сведения, что он прошел благополучно в П[етроград] и следовательно полное вероятие, что эта сумма доставлена»¹⁴.

Далее генерал Кондзеровский пишет, что его корреспондент из Петрограда сообщает, что есть возможность помочь извлечь М.Н. из Совд[еции]. Это сообщение генерал Кондзеровский показывал Н.Н.Т. (расшифровать нам не удалось), который «отнесся к нему скептически», считая, «что делу можно помочь только через того же Герм[ана]»¹⁵.

Эту часть своего письма генерал Кондзеровский заканчивает просьбой к генералу Юденичу разрешить послать своему корреспонденту в Петроград 30 тыс. ибо «он достойный человек и держит себя превосходно»¹⁶.

Этим, видимо, исчерпывается деятельность генерала П.К. Кондзеровского как представителя генерала Юденича в Финляндии. Он начал хлопоты о получении визы во Францию. Уже в мае Кондзеровский обратился к генералу Юденичу с просьбой «...сказать кому-нибудь в нашем посольстве, например Базили (б. представитель министерства иностранных дел

в Ставке Верховного во время войны. — Н.Р.) — он меня хорошо знает — ускорить получить визы мне с моей семьей (жена, дочь Ольга 18 л., Кирилл 14 л., Александра) и бонной Розалией Пилаберг 45 л., которая у нас уже 20 лет»¹⁷.

В конце 1920 г. генерал П.К. Кондзеровский переехал из Гельсингфорса в Париж, где пытался устроиться на службу в страховое общество, директора которого он знал по Петрограду. Однако эта служба продолжалась недолго, и в письме от 3 июля 1922 г. он обратился за помощью к генералу Юденичу, подробно излагая свое материальное положение, упоминая в частности о купленной в рассрочку для жены вязальной машине, на заработок с которой возлагалось много надежд. На этом письме рукой генерала Юденича резолюция: «Послать чек на 1000 франков на банк Barklays»¹⁸.

Благодаря за полученную по тогдашним временам значительную сумму в письме от 10 июля 1922 г., генерал Кондзеровский упоминает о Н.Н. Бунакове, открывшем свою контору в Гельсингфорсе, от которого он иногда получает «вести»¹⁹ в связи с передачей ему некоторых дел по представительству в Финляндии.

В письме от 20 октября 1922 г., извещая генерала Юденича о начале выплаты ему своего долга, генерал Кондзеровский, вспоминая о Политическом Совещании пишет: «Из наших Гельсингфорских я здесь изредка встречаю только Суворова, Кузьмин-Караваев уехал совсем из Парижа, а Карташева, которого я раньше постоянно встречал в церкви, последнее время не вижу»²⁰.

Беспокоясь за брата, которому угрожала высылка из Константинополя в связи с приходом к власти Кемаль-Паши, генерал Кондзеровский делится своими безрадостными размышлениями: «Вообще плохо приходится беженцам, все рассчитывали сначала, что скитания будут непродолжительными, но время идет, все мы стареем, а просвета не видно и, кажется, надо уже совсем оставить мечты о возможности возвращения в Россию»²¹.

В начале 1925 г. генерал П.К. Кондзеровский был приглашен бывшим Главнокомандующим, Великим Князем Николаем Николаевичем занять при нем должность начальника канцелярии. Это приглашение было связано с тем, что после переговоров с генералом П.Н. Врангелем в его резиденции Шуаньи недалеко от Парижа в ноябре 1924 г., 16 ноября того

же года Великий Князь подписал негласное заявление о принятии на себя верховного руководства Армией и всеми военными организациями за рубежом.

Политической, секретной и разведывательной деятельностью при Великом Князе стал заниматься генерал А.П. Кутепов, а генерал П.К. Кондзеровский вернулся отчасти к той работе, которую он как Дежурный генерал вел в Ставке.

Он сам писал о ней в официальном письме генералу Юденичу от 30 ноября 1925 г., за № 458:

Генерал Лейтенант Кондзеровский

30 ноября 1925 г.

№ 458

Париж 6-8, rue Cannebiere

Paris XII

Его Высокопревосходительству Н.Н. Юденичу

Милостивый Государь Николай Николаевич!

Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич соизволил в прошлом году возложить на меня работу по сбору сведений о находящихся в эмиграции старших начальствующих лицах и полковниках (из кадровых офицеров) Российской Армии.

Сведения эти собирались по форме при сем прилагаемой и к настоящему времени таким путем зарегистрировано весьма значительное число лиц.

Ныне Его Императорскому Высочеству угодно было поручить мне собрать, помимо указанного выше регистрационного материала, еще и данные аттестационного характера на зарегистрированных лиц путем получения соответствующих сведений от их бывших начальников во время Великой войны. При этом Великим Князем было дано указание, что в этих аттестационных сведениях желательно не ограничиваться только теми данными, которые относятся к тому времени, когда аттестуемое лицо находилось в подчинении лица его аттестующего, но по возможности желательно выявить весь облик аттестуемого лица и особенно за время нахождения в эмиграции и за период революции.

Генерал П.К. Кондзеровский приезжал к Великому Князю в Шуаньи из Парижа на пригородном поезде до станции Сантени регулярно раз в неделю. Всю переписку, отдавая ей все свое время, он вел пользуясь своим парижским адресом: 6-8, rue Cannebiere Paris XII.

Небольшого вознаграждения, получаемого от Великого Князя, не хватало на жизнь и, судя по переписке, генералу П.К. Кондзеровскому приходилось не раз обращаться к генералу Юденичу за помощью. Но не только для себя. В письмах

от 19 апреля и 4 июля 1928 г. он настойчиво просил помочь генералу Т.Д. Янову, бывшему начальнику снабжения Северо-Западной армии, находившимся, согласно письмам генерала А.К. Баиова, в бедственном положении в Ревеле (см. биографию ген. Г.Д. Янова).

В 1928 г. здоровье Великого Князя Николая Николаевича начало ослабевать, и в конце года он выехал на юг, в Антиб, где на вилле Thénard скончался 5 января 1929 г.

И генерал П.К. Кондзеровский с начала 1928 г. стал болеть. Он скончался в Париже 17 августа 1929 г. и похоронен на городском парижском кладбище Батиньоль (Batignolles).

Генерал П.К. Кондзеровский состоял в Париже в Обществе ревнителей памяти Императора Николая Второго, в Объединении Лейб-гвардии Егерского полка и офицеров Генерального штаба²².

Почти через сорок лет вышла в свет его книга «В Ставке Верховного. 1914–1917. Воспоминания Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем». (Издана А.А. Герингом в серии Военной Исторической Библиотеки журнала «Военная Быль», Париж 1967.)

Фон Крузенштерн Константин Акселевич Полковник

Родился 27 июля 1883 г. в Селемеки Эстляндской губернии. Поступил в Николаевский кадетский корпус, откуда был переведен в 3-й класс Его Величества Пажеского корпуса. 10 августа 1902 г. из камер-пажей произведен в подпоручики и вышел в Лейб-гвардии Семеновский полк. В 1906 г. произведен в поручики. Тогда же поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, по окончании которой в 1909 г. был произведен в штабс-капитаны с переводом по армии в капитаны.

Тогда же вышел в отставку и уехал за границу для лечения. В 1910 г. поступил в Министерство финансов, в Департамент окладных сборов и вскоре перевелся в канцелярию Государственной Думы, где занял должность делопроизводителя в Комиссии по Государственной обороне.

В 1914 г. подал прошение и был принят в родной Семеновский полк, но был откомандирован уполномоченным Красного Креста при 23-м армейском корпусе. В конце 1915 г. — обоуполномоченный при штабе 10-й армии.

В ноябре 1916 г. вернулся на службу по Генеральному штабу и в чине капитана был назначен переводчиком в разведывательное управление штаба Западного фронта. В марте 1917 г. произведен в подполковники.

В феврале 1918 г. вместе с частью Западного фронта оказался в плену у немцев, возобновивших наступление перед Брест-Литовским миром. Вскоре был освобожден и уехал в Финляндию.

В начале февраля 1919 г. в Выборге участвовал в деятельности комиссии по выработке основ формирования будущей русской добровольческой армии¹. В мае 1919 г. он

уже находился в составе Северо-Западной армии. Одновременно с назначением его брата О.А. Крузенштерна начальником тыла заведование Отделом внешних сношений было передано подполковнику К.А. Крузенштерну, и Отдел оставлен в Ревеле².

Этот отдел, ведавший отношениями с иностранными миссиями и являвшийся представительством Северо-Западной армии перед эстонскими властями, начал свою работу 3 июня³. Об условиях работы и обстановке в этом отделе уже в начале августа 1919 г. вспоминает М.С. Маргулис: «Мы собирались вновь на совещание в помещении отдела внешних сношений Северо-Западной армии, где работает К.А. Крузенштерн; помещение еще не устроено, так что горит там лишь одна электрическая лампа, тоже скоро потухающая... и заседание длится более часа в полной темноте...»⁴

Во время переговоров о формировании Северо-Западного правительства имя подполковника К.А. Крузенштерна несколько раз появлялось в списке министров в качестве министра иностранных дел, но К.А. Крузенштерн, как и генерал М.Н. Суворов, на заседании 11 августа 1919 г. отказались от министерских постов.

После формирования 12 августа 1919 г. правительства, в котором Министерство иностранных дел принял по совместительству Председатель Лианозов, было образовано управление делами МИДа, начальником которого стал произведенный в полковники К.А. Крузенштерн.

В январе 1920 г. при образовании Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии в нее вошел полковник К.А. Крузенштерн, оставшийся ненадолго в Эстонии.

В 1922 г. он поселился в Шляхтензее, в Германии⁵.

До 1957 г. возглавлял группу офицеров Лейб-гвардии Семеновского полка в Германии. С переездом в Канаду поселился в Монреале, где с ноября 1957 г. возглавлял объединение семеновцев в Северной и Южной Америке⁶. Скончался 16 октября 1962 г. в Монреале и похоронен на местном кладбище.

Фон Крузенштерн Оттон Акселевич Генерал-майор Генерального штаба

Родился 21 ноября 1880 г. в Селемеки Эстляндской губернии. Евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил Его Величества Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба (1905 г.). Из Пажеского корпуса выпущен корнетом 9 августа 1899 г. в Лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк. 9 августа 1903 г. произведен в поручики. По окончании Николаевской академии Генерального штаба 28 мая 1905 г. произведен в капитаны и прошел годовой курс офицерской кавалерийской школы (1906 г.). С 20 ноября 1906 г. по 2 ноября 1908 г. — командир эскадрона в Лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку.

По Генеральному штабу начал служить 26 ноября 1908 г. старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. На фронт Первой мировой войны вышел в составе штаба 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. 6 декабря 1914 г. произведен в полковники. С 24 декабря 1915 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. С 24 декабря 1916 г. — начальник штаба Свеаборгской крепости.

В 1918 г. вернулся из Гельсингфорса в Эстонию и поселился в Ревеле. В начале 1919 г. вошел в связь со штабом генерала Юденича, однако не был официально зачислен в Северный корпус.

Генерал А.П. Родзянко вспоминает встречу в середине апреля 1919 г. «Встретившись с полковником Генерального штаба Крузенштиерном (так в тексте. — Н.Р.), проживавшим в Ревеле в качестве частного лица, я официально предложил ему, в случае назначения меня командующим корпуса, быть у меня начальником штаба. Полковника Крузенштиерна я знал давно и ценил его: мы были одного выпуска из Пажеского корпуса, где он был фельдфебелем»¹.

В конце апреля 1919 г. приказом эстонского Главнокомандующего генерала Лайдонера вместо полковника фон Валя (отказавшегося открыто высказаться за независимость Эстонии) по настоянию генерала Родзянко начальником штаба Северного корпуса был назначен полковник О.А. Крузенштерн.

Однако он остался в Ревеле с командующим корпусом — полковником А.Ф. Дзерожинским, в то время как генерал Родзянко со своим полевым штабом, взятым им из 2-й бригады, начал 13 мая наступление на Нарвском фронте.

Вечером 14 мая полковник О.А. Крузенштерн присутствовал на переговорах генерала Родзянко с полковником Дзерожинским относительно формальной передачи ему командования корпусом².

25 мая 1919 г., после отдачи приказа о своем временном вступлении в командование Северным Корпусом, генерал Родзянко произвел полковника О.А. Крузенштерна в генерал-майоры (приказ по Северо-Западной армии прошел только 15 августа 1919 г.) и назначил его «Главным Начальником Тыла». «Управляющим гражданской частью был назначен полк. Хомутов, Начальником сообщений полк. Третьяков, Начальником снабжения полк. Поляков. Все эти отделы были в непосредственном ведении генерала Крузенштерна и в эти назначения я не вмешивался, тем более, как я уже сказал, выбор был не велик и особенно разбираться не приходилось»³.

Тогда же был создан «полевой штаб», начальником которого был назначен полковник Зейдлиц, никогда не служивший по Генеральному штабу. Таким образом, полковник Генерального штаба О.А. Крузенштерн так фактически и не вступил в свою должность в той части, которая относилась к оперативной и разведывательной работе. Необходимость наладить работу тыла была очевидной. Но отсутствие на генерал-квартирмейстерской службе полевого штаба офицера-генштабиста с оперативным опытом — характерный промах генерала Родзянко, привыкшего недооценивать роль хорошо отлаженного штаба и пытавшегося подменять его собственной энергией и подвижностью.

В связи с возникновением Северо-Западного правительства и вхождения в него в качестве военного министра генерала Юденича, генерал-майор О.А. Крузенштерн был назначен 31 августа 1919 г. начальником канцелярии военного министра.

Тогда же О.А. Крузенштерн был послан генералом Юденичем в Варшаву с полномочиями вести переговоры с польскими и русскими финансовыми кругами, а также с польским правительством о займе для Северо-Западной армии⁴.

После выхода генерала Юденича из состава Северо-Западного правительства 3 декабря 1919 г. генерал-майор Крузенштерн был переведен «в резерв чинов». Остался жить в Эстонии. В начале 1930 г. переехал в Бразилию, где и скончался в 1935 г. в Сан-Паулу.

Леонтьев Михаил Евгеньевич
Генерал-майор Генерального штаба

Родился 8 ноября 1881 г. Окончил Пажеский Его Величества корпус и Николаевскую академию Генерального штаба (1908 г.).

Из Пажеского корпуса выпущен 1 сентября 1900 г. корнетом в Лейб-гвардии Драгунский полк. Произведен в поручики 10 августа 1906 г.

В мае 1908 г., после окончания Академии Генерального штаба по 1-му разряду, произведен в капитаны и прикомандирован к 5-му гусарскому Александрийскому полку для отбывания стажа командиром эскадрона. С октября 1908 г. по октябрь 1909 г. успешно прошел курс Офицерской кавалерийской школы.

Службу по Генеральному штабу начал 27 ноября 1911 г. — старшим адъютантом штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии.

С началом войны 1914 г. — старший адъютант штаба 22-й пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием за то, что в боях 2 и 5 октября 1914 г., будучи командирован на боевые участки «под действительным ружейным и артиллерийским огнем выполнил возложенное на него поручение и своим докладом помог начальнику дивизии уяснить действительную обстановку и тем содействовал в достижении цели, поставленной дивизии»¹.

В марте 1917 г. назначен начальником штаба Заамурской кавалерийской дивизии. Приказом по Армии и Флоту от 11 сентября 1917 г. «За отличия по службе» начальник штаба Заамурской кавалерийской дивизии полковник Леонтьев был произведен в генерал-майоры по Генеральному штабу.

В начале 1918 г. был мобилизован в Красную Армию. Среди офицеров Генерального штаба, занимавших должности на-

чальников штабов дивизий в РККА, А.Г. Кавтарадзе называет полковника М.Е. Леонтьева² (А.Г. Кавтарадзе видимо, пользовался документами о производстве не до самого конца 1917 г.): Действительно, в сборнике документов «Директивы командования фронтов Красной Армии» (Т. 4. М., 1978. С. 582) значится начальник штаба Вятской дивизии Леонтьев М.Е.

Вятская особая дивизия была сформирована 1 октября 1918 г. в составе 6-й армии Северного фронта. 28 октября вошла в состав 2-й армии Восточного фронта (участвовала в подавлении Ижевско-Воткинского восстания 8 ноября 1918 г.). Расформирована 15 декабря 1918 г.³

После расформирования Вятской дивизии имя генерал-майора М.Е. Леонтьева в документах Красной Армии не встречается. Нет его больше и в общем списке военных специалистов — бывших офицеров Генерального штаба, составленном А.Г. Кавтарадзе.

Причина, видимо, в том, что А.Г. Кавтарадзе пользовался списками Генерального штаба Красной Армии от 15 июля 1919 г. и 1 октября того же года⁴, когда генерала Леонтьева в ней уже не было. Следовательно, генерал М.Е. Леонтьев перешел к белым вскоре после расформирования Вятской дивизии в декабре 1918 г.

Нам не удалось найти документы о его зачислении в Северо-Западную армию, однако, забегаая вперед, укажем, что на многих собраниях чинов Союза Северозападников в Париже он участвует как председатель Союза. В связи с празднованием 50-летнего юбилея служения генерала Н.Н. Юденича в офицерских чинах, председателем Русского Обще-Воинского Союза генералом Е.К. Миллером был создан в Париже Юбилейный комитет, который возглавил генерал П.Н. Шатилов. В этот комитет вошел и генерал-майор Леонтьев⁵ в качестве председателя Союза Северозападников. На торжественном собрании в Париже 22 августа 1931 г. генерал М.Е. Леонтьев лично поднес генералу Н.Н. Юденичу адрес Союза чинов Северо-Западной армии, где в частности говорилось: «...мы же сражались под Вашим начальством в рядах Северо-Западной армии, были одухотворены Вашим высоким порывом освобождения Родины от большевизма»⁶.

Учитывая, что материалы в приказы по Северо-Западной армии доводились с большим запозданием, допустимо предположить, что генерал-майор М.Е. Леонтьев находился в

распоряжении командующего армии и в качестве такового был откомандирован как представитель Северо-Западной армии к генералу Деникину во ВСЮР. В приказе Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России от 2 сентября 1919 г. за № 2158 значится генерал-майор Генерального штаба Леонтьев, зачисленный в резерв чинов.

Леонтьев, будучи на юге, видимо, имел отношение к делам откомандированных в Северо-Западную армию офицеров. Так, в частности, он был озабочен судьбой и устройством в штабе Северо-Западной армии прибывшего в Нарву полковника Генерального штаба Василия Васильевича Уперова. П.К. Кондзеровский в письме-докладе генералу Юденичу от 7 октября 1919 г. писал: «...от Леонтьева я получил телеграмму, не вызову ли его (полковника В.В. Уперова. — Н.Р.) в Ревель, ввиду вышедших недоразумений в штабе армии»⁷.

Полковник В.В. Уперов жаловался генералу Кондзеровскому на прием, оказанный ему в Нарве начальником штаба армии генералом Вандамом, и просил отправить его в Финляндию.

После зачисления во ВСЮР генерал М.Е. Леонтьев продолжал служить и в Русской армии генерала Врангеля. В списке офицеров Генерального штаба Русской армии на 1 августа 1922 г. он числится в ней, проживая в Суботице в Сербии⁸. В середине 20-х годов он переехал в Париж, где, начиная с 1930 г., постоянно избирался председателем Союза чинов Северо-Западной армии. В Добровольческий день в Париже (в годовщину 1-го Кубанского и Степного походов) на собрании 28 февраля 1932 г. под председательством генерала Е.К. Миллера, от имени Союза Северозападников выступил генерал М.Е. Леонтьев, сказав, что «борьба не кончилась, генерал Миллер всех объединил, все слились в единый Р.О.В.Союз»⁹.

Генерал Леонтьев часто выступал с докладами в Обществе офицеров Генерального штаба и на собраниях Союза Северозападников. Укажем на некоторые из них. По сообщению газеты «Возрождение», 17 июня 1932 г. в помещении пенсiona Vegade в Париже состоялся доклад Председателя Союза Северозападников на тему: «Конная атака 2-й бригады 4-й Кавалерийской дивизии под Нерадовом, 3 июля 1915 г.».

4 января 1933 г., как сообщает та же газета, генерал М.Е. Леонтьев прочел доклад на собрании офицеров Генерального штаба в помещении Союза Галлиполийцев в Париже на тему:

«Кавалерийский устав Красной армии». 19 марта 1933 г. выступил с докладом на собрании Союза Северозападников на тему: «Экономическое сотрудничество Германии с Советской Россией».

20 августа 1933 г., согласно газете «Последние Новости», он же выступил на собрании Союза Северозападников с докладом «Голод в Советской России».

28 апреля 1934 г., согласно газете «Возрождение», им вновь в Обществе офицеров Генерального штаба сделан доклад: «Служба и быт командного состава Красной армии». Доклад состоялся в помещении РОВСа на rue du Colisee, из чего можно заключить, что генерал-майор Леонтьев выступал иногда в РОВСе как консультант по Красной Армии.

К деятельности М.Е. Леонтьева следует отнести его участие в организации благотворительных балов и концертов в пользу Союза Инвалидов и Союза Северозападников.

Отметим также, что незадолго до начала Второй мировой войны генерал М.Е. Леонтьев присутствовал вместе с другими представителями русских воинских организаций на приеме Великого Князя Владимира Кирилловича в Галлиполийском Собрании Парижа¹⁰.

В течение многих лет он состоял членом Союза Пажей и Общества офицеров Генерального штаба.

Скончался генерал-майор М.Е. Леонтьев в Париже 6 февраля 1942 г.¹¹

**Светлейший князь Ливен
Анатолий-Леонид Павлович
Полковник**

Родился 16 ноября 1873 г. в Петербурге. Лютеранского вероисповедания. Окончил классическую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

4 сентября 1895 г. был зачислен в Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк как вольноопределяющийся по 1-му разряду. Успешно выдержав экзамены при Николаевском кавалерийском училище, был произведен в корнеты 7 сентября 1896 г. Высочайшим приказом по Гвардейскому корпусу от 23 августа 1898 г. переведен в запас, а 21 декабря 1908 г. вышел из запаса в отставку. Овдовев и выйдя в отставку, князь Ливен успешно занялся ведением хозяйства в родовом имении Межотне Бауского уезда неподалеку от Митавы.

В августе 1914 г., во время мобилизации, по собственному желанию вернулся в полк и исполнял должность младшего офицера в эскадроне Ее Величества. (Согласно официальным данным зачисление в полк произошло только в 1915 году.)

Князь Ливен отличился в Виленском сражении. По решению Георгиевской Думы командующий 5-й армии наградил князя Ливена орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что в бою 31 августа 1915 г., будучи выслан со своим взводом для содействия эскадрону при атаке деревни Якяны с юга, скрытно развернул свой взвод, лихо и неожиданно атаковал превосходящего в силах, не менее полуэскадрона, противника, выбил его из деревни Якяны, причем сам зарубил офицера и несколько нижних чинов. Большая часть противника была изрублена. Немцы бросились бежать. Увлекая своей храбростью нижних чинов взвода, он на плечах уходящего противника ворвался в деревню Абкарты, где изрубил обоз, захватил

походную кухню и вьюк с документами и картами. Своей лихой атакой корнет Светлейший князь Ливен способствовал всеобщему наступлению» (§ 31 статьи 8 Георгиевского статута)¹.

19 сентября 1915 г. произведен в поручики, 19 сентября 1916 г. в штаб-ротмистры. За участие в боях в этот период был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и английским Военным крестом Виктория (Victoria Cross).

В апреле 1917 г. был представлен к производству в ротмистры, однако производство состоялось много позже.

После демобилизации из армии в конце 1917– начале 1918 г. ротмистр князь Ливен оказался в Вендене, так как его имя осталось по ту сторону фронта.

18 февраля 1918 г., как он сам пишет, «...за сутки до начала германского наступления на Псков и Нарву... большевики арестовали меня с женой и несовершеннолетней дочерью»².

В качестве заложников князя Ливена с семьей вместе с другими (общим числом в 161 человек) отправили в Екатеринбург, где заключили в тюрьму.

Однако всех заложников из прибалтийского края, согласно § 6 Брест-Литовского мира, большевики обязались вернуть, и в марте 1918 г. семья князя Ливена была передана германцам в Орше. По возвращении в Прибалтику князь ротмистр А.П. Ливен находился в Риге, откуда в середине декабря 1918 г. выехал совместно с генералом А.П. Родзянко в Либаву для встречи с прибывшим на Балтику командиром английской эскадры адмиралом Синклером.

В результате этой встречи (см. биографию генерала А.П. Родзянко) князь Ливен решил не ехать вместе с генералом Родзянко, полковником Паленом и другими офицерами в Ревель в распоряжение командира Северного корпуса, а остаться на месте, в Либаве, с тем чтобы организовать «Либавский добровольческий стрелковый отряд» (ставший впоследствии широко известным как «Ливенский отряд»)³.

Хотя князь Ливен, как сам подчеркивает, всегда помогал желающим отправиться в Северный корпус, а позже в Северо-Западную армию, он все же считал, что помощь союзни-

ков будет оказана этой армии «...лишь постольку, поскольку эта русская армия будет помогать очищать территорию Эстонии от большевиков»⁴.

Главным же соображением, толкавшим князя оставаться в Либаве, а в дальнейшем на территории Латвии «...была близость Германии, где в это время находился неисчерпаемый запас людей для пополнения любых частей, а именно не меньше миллиона русских военнопленных»⁵. Даже небольшой процент добровольцев от их общей численности представлял уже грозную силу.

В исполнение своего плана князь Ливен договорился с командиром прибалтийского ландесвера майором Флетчером, его начальником штаба графом Дона о временном подчинении им русского добровольческого отряда, за что отряд стал получать полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие⁶.

Вместе с тем чины отряда, получившие немецкое обмундирование, сохранили русские погоны, русскую кокарду на фуражке, а на левом рукаве бело-сине-красную угловую нашивку и под ней белый четырехгранный крест. В отряд принимались только офицеры русской службы и добровольцы русско-подданные. Германские военнослужащие не принимались. Отряд шел под национальным русским бело-сине-красным флагом.

Как подчеркивает князь Ливен, «я определенно заявлял Германцам, союзникам и Русским, что я не германofil и не антантоphil, а лишь русский патриот, который принимает помощь от кого угодно, если она идет на пользу русского дела»⁷.

15 января 1919 г. был отдан первый приказ по сформированному к этому времени отряду, а 31 января ротмистр князь Ливен выступил с отрядом в 65 штыков и двумя пулеметами на фронт, проходивший тогда по реке Виндаве, и занял позиции у небольшого порта Паульсгафен, у самого берега моря. 26 февраля, усиленный эскадроном штабс-ротмистра барона Гана, отряд участвовал в боях за город Виндаву, где пополнился новыми добровольцами, в том числе и бывшими русскими офицерами.

8 марта к ливенцам при занятии отрядом, совместно с балтийским ландесвером, местечка Гольдингера, перешли из ландесвера русская рота капитана Дыдорова и пулеметная рота штабс-капитана Эшольца.

Генерал от инфантерии Н.Н.Юденич

Н.Н.Юденич за работой.
Стоят: П.А.Томилов
и Е.В.Масловский

Командующий Кавказской армией
генерал от инфантерии
Н.Н.Юденич

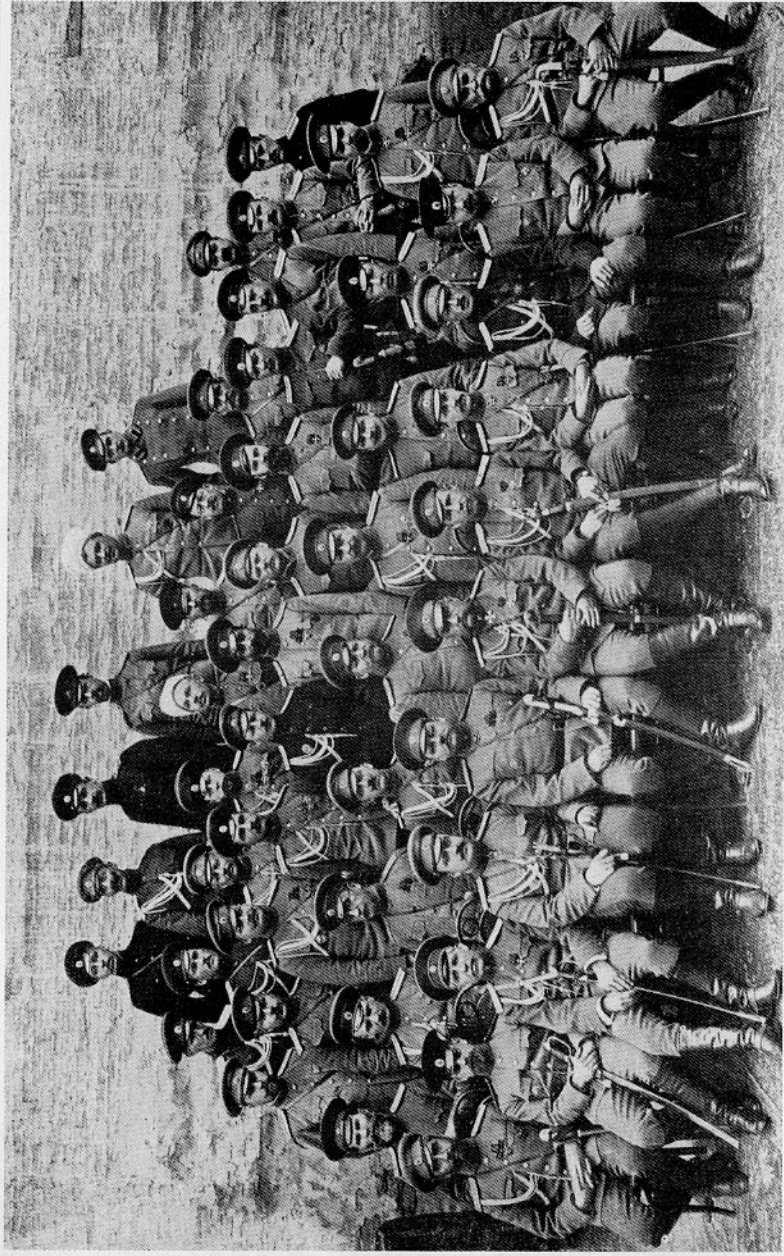

Ген. Н.Н.Юденич и ген. П.А.Томилов с управлением генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии. Стоят: капитаны Р.В.Злобин, Б.А.Штейфон, полковник Е.В.Масловский, подполковник Д.П.Драценко, капитаны Н.А.Де-Роберти, М.Н.Баташов

Кавалер ордена св. Георгия
2-й, 3-й, 4-й степеней генерал
от инфантерии Н.Н.Юденич

Ген. Юденич с чинами штаба Кавказской армии. 1916 г.

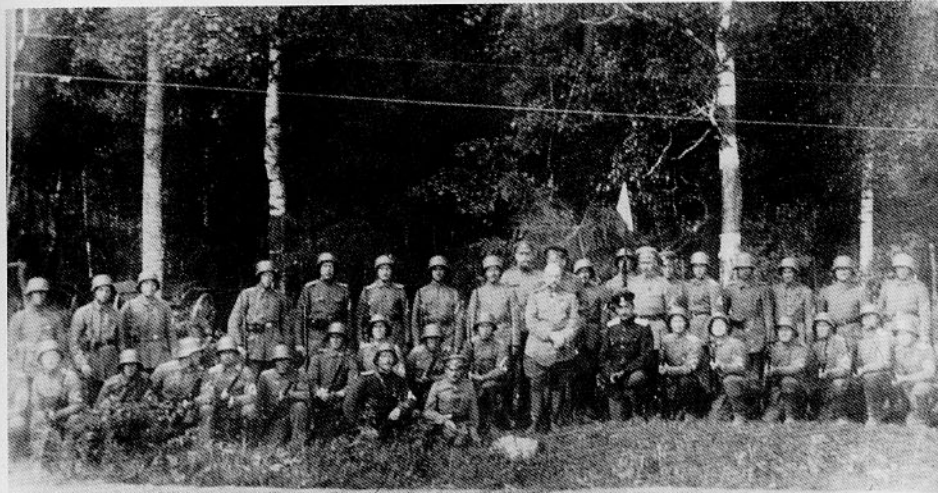
Августейший Главнокомандующий Кавказской армией Великий Князь Николаевич (в центре) и командующий Кавказской армией ген. Юденич с чинами штаба армии после Эрзерумской операции. 1916 г.

Генерал Н.Н.Юденич
и адмирал В.К.Пилкин
на пути из Гельсингфорса
в Ревель. Финский залив,
июль 1919 г.

Генерал Н.Н.Юденич и адмирал
В.К.Пилкин у штаба Северо-
Западной армии. Нарва,
2 октября 1919 г.

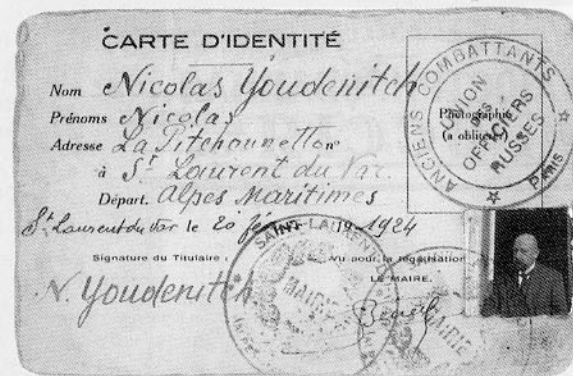
Ген. Юденич (в центре) с бойцами 2-й офицерской роты 1-го батальона
отряда св. кн. Ливена. Ст. Веймарн, конец июля (начало августа) 1919 г.

Ген. Н.Н. Юденич, адмирал В.К.Пилкин (крайний слева),
капитан 2-го ранга А.Н.Лушков. Северо-Западный фронт, октябрь 1919 г.

В саду у дома Томиловых. Стоят (слева направо): генерал П.А.Томилов, полковник Савельев, генерал Е.В.Масловский, генерал Н.Н.Юденич, полковник Прохоров, генерал П.Н.Ломновский. Сидят: Н.А.Томилова, А.Н.Юденич, Е.Н.Покотило (супруга капитана Н.А.Покотило, адъютанта Юденича), П.Ломновская. Фаброн, предместье Ниццы, 1929 г.
Из архива В.В.Пилкиной.

Удостоверение участника Первой мировой войны, выданное Н.Н.Юденичу французскими властями.
Из архива Н.С.Сокольского.

Карта на право льготного проезда в трамвае, выданная В.К.Пилкину. Ницца, 1943 г. Из архива Н.С.Сокольского.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССИЯ

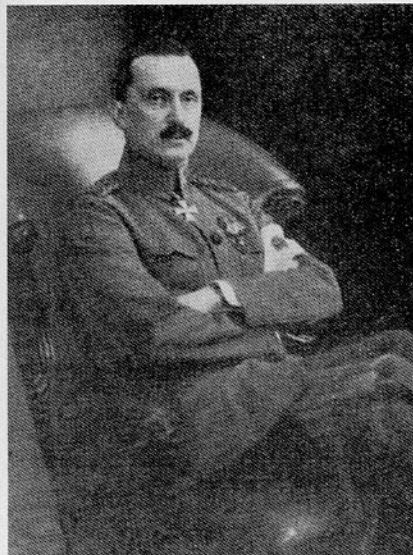

Командующий Кавказской армией
Генераль - отъ - Инфактерн М. М. ЮДЕНИЧЪ
(скончался 5 октября 1933 г. въ Ниццѣ)

Обложка номера
«Иллюстрированной России»,
извещающего русскую
эмиграцию о смерти
Н.Н.Юденича.
Париж, октябрь 1933 г.

Могила Н.Н.Юденича
и А.Н.Юденич на кладбище
Кокад в Ницце.

Фельдмаршал барон Карл Густав
Эмиль фон Маннергейм.

Генерал-лейтенант
П.К.Кондзеровский (Кондырев).

Капитан (позже — генерал-лейтенант) П.В. фон Глазенап.

Светлейший князь А.П.Ливен
во время Первой мировой войны.

Ротмистр светлейший князь
А.П.Ливен. Северо-Западная
армия, 1919 г.

Капитан К.И.Дыдоров, 1918 г.

Полковник К.И.Дыдоров, 20-е годы.

Светлейший князь А.П.Ливен (слева), капитан К.И.Дыдоров (в центре).
На подступах к Риге, май 1919 г.

Граждане Латвии: светлейший князь А.П.Ливен (в центре), К.И.Дыдоров (слева) и А.Д.Данилов (бывший командир полка в 5-й Ливенской дивизии). Режица, 1928 г.
Из архива М.Ю.Блинова.

Светлейший князь А.П.Ливен (в центре), капитан К.И.Дыдоров (крайний справа). Перед занятием Риги, май 1921 г. *Из архива М.Ю.Блинова.*

Портрет светлейшего князя А.П.Ливена.
Художник Е.Климов, 1935 г.

Ю.П.Герман. Фото из книги «Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы».

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE
PRÉFECTURE DES ALPES-MARITIMES
CERTIFICAT D'IDENTITÉ

Née le 13 April 1877
Valable jusqu'au 13 April 1938

Le présent certificat n'est valable pour le ressort dans le pays qui l'a délivré sans aucune mention spéciale inscrite sur le présent document. Il cessera d'être valable si le porteur plâtre à un moment quelconque, un dessin.

SIGNALEMENT	Nom de famille: Jakovlevtzeff
Prénoms: Ostélie	
Taille: 1 m 76	Date de naissance: 13 Janvier 1877
Age: 53 ans	Lieu de naissance: Blida
Cheveux: blancs	Nom de famille du père: Jakovlevtzeff
Vieillesse: non	Nom de famille de la mère: Blida
Marriage: non	<small>(Mariage des époux n'ayant eu aucun autre nationalité)</small>
Profession: Acte de l'épouse précédente	
Statut matrimonial: Acte de l'épouse précédente	
Autres détails en France: Chèques	
Statut actuel: Acte de l'épouse précédente	

Le titulaire certifie que la photographie et la signature apposées ci-dessus sont bien celles du porteur du présent document.

POUR LE PRÉFET
Le Sous-Préfet
Maire de Collobrières

M. J. J. H.
Blida

Удостоверение на право жительства, выданное французскими властями М.В.Ярославцеву. Из архива Р.Колупаева.

Архимандрит Митрофан (в миру М.В.Ярославцев, бывший генерал-майор, командовавший 2-й стрелковой дивизией Северо-Западной армии). Работ, Марокко, начало 50-х гг. Из архива Р.Колупаева.

VILLE DE PARIS
PRÉFECTURE DE POLICE

NOM S. PAIRIE DE TOLON,
Né le 13 Janvier 1877
Le décret du 21 décembre 1922
Le décret du 11 mars 1923
Le décret du 11 mars 1923
Le décret du 11 mars 1923
Le décret du 11 mars 1923

CERTIFICAT D'APTITUDE
à la conduite des
VOITURES DE GRANDE REMISE
AUTOMOBILES

N° **50.506**

Signature particulière: **M. Yaroslavtsev**
Signature du Titulaire: **M. J. J. H.**

Paris le 23 JUILLET 1929
LE PRÉFET DE POLICE
Le Maire Général

Водительское удостоверение М.В.Ярославцева, выданное в Париже, июль 1929 г. Из архива Р.Колупаева.

В начале марта 1919 г. Ливенский отряд совместно с балтийским ландесвером и латышским отрядом полковника Баллада принял активное участие в наступлении на Митаву и занял ее 18 марта. Некоторое время отряд оставался в городе, приводя себя в порядок и получая пополнения, а затем нес сторожевое охранение по реке Курляндская Аа, от Кальнецема до Митавы.

Воспользовавшись затишьем на фронте, князь Ливен выехал в Берлин с целью добиться получения пополнений для развертывания отряда из лагерей русских военнопленных в Германии. Прибыв в Берлин в конце апреля 1919 г. (о чем он дал знать телеграммами генералам Деникину и Юденичу), князь Ливен вскоре выяснил, что военный министр Носке, незадолго до этого подавивший мятеж военизированных коммунистических отрядов «Спартак», относится положительно к плану дальнейшего формирования русских добровольческих отрядов в Прибалтике. Это отношение нашло благоприятную почву в штабе главнокомандующего на востоке генерал-фельдмаршала Гинденбурга и в зависящем от него штабе охраны северных границ в Бартенштейне, где начальником был генерал фон Зеэкт (в прошлом начальник штаба группы войск генерал-фельдмаршала фон Макензена). Ему непосредственно был подчинен находившийся в Курляндии генерал граф фон дер Гольц⁸.

В Берлине князю Ливену, произведенному генералом Юденичем в полковники, удалось с помощью русского уполномоченного Красного Креста в Германии (в то же время председателя комиссии по вопросу о военнопленных) генерала Д.Н. Поточного, добиться согласия германских властей на отправку добровольцев из военнопленных в его отряд, как в индивидуальном порядке, так и группами, ротами, батальонами и эскадронами⁹. Вооружение, снаряжение и довольствие отряд полковника Ливена, развернутый в корпус, должен был получать из складов, находившихся в распоряжении генерала фон дер Гольца.

По возвращении на фронт князь Ливен принял первые пополнения из Германии и вскоре, 18 мая 1919 г., занял со своим отрядом Калнецемское предместное укрепление, где 18–20 мая отбил повторные атаки красных латышских частей (см. биографию полковника К.И. Дыдорова).

22 мая Ливенский отряд совместно с латышским отрядом

полковника Баллада перешел в наступление на Ригу. Двигаясь обходным путем по южному берегу озера Бабит, отряд уже ночью вышел к западным предместьям города. В то время как Балтийский ландесвер неожиданно прорвался к мосту через Двину и завязал бой в городе, во время которого был убит его командир граф Мантейфель, князь Ливен занял к вечеру северную часть города, включая Царский лес¹⁰. Одновременно капитан Дыдоров с частью отряда очистил от большевиков правый берег Двины до устья (см. биографию капитана Дыдорова), а князь Ливен навел порядок в занятой отрядом части города, собрав многочисленных пленных красноармейцев на заводе «Проводник».

24 мая князь Ливен выступил из Риги с большей частью своего отряда для преследования большевиков, отступавших по псковскому шоссе. Двигаясь по лесной дороге без достаточных мер охранения, отряд неожиданно нарвался на засаду красных неподалеку от станции Роденпойс. В коротком бою ливенцы отбросили красных, выдвинув батарею на прямую наводку, но и сами понесли немалые потери. Среди тяжело раненых оказался сам полковник князь Ливен. Пуля разбила ему бедро и ушла в живот.

Сдав командование отрядом капитану Дыдорову, князь Ливен после операции в рижском госпитале еще долго не мог ходить без костылей. От этого ранения он так и не оправился до самой смерти, несмотря на вторичную операцию в Германии, в госпитале Красного Креста в Висбадене, в 1922 г.

В возникшем в июне 1919 г. конфликте между эстонскими войсками, поддержанными латвийскими и Балтийским ландесвером, князь Ливен приказал приехавшему к нему в госпиталь капитану Дыдорову оставаться строго нейтральным. Это сказалось на отношении к русскому отряду прибывших в Ригу представителей союзников и, в частности, английского генерала Гофа: в середине июня в Либаве два батальона из отряда князя Ливена заменили уходившие германские войска, а один остался в Риге для несения караульной службы вместо Балтийского ландесвера.

Но в то же время в Митаву, где еще оставался штаб генерала фон дер Гольца, продолжали прибывать пополнения, набранные из русских военнопленных в Германии. Прибыли

отряды полковников Бермондта и Вырголича. Вместе с Ливенским отрядом они должны были быть объединены в Западный корпус Северо-Западной добровольческой армии во главе с полковником князем Ливеном¹¹.

Дабы не откладывать формирование штаба корпуса, князь Ливен, еще не оправившись от ранения, выписался из госпиталя в Риге 2 июля и на моторной лодке прибыл в Митаву. На носилках его пронесли перед строем встречавших его войск. Вместе с назначенным им начальником штаба генералом Яновым он начал формировать штаб корпуса¹². Согласно замыслу князя Ливена, корпус должен был наступать по берегу Двины вдоль Виндавско-Московской железной дороги, т.е. на правом фланге Северо-Западной армии.

Все эти планы рухнули, когда 9 июля 1919 г. пришел категорический приказ генерала Юденича о переброске всех частей корпуса на Нарвский фронт.

Полковники Бермондт и Вырголич, принявшие в свои отряды немецких инструкторов и некоторое количество немецких офицеров и унтер-офицеров из добровольцев, не желавших вернуться в Германию, отказались выполнить приказ генерала Юденича. Он был выполнен только полковником князем Ливеном. Вместе с ним выехал в Нарву и штаб корпуса во главе с генералом Яновым.

В середине июля в Нарву были переброшены два усиленных батальона из Ливенского отряда, стоявшие в Либаве, а вслед за ними технические части и батальон генерал-майора Верховского, стоявший в Риге.

31 июля с одним из последних пароходов, перевозившим войска в Нарву, — «Princess Marguerite» князь Ливен прибыл в устье реки Наровы в Гунгербург, откуда на катере под трехцветным флагом отправился в Нарву. Его встречали командующий армией генерал А.П. Родзянко и его заместитель по отряду капитан К.И. Дыдоров.

В Нарве, будучи гостем у генерала Родзянко, князь Ливен вместе с произведенным в подполковники К.И. Дыдоровым добились объединения своего отряда на одном участке фронта и развертывания батальонов в полки, составившие 5-ю Ливенскую дивизию Северо-Западной армии (см. биографию полковника К.И. Дыдорова).

Пробыв около месяца в Нарве, князь Ливен, в связи с

ухудшением его здоровья, был командирован генералом Юденичем в Лондон и Париж, с тем чтобы в то же время продолжать лечение. В Париже князь Ливен имел несколько встреч с начальником французского Генерального штаба генералом Вейганом, обещавшим доставить обмундирование «по крайней мере, на дивизию»¹³. Это намерение реализовано не было в связи с катастрофой, постигшей Северо-Западную армию в самом конце 1919 г.

В начале 1920 г. князь Ливен вернулся в свое родовое имение Мажотне, где после национализации, проведенной латвийским правительством, ему был оставлен лишь небольшой хутор. Не имея возможности продолжать свою довоенную хозяйственную деятельность, он уехал снова во Францию, где попытался с помощью генерала Юденича организовать «сельскохозяйственную колонию» на юге, с тем чтобы на ней смогли работать и содержать себя семейные офицеры Северо-Западной армии.

Однако эта попытка не увенчалась успехом, и 16 мая 1921 г.¹⁴ князь Ливен обратился к генералу Юденичу с просьбой финансировать его поездку на съезд в Бад-Рейхенгалле в Германии, с тем чтобы после съезда объехать лагеря, где еще находились офицеры Северо-Западной армии, с задачей, как он писал генералу Юденичу, «поддерживать связь и дух с теми, которые должны быть поддержаны... и укрепить их терпение». Генерал Юденич одобрил инициативу князя А.П. Ливена и, согласно резолюции на его письме, выслал ему чек на две тысячи франков.

В Рейхенгалле князь Ливен работал в военной комиссии, занимавшейся изучением положения русского белого офицерства в различных странах. Не рассчитывая, как он пишет, на интервенцию, комиссия рекомендовала «приготовиться к решительному моменту, который по всем данным может наступить очень скоро»¹⁵.

После съезда в Рейхенгалле князь Ливен посетил русский лагерь в Вюнсдорфе, где, как он писал, «подготавливаются небольшие кадры из моих бывших подчиненных». «Если высший совет монархических партий найдет средства, — заключает он в своем рапорте-письме генералу Юденичу из Парижа, — то этот небольшой отряд в полном его распоряжении для всяких действий — активных или пропагандных»¹⁶. По-видимому, князь А.П. Ливен отдавал себе отчет в том, что Рейхенгалльский съезд не оправдал надежд на активные дей-

ствия в «решительный момент», равно как и на попытки сохранить воинские кадры в лагерях, готовые выступить как воинские соединения. Его помыслы принимают другое направление.

Уже в письме от 22 октября 1921 г. из Риги князь Ливен спешил довести до сведения генерала Юденича: «...Предполагается издание в Риге под моим главным редактированием, при ближайшем участии С.А. Белоцветова и И.С. Лукаша... Архива по гражданской борьбе с большевизмом». Говоря, что в первую очередь планируется собирать материалы, касающиеся Северо-Западного фронта, он сообщает, что «мы уже имеем в нашем распоряжении некоторое количество интересных дневников»¹⁷.

Высказывая надежду на то, что генерал Юденич одобрит это начинание, князь Ливен обращается с просьбой к генералу Юденичу доверить те исторические материалы, которые он сочтет нужным передать этому Архиву¹⁸.

Но и в этой области, в издательском деле, князю Ливену пришлось далеко не сразу преодолеть те трудности, на которые наталкивались в эмиграции и авторы, и издатели, и в особенности тогда, когда дело шло о публикации исторических материалов о Гражданской войне.

Рижский «Архив» так и не вышел в свет. Князь Ливен выехал снова во Францию и со свойственной ему энергией принялся за новое дело: открыл в Париже гараж, где могли обучаться вождению машин и автомобильной механике офицеры, вынужденные зарабатывать себе на жизнь часто непосильным физическим трудом. Из этого гаража вышло немало шоферов парижских такси¹⁹. Но дело, будучи больше благотворительным, чем коммерческим, продолжалось недолго. Тем более что сам князь Ливен занимался больше делами в Союзе военных инвалидов и в других военных организациях. Гараж продержался до 1924 г.

Между тем, на пути из Парижа в Ригу, князь Ливен почувствовал себя плохо — раненая нога совсем ослабела. В связи с этим он обратился с пути из Висбадена к генералу Юденичу с письмом, в котором отражены как обстановка в Риге во время проезда через нее советской делегации в Геную²⁰, так и материальное положение его самого. Это письмо мы приводим полностью.

Wiesbaden (Allemagne)
Hansa-Hotel
Мая 19-го 1922 г.

Ваше Высокопревосходительство, Николай Николаевич.

Ужасно мне неприятно обратиться к Вам с личной просьбой, но надеюсь, что обстоятельства, в которых я нахожусь, объяснят этот шаг.

В Ригу я сейчас вернуться еще не могу. Мою жену и более 100 русских в Риге арестовали, во время проезда большевистской делегации из Москвы в Геную под подозрением организации заговора на драгоценную жизнь членов делегации. Жену через 2 дня освободили, но при обыске в моей квартире полиция забрала всю мою переписку. Я находился в пути в Ригу, но получил вовремя телеграмму не возвращаться, пока там не успокоятся.

Я хотел воспользоваться временем, чтобы подлечить ногу, которая вместо того, чтобы крепнуть — слабеет. Здесь доктор специалист установил, что вследствие того, что бедренная кость при моем ранении перебита, наступило недопитание всей кости правой ноги, а потому и прогрессирующее ослабление ноги.

Несмотря приходится мне теперь ложиться на операцию бедренной кости, которая будет сделана мне на будущей неделе. Затем мне придется пролежать 7 недель в гипсе. Зато, мне обещают восстановление деятельности ноги.

К сожалению, мое финансовое положение отчаянное. То есть в Латвии я могу не богато и не удобно, но кое-как прожить. За границей у меня ничего не имеется, и получить ниоткуда не могу. У жены есть кое-какие мелочи, которые я отвез в Париж, в марте, но до сих пор ничего не удалось продать.

Моя просьба сводится к тому: можете ли Вы мне теперь помочь на два месяца по 500 фр. в месяц, это на германскую валюту хватит для лечения. Я не могу Вам обещать срок, в который я возвращу этот долг, но постараюсь это при возможности сделать. Я обращаюсь к Вам, Ваше Высокопревосходительство, [потому] ч[то] Вы всегда были добры ко мне и видели меня вскоре после моего ранения в 1919 г.

Прошу передать мое почтение Вашей супруге и поклон кап. Покотило.

Искренно уважающий Вас и преданный

А. Ливен.

На письме пометка рукой генерала Юденича: «Послал чек на 500 fr., когда будет уведомление о получении, пошлю второй на 500 fr.»

Генерал Н.Н. Юденич послал князю Ливену не только деньги, но и письмо. Разыскать его нам не удалось. В ответ на

него в своем письме от 5 мая 1922 г., написанном еще на больничной койке, карандашом, князь Ливен писал: «Сегодня хочу только поблагодарить Вас не только за присланный чек 500 fr., но и за Ваше письмо, которое меня глубоко тронуло»²¹.

После 1924 г., ликвидировав свое предприятие в Париже, князь Ливен вернулся в свое родное имение Межотне в Латвии, где снова, как до войны, занялся сельским хозяйством, но теперь уже в очень ограниченных размерах.

Он писал генералу Юденичу в январе 1927 г.: «Я живу тихо и очень скромно в деревне на своем хуторе, жаловаться я не имею права, т.к. моя физическая жизнь обеспечена, но трудно работать, не имея вовсе наличных средств или доходов. То, что вырабатывает хутор, хватает только на оборот и пропитание»²².

Говоря о «работе», Ливен имел в виду издание материалов по Белому движению, ранее Юденич одобрил это начинание (см. на следующей странице его письмо Ливену от 6 декабря 1925 г.) Князь сообщал, что он «приступил к собиранию материалов, относящихся к противобольшевистской борьбе на подчиненном Вашему Высокопревосходительству Северо-Западном фронте»²³.

Далее, рассказывая о зарождении издания книг «Белое Дело», он писал: «Приступив к работе, я сошелся с ген. Лампе (Алексей Александрович), а затем с герц. Г.Н. Лейхтенбергским. Решено было — дело расширить и приступить к изданию «Белой Летописи», о которой ген. Лампе Вам пишет. Не будучи лично с Вами знаком, ген. Лампе прислал мне свое письмо на Ваше имя, с просьбой переслать Вам».

Говоря далее о уже собранных материалах, князь Ливен сообщает о статье, касающейся полковника Данилова, записке вольноопределяющегося Котомкина, воспоминаниях о Талябском полку и о записках полковника Смирнова.

Заканчивая письмо, он писал: «Со своей стороны присоединяюсь горячо к просьбе ген. Лампе о поддержке Вами Летописи, как Вашим именем, так и могущими быть у Вас на руках материалами»²⁴.

Усилия князя Ливена и его стремление вместе с бароном П.Н. Врангелем и герцогом Г.Н. Лейхтенбергским «...сохранить для России историю белых»²⁵, как сказано в предисловии [от редакции] первой книги «Белое Дело», вышедшей в октябре 1926 г., увенчались успехом.

19 6 25
 J. Kowalewski
 A. M.

Генералу Юденичу

Князь, Алексей Павлович.

Письмо, которое Вы мне извещаете о редком
 экземпляре Ваших изданий Архива по Белому делу
 и Северному фронту. В дубликате том Алексей
 Павлович. Это сотрудничество Ваше и многого
 знаю, но это не вошло в ее литературную
 историю Николая и Николая облучения по имени
 были лишь следствием факта.

Подвиге выскожите многократно.

1. Хотели ли у Вас материалы? Тем же
 образом издается в материале и его
 содержание в вышедшем, а нового нет.

Кроме Архива Россия еще «Рижан» и другие
 издания материалы, особенно много
 ленинских материалов, тогда Ваши материалы
 большого, а другие материалы будут мало.

2. На этот раз я хотел бы видеть... Совершенно
 точно я думаю о нем.

«Мне очень Вас благодарю»

Н. Рутыч

Письмо Н.Н. Юденича светлейшему князю А.П. Ливену

Ведя раздел Северо-Западной армии, князь А.П. Ливен писал генералу Юденичу 4 января 1927 г.: «Получили ли Вы первый том издаваемого ген. А. Лампе “Белое Дело”? Про Сев.-зап. Армию есть статья полк. Смирнова про Псковский период. Написана статья, по-моему, очень дельно...»²⁶

Во второй книге «Белое Дело» князь Ливен опубликовал биографический очерк Л.Ф. Зурова «Даниловы». В третьей книге вышел его собственный исторический очерк «В южной Прибалтике (1919 г.)» (Окончательная и расширенная редакция этих воспоминаний князя Ливена была опубликована в Риге в 1929 г., в «Памятке Ливенца». В предисловии к ним князь Ливен счел нужным отметить: «Часть записок была на-

печатана без моего ведома в Архиве русской революции т. II, Берлин 1921, анонимно, под названием “Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками на северо-западном фронте”, часть же я выпустил в “Белом Деле”, том III под заглавием “В южной Прибалтике”, кн. Ливен»). В той же третьей книге вышла статья генерала Д.Н. Потоцкого «Перед занятием Риги». В четвертой книге князь Ливен опубликовал воспоминания о Западной добровольческой армии штабс-капитана Коноплина, а также исключительно ценные документы из архива Лейб-гв. Семеновского полка, о переходе его к белым в мае 1919 г.

Последним усилием участников издания «Белое Дело» была публикация в двух книгах (V и VI) записок генерала П.Н. Врангеля. После чего издание прекратилось за неимением средств. Но на этом не иссякли неисчерпаемая воля и энергия князя Ливена.

В мае 1929 г., в дни 10-летия освобождения Риги от большевиков, он (собрал пожертвования) выпустил «Памятку Ливенца (1919–1929)», которая, хотя и «не претендует на полноту, требуемую от исторического труда»²⁷, до сих пор остается незаменимым источником для истории не только Ливенской дивизии, но в какой-то степени и для всей Северо-Западной армии.

Воспоминания и статьи самого князя А.П. Ливена, и. д. командира Ливенской дивизии К.И. Дыдорова, капитана Цельмина, генерал-майора М.Я. Хана Карант-Мирза Соболевского и многих других общим объемом в 190 страниц положили солидный фундамент для истории Ливенской дивизии.

Успех этого издания, не поступившего в продажу, но распространившегося по подписке, побудил князя Ливена продолжить свою деятельность по опубликованию ценных исторических материалов и воспоминаний как о Ливенской дивизии, так и о Северо-Западной армии.

В конце того же 1929 г. вышел первый номер журнала «Служба Связи Ливенцев», издание которого, под общей редакцией князя Ливена, взяло на себя Объединение Ливенцев в Данциге.

Со второго номера, вышедшего в мае 1930 г., журнал расширил сферу деятельности, в связи с чем само название журнала стало другим — «Служба Связи Ливенцев и Северозападников». В предисловии к нему сказано: «...издательство преследует [цель] расширить круг заинтересованных читателей, привлекая прежде всего Северозападников»²⁸.

Программой статьи нового журнала, как указывает редакция, явилась статья проживавшего тогда в Ревеле генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова «Спаянные Кровью». В номере были помещены также статьи генерала А.А. фон Лампе «Обзор военной литературы русской эмиграции», обширный политический обзор князя А.П. Ливена и его же статья «Похищение генерала Кутепова». В следующих номерах были опубликованы воспоминания генерала М.В. Ярославцева, являвшиеся по существу историей боевых действий 2-й стрелковой дивизии Северо-Западной армии, и мемуары многих других участников похода на Петроград. Князь Ливен помимо регулярных политических обзоров почти в каждом номере публиковал свои статьи, как, например, «Военный гений Суворова»²⁹. Статья была изложением его доклада, прочитанного 28 ноября 1930 г. в Риге в помещении Русского клуба по случаю 200-летия со дня рождения Генералиссимуса А.В. Суворова.

Последний, восьмой номер «Службы Связи» вышел в сентябре 1936 г. Князь Ливен продолжал сотрудничать в «Часовом» и в рижской газете «Сегодня». В середине 30-х годов к последствиям тяжелого ранения в бедро и живот у князя Ливена добавилась болезнь сердца, заставившая его пройти курс лечения на Кеммерском курорте в Латвии. Но 3 апреля 1937 г., сразу после возвращения домой, князь Анатолий Павлович Ливен внезапно скончался.

Погребение состоялось в его родовом имении Межотне, куда 7 апреля прибыли многочисленные делегации, и прежде всего Ливенцы во главе с полковником К.И. Дыдоровым, ставшие в почетный караул у гроба.

В качестве представителя военного министра Латвии и соратника князя Ливена в 1919 г. генерала Я. Баллойдиса на похороны прибыл начальник Высшей военной школы генерал Г. Розенштейн, возложивший на могилу огромный венок красных роз с надписью: «От военного министра и латвийской армии». Барон Раден и граф Кайзерлинг возложили венки от чинов бывшего Балтийского ландесвера. С бело-синекрасной и черно-оранжевой георгиевской лентой возложил венок от соратников князя полковник К.И. Дыдоров.

Многочисленные венки были возложены от прибывших русских общественных и академических организаций, в том числе от Пушкинского комитета, Русского Академического Общества, Русской студенческой корпорации «Рутеня» и др.

Все они говорили, как подчеркивает редакция журнала «Часовой», что князь Ливен был не только доблестным воином и Георгиевским кавалером, но и душой и организатором первого русского добровольческого отряда в южной Прибалтике. Отряда, развернутого в 5-ю Ливенскую дивизию Северо-Западной армии³⁰.

Несмотря на осложнившее ему жизнь тяжелое ранение, князь Ливен оставил заметный след в общественной жизни эмиграции, в том числе публикацией ценнейших исторических материалов и, конечно, своим трудом о зарождении и боевом пути Ливенского отряда.

Его душевные качества позволили ему, всего лишь гвардейскому ротмистру, повести за собой не только офицерскую молодежь и многочисленных добровольцев, но и заслуженных боевых полковников и генералов, охотно ставших в ряды его отряда.

Его жизнь остается примером сочетания боевой доблести, душевного обаяния и упорного творческого подвига в тяжелых, неблагодарных условиях эмигрантской жизни.

Лушков Александр Николаевич Капитан 2-го ранга

Родился 2 августа 1888 г.¹ Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Уроженец Кронштадта. Окончил Морской корпус в 1906 г. После плавания корабельным гардемаринном на эскадренном броненосце «Слава» 6 апреля 1907 г. произведен в мичманы. Плавал на эскадренном миноносце «Доброволец» с сентября 1907 по апрель 1909 г., а затем, после зачисления в штурманские офицеры 2-го разряда (23 мая 1909 г.), назначен 20 августа 1909 г. и. д. старшего офицера эскадренного миноносца «Всадник» (командиром которого был Георгиевский кавалер капитан 2-го ранга В.К. Пилкин). 18 апреля 1910 г. произведен в лейтенанты.

27 сентября 1910 г. зачислен в офицерский класс, который окончил 23 сентября 1911 г. До начала 1914 г. — преподаватель артиллерии в классе унтер-офицеров и в Артиллерийском офицерском классе, в то же время числился на линейном корабле «Александр II». Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

С 18 февраля 1914 г. по 6 февраля 1915 г. младший артиллерийский офицер на броненосном крейсере «Рюрик». За отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

По настоянию командира новейшего линейного корабля «Петропавловск» капитана 1-го ранга В.К. Пилкина назначен старшим артиллерийским офицером на этом корабле. «За самоотверженность, мужество и усиленные труды награжден 30 декабря 1915 г. орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и тогда же произведен «за отличия» в старшие лейтенанты.

К этому времени относится аттестация за январь—август 1915 г., подписанная капитаном 1-го ранга В.К. Пилкиным:

«Способен к строевой службе и преподаванию. Вполне нравственный. Веселого, энергичного характера. Хорошего здоровья. Вполне воспитан и дисциплинирован. Знает французский язык. Выдающийся офицер по своим способностям, знанию, смелости, решительному характеру и инициативе. Заслуживает особого внимания начальства и движения по службе. Будет впоследствии отличным командиром»².

В 1917 г. назначен вр.и.о. флагманского офицера штаба 1-й бригады линейных кораблей. В конце 1916 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Согласно декрету СНК, объявленному в приказе по флоту 30 января 1918 г., уволен от службы (приказ командующего флотом Балтийского моря № 209 от 3 апреля 1918 г.)

В начале 1919 г. оказался в Финляндии и вошел в связь с контр-адмиралом В.К. Пилкиным. В июле 1919 г. выехал в Эстонию, был зачислен в Северо-Западную армию и стал ближайшим помощником адмирала Пилкина в Морском походном штабе, расположенном в Нарве.

По некоторым сведениям, участвовал в организации связи с офицерами флота в Петрограде и, в частности, был близок к лейтенанту А.А. Шмидту, служившему курьером между Морским походным штабом и группой офицеров — участников подготовки восстания, состоявших при адмирале М.К. Бахиреве и организации И.Р.Кюрца.

В январе 1920 г. совместно с В.К. Пилкиным принял участие в работе Ликвидационной комиссии по передаче валютных фондов, оставшихся от банковских переводов адмирала А.В. Колчака.

В 1920 г. переехал во Францию и, благодаря своим организаторским способностям и деловому навыку, много помогал адмиралу В.К. Пилкину в Париже в его деятельности в качестве поверенного Н.Н. Юденича в делах по ликвидации долговых счетов Северо-Западной армии и помощи ближайшим сотрудникам генерала по штабу армии.

В связи с поездкой капитана 2-го ранга Лушкова из Парижа на юг Франции адмирал В.К. Пилкин писал генералу о нем 16 января 1921 г.: «Завидуем Александру Николаевичу Лушкову, который на днях будет на юге и Вас увидит. Вам, несомненно, известно, что Лушков пользуется полным моим доверием. Человек более 10-ти лет со мной непрерывно служивший и если бы Вам было угодно дать ему какие-либо поручения в Париже, он, конечно, исправно их выполнит»³.

В начале 20-х годов капитан 2-го ранга А.Н. Лушков переехал на юг Франции и занялся садоводством на ферме неподалеку от города Обань (Aubagne), примерно в 20 км к востоку от Марселя. Там он прожил около 30 лет.

После кончины Александра Николаевича Лушкова 30 ноября 1954 г. его коллега по выпуску из Морского корпуса Н.Д. Семёнов-Тян-Шанский в некрологе о своем друге писал: «...он был одаренным работником, сам ухаживал за фруктами и виноградниками и все спорилось в его неутомимых руках... в своем небольшом, но гостеприимном доме со своей супругой и дочерью всегда был рад принять своих друзей и знакомых»⁴.

Похоронен на городском кладбище в Обань (Aubagne)⁵.

Барон Людинкгаузен-Вольф*
Николай Евгеньевич
Генерал-майор

Родился 3 августа 1877 г. Уроженец Санкт-Петербургской губернии. Из дворян, сын ротмистра. Православный. Окончил 1-й Кадетский корпус и Павловское военное училище. 15 августа 1897 г. произведен в подпоручики и вышел в 92-й пехотный Печорский полк.

Приказом № 104 от 12 октября 1898 г. с разрешения военного министра прикомандирован к Лейб-гвардии Финляндскому полку. Высочайшим приказом, отданным 5 июня 1899 г., переведен в Лейб-гвардии Финляндский полк. Произведен в поручики 6 декабря 1901 г. Назначен батальонным адъютантом 3-го батальона 20 октября 1904 г. Произведен в штабс-капитаны 6 декабря 1905 г.

10 февраля 1908 г. назначен временно командующим 7-й ротой, 23 сентября 1908 г. — заведующим школой подпрапорщиков. Временно принял командование 6-й ротой. Произведен в капитаны 28 апреля 1911 г. и награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 10 апреля 1911 г. назначен командиром 5-й роты и 1 мая того же года принял ее на законном основании¹.

На фронт Первой мировой войны выступил в составе Гвардейского корпуса и участвовал в Галицийской битве. Был ранен 26 августа 1914 г., но вскоре вернулся в строй. За участие в боях гвардии был награжден в 1915 г. орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, к ордену Св. Станислава 3-й степени мечами и бантом, орденом Св. Станислава 2-й степени и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

* Обычно именовался и подписывался, в частности на послужном списке, как «барон Вольф», с указанием чина.

19 июля 1915 г. тяжело контужен во время боев с прусской гвардией под Красновом и эвакуирован из полка для лечения. По излечении был причислен к 1-й категории и после снятия с учета 25 сентября 1915 г. числился при запасном батальоне полка в Петрограде. Произведен в полковники 10 апреля 1916 г. со старшинством с 16 сентября 1915 г.²

Осенью 1918 г. полковник барон Вольф оказался в Пскове. Нам неизвестно, находился ли он уже раньше на территории Эстонии, оккупированной немцами в марте 1918 г., или же перешел, как многие другие, демаркационную линию, занятую германскими войсками, и получил разрешение на проживание в Пскове.

В конце сентября 1918 г. он вошел в инициативную группу совместно с ротмистрами В.Г. фон Розенбергом, Г.А. Гоштовтом (на родственнице которого Марии Иосифовне Гоштовт он был женат) и А.К. Гершельманом с целью добиться от германских оккупационных властей разрешения на создание русской добровольческой Северной армии.

10 октября 1918 г., сразу после прибытия представителей германского командования на Восточном фронте майоров фон Клейста и фон Трептова (см. биографию ген. Вандама) состоялось совместное русско-германское совещание, на котором было решено приступить к формированию Псковского добровольческого корпуса как основы для будущей Северной армии. Тогда же было достигнуто соглашение о назначении командующим корпусом генерала Вандама. Полковник барон Вольф был избран в качестве делегата, посылаемого к генералу Вандаму с этим предложением в имение графа П.М. Стенбока под Ревелем, где тогда проживал генерал Вандам.

Через несколько дней, при формировании генералом Вандамом штаба корпуса, полковник барон Вольф был назначен офицером для поручений. Одной из первых задач, порученных ему, была поездка в Германию с целью организовать набор добровольцев в лагерях русских военнопленных. Германские власти не разрешили делегации во главе с полковником бароном Вольфом посещать лагерь, и она выбыла обратно в Псков.

Вскоре после отступления Псковского корпуса из Пскова, когда новый командующий корпусом полковник Г.Г. фон Неф подписал договор с эстонским правительством и переформи-

ровал свой штаб, полковник барон Вольф был назначен в начале декабря 1918 г. дежурным генералом штаба корпуса при новом начальнике штаба полковнике В.В. фон Вале. Он оставался на этой должности, когда в начале января 1919 г. полковник А.Ф. Дзержинский заменил полковника фон Нефа на посту командующего корпусом.

Когда после успешного майского наступления фактический командующий Северным корпусом генерал Родзянко принял, согласно приказу от 1 июня 1919 г., командование корпусом от полковника А.Ф. Дзержинского, штаб корпуса снова был переформирован. Но по воспоминаниям генерала А.П. Родзянко, «дежурным генералом оставался полк[овник] барон Вольф»³. Он исполнял эту должность до ликвидации Северо-Западной армии.

Нам не удалось разыскать точной даты производства полковника барона Н.Е. Вольфа в генерал-майоры. Согласно некоторым данным это производство произошло в июле 1919 г., когда начальником штаба армии стал генерал Вандам, а генерал-квартирмейстером генерал Малявин.

В своей деятельности дежурного генерала барон Вольф занимался не только назначениями и перемещениями в должностях по армии. Например, В.Л. Горн приводит в своей книге текст телеграммы, полученной 25 октября 1919 г. министром земледелия Северо-Западного правительства Богдановым от дежурного генерала армии по поводу приговора военного суда над членами Гдовского кооперативного союза, подписанного генералом бароном Вольфом⁴.

После ликвидации Северо-Западной армии барон Вольф недолго оставался в Эстонии. В самом начале 20-х годов он выехал во Францию и устроился на работу в Марселе. Генерал барон Н.Е. Вольф скончался на 52-м году жизни, 28 декабря 1928 г. Похоронен на одном из городских кладбищ Марселя — Св. Канэ (St Canet).

Малявин Борис Семенович
Генерал-майор Генерального штаба

Родился 30 июля 1876 г., православного вероисповедания. Уроженец Волынской губернии. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1907).

Из училища выпущен подпоручиком 13 августа 1897 г. и назначен в 6-й Киевский саперный батальон. 1 августа 1900 г. произведен в поручики. 20 августа 1902 г. командирован держать экзамен в Николаевскую академию Генерального штаба. 27 октября зачислен в академию. 1 октября 1903 г. произведен в штабс-капитаны. 22 апреля 1904 г. покинул академию, чтобы перевестись в действующую армию, с предоставлением права по окончании военных действий вернуться в академию.

Участвовал в Русско-японской войне. 5 сентября 1904 г. прикомандирован к штабу 10-го армейского корпуса, 27 января 1905 г. назначен и. д. обер-офицера для особых поручений при штабе 10-го армейского корпуса, 18 мая 1905 г. назначен и. д. старшего адъютанта по строевой части корпуса.

За время войны награжден орденами: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом «За отличия в боях с 13 по 20-е августа 1904 г.»; Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом «За отличия в боях с 26 сентября по 5-е октября 1904 г.»; Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» «За отличия в боях с японцами с 16 по 26-е февраля 1905 г.».

Кроме того, приказом Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, за № 1548, награжден чином капитана «за отличия в боях с 12 по 16 января 1905 г.», что было утверждено Высочайшим приказом 18 февраля 1906 г.

4 сентября 1905 г. откомандирован в академию для продолжения курса. 9 мая 1907 г., по окончании курса, был причислен к Генеральному штабу и прикомандирован для прохождения стажа командиром роты сначала в Лейб-гвардии Московский, а затем в 45-й пехотный Азовский полк¹.

Начал службу по Генеральному штабу 26 ноября 1909 г. помощником старшего адъютанта штаба Киевского военного округа. 24 ноября 1910 г. и. д. помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. С 26 ноября 1911 г. обер-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа.

В начале Первой мировой войны служил в штабе армий Юго-Западного фронта. С 16 июля 1915 г. — начальник отделения в управлении генерал-квартирмейстера Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. 6 декабря 1915 г. произведен в полковники.

4 ноября 1916 г. назначен командиром 9-го стрелкового полка. Полк отличился в боях в Добрудже на Румынском фронте в составе 3-й стрелковой бригады, развернутой в стрелковую дивизию.

В конце 1917 г. полковник Б.С. Малявин был произведен в генерал-майоры. Нам неизвестно, каким образом генерал-майор Малявин оказался в районе бывшего Северо-Западного фронта. Возможно, в связи с переброской 3-й стрелковой дивизии на этот фронт в конце войны. Очевидно, что он остался в полосе немецкой оккупации, согласно Брест-Литовскому мирному договору.

Уже в октябре 1918 г. генерал-майор Малявин принял участие в совещаниях с представителями германского Генерального штаба, прибывшими в Псков 9 октября для переговоров о русских добровольческих формированиях в Пскове. Инициатор этих переговоров и лидер русской делегации ротмистр В.Г. фон Розенберг «считал, что необходимо воспользоваться благоприятной сменой политического курса в пользу русских в штабе главнокомандующего группой армий на Восточном фронте генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского»², откуда и прибыла немецкая делегация (см. биографию ген. Вандама).

На одном из первых совещаний ротмистр фон Розенберг предложил в качестве командующего будущей Северной русской добровольческой армии генерала Б.С. Малявина. Но на следующем совещании было решено пригласить на эту долж-

ность генерала Вандама, более известного благодаря его трудам и статьям, публиковавшимся до войны в газете и издательстве «Новое Время» А.С. Суворина.

С прибытием генерала Вандама 12 октября 1919 г. в Псков, генерал Б.С. Малявин был назначен начальником штаба Псковского корпуса. В этом качестве он принял участие в совещании командного состава 21 октября 1919 г. У присутствовавшего на этом совещании подполковника К.К. Смирнова о нем сложилось такое впечатление: «Молодой еще человек, говорливый, франтоватый и манерный, несколько суетливый...»³ По свидетельству Смирнова, в конце совещания, после того как было решено все добровольческие формирования именовать «Северной армией», строевые начальники обратились к командующему армией с пожеланием, «...чтобы армия была строго регулярной, чтобы не допускать нигде и признаков керенщины и партизанщины». «Это заявление, — подчеркивает подполковник К.К. Смирнов, — ...носило характер декларации с нашей стороны и выразило то, что мы, основатели армии, ожидали от нашего штаба».

У генерала Малявина, недооценивавшего, по мнению подполковника Смирнова, силы и организацию противника, эта «декларация» вызвала резкую критику. Он утверждал, что нет никакой надобности стремиться к регулярным формам и, тем более, придавать формированию общественно-политическое значение. Надо, наоборот, дать право каждому формировать какие угодно отряды и под любыми лозунгами. Генерал полагал, что большевизм есть не что иное, как только факт физического владения аппаратом власти небольшой группы предприимчивых бандитов. По его мнению, «было достаточно создать хоть некое подобие военной силы, которая легко проникнет вглубь России, переловит и перевешает бандитов, чем и будет ликвидирован большевизм»⁴.

Эти разногласия сказались в вопросе о проведении мобилизации. Строевые начальники настаивали на ней. Генерал Вандам и его начальник штаба были категорически против. Штаб корпуса не разрешил поручику Б.С. Пермикину провести операцию с целью мобилизации жителей-рыбаков на Талабских островах, и он, так и не получив приказа из штаба, был вынужден высадиться там без разрешения и сформировать батальон, развернутый позже в полк и ставший в Северо-Западной армии одним из лучших.

На должности начальника штаба корпуса генерал Малявин пробыл немногим больше месяца. Он ушел по собственному желанию, сдав штаб и. д. ротмистру В.Г. фон Розенбергу 16 ноября 1918 г. и уехал вместе с генералом Вандамом (см. его биографию) из Пскова в Ригу. Некоторое время проживал в Германии, откуда вслед за генералом Вандамом прибыл в Нарву, в штаб Северо-Западной армии в конце июня 1919 г.

Генерал Родзянко пишет: «...Армия разрасталась, операции принимали более сложный характер, и начальнику моего штаба полковнику Зейдлицу становилось трудно справиться с его задачей; в Нарву приехал бывший командующий Северным корпусом Генерального штаба генерал Вандам, которому я и предложил быть начальником штаба армии, полковник же Зейдлиц был назначен и. д. генерал-квартирмейстера»⁵.

Далее генерал Родзянко продолжает: «Вскоре приехал генерал Малявин и генерал Вандам просил назначить его генерал-квартирмейстером... что я с согласия генерала Малявина и сделал»⁶.

Приказ о назначении генерала Малявина был отдан по армии 31 июля 1919 г. Сам же генерал Малявин пишет в своем рапорте на имя начальника штаба Северо-Западной армии от 18 августа 1919 г., что он временно исполнял должность генерал-квартирмейстера «в течение 10 суток»⁷, т.е. с 8 августа.

Это несоответствие в дате назначения генерала Малявина на ответственную должность генерал-квартирмейстера, очевидно, было связано с желанием генерала Родзянко получить письменную поддержку от офицера Генерального штаба в его дискуссии с генералом Юденичем о главном стратегическом направлении.

Недаром генерал Малявин в своем рапорте от 18 августа поставил первым условием для окончательного вступления в должность генерал-квартирмейстера принятие его «требования»: «Первая задача: обеспечение и дальнейшее расширение Псковского района в восточном направлении... Со стратегической точки зрения считаю необходимым прочное занятие Псковского района... главное операционное направление на восток, для занятия узловой станции Дно (связь Петрограда с богатым югом), а впоследствии следующей важной узловой станции — Бологое»⁸.

Рапорт генерала Малявина повторяет с небольшими вариантами доклад генерала Родзянко в конце июля в штабном вагоне на станции Веймарн, когда он настойчиво предлагал прибывшему из Финляндии генералу Юденичу: «Всю армию необходимо перебросить в район Пскова». Как тогда, так и позже, в конце июля, он настаивал на передаче обороны Нарвы эстонцам, а главным силам Северо-Западной армии «двинуться на Новгородскую губернию... занять Новгород. Затем, в случае удачи, действовать дальше на станцию Чудово, прикрываясь рекой Волховом, на Ладожское озеро»⁹. «Само собой, — добавляет он, — о плане моем знали и начальник штаба ген. Вандам и Генерал-Квартирмейстер ген. Малявин — этот последний вполне разделял мою точку зрения»¹⁰.

Недаром, настаивая на «Псковском направлении», генерал Малявин во введении к своему рапорту писал: «...Считаю своим нравственным долгом доложить Вам, что соглашусь принять предложенную мне ответственную должность лишь при условии получения вполне определенных ответов на нижепоставленные вопросы и выполнения нижеследующих требований (подчеркнуто нами. — Н.Р.). Если же вполне определенные ответы, — продолжал он, — не могут быть даны и все требования не могут быть выполнены, то я не считаю полезным для дела и возможным для себя принять предложенную должность»¹¹.

Но, несмотря на ясную и категорическую директиву Юденича — наступать по кратчайшему направлению Нарва—Ямбург—Гатчина—Петроград, ген. Малявин принял должность генерал-квартирмейстера штаба Северо-Западной армии и исполнял ее до конца ноября 1919 г. Он участвовал в составлении плана октябрьского наступления на Петроград.

Но если генерал Родзянко имел некоторые основания для самоустранения от активного вмешательства в деятельность штаба Северо-Западной армии, будучи назначен, вопреки своему желанию, помощником Главнокомандующего, то пассивность генерала Малявина в этот период едва ли может найти оправдание.

Командир 5-й Ливенской дивизии, доблестный полковник Дыдоров называет его «чиновником»¹². Командир 2-й дивизии генерал-майор Ярославцев вспоминает, что около 10 ноября он вернулся из штаба армии «без всякой ориентировки»¹³.

23 ноября 1919 г. генерал-майор Малявин был отчислен

от своей должности по собственному желанию и уехал в Ригу. Там, в начале 1920 г. он написал очерк «Петроградская операция Северо-Западной армии в октябре—ноябре 1919 г. и причины ее неудачи»¹⁴ и послал его военному агенту (атташе) в Дании генералу С.Н.Потоцкому. Последний обратился к военному представителю русских армий при Союзных правительствах в Париже генералу Д.Г. Щербачеву с запросом: «Могут ли быть отпущены средства для отпечатания этой брошюры и нет ли к этому препятствий?»¹⁵

Генерал Щербачев в письме от 17 июля 1920 г. обратился к генералу Юденичу с просьбой «сообщить мне Ваше заключение», указывая на то, что он не знает «содержания брошюры и работы ген. Малявина во время операций»¹⁶. Генерал Юденич ответил генералу Щербачеву лаконично и ясно. Приведем его письмо полностью:

Статья Малявина «Причины неудачи наступления на Петроград» мне не известна; полагаю, что предварительно решения вопроса об отпуске средств на ее издание, она подлежит моему рассмотрению.

Малявин генерал-майор Генерального штаба, бывший генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западной армии, ярый защитник Псковского направления¹⁷.

На этом дело об издании очерка генерала Малявина остановилось. Он не был издан. Сам генерал Малявин проживал в начале 20-х годов в Риге. Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Фон Неф
Генрих-Карл-Тимолеон Генрихович
Генерал-майор

Родился 2 октября 1880 г. Уроженец Эстляндии, евангелическо-лютеранского вероисповедания.

6 января 1888 г. зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора. 18 ноября 1893 г. определен в Пажеский Его Императорского Величества корпус из Николаевского кадетского корпуса. 1 сентября 1899 г. переведен в старший специальный класс корпуса. 9 августа 1900 г. по экзамену произведен в подпоручики и вышел в Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской фамилии батальон. 9–20 сентября временно командующий 1-й ротой Его Величества.

В связи с началом Русско-японской войны добровольно переведен в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк с переименованием в поручики, а затем прикомандирован к 34-му Восточно-Сибирскому полку на должность командира роты.

Награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», «За отличия в делах с Японией с 1 по 26 июня 1904 г.»; орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, «За отличия в делах с Японией с 13 по 24 августа 1904 г.»; орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом 21 февраля 1905 г., «за разнообразные отличия с японцами»; орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом, «За отличия в делах с японцами с 12 по 15 января 1905 г.»; орденом Св. Анны 2-й степени с мечами «За отличия в делах с японцами с 12 по 15 января 1906 г.»¹

4 февраля назначен ординарцем к командиру 1-го Сибирского армейского корпуса (к генералу Зарубаеву).

По окончании военных действий в Маньчжурии откомандирован 8 ноября 1905 г. в Лейб-гвардии 4-й Императорской фамилии батальон. 6 марта 1906 г. командирован в 6-й Сводно-гвардейский батальон.

С 23 июля 1910 г. командовал 5-й ротой 4-го стрелкового Императорской фамилии полка. 26 августа 1912 г. произведен в капитаны. Вышел на фронт мировой войны в составе 4-го стрелкового Императорской фамилии полка.

Отличился в боях гвардейской стрелковой бригады у Опатова. Был награжден Георгиевским оружием за то, «что в бою 21 сентября 1914 г. у деревни Черников под сильным ружейным и шрапнельным огнем прорвался сквозь наступавшие цепи сильнейшего противника и присоединился к своему батальону»².

Прорыв потребовал большого мужества при значительных потерях, так как в тыл русской Гвардейской стрелковой бригаде вышли полки 1-й немецкой Гвардейской резервной дивизии, занявшие город Опатов и расстреливавшие прорывавшихся русских гвардейских стрелков из пулеметов и выехавших на прямую наводку батарей.

Произведен в полковники и назначен командиром батальона в январе 1915 г. Награжден орденом Св. Георгия «за то, что будучи в чине полковника в рядах Лейб-гвардии 4-го Стрелкового полка» в бою 15 июля 1916 г., наступая под сильным артиллерийским и пулеметным огнем во главе батальона на деревню Трыстен, увлек за собой солдат и ворвался в окопы противника. Преследуя его, направился на деревню Пурин, которую захватил с боя, после чего продолжал преследовать противника, чем и обеспечил общий успех. В этом бою батальон захватил 12 орудий³.

За участие в прорыве Гвардейским корпусом германских позиций у деревни Трыстен, где Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской фамилии полк удачно взаимодействовал с Лейб-гвардии Кексгольмским полком во время Брусиловского наступления⁴, полковник фон Неф был назначен командиром Краснохолмского полка.

После Брест-Литовского мира и демобилизации полка вернулся как уроженец Эстонии в свою усадьбу, где и находился под германской оккупацией. Одним из первых, в октябре 1918 г., явился добровольцем в Отдельный Псковский добровольческий корпус Северной армии.

Был назначен командиром 3-го стрелкового добровольческого Режицкого полка. Прибывший в Режицу в 20-х числах октября командир корпуса генерал Вандам распорядился перевести полк в Остров. В итоге около половины добровольцев

во главе с полковником Афанасьевым остались в Режице, а с остальными полковник Неф, выполняя приказ, перешел в Остров. Здесь его застало известие о капитуляции Германии 11 ноября, после которой начались выборы солдатских советов в частях германской оккупационной армии. Полковник Неф решил провести мобилизацию в Островском уезде, чему категорически воспротивился генерал Вандам⁵. Как пишет К.К. Смирнов, «это был почти конфликт»⁶. 17 ноября 1918 г. генерал Вандам ушел с поста командующего и временно командующим корпусом был назначен полковник Г.Г. Неф. Начальником штаба корпуса» вместо генерала Малавина, ушедшего вместе с генералом Вандамом, был назначен ротмистр фон Розенберг.

Прибыв в Псков из Режицы 20 ноября он приказал медленно раздать в войска все имевшееся на складах имущество и отдал приказ об осадном положении. В Псковском отдельном корпусе насчитывалось около 3500 плохо вооруженных добровольцев.

Винтовок не хватало и, переданные немцами, они были без штыков, часто в очень плохом состоянии. На весь корпус было 30 пулеметов и две батареи, из которых одна не имела лошадей для запряжек.

Сразу после прибытия нового командующего стало известно о предстоящем наступлении на Псков 7-й красной армии. 24 ноября полковник Неф собрал военный совет, на который прибыли командиры частей и представители германского гарнизона. Было решено выдвинуть в направлении станции Торошино отряд под общим командованием командира 53-го Волынского полка полковника Ветренко. Другое решение полковника Нефа — захватить Елизаровский монастырь отрядом поручика Пермикина — не было даже передано последнему немецкими телеграфистами, занимавшими еще все линии связи.

Днем 25 ноября немецкие войска оставили проволочные заграждения, прикрывавшие Псков с востока, и даже пропустили без боя полк красных, наступавших от Елизаровского монастыря в тыл белым. Вопреки данному на совместном заседании обещанию не оставлять город, немецкие части поспешно отошли на западный берег реки Великой. Только часть русского корпуса успела отойти через железнодорожный мост. Отряд полковника Ветренко, будучи отрезан от мостов в

Пскове, двинулся на юг и перешел на западный берег вброд у Выбутских порогов по пояс в ледяной воде.

Штаб корпуса во главе с полковником Нефом тоже не мог воспользоваться Ольгинским мостом, занятым уже красными. Только благодаря энергии командующего ему удалось переправиться через реку на лодках, оставленных уходящими немцами. Преодолевая огонь подошедших красных авангардов и бронепоездов, войскам Псковского корпуса удалось без потерь выйти к Изборску. К началу декабря 1918 г. часть корпуса расположилась в Эстонии, в районе Верро (Выру), где они смогли привести себя в порядок.

Сам же полковник Неф прибыл 1 декабря 1918 г. в Ригу, в штаб 8-й германской армии. Там ему сообщили, что согласно решению немецкого правительства снабжение корпуса как всеми видами довольствия, так и вооружением и боеприпасами немедленно прекращается. Командующему корпусом ничего не оставалось, как срочно вернуться в Эстонию, где в Ревеле 6 декабря 1918 г. он подписал договор о совместных действиях с товарищем военного министра эстонского правительства Т. Юринэ.

В эти дни части 7-й армии красных продолжали наступление на Ревель, находясь уже в 30–40 км к югу от него. Эстонское правительство остро нуждалось в помощи, соглашаясь (несмотря на свое отрицательное отношение к прибалтийским немцам) даже на формирование немецкого Балтийского полка и на высокую оплату финских добровольцев. В силу этого полковнику Нефу удалось достигнуть приемлемых условий для обеспечения дальнейшего существования Северного корпуса.

Его состав оставался прежним — 3500 человек, Эстония обязалась снабжать корпус денежными средствами, продовольствием и снаряжением, равно как и недостающим вооружением и боеприпасами. Расходы, связанные со всем этим, должно было возместить будущее русское правительство.

Командование корпуса обязалось не вмешиваться во внутренние дела Эстонской республики, но в оперативном плане подчинялось эстонскому главнокомандующему И.Я. Лайдонеру — бывшему подполковнику русского Генерального штаба.

Корпус должен был принять участие в контр наступлении на псковском направлении. 10 декабря 1918 г. полковник Неф приступил к реорганизации частей корпуса, сведя их в две

бригады, и назначил начальником штаба вместо оставшегося в Риге ротмистра В.Г. фон Розенберга полковника Василия Викторовича фон Валя, конногвардейца, которого он хорошо знал по службе в гвардии.

В конце декабря Северный корпус занимал оборону в 50 км южнее Ревеля, откуда совместно с частями 2-й эстонской дивизии перешел в наступление на псковском направлении, вытеснив из Эстонии 6-ю стрелковую дивизию 7-й армии красных. Однако с началом военных операций полковник Неф проявил большую самостоятельность по отношению к эстонскому командованию, а также отказался принять на себя решение об официальном признании независимости Эстонии, считая этот вопрос зависящим от будущего русского правительства.

Во всем этом эстонцы видели продолжение чувства превосходства балтийского дворянства немецкого происхождения. Обвиненный в германофильстве, полковник Неф был отстранен от командования корпусом. В начале января 1919 г. главнокомандующий генерал Лайдонер назначил полковника Дзержинского командующим корпусом.

При вступлении в командование корпусом генерала Родзянко в июне 1919 г. полковник Неф был назначен командующим запасными частями Северно-Западной армии. Во время восстания на форту Красная Горка он был послан командиром 1-й дивизии генералом графом Паленом в Копорье, куда, начиная с 29 мая 1919 г., стали прибывать отступившие из форта части его гарнизона. Находившийся в Копорье отряд ингерманландцев под командой финских офицеров потребовал разоружения прибывших частей гарнизона Красная Горка. Перешедший на сторону белых гарнизон первоначально категорически отказался. «Разоружился он, — как пишет генерал Родзянко, — по приказу полковника Нефа, которому ингерманландцы, желая поживиться отобранным имуществом, неправильно осветили настроение гарнизона»⁷.

Генерал Родзянко (см. его биографию) поспешил исправить эту ошибку, приказав немедленно вернуть оружие оставшим и тут же отправил полковника Нефа обратно в Гдов, где он продолжал заниматься формированием запасных частей. Неприятный инцидент в Копорье с гарнизоном форта Красной Горки был сглажен 25 июля 1919 г. производством полковника Г.Г. Нефа в генерал-майоры.

Помимо командования запасными частями в Гдове генерал Неф исполнял различные поручения и, в частности, возглавил там же комиссию по проверке приказа генерала Юденича о замещении всех тыловых должностей только офицерами, непригодными к службе в строю в силу ранений и болезней.

Командующий 2-м корпусом Северо-Западной армии генерал Арсеньев, согласно воспоминаниям полковника Гоштовта, высказывал сожаление, что такой доблестный, испытанный в боях офицер, как полковник Неф, не занимал строевых должностей в Северо-Западной армии.

В декабре 1919 г. генерал-майор Неф был переведен в «резерв чинов». После ликвидации Северо-Западной армии остался, как уроженец Эстонии, в Ревеле.

Накануне Второй мировой войны переехал в Германию. Скончался в одном из лагерей для перемещенных лиц в Западной Германии в 1950 г.

Граф фон дер Пален
Алексей-Фридрих-Леонид Петрович
Генерал-лейтенант

Родился 25 марта 1874 г. в родовом имении Каутсемюнде (Kautsemunde) в Латвии. Вероисповедания лютеранского. Окончил Санкт-Петербургский университет и 8 сентября 1897 г. был зачислен юнкером рядового звания в Николаевское кавалерийское училище¹. Окончил курс по 1-му разряду и 13 августа 1897 г. выпущен корнетом в 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала Миниха полк.

Зачислен в списки полка, но согласно разрешению военного министра от 7 сентября 1897 г. прикомандирован к Лейб-гвардии Конному полку. Переведен в полк Высочайшим приказом от 25 марта, потеряв год старшинства в чине корнета.

Произведен в поручики 6 декабря 1901 г., временно командовал эскадроном Его Величества с 25 августа по 15 ноября 1902 г. и с 5 сентября по 5 ноября 1903 г. Назначен начальником полковой учебной команды 28 сентября 1904 г. и произведен в штаб-ротмистры 6 декабря 1905 г. Назначен командующим 2-м эскадроном 20 апреля 1906 г. и произведен в ротмистры 21 августа 1909 г. Произведен в полковники 10 апреля 1911 г. и 16 апреля того же года назначен помощником командира полка по хозяйственной части; 8 февраля 1912 г. назначен помощником командира полка по строевой части и временно командовал полком в июле, в начале сентября 1911 г. и с 20 апреля по 7 мая 1912 г.

С 1 сентября по 1 ноября 1912 г. был уволен в отпуск с сохранением содержания и 30 октября 1912 г. подал прошение на Высочайшее имя: «расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать военную Вашего Императорского Величества службу, и потому всеподданнейше прошу: дабы поведено было уволить меня от службы с награждением мундиром».

Высочайшим приказом 27 ноября 1912 г., граф фон дер Пален был уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром и с зачислением в конное ополчение по Курляндской губернии.

За время службы он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени (6 декабря 1905 г.), Св. Анны 4-й степени (6 декабря 1908 г.), Св. Станислава 2-й степени (6 декабря 1911 г.) и медалью в память 100-летнего юбилея Отечественной войны (26 августа 1912 г.).

С началом войны в 1914 г. полковник Пален подал прошение о возвращении его на службу в свой полк. Высочайшим приказом 7 декабря 1915 г.² он был определен на военную службу из отставки с чином полковника, со старшинством с 1 декабря 1912 г. в Лейб-гвардии конный полк и вскоре занял должность помощника командира полка по строевой части. Был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Неоднократно командовал полком, замещая командира генерал-майора Б.Г. Гартмана. Так в сентябре 1916 г. полковник Пален, временно замещая командира полка, занял с полком окопы в районе деревни Пустометы на реке Стоход; заменив в них стрелков денкинской «железной» 4-й стрелковой дивизии. Отбил несколько немецких атак. В самом начале 1917 г. стрелковые батальоны (сформированные уже во время войны) полков 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии были сведены в Стрелковый полк этой дивизии. Первым командиром его был назначен полковник Пален.

1 марта 1917 г. он был заменен на должности командира Стрелкового полка 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии полковником Лейб-гвардии Семеновского полка Поповым и выехал в Петроград, находясь при запасном полку в конногвардейских казармах.

Несколько позже, в самом начале апреля, в Петроград прибыл в ожидании нового назначения однополчанин Палена по Лейб-гвардии Конному полку, молодой генерал П.Н. Врангель. «Близко присматриваясь ко всему происходящему, — писал он, — я видел, что лишь твердой и непреклонной решимостью можно было положить предел развалу страны»³. Для того чтобы поддержать одного из немногих популярных генералов, каковыми Врангель считал генералов Лечицкого или Корнилова, необходима была «военная организация в столице, располагающая хотя бы небольшими военными силами и могущая выступить в нужную минуту»⁴.

Генерал Врангель со свойственной ему энергией быстро собрал сведения о существовавших уже тогда военных организациях и связался с офицерами целого ряда частей и военных училищ.

«Сведениями своими, — продолжает он, — я решил поделиться со старым однополчанином и другом моим графом А.П. Паленом. Ожидая со дня на день назначения в армию, я предполагал оставить его во главе дела в Петербурге. Граф Пален очень подходил для намеченного дела: он легко мог, не возбуждая особых подозрений, вести свою работу в столице. Он всю жизнь прослужил в гвардии в Петербурге, его знала почти вся гвардия; и среди офицеров петроградского гарнизона он пользовался общим уважением. Вместе с тем, его сравнительно небольшой чин, свойственная ему молчаливость и замкнутость давали возможность рассчитывать, что ему удастся вести работу с достаточной скрытностью»⁵.

Вместе с полковником Паленом генералу Врангелю удалось организовать небольшой штаб и привлечь в свою организацию несколько молодых офицеров. Среди них был Георгиевский кавалер, летчик штабс-капитан В.Л. Покровский. С ним генералу Врангелю довелось снова встретиться в августе 1918 г., когда он принял командование 1-й Конной дивизией Добровольческой армии. Покровский, ставший к тому времени уже генералом, командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией. «Генерала Покровского, — вспоминает генерал Врангель, — произведенного в этот чин постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом»⁶.

В начале мая 1917 г. генерал Корнилов оставил пост Главнокомандующего Петроградским военным округом и уехал на фронт, приняв командование 8-й армией. «Я решил, — пишет генерал Врангель, — несмотря на оставление генералом Корниловым чрезвычайно выгодного для намеченного нами дела поста Главнокомандующего Петербургским военным округом, все же войти с ним в связь»⁷.

Вместе с графом Паленом генерал Врангель посетил приехавшего из штаба генерала Корнилова его доверенного ординарца Завойко на его квартире на Фонтанке, с тем чтобы через него условиться о связи с генералом Корниловым.

30 июля генерал Врангель получил телеграмму о назначении его командующим 7-й кавалерийской дивизией и выехал

на фронт, оставив полковника Палена одного продолжать начатое «дело» по созданию военной организации.

В Галиции, в штабе 8-й армии в Коломые генерал Врангель успел повидать генерала Корнилова, уже назначенного Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Он кратко информировал о работе в столице и предложил использовать поручика графа Шувалова для связи с Петроградом. Генерал Корнилов тут же приказал зачислить графа Шувалова ординарцем⁸.

В дни корниловского выступления генерал Врангель оставался на фронте, командуя Сводным конным корпусом, ожидая нового «видного» назначения. Но только 9 сентября, когда генерал Корнилов и его ближайшие соратники были уже арестованы, он получил телеграмму о назначении его командиром 3-го конного корпуса, находившегося уже под Петроградом.

Приехав в столицу, он узнал, что в командование 3-м конным корпусом уже вступил генерал П.Н. Краснов. Не желая ставить его в неловкое положение, генерал Врангель решил выждать и в первый же вечер заехал к графу Палену.

От него он узнал, «что в первые дни после разрыва ставки с правительством графу Палену и большинству работавших с ним офицеров пришлось во избежание ареста скрываться; наиболее скомпрометированные бежали из города... Граф Пален укрывался в окрестностях города в имении Всеволожского «Рябово». По словам Палена, движение Крымова на Петербург застало его организацию совершенно врасплох. Конфликта правительства со ставкой никто не ожидал, и в предвидении его ничего сделано не было»⁹.

Верно, конечно, что генерал Корнилов, поверивший Керенскому, рассчитывая действовать против петроградского совета и большевиков во взаимодействии с Временным правительством, не счел нужным ни предупредить своих военных сторонников в столице, ни послать в голову 3-го конного корпуса свой Ударный Корниловский полк. Т.е., говоря словами генерала А.И. Деникина, имела место «полная несостоятельность технической подготовки корниловского выступления»¹⁰.

Но и следует признать, что полковник граф Пален, прослуживший всю войну помощником волевого и энергичного командира Лейб-гвардии Конного полка Б.П. Гартмана, не был подготовлен к самостоятельным решениям в дни, когда генерал Крымов вел свой 3-й конный корпус на Петроград.

Вскоре после большевистского переворота полковнику графу Палену удалось выбраться в Прибалтику. По некоторым сведениям он посетил свое имение — Каутсемюнде в Латвии. Однако вскоре после капитуляции Германии в ноябре 1918 г. при приближении большевиков к Риге в декабре 1918 г. он выехал в Либаву, откуда, как рассказывает генерал Родзянко, вместе с ним и полковником Бибиковым они приплыли в 20-х числах января 1919 г. на эстонском корабле «Виза» в Ревель, где прибыли к командующему Северным корпусом полковнику Дзерожинскому.

Эстонский главнокомандующий Лайдонер, которому в то время был подчинен корпус, поручил полковнику Палену осмотреть лагерь русских военнопленных, находившихся в Эстонии. Оказалось, что большинство офицеров и солдат были не пленными, а добровольцами, перешедшими на сторону эстонцев из Красной Армии.

После доклада Палену было разрешено сформировать из них батальон. В силу того, что большинство добровольцев, согласившихся перейти на службу в Северный корпус, были мобилизованные уроженцы Урала, батальон, сформированный полковником Паленом, был назван «Уральским». Сначала он входил в состав Островского полка — одной из первых частей Северной армии, сформированной из добровольцев Островского уезда Псковской губернии еще в конце 1918 г. Позже он был развернут в 7-й Уральский полк 2-й пехотной дивизии.

В начале мая полковник Пален сменил командира Островского полка, занимавшего участок на нарвском фронте. Вместе с приданным ему отрядом полковника Бибикова и конной батареей он возглавил «отряд полковника Палена», которому во взаимодействии с отрядами полковника Георга и поручика Данилова предназначалась главная роль в предстоящем майском наступлении Ямбург—Гатчина.

Рано утром 13 мая отряд полковника Палена перешел в наступление. Большое село Попкова Гора было занято с ходу. Еще ночью отряд поручика Данилова, передевшись в красноармейскую форму, захватил его. Взяты в плен начальник 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии бывший генерал Николаев и его штаб.

На следующий день Пален форсировал переправы на реке Плюссе. Прискакавший верхом генерал Родзянко приказал,

не задерживаясь в селе Арамовка, где едва не был захвачен командир 53-го полка, срочно, на подводах, двигаться к переправам на реке Луге у Поречья и Муравина, с тем чтобы выйти к железнодорожной станции Веймарн на Балтийской железной дороге.

Вечером 16 мая он с боя взял Веймарн, перерезав таким образом пути отступления ямбургской группе красных. Бросая артиллерию и обозы, она начала беспорядочное отступление в обход шоссе и железной дороги у Веймарна по болотистым лесам в сторону Копорья. Из трех полков 6-й стрелковой дивизии красных вышли из окружения немногие.

На следующий день, 17 мая, генерал Родзянко подчинил полковнику Палену все войска, действовавшие на Гатчинском направлении, в том числе отряды полковника Георга и поручика Данилова. 18 мая отряд Палена занял, совершив обход, станцию Вруда и захватил на ней бронепоезд. Путь на Волосово, Кикерино и далее на Гатчину был открыт.

Как признает бывший командующий 7-й красной армии, Д.Н. Надежный, «...в этот период местное население района, где происходили боевые действия, выказывало большое тяготение в сторону белых, в результате чего их ряды начали пополняться добровольцами и добровольческими партизанскими отрядами»¹¹.

Заняв Кикерино 20 мая, полковник Пален согласно приказу генерала Родзянко остановил Талабский и Волынский полк к северу от него по Балтийской железной дороге. Островский полк продолжал наступление в направлении станции Кипень, но тоже был остановлен, хотя красное командование с трудом собирало здесь остатки 51-го и 171-го стрелковых полков, «утративших свою боеспособность», как пишет Д. Надежный¹².

Генерал Родзянко (см. его биографию) опасался, что отряд полковника Палена, стремительно наступая по Балтийской железной дороге на Гатчину, зарвется и окажется в окружении. Резервов у него не было. Войска устали, необходим был не только отдых, но и реорганизация.

Но как раз в это время на фронт из Петрограда прибыл 3-й стрелковый полк, сформированный на основе запасного батальона Лейб-гвардии Семеновского полка. Его командир — бывший капитан Семеновского полка Зайцов — сообщил в штаб Палена о готовности полка перейти к белым, и полковник Пален поспешил послать ему навстречу Талабский полк

во главе с ротмистром Пермикиным. Семеновцы перешли в полном составе, прихватив два орудия; и прибывший генерал Родзянко был «приятно удивлен их бодрым видом»¹³.

Однако по-прежнему дальнейших планов для наступления выработано не было. 30 мая 1919 г. полковник граф Пален был произведен в генерал-майоры «За отличное руководство в боях», как говорилось в приказе, и вместе с генералом Родзянко приступил к реорганизации армии. В начале июня Родзянко передал генерал-майору Палену целиком штаб своей бывшей 2-й бригады во главе с произведенным по этому случаю в штабс-ротмистры Видякиным, с которым Пален принял командование 2-й дивизией.

В нее вошли: 2-й стрелковый Островский полк (бывший Палена), 3-й стрелковый Талабский полк, 53-й Волынский (вскоре 9-й Волынский), 10-й Ревельский, ставший 8-м Семеновским, отряд произведенного в капитаны Данилова и Конно-Егерский полковника Грюнвальда. Общим числом 10 000 штыков и 600 сабель.

На этом развертывание войск под командованием генерала графа Палена не завершилось. Вскоре после восстания на форту Красная Горка и перехода его гарнизона на сторону белых, генерал Родзянко приказал сформировать под командованием полковника Делля новый Красногорский полк. В дни первого посещения генералом Юденичем войск Северо-Западной армии 23–26 июня 1919 г. на фронте войск генерала Палена отряд курсантов прорвал фронт и занял села Терентьево и Стародворье. Для ликвидации прорыва был брошен из резерва Красногорский полк. Полк вошел в состав 2-й дивизии, которая тогда же была развернута в 1-й стрелковый корпус генерал-майора Палена¹⁴.

Начальником 2-й дивизии был назначен полковник Ярославцев. В ее составе остались 5-й Островский, 6-й Талабский, 7-й Уральский и 8-й Семеновский полки. В новую 3-ю дивизию, начальником которой был назначен полковник Ветренко, вошли: Волынский полк (бывший 53-й), 10-й Темницкий полк, сформированный на базе отряда капитана Данилова, 11-й Вятский полк и 12-й Красногорский полк.

Позже, во второй половине июля, в корпус вошла 5-я Ливенская дивизия, прибывшая из Латвии. Штабс-ротмистр Видякин был утвержден и. д. начальника штаба корпуса.

К началу июля состав 7-й армии красных был значитель-

но усилен. Кроме 6-й и 19-й дивизий и приморской группы Стороженко, на фронты прибыла 2-я стрелковая дивизия и многочисленные отряды курсантов и моряков. Ожидалось прибытие 7-й стрелковой дивизии. На Нарвском участке против 9800 штыков 1-го корпуса генерал-майора Палена 7-я армия располагала, согласно Надежному, более чем 13 000 штыков при огромном преимуществе в артиллерии и бронепоездах.

Упустив благоприятный для продолжения наступления период растерянности и развала управления у противника, продолжавшийся до середины июня, войска Северо-Западной армии, объединенные в 1-й стрелковый корпус генерала Палена, перешли к обороне, которая при приведенном соотношении сил неизбежно превратилась в отступление.

В течение всего июля 1-й стрелковый корпус, не получивший тогда еще английского вооружения и боеприпасов и испытывая недостаток во всем, вел упорные оборонительные бои, отходя на рубежи по реке Луге. Генерал Юденич настаивал на сохранении предместного плацдарма у железнодорожного моста в городе Ямбурге, но, вопреки его требованию, генерал Родзянко приказал генералу Палену оставить Ямбург на правом берегу Луги и взорвать железнодорожный мост через нее. 5 августа 1919 г. Ямбург белыми был оставлен.

«Судя по количеству трофеев и пленных, взятых 6-й стрелковой дивизией в период с 29 июня по 14 августа... отход частей 1 белого корпуса был совершен в достаточном порядке и вполне планомерно»¹⁵, — считает Д.Н. Надежный.

В самом конце июля — начале августа стало, наконец, прибывать в Ревель английское вооружение, боеприпасы и, главное, снаряжение. Солдаты и офицеры 1-го стрелкового корпуса смогли сменить свои лохмотья на английское обмундирование и получить обувь — английские ботинки. Благодаря перевооружению появились в достаточном количестве патроны и кончился снарядный голод. Заняв оборонительные рубежи по рекам Луге и Сабе, войска смогли отдохнуть и пополниться.

В октябрьском наступлении Северо-Западной армии 1-му стрелковому корпусу предназначалась главная роль. После демонстративного удара на Струги Белые 2-го корпуса генерала Арсеньева, в ночь на 9 октября полки 2-й дивизии генерала Ярославцева с боем овладели переправами через Лугу у Сабска и, следуя за брошенным вперед Конно-Егерским пол-

ком, двинулись через станцию Волосово в направлении Гатчины. 5-я Ливенская дивизия, переправившись через Лугу у Муравина, с боем заняла станцию Веймарн, откуда без промедления через Ропшу и Кипень 16 октября вышла к Красному Селу, хорошо знакомому многим офицерам по летнему лагерю войск Петербургского военного округа в дореволюционное время. 2-я стрелковая дивизия 7-й армии была разрезана на части. Дивизия генерала Ветренко, подталкиваемая ставшим теперь помощником Главнокомандующего генералом Родзянко, вышла в тыл Лужской группе и, пройдя станцию Мшинскую на Варшавской железной дороге, к вечеру 16 октября почти одновременно со 2-й дивизией вступила в Гатчину.

На шестой день 1-й корпус с Лужских позиций вышел на подступы к Петрограду. Уже 12 октября приказом Главнокомандующего генерал-майор граф Пален был произведен в генерал-лейтенанты.

Дальнейшее наступление войск 1-го стрелкового корпуса было натолкнулось на более стойкую оборону 7-й армии красных, сократившей протяжение своего фронта и получившей значительное усиление подошедшими резервами. В то же время штаб 1-го корпуса, несмотря на пребывание при нем генерала Родзянко, в какой-то степени утратил управление войсками.

Так, командир 3-й дивизии генерал Ветренко, вопреки повторному приказу, не выдвинул одну бригаду к станции Тосно после занятия им Сиверской и Вырицы и тем самым не остановил красные эшелоны с резервами, перебрасываемыми из Москвы в Петроград по Николаевской (Октябрьской) железной дороге.

Командующий 5-й Ливенской дивизией полковник Дыдоров, выйдя на окраины Лигова 20 октября, был вынужден вскоре вместо того, чтобы войти в предместья столицы, отправить один из своих лучших полков — 17-й Либаковский — в Русское Копорское, в районе Ропши, где неожиданно для штаба корпуса завязались ожесточенные бои с обходившей с севера от Петергофа крупной группировкой красных.

А как раз на следующий день, 21 октября, войска 2-й и 3-й дивизий заняли с боя Царское Село (Пушкин) и Павловск. Из-за взорванного вопреки приказу генерала Юденича железнодорожного моста в Ямбурге при отходе корпуса в августе, прибывшие английские танки выгрузили в Гатчине с запоздани-

ем. Генерал Родзянко рассказывает в своих воспоминаниях, как он, рассчитывая развить успех 2-й дивизии в Царском Селе в сторону Пулково, «упрашивал английского полковника Карсона, заведовавшего танками, дать для этой операции хотя бы один танк, но он категорически отказал»¹⁶.

В те же дни, начиная с 17 октября, когда командование 7-й армией принял бывший генерал-лейтенант Генерального штаба Д.Н. Надежный, началось сосредоточение в Колпине — на крайнем правом фланге 1-го стрелкового корпуса — ударной группы С.Д. Харламова (бывшего полковника Генерального штаба), в которую входили помимо бригады 21-й стрелковой дивизии красных, прибывшей из Тулы, московская бригада курсантов, 5-й латышский полк и большая часть 2-й стрелковой дивизии. Одна эта ударная группа в Колпине равнялась (если не превосходила, имея свыше 7000 штыков) всем войскам 1-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Палена.

Контрнаступление 7-й армии красных было назначено на 21 октября. Но только 23 октября ударной группе Харламова удалось занять Павловск, после того как самый слабый полк 3-й дивизии генерала Ветренко бежал с опушки павловского парка.

После отступления от Красного Села, Царского Села и Павловска войска 1-го стрелкового корпуса продолжали вести тяжелые бои, удерживая Гатчину. Командованию удалось ликвидировать прорыв на левом фланге в районе Ропши, но из-за переброски из-под Луги в Гатчину 1-й отдельной дивизии генерала Дзержинского и половины 4-й дивизии генерала князя Долгорукова 19-я красная дивизия заняла без боя Лугу, вышла на станцию Мшинская и угрожала тылу всей Северо-Западной армии. «Я советовал графу Палену, — пишет Родзянко, — не удерживать Гатчины, а, не теряя времени, отойти и тем спасти армию»¹⁷.

К 7 ноября войска 1-го стрелкового корпуса отошли на свою исходную позицию на реке Луге. 14 ноября был сдан Ямбург, и корпус оказался прижатым к эстонской границе у Нарвы. Вслед за тем начался переход границы и его разоружение эстонцами.

Сразу после того как 22 января 1920 г. генерал Юденич отдал свой последний приказ о роспуске Северо-Западной армии, была создана Ликвидационная комиссия. Председателем ее стал генерал-лейтенант граф Пален. На него легла

неблагодарная и трудная обязанность расплатиться по некоторым долгам армии и распределить то ничтожное пособие, которое (в отличие от белых армий на других фронтах) получили оставшиеся в живых офицеры и солдаты Северо-Западной армии.

Благодаря генералу Юденичу в Ликвидационную комиссию через генералов Глазенапа и Владимирова было внесено свыше 200 тысяч фунтов стерлингов и 250 тысяч финских марок из сумм, переведенных адмиралом Колчаком на имя генерала Юденича. Ликвидационная комиссия закончила свою работу в середине марта 1920 г.

Генерал-лейтенант граф Пален переехал вскоре из Ревеля в Ригу, где он как уроженец Курляндии имел право на латвийское подданство. Но он не захотел окончательно вернуться в свою усадьбу, оставшуюся с участком земли в его собственности после аграрной реформы латвийского правительства.

Летом 1920 г. в Риге и Ревеле началась вербовка бывших северозападников в 3-ю Русскую добровольческую армию генерала Врангеля, формировавшуюся на территории Польши и временно в оперативном плане подчинявшуюся польскому командованию.

Несмотря на то, что командующим армией был назначен произведенный в генералы Б.С. Пермикин — бывший подчиненный Палена, последний согласился принять 2-ю дивизию 3-й Русской армии. Еще окончательно не сформированная и не вооруженная дивизия прибыла на фронт в район Проскурова как раз к 12 октября 1920 г., когда Польша заключила в Риге мирный договор с советской стороной.

В связи с эвакуацией из Крыма в ноябре 1920 г. белых войск Врангеля польское правительство передало 3-ю Русскую армию в ведение созданного тогда «Русского Политического Комитета» (после заключения рижского договора — «Русский Эвакуационный Комитет»). О судьбе русских добровольцев, интернированных в крепости Торунь (Торн), генерал Пален писал 4 марта начальнику французской военной миссии в Польше генералу Нисселю:

После высылки меня и всего высшего командного состава бывшей 2-й дивизии армии ген. Врангеля из Торуня 10 февраля мы были доставлены в лагерь Дембие под Краковом, где были посажены в отдельную комнату барака, общую с большевиками, и арестованы с приставлением часового. Совершенно лишены общения с внешним

миром, мы просидели в лагере для большевиков под арестом при очень скверной пище 7 дней... 20 мая мы были отправлены в г. Ржешов... Средства наши кончились, и так как мы должны существовать, то мы продаем последние вещи. Из всего вышеизложенного Вы изволите усмотреть, что мы подвергнуты режиму, применяемому к преступникам. Дружбу нашу с Францией и Польшей каждый из нас неоднократно запечатлел своей кровью во время большой войны. Непоклонную волю к борьбе с большевиками каждый из нас доказал в борьбе последних трех лет.

Я обращаюсь поэтому к Вам, Ваше Превосходительство, как военному представителю Франции, на дружбу и покровительство которой мы вправе рассчитывать... с покорнейшей просьбой: либо вернуть нас нашим частям в г. Торуне, либо, если это невозможно, предоставить нам немедленно отправиться в армию генерала Врангеля¹⁸.

Ниссель не оставил письма без ответа, а также добился освобождения русских офицеров из лагеря и выезда их за пределы Польши¹⁹.

Летом 1921 г. граф Пален в Данциге занимался устройством белогвардейцев, сумевших выбраться туда из Польши, добившись беспрепятственного их сосредоточения в лагере «Целле»²⁰.

Посильно выполнив свой долг перед соратниками, генерал граф Пален удалился в оставшуюся ему от имения усадьбу в Каутсемюнде в Латвии, где впоследствии занимался изготовлением коньяка, славившегося на всю округу.

Скончался в Бойене, в имении своей сестры Софии фон Бер, 6 июня 1938 г. и похоронен на местном кладбище.

Пермикин Борис Сергеевич

Генерал-лейтенант

Родился 4 апреля 1890 г. Происходил из потомственных дворян Пермской губернии. 10 августа 1914 г., в бытность студентом Петроградского университета, зачислен по собственному желанию в 9-й уланский Бугский полк добровольцем на правах вольноопределяющегося 1-го разряда¹.

В первом же бою в районе города Перемышляны в Галиции, когда 9-й Бугский полк прикрывал развертывание 9-го армейского корпуса, доброволец Пермикин за атаку на неприятельский обоз под деревней Варез приказом по 3-й армии от 30 сентября 1914 г. был награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 2852.

Унтер-офицером временно с 8 по 14 октября 1914 г. командовал 11-й ротой 76-го пехотного Кубанского полка. По возвращении в свой полк, приказом по 11-й армии от 23 декабря 1914 г. награжден Георгиевским крестом 3-й степени за № 7110 «за то, что, будучи в разъезде, добыл и доставил важное о противнике сведение».

12 января 1915 г. за боевые отличия в боях при осаде крепости Перемышль был произведен в прапорщики. В феврале 1915 г., приказом по войскам 11-й армии был награжден Георгиевским крестом 2-й степени за № 4571. В июне 1915 г. временно командовал ротой ополченческой бригады, потерявшей в боях в районе Устье Бискупе почти всех своих офицеров.

По возвращении в полк, произведенный в июне 1916 г. в поручики, занимал должность младшего офицера, а затем начальника пулеметной команды полка. 8 июля 1916 г., во время наступления австрийцев в районе города Коропец, выдвинулся вперед и, заняв с двумя пулеметами выгодную позицию на фронте редкой цепи полка, сыграл решающую роль в отражении превосходящих сил противника.

В 1917 г. был произведен в штабс-ротмистры, награжден орденами: Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»².

В 1918 г. мобилизован в Красную Армию и занимал должность командира эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка. Узнав о формировании Северной армии, 26 октября перешел с эскадроном и двумя орудиями на сторону белых в Пскове.

В начале ноября 1918 г. в Псков прибыла делегация рыбаков с Талабских островов с просьбой освободить их от занявшего острова отряда Красной Армии. Б.С. Пермикин предложил занять Талабские острова, учитывая благоприятное отношение их населения к белым. Командовавший Псковским отдельным корпусом генерал А.Е. Вандам не дал своего согласия на эту операцию.

Тогда, согласно рассказу участника этой операции капитана барона Кистера, Пермикин собрал офицерскую группу из 17 добровольцев и на небольшом пароходе отплыл на Псковское озеро, где ночью на лодках бесшумно высадился на главном острове, захватив в плен около полусотни красноармейцев с двумя комиссарами. Выступив перед собравшимся населением — талабскими рыбаками, — Б.С. Пермикин призвал всех мужчин с 18-летнего возраста к поступлению в добровольческую Северную армию.

Как вспоминает капитан барон Г. Кистер: «Всех желающих разбили сразу по ротам и взводам, во главе которых встали офицеры из нашего отряда»³. Так возник Талабский батальон, вскоре развернувшийся в полк, ставший одним из лучших в Северо-Западной армии. Его командиром стал произведенный в ротмистры Б.С. Пермикин.

Зимой 1918–1919 гг. Талабский батальон занимал остров Перрисар и при посещении генералом Родзянко произвел на него «самое хорошее впечатление»⁴. При переформировании добровольческих отрядов, находившихся на Псковском направлении в самом начале марта 1919 г. во 2-ю бригаду, генерал Родзянко приказал Талабский батальон переименовать в Талабский полк⁵. В конце апреля полк вместе с другими частями 2-й бригады был перебросен в Нарву и расположен на Кремгольмской мануфактуре.

Перед началом наступления Северного корпуса 13 мая 1919 г. ротмистр Пермикин с Талабским полком был подчинен полковнику Ветренко и в составе отряда последнего захватил переправу через реку Плюсса. Затем, будучи подчинен полковнику графу Палену, вышел на Балтийскую железную дорогу и занял позиции восточнее и севернее станции Кикерино, где генерал Родзянко решил приостановить наступление.

Здесь в Кикерино, 28 мая 1919 г., Пермикин получил спешный приказ выступить форсированным маршем в деревню Большое Заречье и далее в село Выру, с тем чтобы обеспечить переход 3-го Петроградского стрелкового полка (бывшего гвардии Семеновского) на сторону белых (см. биографию полковника В.А. Зайцова).

«Ротмистр Пермикин, — пишет генерал Родзянко, — блестяще выполнил возложенную на него задачу: Семеновский полк был окружен и перешел на нашу сторону»⁶.

Другой полк красной бригады, в которую входил Семеновский полк, был разбит Талабским и Семеновским полками под общим командованием ротмистра Пермикина. Мост у станции Сиверской был подорван и, как продолжает генерал Родзянко, «талабчане не дошли до Гатчины всего 8-ми верст, после чего повернули... и отошли на станцию Кикерино»⁷.

30 мая 1919 г. ротмистр Б.С. Пермикин был произведен в полковники «За отличное руководство в боях». Тогда же, в самом конце мая, когда дивизия генерала графа Палена была развернута в 1-й стрелковый корпус, 6-й Талабский полк полковника Пермикина вошел в состав 2-й дивизии генерала Ярославцева, образовав вместе с 8-м Семеновским полком 2-ю бригаду.

После упорных оборонительных боев в июле, к 5 августа 2-я дивизия отошла и заняла позиции на реке Луге, что дало возможность отдохнуть войскам и выделить некоторые части в резерв.

Неожиданно 22 августа полковник Пермикин получил приказ возглавить отряд в составе его и Семеновского полков с приданными частями и отбыть срочно в Псков для ареста генерала Балаховича и его штаба, обвиненных в убийствах, грабежах и печатании фальшивых денег. 23 августа полковник Пермикин прибыл в Псков, где навел порядок. Начальник штаба генерала Булак-Балаховича, именовавший себя полковником Стоякиным, был убит при попытке к бегству, а сам Булак-Бала-

хович, нарушив данное им офицерское слово, бежал из-под ареста к эстонцам (см. биографию Булак-Балаховича).

По возвращении на Лужский фронт бригада в составе Талабского и Семеновского полков под командованием полковника Пермикина ликвидировала прорыв на фронте 3-й дивизии и, разбив 1-ю бригаду 2-й советской стрелковой дивизии у Красных Гор, вернулась на рубеж рек Луги и Сабы.

В начале октябрьского наступления на Петроград, когда 2-я дивизия была нацелена на Гатчину, под вечер 9 октября Талабский полк во главе с полковником Пермикиным переправился с боем через реку Лугу у деревни Хилка и уже на следующий день подошел к станции Волосово. 14 октября полковник Пермикин взял станцию Елизаветино, и 16 октября вечером Талабский полк подошел к южной окраине Гатчины. В ночь на 17 октября Талабский полк подавил последнее сопротивление красных у Варшавского вокзала, захватив 5 паровозов и 200 вагонов с военным имуществом⁸.

После краткого отдыха Талабский полк взял деревню Новый Бугор на шоссе, ведущем в Царское Село, а затем, после упорного боя с курсантами, поселок Онтолово, после того как прибывший на передовую генерал Родзянко приказал выкачать орудия на прямую наводку⁹.

18 октября 1919 г. за успешные действия Талабского полка во время осеннего наступления на Петроград и захват Варшавского вокзала в Гатчине полковник Б.С. Пермикин был произведен в генерал-майоры.

При помощи прибывших из Ямбурга трех танков 21 октября 2-я дивизия генерала Ярославцева подошла к станции Александровская, и командир дивизии намерен был атаковать обеими бригадами Пулково. 2-я бригада, согласно его приказу, должна была действовать вдоль железной дороги, «но, — как пишет генерал Ярославцев, — притяжение городов продолжает действовать и полковник Пермикин, забыв про главное направление, бросает всю 2-ю бригаду против Царского Села»¹⁰.

Этим воспользовалось красное командование, направив бронепоезда с пехотой по железной дороге на Александровскую, что привело к разрыву между 2-й и 1-й бригадами 2-й дивизии. Генералу Ярославцеву удалось восстановить положение, но время для внезапной атаки на Пулково было упущено.

В Царском Селе генерал-майор Пермикин соединился с подошедшими войсками 3-й дивизии генерала Ветренко, заняв позицию по северной опушке Царкосельского парка.

Вечером 23 октября красные курсанты внезапно атаковали и прорвали фронт на опушке парка у Царской Славянки, на участке 11-го Вятского полка 3-й дивизии. Полк, едва насчитывавший 300 штыков, обратился в бегство.

Этот прорыв и внезапная ночная паника в 3-й дивизии вынудили Талабский и Семеновский полки отступить из Царского Села и занять позиции у Перелесено—Большое Котлино. Все попытки занять снова Царское Село не увенчались успехом. И генерал Родзянко, и генерал Ярославцев не смогли убедить английского полковника Карльсона вернуть на фронт танки, отведенные в тыл 21 октября.

После неудачной попытки вернуть Царское Село 2-я дивизия 23 октября заняла фронт севернее Гатчины от деревни Пеггелево до Романово, и далее до Шаглино.

В этот же день рано утром 6-я стрелковая дивизия красных, усиленная отрядом моряков, перешла в наступление от Ораниенбаума на открытый левый фланг Северо-Западной армии. Героические попытки 17-го Либавского полка 5-й Ливенской дивизии (см. биографии полковника Дыдорова и генерала Радена) остановить наступление 6-й дивизии закончились жестоким поражением полка, и к вечеру 23 октября 6-я красная дивизия заняла Ропшу и Русское Копорье, угрожая тылу не только 5-й дивизии, но и всей Северо-Западной армии.

Видя это, генерал Юденич лично приказал 26 октября сформировать ударную группу для ликвидации грозившего катастрофой прорыва. Начальником ее был назначен генерал-майор Б.С. Пермикин. С фронта 2-й дивизии были сняты вошедшие в нее Талабский и Семеновский полки, а в районе Витино сосредоточен Конно-Егерский полк и вызванный генералом Родзянко из Ямбурга танковый батальон.

Генерал-майор Пермикин после упорного боя взял 31 октября Кипень и Ропшу, а 1 ноября, как пишет генерал Родзянко, «...благодаря исключительно удачным действиям генерала Пермикина, нами было занято село Высоцкое и обход нашего левого фланга был совершенно ликвидирован»¹¹.

Заняв Высоцкое, Талабский полк вместе с Конно-Егерским полком должны были, по замыслу генерала Пермикина, совместно с 5-й Ливенской дивизией заново взять Красное Село, когда неожиданно пришел приказ об общем отступлении Северо-Западной армии в связи с выходом в ее тыл дивизий 15-й армии красных, занявших Лугу и угрожавших от

станции Мшинская отрезать гатчинскую группировку Северо-Западной армии от Ямбурга, т.е. иначе говоря окружить ее.

Утром 4 ноября 1-я бригада 2-й дивизии генерала Ярославцева получила приказ оставить Гатчину, а вечером того же дня в районе Антоши она соединилась со 2-й бригадой генерала Пермикина. К 7 ноября дивизия заняла свои старые, июльские позиции по реке Луге, удерживая лишь город Ямбург.

В связи с отъездом генерала Ярославцева в штаб армии, в Нарву, генерал Пермикин отправился лично руководить частями боевой линии¹², когда 12 ноября части 7-й армии противника перешли в решительное наступление на город.

Талабский полк оказывал упорное сопротивление. Но это была его лебединая песнь. Переправившись через реку Лугу на соседнем участке, красные обошли Ямбург и вынудили генерала Пермикина оставить город по единственному, незадолго до этого восстановленному мосту. 14 ноября красные заняли Ямбург, отрезав путь отхода одному из батальонов Талабского полка¹³. Он присоединился к полку лишь на следующий день, перейдя Лугу по тонкому льду и вброд.

20 ноября 1919 г. генерал Пермикин по приказу штаба армии принял от полковника Дыдорова 5-ю Ливенскую дивизию. Но он прокомандовал ею всего лишь несколько дней, сдав ее генералу Бобошко.

Вскоре после ликвидации Северо-Западной армии генерал Б.С. Пермикин выехал в Польшу. В Варшаве влиятельный в Польше глава Русского Политического Комитета Б.В. Савинков предложил ему с разрешения польских властей начать формирование Русских вооруженных сил на территории Польши. Генерал Б.С. Пермикин подписал воззвание с призывом к совместной русско-польской борьбе против большевиков. В июне—июле 1920 г. на основании этого призыва в Польшу прибыло из Эстонии несколько эшелонов с офицерами и солдатами бывшей Северо-Западной армии. Из них были сформированы 1-я стрелковая дивизия генерал-майора Бобошко и 2-я стрелковая дивизия генерал-лейтенанта графа Палена. Из казаков, перешедших на сторону Польши во время войны 1920 г., была сформирована сводно-казачья дивизия генерала Трусова (см. биографии этих генералов).

По просьбе генерала Пермикина, поддержанной Б.В. Савинковым, генерал Врангель отдал приказ № 6939 от 15—28 сентября 1920 г. о наименовании русских войск на территории

Польши под командованием генерала Пермикина «3-й Русской армией», имея в виду, что тогда Русская армия в Крыму была разделена на 1-ю и 2-ю. Генерал-майор Пермикин был произведен в генерал-лейтенанты.

В октябре 1920 г. части 3-й Русской армии были переброшены в район Проскурова, откуда началось наступление на юго-восток с целью соединения с армией генерала Врангеля в случае успеха заднепровской операции.

Но рижский польско-советский договор 12 октября коренным образом изменил обстановку. Заключенное перемирие Польши с Советской Россией изолировало части 3-й Русской армии на фронте. 14-я красная армия Юго-Западного фронта нанесла в ноябре 1920 г. сильный удар по ней, и группа генерала Бобошко вынуждена была отступить в Польшу в районе Волочийска.

Польские власти разоружили войска 3-й Русской армии, как только был подписан мир с РСФСР, и интернировали личный состав, стремясь изолировать офицеров от солдат.

В то же время Русский Политический Комитет Б.В. Савинкова был переименован в «Русский Эвакуационный Комитет», подчиняться которому большинство офицеров бывшей 3-й Русской армии отказалось. Благодаря вмешательству главы французской военной миссии в Польше генерала Нисселя, интернированные русские солдаты и офицеры были освобождены из польских лагерей к лету 1921 г. Большинство их выехало из Польши в Данциг, откуда уже в качестве беженцев они направлялись на работу во Францию и другие европейские страны.

Генерал Пермикин, сохраняя дружеские отношения с генералом Нисселем, вместе с генерал-лейтенантом графом Паленом много сделал для освобождения из польских лагерей своих соратников.

Еще во время польско-советской войны 3-я Русская армия находилась, как и Польская армия, под наблюдением и контролем французской военной миссии, обеспечивавшей Польскую армию снабжением и вооружением. Генерал Ниссель проявлял, хотя и сдержанно, известную симпатию к Русской армии и лично к генералу Пермикину.

В письме от 20 января 1921 г. генерал Пермикин благодарит генерала Нисселя «за бескорыстную помощь»¹⁴, которую оказала 3-й Русской армии специальная французская миссия

во главе с генералом Троньо. В тот же день 20 января он повторил свою благодарность генералу Нисселю в приказе по армии № 127 и счел возможным наградить членов французской специальной миссии, состоявшей при 3-й Русской армии до ноября 1920 г., русскими орденами. В том числе орденом Св. Анны 3-й степени — одного из членов миссии майора Шарля де Голля — будущего президента Франции¹⁵.

По-видимому, последним официальным письмом генерала Пермикина генералу Нисселю является письмо от 12 марта 1921 г. из Варшавы с просьбой отправить интернированных русских солдат и офицеров 3-й Русской армии в Кронштадт на помощь восставшим морякам. «Свыше 1500 русских солдат и офицеров, — пишет он, — обратились ко мне с просьбой помочь им пробраться в Кронштадт на помощь восстанию... Лично убежден, что учитывая мои отношения с организациями Кронштадта и Пскова, я должен туда срочно направиться с группой офицеров»¹⁶.

Намерениям и надеждам генерала Пермикина и его соратников не суждено было осуществиться. Генерал Пермикин остался в Польше на беженском положении и, как пишет близко его знавший В.В. Орехов, «удалился от дел и переживал тяжелые времена в эмиграции»¹⁷.

Изредка приезжал на встречи Союза Северозападников. Так, во время приезда в Париж в 14 января 1934 г. выступал на одной из таких дружеских встреч в Cafe Le Diplomate.

Во время Второй мировой войны выехал из Польши в Австрию, где долгое время находился с женой Софией Сергеевной в беженских лагерях.

Скончался 11 марта 1971 г. в Зальцбурге после длительной болезни и похоронен на местном кладбище¹⁸.

Пилкин Владимир Константинович

Контр-адмирал

Был наиболее близким советником, а затем и другом генерала Юденича: и в бытность Юденича Главнокомандующим на северо-западе России, и в годы его жизни в эмиграции.

Сын адмирала Константина Павловича Пилкина, Владимир Константинович родился 11 июля 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян С.-Петербургской губернии. Православный. Поступил в Морское училище воспитанником 19 сентября 1883 г. Произведен в гардемарины 12 октября 1889 г. Окончил Морское училище и произведен в мичманы 19 сентября 1890 г.

Зачислен в 8-й флотский экипаж 16 апреля 1891 г. Назначен младшим штурманом на крейсер 2-го ранга «Разбойник» и с 12 мая 1892 г. находился в заграничном плавании. 14 мая 1896 г. произведен в лейтенанты. 29 ноября 1896 г. прикомандирован для занятий к Главному Морскому Штабу. 19 сентября 1897 г. назначен слушателем в минный класс и 4 сентября 1898 г. зачислен в минные офицеры 2-го разряда.

27 января 1900 г. командирован во Францию в город Тулон, в распоряжение наблюдающего за постройкой эскадренного броненосца «Цесаревич». Приказом главного командира Кронштадтского порта № 678 от 16 октября 1900 г. назначается минным офицером эскадренного броненосца «Цесаревич» под командой капитана 1-го ранга И.К. Григоровича (будущего адмирала — командира Порт-Артурского порта во время осады и военно-морского министра с 1911 г.).

В 1903 г. эскадренный броненосец «Цесаревич» вступил в строй и был направлен из Тулона в Порт-Артур в состав Тихоокеанской эскадры¹.

Принял участие в обороне Порт-Артура и был награжден орденом Св. Владимира с мечами и бантом (Еще ранее, в 1898 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и в 1903 г. орденом Св. Анны 3-й степени).

Во время боя с японским флотом 28 июля 1904 г. в Желтом море был ранен. Несмотря на это, после гибели адмирала Витгефта, когда тяжелым снарядом был убит принявший командование эскадрой командир «Цесаревича» капитан 1-го ранга Иванов и было повреждено рулевое управление, старшему лейтенанту Пилкину вместе с раненым лейтенантом Ненуковым с большим трудом удалось перевести управление броненосца на центральный пост и вывести флагманский корабль из циркуляции, которую он описывал под огнем японской эскадры. Благодаря их усилиям «Цесаревич» смог уйти в немецкий порт Циндао. За этот бой старший лейтенант Пилкин был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (Высочайшим приказом от 7 августа 1906 г.).

21 марта 1905 г., прикомандирован к Главному Морскому Штабу и вскоре, 13 мая 1905 г., назначен командующим миноносцем № 215.

20 марта 1906 г. назначен в плавание на минный крейсер «Стерегающий» и. д. старшего офицера.

16 октября 1906 г. зачислен в Николаевскую Морскую Академию, в которой успешно окончил курс военно-морских наук. 6 декабря 1906 г. произведен в капитаны 2-го ранга. С 29 марта 1908 г. штаб-офицер Морского Генерального Штаба. 28 октября 1909 г. назначен командиром эсминца «Всадник».

26 ноября 1911 г. произведен «За отличия» в капитаны 1-го ранга и назначен командиром новейшего линейного корабля «Петропавловск». В период достройки этого корабля временно командовал в 1913 г. эскадренным броненосцем «Цесаревич».

Будучи командиром линкора «Петропавловск», сблизился и подружился с адмиралом М.К. Бахиревым, командующим 1-й бригадой линейных кораблей Балтийского флота.

Вспоминая о М.К. Бахиреве уже в эмиграции, В.К. Пилкин писал: «За кормой “Петропавловска”, на котором он держал свой флаг, а я был командиром, в каких-нибудь двух кабельтовых на Гельсингфорссском рейде, находился остров Брэнд-Эри и на нем хороший ресторан. Бахирев любил иногда съезжать туда, завтракать. Но ему непременно нужен был компаньон. Естественно, что мне, его Флаг-капитану, как он меня именовал на английский манер, выпадала обязанность его сопровождать»².

Уже тогда они стали друзьями. Капитан В.К. Пилкин командовал флагманским линейным кораблем до конца 1916 г. Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени 1 сентября 1914 г. и французским орденом Почетного Легиона офицерского креста 11 января 1916 г. В январе 1916 г. получил мечи к ордену Св. Владимира 3-й степени.

В конце 1916 г. назначен командиром 1-й бригады крейсеров Балтийского флота и в декабре 1916 г. произведен в контр-адмиралы.

Командир одного из кораблей 1-й бригады — крейсера «Баян» — тогда капитан 1-го ранга С.Н. Тимирев оставил подробную и достаточно развернутую характеристику молодого адмирала, с которым ему пришлось близко соприкоснуться. Приведем ее почти полностью: «Прибыв в Кронштадт (где зимовала бригада. — Н.Р.) Пилкин поднял свой флаг на «Баяне». Присутствие адмирала на моем корабле, где не было специального адмиральского помещения, очень стесняло меня. Должен сознаться, что Пилкин сделал все для того, чтобы я не чувствовал этого стеснения. Он отказался от моего помещения, заняв две соединяющиеся свободные каюты против моего кабинета и спальни. Но салоном мы пользовались совместно, равно как ванной и уборной. Раньше я сравнительно мало встречался с Пилкиным и только теперь, прожив с ним несколько месяцев, бок о бок, я оценил, какой он интересный, разнообразно образованный и деликатный человек...

Влад[имир] Конст[антинович] Пилкин был самый старший из первых командиров дредноутов, но получил повышение по службе последним... Пилкин был человек очень твердых правил, без тени заискивания и подлаживания к начальству, никогда не задумывавшийся высказывать всю правду, как бы она резка ни была. Обладая острым умом и серьезным образованием, он был всегда склонен к критике и сарказмам, что тоже не очень нравилось начальству. Кроме того, Пилкин был большой либерал... По складу своей натуры он, пожалуй, был скорее кабинетный человек, из которого, однако, мог выработаться прекрасный общественный и политический деятель, военная же служба к нему как-то не подходила. Тем не менее, это не помешало ему быть прекрасным командиром и выдающимся адмиралом. Характерной особенностью его натуры была внутренняя порядочность...»³

Адмирал В.К. Пилкин блестяще оправдал эту характеристику, участвуя со своими крейсерами (под общим командованием адмирала М.К. Бахирева) в обороне Рижского залива от превосходящих сил германского флота. Благодаря его мужеству и личному обаянию он сумел в тяжелых условиях октября 1917 г. сохранить дисциплину моряков и боеспособность своих кораблей.

В конце 1917 г. сдал командование бригадой и остался со своей семьей в Гельсингфорсе, где в начале 1918 г. оказался старшим среди морских офицеров в Финляндии.

Пользуясь своим положением старшего, адмирал Пилкин сумел не только объединить их, собирая регулярно старших по чину у себя на квартире, но и направить на участие в походе на Петроград, что становилось реальным с появлением Северного корпуса в Эстонии и прибытием генерала Юденича в Финляндию.

Помимо того, приходилось решать конкретные проблемы. Так, например, согласно записи в своем дневнике от 3 января 1919 г.⁴, адмирал Пилкин совместно с рядом старших морских офицеров (капитаном 2-го ранга Г.К. Графом, бывшим командиром эсминца «Новик» капитаном 2-го ранга В.К. Леонтьевым, бывшим командиром эсминца «Изяслав», капитаном 1-го ранга Павлом Викторовичем Вилькеном, бывшим командующим 1-м дивизионом эскадренных миноносцев и капитаном 1-го ранга Георгием Александровичем Вильсоном) обсуждал вопрос о возможности поступления на службу на перешедшие к англичанам эсминцы «Гавриил» и «Спартак» (б. «Миклухо-Маклай»).

Участникам этого совещания еще не было известно, что английское командование не намеревалось использовать эти корабли в операциях против Кронштадта, а предпочло передать их эстонскому правительству.

В то же время адмирал Пилкин не упускал ни одной возможности встретиться и опросить морских офицеров, прибывающих нелегально из Петрограда. Так, согласно записи в дневнике от 4 января 1919 г., он долго беседовал с перешедшим границу адмиралом Коломийцевым, рассказавшим ему о своем заключении в Петропавловской крепости, о находившихся с ним вместе в камере князе Васильчикове и морском офицере К.В. Стеценко. На свидание с адмиралом Коломийцевым В.К. Пилкина сопровождали его друзья — будущие сотрудни-

ки: капитан 2-го ранга А.Н. Лушков и капитан 1-го ранга П.В. Вилькен. Днем у адмирала Пилкина был прибывший из Петрограда капитан 2-го ранга Б.М. Четвертухин, пытавшийся «организовать на коммерческом основании траление мин»⁵.

Как мы уже указывали в биографии генерала Н.Н. Юденича, он впервые принял адмирала Пилкина у себя в гостинице «Societe» в Гельсингфорсе 6 января 1919 г. Разговор носил прямой, открытый и откровенный характер. Он положил начало дружбе и сотрудничеству между ними.

На следующий день, 7 января 1919 г., адмирал Пилкин записал в своем дневнике: «Собрались у меня Вилькен, Лушков, Вильсон, и я сообщил о том, что мне говорил Юденич. Они согласились, что больше ждать нечего... Теперь надо хвататься за единственное, что нам остается: некоторая аналогичность действий с Юденичем, едущим воевать на условиях, что будем воевать не только за границы Эстонии и Латвии. С его благословения, идти в Эстонию без внимания на эти требования»⁶.

На этой же встрече «Вилькен сообщил мне, что собирается ехать в Петербург, вызволять братьев. Страшно за него. Он мне очень, очень по душе»⁷.

В доверительном письме от 11 (24) мая 1919 г. своему давнему, близкому другу контр-адмиралу Смирнову, управлявшему тогда в правительстве адмирала Колчака морским министерством, адмирал Пилкин, говоря о своих отношениях с генералом Юденичем, писал: «...наши отношения очень хорошие»⁸. Пилкин прибавляет, что он «долго его (Юденича. — Н.Р.) убеждал послать Колчаку извещение о своем, здесь в Финляндии, пребывании», т. е., иначе говоря, поднять вопрос о признании его Главнокомандующим на Северо-западе и о получении финансовой помощи, имея в виду нахождение в распоряжении адмирала Колчака русского золотого запаса, захваченного в Казани.

На это 2 февраля 1919 г. последовал ответ от адмирала Колчака, начинающийся словами: «Горячо приветствую Ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины... немедленно перевожу в Ваше распоряжение один миллион рублей на наиболее срочные дела»⁹.

Все это отразилось на положении адмирала Пилкина: уже в январе 1919 г. он вошел в военное управление созданного усилиями А.В. Карташева и П.Б. Струве Особого Комитета, во главе которого стал Н.Н. Юденич.

В связи с назначением 10 июня 1919 г. генерала Н.Н. Юденича адмиралом А.В. Колчаком «Главнокомандующим всеми Российскими сухопутными и морскими силами действующими на Северо-Западном Фронте»¹⁰, в июле 1919 г. при штабе генерала Юденича был создан Морской походный штаб во главе с адмиралом В.К. Пилкиным.

Штаб должен был заниматься глубокой разведкой в Кронштадте и Петрограде (фактически продолжая деятельность адмирала Пилкина, начатую еще в конце 1918 г.) и налаживать связь с находившимися там морскими офицерами, готовыми принять участие в вооруженном восстании наподобие того, какое имело место на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Возглавить Балтийский флот в случае успеха восстания должны были адмирал А.В. Развозов, а в случае его болезни или ареста адмирал М.К. Бахирев (см. его биографию). В своей статье «Два адмирала» В.К. Пилкин подтверждает, что у него была налажена постоянная курьерская связь с адмиралом М.К. Бахиревым. «Когда было решено наступление на Петроград, я уведомил Бахирева, что главнокомандующий, вполне ему доверяя, заранее утверждает все его распоряжения»¹¹. Иначе говоря, постоянная связь с адмиралом Бахиревым была налажена еще до сентября 1919 г., когда было принято решение о начале октябрьского наступления на Петроград. Когда после поражения генерала Маннергейма на президентских выборах 25 июля 1919 г. генерал Юденич покинул Гельсингфорс и отправился в штаб Северо-Западной армии в Нарве, адмирал Пилкин сопровождал его 26 июля в плавании через Финский залив.

В Нарве адмирал Пилкин, оставаясь заместителем генерала Юденича по морской части, продолжал возглавлять Морской Походный штаб, в компетенцию которого за отсутствием боевых кораблей теперь входило вооружение и комплектование личным составом бронепоездов и немногих броневиков. Однако, видимо, по-прежнему Пилкин и его ближайшие помощники капитан 1-го ранга П.В. Вилькен и капитан 2-го ранга А.Н. Лушков занимались глубокой разведкой в Петрограде и поддерживали курьерскую связь со своими единомышленниками в городе, в частности с адмиралом М.К. Бахиревым.

10 августа 1919 г. английский генерал Марч (заместитель главы английской миссии в Прибалтике генерала Гофа) потребовал немедленного формирования Северо-Западного пра-

вительства. Адмирал Пилкин, вслед за генералом Юденичем, вынужден был согласиться на вхождение в состав правительства, уступая требованиям англичан ради получения необходимого для Северо-Западной армии вооружения и снабжения.

Заняв пост военно-морского министра, адмирал Пилкин, сознавая, что, как и он, генерал Юденич вынужден был пойти на компромисс, имея дело с некоторыми министрами-социалистами, старался всячески облегчить ему эту роль.

Так, например, государственный контролер в правительстве меньшевик-плекхановец В.Л. Горн вспоминает, что каждый раз, когда возникала дискуссия с генералом Юденичем, он «старался меньше высказываться и старательно прибегал к содействию своего коллеги адм[ирала] Пилкина, человека тонкого, умного и весьма хитрого... Всякий раз, — продолжает В.Л. Горн, — как я начинал переговоры с генералом Юденичем, адм[ирал] Пилкин мгновенно появлялся в комнате, как из-под земли»¹².

Эта ситуация в Северо-Западном правительстве, этот компромисс неизбежно окончился, когда положение на фронте стало безнадежным, а запоздавшее английское снабжение и вооружение было передано Эстонии. Уже 19 ноября 1919 г. на заседании правительства генерал Юденич заявил, «что он и Пилкин решили выйти из состава правительства»¹³, а 3 декабря 1919 г. генерал Юденич и адмирал Пилкин подтвердили свое решение о выходе из правительства и подписали официальное заявление о своей отставке¹⁴.

Будучи членом Ликвидационной комиссии, адмирал Пилкин участвовал в передаче ей валюты, полученной от адмирала Колчака, состоявшейся в помещении английской миссии в Ревеле 30 января 1920 г. Вскоре он выехал во Францию. Уже 15 мая 1920 г. М.С. Маргулиес записал в своем дневнике: «Встретил контр-адмирала Пилкина. Пилкин с семьей переселился в Париж, продав все, что имел; может просуществовать несколько месяцев»¹⁵.

Действительно, прибыв в Париж, адмирал Пилкин сначала, пока ему не помог генерал Юденич, находился в трудном положении. Он сам подтвердил это в письме генералу Юденичу от 16 января 1921 г. Но, несмотря ни на что, он с начала апреля 1921 г. состоял членом Особого Совещания по оказанию помощи чинам флота и их семьям, председателем которого был вице-адмирал М.А. Кедров.

Однако главным и довольно трудоемким его занятием в Париже была помощь в делах, которые поручал ему генерал Юденич. Судя по переписке между ними, адмиралу Пилкину приходилось из сумм, оставшихся в распоряжении генерала Юденича, выплачивать деньги в валюте по ряду счетов генералу Гермониусу, бывшему начальнику Управления по снабжению русских армий и даже французскому военному министерству за доставку осенью 1919 г. трех легких французских танков из Гельсингфорса в Ревель.

Перед своим отъездом из Парижа в Ниццу в конце 1920 г. генерал Юденич выдал адмиралу Пилкину соответствующие доверенности для шведских и французских банков, с тем чтобы вести все финансовые дела, связанные главным образом с помощью его ближайшим соратникам по Северо-Западной армии. Помощником адмирала Пилкина в этой сугубо доверительной деятельности был капитан 2-го ранга А.Н. Лушков.

В конце мая 1921 г. между генералом Юденичем и адмиралом Пилкиным возникла оживленная переписка как делового, так и общеполитического характера. Приведем несколько наиболее ярких примеров. В частности, адмирал Пилкин не забывал вдову своего друга адмирала А.В. Колчака. Заботясь о ней, он писал 16 января 1921 г.: «Относительно Софии Федоровны Колчак я узнал, что деньги, так легкомысленно выданные ей на руки (очевидно, со счетов генерала Юденича. — Н.Р.), действительно пришли к концу, т.к. на счет Софии Федоровны жила целая колония прихлебателей, Французских и Русских.

Но пока, Николай Николаевич, Вы о Софии Федоровне не беспокойтесь, т.к. она обеспечена на год ежемесячно пенсией по 3000 франков. Это должно быть оформлено на этих днях. Но если Ваша милость будет, то не забронировать ли Вы, на всякий случай приблизительно такую же сумму еще на один год для вдовы А.В. Колчака и его сына»¹⁶.

В письме от 7 марта того же года адмирал Пилкин сообщает генералу Юденичу, что согласно его указанию, он внес в Международный банк 36 000 франков с тем, чтобы проценты с этой суммы С.Ф. Колчак могла бы получать с 1 января 1923 г. Он добавляет, что еще ничего не сообщил об этих деньгах С.Ф. Колчак и просит: «...может быть, Вы сами ей напишете, чтобы она не беспокоилась»¹⁷. В этом же письме он сообщает генералу Юденичу адрес вдовы адмирала Колчака в городе По в департаменте Нижние Пиренеи.

Не лишена интереса его оценка Кронштадтского восстания, изложенная в письме к генералу Юденичу от 4 апреля 1921 г., т.е. через 16 дней после разгрома восстания 18 марта.

Относительно Кронштадта, я тоже не имел иллюзий, т.е. понимал, что он не удержится. Теперь для меня обстановка яснее, чем тогда, когда я мечтал, что захват Кронштадта решит участь Петрограда, и подавал соответствующие проекты. Я продолжаю думать, что Кронштадт ключ к Петрограду, но отворить-то запертую дверь по-видимому еще не наступило время.

Я думаю, что Вы правы, говоря, что импульс к восстанию — это то, что перестали баловать. Но это касается только одной категории восставших... матросов. Весь этот сброд, который носит матросскую куртку, но никогда даже не плавал, а пошел во флот только ради привилегий... Но за этим сбродом матросов по имени, было по-видимому некоторое число старых матросов, которые старались держаться в тени, являясь настоящими зачинщиками и руководителями восстания. Едва ли они гнались за властью, скорее, казалось, что они действовали под влиянием серьезного недовольства положением дел. Уже одно то, что служба стала в буквальном смысле бессрочной, вызывало возмущение у старых именно матросов. И среди матросов ведь есть люди. У кого-нибудь да хранились же ведь Андреевские флаги, которые подняты были на кораблях во время восстания¹⁸. Эти матросы прежних годов старались, чтобы и офицеры не были скомпрометированы, а чтобы все восстание вынесли на плечах своих пришлое люди. Едва ли это удалось...

Несколько человек наших морских офицеров, П.В. Вилькен (см. его биографию. — *Н.Р.*), А.А. Шмидт, которые, как Вы может быть помните, были при мне некоторое время в Нарве, ездили в Кронштадт до восстания и находились в нем во время восстания.

Они рассказывают, что их встречали со слезами. Многие говорили не стесняясь, при всех, что глубоко раскаиваются о содеянном. Председатель Рев[олюционн]ого Комитета Петриченко (писарь с «Петропавловска») все время старался дать понять приехавшей в Кронштадт из Гельсингфорса делегации, чтобы не обращали большого внимания на пункты Кронштадтской декларации, якобы наспех составленной и переделывать которую теперь будто бы не время. Комитет, по-видимому, очень опасался, как бы не дать против себя поводов к обвинению, что восставшие «наемники капитализма», «слуги Антанты», «белогвардейцы» и т.п. Три года пропаганды не могли не сказаться на Российском обывателе. Но, конечно, эта болезнь слов доказывает, что не очень значит, еще приспичило. Вот, когда Царя будут требовать, тогда будет ясно, что дальше жить в Совдепии действительно невозможно.

Но причина падения Кронштадта вероятно не в тех или других лозунгах. Главная причина неуспеха это то, что покамест все-таки какая-то сила стоит за большевиков. Еще не дошли до точки.

Непосредственными причинами послужили отсутствие какого-либо авторитетного лица... потом недоение гарнизона и, наконец... (многоточие Пилкина. — *Н.Р.*) возможность отступления на Финляндию. От фортов, например, все отступали не на Кронштадт, а в Териоки...

Я не могу не жалеть о падении Кронштадта, т.к. наше офицерство должно было волей-неволей принять участие в восстании и, конечно, окончательно перебито. Кое-какие фамилии погибших уже известны¹⁹.

Эти сведения адмирал Пилкин, очевидно, получил от своего друга капитана 1-го ранга П.В. Вилькена, прибывшего в Кронштадт в самом начале восстания и возглавившего в Гельсингфорсе «Морской фонд», субсидируемый генералом Юденичем через адмирала Пилкина.

Надо сказать, что в отличие от многих военных в эмиграции, он не пытался воспользоваться предложениями, которые могли бы удовлетворить честолюбивые стремления и укрепить его материальное положение. Адмирал Пилкин отказался, правда, весьма деликатно, возглавить по предложению генерала Юденича Комитет помощи чинам Северо-Западной армии, рекомендуя на это место генерала Владимирова (в письме от 21 января 1921 г., см. его биографию). Но в письме от 16 января 1921 г., отвечая на другой дружеский запрос генерала Юденича о его, Пилкина материальном положении, он ответил со всей откровенностью: «Вы так добры, Глубокоуважаемый и Дорогой Николай Николаевич, что беспокоитесь о моем положении и спрашиваете насколько я обеспечен и что и как можно бы было мне устроить. Вы говорите, что хотели бы обеспечить своих ближайших помощников и в первую очередь меня. Едва ли я много Вам помог, разве несколько телеграмм по Вашему поручению составил (речь, видимо, идет о телеграммах адмиралу А.В. Колчаку из Финляндии. — *Н.Р.*) и вряд ли заслуживаю Вашу помощь в первую очередь. Ужасно трудно говорить о деньгах, и я всегда надеялся, что между нами не будет этого вопроса. Мое глубокое и искреннее к Вам чувство и преданность всегда были бескорыстными. Я никогда бы не решился просить Вас о деньгах для себя, считая, что не имею на это никакого права. Но Вы так дружески протягиваете мне руку помощи, что, имея семью из пяти человек... мой отказ был бы, мне кажется, неуместным.

Средства мои на доньшке, что можно было продать — продано... Перевоз моей семьи во Францию и потом жизнь в гостиницах, пока я не нашел квартиры, сделали брешь в моем

бюджете и у меня появился долг... Поэтому я с глубочайшей признательностью принимаю Ваше великодушное предложение помочь мне... Но как назвать цифру! ...Если бы Вы сочли возможным из тех денег, которые мне удалось спасти для Вашего дела, дать мне около десяти тысяч крон, мне кажется, я бы стал на ноги. Если Вы сочтете, что я спросил у Вас несоразмерно много, простите мою нескромность и объясните ее ужасной трудностью для меня решить этот деликатный вопрос... Во всяком случае, я с благодарностью приму от Вас ту помощь, которую Вы сочтете возможным мне оказать»²⁰.

На это письмо последовал лаконичный официальный ответ генерала Юденича от 31 января 1921 г., адресованный адмиралу Пилкину: «Предлагаю Вам, на расходы лично мне известные, отчислить в Ваше распоряжение шестьдесят тысяч франков, сняв их с моего счета в кронах...»²¹

Иначе говоря, генерал Юденич решил удвоить просимую адмиралом Пилкиным сумму, ибо 10 тысяч крон по тогдашнему курсу (о чем на письме стоит справка капитана 2-го ранга Лушкова) равнялись примерно 30-ти тысячам франков. Получив 60 тысяч, адмирал Пилкин мог считать себя обеспеченным на много лет вперед.

В конце июля адмирал Пилкин окончательно покинул Париж и, закончив дела, переехал в Ниццу. Его семья выехала несколько раньше. Как видно из письма генерала Юденича ему от 4 июня 1919 г., он позаботился о ней. «Ваши приехали. Н.А. (Покотило, быв. адъютант ген. Юденича. — Н.Р.) их встретил, водворил на квартиру. Устроиться им поможем, и все, что в наших силах, сделаем, никакого особого беспокойства в этом нет, пожалуйста, не смущайтесь и не благодарите»²².

По приезду в Ниццу адмирал Пилкин приобрел небольшой участок земли неподалеку от дома генерала Юденича в предместье Сэн Лоран дю Вар (Saint Laurent du Var) и намеревался заняться садоводством. Но из этого ничего не вышло. Продав участок, он поселился в самой Ницце на улице Шеман де Ларше (Chemin de L'Archet). Здесь скончалась его жена — Мария Константиновна, урожденная Леман и его старшая дочь Мария. Младшая дочь Вера Владимировна ухаживала за стареющим отцом и зарабатывала на жизнь.

Деньги, полученные от генерала Юденича, давно кончились, ибо сам адмирал, по рассказам генерала Е.В. Масловского, в силу своей «необычайной доброты» все время старался помогать другим.

Став во главе ниццкой кают-компании морских офицеров, он неутомимо заботился о своих соратниках по флоту. Он состоял также в весьма замкнутом «Кружке ревнителей русского прошлого», где часто выступал в дискуссиях по докладам. По словам генерала Е.В. Масловского, адмирал Пилкин всю жизнь регулярно по вечерам вел записи в своем дневнике. Этот дневник, сохраненный Верой Владимировной Пилкиной, а после ее смерти — родственниками, представляет немалую историческую ценность.

Адмирал Владимир Константинович Пилкин скончался в Ницце 6 января 1950 г. и похоронен на русском кладбище Кокад.

Празмовский Георгий Арсеньевич

Лейтенант флота

Родился 2 июня 1894 г. Отец Празмовский Арсений, из дворян Радомской губернии. Православный.

Окончил Морской корпус в 1914 г. Корабельный гардемарин с 4 апреля 1914 г. 11 ноября 1914 г. произведен в мичманы и назначен во 2-ю минную дивизию. Исполнял должность вахтенного начальника на эскадренном миноносце «Достойный». 3 апреля 1915 г. окончил курсы минного офицерского класса при 2-й минной дивизии в Гельсингфорсе. 3 апреля 1915 г. назначен минным офицером 9-го дивизиона эсминцев на эскадренном миноносце «Достойный». Участвовал в минных постановках в Рижском заливе и у германского побережья Балтийского моря. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (23 ноября 1915 г.), Св. Анны 4-й степени «За храбрость» (11 января 1916 г.) и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (26 декабря 1916 г.)¹.

В 1917 г. произведен в лейтенанты. По некоторым сведениям, остался в 1918 г. в Гельсингфорсе и был направлен в 1919 г. капитаном 1-го ранга П.В. Вилькенем в распоряжение адмирала В.К. Пилкина в штаб Северо-Западной армии, где стал наравне с мичманом С.И. Романовым ближайшим сотрудником Ю.П. Германа (см. его биографию).

Неоднократно переходил через линию фронта и активно участвовал в налаживании конспиративных связей с участниками подготовки восстания в Петрограде².

Во время октябрьского наступления Северо-Западной армии на Петроград в 1919 г. лейтенант Г.А. Празмовский находился в штабе армии и после невыполнения генералом Ветренко приказа взорвать мост у станции Тосно взялся за

Лейтенант флота Г.А. Празмовский

решение этой задачи. «Но напрасно, — пишет автор статьи «Слава Павшим», — несколько суток он, с маленькой подрывной партией, делал попытки прорваться через фронт...» Намекая на противодействие генерала Ветренко, автор отмечает, что ему «...несмотря на все приказы главнокомандующего, не дали возможности... выйти за пределы белого фронта»³.

Далее в статье говорится, что после отступления и ликвидации Северо-Западной армии, «узнав от перебежчиков о наступлении страшного террора в январе 20 г., Празмовский и Романов стремятся в Петроград помочь выяснить обстановку, вывести еще кого можно... Но на первом же пути красная засада их захватывает»⁴.

Полтора года они провели в тюрьме, видимо, допрашиваемые по делу Петроградской боевой организации, многих членов которой они могли знать.

Автор статьи «Слава Павшим» сообщает, что их попытка бегства из заключения летом 1921 г. не удалась. Он же называет дату их расстрела — 25 августа 1921 г.⁵. Она практически совпадает с датой расстрела руководителей Петроградской боевой организации — 24 августа 1921 г.

Барон Раден Фердинанд Владимирович Генерал-майор

Родился 3 июля 1863 г. в семье вице-губернатора Ревеля. Из дворян Курляндской губернии.

29 сентября 1886 г. окончил Морской корпус и произведен в мичманы. До 1889 г. плавал на судах Каспийской флотилии, а с 1890 г. — Черноморского флота. 29 октября 1890 г. назначен в Адене (Аравия) вахтенным офицером на крейсере «Адмирал Корнилов», сопровождавшем отряд кораблей с Наследником Цесаревичем в Индийском океане. 23 января 1891 г. перешел на крейсер «Владимир Мономах» и с тех пор служил на различных кораблях Сибирской флотилии.

1 января 1893 г. произведен в лейтенанты. В 1900 г. переведен на броненосец Тихоокеанской эскадры «Наварин» и в том же году участвовал в занятии флотом Порт-Артура и Квантунского полуострова, за что был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

С июня до начала августа 1900 г. — начальник десанта моряков, отправленного для обороны русского посольства в Пекине. Отличился в течение двухмесячной защиты посольского квартала в Пекине, во время боксерского восстания. 24 августа 1900 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «в воздаяние примерной храбрости и самоотверженности», а также пятью иностранными орденами. 29 января 1901 г. произведен в капитаны 2-го ранга и назначен старшим офицером канонерской лодки «Кореец». Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. 27 января 1903 г. переведен на Балтийский флот и назначен командиром миноносца «Рьяный».

С началом Русско-японской войны возвращается на Тихий океан и принимает командование флотилией номерных миноносцев во Владивостоке. «За отличную решительность и мужество» при рекогносцировке 15–19 июня 1904 г. порта

Гензан в Корею был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами¹.

В 1906–1907 гг. командует канонерской лодкой «Манджур» и 27 апреля 1907 г. производится в капитаны 1-го ранга. В 1908–1910 гг. периодически исполняет должность командира Владивостокского порта. 25 января 1910 г. назначен командиром крейсера 1-го ранга «Аскольд».

23 августа 1910 г. отчислен от должности. 13 января 1911 г. уволен от службы и отдан под суд за растрату казенных денег². Приговором временного Владивостокского военно-морского суда был осужден на 3 года и 6 месяцев с исключением из службы, с лишением чинов, орденов и всех прав и преимуществ. По докладу нового морского министра И.К. Григоровича Император Николай II сократил срок заключения наполовину.

Высочайшим повелением в декабре 1912 г. барон Ф.В. Раден был освобожден. Ему были возвращены права и преимущества, с тем чтобы он считался уволенным от службы капитаном 1-го ранга³.

С началом Первой мировой войны барон фон Раден подавал неоднократно прошения о возвращении на службу. В списке полковников за 1916 г. значится барон Фердинанд фон Раден, как определенный 14 февраля 1916 г. из отставки в 205-й пехотный Шемахинский полк. 27 января 1917 г. назначен командиром 82-го пехотного Дагестанского полка. В апреле 1917 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. 23 ноября 1917 г. произведен в генерал-майоры⁴.

В 1918 г. вернулся в Курляндию и в составе Балтийского ландесвера командиром взвода участвовал в боях за Виндаву, Туккум и Митаву. 22 мая 1919 г., в день взятия Риги, перешел из Балтийского ландесвера в русский отряд князя Ливена на должность командира роты⁵. В сентябре 1919 г., когда Ливенский отряд уже в составе Северо-Западной армии был развернут в 5-ю (Ливенскую) дивизию, ее временный начальник подполковник Дыдоров писал в рапорте № 2714 на имя командира 1-го стрелкового корпуса генерала графа Палена в боевой аттестации генерал-майора Фердинанда Владимировича барона Радена: «Командуя ротой, показал себя распорядительным, заботливым офицером и настойчивым в достижении поставленной ему задачи. Здесь, в армии, будучи помощником командира полка, а потом и командиром полка, г.-м. Радену досталась тяжелая задача поднять полк на долж-

ную высоту, с какой задачей он справился. В боях, всегда на месте — считая обязанным быть в наиболее важных и опасных местах»⁶.

Во время октябрьского наступления на Петроград, в ночь с 10 на 11 октября, при форсировании реки Луги, генерал Раден одним из первых переправился через Лугу и со своим 17-м Либавским полком (бывший 1-й Ливенский) взял с боя село Высоцкое, затем — Русское Копорское, а вечером 16 октября вошел в Красное Село.

Продвигаясь дальше, 17-й Либавский полк подошел вплотную к железной дороге, ведущей с Балтийского вокзала в Петергоф и Ораниенбаум, когда 6-я дивизия красных перешла в наступление из Петергофа на Ропшу (см. биографию полковника К.И. Дыдорова) и Русское Копорье.

24 октября 17-й Либавский полк получил приказ вернуться в Красное Село и выступить по Ропшенскому шоссе на Русское Копорье, уже занятое красными.

Генерал Раден стремительно, без выстрела, атаковал утром 25 октября части 6-й стрелковой дивизии в Русском Копорье, захватив более 400 пленных и 3 пулемета.

Рассчитывая развить успех, генерал Раден приказал около 12 часов дня 25 октября продолжать наступление в направлении Петергофа. Участник этого боя писал о нем в своей статье: «Перед дер. Каперское тянется прибр[изительно] на протяжении 2-х верст мокрый и совершенно ровный луг, по которому ведет только одна дорога. За лугом ясно были видны песчаные возвышенности; на этих холмах окопы, а перед ними несколько рядов проводки... Пришлось атаковать эти укрепления, перейдя луг без всякого прикрытия... Едва мы прошли треть расстояния, как большевики открыли по нам сильнейший огонь из винтовок и пулеметов, одновременно по нашей цепи били и шрапнелью. Не проходя еще половины расстояния, мы потеряли почти одну треть нашего состава. Ген[ерал]-м[айор] Раден пал смертельно раненый один из первых»⁷. Он был тяжело ранен в шею и скончался не приходя в сознание. Тело его было вынесено с поля боя, и он был погребен на кладбище в Красном Селе. Штабс-капитан барон Н.А. Будберг писал: «Уроженец Курляндии, он много лет верно служил своему Государю и России... Он сделал все, что только возможно было: будучи генералом, служил взводным, будучи моряком, отдал жизнь там, где это было нужнее всего — на подступах к Петербургу. Воистину, он до самой смерти достойно носил на груди свой Георгий»⁸.

Рар Владимир (Эрвин) Федорович Полковник

Родился 23 января 1880 г. в городе Аренсбурге (Куресааре) на острове Эзель (Сааремаа). Был крещен по лютеранскому обряду, получив имя Эрвин. Перешел в православие во время войны, с тем чтобы быть одной веры со своими солдатами и стал Владимиром.

Окончил Аренсбургскую гимназию в 1899 г. и Алексеевское военное училище в Москве. 13 августа 1901 г. вышел подпоручиком в 114-й пехотный Новоторжский полк, расквартированный в Митаве.

В начале Русско-японской войны добровольно перевелся в 12-й пехотный Великорусский полк, в рядах которого участвовал в боевых действиях в Маньчжурии. Был ранен в сражении под Мукденом, но вскоре вернулся в строй. Награжден рядом боевых орденов.

По окончании поступил воспитателем в 1-й Московский Императрицы Екатерины Второй кадетский корпус. Преподавал в нем и в Алексеевском военном училище также и немецкий язык.

В 1915 году, будучи уже полковником, вернулся в строй на должность командира батальона 4-го гренадерского Невсвижского полка. Был тяжело ранен при атаке германских позиций под Барановичами в мае 1916 г.¹

Находясь на излечении в Москве, полковник В.Ф. Рар был назначен временным заместителем начальника 1-го кадетского корпуса генерала Римского-Корсакова. После октябрьского переворота он организовал оборону корпуса и продержался несколько дней. Не получая никаких указаний от командующего округом полковника Рябцева и оказавшись под артиллерийским обстрелом, полковник Рар распустил кадет по домам в гражданской одежде, так что никто из них не был

захвачен, а сам присоединился к юнкерам, занявшим Кремль. Накануне сдачи Кремля скрылся и вместе с семьей сумел в 1918 г. с эшелоном немцев-балтийцев и латышей выехать в Ригу, занятую немцами. В январе 1919 г., накануне сдачи Риги красным латышским войскам, отправил семью в Германию, а сам принял командование 3-й ротой созданного тогда Балтийского ландесвера².

После отступления из Риги прибыл в Либаву в русский добровольческий отряд св. князя Ливена. Вспоминая эти первые, самые трудные недели в январе 1919 г., когда формировался отряд, князь Ливен писал: «Никогда не забуду и дружеской совместной работы с моими ближайшими помощниками полковником Раром и подполковником Бирих. Первый — коренной офицер 114-го Новоторжского пех. полка, затем инспектор в одном из московских корпусов, был моим помощником по строевой части и его умению влиять на своих подчиненных я много обязан в деле установления дисциплины, в весьма разнокалиберной и не сплоченной офицерской массе»³.

Полковник В.Ф. Рар участвовал в качестве заместителя князя А.П. Ливена в боях за освобождение Курляндии. 18 марта 1919 г. русский Либавский добровольческий отряд совместно с балтийским ландесвером взял Митаву. После занятия Митавы полковник Рар, проводя инспекцию городской тюрьмы, заразился сыпным тифом и через несколько дней скончался. Он умер, вероятно, вскоре после 18 марта 1919 г., когда была занята Митава, ибо уже 24 марта князь Ливен вывел свой отряд из города, с тем чтобы занять сторожевое охранение вдоль реки Аа. О кончине полковника В.Ф. Рара, вскоре после занятия Митавы, пишет и его друг Кур фон Браатц (Kur von Braatz).

Полковник В.Ф. Рар был похоронен с воинскими почестями на русском городском кладбище Митавы. Его гроб сопровождали не только соратники по Ливенскому отряду, но и многочисленные жители Митавы⁴.

В 1931 г. комиссией под председательством капитана П.А. Кашинского были собраны по подписке деньги на постановку памятника на могиле В.Ф. Рара. Согласно отчету комиссии, «памятник представляет собой чугунный крест высотой в метр на камне высотой в полметра. На кресте высечена надпись: "Полковник Владимир-Эрвин Рар 1919 г.", а на другой стороне креста надпись: "Ливенцы — Ливенцу»⁵.

Рогожинский Прокопий Львович Полковник

Родился 20 июля 1885 г. Уроженец Витебской губернии, из крестьян. По окончании Витебского городского четырехклассного училища 20 января 1904 г. поступил рядовым на правах вольноопределяющегося в 163-й Ленкоранско-Нашебургский полк. 10 августа 1904 г. командирован в Виленское пехотное училище. Окончил курс училища и произведен в подпоручики 2 августа 1907 г. Вышел в 151-й пехотный Пятигорский полк и служил вначале батальонным адъютантом и начальником команды связи. Произведен в поручики 5 ноября 1911 г. 28 февраля 1914 г. командирован в Варшаву для держания предварительного испытания на поступление в интендантскую академию.

В связи с мобилизацией в июле 1914 г. выделен на формирование 299-го пехотного Дубненского полка. Командир 9-й роты, а затем полковой адъютант. За отличия в бою у фольварка Черный Ляс, приказом по армиям Юго-Западного фронта от 31 января 1915 г. награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Капитан. Высочайшим приказом 16 августа 1916 г. утверждено пожалование Георгиевского оружия за то, что «...в бою 3 мая 1915 г. при занятии посада Копронивица, доблестью и самопожертвенной деятельностью содействовал достижению поставленной задачи»¹. Подполковник.

Произведен в полковники приказом от 7 декабря 1917 г. В 1918 г., во время правления гетмана Скоропадского на Украине, добровольно вступил в Полтавский отряд Южной армии. С остатком отряда отошел в зону германской оккупации и через Польшу достиг Северо-Западной армии. Занимал

должность командира батальона и помощника 19-го Полтавского полка, с которым участвовал в октябрьском наступлении на Петроград.

В аттестации при назначении командующим армией генерала Глазенапа рекомендован на должность командира полка или командира бригады².

После ликвидации Северо-Западной армии в Эстонии переехал через Данциг во Францию. Проживал в течение почти всей своей жизни в эмиграции в гостинице русских шоферов-таксистов на 71, rue Vallier в парижском предместьи Леваллуа-Перре. Там же был представителем французского отдела Союза чинов Северо-Западной армии.

Участвовал в торжественном собрании, посвященном годовщине основания Добровольческой армии, где выступил с докладом: «Борьба на Северо-западе». Собрание состоялось 16 ноября 1926 г. в мэрии 15-го района Парижа.

Скончался в Леваллуа-Перре 19 января 1953 г. и похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Родзянко Александр Павлович Генерал-лейтенант

Родился 13 августа 1879 г. Был одним из сыновей Павла Владимировича Родзянко, родного брата Михаила Владимировича — Председателя Государственной Думы III и IV созывов. Его мать, Мария Павловна, урожденная княжна Голицына, унаследовала от своей матери, графини Строгановой, огромное состояние. Во время Великой войны она устроила за свой счет полевой госпиталь с приданным ему санитарным отрядом. Командир Гвардейского корпуса генерал В.М. Безобразов, адъютантом которого в течение почти всей войны был другой ее сын — полковник Кавалергардского полка Павел Павлович Родзянко, не раз принимал ее у себя в штабе на фронте и лично инспектировал ее передовой отряд, снабженный в 1916 г. автомобилями.

Ее состояние позволило, в частности, ее сыновьям и, в особенности, Александру Павловичу, участвовать до войны в дорогостоящих конных состязаниях, в том числе бороться за традиционный кубок короля Великобритании Эдуарда VII, где они победили своих соперников из знаменитого английского полка Horse Guards.

Как и его отец, Александр Павлович Родзянко по достижении трех лет, 15 октября 1882 г., был зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора. Определен в Пажеский Его Императорского Величества корпус 4 октября 1894 г.¹ С переводом в младший специальный класс 1 сентября 1897 г. начался счет его действительной службы в армии. В следующем, 1898 г., переведен в старший специальный класс Пажеского корпуса и 6 октября 1898 г. произведен в камерпажи Высочайшего Двора.

9 августа 1899 г. произведен в корнеты по экзамену и вышел в Кавалергардский Ее И. В. Государыни Императрицы Марии Федоровны полк. Будучи еще корнетом, был командирован в Италию, где в Турине участвовал в международных конных состязаниях, продолжавшихся с 13 мая по 14 июня 1902 г. Награжден Кавалерским Крестом Итальянского ордена Короны, на принятие и ношение которого получил Высочайшее разрешение 14 апреля 1903 г.

С 29 ноября 1902 г. по 8 января 1904 г. занимал должность заведующего молодыми солдатами в полку и был произведен в поручики 9 августа 1903 г. С 8 по 20 ноября 1904 г. — временно командующий эскадрон Его Величества.

10 ноября 1905 г. командирован в Офицерскую Кавалерийскую школу. Окончил ее с отличием в 1907 г., начав курс еще при строгом и требовательном начальнике школы — генерале Брусилове.

2 октября 1907 г. произведен в штаб-ротмистры, и тогда же было высочайше разрешено командировать его «на собственный счет во французскую Офицерскую Кавалерийскую школу в Сомюре на 10 месяцев, с сохранением содержания».

Вернулся в полк из Франции 26 августа 1908 г. и 27 сентября был снова назначен временно командующим эскадрон Его Величества. Эту должность он исполнял с небольшими перерывами до 30 июня 1909 г. 1 сентября того же года назначен начальником полковой учебной команды, а вскоре — командующим 2-м эскадрон с утверждением в должности 7 декабря 1911 г. Тогда же, 6 декабря 1911 г., произведен в ротмистры со старшинством 9 августа 1911 г. 8 ноября 1912 г. сдал должность командира эскадрона и 26 ноября был назначен помощником командира полка по хозяйственной части. Временно командовал полком с 25 мая по 1 июня 1912 г. 6 декабря 1912 г. произведен в полковники со старшинством того же числа.

В тот же период, помимо службы в полку, А.П. Родзянко отдает много времени и сил международным конным состязаниям: в мае—июле 1911 г. он находился в командировке в Лондоне, с 18 июня по 8 июля 1912 г. выступал на Олимпийских играх в Стокгольме, в мае—июне 1913 г. на международных конных состязаниях в Лондоне.

Эти успехи полковника А.П. Родзянко были замечены Инспектором Кавалерии: 9 ноября 1913 г. он был назначен «в распоряжение Его Императорского Высочества Великого

Князя Николая Николаевича, Главнокомандующего войсками Гвардии и С.-Петербургского Военного округа, с оставлением в списках полка». К этому времени полковник Родзянко был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и орденом Св. Анны 3-й степени.

С началом Первой мировой войны полковник Родзянко был переведен Высочайшим приказом от 30 августа 1914 г. во 2-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска с исключением из списков Кавалергардского полка. Приказом по 2-й Кубанской казачьей дивизии от 9 октября 1914 г. прикомандирован ко 2-му Кубанскому казачьему полку. Но затем приказом по 8-й армии генерала Брусилова от 17 октября прикомандирован к 1-му Линейному казачьему генерала Вельяминова полку Кубанского казачьего войска, где был назначен помощником командира полка по строевой части.

Но и на этой должности оставался недолго: с 17 по 25 ноября 1914 г. он временно командовал 16-м Донским казачьим генерала Грекова полком. После всех этих перемен в служебной карьере гвардейского полковника, наконец, сыграли свою роль связи «наверху» и знакомство с генералом Брусилковым, ибо согласно послужному списку полковник Родзянко был откомандирован «по словесному приказанию командующего 8-й армией».

Обрыв в послужном списке не позволяет выяснить, на какую должность полковник Родзянко был назначен генералом Брусилковым, но судя по наградам (орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом), он доблестно участвовал в боевых действиях 8-й армии в трудную зиму 1914–1915 гг.

Высочайшим приказом от 17 июля 1915 г. был переведен обратно в Кавалергардский полк в качестве «штаб-офицера». Прослужив в своем старом полку год, был, наконец, назначен Высочайшим приказом от 1 мая 1916 г. командиром полка Офицерской Кавалерийской Школы. Этот отборный полк, сформированный на основе постоянного состава школы, вместе с 17-м Финляндским драгунским полком образовал новую 4-ю отдельную кавалерийскую бригаду, которая приказом Начальника штаба Верховного Главнокомандующего была включена в формирующуюся 17-ю кавалерийскую дивизию под командованием генерал-майора П.П. Каншина. Назначение командиром полка Офицерской школы было, конечно, признанием полковника Родзянко как выдающегося кавалерийского офицера.

Оставаясь командиром полка, полковник Родзянко временно командовал с 17 января по 23 февраля 1-й бригадой 17-й кавалерийской дивизии. 22 апреля 1917 г. приказом по армии и флоту был назначен командующим бригады.

17-я кавалерийская дивизия входила в состав 12-й армии, занимавшей фронт по реке Двине. С 26 июня по 10 июля 1917 г. приказом по армии полковник Родзянко занимал должность начальника гарнизона Риги, после чего вернулся в свою бригаду.

Во время наступления немцев на рижском участке фронта, за бои у дачи Зегевольд 30 августа 1917 г. был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Временно командовал 17-й кавалерийской дивизией с 1 по 16 октября 1917 г. и снова с 26 октября 1917 г., когда вернулся из отпуска в Петрограде, выехав из города 25 октября, в день большевистского переворота. В начале ноября пытался проехать в Ставку Верховного Главнокомандующего. 12 ноября вернулся в штаб дивизии и оставался в нем вплоть до расформирования. Весьма вероятно, что в эти последние месяцы 1917 г. полковник Родзянко был представлен к производству в генерал-майоры, но приказ об этом по армии и флоту так и не был отдан в силу падения Временного правительства. Откомандовав полком, бригадой и временно даже дивизией, полковник Родзянко, как мы увидим ниже, считал себя вправе претендовать на чин генерал-майора.

После расформирования дивизии, ко времени заключения Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г., полковник Родзянко оставался вместе с частью бывшего штаба Северного фронта в Пскове, откуда занятыми Псков немцами был отправлен в качестве интернированного в Германию.

В августе 1918 г. он был отпущен и поселился в Риге, где проживала его супруга. В сентябре 1918 г. Родзянко узнал, как он сам пишет, о начале создания «противобольшевистской организации»² в Пскове, куда и выхлопотал себе разрешение на проезд, чтобы получить более достоверные сведения.

Убедившись в Пскове, что немцы не торопятся ни со снабжением, ни с вооружением первых русских добровольцев, Родзянко вернулся в Ригу, где уже только после капитуляции Германии на западном фронте, т.е. после 11 ноября, командование 8-й германской армии согласилось на формирование стрелковых батальонов в Риге. В удостоверении, выданном

штабом 8-й германской армии 20 ноября 1918 г. на имя Родзянко, он указан как полковник («oberst»). Но другой документ — командировочное предписание штаба Псковского Добровольческого корпуса от 23 ноября 1918 г., за подписью командующего корпусом полковника Нефа — выдан уже на имя генерал-майора Родзянко³. Однако приказа о производстве полковник Неф отдать так и не успел. 25 ноября 1918 г. Псков был сдан красным.

Северный корпус отступил в Эстонию, а генерал-майор Родзянко вернулся в Ригу, где, сдав свое условное командование стрелковым батальоном (здесь возникла лишь рота русских добровольцев капитана Дыдорова), отправился вместе с ротмистром Кавалергардского полка св. князем Ливеном на встречу с командующим английской эскадрой адмиралом Синклером в Балтийское море.

В итоге этой встречи и Ливен, и Родзянко пришли к выводу, что ожидать немедленной помощи снабжением и вооружением от союзников не приходится. Поэтому Ливен согласился возглавить русский отряд, отходивший из Риги в Либаву, которая оставалась под немецким контролем, а генерал-майор Родзянко, оставив письменный доклад о русской Северной армии у адмирала Синклера, отплыл 20 января 1919 г. на эстонском корабле «Ваза» вместе с полковником графом Паленом, полковником Бибиковым и другими офицерами в Ревель.

Здесь он явился к новому командующему Северным корпусом полковнику К.К. Дзерожинскому и предложил назначить его на любую должность — «хотя бы ротным командиром»⁴. Полковник Дзерожинский оставил его пока у себя «в распоряжении». В конце февраля 1919 г. генерал-майор Родзянко получил назначение принять командование в районе Юрьева южной группой корпуса, состоящей из отдельных отрядов, с задачей сформировать из них 2-ю бригаду корпуса. Взяв с собой в качестве начальника штаба энергичного поручика Видякина, генерал-майор Родзянко сформировал из Талабского отряда ротмистра Б.С. Пермикина Талабский полк, из отряда полковника Ветренко Волынский полк (этот отряд полковник Ветренко привел с Украины) и из отряда полковника Булак-Балаховича — Конный полк. С этой бригадой ему удалось в самом конце февраля 1919 г. ударом во фланг группе красных войск, наступавших от Пскова в направлении Верро (Выру), заставить ее отойти обратно к Пскову. Этот успех вызвал при-

бытие в Юрьев главнокомандующего эстонской армии генерала Лайдонера, с которым генерал-майор Родзянко успел познакомиться и уже тогда затронуть вопрос о своем возможном назначении командиром Северного корпуса.

Успешно переформировав партизанские отряды в более или менее регулярные войска, генерал-майор Родзянко ограничился, быть может вынужденно, импровизацией при формировании своего штаба. У его начальника штаба поручика Видякина, как он сам признает, «известная неопытность вполне возмещалась энергией и здравым смыслом»⁵. Неподготовленными к штабной работе были начальник оперативного отделения ротмистр Куражев, начальник разведывательного отделения штаб-ротмистр Щуровский и другие молодые офицеры. На уровне только что сформированной бригады дело шло благодаря энергии ее командира и его начальника штаба, но с переходом этого состава штаба на управление войсками корпуса генерал Родзянко не только терял управление но и, не занимаясь глубокой разведывательной деятельностью, упускал принятие важных оперативных решений (например, о сосредоточении русских белых войск на подступах к форту Красная Горка накануне восстания).

В начале апреля 1919 г., пользуясь затишьем на фронте, генерал Родзянко прибыл в Ревель и несколько раз встречался с командиром корпуса полковником Дзерожинским. «Для пользы дела»⁶ Родзянко готов был принять командование корпусом. Такое мнение активно поддерживали близко знавшие Родзянко по службе в гвардии конногвардейцы — полковник граф Пален и начальник штаба корпуса энергичный полковник фон Валь. Полковник О.А. Крузенштерн, заменивший фон Валя на посту начальника штаба корпуса по приказу генерала Лайдонера, был одного выпуска с Родзянко из Пажеского корпуса.

Сам генерал Лайдонер как главнокомандующий и эстонскими, и русскими войсками сочувствовал назначению Родзянко — ближайшего родственника бывшего Председателя Государственной Думы, являвшегося в глазах эстонского правительства наименее опасным для независимости Эстонии в случае успеха русских на Петроградском фронте.

В ходе переговоров и совещаний по этому вопросу выяснилось, что большинство начальников частей считают необходимым как можно скорее перейти к наступательным дей-

ствиям и, заняв часть территории Псковской и Петроградской губерний, уже не зависеть от Эстонии как базы.

Генерал Родзянко сумел убедить эстонское командование в необходимости перебросить его 2-ю бригаду с псковского направления на нарвское и таким образом сосредоточить все войска корпуса в кулак в районе Нарвы. Хотя сам предпочитал псковское направление для наступления, он все же согласился после получения директив от генерала Юденича начать без промедления наступление в направлении Ямбург—Гатчина—Петроград. Полковник Дзерожинский, не сдав командования, вынужден был передать подготовку и проведение наступления генералу Родзянко.

Став фактически во главе корпуса, генерал Родзянко подготовил план наступления с ограниченной целью: выход на правый берег реки Наровы, занятие отрядом Булак-Балаховича Гдова на юге и Ямбурга на севере путем выхода в тыл главным силам 19-й стрелковой дивизии 7-й армии красных в районе станции Веймарн. Перерезав там и Балтийскую железную дорогу, и Петроградское шоссе, он рассчитывал окружить ямбургскую группу 7-й армии противника.

Дальнейший план наступления, как он пишет, «в деталях разработан не был»⁷, что фактически означало отсутствие операционной цели в самом замысле наступления.

Наступление Северного корпуса началось 13 мая 1919 г. Оно, несмотря на недостаток вооружения и снабжения, воодушевило войска и позволило командирам частей проявить инициативу, часто весьма рискованную. Пример тому — захват в первую же ночь штаба 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии в селе Попкова Гора слабым отрядом поручика Данилова. Успех наступления превзошел все ожидания. Через неделю, к 20–21 мая, на левом фланге группы полковника Палена Островский полк полковника Ярославцева вышел в район Копорья и вслед за тем занял фронт Глобицы—Воронено—Муковицы, т.е. вышел на подступы к форту Красная Горка и Ораниенбауму. В центре Талабский и Волинский полки заняли станции Волосово и Кикерино, находясь в 20-ти с небольшим километрах от Гатчины. На юге отряд Балаховича занял 15 мая Гдов и вышел на фронт по реке Желчи. 20 мая вооруженные суда Чудской флотилии подняли Андреевские флаги, перешли на сторону белых, что позволило Балаховичу занять базу флотилии Роскопень.

В то же время в ночь на 24 мая командир 1-й эстонской красной стрелковой дивизии Ритт и его командир бригады Айпис перешли с 1-м эстонским красным полком на сторону эстонской армии, оголив фронт у Изборска. Этим воспользовалось командование эстонской армии и фактически без боя овладело 25 мая 1919 г. Псковом, оставленным деморализованными частями 10-й красной стрелковой дивизии. А это в свою очередь вызвало отход двух полков 10-й стрелковой дивизии с позиций на реке Желчи, что позволило Балаховичу прибыть в Псков, где после его разграбления эстонцами 31 мая, ему была передана власть в городе.

Управление войсками белых не отвечало требованиям быстрого и часто непредвиденного (в силу деморализации или перехода частей красной армии на сторону белых) продвижения вперед. «Во время этого первого наступления, — вспоминает генерал Родзянко, — штаб мой был весьма малочислен, средств связи почти не было, а поэтому большую часть приказаний мне приходилось отдавать лично, разъезжая по фронту корпуса»⁸. И при этом, как правило, верхом. Так, описывая свою встречу на фронте уже с командующим армией, командир батареи, тогда еще капитан А.С. Гершельман рассказывает: «Выехав вперед, я вдруг неожиданно встретил генерала Родзянко. На своей свежей породистой лошади он объезжал части и подгонял их. Я ему доложил о наших затруднениях и мы одно время ехали вместе... Затем, перепрыгнув через какое-то срубленное дерево (я на своей кляче, конечно, не последовал его примеру), он рысью поехал подгонять другие колонны»⁹.

И нельзя не признать, что победы молодого гвардейского ротмистра на фешенебельных скачках Турина и Лондона в мирное время подготовили его к такому личному вождению войск во время Гражданской войны.

Командующий Западным фронтом, а затем 7-й красной армией, многоопытный генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Надежный так оценивает деятельность своего противника: «В общем, нельзя не признать, что генерал Родзянко обладал энергией и организаторскими способностями, что в значительной мере оправдывает его стремление стать у власти, так как, по-видимому, полковник Дзерожинский был далеко не самостоятелен и не энергичен»¹⁰.

По возвращении с фронта генерал Родзянко, воспользовавшись отсутствием в штабе полковника Дзерожинского, 25 мая 1919 г. отдал приказ о своем временном вступлении в командование Северным корпусом. Этот приказ был подтвержден эстонским главнокомандующим генералом Лайдонером, утвердившим окончательную передачу командования корпусом генералу Родзянко начиная с 1 июня 1919 г.

Полковник Дзерожинский, произведенный в генерал-майоры, принял командование 1-й дивизией в составе Ревельского, Георгиевского и Гдовского полков (находившихся в стадии формирования). Фронт 1-й дивизии был растянут от реки Плюсы до Сабска. Таким образом, была организована связь между отрядом полковника Балаховича в Пскове с отрядом, переформированным во 2-ю дивизию генерала графа Палена, фронт которой простирался от Сабска до Финского залива с наибольшей плотностью на гатчинском направлении.

Несмотря на успехи Северного корпуса в майском наступлении, превзошедшие все ожидания, отсутствие налаженного тыла, средств связи и главное — ясно определенной операционной цели, в силу чего небольшие силы корпуса оказались разбросанными на очень широком фронте, привели генерала Родзянко к решению приостановить наступление. Он опасался, что «все это может окончиться для нас плохо. Ни у меня, ни у кого другого не могло быть и мысли о занятии Петрограда такими ничтожными силами, но отдавать обратно уже освобожденную от большевиков местность являлось нежелательным»¹¹.

Иначе говоря, он склонялся к переходу к обороне. А это вело к утрате инициативы и при существовавшем соотношении сил — к неизбежному отступлению.

Генерал Лайдонер, как главнокомандующий, уже 22 мая отдал распоряжение о прекращении наступления, явно опасаясь, что группа графа Палена при продвижении на Гатчину зарвется, попадет в окружение, и тогда оборона на рубежах рек Луга и Нарвы ляжет на его плечи.

В начале июня генерал Родзянко передал свой штаб во главе с поручиком Видякиным, сформированный еще во время командования бригадой, генералу графу Палену как командиру 2-й дивизии. Затем с развертыванием дивизии — в штаб 1-го стрелкового корпуса.

Начальником же штаба Северного корпуса, а вскоре за тем Северо-Западной армии, стал произведенный в генерал-майоры

ры полковник Крузенштерн, находившийся в Ревеле и ведавший всеми службами тыла. В полевом штабе, непосредственно при генерале Родзянко, исполняющим должность начальника штаба был назначен полковник Зейдлиц. Однако он не смог организовать по-настоящему работу штаба. Генерал-квартирмейстера не было. Начальником оперативного отдела был ротмистр Костанда, как и полковник Зейдлиц никогда не служивший по Генеральному штабу.

Это серьезное упущение стало очевидно и самому генералу Родзянко после полного провала взаимодействия с восставшими на форту Красная Горка. Воспользовавшись прибытием бывшего командующего Северным корпусом Генерального штаба генерал-майора Вандама, он поспешил пригласить его на должность начальника штаба теперь уже Северо-Западной армии. Вслед за Вандамом в Нарву вернулся Генеральный штаб генерал-майор Малявин. Его генерал-майор Родзянко назначил приказом по армии от 31 июля 1919 г. генерал-квартирмейстером, взяв полковника Зейдлица «в свое распоряжение». В этом составе штаб Северо-Западной армии оставался почти до самого конца.

В ходе этих перемен в штабе Северного корпуса, а затем Северо-Западной армии, страдала, прежде всего, глубокая разведка. Неожиданным для белого штаба оказался переход Семеновского полка к белым 29 мая, присоединение в те же дни батареи красных курсантов к Островскому полку полковника Ярославцева и многие другие подобные случаи.

«О желании гарнизона Красной Горки и части Балтийского флота перейти на нашу сторону, — пишет генерал Родзянко, — я уже знал раньше и сообщил об этом Английской Военной Миссии через капитана 1 ранга Кньюфера»¹². Однако, будучи лично в штабе Островского полка 22 мая 9 июня, занимавшего фронт Глобицы—Воронило, т.е. на ближайших подступах к форту Красная Горка, а затем в деревне Кернево на берегу Финского залива, где располагался штаб Ингерманландского отряда (формирование из местных финнов под командой финских офицеров, подчиненное оперативно генералом Лайдонером штабу Северного корпуса), он удовлетворился лишь тем, что заверил командира Островского полка полковника Ярославцева о подчинении ему Ингерманландского отряда¹³. Никаких мер усиления на этом участке фронта, равно как и предупреждений командиру Островского полка, сделано не было.

Когда в ночь с 12-го на 13 июня началось восстание на форту Красная Горка, в штабе Северного корпуса не было получено никаких известий ни от командования английской эскадрой, принявшей сообщение радио из форта, ни от Ингерманландского отряда.

В то же время командовавший фортом поручик Неклюдов (см. его воспоминания в Приложении) и его помощник — командир артиллерийского дивизиона капитан Лощинин, умело проведя подготовку восстания, послали, в частности, накануне восстания к белым делегатов-офицеров, с тем чтобы предупредить их и организовать взаимодействие... Делегаты попали к финскому начальнику ингерманландского отряда, который потребовал сдачи форта ему, а также выдачи арестованных в качестве заложников комиссаров и коммунистов. Вопреки приказу он не потрудился донести о прибытии делегатов ни штабу Северного корпуса, ни даже своему соседу по фронту — командиру Островского полка.

Изолированный и не поддержанный, хотя бы морально, белыми, гарнизон форта Красная Горка с примкнувшим к нему гарнизоном форта Серая Лошадь вступил в артиллерийскую дуэль с флотом в Кронштадте и единоборство с подошедшим из Ораниенбаума, спешно собранным морским экспедиционным отрядом и сборной бригадой Стороженко.

Гарнизон форта, состоявший помимо артиллерийского дивизиона и технических команд из 1-го и 2-го Кронштадтских крепостных полков, насчитывал первоначально свыше 5000 штыков. Передовые части гарнизона заняли поселок Большие Ижоры на берегу Финского залива недалеко от Ораниенбаума. Попав здесь под сильный обстрел с трех подошедших к берегу эсминцев и не видя никакой поддержки с юга, где проходил белый фронт, части гарнизона отступили обратно в форт, уже полуразрушенный артиллерийским огнем линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». Началось разложение. В ночь на 16 июня, т.е. на третий день, большая часть гарнизона оставила форт и, решив продолжать борьбу, отошла к белым. Но попала в расположенный на берегу Финского залива Ингерманландский отряд, командование которого сообщило о сдаче ему гарнизона форта. Прибывший из штаба 1-й дивизии генерала графа Палена полковник Неф не разобрался в ситуации. Поверив донесению, он согласился на разоружение перешедшего гарнизона форта, сопровождавшегося ограблением его ингерманландцами.

О восстании на форту Красная Горка генерал Родзянко узнал на третий день от прибывшего к нему в Нарву 16 июня начальника сухопутной обороны форта полковника Делля. Он рассказал о драматическом ходе событий, пережитых за три дня гарнизоном форта. Разъяренный генерал Родзянко немедленно выехал с полковником Деллем в Ямбург, куда был вызван начальник Ингерманландского отряда капитан Топольинен. Последний заявил, что он не подчиняется генералу Родзянко, после чего был выгнан вон с угрозой разоружить его отряд, если оружие гарнизона форта не будет ему немедленно возвращено.

Затем Родзянко лично отправился в Копорье, где находился перешедший к белым гарнизон, и, проверив выполнение его приказа о возвращении оружия, распорядился о формировании полковником Деллем Красногорского полка, доблестно сражавшегося впоследствии в составе 3-й дивизии генерала Ветренко.

Позже, уже во время вынужденного отступления Северо-Западной армии на рубежи реки Луга, Родзянко в какой-то степени признал, что главной причиной неудачи майского наступления и в частности полного провала в плане использования восстания на Красной Горке, было отсутствие оперативной цели.

«Во время нашего наступления, — вспоминал он, — был один исключительно удачный момент для занятия Петрограда: Красная Горка сдалась, три форта Кронштадта выкинули белые флаги, было известно о желании части флота перейти на нашу сторону; казалось еще один нажим»¹⁴.

Почему же, спрашивается, этот «нажим» в направлении Ораниенбаум—Петергоф—Петроград не был осуществлен, особенно в начале восстания, когда для моральной поддержки достаточно было выдвижения хотя бы одного Островского полка (см. биографию генерала Ярославцева). Генерал Родзянко повторяет: «Даже и в эти самые лучшие минуты у нас никогда не было мысли о занятии Петрограда, т.к. наша армия была слишком малочисленна и мы прекрасно сознавали, что в случае удачи она растаяла бы в этом городе»¹⁵.

В этих словах слышится неверие генерала в существовавшие организованные силы, сочувствовавшие белой армии как на фронте, так и в самом Петрограде. Ни переход Семеновского полка, ни восстание на Красной Горке не убедили

его в серьезности этих сил, ожидавших белую армию и готовых присоединиться к ней или даже самостоятельно и организованно выступить при приближении Северо-Западной армии, как это случилось на фортах Красная Горка и Серая Лошадь.

Очевидно, что генерал Родзянко видел Петроград таким, каким он его оставил в дни Октябрьского переворота 1917 г., и был летом 1919 г. еще далек от мысли, что через год с небольшим может произойти Кронштадтское восстание.

В связи с событиями на Красной Горке и роли в них Ингерманландского отряда, проводившего помимо того и самовольную мобилизацию в Сойкинской волости Ямбургского уезда, что вызвало протест генерала Родзянко, генерал Лайдонер отказался от должности главнокомандующего 19 июня 1919 г. Северный корпус вышел из подчинения эстонского командования.

В тот же день корпус был развернут в Северную армию, переименованную 1 июля в Северо-Западную (в связи с указанием английской миссии на то, что Северная армия генерала Е.К. Миллера уже действует на Архангельском направлении).

В начале августа генерал Родзянко закончил в основном переформирование Северного корпуса в Северо-Западную армию. В состав 1-го стрелкового корпуса генерал-майора графа Палена вошли 2-я дивизия произведенного в генерал-майоры Ярославцева, 3-я дивизия генерала Ветренко и несколько позже прибывшая из Латвии 5-я Ливенская дивизия полковника Дыдорова.

В состав 2-го корпуса генерал-лейтенанта Арсеньева вошли 4-я дивизия генерал-лейтенанта князя Долгорукова и отдельная бригада (позже переименованная в 6-ю дивизию) генерал-майора Ежевского. В корпус также входил одно время конный полк произведенного в генерал-майоры Булак-Балаховича.

1-я отдельная дивизия генерал-майора Дзерожинского, занимая фронт между Лугой и Струги Белые, находясь в центре расположения Северо-Западной армии, примыкала к крайним флангам обоих корпусов.

Обострение отношений с эстонским командованием и выход из подчинения генералу Лайдонеру привели к резкому сокращению снабжения боеприпасами и другим снаряжением со стороны эстонской армии. А прекращение наступления лишило Северо-Западную армию трофейного вооружения и боеприпасов, поставив ее в катастрофическое положение.

Генерал Родзянко в ожидании английской помощи своей раздетой армии счел наиболее выгодным отойти на севере на рубеж реки Луги и, заняв удобную для обороны позицию, выжидать перевооружения и усиления артиллерией, танками и техническими средствами.

Войска Нарвского участка 7-й армии красных могли наступать, как пишет бывший главнокомандующий Западным фронтом Надежный, «...благодаря численному перевесу на их стороне, а также ослаблению боевой энергии утомленных непрерывными боями частей 1-го белого корпуса, испытывавшего нужду как в боевых припасах, так и в других видах снабжения»¹⁶. И он же признает, что «отход частей 1-го белого корпуса был совершен в достаточном порядке и вполне планомерно»¹⁷.

4 августа 1919 г. 6-я стрелковая дивизия 7-й армии красных заняла Ямбург. Генерал Родзянко считал наилучшим решением оставить город, находящийся на правом берегу Луги, и, взорвав железнодорожный мост, закрепиться на левом берегу, благодаря чему стало бы возможным перебросить большую часть 1-го корпуса в район Пскова.

Но как раз в самом начале августа в Нарву прибыл со своим штабом генерал Юденич. Как пишет генерал П.А. Томилов (а он писал как по поручению, так и по документам штаба, предоставленным ему генералом Юденичем), генерал Юденич настаивал на удержании города Ямбура и предместного плацдарма на правом берегу Луги, но генерал Родзянко «вопреки желанию Главнокомандующего во что бы то ни стало оборонять Ямбург, приказал графу Палену в случае нажима противника бросить город и отойти на левый берег реки Луги, а затем приказал полковнику Бибикову отойти, не принимая боя, и взорвать мост через Лугу, несмотря на запрещение Главнокомандующего»¹⁸.

Так начался конфликт между генералом Юденичем и генералом Родзянко. В его основе лежало коренное расхождение по вопросу главного стратегического направления при наступлении на Петроград. Уже сразу после прибытия Юденича в Нарву генерал Родзянко представил ему письменный доклад, где противопоставлял идее прямого, короткого удара по направлению Нарва—Ямбург—Гатчина—Петроград, сосредоточение главных сил в Пскове, с тем чтобы «...двинуться в Новгородскую губернию, оперев правый фланг в озеро Ильмень и реку Волхов, занять Новгород... действовать дальше на станцию Чудово, прикрываясь рекой Волховом на Ладожское

озеро»¹⁹. Иначе говоря, генерал Родзянко предлагал план окружения Петрограда при расположении базы в Пскове.

Генерал Юденич не разделял этих взглядов на перенос главного удара на Псковское направление и настойчиво повторял: «А всё-таки от Ямбура до Петрограда ближе, чем от Пскова»²⁰, считая Нарвское направление более реальным для немногочисленной Северо-Западной армии.

Конфликт между Главнокомандующим фронтом и командующим армией затянулся и обострился. Генерал Родзянко чувствовал себя создателем Северо-Западной армии и чрезвычайно болезненно переносил все распоряжения генерала Юденича. Подавал в отставку, но генерал Юденич ее не принял. Желая опровергнуть слухи об удалении генерала Родзянко, генерал Юденич написал ему 4 сентября 1919 г. личное письмо, где, высказав свое возмущение распространителями этих слухов, заверил генерала Родзянко, что они «...могут иметь одну цель: восстановить Вас против меня и тем помешать нашей дружной работе на пользу общего дела»²¹.

Поручив генералу Родзянко и его штабу разработать и подготовить план наступления на Петроград в направлении Ямбург—Гатчина, генерал Юденич перед началом наступления отдал приказ о производстве генерал-майора Родзянко в генерал-лейтенанты. В то же время, 2 октября, генерал Юденич объявил о своем вступлении в должность командующего Северо-Западной армии, назначив генерала Родзянко своим помощником.

Это вызвало бурное объяснение между генералом Юденичем и Родзянко, который счел невозможным свое отстранение уже в ходе подготовленной и начатой им демонстративной операции (см. биографии ген. Арсеньева и кн. Долгорукова) на Струго-Бельском направлении. Произошел разрыв личных отношений. Генерал Родзянко ушел от генерала Юденича с решением покинуть армию. Однако на следующий день старшие начальники во главе с генерал-майором графом Паленом уговорили его согласиться занять пост помощника Главнокомандующего, **обещая уладить личный конфликт с генералом Юденичем.**

7 октября Родзянко выехал в деревню Подлесье, где находился штаб 3-й дивизии генерала Ветренко, получив поручение руководить ее действиями, ибо генерал граф Пален был далеко не уверен, что начальник 3-й дивизии генерал Ветренко будет точно выполнять боевые приказы.

ПРИКАЗЪ

СЪВЕРО - ЗАПАДНОЙ АРМІИ.

№ 247.

2 Октября 1919 г.

г. НАРВА.

§ 1.

Сего числа я назначенъ помощникомъ Главнокомандующаго Съверо-Западной Арміей.

Высоко цѣня оказанное мнѣ довѣріе и оставляя постъ непосредственнаго начальника дорогой мнѣ С.-З. Арміи, я все же буду всегда съ Вами доблестныя войска и буду работать совместно на пользу Родины и во славу русскаго оружія подъ знакомъ Бѣлаго Креста.

Командующій Арміей
Генераль-Лейтенантъ **РОДЗЯНКО.**

В наступлении на Петроград, начатом 10 октября, генерал Родзянко участвовал находясь, как всегда, впереди. 13 октября передовые части 3-й дивизии заняли станцию Преображенскую (Толмачево) на Варшавской железной дороге, выйдя в тыл лужской группе красных. Батальон Красногорского полка выбил красных из города, когда с юга к нему подошли части 1-й дивизии генерала Дзерожинского. Оставив Дзерожинского преследовать противника в сторону Оредежи и Батецкой, 3-я дивизия двинулась через станцию Мшинскую на север и заняла Сиверскую, где 15 октября Родзянко отдал приказ генералу Ветренко выделить не менее двух батальонов с артиллерией, с тем чтобы, заняв станцию Вырицу, через Лисино выйти к станции Тосно на Николаевской желез-

ной дороге и взорвать мосты на ней, «дабы красные не могли воспользоваться поездами и подвозить подкрепления»²². Приказ этот не был выполнен (см. биографию генерала Ветренко).

16 октября генерал Родзянко одним из первых вошел в Гатчину. Командир батареи капитан А.С. Гершельман вспоминает это вступление: «Генерал Родзянко с находящимся при нем полковником Рыльским шел с нами в длиннополой кавалерийской шинели, в сапогах «танках» (солдаты так называли тяжеловесные английские сапоги). Родзянко, не обращая внимания на стрельбу, пѣр вперед, пока не натыкался на нашу разведку, и тогда начинал ругаться, что медленно идут»²³.

После занятия Гатчины генерал Родзянко настойчиво требовал немедленного продолжения наступления, рассчитывая на внезапность, но начальники частей 1-го корпуса утверждали, что люди настолько устали, что необходим хотя бы короткий отдых, думая, как пишет Родзянко, что «участъ Петрограда уже решена»²⁴.

В дальнейшем Родзянко участвовал в занятии Царского Села и пытался с ходу подготовить штурм Талабским полком Пулкова. Но распорядившийся наконец прибывшими из Ямбурга танками английский полковник Картон «категорически отказал»²⁵ выделить для этой операции хотя бы один танк.

После выхода частей 15-й армии красных к Луге и к станции Мшинская, в силу угрозы тылу Северо-Западной армии, генерал Родзянко ради ее спасения рекомендовал генералу графу Палену как можно скорее отступить к Ямбуру.

После отступления Северо-Западной армии к Нарве генерал Юденич, уехав на переговоры в Ревель, передал временно командование армией генералу Родзянко. Попытки генерала Родзянко вести непосредственно переговоры с эстонским командованием вызвали напоминание генерала Юденича о том, что он не имеет прав вести такие переговоры, минуя его. В результате генерал Родзянко попросил освободить его от должности помощника Главнокомандующего и назначить на любую должность в строю. В ответ на это приказом № 7927 от 23 ноября 1919 г. генерал Родзянко был командирован генералом Юденичем в Англию.

В тот же день генерал Родзянко выбыл из штаба армий в Нарве в Ревель. Прождав там три дня, он обратился к генералу Юденичу с письмом от 26 ноября 1919 г. с просьбой выслать ему необходимое командировочное свидетельство, а также указания для поездки в Англию²⁶.

Ответ генерал Родзянко так и не получил.

«В первых числах января (1920 г. — *Н.Р.*), — пишет генерал Родзянко, — я выехал через Гельсингфорс в Стокгольм, где узнал, что адмирал Колчак погиб, а армия генерала Деникина быстро отступает»²⁷.

В итоге генералу Родзянко удалось выехать в Германию, где в Берлине в конце мая 1920 г. он закончил работу над своей книгой «Воспоминания о Северо-Западной армии», вышедшей в Берлине в 1921 г.

В дальнейшем жизнь его прошла почти целиком в Соединенных Штатах Америки «в беженской и подчас очень трудной обстановке»²⁸.

Генерал А.П. Родзянко скончался 6 мая 1970 г. в Нью-Йорке и похоронен на кладбище Успенского монастыря Ново-Дивеево в Спринг-Валли.

Романов Сергей Иванович Мичман

Родился 22 августа 1897 г. Православный. Отец Романов Иван Михайлович, подполковник, смертельно ранен 27 апреля 1915 г. и умер на следующий день. Похоронен на кладбище главного костела города Ржешова (Галиция). Окончил 2-й кадетский корпус Императора Петра Великого. 12 сентября 1915 г. зачислен в Отдельные гардемаринские классы Морского корпуса. С октября 1915 по апрель 1916 г. находился на крейсере сибирской флотилии «Орел» в практическом плавании.

В начале марта 1918 г. отчислен из Отдельных гардемаринских классов в связи с их ликвидацией. В середине 1919 г., через Финляндию, он прибыл в штаб Северо-Западной армии, где будучи произведен в мичманы стал вместе с лейтенантом Г.А. Пращмовским ближайшим помощником Ю.П. Германа (см. его биографию).

«Сережа Романов... прекрасный организатор, великолепный техник заговоров и подготовки восстания...»¹ сопровождал постоянно Ю.П. Германа в его переходах через фронт и помогал ему в подготовке восстания в Петрограде. В частности, он с большим для себя риском поддерживал, по поручению Германа, связь с «помощником начальника Особого отдела»² (ЧК.), т.е. с А.Н. Гавришенко.

Как Ю.П. Герман и Г.А. Пращмовский, мичман С.И. Романов не мог примириться с поражением Северо-Западной армии и был готов продолжать работу, готовя переворот в Петрограде. Уже в январе 1920 г. он вместе с Пращмовским пытается проникнуть в Петроград, для того чтобы в первую очередь помочь тем, кто еще не был арестован. Они оба попали в засаду и после полугодового заключения в тюрьме были расстреляны, как сообщает автор статьи «Слава Павшим», 25 августа 1921 г.³, через несколько дней после того, как были расстреляны руководители Петроградской боевой организации⁴.

Саламанов Николай Николаевич Генерал-майор

Родился 12 марта 1883 г., уроженец Новгородской губернии. Окончил 2-й кадетский корпус и Павловское военное училище. Высочайшим приказом от 10 августа 1903 г. произведен в подпоручики и вышел в 147-й пехотный Самарский полк¹, куда прибыл 13 сентября 1903 г.

Согласно приказу по 37-й пехотной дивизии от 3 октября 1903 г. за № 86 был прикомандирован к Лейб-гвардии Гренадерскому полку для испытания и возможного перевода в него на постоянную службу. Согласно Предписанию Главного штаба от 10 июня 1904 г. за № 25501 переведен в Лейб-гвардии Гренадерский полк в чине подпоручика.

Командирован в Усть-Ижорский лагерь для обучения саперному делу с 27 мая 1905 по 27 июля 1905 г. Высочайшим приказом от 12 декабря 1907 г.² произведен в поручики, а 6 декабря 1911 г. — в штабс-капитаны.

В этот период неоднократно назначался временно командующим ротами, 8 раз с 1907 по 1911 выполнял условия на получение императорского приза на состязаниях по стрельбе из винтовки и револьвера и был награжден медалями в память Отечественной войны, 300-летия дома Романовых и памятным нагрудным знаком в честь 150-летия Лейб-гвардии Гренадерского полка.

29 июля 1914 г. выступил с полком на фронт Первой мировой войны и 5 сентября 1914 г. после боя под Суходолами в Галиции был назначен командиром 8-й роты.

Отличился в боях под Ивангородом: 13 октября 1914 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени — за контратаку, вынудившую немцев начать отступление от крепости, 6 ноября 1914 г. — орденом Св. Станислава 3-й степе-

ни с мечами и бантом, 14 декабря 1914 г. за бои под Краковом — орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. 15 марта 1915 г. — орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, 18 мая 1915 г. — орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость». Тогда же произведен в капитаны.

Эвакуирован по болезни 28 февраля 1915 г. По возвращении в полк участвовал в боях на Стоходе во время наступления Юго-Западного фронта генерала Брусилова в 1916 г. Полковник.

22 июля 1917 г. начальник хозяйственной части Лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Саламанов, по личному приказанию генерала Май-Маевского, командующего 2-й гвардейской дивизии, назначен временно командующим Лейб-гвардии Павловского полка³.

В конце 1917 г. после введения «выборного начала» в армии покинул полк и прибыл в Петроград, где подал прошение об отставке. Был арестован ЧК, но освобожден благодаря ходатайству Совета запасного полка, все еще занимавшего казармы на Марсовом поле.

Осенью 1918 г. бежал в Эстонию, где вступил в Северо-Западную армию. Одно время командовал батальоном в Ревельском полку. В апреле 1919 г. был назначен уездным комендантом в Гдове, где активно участвовал в формировании Гдовского полка.

В ноябре 1919 г. оставил Гдов вместе с войсками 2-го корпуса генерала Арсеньева и прибыл в Нарву. В начале 1920 г. генерал Глазенап отдал приказ о производстве полковника Саламанова в генерал-майоры. В сентябре 1920 г. выехал в Польшу, где вступил во 2-ю дивизию генерал-лейтенанта графа Палена 3-й Русской армии. Подписал вместе с начальствующим составом 2-й дивизии заявление Польскому командованию (не позднее 13 февраля 1921 г.) об отношении к Русскому Эвакуационному Комитету⁴.

После расформирования 3-й Русской армии выбыл в Данциг, откуда переехал во Францию. Поселился в Париже, где вскоре стал Председателем Парижской группы Объединения Лейб-гвардии Гренадерского полка. После кончины главы Объединения генерал-майора А.А. Шевцова, проживавшего постоянно в Монте-Карло, в начале 30-х годов возглавил Объединение. Жил на 35, rue Brochant, в 17-м районе Парижа. Скончался 9 ноября 1954 г. в Париже и погребен на городском парижском кладбище Пантэн.

Самарин Сергей Николаевич Генерал-майор Генерального штаба

Родился 15 мая 1877 г. в Санкт-Петербурге. Сын потомственного почетного гражданина. Окончил Николаевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Императорскую Николаевскую военную академию в 1910 г.

Из училища вышел в 12-ю, а затем в 22-ю Конно-артиллерийскую бригаду подпоручиком 8 августа 1898 г. 31 августа 1901 г. произведен в поручики, 13 августа 1905 г. — в штабс-капитаны и 13 августа 1909 г., уже в академии, — в капитаны.

По окончании Академии Генерального штаба был прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе, курс которой закончил в 1911 г. По окончании школы был прикомандирован к 4-му уланскому Харьковскому полку для командования эскадронном.

По службе в Генеральном штабе был назначен 26 ноября 1913 г. старшим адъютантом штаба 2-й кавалерийской дивизии, с которой вышел на фронт Первой мировой войны. В ноябре 1914 г. награжден Георгиевским оружием. С 29 декабря 1914 г. — старший адъютант штаба 2-го Кавказского армейского корпуса, а с 14 февраля 1915 г. — исполняющий должность первого помощника старшего адъютанта штаба корпуса. С 22 мая 1915 г. и. д. адъютанта штаба 12-й армии. 12 декабря 1915 г. произведен в подполковники.

3 августа 1916 г. подполковник Самарин был назначен исполняющим должность начальника штаба Уссурийской конной дивизии, которой с декабря 1915 г. командовал генерал Александр Михайлович Крымов, ближайший единомышленник генерала Корнилова в 1917 г.

Первым Нерчинским казачьим полком этой дивизии командовал тогда полковник барон Петр Николаевич Врангель,

оставивший в своих «Записках» несколько упоминаний о подполковнике Самарине.

Произведенный в генерал-майоры 13 января 1917 г. и назначенный командиром 1-й бригады Уссурийской конной дивизии, генерал Врангель сразу после Февральской революции генералом Крымовым был командирован в Петроград с письмом к новому военному министру А.И. Гучкову. Не застав Гучкова, генерал Врангель передал письмо Крымова взявшемуся передать его по адресу П.Н. Милюкову, а сам, получив вызов, вернулся в штаб дивизии. «...15 марта, — пишет он, — я прибыл в Кишинев. Генерал Крымов, не дождавшись меня, накануне выехал, с ним уехал и начальник штаба дивизии полковник Самарин. Полковник Самарин, по приезде в Петербург, был назначен начальником кабинета военного министра»¹.

Согласно послужному списку, подполковник Самарин был назначен 22 марта 1917 г. «в распоряжение военного министра», однако, благодаря рекомендации генерала Крымова, он стал и. д. начальника кабинета военного министра. На этой должности его и застал генерал П.Н. Врангель, когда он, сдав временное командование Уссурийской дивизией, прибыл в Петроград в ожидании назначения на новую должность.

Во время антиправительственных выступлений в конце апреля 1917 г., сопровождаемых стрельбой на Невском проспекте, генерал П.Н. Врангель пришел в дом военного министра, «...дабы повидать полковника Самарина, начальника кабинета А.И. Гучкова. «...Я поделился с ним только виденным, — вспоминает Врангель, — и выразил недоумение по поводу бездеятельности военных властей. «Правительство не может допустить пролития русской крови, — ответил мне Самарин. — Если бы по приказанию правительства была бы пролита русская кровь, то вся моральная сила правительства была бы утрачена в глазах народа». Я понял, что нам больше говорить не о чем»².

С уходом А.И. Гучкова с поста военного министра 2–3 мая 1917 г. подполковник С.Н. Самарин оставался на той же должности при А.Ф. Керенском. Лишь с назначением полковника В.Л. Барановского (брата жены Керенского) он с 6 июня стал именоваться «помощником начальника кабинета военного министра, исполняющего должность начальника кабинета военного министра». 15 августа 1917 г. он был произведен в полковники.

В дни выступления генерала Корнилова полковник Самарин был послан Керенским в окрестности Луги, где находился генерал Крымов со штабом 3-го конного корпуса. «Мы, — пишет А.Ф. Керенский, — послали к нему в Лугу офицера, который когда-то у него служил, для того чтобы разъяснить ему обстановку... Миссия эта удалась. С этим офицером (ген. Самариным) генерал Крымов сюда приехал»³.

30 августа, на заре, полковник Самарин на автомобиле выехал в Лугу. Как пишет генерал А.И. Деникин, к нему «Крымов издавна питал большое расположение... Есть основания думать, что Самарин... от имени Керенского заверил, что последний желает принять все меры, чтобы потушить возникшее столкновение и представить его стране в примирительном духе. Ни одному слову Керенского Крымов не верил, а Самарину поверил»⁴.

После бурного объяснения генерала Крымова с Керенским в Зимнем дворце 31 августа 1917 г., Керенский в присутствии самого Крымова передал его дело в следственную комиссию прокурора Шидловского. Генерал Крымов должен был явиться на следствие в тот же день в 5 часов дня, как свидетельствует сам прокурор Шидловский. До этого он поехал на квартиру друга своей семьи ротмистра Журавского, написал письмо генералу Корнилову и застрелился.

«4 сентября (по другим данным, в тот же роковой день, 31 августа. — Н.Р.), — заканчивает свою главу о выступлении генерала Корнилова генерал Деникин, — полковник Самарин за отличия по службе был произведен в генерал-майоры и назначен командующим Иркутского военного округа»⁵.

В 1936 г. Деникин, получив письменные объяснения о событиях 31 августа от генерала С.Н. Самарина, опубликовал в парижской газете «Последние Новости» статью под названием «Об исправлении истории». Согласно свидетельствам генерала Самарина, которого цитирует в своей статье генерал Деникин, он действительно уговорил генерала Крымова и его начальника штаба генерала Дидерихса прибыть на переговоры в Петроград, передав «честное слово Временного правительства». После выхода генералов Крымова и Дидерихса из кабинета Керенского в Зимнем дворце Крымов на вопрос Самарина об итогах переговоров сказал ему: «Меня предают суду. Сегодня я должен явиться в адмиралтейство на допрос к прокурору. А пока я арестован».

Далее Самарин утверждал, что сразу после этого «...потребовал, чтобы Керенский выдал бумагу о полной свободе Крымова и Дидерихса. Минут через двадцать бумага была у меня в руках...»

Однако никто, в том числе Керенский, никогда не упоминал об этой «бумаге». Как подчеркивает генерал Деникин, Керенский еще в своем кабинете объявил, согласно свидетельству прокурора Шидловского: «Генерал! Вы поступаете в распоряжение председателя следственной комиссии». Формально генерал Крымов был не арестован, а задержан⁶.

Новые объяснения генерала Самарина, как отмечает генерал Деникин, никак не повлияли на точный и исчерпывающий рассказ прокурора Шидловского о ходе дела. Не мог он и отрицать своего производства в генералы и назначения командующим в Иркутск.

После большевистского переворота генерал-майор С.Н. Самарин оказался в Вологде. Согласно приказу Наркома по военным делам № 324 от 7 мая 1918 г., генерал Самарин зарегистрирован 26 июля 1918 г. при Вологодском губернском комиссариате по адресу: Вологда, Дмитриевская набережная, дом 2. В регистрационной анкете указано: «Командующий войсками Иркутского военного округа в отставке, беспартийный...»⁷

Вскоре после захвата Архангельска в ночь с 1 на 2 августа 1918 г. офицерами капитана 2-го ранга Г.Е. Чаплина генерал Самарин вошел в состав военного управления Северной области при Верховном управлении Северной области, возглавляемом народным социалистом Н.В. Чайковским. Возможно, что он выехал из Вологды в Архангельск при содействии французской военной миссии, будучи известен как помощник начальника кабинета военного министра при А.Ф. Керенском.

Французская военная миссия во главе с послом Ж. Нуленсом (Joseph Noulens) прибыла из Вологды в Архангельск 27 июля 1918 г. накануне захвата власти капитаном Чаплиным. Приказом по военному отделу Верховного управления Северной области № 18 от 30 августа 1918 г. генерал-майор С.Н. Самарин был назначен помощником управляющего отделом Маслова.

С назначением полковника Б.А. Дурова командующим войсками Северной области генерал-майор С.Н. Самарин был назначен приказом № 2 от 18 сентября 1918 г. начальником

военного управления Северной области и в то же время начальником штаба командующего.

Прибывший в начале октября 1918 г. в Архангельск новый главнокомандующий союзными войсками на Севере России генерал Е. Айронсайд вынес весьма печальное впечатление от первой встречи с полковником Дуровым и генералом Самариным. Оба они были без погон, с какими-то нашивками на рукавах⁸. Они заявили английскому генералу, что новая армия должна быть по-настоящему демократической и были против всеобщей мобилизации. Вместо нее они предлагали послать в северные районы «не реакционных офицеров» для созыва добровольцев. Генералу Айронсайду стало очевидным, что они «абсолютно ничего не сделали в течение двух месяцев с тех пор как заняли свои должности» и, что хуже всего, — «они не пользовались ни малейшим престижем среди офицеров, находящихся в городе»⁹.

В итоге генерал Айронсайд обратился к главе правительства Чайковскому и союзным послам с предложением вызвать в Архангельск авторитетного и опытного русского генерала из тех, кто в то время находился за рубежом.

Между тем в одной из рот только что сформированного русско-британского легиона начались беспорядки. Прибывший в казармы генерал Самарин, вместо того чтобы построить роту и опросить недовольных, поднялся в казармы и, обращаясь к одному из зачинщиков со словами «товарищ», попытался успокоить солдат. Но через несколько минут крики и нежелание служить под командой иностранцев усилились, и генерал Самарин предпочел удалиться¹⁰.

Генерал Айронсайд вспомнил о двух русских подполковниках — доблестном казацком офицере Дилакторском и его друге Шевцове и поручил им навести порядок, что они и сделали, указав генералу Айронсайду на необходимость уравнять паёк русских солдат с британскими, на что он охотно согласился.

Прибыв с докладом к Чайковскому, генерал Айронсайд узнал, что полковник Дуров подал в отставку и уже назначен с миссией в Париж, а генерал Самарин уже поступил рядовым во французский Иностранный Легион¹¹. Возмущенный английский главнокомандующий поспешил к французскому послу Нуленсу, который был уже в ярости, узнав, что генерал Самарин принят в Иностранный Легион. Он был возмущен тем,

что Самарину было разрешено найти себе «убежище» в Легионе¹². В своих мемуарах Ж. Нуленс упоминает этот эпизод с генералом Самариним¹³.

Приказом по управлению командующего войсками Северной области № 15 от 3 ноября 1918 г. объявлено об оставлении должности генерал-майором Самариним.

Прибывший 17 ноября 1918 г. по вызову в Архангельск генерал-лейтенант В.В. Марушевский, принимая временно (до прибытия генерала Е.К. Миллера) должность генерал-губернатора и командующего войсками Северной области, писал в своих воспоминаниях: «Революционного производства генерал-майор Самарин в момент моего прибытия вступил во французский Иностранный Легион в качестве рядового солдата»¹⁴.

О службе генерала Самарина во французском Легионе известно лишь со слов генерала Айронсайда, заметившего, что он не удивлен неудачной попыткой французского Легиона 7 февраля 1919 г. взять деревню Авдах на Селецком участке фронта, так как этой ротой командовал генерал Самарин, теперь уже капитан в Легионе¹⁵.

В Северо-Западной армии генерал Самарин появился в первых числах октября 1919 г. Как сообщает в своем вечернем дополнении к письму-рапорту генералу Юденичу от 3 октября 1919 г. из Ревеля генерал П.К. Кондырев (см. биографию генерал-лейтенанта П.К. Кондзеровского): «...Сейчас (9 ч. вечера) был у меня подполковник Крузенштерн по поводу переправления в Нарву прибывших из Архангельска офицеров и солдат. Завтра утром на пристань придет генерал Владимиров и переговорит с начальником эшелона генералом Самариним. Ему он вручит это мое письмо. Генерал Самарин — это новое большое приобретение для нашей армии. На случай, если Вы его не знаете, считаю необходимым доложить, что это сподвижник покойного Крымова, который лично мне его хвалил, как отличного офицера. Насколько мне не изменяет память, Крымов его рекомендовал Гучкову и он некоторое время был начальником личной канцелярии Гучкова, но, увидевши потом керениаду, ушел и был чуть ли не губернатором где-то в Сибири. Как он попал в Архангельск, не знаю, и почему он едет сюда, тоже не знаю, расспросите его сами, но думаю, что он не испортился и что это человек, которого можно было бы, например, назначить начальником штаба 1-го корпуса...»¹⁶

П Р И К А З Ъ

Сѣверо-Западной Арміи

№ 269.

18 го Октября 1919 г.

г. Нарва.

§ 1.

Зачисляются въ Генераль отъ Кавалеріи Красновъ и Генераль-Маіоръ Глазенапа — оба съ назначеніемъ въ мое распоряженіе, первый съ 9-го и послѣдній съ 3-го сего Октября.

Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ Самаринъ и Полковникъ Бѣлороссовъ — оба съ 9-го сего Октября.

2-го пѣхотнаго Ревельскаго полка: Штабъ-Капитанъ Шванъ (Вильямъ), Поручикъ Мосовъ (Константинъ), Подпоручикъ Эйхе (Эдуардъ) и Прапорщикъ Тренне (Эдуардъ), первый съ 11-го Августа с. г., второрой съ 8-го Юня с. г., третій съ 27-го Мая с. г. и послѣдній съ 15-го Юня с. г.

Артиллерійскихъ Мастерскихъ Арміи: Полковникъ Филиппенко (Сергій) и Прапорщикъ Преловскій (Викторъ), первый съ 20 го и второй съ 1-го Юня с. г.

§ 2.

Назначается. Состоящій въ распоряженіи Командира 2-го армейскаго корпуса, Генеральнаго Штаба Полковникъ Кушелевскій — И. д. Начальника Штаба 2-го армейскаго корпуса.

§ 3.

Службу Генеральнаго Штаба Генераль-Маіора Самарина въ Французскомъ иностранномъ Легионѣ, съ 20-го Ноября 1918 г. по 6 сего Октября, — считать службой въ Русской Арміи.

Из приведенного доклада-письма можно судить, насколько его автор отстал и был не в курсе событий августа 1917 г. Тем не менее рекомендация генерала П.К. Кондырева сыграла свою роль в служебной карьере генерал-майора С.Н. Самарина: приказом по Северо-Западной армии № 269 от 18 октября 1919 г. «...зачисляются в списки Северо-Западной армии ...Генерального штаба генерал-майор Самарин... с 9 сего октября... Службу Генерального штаба генерал-майора Самарина во фран-

цузском иностранном Легионе с 20 ноября 1918 г. по 6 сего октября считать службой в Русской Армии».

Приказом по Северо-Западной армии № 296 от 29 октября 1919 г. Генерального штаба генерал-майор Самарин был назначен начальником походной канцелярии Главнокомандующего армией, а через две недели — исполняющим должность начальника штаба 1-го армейского корпуса.

К этому времени Северо-Западная армия вынуждена была отступить за реку Лугу, оказалась прижата к эстонской границе и дни ее были сочтены. Тем не менее согласно приказу по Северо-Западной армии № 354 от 23 ноября 1919 г. Самарин стал исполняющим должность начальника штаба армии.

Через два дня он сменил на этой должности генерал-майора А.Е. Вандама (очевидно, в связи с назначением новым командующим армией генерала П.В. Глазенапа). Приказ № 383 от 5 декабря 1919 г. гласил: «...Исполняющего должность начальника штаба армии, Генерального штаба генерал-майора Самарина, вступившего в исполнение своих обязанностей, полагать на лицо с 25 ноября сего года».

На этом посту Самарин оставался недолго. Его инициатива с опросом желающих отправиться к генералу Деникину на южный фронт вызвала возмущение большей части командного состава армии, считавший, что ехать на другой фронт для продолжения борьбы с большевизмом обязаны все.

21 января 1921 г. генерал Самарин сдал должность начальника штаба армии полковнику Михаилу Лотову. В этот же день генерал Юденич отдал приказ о ликвидации Северо-Западной армии. Генерал Самарин не остался в Прибалтике, а уже в 1921 г. приехал во Францию. Нам неизвестны обстоятельства его жизни в эмиграции. Сергей Николаевич Самарин скончался на ферме близ г. Теннер в департаменте Йон 1 сентября 1942 г.

Соболевский Михаил Яковлевич

Генерал-майор

Из литовского татарского рода ханов Карант-Мирза Соболевских. Родился в 1883 г. Окончил Павловский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Произведен в подпоручики и вышел в 30-ю артиллерийскую бригаду в 1903 г. Как специалист по новой скорострельной пушке, введенной накануне Русско-японской войны, командирован в 4-й Сибирский корпус в Маньчжурию, в составе которого участвовал во всех боях с японцами.

За отражение японских атак в бою у Дашичао 11 июля 1904 г., как командовавший батареей за выбитием всех старших офицеров, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Был награжден также рядом орденов, включая орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

По окончании войны вернулся в 30-ю артиллерийскую бригаду. В 1912 г. уже штабс-капитаном был переведен в 6-ю Сибирскую артиллерийскую бригаду (Хабаровск). С ней вышел на фронт Первой мировой войны¹, попав сразу в тяжелые бои под Лодзью в ноябре 1914 г. Затем командовал батареей, а в 1916 г., уже в чине полковника, — дивизионом.

В 1918 г. оказался на Украине, и после поражения Германии, при гетмане П.П. Скоропадском, участвовал в формировании офицерских отрядов, пытавшихся оборонять Киев и другие города Украины от войск петлюровской Украинской директории.

Во главе небольшого офицерского отряда 22 ноября получил задачу оборонять станцию Селищина на подступах к Полтаве². В числе рядовых, несущих в отряде караульную службу, были полковник Л.А. Бобошко и капитан 1-го ранга Тыртов³.

После отступления от Полтавы Селищинский отряд полковника Соболевского пробился к Кременчугу, где приказом начальника Кременчугского района от 1 декабря 1918 г. был переименован в Полтавский добровольческий батальон. Вплоть до известия 20 декабря о том, что Киев сдан войскам Украинской директории, Полтавский батальон под командованием полковника Соболевского вел бои с целью пробиться на соединение с Добровольческой армией, но, будучи окружен, вынужден был 27 декабря 1918 г. сдаться петлюровцам вместе с Кременчугским добровольческим дивизионом.

Под угрозой расстрела добровольцы под охраной сичевиков эшелонами были отправлены в Ровно. На станции Киверцы машинисту паровоза удалось внезапным маневром увести эшелон под беспорядочным обстрелом в Голобах, где еще находился немецкий гарнизон⁴. Эвакуированный в Германию, сводный Полтавский батальон оставался около пяти месяцев в германских лагерях.

В июле 1919 г. батальон прибыл в Митаву и влился в отряд св. князя Ливена, сначала как 3-й батальон, развернутый затем в 3-й (19-й) полк 5-й Ливенской дивизии. Командиром полка был назначен полковник Соболевский, приведший эшелон полтавцев из Германии в Митаву.

В начале октября 1919 г., накануне наступления на Петроград, полковник Соболевский в связи с назначением его начальником штаба 5-й Ливенской дивизии сдал командование полком полковнику Л.А. Бобошко. Он не отставал от доблестного полковника К.И. Дыдорова, и. д. командующего дивизией, часто выезжал с ним на передний край.

Так, во время наступления на Красное Село, вечером 15 октября, когда было взято сильно укрепленное село Высоцкое, как пишет св. кн. А.П. Ливен, «...удаче весьма способствовали два броневика-автомобиля, взобравшихся с полк[овником] Дыдоровым в одном и с полк[овником] Соболевским в другом на Высоцкую возвышенность и обстрелявших окопы большевиков»⁵. Помогая командующему дивизией во всех его трудных сношениях со штабом 1-го стрелкового корпуса во время отступления Северо-Западной армии, полковник Соболевский, прибыв в Ямбург, заболел и должен был уехать в Нарву, откуда не мог уже вернуться.

В январе 1920 г. он был произведен в генерал-майоры. Вместе с генералом Бобошко выехал весной 1920 г. в Польшу, где принял участие в формировании Русских вооруженных сил на территории Польши, переименованных приказом генерала Врангеля в 3-ю Русскую армию.

После отступления частей 3-й Русской армии в ноябре 1920 г. и разоружения ее польским командованием находился в качестве интернированного в крепости Торн. Был выслан из Польши в 1921 г. и поселился в Данциге, где состоял председателем Объединения Ливенцев.

Скончался в Данциге 7 июля 1930 г. и похоронен на местном кладбище.

Суворов Михаил Николаевич Генерал-майор Генерального штаба

Родился 15 августа 1876 г. Православного вероисповедания, из потомственных дворян Калужской губернии.

Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1906). Произведен в подпоручики 12 августа 1896 г. и вышел из училища в 10-й гренадерский Малороссийский полк. Высочайшим приказом от 12 августа 1899 г. переведен в Лейб-гвардии Егерский полк.

Произведен в поручики 6 декабря 1900 г. и назначен на должность батальонного адъютанта 2-го батальона.

20 августа 1903 г. был командирован держать экзамен в Николаевскую академию Генерального штаба. Справился успешно и был зачислен в академию приказом № 42 от 14 октября 1903 г.

Произведен в штабс-капитаны 6 декабря 1904 г. Приказом по Генеральному штабу № 35 от 3 мая 1906 г. причислен к Генеральному штабу и прикомандирован на два года к Лейб-гвардии Егерскому полку, где был назначен командиром 11-й роты.

Высочайшим приказом от 12 августа 1908 г. произведен в капитаны и начал службу по Генеральному штабу 1 декабря 1908 г., будучи назначен помощником старшего адъютанта штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа. 6 декабря 1909 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, 1 января 1913 г. — орденом Св. Анны 3-й степени.

Высочайшим приказом от 14 августа 1913 г. назначен и. д. штаб-офицера для поручений при Его Императорском Высочестве Главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа. 6 декабря 1913 г. произведен в подполковники.

С началом мобилизации 22 июля 1914 г. назначен штаб-офицером для поручений при Главнокомандующем 6-й армией. 22 августа 1914 г. назначен заведующим передвижением войск Петроградского и Рижского районов при штабе 6-й армии.

15 сентября 1914 г. назначен штаб-офицером при командующем 9-й армии. Временно и. д. генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 31 января 1915 г. за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, 24 февраля 1915 г. — мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени, 18 мая 1915 г. — орденом Св. Владимира 4-й степени.

15 июля 1915 г. произведен в полковники. Приказом по штабу 9-й армии от 22 октября 1915 г., с разрешения командующего армией генерала Лечицкого, вступил в исполнение обязанностей генерал-квартирмейстера 9-й армии. 1 ноября Высочайшим приказом назначен и. д. начальника штаба Гвардейской стрелковой бригады, переформированной в ноябре 1915 г. в Управление Гвардейской стрелковой дивизии.

Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта (ген. Брусиловым) 9 декабря 1915 г. на генерала Суворова возложено снова временное и. д. генерал-квартирмейстера 9-й армии. 16 января 1916 г. вернулся в дивизию¹. Приказом по армиям Юго-Западного фронта от 30 января 1916 г. награжден мечами и бантом к ордену Св. Владимира 4-й степени.

7 сентября 1916 г. назначен командиром 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютин полка. В 1917 г. переведен в штаб Петроградского Военного Округа и произведен в генерал-майоры. В конце 1917 г. находился в Могилеве в штабе Верховного Главнокомандующего, откуда вернулся после ликвидации Ставки Верховного Главнокомандующего в Петроград для демобилизации.

После демобилизации в 1918 г., вступил в наиболее активную подпольную антисоветскую организацию Национальный центр и по свидетельству представителя этой организации в Финляндии А.В. Карташева был членом петроградского отделения Национального Центра².

Согласно свидетельству видного члена Национального Центра в Петрограде инженера Г.И. Новицкого, перешедшего в декабре 1918 г. границу Финляндии и поддерживавшего постоянные конспиративные сношения с возглавителем петроградской организации Национального Центра инжене-

ром В.И.Штейнингером, генерал-майор М.Н. Суворов в Петрограде «...работал с эс-эровской военной организацией, затем с “Союзом Возрождения” и “Национальным Центром”»³.

Генерал М.Н. Суворов перешел с женой границу Финляндии в январе 1919 г. В Гельсингфорсе он не только сблизился с представителем Национального Центра А.В. Карташевым, перешедшим в Финляндию в канун нового 1919 г., но и стал его ближайшим сотрудником.

Когда 24 мая 1919 г. генерал Юденич утвердил составленный А.В.Карташевым проект Политического Совещания при Главнокомандующем Северо-Западным фронтом, то А.В.Карташев, как заместитель генерала Юденича на посту Председателя Политического Совещания, рекомендовал для занятия военными делами, а также гражданским управлением в занятых войсками областях генерала М.Н. Суворова. Составленное по образцу Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР генерала Деникина, Политическое Совещание должно было, по словам А.В. Карташева, выполнять функции «зачаточного временного правительства для Северо-Западной области»⁴.

Реальной правительственной деятельности весной 1919 г. в Гельсингфорсе, естественно, еще быть не могло. Поэтому помимо переписки со штабом генерала Родзянко, как справедливо отмечает Н.Г. Думова, «через генерала М.Н. Суворова, А.В. Карташева и его ближайшего помощника Г.Н. Новицкого, Политическое Совещание и ставка Юденича, посредством курьеров, поддерживали тесные связи с петроградским отделением “Национального Центра”»⁵.

В связи с назначением генерала М.Н. Суворова членом Политического Совещания, о нем сохранился целый ряд отзывов и характеристик. Ставший в августе 1919 г. Государственным Контролером в Северо-Западном правительстве меньшевик-плекхановец В.Л. Горн, не очень расположенный к военным вообще, вспоминал: «Генерал Суворов ведал в Совещании “внутренними делами”. Академик, слывший либералом в военной среде, он производил крайне неопределенное впечатление. Этому человеку явно не хватало твердости воли; и на него не могли опереться ни левые, ни правые. Порядки, установившиеся в полосе белых, он осуждал. Но решительно ничего не делал для их исправления»⁶.

Близко знавший генерала Суворова Г.Н.Новицкий писал о нем П.Б. Струве: «Ген. Суворов (генер[ального] штаба) пред-

ставляет собой хаотическую смесь достоинств и недостатков. Он средних лет, живой, не глупый, без архаизмов и предубеждений, энергичный и, вероятно, хороший работник. Но, в то же время, он крайне неустойчив, чрезвычайно авторитетен и безапелляционен в своих суждениях...» Далее Г.Н. Новицкий жалуется, что генерал М.Н. Суворов «находится под влиянием своей жены, абсолютно апатриотичной и занятой лишь карьерными побуждениями»⁷.

Едва ли можно согласиться с обвинением жены генерала М.Н. Суворова в отсутствии патриотизма, зная, что она вместе с ним участвовала в подпольной деятельности в Союзе Возрождения и Национальном Центре в условиях чекистского террора в Петрограде. Из дневника министра Северо-Западного правительства М.С. Маргулиеса видно, что жена генерала Наталия Романовна, урожденная Бобрищева-Пушкина, поддерживала своего мужа, когда он собирался уйти из Политического Совещания, после отказа генерала Юденича подписать составленную им Декларацию. М.С. Маргулиес считался с её мнениями и после одного из визитов к ней записал (относительно Декларации Политического Совещания): «А ведь, в сущности, г-жа Суворова глубоко права»⁸.

Наталия Романовна Суворова активно помогала своему мужу в его общественной и политической деятельности и во время Гражданской войны и в эмиграции. Она скончалась через два месяца после смерти мужа — 25 марта 1948 г. и похоронена вместе с ним в одной могиле на русском кладбище под Парижем в Сент-Женевьев де Буа.

10 августа 1919 г. члены Политического Совещания, в том числе генерал М.Н. Суворов, были срочно вызваны в Ревель. На пристани в Ревеле их встретил английский офицер и пригласил немедленно прибыть в британскую военную миссию, где их уже ожидал заместитель начальника миссии генерал Ф.Г. Марш. Он потребовал от собравшихся членов Совещания и ряда общественных деятелей немедленно сформировать правительство Северо-Западной области, угрожая, в случае отказа, прекращением какого-либо военного и иного снабжения Северо-Западной армии. Правительство должно было быть сформировано с целью признания независимости Эстонии. Военным министром нового правительства генерал Марш предложил назначить генерала М.Н. Суворова.

Не желая вызвать разрыв между Северо-Западной армией и Великобританией, генерал Суворов согласился на формирование правительства, но с условием, что оно будет образовано с согласия Главнокомандующего генерала Юденича. Лично он отказался подписать «предварительное заявление» о согласии на вхождение в состав правительства, мотивируя, что он, «как военный генерал, принимать звание военного министра без разрешения главнокомандующего, а тем более даже без его ведома, не имеет права»⁹.

С прибытием в Ревель 12 августа генералов Юденича и Родзянко, генерал Марш понял (очевидно, после визита к нему генерала Родзянко), что армия не допустит смещения генерала Юденича, назначенного Верховным Правителем адмиралом Колчаком и предложил генералу Юденичу занять пост военного министра в создаваемом им правительстве, оставаясь в то же время Главнокомандующим Северо-Западного фронта.

В силу сложившейся в Эстонии обстановки и необходимости сохранить снабжение армии, генерал Юденич принял предложение генерала Марша. Он получил от него и главы британской миссии генерала Гофа заверение, что помощь армии будет усилена настолько, что он сможет завершить операцию по овладению Петроградом.

С образованием Северо-Западного правительства Политическое Совещание при Главнокомандующем прекратило свою деятельность, что и было зафиксировано в журнале последнего заседания 12 августа 1919 г.¹⁰

Как пишет генерал М.Н. Суворов, вместе со своими коллегами по Совещанию «мы с болью в сердце уехали 14 августа из Ревеля, но наша совесть была спокойна»¹¹.

Осенью 1919 г. генерал М.Н. Суворов оставался «в распоряжении» генерала Юденича. Вскоре после ликвидации армии в январе 1920 г. он, вслед за А.В. Карташевым, переехал в Париж, где уже 5–12 июля 1921 г. участвовал в Съезде Русского Национального Союза, на котором был создан Русский Национальный Комитет¹².

Во главе его стояли бывшие лидеры Национального Центра — А.В. Карташев, М.М. Федоров и примкнувший к ним П.Б. Струве. Одно время генерал М.Н. Суворов участвовал в деятельности этого комитета. Он был также избран в Бюро конференции Русского Национального Комитета, состоявшейся 11–15 сентября 1924 г. в Париже¹³.

Согласно газете «Возрождение», 14 января 1928 г. генерал М.Н. Суворов выступил в прениях по докладу Н.Н. Львова «Восстановление национальной России», а 25 апреля 1930 г. — на собрании в Париже, посвященном памяти белых вождей.

С 27 сентября по 1 октября 1932 г. генерал М.Н. Суворов участвовал в работе Съезда Национальных группировок французской провинции, на который в качестве гостей прибыли генералы Е.К. Миллер, Ф.Ф. Абрамов, А.И. Драгомиров, П.Н. Шатилов, Н.Н. Стогов и др.¹⁴

В июне 1935 г. он выступал на банкете по поводу пятилетнего существования «Русского Балета», созданного В.Г. Базили в Париже. На банкете, организованном редактором «Часового» В.В. Ореховым, выступал как бывший начальник В.Г. Базили на Кавказе во время Гражданской войны генерал И.Е. Эрдели. Генерал Суворов подчеркнул, что бывший офицер Добровольческой армии полковник В.Г. Базили создал балет, достигший мировой известности, без «тех материальных и художественных возможностей, которые были в дореволюционной России». Среди приглашенных на банкете были, кроме генералов Эрдели и Суворова, генералы Туркул, Витковский, Репьев, Фок, Шинкаренко и др.¹⁵

В конце 30-х годов генерал М.Н. Суворов сблизился с издательством «Возрождение», субсидируемым А.О. Гукасовым. 18 февраля 1938 г. он был избран членом главного правления Российского Национального Объединения, где председателем Совета был тогда же избран проф. М.В. Бернацкий, а председателем Главного Правления А.О. Гукасов.

14 июля 1938 г., согласно газете «Возрождение», генерал М.Н. Суворов выступил в прениях по докладу полковника А.А. Зайцова «Гражданская война в Испании и Коминтерн», состоявшемся в помещении издательства «Возрождение» по адресу: 73, avenue des Champs Elysees (Елисейские Поля).

В годы Второй мировой войны генерал Суворов, как и многие эмигранты, жил в нелегких условиях немецкой оккупации Парижа. Насколько нам известно, он, будучи еще со времени Первой мировой войны кавалером французского ордена Почетного Легиона, уклонился от какой-либо политической или общественной деятельности.

Генерал М.Н. Суворов скончался 1 февраля 1948 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Трусов Валериан Александрович

Генерал-майор

Родился 30 сентября 1879 г. Из потомственных дворян Рязанской губернии. Окончил Ярославский кадетский корпус и вступил на службу на правах вольноопределяющегося в драгунский Мариупольский полк с командированием в Тверское кавалерийское училище. 30 августа 1897 г. зачислен юнкером младшего класса, 9 августа 1899 г. окончил курс училища по первому разряду и произведен в корнеты. 7 сентября 1900 г. вышел в Лейб-драгунский Псковский полк¹.

31 марта 1904 г. по собственному желанию переведен в 1-й Верхнеудинский полк Забайкальского Казачьего войска, с переименованием в хорунжие. Участвовал в Русско-японской войне в составе отряда генерала Мищенко. 25 июля 1904 г. награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 24 августа 1904 г. — Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, 2 ноября 1904 г. — Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, 7 апреля 1905 г. — Св. Станислава 2-й степени с мечами, 27 апреля — Св. Анны 2-й степени с мечами, 16 августа 1905 г. — Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, 4 ноября 1907 г. — золотым оружием с надписью «За храбрость».

18 ноября 1904 г. произведен в сотники со старшинством с 1 ноября 1900 г. за отличия. 1 марта 1906 г. переведен обратно в Лейб-драгунский Псковский полк с переименованием в поручики. 1 сентября 1907 г. произведен уже в штабс-ротмистры.

10 октября 1908 г. командирован в Офицерскую кавалерийскую школу. Курс в школе окончил 7 ноября 1910 г. «успешно» и был оставлен для постоянной службы в Офицерской кавалерийской школе. Переведен в гвардию 28 ав-

густа 1912 г. со старшинством с 1 сентября 1911 г. Произведен в ротмистры 1 февраля 1915 г., будучи в составе полка, сформированного на основе постоянного состава Офицерской кавалерийской школы. С 1 мая 1916 г. находился в подчинении полковника А.П. Родзянко, назначенного командиром этого полка.

Временно командовал в апреле 1917 г. стрелковым полком 17-й кавалерийской дивизии, в которую входил полк Офицерской кавалерийской школы. Полковник с 28 апреля 1917 г. С 25 мая 1917 г. помощник командира стрелкового полка 17-й кавалерийской дивизии.

С 5 сентября по 10 ноября 1917 г. командовал Горжденским конно-пограничным полком, входившим в состав 2-й бригады 17-й кавалерийской дивизии. С 11 ноября 1917 г. вплоть до демобилизации — помощник командира полка Офицерской кавалерийской школы. Во время демобилизации армии в начале 1918 г. оставался вместе со своим командиром по полку Офицерской кавалерийской школы и командующим 17-й кавалерийской дивизии полковником А.П. Родзянко в Пскове. Успел подать рапорт об увольнении по болезни и был уволен². Нам неизвестно, где находился полковник Трусов после оккупации немцами Пскова в марте 1918 г.

Прибыл в Северо-Западную армию в начале июня 1919 г. и был направлен генералом Родзянко в распоряжение начальника формировавшейся тогда 1-й стрелковой дивизии генерал-майора Дзержинского. Временно командовал 3-м Кольванским полком, а затем был назначен командиром 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии. Отличился в боях за Лугу в октябре 1919 г.

Согласно приказу по Северно-Западной армии № 55 от 22 января 1920 г. «за боевые отличия» командир 1-й бригады 2-й стрелковой дивизии полковник Трусов был произведен в генерал-майоры³.

В начале июля 1920 г. генерал-майор В.А. Трусов прибыл в Брест-Литовск, где формировались «Русские Вооруженные Силы» на территории Польши, и принял командование Сводной казачьей дивизией в составе Донского, Оренбургского, Уральского полков и Кубанского дивизиона. Многие из казаков, особенно донских, перешли на сторону поляков из 1-й конной армии Буденного, попав в нее поневоле после новороссийской катастрофы.

В связи с наступлением Красной Армии на Варшаву формирующиеся части были переведены в Калиш, откуда в октябре 1920 г. были переброшены в район Проскурова. Не успев получить еще ни конского состава, ни большей части вооружения, казачьи части отошли в начале 1920 г. на территорию Польши, после чего были интернированы в крепости Торн. Генерал Трусов, в отличие от начальников 1-й и 2-й стрелковых дивизий генерал-майора Бобошко и генерал-лейтенанта графа Палена, не был насильственно отправлен в лагерь Дембие, где был почти тюремный режим.

В мае-июне 1920 г. казачьи части были расформированы, и казакам было предложено либо покинуть Польшу, либо оставаться на правах беженцев.

Среди оставшихся был и генерал Трусов. Он поселился в Люблине и многие годы был начальником Восточного отдела РОВСа в Польше⁴.

Во время Второй мировой войны переехал в Германию, откуда вскоре после конца войны перебрался в США.

Скончался в Нью-Йорке 27 декабря 1957 г. после продолжительной и тяжелой болезни и похоронен на кладбище Успенского монастыря в Ново-Дивеево (Спринг-Валли).

Тыртов Дмитрий Дмитриевич Капитан 1-го ранга

Родился 2 февраля 1880 г. в Казани. Из потомственных дворян Тверской губернии. Окончил 2-й Московский кадетский корпус в 1897 г. и Морской корпус в 1900 г.

6 мая 1900 г. произведен в мичманы и назначен младшим штурманом на броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков». С августа 1900 г. по ноябрь 1901 состоял вахтенным офицером во время плавания броненосного крейсера «Громобой» на Дальний Восток.

С 7 июля 1902 г. вахтенный начальник на крейсере 2-го ранга «Забияка» и канонерской лодке «Гиляк». 6 мая 1904 г. произведен в лейтенанты. С декабря 1904 г. по май 1905 вахтенный начальник броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков». После героической гибели этого корабля в бою с японской эскадрой в Цусимском сражении был подобран японцами и попал в плен. За участие в этом бою был награжден (8 января 1907 г.) орденом Св. Владимира с мечами и бантом.

После Русско-японской войны был старшим офицером на минном крейсере «Забайкалец», а затем с декабря 1908 г. был назначен командиром эсминца «Крепкий». 6 декабря 1907 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а 6 декабря 1910 г. орденом Св. Станислава 2-й степени¹. 26 августа 1913 г. назначен старшим офицером линейного корабля «Гангут» и произведен в капитаны 2-го ранга. Во время Первой мировой войны командовал эскадренным миноносцем «Гром». 26 июля 1917 г. произведен в капитаны 1-го ранга «за отличия» и назначен командиром линейного корабля «Гангут».

В 1918 г. бежал в Добровольческую армию, но, оказавшись на Украине, был застигнут наступлением петлюровской армии

Украинской директории на Полтаву. Поступил в ноябре добровольцем в офицерский отряд полковника Соболевского.

Нес службу в полевом карауле на станции Селищине, как полковник Бобошко, и другие офицеры. В составе этого отряда, переименованного вскоре в Полтавский батальон, Тыртов участвовал во многих боях с петлюровцами и лишь после неудачи прорыва в Добровольческую армию попал в плен, а затем был вывезен немцами в Германию (см. биографию Соболевского).

В июне 1919 г. Полтавский батальон прибыл в Митаву, где вошел в состав Ливенского отряда. Уже в июле 1919 г. батальон был отправлен в Нарву, где, будучи, развернут в полк, принял участие в боях 5-й Ливенской дивизии за переправы на реке Луге. В одном из них капитан 1-го ранга Тыртов получил ранение. По излечении он был откомандирован во главе группы из 30 морских офицеров на усиление 23-го Печорского полка, в рядах которого участвовал во всех боях при отступлении Северо-Западной армии в Нарву в ноябре 1919 г.

После ликвидации Северо-Западной армии выехал в Германию, где, находясь в весьма трудном положении на правах беженца, узнал, что генерал Юденич намеревается создать во Франции сельскохозяйственные фермы-колонии для своих нуждающихся соратников по Северо-Западной армии. (План этот, как уже говорилось, не был осуществлен.) Капитан 1-го ранга Тыртов обратился к жившему тогда в Париже сослуживцу по бригаде линейных кораблей Балтийского флота контр-адмиралу В.К. Пилкину с просьбой о его устройстве.

Контр-адмирал Пилкин поспешил в свою очередь, уже 5 апреля 1921 г., написать генералу Юденичу следующее письмо, которое мы приводим полностью:

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Ко мне обратился с письмом проживающий в настоящее время в Германии капитан 1 ранга Тыртов, прося ходатайствовать перед Вами о приеме его, буде возможно, на работу на одну из устраиваемых Вами для офицеров Сев. Зап. армии ферм. Капитан 1 ранга Тыртов сильно нуждается, т.к. помощь, которая ему оказывалась до сего времени морскими организациями, должна была прекратиться.

Капитан 1 ранга Тыртов, лично Вам известный, очень достойный офицер, пользующийся общей любовью и уважением. После революции он все время находился в Добровольческих Армиях. Во время наступления Вашего на Петроград, [Капитан] 1 ранга Тыртов, несмот-

ря на свои годы, с винтовкой, как простой рядовой принимал непосредственное участие, состоя в Печорском полку, к которому были прикомандированы находившиеся в его подчинении 30 морских офицеров.

Если в Земледельческой Колонии имеются свободные места, я беру на себя смелость ходатайствовать перед Вами за Тыртова, визу для которого и средства на проезд обещались достать.

Прошу Вас принять уверение в глубококом моем к Вам уважении и преданности.

Готовый к услугам Пилкин².

Хотя замысел создания земледельческих колоний не был осуществлен, капитан 1-го ранга Тыртов приехал и поселился в Париже с помощью контр-адмирала Пилкина. Вскоре он занял пост заведующего Распорядительной частью при председателе Военно-Морского Союза вице-адмирале М.А. Кедрове. Это назначение было повторено приказом вице-адмирала М.А. Кедрова от 3 октября 1929 г.³

Одновременно он состоял председателем 4-й группы Военно-Морского Союза, в которую входили моряки-соплаватели линейного корабля «Гангут»⁴.

Капитан 1-го ранга Д.Д. Тыртов скончался от туберкулеза в одном из санаториев под Парижем 6 июля 1936 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Янов Георгий Дмитриевич Генерал-майор Генерального штаба

Родился 1 апреля 1864 г. Православный. Окончил Симбирскую военную гимназию, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1895).

Из училища вышел подпоручиком в 1884 г. в 10-й пехотный Новоингерманландский полк. По Генеральному штабу начал службу капитаном в Одесском военном округе в 1896 г. и. д. старшего адъютанта штаба 14-й пехотной дивизии; затем старший адъютант 8-го армейского корпуса. С 1 января 1901 г. по июль 1905 старший адъютант и штаб-офицер для поручений при штабе Финляндского военного округа.

24 февраля 1909 г. назначен командиром 96-го пехотного Омского полка. 10 марта 1914 г. произведен в генерал-майоры. С 19 октября 1914 г. — начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии. Находился без перерыва на этой должности до начала 1917 г. Получил все очередные награды, включая орден Св. Владимира 3-й степени.

Нам неизвестно, каким образом генерал Янов оказался в Прибалтике. Когда в начале июля 1919 г. св. кн. А.П. Ливен приступил в Митаве к формированию Западного корпуса, он назначил начальником штаба корпуса генерал-майора Г.Д. Янова¹. На должности начальника штаба корпуса генерал Янов оставался недолго.

9 июля 1919 г. после приказа генерала Юденича о переброске корпуса на Нарвский фронт Западный корпус распался. Отряды Бермонта и Вырголича отказались выполнить приказ генерала, и на Нарвский фронт был перебросен только отряд кн. А.П. Ливена со штабом корпуса.

По прибытии в Нарву штаб корпуса был расформирован, и генерал-майор Г.Д. Янов был назначен Главным начальни-

ком снабжения Северо-Западной армии², приказ о чем с некоторым запозданием был отдан 2 сентября 1919 г.

Приняв это назначение, генерал Янов попал в исключительно трудное положение. Армия была одета в лохмотья, обуви не было, боеприпасы, главным образом трофейные, были на исходе. Положение генерала Янова осложнилось еще и явной конкуренцией министра снабжения Северо-Западного правительства М.С. Маргулиеса. После первой встречи с генералом Яновым он записал: «Приходил знакомиться начальник снабжения генерал Янов... Старый, усталый генерал, хотя не отказывающийся от работы. Беда!»³

Когда 9 сентября 1919 г. в Ревель прибыл английский пароход с обмундированием и вооружением, разгрузка его затянулась. Английский капитан, по словам Маргулиеса, требовал «бакшиш», а эстонские железнодорожные власти не отправляли вагонов в Нарву. «Пришел ген. Янов, — пишет М.С. Маргулиес, — спрашиваю, отчего не грузят. Янов: англичане не позволили. Лицо сонное, безжизненное... После ухода Янова, — продолжает Маргулиес, — вызвал офицеров, заведующих погрузкой, предоставил им десятки тысяч неподсчетных денег для раздачи взяток эстонским железнодорожным властям, требуя только одного: немедленной отправки каждого погруженного вагона»⁴.

Очевидно, что министр снабжения М.С. Маргулиес стремился преувеличить неумение генерала Янова приспособиться к условиям работы тылов армии на территории Эстонии. Однако генерал П.К. Кондзеровский (Кондырев), бывший помощником генерала Юденича как военного министра, в одном из писем генералу Юденичу уже в эмиграции, в 1928 г., вспоминал, что генерал Янов вскоре после своей отставки написал ему «ужасное письмо», указывая на несправедливые обвинения и интриги против него.

Главным обвинением, о котором пишет и М.С. Маргулиес⁵, было задержка посылки английского обмундирования во фронтовые части, объясняемая желанием генерала Янова посылать лишь полные комплекты, в то время как на английские корабли обмундирование грузилось порознь, причем шинелей было погружено явно недостаточно. Эта «подборка» комплектов на интендантских складах возмущала многих на фронте.

Все это переполнило чашу терпения у генерала Юденича, и 30 ноября 1919 г. он отдал приказ о переводе генерала

Янова в резерв чинов, назначив на его место энергичного генерала А.В. Владимирова.

Касаясь вопроса помощи генералу Янову уже в эмиграции, генерал П.К. Кондзеровский писал 18 апреля 1928 г. генералу Юденичу о расследовании деятельности генерала Янова в качестве Главного начальника снабжения: «Баиов (генерал-лейтенант Генерального штаба Алексей Константинович Баиов. — Н.Р.) вспоминает, что, будучи назначен председателем комиссии по расследованию деятельности интендантских учреждений, он, несмотря на суровость всей комиссии, не обнаружил никаких злоупотреблений со стороны Янова и ему были поставлены в вину лишь “бездействие власти” в одном случае и “преувеличение власти” в другом»⁶.

После ликвидации Северо-Западной армии генерал Янов остался жить в Ревеле. Согласно письму генерала А.К. Баиова генералу П.К. Кондзеровскому, он «занимался комиссионной продажей», а с 1924 г. поступил на работу сторожем на Балтийском заводе. Приведем выдержку из письма генерала П.К. Кондзеровского генералу Н.Н. Юденичу от 18 апреля 1928 г., говорящего о положении многих бывших военнослужащих Северо-Западной армии в Эстонии.

Только что получил письмо от А.К. Баиова из Ревеля и под тяжелым впечатлением его содержания, пишу Вам. А[лексей] К[онстантинович] мне пишет, что на днях к нему заходил ген. Янов, бывший начальник снабжения Северо-Западной Армии, который теперь находится в самом ужасном положении. Он четыре года служил сторожем на Балтийском заводе, получая 3000 эст. м[арок], т.е. 200 фр. в месяц. Теперь, за сокращением штатов, его уволили. Найти новое место невозможно, так как местные власти не позволяют брать иностранцев. Жена Янова зарабатывала кое-что шитьем, теперь она на один глаз ослепла. В довершение всего дочь, служившая в одной конторе, тоже уволена за сокращением штатов. К тому же, сам Янов, которому 64 года, болен склерозом и воспалением (одно слово неразборчиво) желез, так что на физическую работу не способен и сильно страдает. Средств нет никаких и положение отчаянное⁷.

Генерал Георгий Дмитриевич Янов скончался в Таллинне в самом конце 20-х годов⁸.

Ярославцев Михаил Владимирович Генерал-майор

Родился 30 декабря 1884 г. Уроженец Тульской губернии, сын отставного капитана.

Окончил Московский кадетский корпус и Алексеевское военное училище по 1-му разряду и вышел подпоручиком 1 июля 1905 г. в 68-й Лейб-Бородинский Императора Александра III полк.

22 июля 1905 г. отправился с эшелоном в Маньчжурию для участия в Русско-японской войне. За понесенные труды в Русско-японской кампании награжден 5 октября 1905 г. орденом Св. Станислава 3-й степени. 12 октября 1905 г. назначен адъютантом 2-го батальона.

Приказом по 17-й пехотной дивизии за № 180, 1907 г. награжден темно-бронзовой медалью за участие в войне с Японией. Высочайшим приказом от 16 июня 1908 г. зачислен в запас армейской пехоты по Алексинскому уезду. Для отбытия лагерного сбора прикомандирован к полку 10 мая 1909 г., а 29 мая определен из запаса в полк. 10 июля исключен из числа прикомандированных и зачислен в списки полка. Произведен в поручики 1 октября 1909 г.

Женат на девице Евгении Омельяновой, православной, дочери священника¹.

Нам, к сожалению, известны далеко не полные сведения о службе М.В. Ярославцева во время Первой мировой войны в доблестном 68-м Лейб-Бородинском полку. Полк этот прославился разгромом 2-й австро-венгерской кавалерийской дивизии, отразив ее попытку захватить с налета, во время мобилизации, город Владимир Волинский. В составе 17-й пехотной дивизии 19-го армейского корпуса генерала Горбатовского, Лейб-Бородинский полк участвовал в сражениях под

Томашевом и Лодзью в 1914 г., под Праснышем зимой 1915 г. и закончил войну на Северном фронте, занимая позиции на Двине.

Штабс-капитан Ярославцев был ранен и контужен в боях под Лодзью осенью 1914 г. и по выздоровлении назначен на должность полкового адъютанта.

В сохранившейся полевой книжке штабс-капитана Ярославцева имеется запись: «Командир полка приказал с получением сего прибыть в штаб полка поручику Селиванову для исполнения должности полкового адъютанта вместо меня, так как я отчислен в роту согласно моего рапорта 8 сентября 1915 г.»²

Произведенный в капитаны М.В. Ярославцев принял командование 2-м батальоном полка, что видно из его ходатайства командиру полка о выдаче ему «пособия на приобретение верховой лошади, подписанное: командующий 2-м батальоном капитан Ярославцев, 6 августа 1916 г.»³

В сентябре 1916 г. он — временно командующий 4-м батальоном. С 5 февраля 1917 подполковник и командир 1-го батальона.

В полевой книжке 1917 г. имеется запись рапорта: «На станции Луга у меня пропала шашка с орденом Св. Анны 4-й степени, поясной ремень с муфтой для шашки. Подполковник Ярославцев»⁴.

Эта запись говорит о том, что случилось в Луге, когда Лейб-Бородинский полк, как один из самых надежных, был послан согласно приказу генерала М.В. Алексеева для наведения порядка в Петрограде в феврале 1917 г.

В ночь с 1 на 2 марта головной эшелон полка прибыл на станцию Луга. Не разобравшись в обстановке и не имея никаких указаний от штаба Северного фронта, командир полка полковник Седачев поверил представителю местного революционного комитета ротмистру Вороновичу, что согласно распоряжению Государственной Думы прибытие полка в Петроград отменяется и что полку надлежит вернуться на фронт.

Ворвавшись в этот момент в офицерский вагон, члены лужского революционного комитета успели унести оружие некоторых офицеров. В том числе, вероятно, и анненскую шашку подполковника Ярославцева⁵.

По возвращении на фронт подполковник Ярославцев продолжал командовать 1-м батальоном полка и 15 июня 1917 г. просил командира полка о награждении офицеров 4-й роты за разведку 3 июня 1917 г.⁶

В конце 1917 г. полковник Ярославцев находился в славной 5-й армии под Двинском и командовал 301-м Бобруйским пехотным полком. «С первых же дней большевизма, — пишет он в журнале «Служба Связи Ливенцев и Северозападников» № 7 (1934), — мне стало ясно, что все наши усилия возродить боеспособность армии не приведут ни к чему и потому поставил себе целью выйти с честью из создавшегося невыносимого для русского офицера положения, ибо оставаться на службе в формирующейся тогда красной гвардии не собирался; быть же простым наблюдателем творившегося безобразия не мог в силу своей натуры. Выдав офицерам полка годовые отпускные билеты и распустив по домам солдат старших возрастов, сам решил пробираться через Украину на юг, но в ночь на 5/18 февраля 1918 г. немцы перешли в наступление, заняли г. Двинск и перехватили все пути в тыл.

Немецкое командование оставило всех нас, офицеров, на свободе, обязав лишь носить военную форму. Так прошло несколько дней и вдруг нас объявили военнопленными и отправили в лагерь на остров Денхольм, близ Стральзунда, а затем перевели в Прейсиш-Холанд. В последнем собралось до 2000 офицеров и 45 000 солдат...

Совершенно неожиданно я, еще 7 офицеров и один чиновник были вызваны в октябре 18 г. телеграммой штаба Гинденбурга в г. Двинск в какие-то формирования; 2 недели длилась канцелярская волокита и лишь начавшаяся в Германии революция ускорила наш отъезд. 12 ноября я был в Двинском вербовочном бюро, где узнал, что формируется Псковский добровольческий корпус. Немедленно записался в его ряды и выехал в Псков.

Ярославцев прибыл в Псковский добровольческий корпус 18 ноября 1918 г. из Германии и был последовательно на должностях помощника командира Псковского полка, помощника начальника Западного отряда, исполнял должность дежурного генерала, а в конце апреля 1919 г. был командирован на Нарвский фронт для принятия Островского стрелкового полка от полковника Ананьева, убивавшего, по мнению генерала Родзянко, «всякую инициативу»⁷.

Островский полк, согласно плану, выработанному перед наступлением 13 мая, вошел в состав «отряда полковника Палена» с задачей форсировать переправы через реки Плюсу и Лугу и захватить станцию Веймарн в тылу Ябургской группы красных (см. биографию ген. А.П. Палена).

Воспользовавшись захватом в ночь на 13 мая партизанами поручика Данилова Попковой Горы со штабом 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии красных, Островский полк полковника Ярославцева на подводах к 6-ти часам утра 15 мая достиг села Порочье, где с боем переправился через реку Лугу. На следующий день, согласно воспоминаниям Ярославцева, после четырехчасового боя его роты «с песнями вступили в селение Веймарн»⁸. В итоге первого наступления Островский стрелковый полк, пройдя с боями трое суток от реки Плюсы и имея в своем составе два батальона (800 бойцов) с четырьмя пулеметами при легком обывательском обозе, остановился на ночлег в деревнях Ополье и Ямоквицы, что северней станции Веймарн⁹.

На рассвете следующего дня полк вступил в бой с отступавшим ябургским гарнизоном, в который входили бригада 6-й стрелковой дивизии и части 19-й стрелковой дивизии. Островский полк смелой, дерзкой атакой заставил во много раз превосходящего противника свернуть на север от петроградского шоссе и отступать по болотистой лесной дороге в сторону Копорья, бросив на ней всю свою артиллерию. Этому успеху полк был обязан командиру 1-го батальона, Георгиевскому кавалеру подполковнику Васильеву, павшему смертью храбрых.

Это позволило Островскому полку с приданным ему Конно-Егерским дивизионом ротмистра Грюнвальда сравнительно легко выполнить новый приказ полковника Палена (объединившего командование всей группой войск Северного корпуса, действовавших на петроградском направлении) — как можно скорее занять Копорье.

Выйдя на исходную позицию у села Новоселки в 3 часа ночи 20 мая, полковник Ярославцев послал в обход для атаки с тыла все тот же доблестный первый батальон, теперь под командованием храброго штабс-ротмистра барона Унгерн-Штернберга. Как вспоминает командир Островского полка, после атаки этого батальона с тыла и остальных частей с фронта, 166-й и 168-й полки 2-й бригады 19-й стрелковой дивизии вместе с приданными ей отрядами моряков и новгородских курсантов «ударилась в паническое бегство»¹⁰.

Из Копорья полковник Ярославцев двинулся со своим полком, пополненным добровольцами из местных крестьян и пленными красноармейцами, в деревню Глобицы, где поздно вечером его нагнал на автомобиле генерал Родзянко. Пол-

ковник Ярославцев высказал ему опасения за свой левый фланг, где на побережье Финского залива находился уже близко — примерно в 20 километрах — мощный форт Красная Горка с многочисленным гарнизоном.

Как мы уже отмечали в биографии генерала Родзянко, у него были сведения о готовящемся восстании на форту Красная Горка. Однако, видимо, он не придавал им значения и во всяком случае не принял никаких мер для того, чтобы поддержать восставших во время их выступления. Вместо того, чтобы произвести рокировку для усиления левого фланга и позволить полковнику Ярославцеву выдвинуть хотя бы один батальон в сторону форта, он отправился в Керново на берег Финского залива, где находился так называемый Ингерманландский отряд под командованием финских офицеров. Как уже отмечалось, еще накануне восстания командование этим отрядом саботировало все попытки руководства восстанием связаться с командованием Северного корпуса.

Тем временем, полковник Ярославцев продолжал свое успешное наступление в направлении Ораниенбаума и после упорного боя занял Воронено, где на его сторону перешла четырехорудийная батарея красных курсантов, а «...с пленными перешло много офицеров, служивших у красных по принуждению»¹¹.

Островский полк, несмотря на потери, стал трехбатальонным и насчитывал теперь около 1000 штыков. После того как был получен приказ остановить наступление, инспирированный эстонским главнокомандующим генералом Лайдонером, штаб Островского полка расположился в деревне Новая Буря, к востоку от Воронено, а одна из рот была выдвинута как застава в деревню Усть-Рудицы¹². До форта Красная Горка оставалось немногим больше 10 километров.... Однако, что естественно, восставшие искали связи на западе, на побережье Финского залива, тем более что ингерманландцы, не встречая сопротивления, выдвинулись до деревни Калищи, к которой вела большая дорога из форта.

«Тихим летним утром 26 мая (дата указана неверно — Н.Р.), выйдя из своей хаты, — вспоминает полковник Ярославцев, — я увидел в стороне Финского залива медленно поднимающийся столб дыма, а затем пронесся громадный гул. В тот день выяснилось, что на нашу сторону перешел гарнизон форта Красная Горка... Радость овладела всеми в предчувствии грядущего торжества белой идеи»¹³.

Но никаких приказаний растянутый на широком фронте полк не получал, и эта радость вскоре померкла¹⁴, когда стало известно об отступлении гарнизона форта и его разоружении ингерманландцами.

Между тем, когда после боя у Воронено 20 мая красное командование потеряло управление войсками и было еще больше деморализовано восстанием на Красной Горке, время было упущено. 1 июня части сборной красной бригады Стороженко, заняв форт, подошли к Усть-Рудице и вступили в бой с находившимися в этой деревне двумя ротами Островского полка.

Полковнику Ярославцеву пришлось отойти еще и в силу внезапного отступления ингерманландцев на его левом фланге, и он упорно оборонялся в районе Копорья, удерживая этот населенный пункт.

30 мая полковник граф Пален был произведен в генерал-майоры, на базе его отряда создана дивизия, а затем 1-й стрелковый корпус, в который вошли сформированные тогда 3-я дивизия полковника Ветренко и 2-я дивизия, начальником которой был назначен полковник Ярославцев. Во 2-ю дивизию вошли: 5-й Островский полк, 6-й Талеский полк, 7-й Уральский полк и, несколько позже, 8-й Семеновский полк (сформированный из перешедшего на сторону белых 29 мая 3-го стрелкового полка — бывшего запасного батальона Лейб-гвардии Семеновского полка).

«Моим помощником, — пишет полковник Ярославцев, — был назначен один из организаторов перехода к нам Красной Горки полковник Делль, а штаб был сформирован из красногорцев»¹⁵. Островский полк принял подполковник Алексеев, отличившийся упорной обороной Усть-Рудицы от красных.

Вынужденный, еще будучи командиром полка, занять оборону на очень широком фронте (вплоть до Кернова на берегу Финского залива, брошенного ингерманландцами), полковник Ярославцев сосредоточил свои силы у Копорья. За него с июня до середины июля шли затяжные, упорные бои. Но переход к обороне неизбежно вел к отступлению ввиду превосходства сил красных.

Произведенный 24 июля 1919 г. в генерал-майоры, Ярославцев умело маневрировал. 6-я стрелковая дивизия красных, как признает Д.Н. Надежный, по выходе на левый берег реки Сумма, встретила упорное сопротивление противника¹⁶ в лице 2-й дивизии генерала Ярославцева. «1-й корпус Северо-Запад-

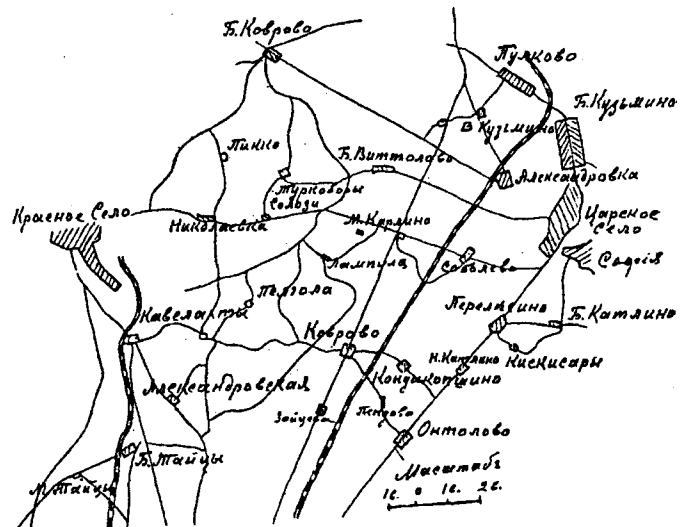
ной армии, — продолжает он, — отошел за реку Луга без серьезных потерь, не оставив никаких трофеев и прочно закрепился на ее левом берегу»¹⁷.

Во второй половине августа и в сентябре полки 2-й дивизии генерала Ярославцева, отразив ряд попыток переправиться через реку Лугу, отдохнули, получили английское вооружение с большим количеством боеприпасов и, впервые получив полное обмундирование, наконец оделись.

В октябрьском наступлении 2-я дивизия генерал-майора Ярославцева с приданным ей Конно-Егерским полком полковника Бенкендорфа была нацелена на Гатчину. В ночь с 9 на 10 октября Талабский полк полковника Пермикина переправился через Лугу у деревни Хилка; Островский полк полковника Алексеева форсировал Лугу у Реджи, где захватил батарею, выйдя в тыл красным у Сабска. Семеновский полк полковника Ликуди захватил Сабскую переправу, пропустив вперед Конно-Егерский полк. Смелым броском этот полк на следующий день подошел к станции Волосово, где, подорвав железнодорожное полотно, неудачно пытался захватить бронепоезд «Ленин», сумевший уйти в Гатчину.

14 октября 2-я дивизия, благодаря выходу в тыл ябургской группе красных Конно-Егерского полка, после короткого боя заняла станцию Елизаветино и 16 октября, на 6-й день наступления, к вечеру подошла к Гатчине. Не желая вступать в бой в темноте, генерал Ярославцев сначала отдал приказ о приостановке наступления до рассвета. В это время разведка донесла генералу о вступлении в Гатчину с востока 3-й дивизии с генералом Родзянко во главе. Подняв свою дивизию «в ружьё», генерал Ярославцев направил 1-ю бригаду (Островский и Уральский полки) со своим помощником полковником Деллем в обход Гатчины с севера через Зверинец и Мариенбург на перекресток, откуда ведут три больших шоссе на Петроград. Сам со 2-й бригадой (Талабский и Семеновский полки) двинулся к вокзалу на Варшавской железной дороге. Там было захвачено 5 паровозов, 200 груженых вагонов и много военного имущества. Выход 1-й бригады в тыл красным вынудил большую часть гарнизона Гатчины броситься в поспешное отступление в направлении Царского Села, а в ночном бою в Гатчине было захвачено много пленных.

Дивизия не понесла серьезных потерь, хотя в темноте между Семеновским полком 2-й дивизии и Темницким полком 3-й дивизии возникла короткая перестрелка.

Район боевых действий 2-й дивизии ген. Ярославцева
в ходе наступления на Петроград*

В отличие от 3-й дивизии, оставшейся в городе, полки 2-й дивизии продолжали наступление и заняли фронт к северу от Гатчины, по рубежу Пеггалово—Мозино—Романово. 18 октября Талабский полк после упорного боя занял деревню Новый Бугор, а на следующий день начались еще более ожесточенные бои за поселок Онтолово, где обе стороны понесли большие потери.

Прибытие на фронт 2-й дивизии трех тяжелых английских танков помогло Семеновскому и Талабскому полкам преодолеть оборону особенно стойких финских курсантов и выйти к вечеру 20 октября к Царскому Селу.

С трудом отразив контрнаступление красных, угрожавших окружением Семеновскому и Талабскому полкам, 2-я дивизия, благодаря неожиданному для красных захвату вокзала

* Воспроизводится по: Служба Связи (ливенцев и северозападников). № 6. С. 17.

ла Царского Села, смогла занять центр города 21 октября. Здесь, войдя в связь с 3-й дивизией, захватившей Павловск, генерал Ярославцев занял оборону по северной опушке парка 2-й бригадой, приступил к подготовке штурма Пулковских высот 1-й бригадой.

22 и 23 октября, согласно приказу генерала Ярославцева, начались бои за Верхнее и Большое Кузьмино и, как пишет сам генерал Ярославцев, «неминуем был захват нами Пулковских высот, несмотря на то, что танки в этом бою не участвовали»¹⁸.

Но время было уже упущено. Выйти на Московскую заставу Петрограда, с надеждой на противобольшевистское восстание в городе, 2-й дивизии не удалось. Уже 21 октября ударная группа С.Д. Харламова, из прибывших через Тосно резервов главного командования, сосредоточенная в Колпине по замыслу командующего 7-й красной армией Д.Н. Надежного перешла в наступление на Павловск и Царское Село.

В ходе ожесточенных боев вечером 23 октября 11-й Вятский полк 3-й дивизии генерала Ветренко не выдержал и в панике отступил с опушки Павловского парка. Резервов у белых не было. Паника передалась другим войскам, и полки 2-й и 3-й дивизий оставили Павловск и Царское Село.

25 октября генералы Ярославцев и Ветренко перешли в контрнаступление, подойдя к южным окраинам Царского Села. Но группа Харламова, имея более чем двойное превосходство, заставила их отойти на рубеж Онтолово.

В это же время 23 октября по приказу Д.Н. Надежного из Петергофа перешла в наступление 6-я стрелковая дивизия, усиленная моряками и, заняв Ропшу и Русское Копорье, угрожала выйти в тыл Северо-Западной армии.

26 октября по личному приказу генерала Юденича была создана ударная группа под командованием генерала Пермикина, в которую вошли Талабский и Семеновский полки 2-й дивизии. Пермикину удалось совместно с частями 5-й дивизии полковника Дыдорова (см. его биографию) отбросить 6-ю стрелковую дивизию красных из Ропши и он уже намеревался занять снова Красное Село, когда пришел приказ об отступлении Северо-Западной армии из Гатчины.

Генерал-майор Ярославцев с Островским и Уральским полками остался на фронте севернее Гатчины и, не отступив, удержал свои позиции слабыми силами этих полков у Пегглова и Романова.

2 ноября генерал-майор Ярославцев получает приказ прикрыть тылы армии в Гатчине от наступающих из Мшинской группы красных войск, но уже 4 ноября 2-я дивизия в неполном составе оставляет по приказу командующего 1-м корпусом Гатчину и занимает фронт в районе станции Кикерино.

12 ноября части 2-й дивизии пытаются занять кольцевую оборону вокруг Ямбурга, но Пермикину не удается предотвратить отход красных со стороны соседней 3-й дивизии, и Ярославцев вынужден отвести свои войска за реку Лугу.

Отойдя к Нарве, Ярославцев по приказу генерала Глазенапа, вступившего в командование армией, сдал должность начальника 2-й дивизии и принял командование новой 3-й дивизией, формируемой из бригад 4-й и 5-й дивизий. Части 2-й и новой 3-й дивизий расположились в помещениях Кренгольмской мануфактуры, и в декабре Талабский полк, уже под командованием полковника барона Унгерн-Штенберга, последний раз атаковал красных, взяв пленных и батарею.

После ликвидации Северо-Западной армии 11 марта 1920 генерал-майор Ярославцев приехал проститься с людьми своей доблестной дивизии¹⁹. Назначенный генералом Глазенапом, пробыл недолго в ревизионной комиссии в Нарве, где он обнаружил, что «контрразведывательный отдел армии сжег свой архив в ночь перед приходом комиссии»²⁰. Ярославцев оставался еще некоторое время в Ревеле, помогая своим соратникам выехать в Латвию²¹.

В мае 1921 г. он перебрался в Польшу, где в Варшаве был прикомандирован в качестве военного консультанта к председателю Русского Эвакуационного Комитета Б.В. Савинкову²².

На этой должности генерал-майор Ярославцев пробыл не долго в связи с ликвидацией Комитета в конце 1921 г. Из Польши Ярославцев переехал в начале 20-х годов во Францию, где поселился в Ницце.

Перу генерал-майора М.В. Ярославцева принадлежит ряд статей, посвященных Северо-Западной армии и, в частности, 2-й дивизии*.

* 1. Время (Шанхай). 1930. № 165 и 167.

2. Исправления и дополнения к «Памятке Ливенца» // Служба Связи Ливенцев и Северозападников (Рига). 1930, май. № 2. С. 31–32.

3. Керстово–Копорье–Воронено // Там же. 1930, ноябрь. № 3. С. 27–29.

4. Дальнейшее наступление и отход // Там же. 1931, октябрь. № 5. С. 22–26.

5. 2-я стрелковая дивизия // Там же. 1932, сентябрь. № 6. С. 11–20. Статья помечена: «Ницца, 2 февраля 1932».

Среди документов, любезно предоставленных нам настоятелем храма Святой Троицы в Рабате (Марокко) игуменом Ростиславом Колупаевым, находится удостоверение водителя фешенебельных прокатных автомобилей для дальних поездок, выданное ниццкой префектурой 23 июля 1929 г. Михаилу Ярославцеву с его подписью (см. вклейку). В некрологе Вестника русского западноевропейского патриаршего экзархата (Париж, № 17, 1954 г.) сообщается, что, овдовев в 1932 г., М.В. Ярославцев прошел заочно курс Пастырско-Богословского училища в Болгарии и 11 апреля 1937 г. был рукоположен в сан иерея. Свое богослужение он начал по назначению митрополита Евлогия в Свято-Троицкой церкви в Куриге (Марокко). 3 апреля 1940 г. принял монашеский постриг под именем Митрофана. В мае 1949 г. был возведен в сан архимандрита. После кончины архимандрита Варсонофия 27 апреля 1952 г. архимандрит Митрофан был назначен настоятелем Свято-Троицкого храма в Рабате.

Скончался архимандрит Митрофан, в миру генерал-майор Михаил Владимирович Ярославцев, 28 января 1954 г. и погребен в русской православной часовне на городском христианском кладбище в Рабате.

БИОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ ПОДГОТОВКИ ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ

Бахирев Михаил Коронатович Вице-адмирал

Родился 17 июля 1868 г. в Новочеркасске. Из донских казаков. Отец, Коронат Григорьевич, — мировой судья 2-го Донского Округа, коллежский секретарь. Сам Бахирев учился в Донской Новочеркасской гимназии. В 1884 г. поступил в Морское училище. Окончил его с премией имени адмирала П.С. Нахимова и произведен в мичманы 29 сентября 1888 г.

«Бахирев, — пишет контр-адмирал В.К. Пилкин, — был среднего роста, коренаст, несколько по-медвежьи неуклюж и косолап, что называется “неладно скроен, но крепко шит”»¹.

27 мая 1889 г. определен в Сибирский флотский экипаж и приказом командира Владивостокского порта № 70 назначен вахтенным начальником канонерской лодки «Бобр»². Со 2 октября 1890 г. исполнял должность старшего штурмана на канонерской лодке «Манджур» и находился в заграничном плавании (в Японии) по 1 сентября 1892 г.

Приказом по морскому ведомству от 6 октября 1894 г. произведен в лейтенанты и 20 января 1896 г. зачислен в штурманские офицеры I разряда. В январе 1898 г. переведен из Сибирского флотского экипажа в Балтийский флот.

В соответствии с приказом Главного командира Кронштадтского порта № 407 от 11 июля 1898 г. принял должность старшего штурманского офицера на учебном корабле «Воин». А в марте 1899 г. назначен штурманским офицером на мореходную канонерскую лодку «Гиляк», на которой был отправлен в заграничное плавание.

Этот корабль принял участие в военных действиях против Китая (во время так называемого боксерского восстания). Участвовал в десантных операциях. Приказом по морскому ведомству № 175 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени

«в воздание отличных подвигов храбрости и самоотверженности, оказанных при занятии фортов Таку 4 июня 1900 г.»

С января 1901 г. и по декабрь 1903 плавал на крейсере 1-го ранга «Россия», на эскадренном броненосце «Наварин» и на крейсере 2-го ранга «Джигит». Еще с 1895 г. имея орден Св. Станислава 3-й степени, старший лейтенант М.К. Бахирев был награжден за заграничное плавание орденом Св. Анны 3-й степени 6 декабря 1901 г. и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом 10 декабря 1902 г. за «бытность в сражениях».

Во время Русско-японской войны М.К. Бахирев с начала и до самого конца участвовал в обороне Порт-Артура. Приказом командующего флотом в Тихом океане № 57 от 18 марта 1904 г. назначен командиром эскадренного миноносца «Смелый», с которым нес сторожевую службу, охрану прохода в Порт-Артур и участвовал в обстреле неприятельских позиций. За оборону Порт-Артура награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом Св. Анны 2-й степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость» («В воздаяние отличных подвигов храбрости и самоотверженности, оказанных в сражениях против неприятеля под Порт-Артуром — 12 декабря 1905 г.») Приказом заведующего морской обороной Порт-Артура № 144 от 18 декабря 1905 г. временно назначен начальником отряда эсминцев (с оставлением в должности командира эсминца «Смелый»), предназначенного для прорыва из Порт-Артура. Произведен в капитаны 2-го ранга 6 декабря 1905 г. «согласно с баллотировкой».

11 апреля 1906 г. назначен командующим флотилией рек Амурского бассейна. Приказом по морскому ведомству № 134 переведен в Балтийский флот в марте 1904 г., где последовательно был назначен командиром минного крейсера «Абрек», миноносца «Ретивый» и эсминца «Амурец».

26 ноября 1910 г. за отличие по службе Высочайшим приказом по морскому ведомству был произведен в капитаны 1-го ранга и принял командование 5-м дивизионом миноносцев. А 22 ноября 1911 г. был назначен командиром флагманского корабля Балтийского флота — новейшим броненосным крейсером «Рюрик». В декабре 1913 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

«Бахирев был добродушен... умный, простой и добрый человек», — вспоминает контр-адмирал Пилкин³.

Говоря о его отношениях с командой, адмирал Пилкин пишет: «Михаилу Коронатовичу случалось давать тумака. Но это были не жестокие тумаки, и команда зла Бахиреву не помнила. Во время революции был на «Рюрике», которым прежде командовал Бахирев, митинг. Обсуждался вопрос — послать ли бывшему командиру приветствие по случаю годовщины боя, который имел адмирал Бахирев с немецкими крейсерами (бой бригады русских крейсеров 18–19 июня 1915 г. на высоте острова Готланда с немецким отрядом в составе крейсеров «Роон», «Бремен», «Аугсбург» и заградителя «Альбатрос», которого огонь русских крейсеров заставил выбраться на берег, а остальных скрыться в тумане. — Н.Р.). Команда собралась на шканцах, а маш[инный] унт[ер]-офицер] Пастухов, лидер команды, левый соц[иал]-революционер ...стоя в кругу команды держал горячую речь: “Кулаки товарища Бахирева, говорил Пастухов, не раз по моей спине гуляли, но я вотирую послать приветствие”. Приветствие, при общем одобрении, было послано»⁴.

Высочайшим приказом № 1340 от 24 декабря 1914 г. М.К. Бахирев был произведен в контр-адмиралы «За отличия против неприятеля» и тогда же назначен командующим 1-й бригадой крейсеров Балтийского флота. Бригада успешно ставила мины в южной части Балтийского моря, на которых подорвалось немало германских кораблей.

Во время одного из таких походов флагманский крейсер «Рюрик» перескочил через гряду подводных камней у острова Готланд и оказался в опасном положении, набрав много воды. Команда, мало знавшая недавно назначенного командира, как пишет адмирал Пилкин, «...в опасную минуту кинулась к своему бывшему командиру Бахиреву и на руках вынесла его на мостик»⁵. Благодаря знаниям и хладнокровию адмирала крейсер был спасен.

За время командования 1-й бригадой крейсеров М.К. Бахирев был награжден мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени (за отличия в делах против неприятеля 24 декабря 1914 г.), орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами (10 августа 1915 г.) и орденом Св. Анны 1-й степени с мечами (11 января 1916 г.) «За отличия в делах против неприятеля».

Высочайшим приказом от 19 декабря 1915 г. контр-адмирал Бахирев был назначен начальником 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота, в которую вошли новей-

шие дредноуты — «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь» и «Полтава». Он держал свой флаг на «Петропавловске», которым командовал капитан 1-го ранга В.К. Пилкин. Высочайшим приказом по морскому ведомству № 1660 от 6 декабря 1916 г. М.К. Бахирев был произведен в вице-адмиралы.

Как вспоминает контр-адмирал С.Н. Тимирев, «Бахирев, один из лучших боевых начальников старшего поколения, всегда был образцом личной храбрости, служебной честности и исполнительности... О нем вспомнили лишь, когда нужно было спасти почти безнадежное положение, как это случилось в Моозунде в сентябре 1917 г.»⁶

Вскоре после Февральской революции Бахирев сдал бригаду линейных кораблей контр-адмиралу Д.Н. Вердеревскому (23.5.1917) и перешел на «спокойную» должность начальника минной обороны. Только после прорыва германского флота в Рижский залив он был назначен в сентябре 1917 г. Начальником Морских сил Рижского залива (приказ отдан был с опозданием 17 октября 1917 г.).

Несмотря на разложение на флоте, адмирал Бахирев организовал оборону Моозунда. 4 октября 1917 г. он лично прибыл на крейсер «Баян» и вместе с линейными кораблями 2-й бригады «Слава» и «Гражданин» (б. «Цесаревич») принял бой в Рижском заливе с превосходящими силами немецкой эскадры. Во время отступления русских кораблей к Моозунду их прикрывал флагманский крейсер «Баян». Его командир, тогда капитан 1-го ранга С.Н. Тимирев, находясь под огнем тридцати немецких 12-дюймовых орудий, спасал корабль непрерывным маневрированием. «Меня поддерживала, — пишет он, — лишь непоколебимая выдержка героя М.К. Бахирева: с полным наружным спокойствием он расхаживал по мостику, совершенно не вмешиваясь в мои распоряжения»⁷. Закрыв Моозундский фарватер подорванным броненосцем «Слава» и одним транспортом, адмирал Бахирев отвел корабли своего отряда в Ревель.

В начале декабря 1917 г., во время ареста Раскольниковым командующего флотом контр-адмирала Развозова, у Бахирева, державшего свой флаг на корабле «Чайка», в Гельсингфорсе состоялось собрание флагманов флота, где Бахирев предложил оставить службу. К нему присоединился освобожденный матросами адмирал Развозов и некоторые другие. Приказом по флоту № 37 от 12 января 1918 г. адмирал Бахи-

рев был уволен от службы без права на получение пенсии. Он вынужден был поступить служащим в Центральный народно-промышленный комитет. Жил на Моховой улице вместе с капитаном 1-го ранга П.Н. Пленом, который участвовал в тайной переброске офицеров из Петрограда в Добровольческую армию. «М.К. Бахирев, — пишет В.К. Пилкин, — кажется, имел какие-то сношения с казачеством Добровольческой армии... Нам удавалось, через одного из морских офицеров, находившегося на свободе в Петербурге в Промышленном Комитете, переводить деньги в голодное время»⁸.

В ночь с 5 на 6 августа 1918 г. М.К. Бахирев был арестован вместе с П.Н. Пленом на его квартире (Моховая д. 5, кв. 3)⁹. В ЧК П.Н. Плен был расстрелян. Бахирев был освобожден 13 марта 1919 г. Возможно, сыграли роль передачи продуктов от матросов, служивших под его командой на кораблях Балтийского флота. Эти передачи продолжались и после. По освобождении он стал сотрудником оперативного отдела Морской Исторической Комиссии (Морискома). «Там он написал в двух экземплярах подробное изложение Рижских боев до эвакуации», — сообщает видевший его в это время бывший его старший флаг-офицер, капитан 2-го ранга Н.Н. Крыжановский¹⁰. Это описание, «датированное 11 июля 1919 г. и написанное четким, уверенным почерком, в настоящее время, — сообщает М.Е. Малевинская, — хранится в РГА ВМФ в фонде Р 1579: «Исторический Отдел Морского Штаба»»¹¹.

Летом 1919 г., как сообщает адмирал В.К. Пилкин, Бахирев «...отказался от попытки бегства в Финляндию, которую ему предлагали. Многие обращались к нему за советом, что дальше делать. «Оставаться на местах и быть готовыми, — говорил он, — ожидая и, может быть, подготовляя восстание»»¹².

Это косвенно подтверждает и Н.Н. Крыжановский. Он рассказывает (хотя его статья полна анекдотов, приписывающих Бахиреву как бы духовную принадлежность к еще парусному флоту с его архаическими традициями и пристрастием к крепким напиткам), что был приглашен занять видное место при И.И. Игнатове, убеждавшем Крыжановского, что на этом месте «вы отстаиваете вашего Бахирева и других» назначением в Москву «на место вроде товарища министра». Он обратился к самому Бахиреву. «Коронат сказал: каждый человек ищет себе оправдание. Ничего этого не нужно. Вот

если Александр Васильевич Колчак придет, то от него пощады ждать не приходится...»¹³.

Как утверждает без сомнения бывший в курсе всех планов генерала Юденича адмирал Пилкин: «Когда было решено наступление на Петроград (т.е. уже в сентябре 1919 г. — Н.Р.), я уведомил Бахирева, что главнокомандующий, вполне ему доверяя, заранее утверждает его распоряжения и что все обещания, которые ему в зависимости от обстановки придется давать, будут исполнены при взятии Петербурга. По имеющимся сведениям, — дополняет В.К. Пилкин, — курьеру удалось доставить указанное сообщение»¹⁴.

Все это говорит о том, что адмирал Бахирев был не только в курсе дел по подготовке восстания в Петрограде, но и был одним из его возглавителей. В сохранившемся в бумагах генерала Юденича письме-рапорте И.Р. Кюрца о «последнем» совещании участников подготовки восстания от 29 октября 1919 г., среди присутствующих адмирал Бахирев стоит на втором месте после полковника Люндквиста. В этом рапорте И.Р. Кюрц сообщает генералу Юденичу, что «было принято предложение адм[ирала] Бахирева захватить все морские силы, находящиеся на Неве, для чего у нас хватает сил»¹⁵.

Командование Балтийского флота ввело для обороны Петрограда линейный корабль «Севастополь» в самый город, на Неву, миноносцы «Всадник» и «Гайдамак» в морской канал. Авторы книги «Чекисты Петрограда на службе революции» подтверждают, видимо на основе следственных дел, что «...бывший вице-адмирал Бахирев до последнего часа возлагал большие надежды на захват «Севастополя»»¹⁶. Согласно тем же данным, во время и после восстания «...начальствовать над морскими силами поручалось вице-адмиралу М.К. Бахиреву»¹⁷.

По планам генерала Юденича, проводимым его доверенным в Петрограде полковником Ю.П. Германом (см. его биографию), в командование Балтийским флотом и управлением морского ведомства, в случае занятия Петрограда, должен был вступить контр-адмирал Александр Владимирович Развозов. В связи с его арестом в сентябре 1919 г. заменить его должен был вице-адмирал Бахирев.

Восстания не произошло, ибо оно было намечено полковником Люндквистом в тот момент, когда войска Северо-Западной армии выйдут на рубеж Обводного канала, т.е. к границам города, а наступление Северо-Западной армии захлебнулось

23–24 октября, не доходя нескольких километров до этого рубежа у Пулкова и на северных окраинах Царского Села и Павловска. Несмотря на это, генерал Юденич, не теряя надежды на выход к Обводному каналу, перебрасывал с Лужского направления в Гатчину войска 1-й и частично 4-й дивизий. Поэтому совещания участников подготовки восстания и продолжались до 29 октября.

После отступления Северо-Западной армии и случайного ареста дочери И.Р. Кюрца на Мальцевском рынке пошла волна арестов. 17 ноября 1919 г. был арестован и вице-адмирал М.К. Бахирев. Как вспоминает В.К. Пилкин, делались попытки спасти его от расстрела: «Было сообщено Верховному Правителю (адмиралу Колчаку. – Н.Р.) с просьбой взять заложников. Было дано знать в Лондон и Париж с просьбой о заступничестве»¹⁸.

Сам же арестованный Бахирев, как признавала «Петроградская Правда» от 23 ноября 1919 г., «давал весьма сдержанные показания о совещании у Кюрца 20 октября: “На собрании также говорилось о выступлении, которое, в конце концов, было отменено за неимением сил”»¹⁹.

Речь идет, очевидно, о том же собрании 29 октября, о котором И.Р. Кюрц докладывал генералу Юденичу и которое проходило в совсем другом боевом духе. Очевидно, что Бахирев стремился на следствии занизить активность как свою, так и своих сообщников. Его друг В.К. Пилкин пишет, что на следствии Бахирев будто бы сказал: «С телом моим вы можете делать что угодно, а душу мою я вам не продам»²⁰.

9 января 1920 г. Коллегия ВЧК постановила: «Бахирева Михаила... расстрелять, приговор привести в исполнение по особому постановлению Президиума ВЧК, оставив Бахирева в качестве заложника на случай террористических актов со стороны агентов белогвардейцев»²¹.

Через неделю, 16 января 1920 г. Михаил Коронатович Бахирев был расстрелян.

«Тело адмирала Бахирева, — по сведениям В.К. Пилкина, — зарыто где-то в Сестрорецке, на берегу залива, против Кронштадта»²².

Берг Борис Павлович Лейтенант флота

Родился 27 октября 1892 г. в Санкт-Петербурге. Рожден вне брака. Усыновлен командиром 75-го Севастопольского пехотного полка Павлином Алексеевичем Бергом. Высочайшим повелением от 1 мая 1897 г. дозволено пользоваться правами личного почетного гражданина и принять фамилию Берг. Православный.

Окончил Морской корпус в 1913 году. Произведен в мичманы 30 июля 1913 г. Начал службу 26 марта 1914 г. вахтенным офицером на броненосце «Цесаревич». С 1 июля 1914 г. по 22 февраля 1915 г. вахтенный офицер на линейном корабле «Гангут».

С февраля по сентябрь 1915 г. обучался полетам на 3-й и 2-й авиационных станциях Службы связи Балтийского флота. С 30 сентября 1915 г. по 2 мая 1916 г. служил морским летчиком на 2-й авиационной станции. С 8 мая 1916 г. и до конца войны на 3-й авиационной станции. 30 июня 1916 г. произведен в лейтенанты.

За разведывательные полеты и участие в воздушных боях с германскими летчиками был награжден 6 июня 1916 г. орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (23 октября 1916 г.) и 31 октября 1916 г. орденом Св. Анны с мечами и бантом¹.

Зная об ограниченном числе морских летчиков в Балтийском флоте, едва ли можно сомневаться в том, что лейтенант Б.П. Берг был знаком со старшим лейтенантом В.В. Дитерихсом, обучавшимся летному делу на той же 2-й авиационной станции Службы связи Балтийского флота.

После Брест-Литовского договора русская морская гидро-

авиация была перебазирована из района Ревеля под Петроград, и Б.П. Берг стал начальником воздушного дивизиона особого назначения в Ораниенбауме.

Согласно показаниям самого Б.П. Берга после ареста 5 ноября 1919 г., с мая 1918 г. он был в связи с английским военно-морским атташе капитан-лейтенантом Ф.А. Кроми. Они были знакомы еще со времени Великой войны, когда Кроми в Ревеле был капитаном одной из английских подводных лодок, прибывших в Балтийское море на помощь русскому флоту. Едва ли это знакомство могло иметь разведывательный характер.

Когда Кроми был убит чекистами, обороняя посольство от вторжения 31 августа 1918 г., Берг не знал, кто его заменил.

На тех же допросах в ноябре 1919 г. он показал, что в июне 1918 г. он был приглашен на квартиру старшего лейтенанта В.В. Дитерихса и согласился войти в подпольную организацию «Великая Единая Россия», одним из руководителей которой был Дитерихс.

В своем особом авиационном дивизионе Берг вовлек в организацию и своего заместителя, бывшего офицера Еремина, а также ряд офицеров-летчиков, из которых некоторые перелетели к белым в Северо-Западную армию, а другие, как жаловался начальник сводной дивизии Стороженко, сбрасывали бомбы на позиции советских войск.

Помимо тайной организации в своем дивизионе, Берг вошел в сношение со многими офицерами, служившими в штабе Балтийского флота, в частности с В.Е. Медиокритским и, видимо, с командованием воздушной обороны Петрограда в лице С.А. Лишина. Обвинения в связях Б.П. Берга с различными иностранными разведками фигурируют лишь в известной статье тогдашнего вождя Петроградской партийной организации Г.Е. Зиновьева (он же тогда и председатель Исполкома Петроградского Совета и Комитета обороны Петрограда). Торопясь опубликовать явно добытые по его же заданию следователем «показания» Берга, он их цитирует: «Я главный агент английской, и белой контрразведки. Инструкции получаю от разведывательной конторы в Стокгольме и военного совета (sic! — Н.Р.) в Лондоне. Связь имею с Финляндией»².

Но Зиновьеву этого мало. Он не мог удержаться, чтобы не вложить в «показания» Берга свою давнюю, догматическую ненависть к меньшевикам, связать их с «белогвардейцами» и

с «английской разведкой»: «Моими обязанностями была военная контрразведка и общие политические сведения, которые я доставлял раз в неделю. В то же время я пытался связать организацию (белогвардейскую) с ЦК меньшевиков через Аксельрода (младшего сына известного меньшевика), с которым он отправил в швейцарское бюро английской разведки много сведений»³.

Все эти, как и другие сведения в статье Зиновьева, либо вымученные, либо написанные под диктовку следователя лейтенантом Бергом в надежде на спасение своей жизни, не могут, разумеется, служить сколько-нибудь надежным историческим источником. Им, однако, пользовались и Д.Л. Голинков⁴, и авторы «Чекистов Петрограда...», и многие другие.

Иностранные связи далеко не везде означали шпионскую деятельность. Нельзя, например, упускать из вида, что организация «Великая Единая Россия» со времени своего возникновения стремилась содействовать формированию Северной армии, точнее Псковского корпуса, еще когда он находился в Пскове, оккупированном Германией по Брест-Литовскому миру. Лейтенант Бутвиловский был арестован на пути в Псков, где находился и штаб корпуса, и прибывшая из штаба германского Восточного фронта комиссия по делам, связанным с его формированием.

С крушением Германии в ноябре 1918 г. естественно, что старший лейтенант Дитерихс искал опоры у англичан, прибывших эскадрой в Финский залив. Неизвестно какими связями располагал Берг после ухода Дитерихса в Финляндию. О его организации, во всяком случае, было известно полковнику Люндеквисту, ибо она являлась составной частью намеченного плана восстания в пригородах Петрограда.

Провал организации Берга 4 ноября 1919 г. повлек за собой многочисленные аресты в Кронштадте и Петрограде. Одними из первых были арестованы В.Е. Медиокритский и С.А. Лишин. Этот провал произошел случайно, хотя в значительной степени по небрежности и легкомыслию самого Берга.

Согласно сохранившимся в Ленинградском партийном архиве воспоминаниям ряда чекистов⁵, Ф.Д. Солоницын — механик, служивший в авиационном отряде Берга и пользовавшийся его доверием, донес в местное ораниенбаумское ЧК о подозрительных собраниях у Берга под видом вечеринки.

Чекисты решили послать к Бергу одного из своих сотрудников, комиссара ЧК И.П. Васильева, в прошлом учителя, который мог сойти за офицера-разведчика, посланного в советский тыл из штаба Юденича. Солоницын представил Бергу Васильева, согласно этой легенде, якобы случайно встретившись с ним в окрестностях Ораниенбаума. Берг, не расспросив как следует Васильева, сразу поверил ему и даже пригласил на собрание под видом вечеринки, где представил его своим соучастникам как разведчика из штаба Юденича. Больше того, он обратился к Васильеву с просьбой перевести через фронт курьера с очень важной информацией, которую лично привез из Петрограда начальник воздушной обороны города Лишин.

3 ноября 1919 г. Васильев и сопровождавший его в качестве рядового чекист Криночкин встретили, как было условлено с Бергом, курьера подпоручика М.М.Шидловского (сына генерал-майора Михаила Владимировича Шидловского, одного из создателей русской военной авиации), который должен был доставить срочную информацию, в том числе, по-видимому, план В.Е. Медиокритского (см. его биографию).

Васильев и Криночкин привели подпоручика Шидловского в импровизированный передовой «штаб» в лесу, где передетый в офицерскую форму чекист принял его и выждав, когда он положит на стол свое оружие, в том числе ручную гранату, отправил его в грузовике в сопровождении чекистов в «штаб генерала Юденича», которым оказалось помещение ЧК в Ораниенбауме.

С утра 5 ноября 1919 г. начались аресты. Первым был арестован Б.П. Берг, а за ним, как мы уже указывали, многие другие. О характере «показаний» Берга на следствии мы уже писали. Они стали лейтмотивом статьи Г. Зиновьева в «Петроградской Правде» от 23 ноября 1919 г. Б.П. Берг был расстрелян по приговору петроградской ЧК. Дата расстрела нам неизвестна.

Гавришенко Александр Николаевич Капитан 2-го ранга

Родился 15 марта 1880 г. Из дворян Тамбовской губернии. Православный. Окончил Морской корпус в 1899 г. и 14 сентября 1899 г. произведен в мичманы.

С 1900 г. плавал вахтенным офицером на учебном судне «Прут», на эскадренном броненосце «Чесма», на канонерской лодке «Донец» и на эскадренном броненосце «Синоп». В 1901 и 1902 гг. флаг-офицер старшего флагмана практической эскадры Черного моря. Переведен на Балтику, окончил офицерские минные классы и с 11 августа 1903 г. плавал на крейсере «Россия» младшим минным офицером.

24 марта 1904 г. произведен в лейтенанты. В составе Владивостокского отряда крейсеров участвовал на крейсере «Россия» во всех выходах к японскому побережью и в бою с эскадрой контр-адмирала Камимурэ 1 августа 1904 г. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (14 октября 1904 г.) и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (27 сентября 1904 г.).

Находился в запасе с декабря 1905 г. по сентябрь 1907 г. Затем был назначен старшим офицером на эскадренный миноносец «Амурец». Временно командовал миноносцем № 129, а с 13 мая 1908 г. по 19 декабря командующий миноносцем № 125. С 24 декабря 1911 г. по 15 сентября 1914 г. командующий эскадренным миноносцем «Дельный». 14 апреля 1913 г. произведен в старшие лейтенанты. С сентября 1914 г. по март 1916 г., старший офицер учебного корабля «Петр Великий». 6 декабря 1914 г. произведен в капитаны 2-го ранга. С марта 1916 г. командир эскадренного миноносца «Туркестанец Ставропольский». Приказом командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина № 783 от 31 октября 1916 г. отрешен от командования эскадренным миноносцем и зачислен в резерв чинов Балтийского флота.

20 апреля 1917 г. приказом командующего Балтийским флотом № 132 назначен офицером для поручений Особого (разведывательного) отделения штаба командующего флотом. Приказом по флоту № 260 от 23 мая 1917 г. назначен помощником начальника Особого отделения штаба командующего флотом Балтийского моря. 29 сентября 1917 г. приказом по флоту № 230 назначен начальником Особого отделения Ботнического залива. Уволен от службы 23 марта 1918 г. приказом по флоту Балтийского моря № 163.

Назначен начальником Военно-морского контроля Балтийского флота приказом по флоту № 406 от 18 июля 1918 г.¹

Как сообщают авторы «Чекистов Петрограда...», «...Гаврищенко (ошибка в фамилии. — Н.Р.) до революции служил в контрразведке Балтийского флота, при Советской власти продолжал службу в Военно-морском контроле и в штабе 7-й армии. В феврале 1919 г., при организации на базе Военно-морского контроля Особого отдела Петроградской ЧК, Гаврищенко попал в его штат как опытный специалист по контрразведке»².

Но еще до того как Гаврищенко оказался на службе в ЧК, он, благодаря знакомству по флоту со старшим лейтенантом В.В. Дитерихсом, вступил в тайную организацию, созданную для помощи белым армиям, «Великая Единая Россия». 21 или 22 февраля 1919 г. он успел предупредить Дитерихса о предстоящем аресте, благодаря чему Дитерихс вовремя бежал в Финляндию³.

Авторы «Чекистов Петрограда...» признают, что Гаврищенко не получал никаких денег, «...он работал идейно», а вернее, за гарантию «особого положения в случае переворота»⁴.

В дальнейшем Гаврищенко был, очевидно, связан с Ю.П. Германом, или, без сомнения, с его помощником — корабельным гардемаринном, произведенным в мичманы в Северо-Западной армии, С.И. Романовым (см. их биографии). Как пишет в журнале кн. А.П. Ливена автор под псевдонимом «Митрич», благодаря взятому на себя риску по встречам с Гаврищенко, Романову, ему и Герману удалось «спасти не одну сотню людей»⁵.

Гаврищенко погиб вскоре после арестов членов организации Б.П. Берга и связанных с ним морских офицеров штаба Балтийского флота. Как пишут авторы «Чекистов Петрограда...», 8 ноября был арестован помощник заведующего активной части Особого отдела петроградской ЧК. А.Н. Гаврищенко⁶. По приговору коллегии петроградской ЧК в конце декабря 1919 г. он был расстрелян⁷.

Дитерихс Владимир Владимирович Старший лейтенант флота

Родился 3 июля 1891 г. в Киеве. Окончил Морской корпус. Корабельный гардемарин с 10 апреля 1911 г. Произведен в мичманы 6 декабря 1911 г. и начал службу на линейном корабле «Император Павел I». С 1 апреля 1913 г. — вахтенный офицер на крейсере «Богатырь».

Согласно характеристике из аттестации, «отличный морской офицер во всех отношениях. Любит море и морское дело. Умеет отлично обращаться с командой. Хорошо знает каждого в своей роте. Лучший из мичманов и вообще один из лучших офицеров крейсера». Подписал капитан 1-го ранга Е.И. Крицкий, 23.08.1913.

С 15 апреля 1914 г. временно командовал миноносцем № 128, с сентября того же года — вахтенный начальник на эскадренном миноносце «Достойный». В конце 1914 г. добровольно принял должность командира пулеметного взвода в Конном подрывном отряде Балтийского флота при Кавказской («Дикой») туземной конной дивизии. Награжден Георгиевским оружием за бой 22 января 1915 г.: будучи прикомандирован к 240-му Ваврскому полку, видя, что 2-й батальон вынужден был залечь перед высотой 673, встреченный сильным огнем противника, «...мичман Дитерихс с четырьмя нижними чинами быстро вынес на открытую позицию пулемет и, установив его, лично открыл сильный огонь по противнику, привлек весь огонь противника на себя и этим дал возможность ротам окопаться и укрыться». Вслед за первым был установлен и второй пулемет, и противник перенес на пулеметы артиллерийский огонь, причем разорвавшейся шрапнелью мичман Дитерихс был легко ранен и контужен, однако остался на позиции и до конца выполнил свою задачу¹.

Приказом от 3 июня 1915 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами за то, что «в ночь с 24 на 25 января 1915 г. обстрелял австрийцев из пулемета, поднесенного на 40 шагов, выбил их огнем из ближайших окопов, а затем ходил с бомбами на неприятельские позиции вместе с полковыми разведчиками»².

С июня 1915 г. находился на излечении в Царскосельском Особом эвакуационном пункте, а затем был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу. В ноябре—декабре 1915 г. обучался летному делу на 2-й авиационной станции Службы связи Балтийского флота. С 3 ноября 1915 г. приказом по флоту и морскому ведомству зачислен в морские летчики. 2 декабря 1915 г. назначен в 3-й судовой авиаотряд, а 11 марта 1916 г. временно принял командование 1-м судовым авиаотрядом. Произведен в лейтенанты 1 января 1915 г. Участвовал в многочисленных разведывательных полетах и в воздушных боях и был награжден орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость». Орден Св. Георгия 4-й степени он получил согласно приказу командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина № 661 от 20 сентября 1916 г. «...за то, что, управляя воздушным аппаратом и возвращаясь после исполнения опасного поручения к своей базе, заметил, что несколько неприятельских аппаратов атаковали другой наш гидроаэроплан и тотчас же подлетел к нему на помощь. Вступив с превосходящим неприятелем в бой, лейтенант Дитерихс, успешно маневрируя, уничтожил один из неприятельских аппаратов, и, несмотря на многочисленные (до 30) вражеские попадания, вернулся к своей базе»³.

20 сентября 1916 г. лейтенант Дитерихс был произведен в старшие лейтенанты за боевые отличия. Согласно приказу командующего Балтийским флотом за № 95 от 30 июня 1917 г. допущен к исполнению должности начальника 3-го воздушного дивизиона 1-й воздушной бригады. 25 августа 1917 г. приказом по Балтийскому флоту был назначен старшим офицером на эсминце «Самсон». В конце 1917 г. был прикомандирован к Особому отделу Балтийского флота и числился в нем до 23 марта 1918 г. В начале 1918 г. был арестован финскими властями и находился в тюрьме в Николайштадте. Командовавший флотом уже при советской власти А.П. Зеленый доносил, что он обращался к германскому адмиралу фон Уссуеру с просьбой об освобождении старшего лейтенанта Дитерих-

са, но в мае 1918 г. не получил никакого ответа. Видимо, в июне 1918 г. старший лейтенант Дитерихс был освобожден и после прибытия в Петроград приказом по Балтийскому флоту № 595 от 20 сентября 1918 г. был назначен командиром недостроенного эсминца «Сокол».

Осенью 1918 г., когда до Петрограда дошли сведения о начале формирования Северной армии в районе Пскова и разрешении германских оккупационных властей на вербовку в нее добровольцев, группа морских офицеров по инициативе старшего лейтенанта В.В. Дитерихса и лейтенантов С.А. Бутвиловского⁴, Л.Н. Эльснера⁵ и С.А. Селлинга⁶ (все они принадлежали к одному выпуску из Морского корпуса 1911 г.) создали в Петрограде и Кронштадте тайную военную организацию под названием «Великая Единая Россия».

Эта организация, прикрываясь кооперативами «Мирный труд», «Заготовитель» и другими, стремилась привлечь, главным образом, морских офицеров в свои ряды, с тем чтобы всячески содействовать Северной добровольческой армии. В то же время, в связи с крушением германского фронта на западе в ноябре 1918 г., руководители этой организации вошли в связь с представителями английской разведки — капитаном Кроми, Полем Дюксом, которые говорили о своих связях в Финляндии с представителем адмирала Колчака капитаном 1-го ранга П.В. Вилькеном.

Среди привлеченных Дитерихсом к этой организации офицеров были начальник авиационного отряда в Ораниенбауме старший лейтенант летчик Берг, начальник дивизиона тральщиков Моисеев и ряд артиллерийских офицеров Кронштадтской крепости. Несмотря на арест 28 октября 1918 г. на пограничной станции Торошино близ Пскова лейтенанта С.А. Бутвиловского, пытавшегося перейти на сторону Северной армии, организация продолжала активно действовать. 23 февраля 1919 г. после ареста ее члена фон Котена старший лейтенант Дитерихс, будучи предупрежден по-видимому Гавришенко (см. его биографию), вместе с бывшим корнетом Елизаровым, ведавшим курьерами, перешел финскую границу.

Елизаров после возвращения в Петроград был арестован. Согласно его показаниям в ЧК, во время приема его и старшего лейтенанта Дитерихса генералом Юденичем в Гельсингфорсе выяснилось, что все сведения и доклады, посланные ими через английских представителей, так и не дошли до генерала

Юденича, что естественно вызвало у него серьезное неудовольствие. Вскоре, 11 июня 1919 г., за подписью начальника штаба генерала Юденича — генерал-лейтенанта Кондзеровского было выдано следующее удостоверение: «Сим удостоверяется, что действительно Лейтенант Дитерихс вызывается в распоряжение адмирала Колчака и откомандировывается из состава чинов, находящихся в подчинении генерала Юденича»⁷.

Нам неизвестно, был ли действительно отправлен старший лейтенант Дитерихс в распоряжение адмирала Колчака. Согласно книге Кутузова и др.⁸ старший лейтенант Дитерихс находился в ноябре—декабре 1919 г. в штабе Северо-Западной армии в распоряжении генерала для поручений Владимира, с которым он строил планы организации восстания при помощи командира отряда гидроавиации Балтийского флота Б.П. Берга, которого он в свое время привлек в организацию «Великая Единая Россия». Вскоре после окончания Гражданской войны старшему лейтенанту Дитерихсу удалось вместе с супругой Марией Семеновной, урожденной Амельченко, выехать в Абиссинию, где он служил в качестве военного советника. В 1930 г. не без давления советского посольства, он вынужденно покинул Абиссинию и переехал во Францию. Окончил высшую химическую школу, после чего работал инженером-химиком в одной из ведущих фирм Франции. Скончался 28 декабря 1951 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа 31 декабря 1951 г.⁹

Злобин Михаил Алексеевич Капитан 2-го ранга

Родился 7 января 1885 г. Уроженец Тульской губернии. Сын надворного советника. 14 сентября 1904 г. поступил воспитанником в Морское инженерное училище Императора Николая I. Произведен в корабельные гардемарины-механики 1 мая 1907 г. и назначен в плавание на линейный корабль «Цесаревич». Произведен в подпоручики корпуса инженер-механиков флота 13 апреля 1908 г. и 14 июня 1909 г. утвержден в должности минного механика линейного корабля «Цесаревич». 13 декабря 1910 г. назначен судовым механиком эскадренного миноносца «Меткий». Произведен в штабс-капитаны флота 25 марта 1913 г. с переименованием звания в инженер-механики лейтенанты.

В 1913—1914 гг. проходил специальный курс в Санкт-Петербургском Политехническом институте, будучи прикомандированным ко 2-му Балтийскому флотскому экипажу. 18 августа 1914 г. назначен старшим судовым механиком эскадренного миноносца «Забайкалец». За успешные действия эсминца на коммуникации противника и за постановку минных заграждений награжден 1 июня 1915 г. орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 6 декабря 1915 г. произведен в инженер-механики — старшим лейтенантом. 16 января 1916 г. назначен и. д. старшего механика эскадренного миноносца «Новик». За успешные действия этого корабля, главным образом в Рижском заливе, награжден орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 28 июня 1917 г. произведен в инженер-механики капитаном 2-го ранга, за отличие по службе.

Участвовал в «Ледовом походе» (в выводе судов Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт в марте–мае 1918 г.). Оставался на службе в Балтийском флоте, но на каких должностях — нам неизвестно.

В 1919 г. примкнул к участникам подготовки восстания в Петрограде и в октябре 1919 г. участвовал вместе с адмиралом М.К. Бахиревым и другими в совещаниях на квартире И.Р. Кюрца. Упоминается И.Р. Кюрцем в письме генералу Юденичу как участник совещания 29 октября 1919 г.¹ Согласно книге «Чекисты Петрограда...» план участников подготовки восстания предусматривал выступление «вместе с красноармейскими подразделениями, подготовленными к мятежу агитацией заговорщиков, отрядов Дьякова и Родионова, а также морского инженера подполковника Злобина»².

Капитан 2-го ранга М.А. Злобин был арестован и расстрелян «как заговорщик» в августе 1920 г. по приговору петроградской ЧК.

Лебедев Георгий Иванович

Подполковник

Родился 20 октября 1884 г. в Дагестанской области, сын поручика. Православный. Окончил Симбирский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (2 класса) в 1904 г., откуда выпущен подпоручиком в 1-ю Восточно-Сибирскую артиллерийскую бригаду. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» 27 ноября 1904 г., Св. Станислава 4-й степени с мечами и бантом 10 августа 1905 г., Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом 10 октября 1905 г. Произведен в поручики 11 сентября 1907 г. 13 октября 1909 г. зачислен в Михайловскую Артиллерийскую академию. 11 сентября 1911 г. произведен в штабс-капитаны. 12 мая 1912 г. окончил академию, произведен в капитаны и назначен в 1-й Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион¹.

На фронт Первой мировой войны выступил в составе 22-го армейского корпуса. Был ранен 15 октября 1914 г. в Августовских лесах. 26 ноября 1915 г. за отличие в делах против неприятеля произведен в подполковники. 11 января 1916 г. назначен командиром батареи 1-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригады.

С 29 апреля по 3 июня 1917 г. находился в командировке в Петрограде в качестве делегата Всероссийского съезда офицеров. 8 сентября 1917 г. постановлением бригадной Георгиевской Думы награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени за бой 9 июня 1917 г. После демобилизации остался служить в Красной Армии. Уволен по собственному желанию от службы 30 марта 1918 г.²

О дальнейшей судьбе подполковника Г.И. Лебедева известно лишь из книги «Чекисты Петрограда на страже революции». В ней говорится, что прибывший осенью 1919 г. в Петроград представитель штаба генерала Юденича полковник Ю.П. Герман «наладил» необходимые ему связи «через своего давнего знакомого бывшего подполковника Г.И. Лебедева, инспектора артиллерии Петроградского военного округа»³. Следовательно, подполковник Г.И. Лебедев не только вернулся в Красную Армию (по мобилизации?), но и достиг к осени 1919 г. довольно высокого поста в петроградском военном округе. Он был, очевидно, связан с петроградской организацией Национального Центра, подготовлявшей вооруженное выступление ко времени приближения Северо-Западной армии к окраинам города.

Политическим руководителем этой организации, как справедливо отмечают авторы упомянутой книги, был профессор В.Н. Таганцев, входивший ранее в Национальный Центр, а позже, в 1921 г., возглавлявший Петроградскую боевую организацию. Военными вопросами в ней ведал Г. Лебедев⁴.

Разумеется, авторы труда пытаются, в соответствии с принятым тогда штампом, связать подполковника Г.И. Лебедева с французской разведкой в лице Эмиля Божо, следуя рецептам статьи Г.Е. Зиновьева в «Ленинградской Правде» от 23 ноября 1919 г. (см. биографию Берга). Но упускается из виду значение, история и всероссийский состав Национального Центра, широко представленного не только в Политическом Совещании генерала Юденича, но и в Особом Совещании генерала Деникина и, конечно, в правительстве адмирала Колчака.

Таким образом Ю.П. Герману, благодаря Г.И. Лебедеву, удалось войти в связь с военной частью организации, уцелевшей после ареста инженера Штейнингера (одного из основателей Национального Центра в Петрограде). Участников этой военной организации мы перечислили в биографии Ю.П. Германа. Но, судя по следственным делам «заговорщиков», на которые ссылаются авторы «Чекистов Петрограда...», «...они сумели сколотить хорошо вооруженные и дисциплинированные отряды из кулацких элементов рабочих Путиловского, Обуховского заводов и некоторых других предприятий численностью от 30 до 150 человек»⁵.

По-видимому, Лебедев намеревался организовать взаимодействие этих отрядов, а также боевой группы на грузовиках Лихтермана (см. биографию Ю.П. Германа). Во всяком случае, уцелевшему представителю разведывательного отделения штаба Северо-Западной армии, выступившему в журнале св. князя Ливена под псевдонимом «Митрич» (см. биографию Ю.П. Германа), было известно, что «Герман помог гениальному плану (о нем когда-нибудь — потом)* полковника Георгия Ивановича Лебедева свернуть все команды на белый путь; кто помогал Лебедеву в расчетах и пристрелках как не Герман...»⁶ Можно только сожалеть, что «Митрич» так и не успел (в связи с закрытием журнала) рассказать о плане восстановления подполковника Г.И. Лебедева. Однако нет сомнения, что такой план имелся.

Подполковник Г.И. Лебедев был арестован и осужден петроградской губернской ЧК к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 11 января 1920 г. Лидер Национального Центра профессор В.Н. Таганцев, как и целый ряд лиц, вошедших позже в Петроградскую боевую организацию, тогда, в январе 1920 г., избежали ареста. Есть основания предполагать, что Г.И. Лебедев и о себе дал на допросах неверные сведения.

* Курсив мой. — Н.Р.

Люндеквист Владимир Яльмарович*

Полковник Генерального штаба

Родился 25 декабря 1884 г. в Санкт-Петербурге. Православного вероисповедания. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1912).

Из училища вышел в Лейб-гвардии Стрелковый Артиллерийский дивизион. Произведен в подпоручики 9 апреля 1905 г., в поручики 9 августа 1908 г. По окончании академии Генерального штаба награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Штабс-капитан. С 12 августа 1912 г. капитан по Генеральному штабу. С началом Первой мировой войны капитан Люндеквист назначен обер-офицером для поручений в штабе Гвардейского корпуса. В 1915 г., исполняя должность офицера для поручений в штабе корпуса, капитан Люндеквист стал ближайшим помощником командира корпуса генерал-адъютанта и генерала от кавалерии Владимира Михайловича Безобразова. Он сопровождал его вместе с адъютантом полковником Павлом Павловичем Родзянко (родным братом полковника Александра Павловича Родзянко) во всех поездках как в тылу, так и на фронте.

Популярный в гвардии и заботливый командир, генерал Безобразов был беспомощным в оперативных вопросах. Таким же был и начальник штаба Гвардейского корпуса, светский генерал граф Ностиц. Поэтому Безобразову, которому,

* Отчество полковника Люндеквиста во многих советских изданиях, в том числе и в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983), пишется «Эльмарович». Исключением является книга Н.Е. Какурина «Как сражалась революция» (первое издание М.-Л., 1926). Мы придерживаемся данных из Списка Генерального штаба (СПб., 1913) и секретного Списка Генерального штаба (Пг., 1917). — Н.Р.

по словам генерала Б.В. Геруа, «здорового смысла... было недостаточно, чтобы возместить отсутствие военно-научного образования», требовался молодой трудолюбивый офицер Генерального штаба. Таковым стал капитан В.Я. Люндеквист¹.

Неудивительно поэтому, что в 10 часов утра 12 июля 1915 г. генерал Безобразов записал в своем дневнике: «Капитан Люндеквист принес мне телеграмму генерала Леша (генерал от инфантерии Л.П. Леш, командовавший 3-й Русской армией, в составе которой находился Гвардейский корпус, требовал отрешения генерала Безобразова после конфликта с ним. — Н.Р.), объявляющую, что согласно приказа Верховного Главнокомандующего, я назначен в его распоряжение и что генерал Олохов должен принять командование корпусом»².

Вместе с тем Император Николай II, став Верховным Главнокомандующим, не оставил любимого им генерала Безобразова без дела. В конце 1915 г. началось формирование особой группы отборных войск под названием «Войск Гвардии». В нее вошли 1-й и 2-й Гвардейские корпуса (все 4 пехотные Гвардейские дивизии) и Гвардейская кавалерия, сведенная в Гвардейский Кавалерийский Корпус. Командующим Войск Гвардии был назначен генерал Безобразов. Предварительно ему было поручено проинспектировать войска гвардии как на фронте, так и находящиеся в тылу, в Петрограде, запасные батальоны. В ноябре 1915 г., генерал Безобразов приступил к объезду частей. Его сопровождали адъютант полковник П.П. Родзянко и капитан Люндеквист. 17 ноября 1915 г. генерал записал: «Я продолжаю свой объезд в том же составе. Капитан Люндеквист при мне для делопроизводства»³.

Вот дневниковая запись от 28 ноября 1915 г.: «Я пишу доклад с капитаном Люндеквистом», а на следующий день Безобразов пометил: «Я был занят вчера и сегодня работой над рапортом с капитаном Л[юндеквистом]. Окончил к вечеру, когда доклад был готов для печати»⁴.

Следующая запись говорит о крайне неприятном положении, в каком оказался генерал Безобразов и из которого он вышел только благодаря снисходительности Императора: «1 декабря, в 6 часов вечера я был вызван Государем в Царское Село. Печатание моего доклада о моей инспекции не было закончено, и я был вынужден докладывать Государю полтора часа по памяти, устно. Обо всем, что я видел... Государь приказал мне представить ему письменный доклад, как только он будет готов»⁵.

Медлительный (как мы увидим ниже) капитан Люндеквист не справился вовремя с подготовкой доклада в письменном виде, но благодаря мягкости и добродушию его начальника это не отразилось на его служебном положении.

5 декабря капитан Люндеквист сопровождал только что назначенного командующим Войсками Гвардии генерала Безобразова на пути из Царского Села в Могилев, в Ставку Верховного Главнокомандующего⁶. 11 декабря 1915 г. он с Безобразовым и тогда же назначенным начальником штаба графом Н.Н. Игнатьевым выехал из Могилева в Молодечно, где был расположен штаб Войск Гвардии⁷.

По прибытии в Молодечно на следующий день капитан Люндеквист был назначен на ответственную должность начальника оперативного отделения в составе генерал-квартирмейстерской части штаба Войск Гвардии. Его непосредственным начальником стал генерал-квартирмейстер полковник Владимир Николаевич Доманевский, талантливый офицер Генерального штаба и военный писатель, ставший впоследствии, в эмиграции, лектором Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов генерала Н.Н. Головина в Париже.

Однако полковник, а позже генерал Доманевский, обладая большой работоспособностью, зачастую лишал своих подчиненных инициативы, вызывая недовольство и начальника штаба генерал-майора графа Н.Н. Игнатьева, показывая его неподготовленность к оперативной работе в армейском масштабе (Н.Н. Игнатьев окончил академию Генерального штаба, но предпочел служить в строю, в своем Лейб-гвардии Преображенском полку, в котором накануне войны стал командиром). Назревал конфликт между начальником штаба и его генерал-квартирмейстером. В итоге генерал-майор граф Игнатьев настоял перед генералом Безобразовым на замене полковника Доманевского, предложив вместо него хорошо ему известного полковника Генерального штаба Бориса Владимировича Геруа, командовавшего в то время Лейб-гвардии Измайловским полком.

10 июня 1916 г. полковник Геруа прибыл в штаб Войск Гвардии и принял от полковника Доманевского должность генерал-квартирмейстера. Умный, опытный офицер Генерального штаба, и в то же время близкий генералам Безобразову и Игнатьеву как бывший паж и командир гвардейского полка, полковник Геруа (ставший вскоре генерал-майором)

сразу нашел, что штаб Войск Гвардии укомплектован совершенно неопытными в штабной работе офицерами, из которых только двое окончили академию Генерального штаба. Например, о конногвардейце Б. он пишет: «Имел самые наивные представления об организации армейской разведки и о составлении сводок. Первые же доклады показали, что он с делом не знаком...»⁸

Говоря, что «начальника оперативного отделения пришлось просить со стороны, из числа офицеров, которые имели уже в этом деле опыт»⁹, полковник Б.В. Геруа дает развернутую характеристику капитану В.Я. Люндеквисту: «Во главе оперативного отделения стоял подполковник Л[юндеквист] (Б.В. Геруа, писавший спустя много лет, уже в эмиграции, забыл, что тот был тогда капитаном. — Н.Р.) Генерального штаба, из финляндских уроженцев, едва не получивший от моего предшественника напутствие “выказывать больше выдержки”. Как раз в выдержке этому честному, усердному и военно-образованному офицеру никак нельзя отказать — недаром в нем текла скандинавская кровь. Но по той же причине это был сравнительно тяжелодум и медлитель, неподходящий к темпу оперативной работы»¹⁰. «Мне пришлось, — продолжает он, — начать с перемещения Л[юндеквиста] на более подходившую ему должность начальника разведывательного отделения и удаления Б. в распоряжение Безобразова»¹¹.

Но и на должности начальника разведывательного отделения капитан Люндеквист удержался недолго. В последние дни августа 1916 г., после неудачных боев на Стоходе, Войска Гвардии были переименованы в Особую Армию, а командование ею сменено. На место командующего и начальника штаба были назначены генерал от кавалерии Василий Иосифович Гурко — один из выдающихся начальников Русской армии и генерал-лейтенант Михаил Павлович Алексеев (однофамилец генерала Михаила Васильевича Алексеева), бывший начальником штаба 5-й армии, которой командовал генерал Гурко в период обороны ею Двинска.

Опытный глаз М.П. Алексеева сразу заметил «любительский характер» работы отделений штаба, за исключением оперативного. «Ввоз двинских специалистов, — признает генерал Геруа, — оправдал себя очень скоро... Для должной постановки разведывательного отделения был вызван подполковник Рузский, набивший себе руку на этом деле...»

Капитан же Люндеквист был «спущен вниз». Он был пе-

реведен из штаба армии в штаб 1-й гвардейской дивизии, где с 16 сентября 1916 г. занял должность старшего адъютанта. В 1917 г. был произведен в подполковники и одно время был и. д. начальника штаба дивизии. К концу 1917 г. вернулся к себе в Петроград. (Нам неизвестна дата его производства в полковники.)

Мобилизован в Красную Армию в феврале 1919 г. и назначен начальником штаба 1-й стрелковой дивизии. Согласно приложению к письму руководителя петроградского отделения Национального Центра Штейнингера генералу Родзянко от 5 марта 1919 г., захваченного на убитом под станцией Преображенская курьере Никитенко, Люндеквист был уже начальником штаба Петроградской группы 7-й армии под командованием Жданко. Этому штабу, находившемуся в доме № 47 по Морской улице (бывший дом Набоковых), подчинялся Карельский участок, где была расположена 19-я стрелковая дивизия, бригадой которой он временно командовал, крепость Кронштадт, небольшая полоса побережья Финского залива¹². Уже в этот период, т.е. в феврале—марте 1919 г., В.Я. Люндеквист был, согласно данным редакции «Красной Книги ВЧК» (М.И. Лациса), членом петроградской организации Национального Центра¹³.

С апреля 1919 г. командующий Олонецким фронтом. 3 июля 1919 г. В.Я. Люндеквист, ставший, видимо, во время майских событий на нарвском фронте известным председателю Реввоенсовета, был назначен начальником штаба 7-й красной армии. Кто и когда привлек полковника Люндеквиста к активной деятельности в пользу белой армии, сначала выразившейся в передаче военных сведений о Красной Армии (как, например, приложение к письму Штейнингера, найденное на убитом курьере), остается неизвестным. Согласно показаниям самого Люндеквиста после ареста в ноябре 1919 г., он был вовлечен в участие по подготовке восстания в Петрограде командиром 4-го минно-подрывного дивизиона В.И. Карповым¹⁴.

Но не вызывает сомнения, что это «признание» Люндеквиста объясняется тем, что он достоверно знал о переходе Карпова с его минно-подрывным дивизионом в Павловске 20 октября 1919 г. на сторону белых и, следовательно, не выдал никого из участников подготовки восстания, оставшихся в городе. Он до конца оставался честным, порядочным офицером, каким его знал и ценил генерал Безобразов.

Скорее всего, полковник Люндеквист вошел в Национальный

Центр или через самого возглавителя Петроградской организации Штейнингера, не выдавшего никого после ареста, или благодаря знакомству по гвардии с генералом М.Н. Суворовым, в свою очередь близким к А.В. Карташеву.

Начальнику штаба 7-й красной армии В.Я. Люндеквисту вместе с его ближайшими сотрудниками по штабу (начальник связи 7-й армии, бывший гвардейский офицер П.П. Авенариус, начальник оперативного отдела В.И. Тарковский, упоминаемые в книге «Чекисты Петрограда»¹⁵), удалось сформировать 3-ротный 4-й минно-подрывной дивизион бывшего офицера В.И. Карпова. «Он (этот дивизион), — пишут авторы книги, — состоял «сплошь из белогвардейцев» и не числился на учете нигде, даже в особом отделе 7-й армии»¹⁶.

Еще до 20 сентября 1919 г. полковник В.Я. Люндеквист отправил с курьером в штаб генерала Юденича свой первый план взаимодействия с Северо-Западной армией в период ее наступления на Петроград. Он признавал на допросе в ЧК: «Я развил мысль, по которой необходимо разрушить связь штаба армии с фронтом и Петроградом, разрушить провода во всех дорожных и шоссежных центрах и... тем временем, двинуться с дивизионом Карпова в Гатчину, захватить поездный состав, продвинуться до пункта, наиболее близко отстоящего от штаба 6-й дивизии, захватить штаб дивизии и отсюда двинуться на фронт. Я предполагал, что части, расположенные на фронте, потеряв управление из глубины, окажутся неустойчивыми и легко начнут поддаваться панике и беспорядку»¹⁷.

Этот первоначальный план был доработан в конце сентября, когда начальник штаба 7-й армии и его единомышленники объединились с группой морских офицеров во главе с адмиралом М.К. Бахиревым и организацией Ильи Романовича Кюрца, пользовавшимися поддержкой представителя французской разведки Эмиля Божо (он же полковник Мишель). Тогда, в октябре 1919 г., дивизион Карпова должен был захватить штаб 7-й красной армии в Царском Селе, единомышленники В.Я. Люндеквиста выступить в Красном Селе и Павловске, а в Ораниенбауме — Б.П. Берг со своим Морским воздушным дивизионом особого назначения.

В самом городе, помимо выступления боевиков — «хулиганов» Кюрца, отряд кавторанга Злобина должен был захватить телефонную станцию по Морской улице и гостиницу

«Астория», где жили многие видные коммунисты, а офицерские отряды Родионова и Дьяконова ворваться в здание петроградского ЧК на Гороховой и освободить заключенных. Планировалось также занятие вокзалов и, по мере возможного, Смольного¹⁸. С докладом об этих планах генералу Юденичу из Петрограда в Нарву отправился через фронт в ночь с 9 на 10 октября доверенный штаба Северо-Западной армии полковник Ю.П. Герман. Он имел при себе список нового Петроградского правительства, сформированного членом Национального Центра профессором Быковым. Полковника Германа сопровождали надежные и опытные курьеры: Паулин и Пиотровский — оба смелые и испытанные офицеры.

Однако уже 30 сентября из этого замысла выпало одно важнейшее, если не решающее, звено: полковник В.Я. Люндеквист был назначен начальником штаба (по некоторым данным уже 20 сентября, но оставался в штабе 7-й армии до прибытия его заместителя, до 30-го) 11-й армии, находившейся в Астрахани. Он не выполнил приказа, сказался больным и остался в Петрограде, оформив свою госпитализацию в клинике на Суворовском проспекте. Это не мешало ему регулярно присутствовать на собраниях участников подготовки восстания у И.Р. Кюрца, на его квартире на Малой Московской улице.

Отрыв от штаба 7-й армии полковника Люндеквиста не только нарушил его связь со своими единомышленниками в штабе, но привел к тому, что в решающие дни во время наступления Северо-Западной армии на предместья Петрограда, 4-й минно-подрывной дивизион Карпова прибыл в Царское Село для захвата штаба 7-й армии тогда, когда этот штаб уже перешел на новый командный пункт в Петрограде.

Это новое назначение полковника Люндеквиста вряд ли было случайным. Его личность вызывала подозрения советского партийного руководства. В этой связи характерно донесение Реввоенсовета 7-й армии за подписями А. Розенгольца, Г. Зиновьева и В. Шатова от 18 сентября 1919 г. (№ 621) на имя Троцкого и его заместителя Склянского: «Наштарм 7 — швед по национальности (Люндеквист), семья его в Крыму, кроме того, по заключению комиссара штаба, проникнут англофильством. При этих условиях считаем опасным оставление его на посту наштаба на фронте непосредственного соприкосновения с англичанами. Просим откомандировать его, заменив соот-

ветствующим заместителем»¹⁹. Возможно, именно этот документ и послужил поводом для откомандирования Люндеквиста.

Относительно назначения полковника Люндеквиста командующим всеми подготовленными вооруженными силами восставших общей численностью, согласно письму-докладу И.Р. Кюрца, в 600 человек²⁰, мы располагаем только его собственными показаниями после ареста 17 ноября, опубликованными в «Петроградской Правде» от 23 ноября 1919 г.: «На вопрос о том, кто должен командовать всеми вооруженными силами в момент восстания, отвечаю: вопрос этот формально не обсуждался, но, по-видимому всеми единодушно и молчаливо был признан я, с чем и соглашаюсь».

Опять полковник Люндеквист никого не называет, ссылаясь на «молчаливое» согласие, но едва ли он сам мог так легко согласиться на принятие командования, не получив по крайней мере подтверждения из штаба генерала Юденича. Как мы уже указывали, он был хорошо известен по службе с бессменным адъютантом генерала Безобразова полковником Павлом Павловичем Родзянко, братом командующего Северо-Западной армией. Но в своих воспоминаниях, вышедших в Берлине в 1921 году, генерал-лейтенант Александр Павлович Родзянко, вероятно, сознательно ни единым словом не упоминает ни о деятельности разведывательного отделения своего штаба, ни о ком-либо, имеющем отношение к подготовке восстания в Петрограде.

Решение о выступлении, во всяком случае, лежало на плечах полковника Люндеквиста. Если верить его показаниям на следствии, он получил директиву из штаба генерала Юденича, с указанием, «чтобы выступление было в тот момент, когда войска Юденича будут подходить к Обводному каналу»²¹.

Судя по приказам самого генерала Юденича о переброске 1-й дивизии, а затем и половины 4-й из-под Луги в Гатчину, в его штабе все еще рассчитывали в самом конце октября на восстание в Петрограде и, оголяя свой тыл и фланг, стремились удержать ближайшие подступы к Петрограду.

Наиболее благоприятный момент для восстания был тогда, когда 20–21 октября войска Северо-Западной армии достигли окраины Лигова, вели бои за Пулково и заняли Царское Село и Павловск. Но полковник Люндеквист не решился в эти дни отдать приказ о начале восстания, хотя и он, и его единомышленники не могли не понимать, что в этот момент даже небольшая гиря могла дать перевес на чаше весов в пользу белых.

Мы склонны думать, что объяснение этой пассивности заключено в характеристике, которую дал честному и порядочному офицеру его бывший начальник по службе в Войсках Гвардии генерал Б.В. Геруа: «...это был сравнительно тяжелодум и медлитель»²². Во всяком случае у него не было природных качеств вождя, о которых писал Пушкин: «Исполнен дерзости и сил, минуты вспышки торопил» (о декабристе Сергее Муравьеве-Апостоле).

Полковник В.Я. Люндеквист не был выдан своими сообщниками после отступления Северо-Западной армии. Он был арестован скорее случайно. 9 ноября 1919 г. на Мальцевском рынке, что на Бассейной улице, шла обычная для тех времен облава. Во время нее была задержана шестнадцатилетняя дочь И.Р. Кюрца, Маргарита. Она делала вид, что торгует игральными картами, разложенными таким образом, что по ним давались сигналы сообщникам организации Кюрца. При виде милиции она так растерялась, что обронила маленький пистолет, который неосторожно взяла с собой²³. Милиция передала ее в ЧК. Ее арест привел к обыску у И.Р. Кюрца. Как сообщают авторы книги «Чекисты Петрограда...», И.Р. Кюрц «вообще отрицал какое-либо свое участие в деятельности контрреволюционного подполья»²⁴. Но его дочь не отрицала визитов гостей к отцу, в том числе стриженного «под ежик» коренастого Владимира Яльмаровича.

«Экзотическое отчество»²⁵, как пишут авторы «Чекистов Петрограда...», позволило догадаться в ЧК, что оно принадлежит бывшему начальнику штаба 7-й армии. Его нашли в клинике на Суворовском. Поняв в чем дело, полковник Люндеквист попытался бежать, выпрыгнув из окна второго этажа. Но больница была окружена.

И книга «Чекисты Петрограда...», и «Красная Книга ВЧК», и Н.А. Корнатовский цитируют отрывочно отдельные фразы из следственного дела полковника В.Я. Люндеквиста. Но само дело никогда не было опубликовано, и доступ к нему был закрыт. Оно, являясь без сомнения важным источником для исследования подготовки восстания в Петрограде, осталось для нас недоступным.

Владимир Яльмарович Люндеквист был расстрелян как «заговорщик» по приговору петроградской ЧК 11 января 1920 г.

Медиокритский Василий Евгеньевич Подполковник Генерального штаба

Родился 5 июля 1881 г. Сын коллежского асессора Костромской губернии. Православный. Окончил полный курс Гатчинского сиротского Института, Московское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1913).

Высочайшим приказом от 10 августа 1902 г. произведен в подпоручики и вышел в 8-й Финляндский стрелковый полк. С 30 января 1902 по январь 1903 г. — временно командующий 3-й ротой, а затем, в апреле 1903 г. временно исполнял должность батальонного адъютанта 1-го батальона.

По собственному желанию командирован в распоряжение командующего Маньчжурской армией, куда отправился 28 августа 1904 г. Приказом по войскам Маньчжурской армии за № 718 от 4 октября 1904 г. переведен в 18-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и принял временное командование 1-й ротой. Во время Мукденского сражения с 18 февраля по 22 февраля 1905 г. — комендант 5-го редута. Приказом Главнокомандующего от 10 октября 1905 г. за отличия в боях с 13 по 28 февраля 1905 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Произведен в поручики 4 сентября 1905 г. Приказом по войскам 1-й Маньчжурской армии от 30 октября 1905 г. «За отличия, оказанные одновременно в делах против японцев», награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Особенно отличился в феврале 1905 г., действуя в составе отряда генерал-лейтенанта Засулича.

Уже после окончания войны, 15 января 1907 г. Высочайшим приказом пожаловано золотое оружие с надписью «За храбрость»¹. С декабря 1905 г. по февраль 1906 г. был временно прикомандирован к 13-му Восточно-Сибирскому стрелково-

му полку. По возвращении из командировки 15 января 1906 г. назначен начальником учебной команды.

9 февраля 1906 г. отправлен к месту своей штатной службы, принял временное командование 8-й ротой. 10 сентября 1910 г. произведен в штабс-капитаны. Во время лагерных сборов под городом Вильманштрадом одновременно исполнял обязанности ктитора лагерной церкви. 25 августа 1910 г. командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для экзаменов. Успешно выдержав их, приказом по Генеральному штабу за № 28 от 2 октября 1910 г. был зачислен в младший класс академии. Окончил ее по 1-му разряду в 1913 г. и за успехи в науках награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

18 мая 1913 г. причислен к Генеральному штабу и командирован к штабу Кавказского военного округа. 30 июля 1913 г. назначен для письменных занятий в разведывательном отделении генерал-квартирмейстера штаба округа. Штабс-капитан В.Е. Медиокритский не мог не быть представлен генералу Юденичу, ставшему в марте 1913 г. начальником штаба округа. Согласно предписанию штаба Кавказского военного округа № 4115 от 15 июля 1913 г. командирован в город Соудж-Булаг для разведки.

В марте 1914 г. прикомандирован для цензового командования ротой к 77-му Тенгинскому полку, куда и прибыл 31 марта того же года, приняв 6-ю роту. Вследствие объявления мобилизации сдал роту 18 июля 1914 г. и прибыл в штаб 20-й пехотной дивизии 19 июля 1914 г. для исполнения должности старшего адъютанта штаба дивизии.

В ноябре (с 16 по 22) и декабре 1914 г. (с 6 по 10) — и. д. начальника штаба дивизии. Во время Сарыкамышского сражения участвовал в отражении войск 1-го турецкого Константинопольского корпуса, наступавшего на Ардаган. 4–5 ноября участвовал в отражении турецких атак у поселка Ид. 9 декабря 1914 г. был в бою за поселок Ольты, занимаемый бригадой 20-й дивизии под командованием генерал-лейтенанта Н.М. Истомина. 2 декабря 1914 г. произведен в капитаны по Генеральному штабу.

Далее в послужном списке говорится, что 21 декабря 1914 г. капитан Медиокритский участвовал в бою при взятии Ардагана. Генерал Е.В. Масловский в своем труде² утверждает, что командир Сибирской казачьей бригады генерал Калитин

решил атаковать турок, занявших 17 декабря 1914 г. Ардаган, не ожидая подхода от Мерденека бригады 20-й дивизии генерала Истомина. Рано утром 22 декабря 1914 г. сибирские казаки атаковали и овладели Ардаганом, обратив в бегство части 3-й дивизии турок. Весьма вероятно, что капитан Медиокритский, как знающий обстановку на Ольтинском направлении, был послан генералом Истоминым в распоряжение генерала Калитина, незадолго до того прибывшего из Сибири.

За участие в Сарыкамышском сражении капитан Медиокритский был награжден дважды: приказом Главнокомандующего Кавказской армии № 85 от 19 февраля 1915 г. — «За отличия в делах против турок» орденом Св. Анны 2-й степени с мечами и приказом № 222 от 8 апреля 1915 г. «За отличия в делах против турок», мечами к ордену Св. Станислава 2-й степени.

После разгрома 3-й турецкой армии под Сарыкамышем Ставка распорядилась о переброске ряда частей Кавказской армии на Западный фронт. В их числе в апреле 1915 г. была переброшена и 20-я пехотная дивизия.

Она находилась в непрерывных боях во время отхода русских армий из Галиции в мае–июле 1915 г. Послужной список капитана Медиокритского содержит многочисленные названия населенных пунктов, в боях за которые он участвовал, будучи старшим адъютантом 20-й дивизии и неоднократно временно заменяя начальника штаба дивизии.

Высочайшим приказом от 15 августа 1916 г. произведен в подполковники и, согласно предписанию, прибыл 24 августа того же года в штаб Северного фронта, находившийся в Пскове. Был назначен помощником начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта. По некоторым данным (а прежде всего согласно воспоминаниям членов семьи генерала В.Г. Болдырева), был близок по умонстроеию к генерал-квартирмейстеру штаба Северного фронта генералу Василию Георгиевичу Болдыреву и спустя два года, возможно, через него связался с Союзом возрождения России и Национальным Центром.

После перемирия с немцами в декабре 1918 г. остался в Пскове и в июне 1918 г., при формировании Псковской дивизии Красной Армии на основе псковского участка Северной «Завесы» был назначен начальником штаба Псковской дивизи-

зии под командованием бывшего генерал-майора Генерального штаба В.А. Ольдерогге³. Нам остались неизвестными обстоятельства и время перевода В.Е. Медиокритского с должности начальника штаба дивизии на ответственный пост начальника сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота, на котором его застали события, связанные с осенним наступлением Северо-Западной армии на Петроград.

Однако не исключено, что он находился в связи со штабом генерала Юденича, поддерживая контакт через организацию Б.П. Берга (см. его биографию). Если В.Е. Медиокритский и знал о подготовке восстания в Петрограде организациями, группировавшимися вокруг полковника В.Я. Лундеквиста и адмирала М.К. Бахирева, то по-видимому действовал самостоятельно, пользуясь своим влиянием как в штабе Балтийского флота, так и в сухопутных частях в Кронштадте и на побережье Финского залива. Ближайшим соратником В.Е. Медиокритского был начальник воздушной обороны Петрограда С.А. Лишин, а также его сотрудники по штабу Балтийского флота — начальник оперативного отдела флота Н.А. Эрикссон, флаг-секретарь штаба флота В.А. Германович, летчик Б.Ф. Копыловский⁴. «От Лишина, Медиокритского и их штабных сообщников, — пишут авторы «Чекистов Петрограда...», — нити заговора и шпионажа тянулись еще далее, к тем фронтовым частям, командование которых замыслило измену»⁵.

Если опустить неизбежный для времени написания названной книги термин «шпионаж» (едва ли применимый к В.Е. Медиокритскому, который, будучи еще молодым поручиком, получил редкую для его чина награду — золотое оружие «За храбрость» во время Русско-японской войны), то сама схема, видимо, верна. Скорее всего, ее имел в виду лейтенант В.В. Дитерихс, указывая в период отступления Северо-Западной армии генералу Владимирову на возможность взаимодействия с частями 7-й красной армии, пока сохраняется связь с организацией Берга.

В ночь с 4 на 5 ноября 1919 г. курьер, представленный Лихтинным Бергу для переправки через фронт в штаб генерала Юденича — подпоручик М.М. Шидловский — был заманен в ловушку ЧК по недосмотру Берга и доставлен в Ораниенбаумское отделение ЧК. В его сапоге были зашиты важные документы, в том числе разработанный В.Е. Медиокритским план нового перехода в наступление Северо-Западной армии. «Для

того, чтобы исправить положение, — говорилось в этом плане, — необходимо наступать тремя колоннами: 1-я колонна численностью в 3–4 тыс. должна двигаться во фланг такой-то (в тексте, опубликованном в «Петроградской Правде», опущен номер дивизии. — Н.Р.), 2-я колонна... должна наступать между Гатчиной и названной дивизией на Красное Село, в расчете на неустойчивость этого участка; 3-я колонна на Колпино, т.к. колпинский кулак (ударная группа С.Д. Харламова. — Н.Р.) красных рассосался»⁶.

Помимо этого у М.М. Шидловского было найдено «...подробное описание фронта с указанием частей, комсостав которых готов немедленно открыть фронт Юденичу»⁷.

Но уже 5 ноября 1919 г. Б.П. Берг был арестован. Вслед за ним были арестованы В.Е. Медиокритский, С.А. Лишин и другие. Никаких данных о следствии по делу В.Е. Медиокритского никогда не публиковалось.

Подполковник Василий Евгеньевич Медиокритский был расстрелян «как заговорщик» по приговору петроградской ЧК 16 января 1920 г.

Сахаров Николай Иванович
Лейтенант флота

Родился 11 апреля 1892 г. Сын статского советника. Уроженец Санкт-Петербургской губернии. Обучался в Санкт-Петербургской Александровской гимназии. 25 июня 1912 г. зачислен в младший специальный класс Морского корпуса. Произведен в корабельные гардемарины 4 ноября, а затем в мичманы 11 ноября 1914 г. 15 ноября 1914 г. зачислен в Балтийский флотский экипаж и временно и. д. командира 21-й роты отряда новобранцев. 12 января 1915 г. назначен вахтенным офицером на эскадренный миноносец «Стерегущий». В марте 1915 г. — вахтенный начальник на эскадренном миноносце «Амурец», а затем — вахтенный офицер на линейном корабле «Слава». 15 октября 1915 г. назначен на приморский фронт морской крепости Императора Петра Великого (район Ревеля) старшим офицером 2-й роты 2-го батальона и командиром батареи № 31. 4 марта 1916 г. утвержден в должности командира батареи № 31. В 1917 г. произведен в лейтенанты.

Мы не располагаем сведениями о том, когда и каким образом лейтенант Н.И. Сахаров попал из крепости Императора Петра Великого в Петроград. Но в Петрограде он вошел в группу участников подготовки восстания при адмирале Бахиреве.

Лейтенант Николай Иванович Сахаров был арестован и расстрелян как «заговорщик» по приговору петроградской ЧК 28 февраля 1920 г.

Смирнов Владимир Матвеевич
Лейтенант флота

Родился 11 июля 1889 г. в Кронштадте. Из потомственных дворян Калужской губернии. Поступил воспитанником в Морской кадетский корпус 1 сентября 1902 г. Переведен в младший специальный класс Морского корпуса 7 мая 1907 г. 29 марта 1909 г. произведен в мичманы и зачислен в 1-й Балтийский флотский экипаж. 26 апреля 1909 г. назначен на броненосный крейсер «Россия». 21 апреля 1911 г. стал вахтенным начальником на канонерской лодке «Храбрый».

Зачислен слушателем минного офицерского класса 7 ноября 1911 г., окончив его успешно в 1912 г. В декабре 1912 г. произведен в лейтенанты и назначен минным офицером крейсера «Баян». Переведен на учебное судно «Николаев». С 17 февраля 1914 г. преподаватель минного офицерского класса учебно-минного отряда. 19 августа 1914 г., в связи с мобилизацией, назначен групповым минным офицером 4-го дивизиона эскадренных миноносцев. 6 апреля 1914 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а уже во время войны в конце года получил мечи и бант к этому ордену.

С 18 сентября 1915 г. служил минным офицером эскадренного миноносца «Победитель». За успешные действия в Балтийском море и за постановку мин награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1916) и назначен 29 сентября 1916 г. и. д. 3-го флагманского минного офицера штаба начальника минной дивизии. Оставлен на этой должности до 31 декабря 1917 г.

В 1919 г. примкнул к участникам подготовки восстания в Петрограде и в октябре 1919 г. готовил вместе с другими

осуществление замысла адмирала Бахирева по захвату судов, вошедших в Неву. Упоминается в числе других участников совещания на квартире И.Р. Кюрца в письме последнего генералу Юденичу от 29 октября 1919 г.

Лейтенант Владимир Матвеевич Смирнов был арестован и расстрелян «как заговорщик» по приговору петроградской ЧК 11 января 1920 г.

Шмидт Александр Александрович Лейтенант флота

Родился 23 ноября 1890 г.¹ Из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Уроженец Кронштадта.

Окончил Морской корпус в 1910 г. Произведен в мичманы 6 декабря 1910 г. С января 1911 г. — вахтенный офицер на линейном корабле Черноморского флота «Иоанн Златоуст». В феврале 1912 г. переведен в Балтийский флот и назначен вахтенным начальником на линейном корабле «Александр II». В 1913 г. переведен на Амурскую речную флотилию артиллерийским офицером на канонерскую лодку «Шторм». 6 апреля 1914 г. произведен в лейтенанты и временно исполнял должность флагманского артиллерийского офицера Амурской флотилии.

В октябре 1916 г. переведен в Балтийский флот². В 1917 и в начале 1918 г. служил артиллерийским офицером на одном из эскадренных миноносцев 3-го дивизиона. Демобилизован весной 1918 г. после ледяного похода Балтийского флота в Кронштадт.

В 1919 г. вошел в подпольную организацию И.Р. Кюрца и неоднократно выступал в качестве курьера³ между И.Р. Кюрцем и штабом генерала Юденича в Финляндии, а затем — разведывательным отделом штаба Северо-Западной армии. Осенью 1919 г. не вернулся в Петроград, а остался по-видимому при Морском походном штабе в Нарве.

После ликвидации Северо-Западной армии переехал в Финляндию. Во время Кронштадтского восстания в марте 1921 г. находился вместе с капитаном 1-го ранга П.В. Вилькеном в Кронштадте, откуда одним из последних ушел по льду в Териоки. В начале 20-х годов переехал во Францию. Скончался в Париже 21 февраля 1948 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Примечания

Н.Н. Юденич

1. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. К 50-летию юбилею в офицерских чинах. — Париж: Изд. Парижского Юбилейного Комитета, 1931. С. 60.
2. Здесь и далее: Послужной список 1908 г. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 34023. Послужной список 348—333 и Ф. 407. Оп. 1. Д. 17. Л. 141, а также данные согласно справке РГВИА № 1692 от 28.12.1999.
3. Речь генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева в Париже. 22 августа 1931 г. // Генерал от инфантерии Юденич. К 50-летию юбилею... С. 25.
4. Цит. по: *Геру А.В.* Поразил-победил // Генерал от инфантерии Юденич. К 50-летию юбилею... С. 85—95.
5. Там же. С. 89.
6. *Масловский Е.*, ген. Генерал Н.Н. Юденич — краткая справка о службе // Часовой. 1931, 9 августа. № 61.
7. Генерал от инфантерии Юденич. К 50-летию юбилею... С. 83.
8. *Масловский Е.В.*, ген. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917. — Париж: Возрождение, 1933. Приложение № 1 «О формировании оперативного отделения в штабе Кавказского военного округа». С. 429—430.
9. Там же. С. 84.
10. *Штейфон Б.А.* Юденич. К 25-летию штурма Эрзерума // Русский Народный Вестник. Вып. XII. — Белград, 1941.
11. *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 105 и далее.
12. Там же. С. 111.
13. Там же. С. 181.
14. Там же. С. 255.
15. *Штейфон Б.А.* Указ. соч. С. 8.
16. *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 259.
17. Письмо генерала Н.Н. Юденича адмиралу В.К. Пилкину от 4 апреля 1921 г. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Переписка с В.К. Пилкиным. Коробка 2. Arranged Correspondence.
18. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.
19. Там же. Л. 9—12.
20. Там же. Л. 13.
21. Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства Иностранных дел. — М.: Литиздат НКВД, 1925. С. 252.
22. Раздел Азиатской Турции. — М.: Изд. НКВД, 1924. С. 185—186.
23. Часовой. 1962. № 437.
24. Белое Дело: Летопись Белой борьбы: Материалы, собр. и разработ. бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и Светл. князем А.П. Ливенком / Под ред. А.А. фон Лампе. Т. 4. — Берлин: Медный всадник, 1928. С. 215.
25. Служба Связи Ливенцов и Северозападников (Рига). 1931, апр. № 4. С. 33. (Далее — Служба Связи...)
26. *Драбкина Е.* Золотая осень // Новый мир (Москва). 1960. № 4. С. 16.
27. *Гарденин М.Ф.* Воспоминания. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 1. Е-63. С. 25.
28. Там же. С. 24.
29. Позже — генерал от инфантерии финской армии. См.: *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. С. 276—277.
30. Долгое время состоял в полковом объединении Лейб-гвардии Семеновского полка. См.: *Волков С.В.* Указ. соч. С. 553.
31. *Рупасов А.И.* К.Г.Э. Маннергейм и «Русский вопрос» (конец 1918 — лето 1919) // Зарубежная историография интервенции на Северо-Западе России в 1918—1920 гг. Автореферат на соискание ученой ст. кандидата ист. наук. СПб., 1993. С. 147.
32. *Томилов П.А.* Северо-западный фронт гражданской войны в России 1919 года. Очерк, составленный на основании документов архива Северо-западного фронта. С. 19—20. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция П.А. Томилова. Коробка 1—2. 1919 г.
33. Там же. С. 16.
34. Journal Officiel. 1918. P. 3716 (2-я колонка).
35. *Churchill W.S.* The war crisis. The Aftermath. — London, 1929. P. 166.
36. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 5. — Берлин, 1926. С. 21.
37. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 27.
38. Там же. С. 28.
39. Там же. С. 33.
40. Выдержка из дневника контр-адмирала В.К. Пилкина, полученная автором от дочери адмирала Веры Владимировны Пилкиной 2 января 1986 г.
41. Колчак и Финляндия // Красный Архив. 1929. Т. 2 (33). С. 108.
42. Там же. С. 112.
43. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Переписка с В.К. Пилкиным. Коробка 2—4.
44. Колчак и Финляндия... С. 108.
45. Там же. С. 110.
46. Комиссаром при нем состоял известный финский коммунист Э.А. Рахья, один из бывших командующих финской Красной Гвардией, разгромленной генералом Маннергеймом весной 1918 г.
47. Красная Книга ВЧК. Изд. 2-е. Т. 2. — М.: Политиздат, 1989. С. 230—231 (первое издание, запрещенное многие годы, вышло в Москве в 1922 г.).
48. Там же. С. 231.
49. *Надежный Д.Н.* На подступах к Петрограду летом 1919 г. — М., Л.: ГИЗ: Отдел воен. лит-ры, 1929. С. 34.
50. *Meri V.* Suomen marsalka C.G. Mannerheim. Porvo, Helsinki, Yuva 1989. С. 60.
51. Цит. по: *Рупасов А.И.* К.Г.Э. Маннергейм и «Русский вопрос» (конец 1918 — лето 1919) // Зарубежная историография интервенции на Северо-Западе России в 1918—1920 гг. Автореферат на соискание ученой ст. кандидата ист. наук. СПб., 1993. С. 157.
52. До сих пор согласно русскому изданию: *Маннергейм К.Г.* Мемуары. — М.: Вагриус, 1999. С. 178. Далее цитата, начинающаяся словами «Если Петроград будет взят без нашего участия», в силу неточности и сокращений в русском переводе, взята из французского издания, переведенного со шведского: *Perret J.-L.* Les Mémoires du Maréchal Mannerheim. — Paris: Hachette, 1952. P. 149. Перевод с французского наш.
53. *Маргулис М.С.* Год интервенции. Кн. 2. — Берлин: Изд. З.И. Гржебина, 1923. С. 164.

54. Цит. по: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (Октябрь 1917–1920). – М.: Наука, 1982. С. 266.
55. Пролетарская революция. 1926. № 1. С. 144.
56. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 319. Л. 115.
57. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 40–41.
58. Там же. С. 49.
59. Колчак и Финляндия... С. 91.
60. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 319. Л. 4.
61. Там же. Л. 13–13 об.
62. Там же. Д. 579. Л. 97.
63. *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной Армии. – Берлин, 1921. С. 62.
64. Там же. С. 63.
65. Там же. С. 65.
66. *Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 165 (согласно исследованию Ahti M. Salaliiton Ääriivivat... 1918–1919. Espoo 1987. С. 160).
67. *Томилов П.А.* Указ. соч. Приложение № 1 к главе I. С. 53 и далее.
68. Там же.
69. Там же.
70. Колчак и Финляндия... С. 135–136.
71. Там же. С. 136–137.
72. *Ahti M. Salaliiton Ääriivivat* С. 190. Цит. по: *Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 170.
73. *Родзянко А.П.* Указ. соч. Приложение № 10 «Мой проект, должный ген. Юденичу и ген. Лайдонеру». С. 142–143.
74. Там же. С. 143.
75. Там же. С. 144.
76. Там же. С. 83.
77. Там же. С. 83.
78. Там же. С. 83.
79. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 11. Дело 61. С. 136.
80. Там же.
81. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 83.
82. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 341.
83. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 76.
84. Там же. С. 75.
85. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 339.
86. *Manstein V. Erich, Generalfeldmarschall. Verlorene Siege.* Menden: Bernard Verlag, 1981. S. 194.
87. Ibid. S. 194.
88. Ibid. S. 195.
89. *Walter Chales de Beaulieu. Der Vorstoss der Panzergruppe 4 auf Leningrad – 1941.* Neckargemund: Kurt vovinkel Verlag, 1961. S. 70.
90. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 58.
91. Там же. С. 65.
92. *Надежный Д.Н.* Указ. соч. С. 94.
93. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 203.
94. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 319. Л. 26.
95. Там же. Д. 334. Л. 71.
96. Образование Северо-западного Правительства. Объяснения членов Политического Совещания при Главнокомандующем Северо-западным фронтом: В.А. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. – Гельсингфорс, сентябрь 1919. С. 4–5.
97. Там же. С. 4–10.
98. Там же. С. 8.
99. Там же. С. 10.

100. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 86.
101. Там же. С. 87.
102. Там же. С. 86.
103. *Гарденин М.Ф.* Воспоминания... С. 35.
104. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 280. Л. 82.
105. *Ливен А.П.*, Светл. кн. Основание отряда // Памятка Ливенца. 1919–1929. – Рига, 1929. С. 33.
106. *Авалова П.М.* В борьбе с большевизмом: Воспоминания ген.-майора кн. П.Авалова, б. командующего рус.-нем. зап. армией в Прибалтике. – Глюкштадт; Гамбург: Изд-во и тип. А.А. Аугустина, 1925. С. 154.
107. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 95.
108. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 373; см. также приложение к главе IX, С. 422 и далее.
109. *Кондзеровский П.К.*, ген.-лейт. В ставке Верховного, 1914–1917: Воспоминания Дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. – Париж: Изд. журнала «Военная Бель», 1967. С. 12–13.
110. Красная Книга ВЧК. Т. 2. С. 226–244.
111. *Корнатовский Н.А.* Первое наступление белогвардейцев на Петроград // Красная летопись. 1928. № 2–3; Он же. Борьба за Красный Петроград (1919 г.) – Л.: 1929; Он же. Заговор против социалистической родины // Красная Летопись. 1937. № 3; Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. – Л.: Лениздат, 1972.
112. Чекисты Петрограда на страже революции / Сост. Кутузов В.А. и др. Кн. 2. – Л.: Лениздат, 1989 (далее – Чекисты Петрограда...).
113. Эти косвенные сведения содержатся в материалах фигурантов по делу «Весна» (1930–1931 гг.) — так называемого «контрреволюционного офицерского заговора», по которому, кстати, проходили и победители Юденича — Н.Д. Надежный и С.Д. Харламов.
114. *Томилов П.А.* Северо-западный фронт гражданской войны в России 1919 года. (Очерк, составленный на основании документов архива Северо-западного фронта.) Рукопись. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция П.А. Томилова. 2 коробки.
115. *Гарденин М.Ф.* Воспоминания... С. 40.
116. Письмо-доклад И.Р. Кюрца ген. Юденичу от 29 октября 1919 г. Здесь и далее — архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 18. Дело III. Нам не удалось собрать сведения относительно биографии Ильи Романовича Кюрца. Известно, что он преподавал до войны в Коммерческом училище и проживал на Мало-Московской улице в Петрограде. К подготовке восстания был привлечен, возможно, офицерами, связанными с В.Я. Люндеквистом. Вероятно, поручиком Карповым и штабс-капитаном Лодыженским.
117. Очевидно, речь идет об Эмиле Бажо: Чекисты Петрограда... С. 146.
118. Письмо-доклад И.Р. Кюрца от 29 октября 1919 г. Там же.
119. Чекисты Петрограда... С. 149.
120. Там же. С. 148.
121. Там же. С. 149.
122. Там же. С. 158.
123. Петроградская Правда. 1919, 23 ноября, а также: Чекисты Петрограда... С. 158.
124. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920. – М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 300.
125. Там же.
126. Чекисты Петрограда... С. 150.
127. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 95.
128. *Томилов П.А.* Указ. соч. глава IX. С. 2, а также приложение № 23 к главе IX.
129. *Драгилев В.* Второе наступление Юденича на Петроград // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. Кн. 2. 1922, май. С. 53.

130. Томилов П.А. Указ. соч. Приложение № 23 к главе IX. После с. 422.
131. Кузьмин-Караваев Д.Д., ротм. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи кохода: Записки белого офицера. — Гельсингфорс, 1920. С. 27.
132. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 15: Полевые книжки 3-й стрелковой дивизии о боях в г. Павловске. Л. 60. Подробнее см. биографию ген. Ветренко.
133. Ярославцев М.В., ген.-майор. Вторая стрелковая дивизия в боях под Петроградом (5 авг.—1 дек. 1919 г.) // Служба Связи... 1932, сент. № 6. С. 16.
134. ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2947. Л. 9. Цит. по: Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918—1920 гг. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 364.
135. См.: Смолин А.В. Указ. соч. С. 369. Коллекция М.Н. Гирса, Н.А. Бер — К.Н. Гулькевичу.
136. Маннергейм К.Г. Указ. соч. С. 178.
137. Директива Главного Командования командованию 7-й армии о создании группы в районе Петрограда для окончательного разгрома армии Юденича. 17 октября 1919 г. 15 час. 30 мин. // Директивы Главного Командования Красной Армии (1917—1920). Сб. док. — М.: Воениздат, 1969. С. 393.
138. Запись разговора по прямому проводу Главкома с командующим фронтом В.М. Гиттисом // Там же. С. 394—396.
139. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 404.
140. Рыбаков М.В. Из истории Гражданской войны на северо-западе в 1919 г. М., 1958. С. 139.
141. Кузьмин-Караваев Д.Д. Указ. соч. С. 38.
142. Ярославцев М.В. Указ. соч. С. 18.
143. Дыдоров К., полк. Формирование русского отряда // Памятка Ливенца... С. 59.
144. Куприн А.И. Купол св. Исаакия Далматского // Куприн А.И. Золотой петух. Повести, рассказы, публицистика. — М.: Панорама, 1999. С. 426 и далее.
145. Какурин Н.Е. Указ. соч. С. 308.
146. Драгилев В. Указ. соч. С. 63.
147. Там же. С. 62.
148. Запись разговора по прямому проводу с командующим фронтом В.М. Гиттисом // Директивы Главного Командования Красной Армии. С. 395.
149. Пилкин В.К., контр.-адм. Два адмирала // Морские Записки (Нью-Йорк) / Под редакцией ст. лейт. барона Г.Н. Таубе. Издание Общества Русских морских офицеров в Америке. Том IX. 1951, дек. С. 67.
150. С адмиралом Пилкиным не во всем согласен другой хорошо знавший адмирала Бахирева морской офицер — его бывший флаг-офицер, капитан 2 ранга П.Н. Крыжановский. В своей статье об адмирале Бахиреве, написанной в весьма критических тонах, как о представителе устаревшего поколения моряков «парусного флота», автор, находившийся в 1919 г. в Петрограде, повторяет со слов офицера, у которого жил М.К. Бахирев, «что сидение в ЧК (повидимому после первого ареста на квартире у капитана 1 ранга П.Н. Плена в августе 1918 г. — Н.Р.) и ожидание потом ареста и расстрела совсем сломили Бахирева». Оговоримся, что капитан Н.Н. Крыжановский не сообщает имени офицера, поделившегося с ним этими впечатлениями об адмирале. См.: Крыжановский Н.Н., кап. 2 ранга. Адмирал Михаил Коронатович Бахирев и его современники // Морские Записки (Нью-Йорк). Т. XXI. № 58. 1963, сент. С. 71.
151. Чекисты Петрограда... С. 149.
152. Томилов П.А. Указ. соч. Глава X. С. 7.
153. Там же. С. 415—416.
154. Рыбаков М.В. Указ. соч. С. 132.
155. Ярославцев М.В. Указ. соч. С. 20.
156. Томилов П.А. Указ. соч. Глава II. С. 28.

157. Там же.
158. Гроссен (Нео-Сильвестр) Г.И. Агония Северо-западной армии: (Из тяжелых воспоминаний) // Историк и Современник: Ист.-лит. сб. / Ред. И.П. Петрушевский. Т. 5. — Берлин, 1924. С. 135.
159. Там же. С. 140.
160. Там же. С. 140.
161. Там же. С. 146.
162. Томилов П.А. Указ. соч. Глава XI. С. 41—42.
163. Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. — Берлин: Гамаюн, 1923. С. 355.
164. Томилов П.А. Указ. соч. С. 514.
165. Там же. С. 515.
166. Там же. С. 514.
167. Там же. (Факсимиле французского текста. Перевод наш.)
168. Маргулис М.С. Указ. соч. С. 165—166.
169. Часовой. 1962, окт. № 10 (437).
170. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 1. Cataloged Correspondence. Алексинский Григорий А.
171. Там же.
172. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коробка 1. Cataloged Correspondence. Яхонтов Аркадий Н.
173. Томилов П.А. Указ. соч.
174. Масловский Е.В. Воспоминания. Некоторые страницы моей жизни. Рукопись. Копия из личного архива автора.
175. Часовой. 1931, 1 сент. № 63.
176. Часовой. 1933, май. № 103/104.
177. Цит. по выдержке из статьи генерала Б.А. Штейфона в «Военном Сборнике», приведенной в юбилейном сборнике: Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. К 50-летию юбилею... С. 100.
178. Часовой. 1958, февр. № 4 (384).

Е.К. Арсеньев

1. Часовой. 1938, 15 июля. № 216.
2. Здесь и далее: Русский Инвалид. 1938, июль. № 117.
3. Смолин А.В. Указ. соч. С. 87.
4. Там же.
5. № 144 от 10 июля 1919 г.: «Назначается: состоящий в распоряжении командующего армией, генерал-лейтенант Арсеньев — командиром 2-го стрелкового корпуса...» РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 33. Л. 118.
6. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 68.
7. Там же. Приложение № 14. С. 148.
8. ЦГАСА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 28. Л. 166.
9. Часовой. 1930, 15 апреля. № 29.

Князь С.К. Белосельский-Белозерский

1. Здесь и далее: Часовой. 1951, ноябрь. № 313.

Г.Е. Бибиков

1. До сих пор РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 45495. Послужной список № 992. — 1913 г.
2. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 134.
3. Там же. С. 41.
4. Там же. С. 58.

5. Там же. С. 65.
6. Там же. С. 77.
7. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Док. и мат. Т. I. Кн. 2. – М.: Гея, 1998. С. 457.

Л.А. Бобошко

1. Здесь и далее: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 36607. Послужной список 2261.
2. Приказ по 3-му стрелковому полку дивизии светл. кн. Ливена от 6 августа 1919 г. // Памятка Ливенца... С. 104.
3. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи № 117.
4. Часовой. 1964, авг.–сент. № 468–459.
5. Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 2. С. 357–358.

С.М. Булак-Балахович

1. В галерее офицеров и генералов Северо-западной армии биография генерала Булак-Балаховича является исключением. Выражаясь словами генерала Антона Ивановича Деникина, она относится к «черным страницам» Добровольческих армий.
2. *Деникин А.И.*, ген. Очерки русской смуты. Т. 3. – Берлин: Слово, 1924. С. 181; Т. 4. – Берлин: Слово, 1925. С. 19.
3. Часовой. 1965, февр. № 464.
4. Белое Дело. Т. 1. – Берлин: Медный всадник, 1926. С. 129.
5. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 10.
6. Там же. С. 19.
7. Там же. С. 21.
8. Там же. С. 68.
9. Там же. С. 68.
10. Там же. С. 67.
11. *Горн В.Л.* Указ. соч. С. 134.
12. Цит. по приложениям к книге: *Горн В.Л.* Указ. соч. С. 380.
13. Там же. С. 380–381.
14. Там же. С. 159–160.
15. Там же. С. 355.
16. Там же. С. 355.
17. Согласно данным польских архивов, приводимых в статье: *Симонова Т.* «Я зеленый генерал» // Родина. 1997. № 11. С. 39–40.
18. Часовой. 1965, февр. № 464.

Г.В. Бушен

1. РГВИА. Ф. 409. Послужной список 328–533. Приказы по армии и флоту.
2. Там же.
3. *Гершельман А.С.*, полк. В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. Ч. II. М., 1998. С. 31. (Военно-историческая библиотека «Военной Были». № 3 (20))
4. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи № 117.

В.В. фон Валь

1. РГВИА. Ф. 409. Оп. I. Д. 47722. Послужной список 199. Л. 1–6.
2. Там же. Л. 3–4.
3. Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 1. С. 76–77.

А.Е. Вандам

1. К этому периоду относятся написанные им книги: Наше положение. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. – 204 с.; Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете нашей стратегии. – СПб.: Тип. тов-ва А.С. Суворина «Новое Время», 1913. – 53 с.
2. По некоторым сведениям, брошюра А. Вандама посвящается международному положению в свете российской стратегии и была частично переведена в Германии во время войны. Нам не удалось найти немецкое издательство, где она вышла.
3. *Смирнов К.К.* Начало Северо-западной армии // Белое Дело. Т. 1. – Берлин: Медный Всадник, 1926. С. 124.
4. Доблестного кавалерийского начальника во время Великой войны, застреленного петлюровцами в декабре 1918 г.
5. Часовой. 1933, 15 янв. № 96.

Барон В.И. Велио

1. До сих пор согласно послужному списку. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 42243. Послужной список 807.
2. Часовой. 1961, февр. № 417.
3. Список Командного Составы Северо-Западной Армии. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 2. Дело 2–29.
4. Часовой. 1961, февр. № 417.

С.З. Верховский

1. Часовой. 1936, май. № 167–168. Некролог подписан св. князем А. Ливеном.

Д.Р. Ветренко

1. РГВИА. Ф. 409. Послужной список 206 (1908 г.)
2. РГВИА. Ф. 2113. Д. 1490. Л. 143–144. О переводе его в Генштаб см.: *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 52–53.
3. *Смирнов К.К.* Указ. соч. С. 151–152.
4. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 26–27.
5. Там же. С. 33.
6. Там же. С. 59.
7. *Гершельман А.С.* Указ. соч. С. 23.
8. Там же. С. 31.
9. Там же. С. 26.
10. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи № 117. С. 69.
11. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 110.
12. Там же. Приложение № 17. С. 150.
13. Там же. Приложение № 18. С. 151.
14. *Ярославцев М.В.* Указ. соч. С. 16.
15. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 15: Полевые книжки 3-й стрелковой дивизии о боях в г. Павловске. Л. 60.
16. Там же. Л. 67.
17. Там же. Л. 14.
18. *Гроссен (Нео-Сильвестр) Г.И.* Указ. соч. С. 156.

Барон П.В. Вилькен

1. Здесь и далее: *Дараган Д.И.* Вилькен Павел Викторович [Некролог] // Морской журнал. 1939. № 3. С. 17–19 (57–59).

2. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 324. С. 25 об.
3. Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В двух книгах. Кн. 1. — М.: РОССПЭН, 1999. С. 21.
4. Там же. С. 22.

А.В. Владимиров

1. The Hoover Institution Archives, relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions, civil war and the emigration. Коллекция Heroys B.V. Box 1. Folder 3.
2. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 1. Cataloged Correspondence. Письма Алексинского Григория А.
3. РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 220. Л. 13; Ф. 1301. Оп. 1. Д. 4177. Л. 2–3; Ф. 1309. Оп. 1. Д. 4418. Л. 23.
4. Томилов П.А. Северо-западный фронт гражданской войны в России в 1919 г. Очерк, составленный на основании документов архива Северо-западного фронта. С. 173. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция П.А. Томилова. Ящик 2.
5. Там же. С. 205–206.
6. Там же.
7. Горн В.Л. Указ. соч. С. 233.
8. Маргулис М.С. Указ. соч. Кн. 2. 1923. С. 292.
9. Кирденцов Г. У ворот Петрограда (1919–1920). — Берлин, 1925. С. 256–257.
10. Г.Л. Кирденцова хорошо знал Роман Борисович Гуль, участник 1-го Кубанского похода, писатель, сотрудник С.П. Мельгунова в первые послевоенные годы (1946–47) по редакции газеты «Независимый Голос», затем многолетний редактор «Нового Журнала» в Нью-Йорке, бывший редактор «Литературного приложения» к сменовеховской газете «Накануне», выходявшей в Берлине с марта 1922 г. Редактором этой газеты, совместно с профессором Ю.В. Ключниковым, был Г.Л. Кирденцов. «Он, — пишет Р.Б. Гуль, — был уже в годах, отгалкивающей внешности (Кирденцов — это был, кажется, псевдоним). По всем своим манерам, он был типичнейший, видевший всякие виды и во всех водах мытый газетчик. В эмиграции он издал книгу «У ворот Петрограда»... Потом болтался где-то в Прибалтике и вдруг оказался в редакторском кресле «Накануне». Кончил, кстати, весьма благополучно, уехал в Москву, где работал в Наркоминделе» (Гуль Р. Я унес Россию. — Нью-Йорк: Мост, 1981. С. 196–197). Добавим, что недаром книга Кирденцова частично вошла в сборник «Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров» (Л.: Красная газ., 1927), а профессор Ключников, по указанию Ленина, был вызван Г.В. Чичериным в качестве советника на Генуэзскую конференцию уже в апреле 1922 г.
11. Кирденцов Г.Л. Указ. соч. С. 287.
12. Там же. С. 287.
13. Там же. С. 288.
14. Чекисты Петрограда... С. 154.
15. Здесь и далее согласно послужному списку от 28 февраля 1909 г. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Послужной список 28834.
16. РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4: Управление дежурного генерала штаба Киевского военного округа на театре военных действий. Д. 25: Книга приказов по штабу округа с 15 января 1913 года по 20-е ноября 1914 года.
17. РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 38: Книга приказов по Окружному штабу от 22 ноября 1916 года по 18-е сентября 1917 года.
18. Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 2. С. 410 (В Сводке Иностранного отдела ВЧК от 24 августа 1921 г., т.е. после выхода книги Кирденцова), а также на С. 716 в указателе имен.
19. Смолдин А.В. Указ. соч. С. 313, 393, 407, 408, 410, а также в указателе имен на С. 428.

20. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 32529. Послужной список 343–342–349.
21. Чекисты Петрограда... Кн. 2. С. 174.
22. Корнатовский А.С. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде... С. 84.
23. Чекисты Петрограда... Кн. 2. С. 176.
24. См. также: Горн В.Л. Указ. соч. С. 356.
25. Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 1. С. 138.
26. Там же. С. 142–143.
27. Маргулис М.С. Указ. соч. С. 165.
28. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 2–4. Arranged correspondence. Переписка с В.К. Пилкиным.
29. Там же. Черновик ответа ген. Н.Н. Юденича.
30. Согласно данным Д.Л. Голикова (Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925). Кн. 2. — М.: Политиздат, 1978. С. 112), центр этой организации (Петроградской боевой организации, возглавляемой проф. В.Н. Таранцевым) в Париже составляли Владимиров, кадеты Карташев и Струве. В работе используется как первое, 1975 г., так и второе, 1978 г., в двух книгах, издание книги Д.Л. Голикова.
31. Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 2. С. 410–411.
32. Кронштадтская трагедия 1921 года... Кн. 2. С. 111–112. Документ № 658 «Письмо военного эксперта Национального Центра генерала А.В. Владимиров из Парижа члену Петроградской Боевой Организации Ю.П. Герману о практических мерах по реализации планов восстания в Петрограде». ЦА ФСБ. Ф. 214224. Т. 6. Л. 5.

Ф.А. Георг

1. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175133. Послужной список 151–574. Л. 13–26 об.
2. Там же. Л. 10.
3. РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 31: Приказы по русскому добровольческому отряду. 18 декабря 1918–14 июля 1919.
4. Там же.
5. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 33.
6. Там же. С. 36.
7. Там же. С. 38.
8. Там же. С. 45.
9. Там же. С. 46.
10. РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 40. Л. 44.

Ю.П. Герман

1. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 151291. Послужной список 100–879.
2. Митрич. Слава Павшим // Служба Связи... 1931, апр. № 4. С. 32.
3. Они не упомянуты в «Описи дел Северо-западной армии гражданской войны, отправленных в Америку» (см.: коллекция Н.Н. Юденича, 1914–1959, коробка 5. Files of the Northwestern Front... see attached «Opis»), составленной генералом Петром Андреевичем Томиловым и его супругой Натальей Аркадьевной по поручению генерала Юденича. Покойная Наталья Аркадьевна Томилова в 1950 г. сказала автору, что эти дела были уничтожены по приказу генерала Юденича накануне ликвидации армии в январе 1920 г.
4. См. прим. 111 к очерку «Юденич».
5. Чекисты Петрограда... С. 140.
6. В этот период Ю.П. Герман во всех советских документах упоминается в чине полковника. Нам неизвестны приказы о его производстве в Северо-Западной армии. Отличавшийся скромностью, он, более вероятно, оставался, как пишет автор статьи «Слава Павшим», в чине штабс-капитана, но для пользы

дела именовался в конспиративных условиях петроградского подполья полковником. См.: Митрич. Слава Павшим. С. 32.

7. Чекисты Петрограда... С. 145.
8. Там же. С. 149.
9. Там же. С. 148.
10. Там же. С. 149.
11. Митрич. Слава Павшим. С. 33.
12. Там же. С. 33.
13. Там же.
14. Там же. С. 33–34.
15. Там же. С. 33.
16. Там же. С. 34.
17. Там же. С. 32.
18. Там же. С. 34–35.
19. Голинков Д.Л. Указ. соч. – М.: Политиздат, 1975. С. 503.
20. Кронштадтская трагедия 1921 г. Кн. 2. С. 178.
21. Там же. С. 511: «Убит в перестрелке при попытке перехода границы в июне 1921 г.» (ЦА ФСБ. Ф. 214224. Т. 6.).
22. Митрич. Слава Павшим. С. 35.

П.В. фон Глазенап

1. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35143. Л. 8–8 об.
2. Здесь и далее: Знамя России. 1951, 16 июня. С. 13–15. См.: также: Часовой. 1951, июль. № 310.
3. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1753. Л. 84–84 об.
4. Куприн А.И. Купол св. Исаакия Далматского // Золотой петух. Сборник. М.: Панорама, 1999. С. 430–431.
5. Горн В.Л. Указ. соч. С. 340–341.
6. Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 3. – Берлин: Изд. З.И. Гржебина, 1923. С. 165.
7. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 2. С. 35.
8. Там же. С. 85.
9. Там же. С. 517–518.
10. Там же. С. 318.
11. Там же. С. 410.
12. Там же. С. 443–444.
13. Часовой. 1950, дек. № 303.
14. Там же.
15. Часовой. 1951, июль. № 310.
16. Часовой. 1950, дек. № 303.

Г.А. Гоштоет

1. На могиле покойного на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа дата рождения указана 15 сентября 1889 г. В алфавитном списке захоронений того же кладбища И. Грезина (Париж, 1995) указана, с ссылкой на журнал «Русское Прошлое», другая дата – 1883 г. Мы приводим дату согласно послужному списку, находящемуся в РГВИА.
2. Здесь и далее, вплоть до 1910 г. см. послужной список: РГВИА. Ф. 407. Послужной список 5012 (1911 г.), а также Ф. 400. Оп. 9. Д. 34400. Л. 139–140; Ф. 400. Оп. 9.
3. Смирнов К.К. Указ. соч. С. 118.
4. Томилов П.А. Северо-западный фронт гражданской войны в России 1919 г. (Очерк, составленный на основании документов архива Северо-западного фронта. С. 180).
5. Там же. С. 181.

6. См. также: Герине А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. – Париж: Passé Militaire, 1968. С. 29.
7. Кирасиры Его Величества в Великую войну, 1902–1914. Кн. 3: Кирасиры Его Величества 1916, 1917 гг. Участие в Белом движении. Жизнь за рубежом. – Париж: Об-ние кирасир Его Величества, [1944]. С. 364
8. Там же. С. 365.
9. Там же. С. 365.
10. Там же. С. 366.
11. Там же. С. 367.
12. Часовой. 1954, февр. № 339.

Р.Ф. Делль

1. До сих пор использован послужной список. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171874. Послужной список 145–338.
2. Согласно рапорту командира форта Н.Н. Неклюдова командиру Северного Корпуса от 25 июня (нового стиля) 1919 г. Цит. по: Смолин А.В. Указ. соч. С. 147–148.
3. И притом не прямо, а через командующего морскими силами Эстонии, капитана И. Питку.
4. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 57–58.
5. Там же. С. 57–58.
6. Там же. С. 58.
7. Там же.
8. Он им стал с 20 ноября 1919 г. См.: Ярославцев М.В. Вторая стрелковая дивизия. С. 19.

А.Ф. Дзерожинский

1. Здесь и далее: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175127. Послужной список 151–586. Л. 18–27.
2. РГВИА. Там же. Л. 13.
3. Так в оригинале, только «Генерального штаба».
4. Заверенная копия Акта сдачи Морской Крепости Императора Петра Великого и Ревельского Укрепленного района, попавших в руки врага, занявшего крепость без боя, находится в одной частной коллекции в Париже. Любезно предоставлена нам для ознакомления и снятия копии.
5. Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 157.
6. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 18.
7. Там же. С. 18.
8. Там же. С. 27.
9. Там же. С. 66.
10. Кузьмин-Караваев Д.Д. Указ. соч. С. 29 и 44.

Князь А.Н. Долгоруков

1. Гартман Б. Краупишкенский бой // Генерал барон П.Н. Врангель. К десятилетию его кончины. Сб. статей. – Берлин: Медный Всадник, 1938. С. 130.
2. См. брошюру: Краткая записка истории взаимоотношений Добровольческой армии с Украиной. – Ростов-на-Дону, 1919. С. 6.
3. Там же. С. 6.
4. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 92.
5. РГВА. Ф. 40299. Оп. 1. Д. 33. Л. 301.
6. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 92.
7. РГВА. Ф. 40290. Оп. 1. Д. 28. Л. 124.
8. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 97.

9. Там же. С. 101.
10. Там же. С. 117.
11. РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 28. Л. 149.
12. Фотокопия удостоверения хранится в архиве Общества Ревнителеев Русской Истории. Париж.
13. Часовой. 1938, 1 июля. № 213.

В.Л. Драке

1. Часовой. 1933, июль. № 165.
2. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 15: Полевые книжки 3-й стрелковой дивизии о боях в г. Павловске. Л. 12.
3. Часовой. 1933, июль. № 165.

К.И. Дыдоров

1. См. некрологи: Часовой. 1938, май. № 212; Сегодня (Рига) 1938, 11 марта. № 70, а также: Памятка Ливенца... С. 53–54.
2. Дыдоров К.И. Освобождение Риги от большевиков, 22 мая 1919 г. // Служба Связи... 1930, нояб. № 3. С. 26.
3. Памятка Ливенца... Выдержки из приказов. С. 175–176.
4. Памятка Ливенца... С. 45.
5. Дыдоров К., полк. Формирование русского отряда // Памятка Ливенца... С. 59.
6. Цельминь Г. Под Петроградом // Памятка Ливенца... С. 145.
7. Памятка Ливенца. С. 48.
8. Дыдоров К. Формирование русского отряда... С. 61.

К.А. Ежеский

1. До сих пор согласно послужному списку от 15 января 1914 г. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Послужной список 806.
2. Жена полковника К.А. Ежеского — Вера Ивановна, урожденная Никитина, проживала с сыном Вячеславом во время войны в Ревеле.
3. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 33. Генерал Родзянко здесь и далее ошибочно упоминает его как Ижевского.
4. Родзянко А.П. Там же. С. 59.
5. Гроссен (Нео-Сильвестр) Г.И. Указ. соч. С. 148.

В.А. Зайцов

1. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 36496.
2. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2973. Л. 17.
3. РГВА. Ф. 25888. Оп. 4. Д. 2. Л. 62
4. Документы: из архива общества офицеров Л.-гв. Семеновского полка. [Переход Семеновского полка] // Белое Дело. — Т. 4. — Берлин: Медный Всадник, 1928. С. 215.
5. Там же. С. 216.
6. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 59.
7. Часовой. 1979, февр.—март. № 617.

П.И. Иванов

1. РГВИА. Ф. 409. Д. 11294. Послужной список 281–375.
2. Там же.
3. РГВА. Ф. 40307. Оп. Д. 15: Полевая книжка 3-й стрелковой дивизии. Л. 62, 63.
4. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Дело по описи № 117. Л. 69.

П.К. Кондзеровский

1. Кондзеровский П.К. Указ. соч. С. 13.
2. Там же. С. 16.
3. Там же. С. 127.
4. Там же. С. 127.
5. Там же. С. 128.
6. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 319. Л. 20.
7. Чекисты Петрограда... С. 100 и далее.
8. Письмо Г.И. Новицкого П.Б. Струве от 3 ноября 1919 г. из Гельсингфорса. Оригинал, написанный чернилами рукой Г.И. Новицкого из Архива Общества Ревнителеев Русской Истории, Париж.
9. Маргулис И.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 42.
10. Письмо генерала П.К. Кондырева генералу Н.Н. Юденичу от 7 октября 1919 г. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Дело по описи № 105. Дело личной канцелярии генерала Юденича. Коробка 2–4.
11. Там же. Письмо от 7 октября 1919 г.
12. Там же. Письмо от 27 сентября 1919 г.
13. Там же. Письмо от 3 октября 1919 г.
14. Там же. Письмо ген. Кондзеровского из Гельсингфорса, без даты, видимо, начало мая 1920 г.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же. Письмо от 3 марта 1922 г., помеченное 16, rue Eugene Manuel.
19. Там же. Письмо от 10 июля 1922 г.
20. Там же. Письмо от 22 октября 1922 г.
21. Там же.
22. Вестник Союза офицеров — участников войны. — Париж, 1929. С. 31.

К.А. фон Крузенштерн

1. Смолин А.В. Указ. соч. С. 86.
2. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 47.
3. Смолин А.В. Указ. соч. С. 203.
4. Маргулис М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 206.
5. Список офицеров Генерального штаба на 1-е августа 1922 г. Сремске Карловицы (СХС): Изд. Отделения Генерального Штаба Главнокомандующего Русской Армией, 1922.
6. Русская Мысль (Париж). 1962, 3 ноября. № 1912. См. также: Часовой. 1963, дек.—январь. № 439–440.

О.А. фон Крузенштерн

1. Родзянко А.П. Указ. соч. С. 30.
2. Там же. С. 41.
3. Там же. С. 47.
4. Смолин А.В. Указ. соч. С. 209, 223.

М.Е. Леонтьев

1. Альбом Кавалеров Ордена Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия. — Белград: Изд. Общества Кавалеров Ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, 1935. С. 135.
2. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917–1920. — М., 1988. С. 210.

3. Центральный государственный архив Советской армии. Путеводитель в двух томах. – Миннеаполис (Миннесота, США): East View Publications, 1993. С. 181.
4. *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. Приложение № 4. С. 245–246.
5. Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. К 50-летию юбилею... С. 4.
6. Там же. С. 65–66.
7. Письмо генерала П.К. Кондзеровского генералу Н.Н. Юденичу от 7 октября 1919 г. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Дело по описи № 105. Дела личной канцелярии ген. Юденича. Aггапged Correspon-dence. С. Коробка 2–4.
8. Список офицеров Генерального штаба на 1-е августа 1922 г.
9. Часовой. 1932, 15 марта. № 76
10. Возрождение (Париж). 1938, 23 декабря.
11. Новое Слово (Берлин). 1942, 11 марта.

Св. князь А.П. Ливен

1. *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и гражданскую войну, 1914–1920 год. Ч. 2: 1915. – Париж: Е.Сияльская, 1938. С.148; Там же: Приказ по Кавалергардскому Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полку № 234 от 23 декабря 1915 г. См. также: Альбом Кавалеров Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия. С. 122.
2. *Ливен А.П.*, св. кн. В южной Прибалтике (1919 г.) // Белое Дело. Т. 3. – Берлин: Медный всадник, 1927. С. 186.
3. Там же. С. 191.
4. Там же. С. 191.
5. Там же. С. 191.
6. Там же. С. 193.
7. *Ливен А.П.*, св. кн. Основание отряда... С.15.
8. Rittmeister von Rosenberg. Die bildung Rissischer Nationaler formationen an der Baltischer Front (Hinter den Kulissen der Russischen konterrevolution) Hamburg: С. Ноум Nacht., 1920. S. 11–12.
9. *Ливен А.П.*, св. кн. Основание отряда... С. 27.
10. Там же. С. 28.
11. Там же. С. 33.
12. Там же. С. 33.
13. Там же. С. 43.
14. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 2–4. Aггапged Correspon-dence. Письма Ливена А. Письмо от 16 мая 1921 г. из Précigne (depart-t Sarthe).
15. Там же. Письмо от 18 июня 1921 г. из Парижа.
16. Там же.
17. Там же. Письмо от 22 октября 1921 г. из Риги.
18. Там же.
19. Часовой. 1957, май. № 376 (5)
20. Делегация РСФСР в составе Г.В. Чичерина, Л.Б. Красина, М.М.Литвинова, А.А. Иоффе, Х.Г. Раковского и др. выехала через Латвию в Италию на Генуэзскую конференцию, начавшуюся 10 апреля 1922 г.
21. Письмо от 5 июля 1922 г. из госпиталя Красного Креста в Висбадене. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 2–4. Aггапged Correspon-dence. Письма Ливена А.
22. Там же. Письмо от 4 января 1927 г. из имения Межотне в Латвии.
23. Там же. Письмо от 23 июня 1926 г. из имения Межотне в Латвии.
24. Там же.
25. Белое Дело: Летопись белой борьбы. Материалы, собр. и разработ. бароном

- П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и Светл. кн. А.П. Ливеном / Под ред. А.А. фон Лампе. Т. 1. – Берлин: Медный Всадник, 1926. С. 5; Памятка Ливенца. 1919–1929. – Рига, 1926. С. 9.
26. Письмо от 4 января 1927 г. из Межотне в Латвии. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 2–4. Письма Ливена А.
27. Памятка Ливенца... С. 7.
28. Служба Связи... 1930, май. № 2. С. 1.
29. Там же. 1930, июнь. № 3. С. 3–7.
30. Часовой. 1937, май. № 190.

А.Н. Лушков

1. Здесь и далее до 1918 г. согласно послужному списку. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2410. Л. 1–12 об.
2. РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 1. Д. 266.
3. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 1–2, Aггапged Correspon-dence, Переписка с В.К. Пилкиным.
4. Бюллетень Общества Морских Офицеров в США. 1955. № 1. С. 14.
5. Часовой. 1955, март. № 351.

Барон Н.Е. Людингаузен-Вольф

1. До сих пор РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 4285. Послужной список 1912 г. № 1480. Надпись: «Читал капитан барон Вольф».
2. РГВИА. Ф. 2586. Оп. 2. Д. 1043. Список по старшинству в чинах генералам штаб и обер-офицерам Лейб-гвардии Финляндского полка к 1 января 1917 г.
3. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 48.
4. *Горн В.Л.* Указ. соч. С. 250.

Б.С. Малявин

1. До сих пор использован послужной список 1908 г.: РГВИА. Ф. 407. Оп. 2. Д. 33446. Л. 2503–2516.
2. Rittmeister von Rosenberg. Die bildung Rissischer Nationaler formationen an der Baltischer Front (Hinter den Kulissen der Russischen konterrevolution). Hamburg: С. Ноум Nacht., 1920. S. 3.
3. *Смирнов К.К.* Указ. соч. С. 124.
4. Там же. С. 125.
5. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 69–70.
6. Там же. С. 70.
7. Архив Гуверовского Института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 11. Дело 61.
8. Там же.
9. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 82.
10. Там же. С. 83.
11. Архив Гуверовского Института... Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 11. Дело 61.
12. Из письма полковника Дыдорова // Памятка Ливенца... С. 58
13. *Ярославцев М.В.* Указ. соч. С. 19.
14. Машинописный оригинал очерка генерала Малявина на 35 страницах, подписанный рукой генерала Малявина, находится в одной частной коллекции в Париже.
15. Там же.
16. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция ген. Е.К. Миллера. Коробка 9. Папка 9–20. Переписка с Н.Н. Юденичем.
17. Там же.

Г.Г. фон Неф

1. Здесь и далее: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46608. Послужной список № 2168, 1913 г.
2. Альбом кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского Оружия. С. 146.
3. Там же.
4. *Адамович Б.В.* Трыстень, 15(28) июля 1916: Ко дню 225-летия л.-гв. Кексгольмского полка. – Париж, 1935. С. 44.
5. *Смирнов К.К.* Указ. соч. С. 134.
6. Там же.
7. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 58.

Граф А.П. фон Пален

1. Здесь и далее: РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Послужной список № 276–264, 1912 г.
2. РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 240. Л. 10.
3. *Врангель П.Н.*, ген. Вспоминания. – Ч. 1. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. С. 32. (Переиздание: Врангель П.Н., ген. Записки // Белое Дело. 1928. Кн. V.)
4. Там же. С. 32.
5. Там же. С. 32.
6. Там же. С. 70.
7. Там же. С. 33.
8. Там же. С. 36.
9. Там же. С. 48.
10. *Деникин А.Н.*, ген. Очерки русской смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова, авг. 1917 г. – апр. 1918 г. – Париж: Изд. Поволоцкого, 1922. С. 71.
11. *Надежный Д.Н.* Указ. соч. С. 50.
12. Там же. С. 54.
13. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 49.
14. *Надежный Д.Н.* Указ. соч. С. 94.
15. Там же. С. 117.
16. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 114.
17. Там же. С. 117.
18. Русская военная эмиграция... Т.1. Кн. 2. С. 379.
19. Там же. С. 379.
20. Там же. С. 409–410.

Б.С. Пермикин

1. Здесь и далее: РГВИА Ф. 2067. Оп. 2. Д. 80. Л. 164–165.
2. Часовой. 1941, сент. № 543
3. Часовой. 1971, май. № 539
4. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 21.
5. Там же. С. 22.
6. Там же. С. 49.
7. Там же. С. 49.
8. *Ярославцев М.В.* Указ. соч. С. 16.
9. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 144.
10. *Ярославцев М.В.* Указ. соч. С. 17 (ген. Ярославцев продолжает еще именовать генерала-майора Пермикина полковником).
11. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 118–119.
12. Служба Связи... 1932, сент. № 6. С. 19.
13. *Кузьмин-Караваев Д.Д.* Указ. соч. С. 46.
14. Русская военная эмиграция... Т. I. Кн. 2. С. 345.
15. Там же. С. 346–348.
16. Там же. С. 381.
17. Часовой. 1971, май. № 539.
18. Там же.

В.К. Пилкин

1. Здесь и далее согласно послужному списку. РГА ВМФ. Ф. 406-Ю. Оп. 9. Д. 3219.
2. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 56.
3. *Тимирев С.Н.*, контр-адм. Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918). – Нью-Йорк: Изд. Американского Общества для изучения русской морской истории, 1961. С. 82–83.
4. Из копии отдельных отрывков дневника адмирала В.К. Пилкина, переданных нам его дочерью В.В. Пилкиной (см. биографию генерала Юденича).
5. Там же. См. биографию генерала Н.Н. Юденича. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 319. Л. 34.
6. Колчак и Финляндия... С. 91–92.
7. Там же.
8. Там же. С. 108.
9. Там же. С. 112.
10. См. биографию генерала Н.Н. Юденича. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 319, Л. 34.
11. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 67.
12. *Горн В.Л.* Указ. соч. С. 305.
13. *Маргулис М.С.* Указ. соч. Кн. 3. С. 121.
14. Там же. С. 136.
15. Там же. С. 175.
16. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Arrangen Correspondence. Коробки 2–4. Переписка с В.К. Пилкиным.
17. Там же.
18. В конце письма Р.С. Пилкина: «Я, кажется, Вам соврал, и корабли в Кронштадте не подняли Андреевского флага. — В.П.»
19. Там же.
20. Там же.
21. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В.К. Пилкина. 5 а. 1. с.
22. Там же.

Г.А. Пражмовский

1. РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 10. Послужной список 1917 г.
2. *Митрич.* Слава Павшим... С. 32.
3. Там же. С. 34.
4. Там же. С. 34–35.
5. Там же. С. 35.

Барон Ф.В. Раден

1. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки XVII–XX вв. Сост. Б.Н. Болгурцов. – Владивосток, 1998. С. 158–159.
2. *Андрюченко В.Г.* Капитан 1 ранга Ф.В. Раден // Цитатель. 1998. № 1 (6). С. 140.
3. РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 240. Л. 89.
4. Там же.
5. Генерал-майор Раден, командир 1-го Ливенского полка. Там же.
7. *Цельминь Г.* Русское Копорское // Служба Связи. 1932, сент. № 6. С. 30–31.
8. *Будберг Н.А.* Барон Фердинанд Раден. (Как моряк на суше воевал и закончил свою жизнь). С. 8. Машинопись. Из коллекции М.Ю. Блинова.

В.Ф. Рар

1. Памятка Ливенца... С. 151. Некролог полковнику подписан инициалами В.Ф., но без фамилии, по просьбе родственников, поскольку брат В.Ф. Рара, Эрих, как сообщил нам Г.А. Рар (Германия), был в это время детским врачом в Москве.
2. Эти сведения, как и относящиеся к октябрьским событиям в Москве и службе в Балтийском Ландесвере, нами получены от Г.А. Рара (Германия), за что мы приносим ему нашу искреннюю благодарность.

3. *Ливен А.П.*, св. кн. В Южной Прибалтике (1919 г.) // Белое Дело. Т. 3. – Берлин: Медный Всадник, 1927. С. 180–208
4. *Kur V. Braatz. Fürst Anatol Pavlovitsch Lieven. Im kampf gegen den Baltischen Separatismus, Russischen Bolschevismus und die Awaloff–Bermond–Affäre.* Stuttgart, 1926 (seite). S. 84.
5. Служба Связи... 1931, апр. № 4. С. 38. В письме от 25 сентября 1997 г. Г.А. Пар любезно сообщил нам: «Памятник на русском кладбище в Митаве (Елгаве) я помню. Черный литой чугунный крест. Надпись не высечена, а вылита вместе с самим крестом».

П.Л. Рогожинский

1. РГВИА. Ф. 409. Послужной список 108–321 и Высочайшие приказы 1916 г.
2. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи № 117.

А.П. Родзянко

1. Здесь и далее: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 137/486. Послужной список № 86–804, 1917 г.
2. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 5.
3. Там же. С. 130–131.
4. Там же. С. 16.
5. Там же. С. 26.
6. Там же. С. 29.
7. Там же. С. 36.
8. Там же. С. 46.
9. *Гершельман А.С.* Указ. соч. С. 52.
10. *Надежный Д.Н.* Указ. соч. С. 64.
11. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 46.
12. Там же. С. 46, 58.
13. *Ярославцев М.В.*, ген.-майор. Керстово–Копорье–Воронино // Служба Связи... 1930, нояб. № 3. С. 28.
14. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 65. Отметим, что не все точно: гарнизон форта Красная Горка не сдавался, а восстал; из фортов Кронштадта на сторону восставших пытался перейти лишь форт Обручев.
15. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 65.
16. *Надежный Д.Н.* Указ. соч. С. 105.
17. Там же. С. 117.
18. *Томилов П.А.* Указ. соч. С. 340.
19. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 82.
20. Там же. С. 83.
21. Там же. С. 150.
22. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 151.
23. *Гершельман А.С.* Указ. соч. С. 60.
24. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 112.
25. Там же. С. 114.
26. Дела личной канцелярии генерала Юденича.
27. *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 123.
28. Вестник кавалергардской семьи. – Париж, 1970.

С.И. Романов

1. Служба Связи... 1931, апр. № 4. С. 32.
2. Там же. С. 33.
3. Там же. С. 35.
4. В том, что «Митрич» в целом был хорошо информирован, убеждают данные из

дела ЦА ФСБ: Ф. 214221. Т. 1 А. Д. 19. Л. 193–194, согласно которым профессор В.М. Таганцев в своих показаниях подтвердил связь с С.И. Романовым по делу ПБО. Там же указана дата расстрела С.И. Романова — 24 августа 1919 г., т.е. день расстрела большинства арестованных по делу ПБО. Следовательно «Митрич» почти не ошибся. (Кронштадтская трагедия 1921 г. Кн. 2. С. 593.)

Н.Н. Саламанов

1. РГВИА Ф. 309. Послужной список 10207.
2. Здесь и далее: РГВИА Ф. 2575 Оп. 1. Т. 2 Д. 225, а также Часовой. 1955, январь. № 349.
3. РГВИА. Ф. 2575 Лейб-гвардии Гренадерский полк. Оп. 1. Т. 2. Д. 128. Приказы по полку. Июль 1917 г. Приказ по строевой части командира Лейб-гвардии Гренадерского полка полковника Амеляновича-Павленко № 234.
4. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 2. С. 357.

С.Н. Самарин

1. *Врангель П.Н.*, ген. Вспоминания. Ч. 1. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. С. 26. (Переиздание: *Врангель П.Н.*, ген. Записки // Белое Дело. 1928. Кн. V.)
2. Там же. С. 31.
3. *Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. – М.: Задруга, 1918. С. 90.
4. *Деникин А.И.*, ген. Очерки Русской Смуты. Т. 2. С. 71.
5. Там же. С. 72.
6. *Деникин А.И.*, ген. Об исправлении истории // Последние Новости (Париж). 1936, 14 ноября.
7. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 426.
8. Ironside E., Lord, Field-Marshal. Archangel, 1918–1919. – London: Published by Constable and Company Ltd., 1956. P. 39.
9. Ibid. P. 39–40.
10. Ibid. P. 46.
11. Ibid. P. 47.
12. Ibid. P. 47.
13. Noulens Joseph. Mon ambassade en Russie Sovietique. 1917–1919. Т. 2. – Paris: Ed. Plon, 1938. P. 246.
14. *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое Дело. Т. 1. – Берлин: Медный Всадник, 1926. С. 37
15. Field-Marshal, Lord E. Ironside. Op. cit. P. 107.
16. Дополнение к письму-докладу ген. П.К.Кондырева ген. Н.Н. Юденичу от 3 октября 1919 г. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Дело по описи № 105. Дела личной канцелярии ген. Юденича. Кор. 2–4.

М.Я. Соболевский

1. Часовой. 1930, авг. № 38
2. *Ливен А.П.*, св. кн. Генерал-майор Соболевский [Некролог] // Служба Связи... 1930. № 3. С. 44.
3. Приказ по 3-му Стрелковому полку дивизии св. кн. Ливена от 6 августа 1919 г. // Памятка Ливенца... С.104.
4. Служба Связи... 1930. № 3. С. 45.
5. Памятка Ливенца... С. 44.

М.Н. Суворов

1. До сих пор согласно послужному списку от 15 мая 1915 г. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Послужной список 10829.

2. Цит. по: *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 230.
3. Из письма Г.И. Новицкого П.Б. Струве от 3 сентября 1919 г. из Гельсингфорса. Оригинал, написанный чернилами рукой И.Г.Новицкого, из Архива Общества Ревнителю Русской Истории, Париж.
4. Из письма А.В. Карташева В.И. Пепеляеву в Омск. Цит. по: *Думова Н.Г.* Указ. соч. С. 241.
5. Там же. С. 242.
6. *Горн В.Л.* Указ. соч. С. 78.
7. Из письма Г.И.Новицкого П.Б. Струве, уже цитированного нами.
8. *Маргулис М.С.* Указ. соч. Кн. 2. С. 174.
9. Образование Северо-Западного Правительства. Объяснения членов Политического Совещания при Главнокомандующем Северо-Западным фронтом, В.Д.Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н.Суворова. – Гельсингфорс, 1919. С. 8.
10. Там же. С. 20.
11. Там же. С. 36.
12. Вестник Русского Национального Комитета (Париж). 1923, март. № 1. С. 3.
13. Вестник Русского Национального Комитета (Париж). 1924, декабрь. № 10. С. 6.
14. Часовой. 1932, 15 окт. № 90.
15. Часовой. 1935, июнь. № 150.

В.А. Трусов

1. Здесь и далее: РГВИА. Ф. 4096. Послужной список № 151–612.
2. Там же. С. 3.
3. РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 78. Л. 51.
4. Часовой. 1958, янв. № 385.

Д.Д. Тыртов

1. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4276. Послужной список 1911 г.
2. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 4. Angapen Correspondence. Письма В.К. Пилкина.
3. Армия и флот: Воен. справочник / Под ред. и с предисл. В.В. Орехова, Е.Тарусского. – Париж: Часовой, [1931]. С. 50.
4. См. некрологи, подписанные вице-адмиралом М.А. Кедровым: Часовой. 1936, авг. № 172; Морской журнал. 1936. № 7 (103).

Г.Д. Янов

1. *Ливен А.П.*, св. кн. Основание отряда... С. 33.
2. Там же. С. 43.
3. *Маргулис М.С.* Указ. соч. Кн. 2. С. 255.
4. Там же. С. 300.
5. Там же. Кн. 3. С. 10.
6. Письмо генерала П.К. Кондзеровского генералу Н.Н. Юденичу от 4 июля 1928 г. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Дело по описи № 105. Дела личной канцелярии генерала Юденича. Кор. 2–4.
7. Там же. Письмо от 18 апреля 1928 г.
8. Там же.

М.В. Ярославцев

1. До сих пор РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 29741. Послужной список, составлен 4 января 1910 г.
2. РГВИА. Ф. 2682. Оп. 1. Д. 105. Л. 28.
3. Там же. Д. 109. Л. 11.

4. РГВИА. Ф. 409. Д. 111. Л. 15.
5. Об этом эпизоде на станции Луга см.: *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917. – Париж, 1961. С. 95–96; также *Солженицын А.И.* Красное Колесо. Узел III. Март Семнадцатого. Т. II. Париж: YMCA-PRESS. 1986. С. 532–536.
6. РГВИА. Ф. 2682. Оп. 1. Д. 110. Л. 41.
7. Время (Шанхай). 1930. № 166. С. 2.
8. Там же.
9. *Ярославцев М.В.* Керстово–Копорье–Воронено // Служба Связи... 1930. № 3. С. 27.
10. Там же. С. 28.
11. Там же. С. 29.
12. *Ярославцев М.В.* Дальнейшее наступление и отход // Служба Связи... 1931. № 5. С. 23.
13. Время (Шанхай). 1930. № 166. С. 5
14. Там же.
15. Там же.
16. *Надежный Д.Н.* Указ. соч. С. 103.
17. Там же. С. 118.
18. Время (Шанхай). 1930. № 167. С. 5.
19. Там же.
20. Служба Связи... 1936. № 8. С. 19.
21. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 1. С. 114.
22. Там же. Кн. 2. С. 338. Русский Эвакуационный Комитет Б.В. Савинкова заменил распущенный в феврале 1921 г. Русский Политический Комитет, занимавшийся формированием русских частей в Польше.

М.К. Бахирев

1. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 54–55. В публикации отдельные моменты были сокращены. В дальнейшем частично пользуемся оригинальной рукописью, подписанной адмиралом и переданной нам его дочерью Верой Владимировной Пилкиной.
2. Здесь и далее: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. 131.
3. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 56.
4. Там же. С. 57.
5. Там же.
6. *Тимирев С.Н.* Указ. соч. С. 41.
7. Там же. С. 133.
8. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 66–67.
9. До сих пор РГА ВМФ. Ф. Р 5. Оп. 1. Д. 265.
10. *Крыжановский Н.Н.* Указ. соч. С. 70.
11. *Малевинская М.Е.*, зам. директора РГА ВМФ. Несколько слов об «Отчете» и его авторе // Морская Историческая Комиссия. Т. I. – СПб.: РГА ВМФ, 1998. С. 8–9.
12. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 67.
13. *Крыжановский Н.Н.* Указ. соч. С. 70.
14. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 67.
15. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 18. Дело 110.
16. Чекисты Петрограда... С. 171.
17. Там же. С. 154.
18. *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 67.
19. Чекисты Петрограда... С. 171. К этому следует добавить, что авторы книги, говоря о совещании на квартире И.Р. Кюрца 20 октября 1919 г., настойчиво

повторяют, что это совещание было «последним» (С. 171). Цитированное нами письмо-рапорт И.Р. Кюрца генералу Юденичу начинается словами: «Ваше Высокопревосходительство, последнее совещание у нас было 29 октября...» Эдва ли И.Р. Кюрц мог ошибаться, ибо в этом же письме он сообщает генералу Юденичу об аресте на 10 дней генералом В[етренко] командира 4-го подрывного дивизиона Карпова, уже перешедшего к белым со своим дивизионом в Павловске, о чем сам Кюрц успел узнать от вернувшегося курьера Козлова. Авторы книги «Чекисты Петрограда...» подтверждают, что Карпов, после отказа захватить штаб 7-й красной армии в Царском Селе, откуда этот штаб уже отошел в Петроград «...предпочел через 2 дня (т.е. 20 октября) перейти у Павловска на сторону белых» (С. 165). Павловск был занят 3-й дивизией генерала Ветренко 20 октября. Следовательно, Кюрц, писавший об этих происшествиях, вместе с принятыми на совещании 29 октября предложениями, никак не мог считать совещание 20 октября «последним».

20. Пилкин В.К. Указ. соч. С. 67.
21. Малевинская М.Е. Указ. соч. С. 9.
22. Пилкин В.К. Указ. соч. С. 68.

Б.П. Берг

1. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 162. Л. 9.
2. Зиновьев Г. Новый белогвардейский заговор в Петрограде (От Комитета Обороны Петрограда) // Петроградская Правда. 1919, 23 ноября. № 268. С. 2 Там же.
3. Голинков Д.Л. Указ. соч. — М., 1975. С. 332; Чекисты Петрограда... С. 178.
4. Голинков Д.Л. Указ. соч. — М., 1975. С. 332; Чекисты Петрограда... С. 178.
5. Чекисты Петрограда... С. 178–184.

А.Н. Гаврищенко

1. До сих пор РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 765. Послужной список.
2. Чекисты Петрограда... С. 187.
3. Там же. С. 188.
4. Там же. С. 187.
5. Служба Связи... 1931, апр. № 4. С. 33.
6. Чекисты Петрограда... С. 187.
7. Там же. С. 188.

В.В. Дитерихс

1. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3920. Л. 7.
2. Приказ по 8-й армии генерала Брусилова № 615 от 11 августа 1915 г.
3. См. также: Александров О.А. Битва за Ангерн 31 июля — 5 августа 1916 г. // Цитадель. № 1(4). С. 81–92.
4. Бутвиловский Сергей Антонович (06.07.1890 — ?), лейтенант (01.01.1915). Окончил Морской корпус (1911). С 1914 по 1917 служил в Сибирской флотилии. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1915).
5. Эльснер Лев Николаевич (24.04.1891 — ?), лейтенант (01.01.1915). Обучался в 3-м Московском кадетском корпусе (1901–1905) и в Морском корпусе (1905–1911). В годы Первой мировой войны служил на Балтике, награжден мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й ст. В конце мая 1918 — старший флаг-офицер начальника русских морских сил в Финляндии, арестован финскими властями, освобожден по требованию русского военно-морского командования. В 1918–1919 гг. являлся начальником отдела личного состава штаба Морских сил Балтийского моря.
6. Селлинг Сергей Александрович (09.09.1890 — ?), лейтенант (06.12.1915). Обучался в воронежском Великого Князя Михаила Павловича кадетском

- корпусе (1901–1908) и в Морском корпусе (1908–1911). За боевые отличия награжден орденом Св. Анны 4-й ст. «За храбрость» (28.12. 1915). В 1919 — старший штурман линкора «Петропавловск».
7. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Дело по описи № 71. «Секретная переписка разного характера».
 8. Чекисты Петрограда... С. 176.
 9. Часовой. 1952, март. № 317.

М.А. Злобин

1. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 18. Дело 110.
2. Чекисты Петрограда... С. 153.

Г.И. Лебедев

1. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 345–399. Послужной список 891, 1912 г.
2. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 127–905. Послужной список 76–396, 1918 г.
3. Чекисты Петрограда... С. 146.
4. Там же. С. 148.
5. Там же. С. 149.
6. Митрич. Слава Павшим. С. 33.

В.Я. Люндеквист

1. Герца Б.В., Ген. штаба ген.-майор. Воспоминания о моей жизни. Т. II. — Париж: Воен.-ист. изд-во «Танаис», 1970. С. 114.
2. *Bezobrazov Vladimír Mikhailovitch*. Diary of the commander of the Russian Imperial Guard. 1914–1917. Edited and annotated by Marvin Lyons. — Boyton Beach, Florida: Dramco Publisher, 1994. P. D 57.
3. Ibid. P. D 70.
4. Ibid. P. D 70.
5. Ibid. P. D 70.
6. Ibid. P. D 72.
7. Ibid. P. D 73.
8. Герца Б.В. Указ. соч. С. 125.
9. Там же. С. 126.
10. Там же. С. 125.
11. Там же. С. 125–126.
12. Красная Книга ВЧК. Т. 2. Изд. 2-е. С. 231.
13. Там же.
14. Чекисты Петрограда... С. 152.
15. Там же. С. 152.
16. Там же. С. 152.
17. Там же. С. 152.
18. Там же. С. 152–153.
19. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173, 174.
20. Письмо-доклад И.Р. Кюрца генералу Юденичу от 29 октября 1919 г. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н.Н. Юденича. Коробка 18. Дело 110.
21. Чекисты Петрограда... С. 176.
22. См. выше.
23. Корнатовский Н.К. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде... С. 84.
24. Чекисты Петрограда... С. 188.
25. Там же. С. 188.

В.Е. Медиокритский

1. Здесь и далее до 1916 г.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Послужной список 372-562.
2. *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 121-122.
3. *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 206.
4. *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. - М., 1978. С. 295.
5. Чекисты Петрограда... С. 184.
6. Петроградская Правда, 23 ноября 1919 г. Цит. по: *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. - М., 1975. С. 333.
7. Чекисты Петрограда... С. 184.

А.А. Шмидт

1. В списке могил кладбища в Сент-Женевьев де Буа *И. Грезина* (Париж, 1995. С. 441) год рождения ошибочно помечен 1880.
2. РГАВМФ. Ф. 406, Оп. 10, Д. III-73. Послужной список 1916 г.
3. Чекисты Петрограда... С. 157.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Красная Горка в воспоминаниях участников восстания

Публикуя воспоминания коменданта форта Красная Горка Н. Неклюдова, написанные им в 1928 г.*, мы хотели бы обратить внимание на то, что идеи, толкнувшие поручика Неклюдова на подготовку восстания, были созвучны тем, которые легли в основу стратегического замысла генерала Юденича.

Еще в начале 1918 г. у Неклюдова и его единомышленников в Кронштадте и в Петрограде сложилось убеждение, «что спасение России начнется отсюда, где начнется мятеж, — из столицы с ее исключительным военным положением, психологией и прошлым... Там, — продолжает он, — необходимо организовать восстание, и это восстание должно быть мощным и грозным, должно охватить пространство, неуязвимое и неприступное. Таким местом был Кронштадт и прилегающие к нему форты».

В его расчетах была «большая ставка на помощь извне». Эта иллюзия характерна не только для одного Неклюдова. На помощь бывших союзников России надеялись первоначально почти все белые вожди, помнившие о жертвах, принесенных русской армией в Первую мировую войну. Как ясно из воспоминаний, Неклюдов до последнего ждал появления перед Кронштадтом английской эскадры с «десантом и продовольствием».

В плане подготовки восстания Неклюдов считал, что для проведения его «необходимо было образовать крепкое ядро в... гарнизоне». Пользуясь тем, что после демобилизации армии в 1918 г. в Петрограде было много безработных офицеров, Неклюдов не только назначал на командные посты на форту наиболее верных ему, но и имел возможность ставить их на должности рядовых, особенно в пулеметной команде артиллерийского дивизиона, где среди них было больше 30% бывших офицеров.

Пользуясь тем, что власти опасались дальнейшего движения немцев, уже занявших Псков, Неклюдов охотно принимал в гарнизон форта солдат, отбирая недовольных политикой большевиков в деревне, особенно тех, кто добровольно возвращался на фронт после демобилизации, убедившись в разорении их хозяйств проразверсткой.

* Печатается лишь та часть работы Н.Н. Неклюдова «Драма Русской Революции», которая относится непосредственно к восстанию на форту Красная Горка. Здесь же приводятся его высказывания относительно периода 1917–1918 гг., потому не вошедшие в публикуемый фрагмент.

«Они, — вспоминает Неклюдов, — представляли из себя изумительный, благородный материал, из которого при желании и умении можно было создать прекрасного солдата».

Неклюдов мог воспользоваться лестным предложением занять высокий пост инспектора артиллерии в одной из южных армий, с тем чтобы «перейти к Деникину», но предпочел остаться комендантом форта, где у него были верные солдаты, готовые повиноваться любому его приказанию, офицеры, видевшие в успехе восстания цель своей жизни, и, наконец, крепость с мощными орудиями, защищенная с суши и моря.

Переходя к той части воспоминаний, в которой непосредственно речь идет о восстании на форту, нам хотелось бы обратить внимание на оценку автором проблемы достижения основной оперативной цели, т.е. наступления с целью занятия Петрограда.

В своих воспоминаниях он сознает: «...Всю эту массу живой силы (т.е. гарнизона форта) я направил в распоряжение штаба корпуса Родзянко». Продумывая прошлое, он определенно говорит, что надо было «самому с таким количеством испытанного, закаленного и преданного войска, образовать ядро белой армии», т.е. начать энергичное наступление через Ораниенбаум и Петергоф на Петроград. Действительно, в первые дни восстания — 13 и 14 июня 1919 г. — на этом направлении войск 7-й красной армии почти не было. Только 14 июня начала формироваться «береговая группа» под командованием Стороженко, в которую входили 1-й экспедиционный отряд моряков в составе 500 человек с 4 орудиями, 2-й экспедиционный отряд из моряков в составе 800 человек и небольшой отряд Шатова с броневидами и бронеплощадкой. И только 15 июня в состав группы Стороженко прибыли значительные подкрепления*.

Но, разумеется, при взаимодействии с Северным корпусом «ядро» Неклюдова — гарнизон форта — один, без поддержки других гарнизонов, мог лишь сыграть роль ударной части Северо-Западной армии.

Необходимо также отметить, что Неклюдов дипломатично обходит описание возмутительной встречи гарнизона форта ингерманландцами. Возможно, что он намеревался опубликовать свои воспоминания при помощи Л.Ф. Зурова (в фонде которого они были найдены), проживавшего до конца 20-х годов в Прибалтике.

* Надежный Д. На подступах к Петрограду летом 1919 г. С. 80.

В то же время совершенно справедливо описывается встреча гарнизона у генерала Родзянко, где Неклюдов почувствовал, что его приход был для белых «не только неожиданным, но даже до известной степени враждебным». Стоял вопрос о предании суду коменданта форта и его офицеров как бывших командиров Красной Армии... Успокоение внесло известие об ожидаемом прибытии генерала Юденича для вступления в командование и «обаяние его имени».

Во всяком случае, воспоминания Неклюдова проливают дополнительный свет на вопрос об оперативной цели (точнее — отсутствии таковой) и, следовательно, о стратегическом решении относительно Петрограда в штабе генерала Родзянко (см. его биографию) во время майско-июньского наступления 1919 г.

Воспоминания Н. Неклюдова дополняют находящиеся в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» фрагменты работы рядового участника восстания В. Гусева «Три дня Красной Горки. (К пятилетию 1919–1924)».

В своем предисловии он справедливо упрекает генерала Родзянко в том, что в своих «Воспоминаниях», вышедших в Берлине в 1921 г., тот отвел Красной Горке два десятка строк. Ведь по мнению Гусева, «при большей согласованности в действиях и большем взаимном доверии и уважении, три дня “Красной Горки” могли стать решающими в судьбе северной столицы».

Описание некоторых эпизодов, в том числе когда капитан Лощинин обезоружил комиссара части Гайдаленко в начале восстания, достоверно и вызывает доверие. Автор в предисловии пишет: «...Многим я обязан Николаю Ивановичу Лощинину, помощнику коменданта форта, любезно предоставившему мне черновики своих предполагавшихся записок...»

От него же я получил копию рапорта начальника левого бережно-го участка Финского залива полковника Деля на имя командующего отдельным корпусом Северной армии генерала Родзянко с мызы Мурымицы, от 26/VI 1920 г.»

На основании этих слов можно предположить, что капитан Н.И. Лощинин проживал в эмиграции в Латвии, возможно, как и В. Гусев в Режице.

К сожалению, до нас дошли отрывки лишь одной главы: «Восстание, первый день».

Н.Р.

Н. Неклюдов Трагедия Красной Горки

<...> Идея о созыве Учредительного Собрания была еще жива в России. Дать правителя стране, назначив его путем свободного голосования, не прибегая к насилию диктатуры, казалась осуществимым. В истории России часто встречаешь подобные примеры, так, например, получила свое начало династия Романовых. План восстания состоял в том, чтобы образовать Временное Правительство, поднявши против Советов гарнизон Кронштадта, Балтийский флот, в следующей стадии — Петроградский гарнизон. С их помощью — переарестовать всех комиссаров и коммунистов во всех частях армии и гражданских учреждениях.

По образовании Временного Правительства начать переговоры с командующими Белых Армий для совместных действий. В Кронштадте, Петрограде и Москве существовали особые центры, связанные между собой. Насколько план восстания был разработан, можно судить по тому, что были даже назначены определенные лица, которые должны были бы в случае удачи восстания сразу занять тот или иной пост в составе Временного Правительства. <...>

Вся подпольная работа подготовки к восстанию велась чрезвычайно осторожно; так, например, каждый участник заговора не знал одновременно более 3-х лиц. Остальные даже не имели представления друг о друге.

Лично у меня на форту была одна часть, как особо благонадежная; это была артиллерийская пулеметная команда, в которой было до 30% старых офицеров, служивших в качестве рядовых, что было чрезвычайно важно, так как эти офицеры, влитые в солдатскую массу, являлись спаивающим элементом и барометром настроения.

Несколько иначе обстояло дело с офицерами, занимавшими офицерские должности. Дело в том, что большевистская система шпионажа была удивительно тонко разработана и остроумно придумана. Главное ее начало заключалось в развитии недоверия друг к другу. Офицер не мог себя чувствовать уверенным в том, что другой за ним не шпионит и не готов донести каждую минуту. Получалось нечто вроде цепи взаимного недоверия. Помимо всего этого, офицеры боялись меня, так же как я боялся их. Действительно, впоследствии выяснилось, что опасения относительно некоторых из них были основательны.

Перехожу теперь непосредственно к истории восстания.

В 10 часов вечера 12 июня я был экстренно вызван по телефону в штаб бригады, которая в то время находилась в районе военных действий, в селе Каваша. Я отправился туда с Особо-Уполномоченным Комитета обороны Петрограда Артемовым. Там меня встретили комиссары Кронштадта с тревожным для них известием, что 1-й и 2-й крепостные полки с приданными к ним частями отказываются перейти в наступление, отданное штабом бригады.

Солдаты при этом не только отказывались привести приказ в исполнение, но еще и угрожали применить силу оружия против тех, кто будет принуждать их к этому наступлению. От них при этом поступали довольно иронические предложения коммунистам и комиссарам самим перейти в наступление, если им это так нравится. <...>

Как только меня поставили в известность о происходящем на фронте, у меня забило радостно и тревожно сердце. «Начинается», теперь уже это то «настоящее», чего мы ждали и для чего работали. Однако приходилось продолжать игру и снять маску было еще не время. На образовавшемся совещании решено было затребовать специальные коммунистические части из особо испытанных и верных элементов для водворения порядка и ареста зачинщиков в вышедших из повиновения полках. Главный комиссар Кронштадта Ильин, принимавший участие в совещании, лично затребовал эти части.

Итак, как будто, первая часть восстания выполняется силой событий, без всякой инициативы с нашей стороны. Комиссары и коммунисты должны быть арестованы, — вот они и идут сами к нам в руки, в форт Красная Горка, как мышь в мышеловку!

Однако допустить коммунистов пройти в полки и арестовать зачинщиков — это значило бы привести к разрушению всего плана восстания. «Прибывшую группу нельзя пустить дальше форта и там же их переарестовать». Такова была мысль, немедленно мелькнувшая в моем мозгу. Поэтому, согласившись со всеми принятыми на совещании мерами и успокоив кстати присутствовавших, я помчался к себе на форт.

Вызвавши к себе своего помощника кап. Лощинина, я объяснил ему все происшедшее в полках и рассказал ему о совещании, в котором участвовал в селе Каваша. Я приказал ему быть готовым к перевороту, назначив его в 2 часа ночи, начав с ареста всех комиссаров.

Я получил извещение, что карательный отряд коммунистов численностью в 120 человек прибудет на форт приблизительно к 3-м часам ночи. В 3 часа ночи поезд с коммунистами из Кронштадта показался на территории форта.

Железнодорожный путь делает там петлю, и первая остановка была как раз против дома, который я занимал как комендант крепости. Из поезда вышел один человек, затем поезд с отрядом коммунистов отправился далее на конечную станцию, для того чтобы доставить подавителей восстания непосредственно в солдатские части.

Я знал по прошлому опыту, кто были эти люди... В подобных отрядах набирались либо слепые фанатики, либо отъявленные негодяи, палачи по призванию, но и те и другие необыкновенно мужественные, легко идущие на смерть люди.

...Ко мне постучали. Когда открылась дверь, я увидел на фоне брезжущего серовато-зеленым светом неба белой ночи севера человека хорошего роста в длинной кавалерийской шинели (которая так полюбилась большевикам), вооруженного до зубов. «Товарищ комендант, я явился к Вам для инструкции во главе карательного отряда из коммунистов для подавления восстания в 1-м и 2-м Кронштадтских крепостных полках».

Мог ли ожидать этот человек того, что произошло впоследствии? Он говорил с Неклюдовым, тем самым комендантом, добровольно явившимся на Форт обратно из отпуска, проехав ряд областей, занятых белыми! Тем самым товарищем Неклюдовым, что явился на форт в один из самых тяжелых и критических для советской власти моментов и стал затем во главе красного форта.

Я подошел к нему вплотную. Его лицо, лицо умного хищника отражало на себе серьезность момента. Я ничего не ответил ему, пристально смотря в его глаза.

Передо мной был один из «тех», через руки которых прошло за время революции столько невинных жертв. Он не колебался, когда приказывал отвести к стенке или бросить в грязную воду порта столько стариков и юношей. Сколько крови видел он за это сравнительно короткое время, сколько рук подымалось к нему, моля о пощаде и, может быть, иногда из милости или чтобы ускорить дело, он сам направлял из своего нагана *coup de pitié**. Он стоял теперь передо мной, в 50 сантиметрах расстояния, и он был в моей власти.

«Я возьму тебя живым», — думал я, продолжая пристально смотреть ему в глаза. Но его все-таки нужно было взять, — живым, я знал, он не сдастся, он еще будет рвать врага перед смертью!

Я не ждал его прихода, оружия не было у меня под рукой. Перед тем, чтобы схватить его, нужно было вырвать у него клыки.

«Вы и Ваши люди вооружены хорошо? Предстоит серьезное дело, товарищ».

— Да. У всех револьверы и шашки.

«А Вы лично?» — продолжал я как можно хладнокровнее.

— Вот видите, — отвечал он, указав глазами на свой наган, висевший на боку в кожаной кобуре.

«А он заряжен, Ваш наган? — спросил я с показным любопытством, — можно посмотреть?»

— Пожалуйста, — сказал он, улыбнувшись.

Я нарочно медленным движением взял в руки тяжелый револьвер и затем незаметно отстегнул карабин, прикреплявший его к шейному шнуру. Отступив на шаг, я быстро поднял дуло нагана и направил ему в грудь.

«Руки вверх», — произнес я громко и отдельно. Он отступил, но рук не поднял. На его лице было самое наивное удивление.

— Вы шутите, — начал было он.

«Руки вверх», — произнес я еще внушительнее и еще раздельнее. Он повиновался. Он понял, в чем дело.

Я заставил его перейти к письменному столу и стал так, чтобы стол нас разделял, не спуская с него револьвера. Затем я нажал кнопку звонка и, передав наган явившемуся вестовому, передал приказ для присылки людей, чтобы арестовать начальника карательного отряда.

* Удар милосердия (фр.).

В это время происходил арест и самого отряда. Вдоль деревянной платформы были расставлены пулеметы. Когда коммунисты стали выходить из вагонов, был отдан приказ: «бросай винтовки». Раздалось щелканье взводимых пулеметных затворов, а затем и стук бросаемых винтовок. Все коммунисты были отведены в одно помещение людьми пулеметной команды.

Интересно, что когда туда был приведен их начальник, арестованный мной, на него набросились его люди и избili его, обвиняя своего начальника в измене.

Затем я приступил к передаче приказаний по телефону во все отдельные части, вызывая их командиров, сообщая им о происшедшем перевороте и приказывая произвести немедленный арест всех комиссаров и коммунистов, находившихся в их частях.

Не было ни одного случая отказа в повиновении, и вскоре стали поступать на форт арестованные. Всего их было 357 человек. Необходимо было, на случай неудачи восстания в Петрограде, обезопасить себя со стороны суши. Полковника Делля я назначил начальником сухопутной обороны крепости.

Затем я сообщил в Кронштадт начальнику штаба Балтийского флота Рыбалтовскому о совершившемся перевороте. Рыбалтовский ответил, что будет произведено должное. Через некоторое время он мне позвонил, что все кончено.

К 7-ми часам утра весь гарнизон крепости Кронштадта и его форты, как-то: Обручев, Риф и Тотлебен, Константин, а также весь флот поднял восстание и арестовал всех комиссаров*.

К сожалению, мне неизвестно, что происходило в это время в самом Кронштадте. Я послал два радио, одно русскому Флоту, а другое английским судам, поздравляя с переворотом. В радио англичанам я добавил кроме того, что прошу поддержки.

Она не пришла никогда...

Утро прошло в переброске перешедших и восставших частей на новые позиции. В районе Ораниенбаума—Систо—Палкино произведены были аресты всех чрезвычайных комиссий.

Казалось, что дело выиграно и что достаточно отправляемой минной дивизии в составе нескольких миноносцев в русло Невы, чтобы поднять восстание в Петрограде.

* Это не соответствует действительности. Вероятно, автор так был информирован. — Н.Р.

Надо добавить, что, по полученным сведениям, в столице также находились под гипнозом присутствия англичан на северной стороне залива. Однако в 2 часа дня в ответ на мое требование коменданту Артамонову сдать город и гражданские учреждения на рейд вышел дредноут «Петропавловск» и открыл огонь по Форту «Красная Горка».

Это был действительно удар грома с ясного неба, и с этого момента начинается второй акт трагедии.

Значит, в конце-то концов на кораблях и в порту взяли верх большевики. Большевики, однако, были и у нас на форту, но, очевидно, в Кронштадте и на кораблях не удалось создать той атмосферы доверия и той готовности к перевороту по одному знаку, какая царила у нас... <...>

Я снова снесся с Кронштадтом по телефону и вызвал коменданта Артамонова. Впоследствии я узнал, что во время его разговора со мной рядом с ним сидел чрезвычайный комиссар, присланный из Смольного... С наведенным на него дулом револьвера и державший у своего уха второй телефонный приемник, так что ни одного слова из нашего разговора не могло ускользнуть от него. Но, как я упомянул выше, это обстоятельство сделалось мне известным лишь много позже, когда я уже покинул Россию.

Тогда же меня чрезвычайно поразил тон, с каким Артамонов говорил со мной по телефону. Каждое его слово диктовалось комиссаром. Я дал ему 40 минут на размышление, угрожая в противном случае открыть огонь по городу и самым важным пунктам из 12-дюймовых орудий.

Через некоторое время Кронштадт попросил продления срока. По истечении его я открыл огонь по штабу крепости, минной лаборатории, военной гавани, артиллерийской лаборатории, складу мин на форту «Петр» и пароходному заводу.

В ответ на мой обстрел я получил уже два залпа, потому что к «Андрею Первозванному» присоединился дредноут «Петропавловск».

Условия стрельбы не были одинаковы для обеих сторон. Во-первых, против меня действовали 12 двенадцатидюймовых орудий «Петропавловска» и 4 двенадцатидюймовых «Андрея Первозванного», а во-вторых, отвечать мы могли только при корректировке стрельбы с привязного аэростата. Дело в том, что крепость была устроена для врага, наступающего на Петроград, а не из Петрограда, благодаря чему обстрели-

вавшие нас суда, подходя с правого фланга и оставаясь на определенной дистанции, были недоступны для орудийных наводчиков. Тем не менее, судя по последующим донесениям, наша стрельба оставалась довольно точной, в особенности хороши были попадания по еще более отдаленному Кронштадту, где наши снаряды ложились в непосредственной близости от намеченной цели.

Лица, перешедшие после Кронштадтского восстания 1921 г., передают, то выстрелы с Красной Горки посеяли в городе панику. Части войск, составлявшие гарнизон Кронштадта, стали было уже колебаться и, кто знает, достаточно может быть было еще нескольких выстрелов, чтобы и Кронштадт выкинул знамя восстания!

У меня, однако, не хватило силы воли обстреливать дальше мирный город. Каюсь, что теперь я иного мнения, когда вспоминаю о гекатомбах невинных жертв, принесенных большевиками на алтарь революции в последующие годы.

Вернусь к своему изложению. Горизонт продолжал сгущаться. Стали поступать донесения, что к Ораниенбауму стягиваются пехотные части Петрограда и броневые поезда.

Красная Горка затягивалась в тиски с моря и суши. <...>

Но не все казалось потерянным. Ведь там, на западе, у пограничных с фортом деревень продвигаются белые, а по ту сторону залива — английский флот; придет же он, наконец, сдержит свое обещание!

Для парализования натиска с востока были переброшены две полевые батареи из состава артиллерийского дивизиона на сторону Ораниенбаума, а открытым двенадцатидюймовым батареям было приказано разбить железнодорожную станцию Ораниенбаума и Спасательную. Стрельба велась на 20-верстном расстоянии и корректировалась с привязного аэростата.

Обе станции были разрушены.

Во время обстрела Ораниенбаума, как потом выяснилось, на путях стоял блиндированный поезд, в котором находился сам Троцкий. Поезд им удалось оттянуть из сферы огня*.

На второй день бомбардировки к нам передался небольшой тральщик из Кронштадта, «Китобой», водоизмещением в 150 тонн. Его командир передал секретный код и план минных заграждений у входа в Кронштадт. Затем «Китобой» прошел к линии союзных нам судов.

* В тот момент Троцкого под Ораниенбаумом не было. — Н.Р.

Впоследствии я встречал в Ревеле его командира. Любопытная подробность. Когда в 1920 г. «Китобой», идя в Крым к Врангелю, стоял в Копенгагене, туда же прибыл один из самых больших в мире военных кораблей — английский дредноут «Худ» (Hood) в 42 000 тонн. Однажды на «Китобой» явился старший офицер «Худа» и объявил этот корабль английским призом, имевшим место под Кронштадтом в 1919 г., предложив командиру спустить андреевский флаг и заменить его английским. Здесь была, так называемая, «ударная тактика». Расчет был на то, что командир будет настолько ошеломлен этим требованием, что слепо повинуется. Такова была, между прочим, обычная тактика оккупирующих английских начальников на русской территории.

Здесь, однако, дело обернулось иначе. Командир «Китобоя», старший лейтенант (capitaine de fregate) Ферсман, ответил англичанину, что он сдаст свой корабль «после боя». 42 000 тонн против 150 тонн!

На этом инцидент был исчерпан. Ясно, что ни о каком бое в Копенгагенском порту в мирное время не могло быть и речи. Но сам по себе этот случай чрезвычайно характерен.

Артиллерийское состязание между «Петропавловском» и «Андреем Первозванным» с одной стороны и «Красной Горкой» с другой продолжалось уже два дня. Все постройки на территории Форта (около 20) сожжены. Все живое переведено в бетонные погреба.

Ежеминутные разрывы огромных снарядов. Солнце скрывается, заволоченное желтыми облаками окислов азота. Тучи песка, поднятые взрывами, образуют густую завесу.

В бетонных казематах орудийных башен — непрерывная работа. Дневной свет туда не поступает, день и ночь горит электричество и благодаря этому утеряна мера времени.

Сколько прошло минут, или часов, или дней, с тех пор как в первый раз рвануло огромное орудие, пославшее невероятный снаряд в Кронштадт к своим, за свою Родину, за ее освобождение.

Тела пушек так раскалены, что страшишься за разрыв снаряда в самом дуле. Артиллерийская прислуга работает обнаженной, качаясь от адской жары. Там, наверху, рвутся вражеские снаряды, пущенные из русских судов и русских пушек, которые все же не смогли повернуть в сторону Смольного.

От их разрывов стонут и сотрясаются стены башен, но они не уступают, они держат, они достаточно крепки! Переби-

вает водопроводную трубу, нет воды, жажда мучает нестерпимо. К жажде присоединяется голод. Разбита хлебопекарня, нет хлеба! А помощи нет. Той помощи, которую обещали.

На второй день приходит радио Зиновьева. В нем обещается пощада всем восставшим, если немедленно прекратят стрельбу. Можно видеть из самого факта присылки этого радио, что большевики очень боялись разрушения Кронштадта, потому что, помимо материального вреда, видели в этом огромный моральный фактор воздействия на колеблющиеся массы солдат и матросов. Еще раз повторяю, что выказал себя недостаточно сильным и недостаточно проникнутым правилом *à la guette come à la guette**. Через два года, в зимнее время, один, без союзников, имея против себя противником в этот раз уже *красную* Красную Горку, он выбросил знамя восстания!

На третий день к стрелявшим судам присоединяется третий корабль. Когда-то славный корабль гвардейского экипажа, крейсер «Олег». Но он ничего не может прибавить более страшного к создавшемуся аду.

Артиллеристы, как загипнотизированные, продолжают с воспаленными глазами наводить, стрелять и вновь заряжать. Они, как влюбленные в свои страшные орудия, не могут отойти от них хоть на время, для отдыха. Приходится их отводить силой.

На третий день обстрела, к вечеру, под сильнейшим артиллерийским обстрелом на форт прибыл офицер какой-то ингерманландской части.

Он еще раз подтвердил помощь со стороны английского флота и белых партизанских отрядов, но требовал гарантий с нашей стороны. Узнав, что у нас сейчас находится около 350 человек комиссаров и коммунистов, он потребовал их в обмен на продовольствие, в котором мы так нуждались и которое, по его словам, уже находится в пути. Я поставил его в известность, что пленные нужны для обмена на тех белых, которые могут быть арестованы или уже арестованы в Кронштадте и Петрограде, о чем я, между прочим, уже послал телеграмму Зиновьеву. Ингерманландец заявил, что «с головы пленных не упадет ни один волос».

Все эти люди были отведены под конвоем наших солдат в село Калищи в 8 верстах к западу от форта и сданы под расписку этого ингерманландца.

* На войне как на войне (фр.).

Кстати сказать, он попросил, уезжая, моего верхового коня, которого я больше никогда не видел.

Перед отъездом он еще заверил нас, что в 2 часа ночи подойдет английский флот.

После этого посещения мы снова почувствовали себя окрыленными. Стрельба с судов как будто затихала, «Петропавловск» получил повреждение от нашего огня и даже принужден был укрыться в Кронштадтской гавани.

Наступило 2 часа ночи. Обещанный момент. Флот не приходил. Как будто видны были на горизонте какие-то дымы, но они оставались смутными и не увеличивались. Ночь прошла. Настроение начало быстро вянуть. В тылу началось мародерство, которое я подавлял расстрелами.

Около 11 часов на командный пост, в котором я находился, ко мне вошел оборванный, грязный незнакомец. Его нога была забинтована и сквозь повязку просачивалась кровь. К своему ужасу, я узнал в нем начальника восточного участка обороны Гейсберга. Он сделался неузнаваемым за 4 дня, проведенных им в бою. Он подошел к столу, за которым я сидел, и бросил на него свой револьвер со словами: «Он пуст! Последняя пуля выпущена мною в того, кто последний оставил фронт. Теперь там больше никого нет. Не понимаю, почему большевики не продвигаются вперед. Фронт открыт».

Я вызвал к себе начальника всей обороны полковника Делль, с которым вместе обсудили положение. — Форт надо было покинуть.

Я отдал приказ об отступлении. Ждать дальше помощи со стороны англичан или белых было бесцельно.

Все, что возможно было увезти с собой, было увезено: автомобили, легкие орудия, пулеметы и патроны. Был взят с собой даже привязной аэростат с его техническим оборудованием.

Ни на одну минуту, однако, мне не приходило в голову взорвать укрепления перед отходом. Все казалось, что уходим не окончательно, что мы еще вернемся.

(Лучше было бы все же взорвать, как показали последующие события. Через 2 года, когда началось знаменитое Кронштадтское восстание 1921 г., Красная Горка обстреливала мятежников.) — Когда последний грузовик с вывозимым скрылся, я отдал приказ привести в негодность орудия, но не окончательно. — Опять-таки, надежда на возвращение! Из крупных орудий вынимались запалы и ударники, а из легких замки. Все это зарывалось в землю.

Приказ был отдан. Артиллеристы прощались с оставляемыми ими орудиями, еще не успевшими остыть после четырехдневного непрерывного боя. После огромного напряжения для них наступил покой, и нервы сдали от резкого контраста. Многие из солдат плакали, прощаясь с орудиями, как с живыми. Проводив последнего человека, я с небольшой кучкой добровольцев вернулся опять на форт. Я не чувствовал себя в силах расстаться с ним сразу. <...>

Корабли красного флота, хоть редко, но еще стреляли. — Вся площадь форта была изрыта колоссальными воронками. Деревянные строения его были сожжены, а прекрасный зеленый лес, окружавший форт, теперь представлял из себя трагическую картину. Его деревья были расщеплены, раздавлены, вырваны с корнем.

Перебегая от воронки, вырытой снарядом, к воронке, мы пришли к батареям. Сопровождавшие меня добровольцы вновь пустили в ход электрическую станцию и дали освещение. — Мне удалось забрать с собой секретные планы и карты.

На форту не оставалось ни одного живого существа, кроме нас. Красные не наступали. По-видимому, они боялись, что форт заминирован.

Затем мы окончательно покинули Красную Горку, с которой у нас было связано столько надежд и где было потрачено столько сил, моральных и физических.

Через 2 дня только красные вступили в крепость*.

С этого момента начинается новый период, который послужил заключительным аккордом эпопеи «Красная Горка — Северо-Западная Армия».

Из форта Красная Горка вышло 6000 человек с огромным техническим имуществом.

Гипноз ли власти, ложное ли убеждение в могуществе белых отрядов или что другое, чему я не могу сейчас дать точного определения, но всю эту массу живой силы я направил в распоряжение штаба корпуса генерала Родзянко. Таким образом, вместо того, чтобы самому с таким количеством испытанного, закаленного и преданного войска образовать ядро белой армии, я влил 6000 своих людей в неорганизованные, разноплеменные, неспянные части.

* Красные вступили в форт 16 июня в 0.30. — Н.Р.

Было еще одно обстоятельство — известие о ближайшем прибытии генерала Юденича для вступления в командование и обаяние его имени, про которого говорили, что он никогда не знал поражения.

Было ясно, что против большевиков не могло действовать одновременно несколько частей, не связанных общим командованием, и я, не колеблясь, подчинился высшему в чине.

Во время моего свидания с ген. Родзянко выяснилось, что он был совершенно неправильно информирован о всем происходящем на Красной Горке и мой приход был для белых не только неожиданным, но даже до известной степени враждебным, потому что, как оказалось, генерал даже собирался меня предать суду.

Таков, правда, был обычай по отношению к передававшим ся на сторону белых частям красной армии.

Однако стоило лишь мне указать генералу Родзянко на присутствие на его территории 6000 человек, слепо мне повиновавшихся и видевших во мне одного своего начальника, как вопрос о суде отпал немедленно.

Разочарование следовало за разочарованием. — Оказалось, что нет налицо продовольствия для нашей армии. К счастью, эстонское военное командование, после обмена телеграммами, пошло навстречу, и все необходимое было добыто.

Затем мы с ген. Родзянко отправились к месту расположения моих частей, где им был устроен смотр.

Из пехотных частей был образован Красногорский полк, часть артиллеристов пошла на пополнение уже существовавших батарей, а из другой части были сформированы еще три батареи.

Из матросов был создан Андреевский полк по имени Андреевского морского флага.

Матросы были необыкновенно мужественными людьми, дравшимися героически, безразлично, на каком фронте бы они ни находились. Впоследствии весь Андреевский полк погиб на подступах к Ямбургу.

С моими частями корпус ген. Родзянко образовал настолько крупную единицу, что ген. Юденич, до того сидевший в Гельсингфорсе, прибыл в Ревель и принял командование этой новой армией. Так родилась Северо-Западная Армия.

Мне самому была предложена должность начальника штаба 3-й дивизии*. Как раз в этой дивизии находился мой Красногорский полк, с которым я не хотел расставаться.

Перед своим наступлением на Петроград ген. Юденич вызвал меня к себе для того, чтобы посоветоваться относительно обратного занятия Красной Горки.

Я не терял связи со своей бывшей крепостью и был прекрасно знаком с настроением его гарнизона. При победном наступлении ген. Юденича не было никакого сомнения относительно ее обратного перехода. Но для меня было также ясно, что крепость может быть взята лишь русскими частями.

Как раз в этом пункте мы не могли столкнуться с ген. Юденичем. «Военное эстонское командование берет на себя задачу овладения крепостью, а англичане будут помогать мониторами».

Я возразил, что мониторы ничего не смогут поделать против 12-дюймовых крепостных орудий с превосходящей их дальность полетом снарядов, а относительно участия эстонцев и ингерманландцев у меня уже создался печальный опыт.

Мне сделалось известным, уже по оставлении крепости, что командир Ингерманландского полка, на фронт которого были посылаемы мною люди для связи с белыми, расстреливал их. Очевидно, тут не обходилось без участия некоторой антипатии по отношению к русским.

К сожалению, мне не удалось со своими частями занять Красногорский участок.

Вышло все, как я ожидал. С Красной Горки началось обстреливание Юденича. Эстонский отряд не мог продвигаться вперед и как бы прирос к одному месту в 8-ми верстах от крепости.

Из-за угрозы тылу армии пришлось начать отступление. Все же перед этим я был послан ген. Юденичем на разведку, для выяснения обстановки, под Красную Горку. Я отправился туда с двумя морскими офицерами. При возвращении мы были арестованы эстонцами и приговорены эстонским адмиралом Питка к расстрелу. Спасены были чудом.

* На эту должность был назначен один из помощников Неклюдова подполковник Кусаков (см. биографию Ветренко). — Н.Р.

Это было знаменательно для окончания всего нашего предприятия, — работа, огромное напряжение воли, героизм, жертвы людьми, разгром Красной Горки после чудовищной, неслыханной артиллерийской дуэли, оставление ее всем гарнизоном, наступление Юденича, близость завладения Петроградом — все это запуталось в паутине сложных человеческих и международных политических отношений <...>.

Остались лишь могилы расстрелянных заложников и убитых в братоубийственном бою.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Л.Ф. Зурова. Папка 4-13. Л. 43-65.

В. Гусев

Восстание на «Красной горке»: первый день

<...> Около четырех утра, когда все еще спали, по рабочему городку пробежал человек. Он неистово размахивал руками и что-то кричал. Никто не мог разобрать — что он кричал, но все ясно почувствовали необычное. Откуда-то сразу выполз слух: «Арестован фортовой комиссар!» Никто не мог дать отчета, кто сказал первый. Вероятно, просто все вслух подумали. Сразу ощутили его правду, но никто не хотел верить. Сейчас же приполз второй: «Пулеметчики берут в постелях и разоружают коммунистов». Переносить неизвестность больше стало невыносимо. Бросились к телефону. Артиллерийский городок — «мозг» форта — не отвечал. Разбудили нашего комиссара. Он бешено ворвался в штаб, вырвал трубку... Форт ему дали. Главный комиссар отвечал, что все спокойно. Мы ясно ощутили неправду ответа, но комиссар успокоился. Все же он велел привести отряд в боевую готовность, вызвал командира. Слухи не унимались. Мы узнали, что перестал действовать ночной пропуск. Комиссара обходили, с ним избегали говорить, но все приказания исполнялись быстро и точно. Отряд проснулся. Телефон снова перестал работать. Выслали людей для исправления

линии. Командир сам не пришел. Явились два инструктора — В.Н. Крюков и М.В. Юркевич в полной боевой форме. Разговор не ладился.

Со стороны артиллерийского городка показался небольшой отряд с двумя трехдюймовками и пулеметами. Все насторожились. Вышли из штаба. Узнали своих: помощника коменданта с пулеметной командой.

Комиссар выстроил отряд. Стали ждать. Двигались медленно. Не доходя полторы сотни шагов, задержали пулеметы, орудия оставили ранее. Помощник коменданта с улыбкой подошел к комиссару: «Форт перешел к белым. Комиссары и коммунисты, сдайте ваше оружие!» Все замерли. Гайдаленко отстегнул кобуру и подал ее Лощину. За ним то же самое проделали другие. Лощинин обратился к нашим инструкторам: «Постройте тех, в ком уверены, остальных поведу я». Юркевич и Крюков разбили два взвода. «Возьмите пулеметчиков. С ними — на Ораниенбаумское шоссе в заставы». Никто ничего не расспрашивал. Слова роняли скупое. Лощинин увел арестованных. Юркевич взял оба взвода в заставы. Остальные возвратились в штаб. От командира по телефону сообщили, что башенные батареи перевели орудия на Кронштадт. Вздрогнули стены. Поймали слухом характерный звук выпущенного снаряда. Второй... третий... Это было предупреждение Кронштадту. Срок ультиматума о сдаче истекал в три часа дня.

Передавали новости. Комендант, объезжая заставы, объявил о переходе на сторону восставших двух ближайших фортов Кронкрепости: Обручева и Тотлебена. По радио извещены Гельсингфорс и Ревель. Все части сухопутной обороны форта арестовали своих комиссаров и коммунистов; все они (около трехсот человек) под караулом на групповой. Узнавали подробности. Форт перешел без сопротивления. Главного комиссара действительно подняли с постели. Остальные беспрекословно дали себя арестовать. С утренним шестичасовым поездом прибыл на форт карательный отряд в 150 человек. Помощнику коменданта и его пулеметчикам удалось захватить и обезвредить их, не сделав ни одного выстрела. <...>

Гусев В. Три дня «Красной Горки» (К пятилетию 1919-1924). Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Л.Ф. Зурова. Папка 4-10. Л. 5-6.

Из писем К.И. Дыдорова
св. князю А.П. Ливену

21 июля 1919 г. Нарва.

Ваше сиятельство, сегодня видел генерала Юденича, но ничего реального от него не получил. Доложил ему, что общее настроение на фронте хорошее, на зато полное недоверие к нашим союзникам, а потому надо как можно скорее фронту помочь материально. Крайняя и почти нетерпимая нужда здесь в следующем: обувь, деньги, табак, белье, мыло, сахар, обмундирование, вооружение, снаряжение, походная кухня и карты.

Сказал ему я это твердо, но он пока что почти беспомощен. Во всяком случае, пока что нам, избалованным германцами, здесь нелегко.

На этой почве у меня вчера была стычка с капитаном Брей, который назвал меня чуть ли не германофилом, но это сторяча. Я думаю, что он верит, что я только русский и измотался, желая добра Родине и всему русскому. Предлагал ему бросить затею перевозить нас морем, но как удастся ему нас перевезти железною дорогой — не знаю.

С эстонцами здесь то же, что и с латышами, — затруднения.

Сейчас 12 часов 40 мин. дня, получил какое-то сведение, что наши 20 числа отправлены из Либавы сюда, но факт ли это, не ручаюсь.

Не знаю, удастся ли мне так часто посылать Вам доклады, но стараться я буду. Прошу только и ко мне отправлять чинов с вопросами, Вас интересующими.

Здесь каким-то образом получили (штаб армии) новенькое германское телефонное имущество. Попытайтесь и Вы достать от них все, что можно из перечисленного мною.

Повторяю и заверяю Вас, что для общего дела я готов служить Родине полностью и пойду с Вами куда угодно и на что угодно. <...>

22/VII. 3 ч. 10 м. дня. Нарва № 139.

Сегодня один из самых тяжелых дней моего пребывания здесь, несмотря на то, что надо было бы, кажется, радоваться, потому что вся либавская часть нашего отряда сегодня прибыла сюда. Дело в том, что здесь появился генерал-майор Вандам (Генерального штаба — бывший командующий Северным корпусом в Пскове), который, пригласив меня к себе, стал говорить обратное тому, что до сих пор нам здесь обещали.

Кто и что здесь генерал Вандам, я пока еще не знаю, но впечатление он производит вообще отталкивающее, а на меня сегодня — самое безотрадное. Если такое старье начнет играть роль в создании новой России, то я не знаю, будет ли от этого толк. Мне кажется, что такие люди будут далеки от жизни, а потому испортят то, что стараются сделать верующие и энергичные.

Когда вопрос зашел о разворачивании отряда в дивизию, он мне заявил, что с разворачиванием не согласен, ввиду малого числа людей. На мой ответ, что люди мне обещаны генералом Родзянко, кроме того придет к нам большое пополнение из Польши и т. п., он ответил, что из Польши пополнение прибудет не только для нас, но и для всей армии, в наших же общих интересах.

Заявив ему, что нами много потрачено денег, сил и времени на создание польской вербовочной сети, а кроме того генерал Родзянко и генерал Юденич обещали пополнение это только нам, он ответил мне, что все пойдет в запасные части, а не так, как мы этого хотим.

Генерал Вандам сказал, что ему известно, что в Польше фильтрации нет (он сам оттуда приехал), а потому они здесь в запасных частях устроят всем фильтрацию. Я сказал, что мне известно, что фильтрация там существует и что там есть много офицеров, на которых мы теперь рассчитываем.

Все равно все будет идти через запасные части и оттуда пополнение распределится для всей армии. Тогда я снова доложил ему, что мне сделано обещание не Ивановым, Петровым или Сидоровым, а генералом Родзянко и Юденичем и я верю, что они свое обещание сдержат. Сказано это было в решительной форме.

Генералу Вандам, видимо, это не понравилось; он встал и сказал: «В таком случае, разговор наш окончен».

Весь этот разговор на меня сильно подействовал, и я ушел от него с такой же верой в наше будущее, с какой мы живем, еще слепо веря нашим союзникам.

При таком положении вещей смогу ли я выполнить свою миссию, возложенную на меня Вами, — не знаю.

После этого я говорил с генералом Родзянко, но он старался увильнуть от прямого ответа и в конце концов все же его мне не дал, ответив, что до прибытия пополнения времени еще много, а потому еще будет время о нем поговорить.

3400 человек, прибывающие из Польши, следовательно, для отряда могут пропасть. Сегодня я посетил наших сравнительно легко раненых, — были до слез рады вниманию.

На фронте у нас за это время уже выбыло 24 человека; убиты: один офицер, один чиновник; умер от ран один стрелок, тяжело ранено два офицера и два стрелка: легко ранено 15 человек.

На участок второй дивизии была послана поддержка из двух рот под общей командой полковника Еремеева. Молодой генерал-майор Ярославцев отрешил его за медлительность, но я сильно запротестовал и окрысился. Не знаю, что из этого выйдет. наших офицеров и вообще всех наших я в обиду давать не буду!!! Может быть себе голову сверну, но за них здесь постою. <...>

1919 г., 12 сентября. 13 ч. 40 м. № 163. Д. Ложгалово
Ваша Светлость!

Пользуюсь случаем, чтобы снова Вам написать о нашем существовании здесь.

Жалование мы здесь все же начали получать. Получили Родзянки, а о стокгольмских делах пока что говорят.

Обмундирования до сих пор еще нет и нет, говорят, что уже близко от нас. Слава Богу, получили немного нижнего белья, что все же большая помощь. <...>

Отношение к нам со стороны корпуса сильно улучшилось, но присные гр. Палена все же больше дают во вторую дивизию, которая им родная, чем нам.

Получить бы обмундирование, тогда дело сильно улучшилось бы.

Сегодня был парад части 1-го полка по случаю их полкового праздника. Много было босых на параде и одеты, как шайка, а не как армия.

Я считаю, что наши солдаты это все люди, делающие подвиги, так, например, часовой, стоя на посту, плачет из-за того, что ему холодно, что он босой, но с поста все же не сходит. Двое заболели острым умопомешательством (офицер и солдат), т. к. стоим почти бессменно и жить приходится в шалашах. <...>

1919 г., 7 сентября. 23 ч. 05 м. № 158. Д. Ложгалово.

Ваша Светлость, 5 сентября я получил Ваше письмо от 23 VIII и 27 VIII. Глубоко и искренно Вас благодарю! Ваши строки и память обо мне подбадривают меня, начинающего падать духом. — С Вашим отъездом все же «приятели» стараются многое у нас переделать. Старшие офицеры помогают отстаивать наше «Ливенское», но все же это очень трудно.

Из приказов Вы это ясно увидите. Мы пока что бойкотуем эти приказы. <...>

26 декабря 1919 г. н. ст., Раддас (имение гр. Штакельберга).

<...> Надеюсь, что многое Вам уже известно от наших, что делается здесь, а потому не буду писать много, но скажу одно только, что здесь тяжело и особенно тяжело потому, что меня все-таки сломили и «Ливенское» до конца сохранить мне так и не удалось, хоть я этим только и жил, чтобы «Ливенцы» были страшны большевикам и сильны, как воинская часть.

Отвечая на Ваши строки, мне очень тяжело и больно сказать Вам, что наше победоносное шествие к Петрограду, благодаря преступному бездействию некоторых, оказалось гибельным для армии, имевшей сравнительно малое число штыков, но колоссальное количество ртов. Тыл нас съел.

Ну да, до тех пор, пока я солдат С[еверо]-З[ападной] армии, я помолчу и не буду вдаваться в критику и в осуждение тех лиц, которым я не могу теперь верить и которых я не могу считать за добрых гениев для нашей исстрадавшейся России.

Да, ваша Светлость, «Ливенцы» шли, ни от кого не отставая, и в Красном Селе были в 5 час. утра с 15 на 16 октября, форсировав реку Лугу у Муравейно, где была наша позиция с 10 на 11 октября.

Красное Село (не Красная Горка) было взята нами с налета тогда, когда левее нас части эстонской армии подходили только к Красной Горке, а части нашей армии (2-я дивизия) отстали от нас и Гатчино взяли только на другой день.

Дальше мы были в Сергиево (станция) и в Горелове, а после пошли для нас тяжелые дни, а теперь тягчайшие. Есть документальные данные, что большевики боялись слова «Ливенец». Ген. Раден, кап. Зелерт, павшие смертью храбрых, и многие-многие другие показали себя идейными борцами и истинными страдальцами за нашу Родину. <...>

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Л.Ф. Зурова. Папка 3-5.

К. Лейман

Рецензия на «Воспоминания» Родзянко

Будучи участником эпопеи Северо-Западной армии*, служба в штабе генерала Родзянко, близко зная лиц, его окружавших, зная многие факты и события, внимательно перечтя его воспоминания**, поневоле задаешься вопросом о странности освещения генералом Родзянко своих сподвижников и некоторых событий. <...>

Описание взятия Красной Горки вряд ли <...> вполне отвечает действительности. Виновны ли исключительно ингерманландцы и они ли одни скрывали от штаба переход крепости. До официального донесения о переходе Красной Горки в штаб 1-го Стрелкового Корпуса, была получена отрывочная телефонограмма о бое Красной Горки с Кронштадтом, к чему заведующий оперативной частью штаба ротмистр Щуровский отнесся как к провокации.

В тот же день вечером вернулся из отпуска мой солдат (уроженец близкого к Красной Горке района) и доложил мне о бое и переходе крепости. Я не замедлил доложить заведую-

* Лейман Константин Степанович (1883–1959). Уроженец Ливавы, штабс-капитан 97-го пехотного фельдмаршала гр. Шереметева Лифляндского полка. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну — в рядах Северо-Западной армии. С 1920 г. проживал в своем имении в Латвии. В 1939 г. эвакуировался в Германию. С 1951 г. — в США.

** Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной Армии. — Берлин, 1921.

щему оперативным отделением, на что последний заметил мне, что за распространение ложно-провокационных слухов (в чем провокация?) могу быть арестован.

Т.к. слухи и сведения о Красной Горке усиливались, то решено было послать офицера, т.к. связь штаба и фронта была прервана. Высланный пор. Росевич почему-то вернулся с полдороги, ничего не выяснив. Причины его возврата были покрыты непроницаемой тайной, известны только шт.-ротмистру Щуровскому.

По рассказам капитана Н.Н. Неклюдова, перешедшего с Красной Горкой, и некоторых других, переход крепости и прием ее гарнизона генералом Родзянко не были таковы, как их описывает генерал.

Мне лично кажется несколько странным такое, вскользь, упоминание о переходе целой конной красной части. Перешел конный полк (300 шашек) с конной полубатареей и пулеметной командой. Не могу умолчать о безобразном отношении к командному составу этого полка, бывшему инициатором этого перехода.

Командира полка, прапорщика Антонова, прикомандировали к штабу 1-го стр. корпуса. Начальник штаба, пор. Видякин, принудил Антонова отдать ему собственное строевое кавалерийское седло, а «сотник» Аксаков сделал прапорщика своим конюхом. Другой прапорщик (фамилию не помню) долгое время был без дела, не получал никакого содержания и в конце концов его пристроили к интендантству.

Лучшие лошади полка были взяты в штаб 1-го стр. корпуса и одну лошадь лично для графа Палена, хотя в конях на фронте ощущался сильный недостаток.

Жалоба ген. Родзянко на стр. 60 и 80 об отсутствии тыловых работников и офицеров вообще кажется смешной. Вначале действительно недостаток был, но с прибытием отряда князя Ливена и многих отдельных офицеров выбор можно было сделать, но этого не делалось.

Воспоминания о нетерпеливом и настойчивом требовании приезда генерала Юденича вряд ли также правдиво, т. к. громко раздавались голоса и советы лиц, близко стоявших к ген. Родзянко, о недопущении ген. Юденича к командованию армией, а его офицеров к командным должностям. Резко отрицательное отношение штаба 1-го корпуса к приезду ген. Юденича ярко выразилось и во встрече его.

В своих воспоминаниях на стр. 74, мне кажется, следовало бы больше уделить внимания прибытию Ливенского отряда,

составившего лучшую часть Сев[еро]-Зап[адной] армии и в военном и в дисциплинарном отношении.

Штаб 1-го корпуса, связь с которым у ген. Родзянко была по-прежнему короткая и где преимущественно происходили все военные совещания при руководстве Видякина и Щуровского, относился очень враждебно к пришедшему отряду, особенно к заместителю князя Ливена полковнику Дыдорову.

За достоверность не ручаюсь, но одно время очень упорно носились слухи о настойчивом требовании командных лиц штаба 1-го корпуса, которому отряд был подчинен, смещения полковника Дыдорова и только категорическое заявление офицеров отряда (в будущем дивизии), что они сражаться не будут, если их начальника уберут, отменило это решение. <...>

Если ген. Родзянко на стр. 106 повторил слова ген. Юденича о названии помощников ген. Родзянко авантюристами, то ген. Юденич был глубоко прав.

Большинство ближайших помощников ген. Родзянко были чистой воды авантюристы, далекие от идейного служения проблеме белого движения, шедшие напролом для удовлетворения личных нужд.

Останавливаясь несколько на некоторых отдельных личностях сотрудников и, пожалуй, советчиков ген. Родзянко, считая слова генерала на стр. 6 хвастовством. Если он, как старый кадровый офицер, по первому впечатлению мог определить, что можно сделать из данного солдата и какого ждать формирования, имея тот или иной живой материал, то почему при выборе своих сотрудников он не руководствовался и не подчинялся беспристрастному определению. Изменило ли ему на этот раз первоначальное впечатление или же были какие-нибудь иные причины, которыми он был связан и изменить которые он не мог, т.к. этим рисковал потерять власть и положение.

Один из главных действующих лиц группы «заправил» был П.А. «князь» Аксаков.

Вольноопределяющийся Аксаков вместе с Балаховичем перешел от красных в Сев. корпус и, якобы, генералом Вандамом произведен в офицеры (за что?), а уже в начале 1919 г. состоял в чине сотника, имея ордена: солдатский Георгиевский крест, Анну 4-й степени и Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (как и за что?).

О своем прошлом говорить избегал и никогда не называл части, где он служил. Будучи комендантом штаба корпуса,

делал много ошибок и проступков, именуемых в Уставе — преступлением. Туго разбираясь в казенных и солдатских деньгах, вызывал частые недоразумения, недостойные начальника и офицера. Благодаря молодым годам, отсутствию самого скромного военного образования и служебного опыта, незнанию уставов, авторитетом и уважением среди подчиненных не пользовался, тем более, что большинство из них, имевшие за спиной служебный, боевой и жизненный опыт, прислуживаться мальчишке не могли и не хотели, чего он преимущественно искал и требовал.

Честного слова не имел и вряд ли вообще имел представление о столь высоких вещах.

Долгое время титуловал себя князем, требуя себя величать «ваше сиятельство», и только генерал Родзянко приказом по штабу прекратил безобразное самозванство.

Тут же в штабе среди офицеров и солдат торговал водкой и папиросами выше торговой цены, а высшие чины штаба этого не порицали и не прекращали. Возмущались только штабные чернорабочие — кадровые офицеры.

В Аксакове сильно проявлялась одна из основных черт партизанщины: чужое считать своим. Тому было много примеров. Один из ярких: 1) вывоз всей сохранившейся и при большевиках обстановки, вплоть до портьер, из имения Молосковицы, где он имел временное пребывание как заведующий мобилизацией, и 2) возмутительный случай с продажей выезда Царскосельского Дворца.

Аксаков больше походил на «господина сотского», как его метко прозвали солдаты, чем на сотника-офицера, каковым хотел быть.

Из-за личных высоких качеств и хорошего знакомства с традициями Балаховщины, попал под следствие и был предан суду.

Верный своему старшему товарищу и начальнику — батке Балаховичу, сбежал из армии под гостеприимное крылышко столь же преступной Эстонии, несмотря на то, что дал «слово» о невыезде.

Вторым ярким типом и ближайшим сотрудником ген. Родзянко (стр. 26) был поручик Видякин, офицер ускоренного выпуска военного времени.

По мнению большинства не только кадровых, но и вообще порядочных офицеров, к должности начальника штаба отдельного отряда, а тем более корпуса, совершенно не подходил. В пор. Видякине (впоследствии полковнике) ярко вырисовыва-

лось отсутствие военного образования, не говоря уже о военно-академическом; отсутствие служебного, боевого и жизненного опыта; абсолютное незнание уставов, военных принципов и традиций, — хотя традиции партизанщины и им были усвоены в совершенстве.

Будучи некорректным, невоспитанным, бестактно-самонадеянным, подчас грубо-заносчивым, он вызывал ропот и недовольство, а его дружба с «балаховцами-заправилами» и с ротмистром Щуровским не вызвала доверия и симпатии.

Потворство его, как начальника штаба, грабёжам, а иногда и участие в них делало его отрицательной величиной (совместно с Аксаковым и некоторыми другими ограблены были мало тронутый Гатчинский дворец, о чем со стороны советской власти предложено было Эстонии заставить вернуть украденное или выдать винтовки).

Белое движение было для Видякина выгодной авантюрой, давшей ему возможность после распада Армии заняться в Эстонии торговыми и заводскими предприятиями в то время, когда лучшее боевое офицерство, не смогшее оттуда выбраться, томилось на лесных разработках, а часть была выдана эстонцами большевикам.

Мог ли подобный офицер быть ответственным начальником штаба, руководителем боевых единиц и военных операций.

Преступно-безразличное отношение к убийству Щуровским мичмана Ломана, наложение на него только домашнего ареста, запрещение чинам штаба присутствовать при погребении убитого офицера и оказывать ему воинские почести, становится понятным только тогда, когда в эстонских газетах уже порядочное время спустя после расформирования Сев[еро]-Западной армии появилось сведение, что г-н Видякин высылается из Эстонии как большевистский агент (удалось остаться в Эстонии). Как и многие другие, «дельный и работоспособный, со здравым смыслом», поручик Видякин был предан военному суду Сев[еро]-Зап[адной] армии, избежал которого только из-за ее развала.

Поневоле напрашивается вопрос, чем руководствовался ген. Родзянко, избрав пор. Видякина начальником штаба корпуса. Удивляешься аттестации генерала на стр. 56 его воспоминаний, и как-то сама собой возникает мысль о правдивости слухов, что только благодаря этим проходимцам, недостойно носившим «белый крест» — высокий знак армии, ген. Родзянко стал начальником отряда, корпуса и армии.

Ротмистру Журавлеву гораздо более подходила роль покрывателя фальшивомонетчиков, каковым он стал под руководством батьки, чем ответственная должность начальника оперативного отделения штаба отдельного отряда (стр. 26).

Штабс-ротмистр Щуровский, я бы сказал, был работоспособным и толковым большевистским агентом, но отнюдь не офицером, а тем более начальником контрразведки, а потом оперативного отделения.

Об его пьянствах и скандалах, о его грубом отношении к подчиненным и офицерам штаба неоднократно докладывалось генералу Родзянко, который почему-то не находил нужным это прекратить, отчего росло сильное недовольство и возмущение шт.-ротм. Щуровским, косвенно задевая и генерала Родзянко.

В силу ли своей легкомысленности, из-за отсутствия ли военного образования и опыта (как и Видякин, офицер ускоренного выпуска военного времени), из-за непонимания ли всей важности боевой обстановки, или просто из-за злоумышленных причин, но часто предавал совершенно ложную окраску событиям на фронте в своих сведениях начальника оперативной части штаба Корпуса.

Часто в сильно нетрезвом виде слишком ретиво вел оперативное дело, приводя в недоумение боевых начальников и офицеров, из-за чего часто происходили недоразумения, а то и просто неисполнение некоторыми более самостоятельными начальниками штабных приказаний.

Усиленно циркулировали слухи об участии Щуровского, как военного представителя 7-й армии, в Брест-Литовском мирном договоре.

Разраставшееся подозрение в сношениях Щуровского с большевиками, тем более, что многие секретные предначертания штаба 1-го корпуса становились известными красным штабам, заставило некоторых начальников отдельных боевых единиц собирать уличающий материал.

Таинственное безнаказанное убийство Щуровским мичмана Ломана, начальника контрразведки штаба 1-го корпуса, еще резко подчеркнуло подозрение.

Последствия обвиненный в сношениях с большевиками, был отдан военно-полевому суду, избежал которого, к сожалению, из-за развала армии.

Есаул Всеволод Пермикин (стр. 48) впоследствии был штаб-офицером для поручений при ген. Родзянко (неужели был взят в штаб для связи с Балаховичем?). Что касается нравственных качеств этого офицера, скажу слова его родного брата, командира Талабского полка полковника Бориса Пермикина:

— Он пятнает нашу старую фамилию, и мне стыдно соznаться, что я его родной брат.

О своем участии в шайке «черных автомобилистов» в Петрограде рассказывает сам. Был ярым партизан и разбогачел грабежом.

Эти пять лиц были «одни из многих» и являлись более яркими сотрудниками генерала Родзянко. Заканчивая свои впечатления о воспоминаниях генерала Родзянко, не желая описывать его личность, замечу, что частые приезды генерала в штаб 1-го корпуса, заканчивавшиеся пьянством на виду у офицеров и солдат не только штаба, но и посторонних, вряд ли служили в пользу генерала, т. к. сильно подрывали уважение и доверие и часто вызывали грубую остроту и насмешку.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье».
Архив Л.Ф. Зурова. Папка 3-10.

Из дневника адмирала В.К. Пилкина*

23 октября. Видели перешедшего из Совдепии со всем своим подрывным дивизионом поручика Карпова. Два года он собирал свой дивизион; офицер за офицером поступали к нему на должности иногда писаря, все под чужими фамилиями. Когда их стали проверять, удивительно было слышать, как на оклик — писарь такой-то, кто из офицеров — больше отвечали: «Есть! Штабс-капитан такой-то».

Главкомандующий пригласил его и его помощника Козлова обедать. Этот Карпов маленький, молчаливый, очень воздержанный, но больной, по-видимому, чахоточный.

* О дневнике см. на с. 9-10.

Ему удалось собрать дивизион, главным образом благодаря тому, что комиссаром у него был свой человек. «А комиссар! — тонко пошутил Родзянко, когда ему представлялся дивизион, — в петлю его».

Козлов, казак, неоднократно делавший переходы в Совдепию в качестве курьера, сидел несчастный, весь завшивевший. Уже несколько дней не переодевался и не мылся. Я написал о нем деж[урному] генералу.

С Кореновским я имел долгий разговор, из которого выяснилось, что белые организации в Петрограде очень слабы. Они, к сожалению, могут еще предотвратить уличную борьбу, захватить Асторию [неразб.], но в деле ударить не могут. А между тем, это обещал Юденичу неоднократно Покровский. Юденич послал условную телеграмму, а я, на основании этой телеграммы и под влиянием уговоров Лушкова и Шмидта, написал Бахиреву письмо в слишком рассудительных тонах. Мне теперь советственно, совестно! Я чувствовал, что они не правы, но Шмидт так убедительно говорил [неразб.], что я решил начать действовать в повелительном тоне: требуя от офицеров именем Колчака... и т.д. Это не мой тон! Пошлю другую, умнее.

Карпов видел Бахирева.

24 октября. — Армия наша... отступила. Бросила «Красное Село», «Павловск»... Воображаю брожение в Петрограде... и проклятия, сыплющиеся на наши головы.

25 октября. — Телеграмма от Бахирева, в которой он указывает на необходимость занятия «Красной Горки», после чего неминуемо падение Кронштадта. Я так обрадовался получить эту весточку от Мих[аила] Коронатовича, хотя и не мне адресованной...

26 октября. — Ко мне явились Шт. Капитан Неклюдов и мичманы [неразб.]. Они... шпионили в районе эстонской армии. В сущности, они еще до того, как эстонцы начали операции против «Красной Горки», имели поручение войти в связь с ее гарнизоном и убедить его сдать. Неклюдов — бывший командир «Красной Горки». Они пришли, когда Питка* уже начал осаду. Видели они, что Ингерманландский полк, в котором командир финляндец, состоит из, несомненно, Русских. Питка производит мобилизацию русского населения. Эта же область грабится им беспощадно; вывозится все, что можно, особенно машины со стекольного завода... мебель из усадьбы... Население терроризировано. <...>

* Питка И. — командующий эстонским флотом.

Париж, сентябрь 2001 г.

Николай Рутыч и его новая книга

Он родился в Одессе в 1916 г., за год до крушения Российской империи. Его отец, Николай Алексеевич Рутченко, был офицером, в Первую мировую воевал на Румынском фронте. После развала армии весной 1918 г. отец в составе отряда полковника М.Г. Дроздовского совершил легендарный поход от Ясс до Новочеркасска. Дорогами Гражданской войны прошел в рядах дроздовцев до самой эвакуации из Крыма, но не смог покинуть родных берегов, остался. В ноябре 20-го разделил участь тысяч белых офицеров, расстрелянных красными в Симферополе. Так, изначально, русская история нанесла отметину на чистый лист судьбы будущего историка.

В середине 20-х годов арестовали мать, Наталью Петровну. Урожденная Лашкарева, она происходила из рода потомственных военных. Стараниями родственников Николая оказался в Ленинграде, на воспитании в семье крупного архитектора Б.К. Рериха, брата знаменитого художника Н.К. Рериха. Мать освободили в начале 30-х годов. Дабы не подвергать себя опасности, приходи-

лось скрывать правду об отце, умышленно «подправлять» биографию (отсюда и другое место рождения, встречающееся в справках о Рутыче). Окончив рабфак, Николай поступил на исторический факультет университета. Слушал лекции выдающихся историков еще «старой школы», сдавал экзамены академику Е.В. Тарле, был учеником академика Б.Д. Грекова. Среди сокурсников — Лев Гумилев.

В 1937 г. проходил военные сборы подготовки офицеров запаса. Случались любопытные встречи. Однажды лейтенант Рутченко дежурил по станции Псков, куда прибыл поезд командующего войсками Ленинградского военного округа П.Е. Дыбенко. Среди ночи хрестоматийный герой революции, в подпитии, вызвал дежурного в свой вагон, поднес стакан водки и приказал осушить. На категорический отказ реагировал площадной бранью, а Николай, вернувшись в дежурку, не знал что и думать. Но обошлось. (Дыбенко через год расстреляли как «врага народа».)

В 1939 г., по окончании университета, был мобилизован в Красную Армию. Участвовал в финской войне. Господь хранил, как после — еще много и много раз. Вернувшись с фронта, продолжил занятия историей, выступал с лекциями в воинских частях. В соавторстве с М. Тубянским издал книгу «Тюрени как полководец» (Воениздат, 1940).

В 1941-м вновь на фронте. Командовал ротой, участвовал в тяжелых оборонительных боях. Затем — окружение, партизанство, плен. За связь с эмигрантской организацией «Национально-Трудовой Союз» (НТС) в январе 1944 г. был помещен в печально знаменитую гестаповскую тюрьму в Берлине на Альбрехтштрассе, 8. Полгода ожидания смерти и вместе с тем — раздумий о жизни, о русской истории. В соседней камере находился племянник британского премьера Питер Черчилль, офицер «спецназа», захваченный немцами на юге Франции. В тюремных коридорах они познакомились.

В июне 1944 г. их вместе отправили по этапам, которыми были концлагеря Заксенхаузен, Флоссенбург, Дахау. Лагерная жизнь их сблизила, взаимоподдержка помогла выжить. Там же Питер давал Николаю уроки английского. А после войны издал на родине книгу, в которой несколько страниц посвятил Рутычу.

В конце войны в составе группы политических заключенных был вывезен под охраной СС в южный Тироль, где вся группа находилась под угрозой расстрела. Здесь Николай Рутченко на короткий момент оказался рядом с другим «важным» арестантом, бывшим начальником Генерального штаба сухопутных войск вермахта Францем Гальдером, которого не преминул распро-

сильно о немецкой стратегии в начальный период войны против Советского Союза. Тот охотно делился своими мыслями и воспоминаниями с молодым русским историком.

После освобождения их группы союзными войсками Рутченко попал в лагерь Ричионе, устроенный англо-американскими оккупационными властями в Италии. Дабы, согласно Ялтинскому соглашению, не быть выданным уже советским властям (понимал, что там, дома, его ждали другие лагеря), совершил побег. Благодаря помощи русских эмигрантов и, в частности, князя С.Г. Романовского, герцога Лейхтенбергского (двоюродного брата короля Италии Умберто II), получил права на жительство в Риме. Чтоб не быть «распознанным» на Родине, где оставалась мать, уже отбывшая ранее один срок, взял псевдоним Рутыч (по фамилии предка по отцовской линии, пришедшего в Россию из Сербии). Правда, это не помогло. «Механизм» спецслужб работал, мать арестовали, и освободилась она лишь в 1956 г.

В 1948 г. по вызову представителя НТС во Франции Аркадия Петровича Столыпина (сына знаменитого государственного деятеля) переезжает в Париж. С той поры их связывала совместная работа в союзе и крепкая мужская дружба. Рутыч, войдя в среду эмиграции, познакомился со многими яркими ее представителями. Общался с М.А. Алдановым, в долгих беседах проводил время с С.П. Мельгуновым. Близко сошелся с бывшими военными: генералом Е.В. Масловским, полковником П.В. Колтышевым (многолетним сподвижником и помощником генерала А.И. Деникина), редактором журнала «Часовой» капитаном В.В. Ореховым. Встречался с председателями Русского Обще-Воинского Союза генералами А.П. Архангельским и А.А. фон Лампе.

С конца 40-х годов Николай Николаевич сотрудничал с известным эмигрантским журналом «Грани», в начале 80-х его редактировал (оставил журнал «по независящим от него причинам»). Активно публиковался также в «Посеве», «Русской мысли», других изданиях Зарубежья. Работал политическим и военным обозревателем на радиостанции «Свобода» (покинул ее, когда руководство попыталось направить его в «нужное русло»).

После выпуска в свет издательством «Посев» его книги «КПСС у власти» (1960), переизданной в разных странах, имя Рутыча обрело большую известность (позже автору доверительно передали, что книга вызвала крайнее негодование Ю.В. Андропова). С этого же времени усилилось внимание к нему КГБ, и прежде не оставлявшего в покое одного из руководителей НТС. Но времена менялись, и Рутыч постепенно отошел от активной общественно-политической деятельности, все больше сосредоточиваясь на творчестве.

Как видим, история всегда «занималась» судьбой Николая Рутыча, ввергала его в свои водовороты, сводила и сближала с крупными, интересными личностями. Но и он, несмотря на все перипетии, не оставлял занятий историей.

Имея прочное образование, хорошо зная особенности освещения истории в СССР, оказавшись за границей, Рутыч основное внимание сосредоточил на последнем периоде Российской империи, революции и Гражданской войне. Он настойчиво собирал ценнейшие исторические свидетельства, документы, изучал обширный пласт наследия «первой волны» эмиграции. Стал одним из учредителей Общества Ревнителеев Русской Истории (Париж), и поныне являясь его главным редактором. Отдельные архивные материалы, принадлежавшие Обществу (с согласия его членов) и ему лично, он безвозмездно уже передал в Россию. В настоящее время готовит к передаче очередную партию документов.

Из-под его пера в разные годы вышли десятки работ, среди которых «П.А. Столыпин и Думская монархия», «Влияние П.А. Столыпина на внешнюю политику России», «О причинах Февральской революции», «Ноябрь 1917 года в Москве», «Учредительное собрание», «Военная интеллигенция в творчестве Солженицына», «Генерал М.В. Алексеев — основатель Добровольческой армии», «Россия и Китай», «Афганистан и Россия» и многие другие.

С начала 90-х Рутыч вновь печатается на Родине. В 1993 г. в петербургском издательстве «Logos» выходит сборник его статей «Думская монархия». В 1997 г. «Российский Архив» издает его «Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России», в котором приводятся сведения более чем о 300 белых офицерах и генералах. Книга почти сразу становится хрестоматийной. Смело можно сказать, что она одна из настольных у всех, кто изучает Гражданскую войну. Некоторые читатели благодаря ей узнали новое о своих дедах, прадедах, о чем с признательностью сообщали автору. (В ближайшее время появится второе издание, с поправками и уточнениями.)

Чрезвычайно важна и плодотворна деятельность Рутыча как публикатора. В 1982 г. в «Гранях» (№ 125) он напечатал уникальные документы из архива В.М. Борель, дочери генерала М.В. Алексеева, где среди писем и дневников впервые приведена запись, содержащая черновой план создания добровольческой офицерской армии. Известный исследователь Белого движения В.Г. Бортневский совершенно справедливо подчеркивал значи-

мость этих источников, введенных в научный оборот*. В тот же период в «Гранях» (№ 128, 149) Рутыч опубликовал более 400 писем генерала А.И. Деникина своему соратнику и помощнику полковнику П.В. Колтышеву, способствуя восстановлению «правдивого облика генерала Деникина» и объективному изучению его жизни и творчества в изгнании.

В 1992–1994 гг. в альманахе «Русское прошлое» (книга 3) историк публикует Протоколы заседаний русской делегации на Ясском совещании представителей союзников в 1918 г. (малоизученный исторический эпизод), воспоминания П.В. Колтышева «На страже русской чести», другие материалы. В издательстве «Logos» выходят подготовленные им книги «В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России» генерала П.С. Махрова и «Воспоминания Н.В. Савича». Оригинал воспоминаний Савича, как и другие его бумаги, Рутыч разыскал в Париже, практически спас. Они также имеют большую историческую ценность, ибо написаны депутатом Государственной Думы 3-го и 4-го созывов, членом комиссии Думы по обороне. Во время Гражданской войны Савич входил в Особое совещание при генерале Деникине и в правительство при генерале Врангеле. Надо заметить, что эти публикации, а также обстоятельные к ним предисловия и пояснения Рутыча в известной мере проливают свет и на деятельность в 1918–1920 гг. Национального Центра, политической организации либерально-консервативного толка под председательством профессора М.М. Федорова, представители которой играли существенную роль в правительствах Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича, были главной опорой военных вождей в их гражданском окружении. Этот момент до сих пор крайне скудно отражен в историографии. Таков — в кратчайшем выражении — вклад Рутыча в копилку исторического знания.

Из пристального изучения русской истории начала XX века, собственного жизненного опыта и своих социальных интуиций историк вынес убеждение в том, что наиболее подходящим и верным для России является путь либерального консерватизма. Практическим его проявлением в той или иной мере и была политическая конструкция «думской монархии», хотя и не выдержавшая «перенапряжения» страны в Великой войне. Но революционное крушение России, полагает Рутыч, было следствием не слабости этой конструкции, а всего лишь ее незрелости.

* Русское прошлое. 1993. № 4. С. 151–152.

Его внимание привлекают и личности, сочетающие в себе либеральные и консервативные начала. Среди политиков это прежде всего Столыпин, среди военных — Алексеев, Колчак, Деникин (хотя как историк он не может быть их апологетом). По большому счету все они разделяли идею сочетания авторитарного начала и народного представительства. В Белом движении, изучению которого Рутыч посвятил так много сил, он видит борьбу за восстановление российской государственности, что, по его убеждению, возможно лишь при опоре на добровольчество «в самом широком, историческом его понимании». Добровольчество как воплощение идеи «самопочинного служения родине, служения вдохновенного, непосягающего», выражаясь словами И.А. Ильина, полагавшего, что «государство строится не только приказом и законом, но любовью и долгом, сросшимися в живой подвиг».

Новая книга Н. Рутыча, над которой он трудился все последние годы, является продолжением темы Гражданской войны и его биографических изысканий. Отчасти тема сама нашла автора. Дело в том, что Питер для него — родной город (он не только жил в нем, но и защищал его в сорок первом на рубежах, за которые шла борьба в девятнадцатом), и то, что оказался когда-то в Ницце, где остатки своих лет провели Н.Н. Юденич и многие его соратники, с которыми или родственниками которых Рутыч был знаком...

Оставляя возможность узким специалистам сказать о неточностях и недостатках (которые, как во всякой книге, конечно, отыщутся), обратим внимание на ее особенности и достоинства.

В жанровом плане книга исключительно редкая. Она сочетает в себе справочник и монографию. В ней одновременно освещены и ход событий, и личности их участников. Акцент, безусловно, смещен на людей, события максимально «персонифицированы».

Трагическая эпопея Северо-Западной армии показана через призму боевой деятельности ее ключевых чинов. Офицеры и генералы здесь не безлики. О них читатель получает достаточно подробную, документально-правдивую информацию. Прослежен весь их жизненный и служебный путь, по возможности выявлены черты, сила и слабость характеров. «Люди — главная величина вооруженной борьбы», — напоминает Рутыч. Отчетливо проводится мысль: «человеческий фактор» был одной из главных причин поражения северозападников.

Автор, подобно кинооператору, один и тот же объект (деталь операции, боевой эпизод, личность) показывает с разных сторон, то — панорамно, то — крупным планом, приближая до мелочей.

Можно назвать это «методом Рутыча». Конечно, здесь неизбежны повторы — и их действительно немало в книге, — но они уместны, оправданы как элемент структуры и организации. Они, неоднократно возвращая к одним и тем же фактам, прочнее закрепляют их в памяти.

Украшением труда является очерк о генерале Н.Н. Юдениче. Он написан на основе богатого архивного материала, предметно и точно документирован. Отдельные источники (например, записи ближайшего помощника Главнокомандующего адмирала В.К. Пилкина, воспоминания генерала Е.В. Масловского), некоторые фотодокументы поистине эксклюзивны и могли быть добыты только Рутычем. На сегодня это наиболее точное отражение жизнедеятельности Юденича, которому в отличие от Деникина, Колчака или, скажем, Брусилова, не посвящено пока ни одной книги. Тем более это выглядит несправедливым и тем выше заслуга Рутыча, что Юденич находится в ряду выдающихся русских полководцев.

В первой части очерка убедительно демонстрируются прежде всего именно крупные стратегические дарования, громадная воля и выдержка, твердая решительность и настойчивость, редкая способность брать на себя всю полноту ответственности (выражаясь словами А. Свечина, «любовь к ответственности»), ярко проявленные Юденичем в Сарыкамьшской, Эрзерумской и других операциях 1915–1917 гг. Достойного продолжателя искусства Румянцева, Суворова, Скобелева видела в нем русская военная мысль. «Он дорог нам как величественное отражение русского духа, как полководец, возродивший во всем блеске суворовские заветы, а значит и наше национальное военное искусство», — писал генерал Б.А. Штейфон*. Но советская военная мысль замалчивала значение Юденича, связывая в основном его имя с поражением под Петроградом.

Автор, между тем, детально представляет ту сложнейшую обстановку, в которой оказался прославленный полководец, согласившись возглавить вооруженную борьбу на Северо-Западе. Юденич ясно понимал, что шансов на успех у него почти не было. Он находился в крайней зависимости от союзников по Великой войне и правительств новых государств (ирония судьбы: будущность расколовшейся империи могла определиться той или

* Российский военный сборник. Вып. 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. — М.: Военный университет, Русский путь, 1999. — С. 149.

иной позицией ее бывших окраинных земель — Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши). От идеи взять Петроград при помощи финнов летом 1919 г. («первый замысел») пришлось отказаться. Верно подмечено в одном из советских трудов: «Юденич и Родзянко вообще не располагали никаким собственными материальными ресурсами, они даже не имели территории, на которой чувствовали бы себя хозяевами»*.

И все-таки генерал Юденич, опираясь на дух патриотизма и добровольчества своих войск и минимальную, «лукавую» помощь иностранцев, в октябре идет на вторую попытку («второй замысел»). Действуя в своем стиле — решительно и внезапно, по кратчайшему направлению, сделав ставку на быстроту маневра и выигрыш во времени, он достиг пригородов «северной столицы». Не случайно и по сути верно октябрьская операция названа «стратегией вабанк»**. Там же в целом верно указаны и причины, толкавшие к этому Юденича: нараставшие противоречия между ним и эстонскими властями, близость мира Эстонии с Советской Россией, противоречия и раздоры в самой Северо-Западной армии, неподготовленность войск к зимней кампании. Но это общие слова. Рутыч же, делая схожие выводы, развертывает эту картину, показывает ситуацию изнутри на основе красноречивых документов, фактов, передавая всю ее многосложность и трагичность. Из его книги ясно — в чем заключались эти «противоречия», каков характер и подоплека внутренних «раздоров» в армии.

Ярко высвечен «кадровый голод»: грамотных, подготовленных, верных помощников Юденичу явно не доставало; специалистов Генштаба не то чтобы мало, но они «не те», не собраны «в команду», расставлены не на те посты. Как военный историк автор сравнивает качество штабов Юденича на Кавказе и под Петроградом, показывая активность и слаженность первого (Томилов, Масловский, Драценко, Штейфон и др.) и инертность, разобщенность второго (Вандам, Малявин, Видякин и др.). Причем в подготовке первого заслуга полководца абсолютна, а в неподготовленности второго его вины — никакой. Он принял Армию и ее штаб какими были, а готовить их к операции у него времени уже не было. Своеволие — оборотная сторона добровольчества также вело к срыву замысла (Ветренко) и дискредитации белой борьбы (Булак-Балахович и др.).

* История Гражданской войны в СССР. В 5 томах. Т. 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. — С. 150.

** Гражданская война 1918–1921. В трех томах. Т. 3. — М.-Л., 1930. С. 165.

Рутыч резко акцентирует внимание именно на замысле Юденича, заключавшемся в сочетании стремительного удара Северо-Западной армии по Петрограду с фронта и контрреволюционного восстания в самом городе. В этом, конечно, нет открытия. В советских книгах (но не во всех) тоже сказано, что «противник рассчитывал подорвать оборону города изнутри, провести операцию так, чтобы удар по 7-й армии с фронта сочетался с мятежом в ее тылу», чему способствовали «шпионы» Люндеквист, Берг и др.* Но заслуга автора в том, что замысел проанализирован с оперативной точки зрения (вплоть до задач дивизиям и полкам) и впервые расписан механизм взаимодействия с «заговорщиками», представлены план их действий, место и роль руководителей и некоторых участников заговора в его реализации (подробнее об этом — в их биографиях), хронология событий, обстоятельства и причины провала. Доказывается, что Главнокомандующий лично вникал в детали намечавшегося мятежа, использовал данные о противнике, передаваемые Люндеквистом и другими офицерами, находившимися у красных.

Наглядно показаны автором разногласия Юденича и Родзянко. Согласно решению Юденича, в основе которого находился указанный замысел, главный удар наносился по линии Ямбург — Гатчина — Петроград. Но Родзянко как командующий армией не разделял этого стратегического взгляда, тяготел к «восточному направлению» — через Псков на Новгород, далее на Чудово. Еще летом он замыслил перерезать железнодорожную связь Петрограда с Москвой и перейти к «стратегии измора», что из-за слабости и недостатка сил было, конечно, неприемлемо и опасно. И, дабы продемонстрировать военные предвидение и мудрость Юденича, Рутыч блестяще проводит историческую параллель: в июле 1941 года, когда 56-й танковый корпус немцев растянулся, наступая от Пскова по линии Порхов—Новгород—Чудово, он тут же получил во фланг и тыл контрудар частями 11-й армии генерала В.И. Морозова.

Как бы продолжая свою исследовательскую линию в отношении деятельности Национального Центра, Рутыч подчеркивает тесное сотрудничество Юденича с представителями этой организации, вошедшими в состоявшее при нем Политическое Сопровождение во главе с А.В. Карташевым. В случае занятия Петрограда Юденич предполагал избавиться от навязанного англичанами «правительства» и сделать ставку прежде всего именно на них.

* История Гражданской войны в СССР. В 5 томах. Т. 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. — С. 331.

Надо отметить, что в очерке впервые компетентно повествуется о жизни Юденича в эмиграции (в нашей литературе кроме двух-трех фраз об этом почти ничего не говорится, порой даже местом жизни и смерти указываются Канны). Чего стоит эпизод посещения Юденичем русской школы, о котором автору повела его жена Анна Анатольевна, девочкой лично присутствовавшая при этом (что само по себе звучит фантастично: она — наш современник — видела и хорошо помнит Юденича!).

При чтении очерка нельзя не проникнуться масштабом личности этого поистине национального героя России, о котором точно и лаконично сказал адмирал В.К. Пилкин: «Крепкий, как камень, упрямый даже перед лицом смерти, твердой воли, сильный духом».

Крупной заслугой автора являются составленные им биографии ключевых чинов Северо-Западной армии, а также участников подготовки восстания в Петрограде. Имена некоторых из них, конечно, фигурируют в литературе о Гражданской войне и Белом движении, но что за люди кроются за именами — об этом почти не было известно. О многих же можно прочесть только у Рутыча, их имена историком попросту извлечены из небытия.

Примечательно само построение и содержание биографий. В основе, как правило, — подробные сведения из послужных списков офицеров. Обязательно указываются титулы, принадлежность к корпорации Генерального штаба, к гвардии и т.п. (чему по советской привычке у нас зачастую не придают значения). Несколько монотонное перечисление «производств», назначений, откомандирований, наград и т.п. на самом деле (особенно подготовленному читателю) довольно красноречиво говорит о служебном пути в Российской императорской армии, участии в военных кампаниях. Далее, по возможности, указываются обстоятельства прибытия данного лица на северо-запад (в Псковский, Северный корпуса, либо Северо-Западную армию) и всегда точно и ясно — место и роль в ходе борьбы. Ценно, что прослежены судьбы людей и после расформирования армии, отражена их жизнь в эмиграции, в большинстве случаев названы дата и место кончины. Достаточно часто цитируются характеристики, свидетельства, что значительно расширяет представление о персоналиях.

Автор кропотливо, поистине дотошно подходит к сведениям о своих героях. Примером может служить материал о генерале А.В. Владимирове, имя которого в ряде книг называлось вымышленным и за которым якобы укрывался другой человек (Новогребельский). Автор, приводя ряд архивных документов, убедительно доказывает ошибочность этого утверждения, подчеркивая важную роль Владимирова как одного из ближайших сотрудников Юденича.

Изучая биографии, ясно видишь неоднородность командного состава «северозападников»: разные типы людей, различны и мотивы, и стиль борьбы. Вот убежденные противники большевизма, доблестные офицеры, которыми движут долг и честь, в своем добровольчестве они верны порядку и дисциплине: полковник св. кн. А.П. Ливен, полковник К.И. Дыдоров, адмирал В.К. Пилкин, генерал П.В. фон Глазенап, генерал М.В. Ярославцев, генерал барон Ф.В. Раден, генерал К.А. Ежевский, штабс-капитан Ю.П. Герман и многие другие, каковых было большинство. Другие столь же непримиримы к большевикам, отважны, но при этом чересчур эксцентричны и своевольны. Среди них и сам генерал А.П. Родзянко, и генерал Д.Р. Ветренко и др. Были и те, для кого гражданская война стала «выгодным предприятием», средством наживы. Яркий образчик — генерал С.М. Булак-Балахович, его приспешники, ряд тыловых и штабных чинов (см. свидетельства К.С. Леймана в Приложении). Как верно заметил крупный военный писатель генерал А.В. Геруа, «в Гражданской войне в прихотливом сплетении работают всегда параллельно и идеализм самой высокой марки, и грабеж самого низкого разбора»*.

Несомненной заслугой автора является представление участников подготовки контрреволюционного восстания в Петрограде. И сам-то эпизод с «заговором» в тылу у красных при наступлении Юденича освещен в литературе тенденциозно и «постановочно». А уж о тех, кто в нем фигурировал, кроме имен — почти ничего. Рутыч и здесь заполняет пробел (пусть и не полностью). Рельефно показаны фигуры адмирала М.К. Бахирева, полковника В.Я. Люндеквиста, подполковника В.Е. Медиокритского, старшего лейтенанта В.В. Дитерихса и др. В значительной мере восстановлена общая картина их подпольной деятельности, названы причины провала восстания.

Знакомясь с биографиями белых офицеров, сражавшихся на северо-западе, невольно обращаешь внимание на множество немецких, польских, скандинавских фамилий: Ливен, фон дер Пален, фон Неф, фон Глазенап, Вилькен, фон Крузенштерн, Людинкгаузен-Вольф, Раден, Дзерожинский, Ежевский, Люндеквист и др. Причем у многих из них в прибалтийских, тогда уже независимых республиках, либо других местах, откуда они происходили, сохранились имения, в относительно спокойной обстановке ос-

* Российский военный сборник. Вып. 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. — М.: Военный университет, Русский путь, 1999. С. 178.

тавались семьи. И все же они не покидали фронта. Шли под пули, получая тяжелые ранения (св. кн. Ливен), погибали (барон Раден), не оставляли армии в дни ее агонии и сами умирали от тифа (Ежевский), вели опасную работу в тылу или на службе у красных и заплатились жизнью (Люндеквист)... Ничем иным, кроме их российского патриотизма, державного сознания, укорененными в них долга и чести русского офицерства, к которому все они принадлежали, невзирая на нерусские фамилии, этого не объяснить. Это — гордость России, ее характерная историческая черта.

Авторский блок органично дополнен приложением, которое составляют редчайшие и впервые публикуемые источники — воспоминания «северозападников» Н.Н. Неклюдова, В. Гусева, К.И. Дыдорова, К.С. Леймана, В.К. Пилкина. Этот материал способствует более точному, детальному представлению о внутренней ситуации в Армии Юденича, несколько расширяет круг персоналий, очерченный автором.

Таким образом есть все основания утверждать, что книга «Белый фронт генерала Юденича» является весомым вкладом в литературу о Белом движении и Гражданской войне, в отечественную военную историографию в целом. Немаловажен и нравственный аспект: она воскрешает в национальной памяти образы многих доблестных офицеров, защищавших Родину от внешнего врага и от большевизма.

В заключение следует сказать о поразительной преданности Николая Николаевича Рутыча-Рутченко своему делу, его настойчивости и мужественности. Долгое время, в полной оторванности от самых нужных архивов (России, США), посредством переписки с десятками людей, организаций, бесконечных телефонных звонков, он кропотливо собирал необходимые материалы. Текст писал, «имея в распоряжении» лишь один полуздоровый глаз, переносил на втором одну за другой несколько операций, при ограничениях и запретах врачей.

В одном из пригородов Парижа, живописном Аньере, в канун своего восьмидесятишестилетия он завершил очередную работу, уже вынашивая план своей следующей книги.

Игорь Домнин

Указатель имен*

А

Абациев Д.К. — 30
 Абрамов Ф.Ф. — 216
 Авенариус П.П. — 413
 Аверьянов П.И. — 172
 Адамович Б.В. — 442
 Айронсайд (Ironside) — 352
 Аксаков — 475-478
 Аксельрод — 395
 Алданов М.А. — 484
 Александров Л.К. — 96, 448
 Алексеев М.В. — 19, 35, 45, 193, 237, 375, 411, 485, 487
 Алексеев М.П. — 411
 Алексеев — 379, 380,
 Алексинский Г.А. — 107, 108, 173, 179, 180, 431
 Альбрехт М.Д. — 83
 Ананьев — 185, 376
 Андриенко В.Г. — 443
 Андропов Ю.В. — 484
 Антонов — 475
Арсеньев Е.К. — 50, 64, 66, 74, 92, 120, 125, 128, 129, 131, 138, 139, 153, 155, 156, 212, 213, 217, 285, 293, 339, 341, 347, 431
 Аргамонов — 460
 Архангельский А.П. — 484
 Астров Н.И. — 53
 Ахти М. — 62

Б

Бадендыка — 186
 Бажашеню — 79
 Базили В.Г. — 241, 364
 Базили — 241
 Баиов А.К. — 13, 111, 153, 194, 220, 244, 266, 373
 Баллойд — 223, 266
 Баратов Н.Н. — 30, 37, 126
 Барту (Barthou) Жан-Луи — 196
 Бахирев К.Г. — 386
Бахирев М.К. — 45, 79-81, 83, 97, 189, 269, 307, 309, 311, 386-392, 404, 413, 420, 422, 424, 430, 481, 492

Безобразов В.М. — 327, 408-412, 415
 Бекман — 180
Белосельский-Белозерский С.К. — 41, 50, 121, 126, 127
 Белоцветов С.А. — 261
 Бенингсен — 86
 Бер Н.А. — 90, 430
Берг Б.П. — 393-396, 421, 490
 Бермондт-Авалов П.Р. — 74, 224, 259
 Берн А.Н. — 180
 Бернацкий М.В. — 364
 Берхман Г.Э. — 23, 25-28
 Бибинов В.Л. — 200, 201
Бибинов Г.Е. — 128-131, 185, 200, 201, 230, 290, 331, 340
 Бирих — 324
 Благовещенский — 116
Бобошко Л.А. — 132-135, 228, 303, 304, 356-358, 367, 369
 Бобриков К.Н. — 201
 Богданов В.А. — 273
 Божо Эмиль — 406, 413
 Бок — 150
Болгурцов Б.Н. — 443
 Болдырев В.Г. — 419
 Болховитинов Л.М. — 15, 25, 32, 33
 Болье Вальтер Шарль — 66
 Боуллер Я. — 42
 Борель В.М. — 485
 Бортневский В.Г. — 485
 Бредов Н.Э. — 23
 Бринкман Август — 185
 Брусилов А.А. — 109, 328, 329, 347, 360, 448, 488
 Бугсгевден А.А. — 40
 Будберг Н.А. — 322
 Букретов Н.А. — 25, 75
Булак-Балахович С.М. — 12, 70, 105, 122, 123, 136-142, 152, 160, 179, 300, 331, 333, 339, 432, 489
 Бунаков Н.Н. — 242
 Бутвиловский С.А. — 395, 448
Бушен Г.В. — 114, 143-145
 Быков А.Н. — 72, 83, 188, 414
 Быков П.И. — 118

В

Валь В.В. — 146-148, 180, 211, 332
 Вальден Р. — 59
Вандам А.Е. — 71, 75, 149-153, 200, 240, 252, 272, 273, 275-278, 281, 282, 299, 336, 355, 433, 471, 476, 489
 Варсонофий — 384
 Васильев И.П. — 377, 396
 Васильченко И.М. — 217
 Васильчиков — 309
 Вебер С.Ф. — 83
Велио В.И. — 154-156
Верховский С.З. — 157, 158
 Веселозоров Б.П. — 21, 113
Ветренко Д.Р. — 10, 12, 75, 80, 87-90, 137, 159-166, 185, 213, 282, 292, 294, 295, 300, 301, 318, 319, 331, 338, 339, 341, 342, 379, 382, 430, 448, 467, 489, 492
 Видякин — 75, 94, 164, 228, 292, 331-332, 335, 475-479, 489
Вилькен П.В. — 167, 169, 309-311, 314, 401, 425, 433, 492
 Вильсон — 106
 Вильсон Г.А. — 309, 310
 Витгефт — 307
 Витковский В.К. — 364
Владимиров А.В. — 9, 68, 77, 80, 100, 103, 105, 107, 141, 170-182, 195, 196, 239, 240, 296, 315, 353, 373, 402, 420, 435, 491
 Власов А.А. — 150, 198
 Воеводский С.А. — 114
 Волконский В.М. — 40
 Воробьев Н.М. — 31
 Воронович — 375
 Воронцов — 31
 Воронцов-Дашков — 28-29
 Врангель П.Н. — 134, 242, 263, 202, 288, 289, 303, 348, 349, 437, 442, 445
 Вырголич — 73, 74, 224, 259, 371

Г

Гавришенко А.Н. — 190, 345, 397, 398
 Гальдер Франц — 483
 Гарденин М.Ф. — 39, 40, 59, 72, 79, 107, 427, 429
 Гарднер — 107
 Гартман Б.Е. — 215, 287, 289, 437
 Геллат — 106, 142

Гельпер — 233
 Геништа Б.Д. — 201
 Геннингс В.А. — 185
Георг Ф.А. — 183-186, 230
 Геринг А.А. — 201, 244, 437
Герман Ю.П. — 9, 78, 81, 83, 97, 98, 179, 182, 241, 345, 391, 398, 406, 407, 414, 435, 492
 Германович В.А. — 420
 Гермониус Э.К. — 172, 313
 Геруа А.В. — 20-21, 115, 426, 492
 Геруа Б.В. — 68, 97, 171, 172, 174, 409-411, 416, 449
 Гершельман А.С. — 162, 272, 334, 343, 432, 433, 444
 Гинденбург — 257, 376
 Гирс А.А. — 219
 Гирс М.Н. — 430
 Гиттис В.М. — 92, 95, 430
Глазенап П.В. — 100, 102, 105, 133, 141, 144, 148, 153, 156, 162, 175, 180-182, 231, 234, 235, 240, 296, 326, 347, 355, 383, 492
Голиков Д.Л. — 395, 435, 436, 448, 450
 Голицына М.П. (Родзянко) — 327
 Гольц — 73, 257-258
 Гопнер — 65
 Горбатовский В.Н. — 54
 Горн В.Л. — 72, 106, 138, 141, 142, 175, 273, 312, 361, 431, 432, 434, 435, 436, 443
 Гоф — 59, 68-70, 138, 258, 311, 363
Гоштовт Г.А. — 199-203, 272, 285
 Граф Г.К. — 309
 Грезин И. — 436, 450
 Греков Б.Д. — 483
 Гржебин В.И. — 427, 436
 Григорьев — 94, 95, 124, 213
 Гриппенберг — 20
 Гроссен Г.И. — 102, 166, 231, 431, 433, 438
 Грюнвальд — 129, 292, 377
 Гукасов А.О. — 116, 364
 Гулевич А.А. — 90, 202
 Гуль Р.Б. — 434
 Гулькевич К.Н. — 43, 56, 61, 430
 Гумилев Л.Н. — 483
 Гурко В.И. — 411
 Гусев В. — 38, 454, 468-470, 493
 Гучков А.И. — 37, 237, 349, 353
 Гюзе — 24, 30
 Гюрстель — 141

* Составлен И.Ю. Домниной, Н.Д. Егоровым

Д

Даль В.И. — 18
 Данилевский Г.А. — 38, 55
 Данилов А.Д. — 10, 87, 162, 185, 230, 263, 290–292, 333, 377
 Данилов Ю.Н. — 115, 116
 Дараган Д.И. — 433
 Делаво — 43
Делль Р.Ф. — 162, 204–207, 379, 459, 464
 Деникин А.И. — 23, 43, 45, 46, 52, 53, 85, 100, 103, 127, 172, 174, 175, 216, 233, 240, 252, 257, 289, 344, 350, 355, 406, 427, 432, 445, 453, 486–488
Дзержинский А.Ф. — 123, 138, 148, 186, 208–214, 230, 231, 273, 331, 334, 492
Дитерихс В.В. — 77, 81, 393, 394, 398, 420, 399–402, 492
 Дитерихс М.К. — 114
 Довгирд — 27
Долгоруков А.Н. — 85, 94, 123, 124, 156, 213, 215–219, 295, 339, 341
 Доманевский В.Н. — 410
 Домнин И.В. — 493
Драгилев В. — 95, 429, 430
 Драгомиров А.М. — 114, 174, 175, 364
Драке В.Л. — 220, 221
 Драценко Д.П. — 22, 23, 26–27, 29, 75, 114, 188, 256–259, 265, 266, 302, 303, 321–322, 331, 438, 446, 489
 Дроздовский М.Г. — 482
Думова Н.Г. — 361, 428
 Дуров Б.А. — 351–352
 Дыбенко П.Е. — 483
Дыдоров К.Н. — 10, 86, 89, 153, 222–228, 357, 382, 430, 441, 470, 476, 492, 493
 Дьяков — 404
 Дюкс Поль — 188, 401

Е

Ежевский К.А. — 103, 123–124, 161, 185, 229–231, 339, 438, 492
 Елизаров А.Н. — 77, 401
 Еремеев — 472

Ж

Жданков И.Н. — 49
 Жемчужникова А.Н. — 21
 Журавлев — 479

З

Завойко — 83, 288
 Зайцов А.А. — 364
Зайцов В.А. — 38, 50, 78, 232–234, 291, 300
 Зарубаев Н. — 280
 Засулич — 417
 Звегинцов В.Н. — 440
 Зеект — 257
 Зейдлиц — 248, 277, 336
 Зеленый А.П. — 400
 Зелерт — 474
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. — 78, 83, 188, 394–396, 406, 414, 448, 463
Злобин М.А. — 79, 403, 404, 413
 Зуров Л.Ф. — 264, 453, 468, 469, 474, 480

И

Иванов Н.И. — 35
Иванов П.И. — 235, 307
 Игнатов И.И. — 390
 Игнатъев Н.Н. — 410
 Изергин М.И. — 110
 Ильин И.А. — 487
 Иоффе А.А. — 440
 Ислам-паша — 25
 Истомина Н.М. — 418

К

Кавтарадзе А.Г. — 15, 251, 439, 440, 450
 Кайзерлинг — 266
Какури Н.Е. — 8, 82, 94, 408, 429, 430
 Калитин П.П. — 418
 Каменев С.С. — 12, 91, 92, 95
 Каменский А.С. — 202
 Камимура — 397
 Каншин П.П. — 329
 Караулов — 22
 Карпов В.И. — 79, 82, 97, 190, 412, 414, 429, 448, 480, 481
 Карсон — 217, 295
 Карташев А.В. — 52–54, 59, 70, 77, 169, 188, 238, 242, 310, 361, 363, 413, 435, 446, 490
 Кауфман-Туркестанский — 202
 Кашинский П.А. — 324
 Кедров М.А. — 312, 370, 446
 Кейтель — 198
 Келлер Ф.А. — 74, 151, 216

Кеппен А.Г. — 212
 Керенский А.Ф. — 37, 134, 196, 237, 289, 349–351, 445
Кирденцов Г.Л. — 175, 176, 434
 Кистер — 299
 Клайв Р. — 42
 Клейст — 150, 272
 Ключевский В.О. — 18
 Ключников Ю.В. — 434
 Кнютфер — 336
 Козлов — 481
 Коломийцев — 309
 Колупаев Р. — 384
 Колтышев П.В. — 484, 486
 Колчак А.В. — 6, 7, 37, 39, 44, 47, 52, 53, 56–58, 60, 67, 69, 98, 100, 103, 127, 167–169, 195, 296, 310, 311, 313, 315, 344, 391, 392, 401, 402, 406, 427, 428, 443, 481, 487, 488
 Колчак С.Ф. — 108, 313
Кондзеровский П.К. (Кондырев) — 12, 35, 54, 72, 76, 110, 111, 176, 181, 191, 236–244, 252–353, 372, 373, 402, 429, 439, 440, 446
 Коноплин — 265
 Копыловский Б.Ф. — 420
 Корвин-Круковский А.В. — 194
 Кореновский — 481
Корнатовский А.С. — 187, 179, 416, 429, 435, 449
 Корнилов Л.Г. — 20, 45, 193, 238, 287–289, 348, 350, 442, 445
 Костанда — 336
 Котен — 401
 Котомкин — 263
 Коуэн В. — 206
 Кочержевский — 22
 Красин Л.Б. — 440
 Краснов П.Н. — 103, 175, 194, 239, 289
 Криницкий Е.И. — 399
 Криночкин — 396
 Кром Ф.А. — 87, 394, 401
Крузенштерн К.А. — 68, 70, 103, 122, 155, 245, 246, 492
Крузенштерн О.А. — 148, 211, 247–249, 332, 336, 353
 Крыжановский Н.Н. — 390, 430, 447
 Крымов А.Н. — 289, 348–351
 Крюков В.Н. — 469
 Кузьмин-Караваев В.Д. — 54, 70, 71, 242
 Кузьмин-Караваев Д.Д. — 86, 92, 111, 430, 437, 442

Куприн А.И. — 94, 194, 430, 436
 Кур — 324
 Куражев — 332
 Кусаков С.А. — 88, 164, 165, 206, 221, 235, 467
 Кутепов А.П. — 194, 243, 266
Кутузов В.А. — 402, 429
 Кюри И.П. — 9, 79, 80, 97, 178, 189, 269, 391, 392, 404, 414–416, 424, 425, 429, 448

Л

Лайдонер — 6, 48, 58, 67, 69, 71, 99, 100, 122, 130, 137, 139, 141, 148, 210, 211, 248, 283, 284, 290, 332, 335, 336, 339, 378, 428
 Лампе А.А. — 263, 264, 266, 426, 441, 484
 Лашкарева (Рутченко) Н.П. — 482
 Лацис М.И. — 38, 412
Лебедев Г.И. — 53, 81, 82, 91, 97, 98, 188, 189, 191, 405–407
 Лебедев П.В. — 192
 Лебедев П.П. — 91
 Левстром — 41, 230
 Лейман К.С. — 474, 492, 493
 Лейхтенбергский Г.Н. — 263
 Ленин (Ульянов) В.И. — 380
 Ленц — 180
Леонтьев М.Е. — 113, 250–253,
 Леонтьев В.К. — 309
 Лехович В.А. — 202
 Лечицкий П.А. — 209, 230, 287, 360
 Леш Л.П. — 409
 Лианозов С.Г. — 54, 55, 69–71, 101, 175, 246
Ливен А.П. — 7, 38, 48, 73, 78, 110, 111, 158, 190, 200, 223–225, 228, 254–267, 321, 324, 331, 357, 371, 398, 407, 429, 432, 433, 440, 441, 444, 470, 475, 476, 492
 Линде Б.Б. — 150
 Литвинов М.М. — 440
 Лихтерман А.Я. — 81, 189, 190, 407
 Лич Ф.Ф. — 39
 Лишин С.А. — 190, 395, 420, 421
 Лодыженский А.И. — 79, 429
 Ломан — 478, 479
 Ломновский П.Н. — 109, 216, 217
 Лотов М. — 355
 Лошинин Н.И. — 205, 337, 454, 457, 469

Лукаш И.С. — 261
Лушков А.Н. — 181, 268–270, 310, 311, 313, 316, 481
Любимов В.В. — 91, 226
Любомирская М. — 51
Людингаузен-Вольф Н.Е. — 271–273, 492
Людеквист В.Я. — 8, 49, 53, 79, 81, 82, 96, 97, 189, 391, 395, 408–416, 420, 429, 490, 492
Люттов А.А. — 96
Львов Г.Е. — 69, 364

М

Макензен — 222, 257
Малевинская М.Е. — 390, 447, 448
Малявин Б.С. — 63, 75, 151–153, 273, 274–279, 282, 336, 441, 489
Маннергейм К.К. — 6, 7, 38, 40–42, 44, 50, 51, 54, 57, 59, 61, 90, 122, 126, 311, 427
Мантейфель — 223, 258
Манштейн — 65
Маргулис М.С. — 70, 180, 210, 239, 246, 312, 362, 372, 427, 434, 436, 443, 446
Марков С. — 45, 81
Марушевский В.В. — 353, 445
Марч (Марш) — 70, 72, 139, 188, 239, 311
Маслов — 351
Масловский Е.В. — 9, 22, 23, 29, 32, 37, 75, 108, 109, 112–116, 316, 426, 431, 484, 488, 489
Махин Ф.Е. — 182, 196
Махмуд-Кемиль-паша — 30
Махров П.С. — 486
Медведев — 34
Медиокритский В.Е. — 81, 94, 394, 417–421, 492
Мейзер — 34
Мельгунов С.П. — 434, 447, 484
Мигулин П.П. — 114
Миллер Е.К. — 113, 114, 116, 125, 127, 145, 172, 178, 251, 252, 339, 353, 364, 441
Минут В.Н. — 237
Мищенко П.И. — 120, 365
Моисеев — 401
Морозов В.И. — 65, 490
Муратов П.П. — 116
Мышлаевский А.З. — 22, 25, 26, 28, 236

Н

Надежный Д.Н. — 50, 67, 89, 91, 96, 166, 226, 291, 293, 334, 379, 382, 427–429, 442, 447, 453
Науом А.Н. — 114
Неклюдов Н.Н. — 66, 205, 206, 337, 437, 452, 453, 454–468, 475, 481, 493
Нелидов Д.Д. — 152
Ненуков — 307
Непенин А.И. — 397, 400
Неф Г.Г. — 6, 48, 73, 122, 129, 136, 147, 151, 152, 160, 200, 210, 272, 280–285, 331, 492
Никитенко — 49, 412
Никифоров — 151, 152
Николаев А.П. — 290
Николай II — 36
Николай Николаевич, Великий Князь (Романов) — 31–32, 34, 36
Ниссель — 100, 135, 296–297, 304, 305
Нобель — 46
Новицкий В.И. — 52, 54, 77
Новицкий Г.И. — 238, 361, 362, 439, 446
Новогребельский К.С. — 175–177, 182, 491
Носке — 257
Ностиц Г.И. — 408
Нуленс (Noulens) Ж. — 351, 352

О

Одинцов С.И. — 80, 87, 92, 93
Озоль — 138
Олохов В.А. — 409
Ольдерогге В.А. — 420
Орехов В.В. — 113, 114, 156, 305, 364, 446, 484

П

Пален А.П. — 58, 64, 86, 103, 122, 129, 131, 133, 134, 144, 161, 164, 185, 195, 196, 207, 212, 224, 230, 234, 255, 284, 286–297, 300, 303, 321, 333, 335, 337, 340, 343, 347, 367, 376, 377, 379, 472, 475, 492
Палеолог Морис — 36
Палицын Ф.Ф. — 33
Пастухов — 388
Паулин — 82, 189, 414
Пепеляев В.И. — 55, 69, 446

Пермикин Б.С. — 58, 86, 87, 95, 96, 123, 133, 139, 152, 186, 196, 213, 227, 228, 234, 227, 228, 234, 276, 282, 296, 298–305, 331, 380, 383, 480
Петриченко — 192, 314
Петровская М.И. — 188
Пешков А.С. — 72
Пилаберг Розалия — 242
Пилкин В.К. — 6, 9, 33, 45, 47–49, 54, 56, 59, 62, 72, 97, 105, 108, 117, 168–170, 181, 195, 233, 268, 269, 306–317, 318, 369, 370, 386, 388, 390, 391, 392, 426, 430, 441, 443, 446, 447, 480, 488, 491, 492, 493
Пилкин К.П. — 306
Пиотровский — 82, 189, 414
Пирумов — 34
Писарев П.К. — 194
Питка И. — 130, 207, 467, 481
Пишон — 43
Плен П.Н. — 390, 430
Плюссинг — 141
Поволоцкий — 442
Покотило Н.А. — 38, 40, 79, 105, 107, 141, 262, 316
Покровский В.Л. — 82, 288, 481
Полтавцев — 114
Поляков — 248
Попов — 287
Постовский П.И. — 109
Потоцкий Д.Н. — 257, 265
Празмовский А. — 318
Празмовский Г.А. — 189–191, 318, 319, 345
Пржевальский М.А. — 27, 31
Пунин — 136, 137
Пускар В. — 138, 141

Р

Раден Ф.В. — 94, 225, 227, 266, 302, 320–322, 443, 474, 492
Радивинич — 233
Развозов А.В. — 83, 311, 389, 391
Раковский Х.Г. — 440
Рар В.Ф. — 223, 323, 324, 443, 444,
Раскольников (Ильин) — 389
Рейтер Н.Э. — 81, 82, 189
Ренненкампф П.К. — 120
Репьев М.И. — 364
Рерих Б.К. — 482
Рерих Н.К. — 482
Римский-Корсаков В.В. — 323
Рогожинский П.Л. — 325–326

Родзянко А.П. — 54, 58, 62–66, 71, 72, 74, 83, 88, 122, 129–131, 137, 138, 148, 161–165, 185, 200, 206, 207, 211, 212, 217, 218, 230, 247, 248, 255, 277, 278, 284, 290–293, 295, 299, 300, 327–344, 361, 363, 366, 376, 380, 408, 412, 428, 429, 431, 433, 437, 438, 441, 444, 453, 454, 465, 466, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478, 480, 481, 489, 492
Родзянко М.В. — 327
Родзянко П.В. — 327
Родионов — 404, 414
Розенберг В.Г. — 147, 150, 200, 272, 275, 277, 282, 284
Розенгольц А. — 414
Розеншильд-Паулин В. — 201, 202
Розенштейн Г. — 266
Романов И.М. — 345
Романов С.И. — 190, 191, 319, 345
Романовский С.Г. — 484
Росевич — 475
Ростов Л.Н. — 89
Рузский Н.В. — 35
Рузский — 411
Румянцев П.А. — 488
Рупасов А.И. — 427, 428
Рутченко Н.А. — 482
Рутыч-Рутченко Н.Н. — 482–493
Рутченко (Талызина) А.А. — 15, 110, 491
Рыбаков М.В. — 430
Рылько — 233
Рыльский — 343
Рябиков П.Ф. — 115
Рябцев — 323

С

Савинкин А.Е. — 10
Савинков Б.В. — 134, 142, 181, 196, 303–304, 383, 447
Савич Н.В. — 486
Сазонов С.Д. — 36, 44, 55, 56, 60, 69, 90, 106, 142
Саламанов С.Н. — 130, 346, 347, 491
Саламатин Н.Н. — 212
Самарин С.Н. — 76, 101, 237, 240, 348–355
Самсонов А.В. — 109, 205
Сапожников (Лямин) А.А. — 178, 179, 189
Саранчев А.М. — 18
Сафонов С.Л. — 201, 202
Сахаров Н.И. — 79, 422

Свечин А.А. — 488
Свечин М.А. — 118
Свинхувд — 40
Седачев — 375
Селиванов — 375
Селлинг С.А. — 401, 448
Семёнов-Тянь-Шанский Н.Д. — 270
Семенов Г.М. — 136
Симанский П.Н. — 152, 210
Синклер — 129, 200, 255, 331
Сияльский — 114
Скобелев М.Д. — 488
Скоропадский П.П. — 160, 216, 325, 356
Слюсаренко В.А. — 25
Смирнов В.М. — 79, 423
Смирнов К.К. — 136, 151, 200, 263, 276, 282, 433, 436, 442
Смирнов М.И. — 47
Смолин А.В. — 177, 430, 431, 434, 437, 439
Соболевский М.Я. — 133, 224, 265, 356–358, 369, 445
Солженицын А.И. — 447, 485
Солодухин В.И. — 38, 49, 85
Солоневич И.Л. — 198
Солоницын В.И. — 395, 485
Стенбок П.М. — 150, 272
Степанов В.А. — 53
Стеценко К.В. — 309
Стогов Н.Н. — 53, 364
Стокс (Постовская) О.П. — 109
Столыпин А.П. — 484
Столыпин П.А. — 485
Стольберг — 7, 51, 62
Стороженко — 206, 293, 337, 379, 394, 453
Стоякин — 138, 300
Струве П.Б. — 52, 53, 54, 192, 238, 310, 361, 363, 436, 446
Ступин В.В. — 53
Стучка П.И. — 157
Суворин А.С. — 149
Суворов А.В. — 10, 488
Суворов М.Н. — 52–54, 59, 70, 71, 242, 246, 359–364, 413, 428, 446
Сукин И. — 69
Сулковский — 144
Scott Collum — 173

Т

Таврин — 233
Таганцев В.Н. — 53, 81–83, 97, 188–189, 191, 192, 406, 407, 445

Тополайнен — 130
Тарковский В.И. — 413
Тарле Е.В. — 483
Тарусский Е.В. — 446
Таубе Г.Н. — 430
Теннисон — 99, 100, 106
Термен — 114
Теслоф — 44
Тимановский Н.С. — 194
Тимирев С.Н. — 308, 389, 443, 447
Тинченко Я. — 78
Томилова Н.А. — 178
Томилов П.А. — 43, 64, 66, 74, 83, 101, 106, 110–114, 174, 178, 200, 427–429, 431, 434, 489
Трепов А.Ф. — 40, 43
Тресков — 150
Третьяков — 248
Троцкий Л.Д. — 89, 414, 461
Троцкий-Сенюкович В.Н. — 54
Трубецкой — 114
Трусов В.А. — 133, 303, 365–367, 491
Тубянский М. — 483
Тунцельман А.А. — 42
Туркул А.В. — 364
Тыртов Д.Д. — 356, 368–370

У

Улагай С.Г. — 194
Умберто II — 482
Унгерн-Штернберг — 377
Уншлихт И.С. — 182
Уперов В.В. — 252
Урицкий — 39
Усвер — 400

Ф

Федоров М.М. — 53, 363, 486
Ферсман — 462
Филатьев Д.В. — 19, 108, 113, 114, 426
Филиппео И.М. — 70, 210
Флетчер — 256
Фок А.В. — 364
Форостовский П.П. — 54

Х

Харламов С.Д. — 12, 80, 91, 92, 95, 166, 226, 295, 382, 421, 429
Ходнев — 235
Хольмсен И.А. — 197, 198
Хольсти Г. — 61

Хоменко — 37
Хомутов — 130, 248
Хомьяков — 161

Ц

Цельминь Г. — 227, 265, 438, 443

Ч

Чайковский Н.В. — 351, 352
Чаплин Г.Е. — 351
Червен-Водали А.А. — 53
Черчилль Питер — 483
Черчилль Уинстон 43, 102, 107, 171, 172
Четвертухин Б.М. — 310
Чичерин Г.В. — 434, 440
Чурин М. — 19, 21

Ш

Шатилов П.Н. — 23, 75, 111–114, 197, 251, 364
Шатов В. — 414, 453
Шведов В.Г. — 191, 192
Шевцов А.А. — 347, 352
Шеллендорф Бронсар — 24
Шидловский — 350, 351
Шидловский М.М. — 396, 420, 421
Шинкаренко Н.В. — 364
Шишко — 141
Шмидт А.А. — 269, 314, 426, 481
Штейнингер В.И. — 49, 53, 54, 77, 83, 191, 361, 406, 412, 413
Штейфон Б.А. — 23, 26, 29, 32, 34, 75, 115, 117, 426, 431, 488
Шуберский В.П. — 54
Шувалов граф — 139, 289
Шульгин В.В. — 196
Шульце — 114

Щ

Щепкин Н.Н. — 53
Щербачев Д.Г. — 43, 67, 109, 279
Щуровский — 332, 474, 475, 478, 479

Э

Эдуард VII — 327
Эйшинский Ф.Г. — 138
Эльснер Л.Н. — 401, 448
Энвер-паша — 22, 24, 27
Энкель О.К. — 41, 90
Эрдели И.Г. — 23, 125, 364

Эристов А.Н. — 201, 202
Эрнрут Л. — 60
Этьеван — 90, 106
Эшольц — 256

Ю

Юденич Н.Н. — 5–10, 12, 18–117, 97, 122–124, 126, 131, 139, 141, 142, 145, 153, 166, 168–170, 172–174, 178–180, 186–189, 191, 195, 196, 200, 211, 213, 214, 218, 224, 227, 233, 237–243, 247, 248, 251, 252, 257, 259–264, 269, 277–279, 285, 292–295, 302, 306, 309–313, 316, 333, 340, 341, 343, 353, 355, 361–363, 369, 372, 373, 382, 391, 392, 396, 401, 402, 404, 406, 413–415, 418, 420, 421, 424–426, 428, 429, 432, 433, 435, 440, 441, 443, 445, 448, 449, 452, 454, 466, 467, 468, 470, 471, 475, 487, 488, 489, 490, 491
Юринэ Т. — 283
Юркевич М.В. — 469

Я

Янов Г.Д. — 170, 239, 244, 259, 371–373
Янушкевич Н.Н. — 237
Ярон А.Н. — 152
Ярославцев М.В. — 66, 73, 78, 86–89, 96, 111, 164, 206, 207, 234, 266, 278, 292, 293, 300, 301, 303, 333, 336, 338, 339, 374–384, 381, 430, 433, 437, 441, 442, 444, 447, 472, 492
Яхонтов А.Н. — 109, 110, 114, 431

Содержание

Стратегический замысел Главнокомандующего 5

Юденич. Биографический очерк..... 17

Биографии чинов Северо-Западной армии

Арсеньев Е.К.	120
Князь Белосельский-Белозерский С.К.	126
Бибиков Г.Е.	128
Бобошко Л.А.	132
Булак-Балахович С.М.	136
Бушен Г.В.	143
Фон Валь В.В.	146
Вандам (Едрихин) А.Е.	149
Барон Велю В.И.	154
Верховский С.З.	157
Ветренко Д.Р.	159
Барон Вилькен П.В.	167
Владимиров А.В.	170
Георг Ф.А.	183
Герман Ю.П.	187
Фон Глазенап П.В.	193
Гоштовт Г.А.	199
Делль Р.Ф.	204
Дзержинский А.Ф.	208
Князь Долгоруков А.Н.	215
Драке В.Л.	220
Дыдоров К.И.	222
Ежевский К.А.	229
Зайцов В.А.	232
Иванов П.И.	235
Кондзеровский (Кондырев) П.К.	236
Фон Крузенштерн К.А.	245
Фон Крузенштерн О.А.	247
Леонтьев М.Е.	250
Светлейший князь Ливен А.П.	254
Лушков А.Н.	268
Барон Людинкгаузен-Вольф Н.Е.	271
Малявин Б.С.	274
Фон Неф Г.Г.	280

Граф фон дер Пален А.П.	286
Пермикин Б.С.	298
Пилкин В.К.	306
Пражмовский Г.А.	318
Барон Раден Ф.В.	320
Рар В.Ф.	323
Рогожинский П.Л.	325
Родзянко А.П.	327
Романов С.И.	345
Саламанов С.Н.	346
Самарин С.Н.	348
Соболевский М.Я.	356
Суворов М.Н.	359
Трусов В.А.	365
Тыртов Д.Д.	368
Янов Г.Д.	371
Ярославцев М.В.	374

Биографии участников подготовки восстания в Петрограде

Бахирев М.К.	386
Берг Б.П.	393
Гавришенко А.Н.	397
Дитерихс В.В.	399
Злобин М.А.	403
Лебедев Г.И.	405
Люндеквист В.Я.	408
Медиокритский В.Е.	417
Сахаров Н.И.	422
Смирнов В.М.	423
Шмидт А.А.	425
Примечания 426	426

Приложение

Красная Горка в воспоминаниях участников восстания.....	452
<i>Н. Неклюдов</i> . Трагедия Красной Горки.....	455
<i>В. Гусев</i> . Восстание на «Красной горке»: первый день.....	468
Из писем К.И. Дыдорова св. кн. А.П. Ливену.....	470
<i>К. Лейман</i> . Рецензия на «Воспоминания» Родзянко.....	474
Из дневника адмирала В.К. Пилкина.....	480
<i>И. Домнин</i> . Николай Рутыч и его новая книга.....	482
Указатель имен.....	494

От лица замученной низостью и предательством, но уже оживающей Родины, выражаю глубокую благодарность всем чинам Армии, которые в самые мрачные дни нашего государственного существования бесстрашно несли на алтарь Отечества свою могучую волю, свои организаторские дарования, здоровье и силы. Вечная память тем, кто с непоколебимой верою в величие Русского народа положили жизнь свою за братьев своих.

Генерал Н.Н.Юденич

ISBN 5-85887-130-5

9 785858 871309 >